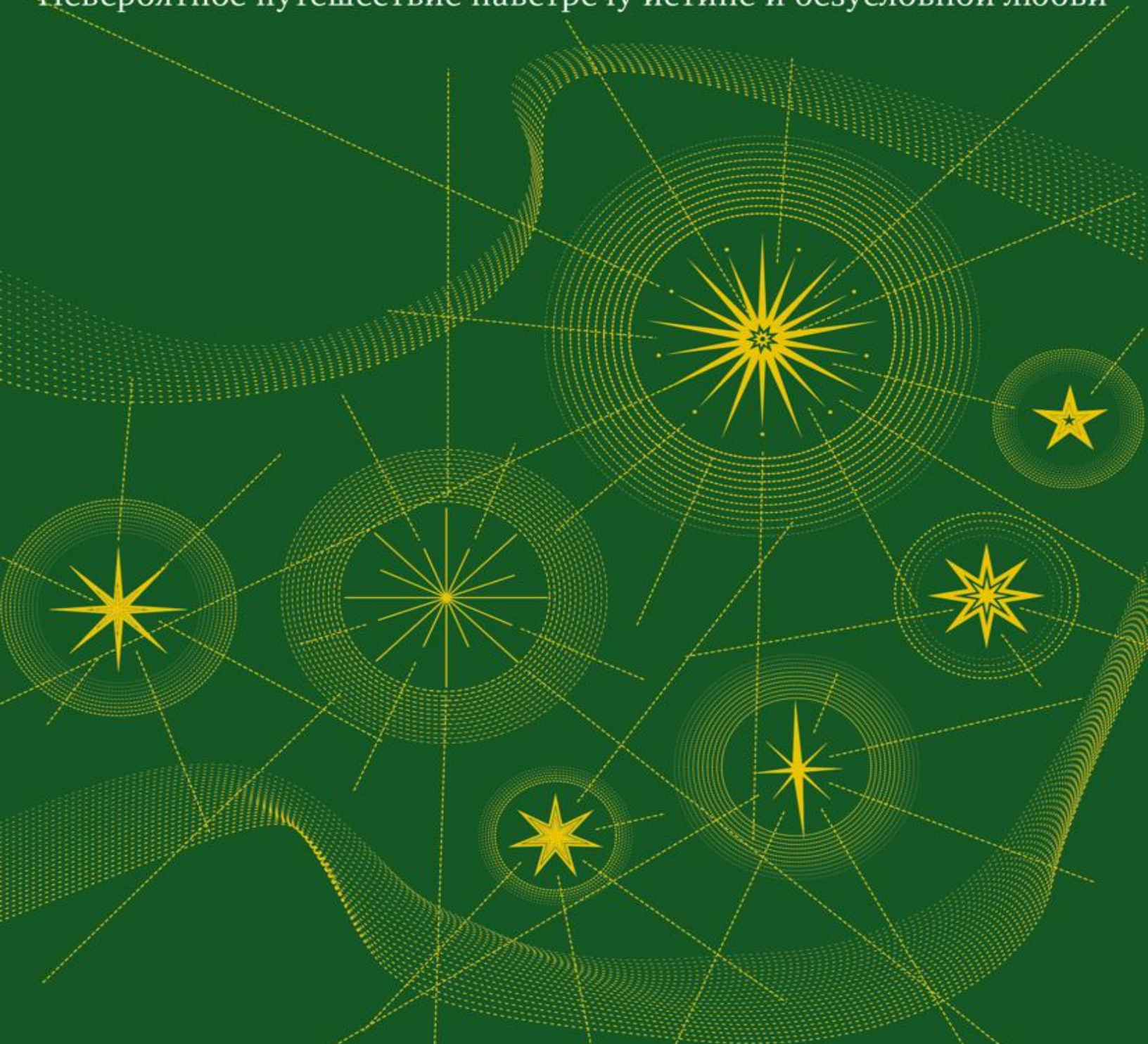

Люсинда Райм

Невероятное путешествие навстречу истине и безусловной любви

СЕМЬ СЕСТЕР

★ СЕСТРА ТЕНИ ★

Люсинда Райли

Невероятное путешествие навстречу истине и безусловной любви

СЕМЬ СЕСТЕР
★ СЕСТРА ТЕНИ ★

Annotation

Астеропа Деплеси, или просто Стар, как называют ее близкие, стоит перед непростым выбором. Всю жизнь она была неразлучна с младшей сестрой Сиси, они вместе путешествовали и строили планы на будущее.

Но смерть Па Солта, приемного отца, сильно повлияла на Стар. Па Солт оставил ей подсказки, разгадав которые Стар сможет бесповоротно изменить свою жизнь и отыскать истинную семью.

Так Стар оказывается в Лондоне, отправной точке своего долгого путешествия.

Ее ждут аристократы прошлого, истории о любви и таланте, невероятный Озерный край, а также встреча с кем-то очень важным. Встреча, которая изменит все.

- [Люсинда Райли](#)

-

- [Часть I](#)

- [Стар](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [Флора](#)

-

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [Стар](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
- [Часть II](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
- [Стар](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
- [Флора](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
- [Стар](#)
 - [40](#)

- [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [Сиси](#)
 -
 - [46](#)
 - [Благодарность](#)
 - [Библиография](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Люсинда Райли
Семь сестер. Сестра тени

Часть I

*Но опасайтесь слитности своей,
Ветрам небес оставьте промежуток,
И пусть они танцуют между вами.*

Халиль Джебран. «Пророк»^[1]

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт (Папа-Соль) – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер, капитан катера

Сестры Делеси

Плеяды

*(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие
Плеяд)*

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Стар

Июль 2007 года

Astrantia major (Астранция крупная, или Звездовка большая, – семейство Зонтичные)

Название растения происходит от латинского слова «звезда»

До конца своих дней буду помнить, где находилась и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца...

Перо мое зависло над чистым листом бумаги, а сама я, прищурившись, глядела на июльское солнце. Точнее, на скромные лучики, которым удалось пробиться сквозь стену из красного кирпича в нескольких ярдах от меня и просочиться в окно. Все окна нашей крохотной квартирки упирались в эту глухую стену, а потому даже сегодня, несмотря на прекрасную солнечную погоду на улице, в квартире было темно. Как же это непохоже на Атлантис, дом моего детства на берегу Женевского озера.

Помнится, я застыла на месте как вкопанная, когда Сиси возникла на пороге нашей маленькой и довольно убогой гостиной, чтобы сообщить мне страшную новость: Па Солт умер.

Я положила ручку на стол и поднялась, чтобы налить себе из-под крана стакан воды. Вода была тепловатой на вкус и даже слегка вязкой, что и не удивительно в такую-то жару, но я осушила стакан залпом, с жадностью и до дна, при этом отлично осознавая, что мне совсем не хотелось пить. Наверное, в то мгновение мне надо было хоть чем-то заглушить свою боль, растворить ее в воде, что ли. Кстати, интересную мысль подкинула мне позже Тигги, моя младшая сестра, когда мы встретились с ней уже в Атлантисе, куда собрались, получив известие о смерти отца.

– Моя дорогая Стар, – сказала она мне, когда мы вместе с остальными сестрами отправились покататься на катере по Женевскому озеру, чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей и забыть на какое-то время о постигшем всех нас горе. – Знаю, тебе сейчас очень трудно говорить о собственных чувствах. Понимаю всю глубину твоей боли. А что, если ты попытаешься излить все обуревающие тебя чувства на бумаге? Попробуй, мой тебе совет. Вдруг получится что-то стоящее.

Пару недель тому назад, возвращаясь домой из Атлантиса, я уже на борту самолета вдруг вспомнила слова Тигги. И вот сегодня утром

наконец решилась приступить к исполнению ее наказа.

Я снова вперила взор в кирпичную стену и подумала, что эта глухая стена как нельзя лучше иллюстрирует мою нынешнюю жизнь. Отличная метафора, улыбнулась я собственным невеселым мыслям и перевела взгляд на выщербленный деревянный стол, который наш скаредный хозяин наверняка подобрал на какой-нибудь свалке или бесплатно заполучил в магазинчике, торгующем подержанными вещами. Я уселась за стол и взяла элегантную перьевую ручку, подарок Па Солта на мой двадцать первый день рождения.

– Но начну я точно не со смерти папы, – произнесла я вслух, обращаясь сама к себе. – Нет, я начну с того момента, как мы с Сиси приехали сюда, в Лондон...

Громко хлопнула входная дверь. Моя сестра Сиси. Она ведь ничего не умеет делать тихо. Глядя на нее со стороны, складывается впечатление, что взять чашку с кофе и просто поставить ее на стол выше ее сил. Нет, надо обязательно громко стукнуть чашкой о поверхность стола, попутно расплескав вокруг все содержимое. А еще, как мне кажется, Сиси и понятия не имеет, как следует разговаривать в помещении. Всенепременно станет кричать во все горло, на полную мощь своих легких. И так было всегда, сколько я себя помню. Когда мы были маленькими, Ма даже решила проверить, все ли у малышки в порядке со слухом. Разумеется, все было в полном порядке. Более того, у Сиси оказался на редкость превосходный слух. Как говорится, о лучшем и мечтать не приходится. И со мной тоже, как выяснилось, все было в норме, когда годом спустя Ма озаботилась уже тем, чтобы проверить меня у логопеда. Чтобы он удостоверил, что не так с моей речью, уж больно я молчаливая.

– У вашей девочки все слова в ее головке, – успокоил Ма терапевт. – Но она пока предпочитает не произносить их вслух. В один прекрасный день она обязательно заговорит... когда почувствует, что будет готова...

Дома, чтобы развить у меня речевые навыки, Ма стала практиковать со мной на французском язык жестов и мимики.

– Предположим, тебе что-то нужно. Или ты чего-то хочешь, – терпеливо втолковывала она мне. – Вот так ты можешь выразить свои чувства. А вот так я выражаю все то, что чувствую к тебе прямо сейчас, в эту самую минуту. – Она ткнула пальцем в себя, затем

скрестила обе руки, прижав ладони к сердцу, потом указала уже на меня. – Я – люблю – тебя. Понятно?

Сиси тоже быстро усвоила этот язык, и мы, уже на пару с ней, принялись расширять и дополнять его новыми жестами, приспособивая к своим детским нуждам, а заодно пополняя и всяческими придуманными словечками, которых нет ни в одном языке. Получилась такая гремучая смесь из жестов и всяческой словесной абракадабры. К этому языку мы с сестрой прибегали тогда, когда нам нужно было срочно что-то сказать друг другу, сугубо личное, а вокруг были люди. В такие минуты мы обе получали огромное удовольствие, глядя на озадаченные лица наших сестер, когда я, к примеру, сигнализировала Сиси жестом, посылая ей через стол какой-нибудь озорной комментарий насчет нашего завтрака. И мы обе не могли удержаться от глуповатого хихиканья, созерцая недоумение всех остальных, сидящих за столом.

Оглядываясь в прошлое, я сейчас понимаю, что мы с Сиси были полными антиподами во всем. Мы выросли, и я стала замечать, что чем меньше я говорю сама, тем все громче звучит голосок сестры, озвучивающей якобы мои мысли. И чем чаще она говорила за меня и вместо меня, тем охотнее я отмалчивалась. Так, наши личностные качества стали еще заметнее и выразительнее: я – молчунья, она – говорунья. Впрочем, когда мы были детьми, это не имело никакого принципиального значения. Даже напротив... В семье, где воспитывалось целых шесть девочек, мы с Сиси умудрились образовать между собой особого рода связь.

Да, в детстве это не имело значения. Зато сейчас имеет...

– Угадай с первого раза! Я таки нашла, что хотела! – Сиси вихрем ворвалась в гостиную. – Через несколько недель можно будет переезжать. Правда, там еще кое-что нужно доделать, довести, так сказать, до ума. Но когда все сделают, как надо, и доведут до готовности, будет великолепно. Супер! Боже, как же здесь душно. Не могу дождаться, когда мы наконец отсюда съедем.

Сиси бросилась на кухню. Мне было слышно, как она рывком включила кран на полную мощь. Наверняка при таком напоре струя воды тут же брызнула в разные стороны, залив все рабочие поверхности, которые я тщательно протерла совсем недавно.

– Тебе принести воды, Сия?

– Нет, спасибо, не надо.

Хотя Сиси называла меня так только тогда, когда мы с ней оставались наедине, почему-то с некоторых пор это детское прозвище стало меня раздражать. Сиси придумала его, когда мы с ней были еще совсем маленькими. Помнится, на Рождество Па Солт подарил мне книгу под названием «История Анастасии». В ней рассказывалось о судьбе одной юной девушки, обитавшей в дремучих лесах России. А потом выяснилось, что она не простая девушка, а самая настоящая принцесса.

– А что? Ты у нас тоже хорошенькая, Стар, – рассуждала пятилетняя Сиси, разглядывая картинки в подаренной книге. – Чем не принцесса? Белокурая, голубоглазая... Решено! Я буду звать тебя «Сия». Красиво, да? И подходит к Сиси. Сиси и Сия – близнецы! – Девочка захлопала в ладоши, радуясь собственной придумке.

Много позже я узнала *истинную* историю царской семьи Романовых и всего того, что случилось на самом деле с Анастасией Романовой и ее близкими, и поняла, что ничего сказочного в их истории не было.

Впрочем, к тому времени я уже сама была отнюдь не ребенком. Взрослая молодая женщина двадцати семи лет от роду.

– Уверена, тебе понравится квартира! – прокричала Сиси, снова вернувшись в гостиную и со всего размаха плюхнувшись на старый, неопрятного вида диван. – Я договорилась на завтра. Утром съездим туда, и я покажу тебе наше будущее жилье. Конечно, оно обойдется нам в кучу денег, но, слава богу, сейчас я могу позволить себе такую покупку. Тем более риелтор сказал мне, что сегодня дела в Сити далеко не блестящие. Спрос на недвижимость резко упал. Одним словом, люди не торопятся выстраиваться в очередь на приобретение собственного жилья. Короче, мы с ним поторговались и сошлись на вполне приемлемой цене. Пора нам обеим уже обзавестись приличным домом. Собственным домом...

Пора мне самой начать жить собственной жизнью, подумала я про себя. Но вслух лишь спросила:

– Так ты хочешь *купить* эту квартиру?

– Да, собираюсь. Во всяком случае, если она только понравится тебе, то я точно куплю ее.

Я не нашлась, что сказать в ответ. Сиси сразила меня своей новостью наповал.

– С тобой все в порядке, Сия? Что-то у тебя усталый вид сегодня. Не выспалась, да?

– Нет-нет, со мной все в порядке. – Но, несмотря на все свои старания, я почувствовала, как на мои глаза навернулись слезы. Я вспомнила, как промучилась без сна почти до самого рассвета, терзаясь грустными мыслями об умершем отце. Я все еще не могла смириться с утратой своего любимого Па Солта.

– Понятное дело, ты по-прежнему пребываешь в шоке. В этом вся беда. В конце концов, все случилось совсем недавно. Каких-то пару недель тому назад. Но вскоре тебе полегчает, вот увидишь! Особенно после того, как завтра ты своими глазами увидишь нашу новую квартиру. Эта убогая дыра, в которой мы сейчас обитаем, так давит на тебя. Мне она тоже изрядно действует на нервы, – не преминула добавить Сиси и тут же спросила: – А ты уже контактировала с тем парнем, который курирует кулинарные курсы?

– Да.

– И когда начнутся занятия?

– На следующей неделе.

– Вот и отлично. Тогда у нас еще есть немного времени, чтобы начать подбирать мебель для нового дома. – Сиси неожиданно подскочила ко мне и крепко обняла. – Не могу дождаться того момента, когда ты увидишь его собственными глазами.

* * *

– Ну, что? Разве не фантастика?

Сиси развела руки в разные стороны, словно желая обнять огромное пространство, представшее моему взору. Голос ее прозвучал гулким эхом в пустом помещении. Она подошла к таким же огромным окнам и распахнула одну из стеклянных панелей.

– Взгляни сюда! Вот этот балкон для тебя, – поманила она меня пальцем проследовать за ней. Мы вышли на балкон. Впрочем, слово «балкон» едва ли уместно для описания того, что я увидела. Скорее уж красивая терраса поистине необъятных размеров, нависшая прямо над

Темзой. – Вот здесь ты можешь заниматься своими травками, выращивать всякие цветы. Ты же любила возиться с цветами в Атлантиде, – обронила Сиси, подходя к перилам и окидывая взглядом свинцовые воды реки, раскинувшейся внизу под нами. – Красивый вид, да?

Я молча кивнула в ответ, но Сиси уже заторопилась обратно в комнату, и я тоже поспешила за нею.

– В кухне пока еще нет никакого оборудования, но как только я подпишу все документы на покупку квартиры, можешь принимать бразды правления в свои руки и заниматься обустройством кухни по своему вкусу. Все как тебе нравится... Варочная панель, марка холодильника... Ну, и так далее... Ведь скоро ты у нас станешь настоящим профессионалом по части кулинарных дел, – добавила Сиси с лукавой усмешкой.

– Едва ли стану, – возразила я сестре. – Я же записалась всего лишь на ускоренные курсы.

– Глупости! Ты у нас такая талантливая. Уверена, ты в два счета найдешь себе подходящую работу. Стоит только твоим потенциальным нанимателям увидеть, что ты умеешь... В любом случае для нас с тобой твоё увлечение кулинарией – просто идеальный вариант. Ты не находишь? А вот здесь я оборудую свою студию. – Сиси показала на пустое пространство между дальней стеной комнаты и винтовой лестницей, ведущей на второй этаж. – Освещение здесь просто фантастическое. Итак, в твоём распоряжении огромная кухня и вся терраса. Все почти как в Атлантиде. Во всяком случае, отыскать что-то получше в центре Лондона у нас вряд ли получится.

– Да, – коротко согласилась я с сестрой. – Красивое место. Спасибо тебе.

Я видела, в каком радостном возбуждении пребывает Сиси по поводу своей удачной находки. И действительно, квартира по-своему впечатляла. А потому мне не захотелось огорчать сестру, говорить ей о том, что я думаю на самом деле. Жить в этом безликом огромном пространстве, по сути, в коробке из стекла и бетона с окнами, выходящими на грязную реку, что может быть дальше от той идиллии, которая царит у нас в Атлантиде? Нет, как ни пытайся отыскать какое-то сходство, ничего общего.

Сиси между тем стала оживленно обсуждать с риелтором, какие именно полы из светлого дерева она желает увидеть в своей новой квартире. Я же постаралась стряхнуть с себя свои негативные эмоции. Все же я ужасно испорченная девчонка, мысленно укорила я себя. В конце концов, разве можно сравнить этот район с улицами Дели? Или с теми жуткими трущобами, которые мы с сестрой лицезрели на окраинах Пномпеня? А тут, как ни верти, новенькая квартира в центре Лондона... Словом, никаких особых поводов для расстройства нет.

Просто вся беда в том, что лично я с радостью бы *предпочла* поселиться в небольшом домике, самом обычном доме, стоящем на земле, и чтобы прямо из парадной двери можно было выйти на небольшую лужайку перед входом.

Я рассеянно прислушалась к громкому щебету Сиси, с упоением рассуждавшей о некое потрясающем дистанционном устройстве, с помощью которого можно будет регулировать положение жалюзи на окнах: раздвигать и сдвигать их. Имелось и еще одно такое же умное устройство, которое будет контролировать громкость звука в скрытых от глаз громкоговорителях. Из-за спины своего собеседника Сиси скорчила мне веселую рожицу. Дескать, типичный жулик-делец, что с него взять... Я тоже умудрилась выдать из себя жалкую улыбку в ответ. Хотя, по-моему, у меня уже начинался приступ клаустрофобии. Отчаянно хотелось отворить дверь и *выбежать вон, на...* Города всегда действуют на меня удушающе. Шумы, запахи, толпы людей вокруг, всего этого слишком много, и все давит. Слава богу, что хоть воздуха и простора в этой квартире хватает...

– Сия!

– Прости, Сиси. Задумалась о своем. Что ты сказала?

– Давай поднимемся наверх и посмотрим нашу спальню.

Мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж, в комнату, которая, по словам Сиси, должна будет стать нашей общей спальней. Хотя, насколько я успела заметить, рядом пустовала свободная комната. Я почувствовала внутреннюю дрожь, глянув в окно, хотя оттуда *открывался* просто потрясающий вид на окрестности. Потом мы самым тщательным образом проинспектировали отдельную ванную комнату, примыкающую к спальне. Нет, что ни говори, а сестра постаралась на славу, сделала все от нее зависящее, чтобы

найти жилье, устраивающее нас обеих. И эта спальня еще одно тому подтверждение.

Вот только мы с ней не супружеская пара. Мы с ней – *сестры*, и в этом вся проблема.

После осмотра квартиры Сиси потащила меня в мебельный магазин на Кингс-роуд, а потом мы пересекли Темзу в обратном направлении по Альберт-Бридж.

– Этот мост назван в честь принца Альберта, мужа королевы Виктории, – по своей извечной привычке уточнила я. – В Кенсингтоне, кстати, есть мемориал в его честь и...

Сиси бросила на меня выразительный взгляд, всем своим видом призывая замолчать.

– Честное слово, Стар, такое впечатление, что ты ходишь по городу с туристическим путеводителем под мышкой.

– Пожалуй, – вынужденно согласилась я с ней, послав Сиси наш условный знак. – Прости, но такая уж я зануда. Люблю историю, и все тут.

Мы сошли с автобуса на своей остановке.

– Давай поужинаем где-нибудь в ресторанчике по пути домой, – неожиданно предложила мне сестра. – Думаю, нам есть что отпраздновать.

– Но у нас же нет денег, – вяло отреагировала я на предложение Сиси.

Во всяком случае, у меня их точно нет, добавила я мысленно.

– О, не переживай, – поспешила успокоить меня Сиси. – Я угощаю.

Мы зашли в местный паб, и Сиси заказала бутылку пива для себя и небольшой бокал вина для меня. Мы обе никогда не увлекались спиртным. Сиси, та вообще не умела пить, не могла рассчитать свои силы. Помню, как еще в ранней юности ее мутило и выворачивало после одной беспечной вечеринки, на которой она явно перебрала с горячительными напитками. Пока она делала заказ, подойдя к стойке бара, я продолжала гадать над тем, как и откуда у моей сестры вдруг появились деньги, и, судя по всему, немалые. Все это произошло как-то стремительно и внезапно, буквально на следующий день после того, как Георг Гофман, нотариус Па Солта, вручил нам, шестерым сестрам, посмертные письма, которые оставил каждой из нас отец. После чего

Сиси тут же направилась на встречу с нотариусом в Женеву. Она еще тогда очень уговаривала его, чтобы он разрешил и мне присутствовать при их разговоре. Но Гофман был непреклонен:

– К великому сожалению, я вынужден следовать тем указаниям, которые оставил мне клиент. А ваш отец категорически предупредил меня, чтобы с каждой из его дочерей я встречался строго в индивидуальном порядке.

Словом, пока они с Гофманом беседовали, я коротала время в приемной. Когда Сиси наконец вышла из кабинета нотариуса, я по ее лицу увидела, что она взволнована и чем-то сильно озабочена.

– Прости, Сия, но мне пришлось подписать кое-какие бумаги. Согласиться на некоторые условия, касающиеся лично меня. Обычные приколы в духе нашего отца. Но в целом могу сообщить тебе, что новости у меня хорошие.

Итак, впервые за долгие годы нашего общения с сестрой у нее появился от меня свой секрет. А потому я и по сей день не могу даже отдаленно предположить, откуда у нее вдруг появилось столько денег. В конце концов, Георг Гофман был предельно откровенен в разговоре с нами и недвусмысленно дал понять каждой из нас, что, согласно последней воле отца, все мы будем получать лишь весьма скромные суммы на содержание. Так сказать, на удовлетворение своих основных потребностей. Что, впрочем, не исключает и другого варианта. Мы вольны обращаться к нотариусу в любое время дня и ночи, если нам вдруг понадобятся какие-то дополнительные деньги на что-то стоящее. Выходит, Сиси не растерялась, своевременно обратилась к нему за помощью и получила все, что хотела.

– Твое здоровье! – сестра стукнула бутылкой о мой бокал. – Предлагаю выпить за нашу новую жизнь в Лондоне.

– И за память Па Солта, – откликнулась я, поднимая свой бокал.

– Конечно, – поспешила согласиться со мной Сиси. – Ты ведь так его любила.

– А ты *разве нет?*

– Само собой, я тоже любила. Он ведь был у нас таким... необычным.

Я молча наблюдала за тем, с какой жадностью Сиси набросилась на еду, когда официант подал нам заказ. Что же это получается,

грустно размышляла я. Вроде мы обе его дочери, но вот его смерть – это уже исключительно мое личное горе.

– Так как ты считаешь? Стоит покупать эту квартиру? – поинтересовалась у меня Сиси с набитым ртом.

– Думаю, тебе самой решать, Сиси. Ты же платишь за все. А потому мое мнение особой роли тут не играет.

– Не говори глупости, сестренка! Ты же прекрасно знаешь, все мое – твое и наоборот. А еще неизвестно, что тебя ждет впереди, когда ты наконец решишься и вскроешь конверт с письмом отца. Вдруг там окажется такое... Давай, не тяни. Пора уже ознакомиться со всем тем, что написал тебе отец в своем предсмертном письме, – снова насела на меня Сиси.

Она уже давно не давала мне покоя с этим письмом. Собственно, с того самого момента, как Георг Гофман раздал нам запечатанные конверты. Свой конверт она вскрыла тотчас же, как только мы вернулись к себе в комнату, видно, ожидая, что и я поступлю точно так же.

– Что ты медлишь, Сия, в самом деле? – не отставала она от меня. – Неужели тебе не интересно узнать, что там?

– Но я... не могу, понимаешь? О чем бы папа ни написал мне, но, вскрыв конверт с его письмом, я как бы тем самым признаю, что его уже больше нет. А я еще пока не готова думать о Па Солте в прошедшем времени.

Пообедав, Сиси расплатилась по счету, и мы вернулись к себе домой. Там она первым делом позвонила в банк и велела перечислить деньги с ее депозита на оплату квартиры. Затем устроилась возле своего компьютера, включила его, попутно жалуясь на то, какая в этом районе ненадежная связь по интернету.

– Иди сюда, Стар! – окликнула она меня из гостиной. А я как раз занималась тем, что наполняла пожелтевшую от времени ванну едва тепловатой водой.

– Я принимаю ванну, – отозвалась я и заперла на замок дверь, ведущую в ванную комнату.

Я лежала, окунувшись с головой в воду, которая покрыла не только мои уши, но и волосы, прислушиваясь к тягучим звукам, похожим на такое *утробное урчание*. И вдруг подумала, что мне надо как можно скорее бежать отсюда, пока я окончательно не сошла с ума.

И дело тут вовсе не в Сиси, никоим образом не хочу обвинять ее в моем нынешнем состоянии. Я люблю свою сестру. Она постоянно, каждый день, была со мной всю мою жизнь, но...

Минут через двадцать, приняв окончательное решение, я снова появилась в гостиной.

– Хорошо искупалась? – спросила меня Сиси.

– Да. Послушай, Сиси...

– Иди сюда. Взгляни на модели тех диванов, которые я отобрала для просмотра.

Сиси поманила меня к себе, и я послушно подошла к компьютеру, уставившись невидящим взглядом на образчики мебели, выдержанные исключительно в светло-бежевых и кремовых тонах.

– Ну, как тебе?

– Выбирай по своему вкусу, Сиси. Ты же будешь заниматься интерьером квартиры. Так что это твоя прерогатива, не моя.

– А что скажешь вот про это? – Сиси ткнула пальцем в экран. – Конечно, нужно будет подъехать непосредственно на место и увидеть все воочию. А для начала неплохо бы и просто посидеть на нем. В конце концов, диваны ведь не для красоты покупаются. Они должны быть удобными во всех отношениях. – Сестра тут же пометила у себя в блокноте название модели и адрес поставщика. – Что, если мы нагрянем туда уже завтра? Как думаешь?

Я глубоко вздохнула.

– Сиси, если ты не возражаешь, я бы хотела съездить в Атлантис на пару деньков.

– Конечно, Сия. Какие разговоры? Сейчас же посмотрю расписание, чтобы выбрать для нас удобный рейс.

– Видишь ли, Сиси, дело в том, что я хотела бы поехать туда одна. То есть я хочу сказать... – Я нервно сглотнула слюну, боясь растерять свою решимость. – Ты ведь сейчас страшно занята, разве не так? Столько хлопот с этой новой квартирой и всем тем, что с ней связано. А еще твои проекты... Тебе же ведь очень хочется побыстрее завершить начатые работы.

– Ты права, но пару деньков погоды не сделают. Впрочем, если ты настаиваешь на том, чтобы поехать в Атлантис одной, я не буду возражать. Я все пойму правильно.

– Да, – ответила я твердым голосом. – Я бы хотела поехать одна.

– Но почему?! – Сиси отвернулась от экрана компьютера и уставилась на меня долгим взглядом. В ее миндалевидных глазах читалось нескрываемое изумление.

– Потому что... потому... Так надо... Хочу посидеть в саду, в котором я когда-то помогала папе... Хочу немного побыть одной и именно там прочитать его прощальное письмо.

– Понятно. Ну, раз так... Поступай как знаешь. – Сиси слегка пожала плечами.

И в ее голосе, и в ее позе я почувствовала явный холодок, но на сей раз решила не сдаваться и довести начатое до конца.

– Пойду лягу. Что-то у меня голова сегодня раскалывается, – обронила я миролюбивым тоном.

– Сейчас принесу тебе обезболивающие таблетки. Хочешь, я на всякий случай уточню расписание полетов для тебя?

– Вообще-то, я уже просматривала, но, пожалуйста, перепроверь еще раз. Будь так любезна. И большое тебе спасибо. Доброй ночи.

Я склонилась над сестрой и поцеловала ее в макушку. Блестящие темные кудри, как всегда, коротко подстриженные под мальчишку, переливались на свету. После чего я отправилась в крохотную спальню, похожую скорее на чулан для хранения швабр и прочих приспособлений для уборки дома, которую мы с Сиси делили на пару.

Узкая, слишком твердая и неудобная кровать, да и матрас чересчур тонкий. Хотя мы с детства росли в роскоши, но за последние шесть лет странствий по миру успели повидать всякое. Приходилось ночевать и в лачугах, и даже под открытым небом. Но никогда нам с сестрой и в голову не приходило обратиться к Па Солту с просьбой дать нам еще немного денег, даже тогда, когда мы действительно оказывались на мели. В частности, именно Сиси всегда стойко держалась до последнего. Она была слишком самолюбива, чтобы о чем-то просить отца. Вот почему сейчас меня удивляло то, с какой легкостью сестра сегодня швыряет деньги направо и налево. А ведь это же *его* деньги.

Пожалуй, стоит расспросить Ма. Может, хоть она прольет какой-то свет на непонятные перемены в поведении Сиси. Впрочем, о чем это я? Ведь наша Марина – это сама осмотрительность и осторожность во всем. Особенно в том, что касается распространения всяческих сплетен и слухов среди нас, сестер.

– Атлантис, – пробормотала я полусонным голосом. *Свобода...*

И почти сразу же погрузилась в глубокий сон.

Кристиан уже поджидал меня на катере, бросив якорь возле понтонной переправы на Женевском озере. Туда меня и доставило такси. Как всегда, наш шкипер приветствовал меня своей доброжелательной улыбкой, а я, кажется, впервые задалась вопросом, так сколько же ему на самом деле лет. Хотя я помню Кристиана с раннего детства – такое впечатление, что он рулил нашим скоростным катером всегда, однако сейчас, глядя на его темные волосы, загорелое ладное тело, я подумала, что больше тридцати пяти ему ни за что не дашь.

Мы тронулись в путь. Я уселась на скамью, которая была установлена на корме, и с наслаждением откинулась на удобные кожаные подушки, попутно размышляя о довольно странном феномене: все, кто трудится у нас в Атлантике, не подвластны никаким возрастным переменам. Воистину, складывается впечатление, что время действительно не властно над этими людьми. Солнце уже клонилось к закату. Я вдохнула полной грудью знакомый мне с детства свежий и чистый воздух. Может, Атлантика – это какое-то зачарованное царство, и все, кто обитает за стенами нашего дома, получили в дар от волшебной феи вечную молодость и будут пребывать в этом царстве всегда.

Все-все-все. Вот только Па Солт ушел...

Мне категорически не хотелось вспоминать все то, что было связано с моим последним приездом в Атлантику. Мы все, шестеро сестер, которых отец удочерил, отыскав нас в самых разных уголках земли, назвав в честь звезд, образующих созвездие Плеяды (его еще называют Семь Сестер), на сей раз собрались в отцовском доме по случаю его смерти. А ведь не было даже похорон в обычном смысле этого слова, всех тех ритуальных мероприятий, где каждая из нас могла бы погоревать всласть, оплакивая его уход. Но Ма объяснила нам, что такова была последняя воля Па Солта: упокоить его в открытом море втайне от всех.

А потом в Атлантику приехал Георг Гофман, папин швейцарский нотариус. Он даже устроил для нас своеобразную экскурсию по

любимому папиному уголку в обширном саду вокруг дома. Там он показал нам довольно странную конструкцию, явно появившуюся на этом месте совсем недавно. Внешне она чем-то смахивала на солнечные часы, но Гофман пояснил нам, что прибор этот называется армиллярной сферой. С помощью такой сферы можно определять положение звезд на небе. На металлических полосках, окаймляющих золотистый шар, расположенный внутри, выгравированы наши имена и еще какие-то цифры, координаты, которые, по словам Гофмана, должны будут помочь нам, если мы захотим узнать, откуда именно привез каждую из нас отец. А рядом еще какое-то изречение или цитата, написанная по-гречески.

Две мои старшие сестры особенно постарались. Алли снабдила нас, остальных сестер, точными данными о местонахождении наших координат, а Майя перевела все греческие надписи на французский язык. Лично я пока еще так и не прочитала ни то, ни другое. Положила обе бумажки в пластиковую папку рядом с письмом Па Солта, которое он написал мне.

Но вот наш катер стал плавно замедлять ход, и я уже разглядела сквозь густую крону деревьев очертания красивого дома, в котором все мы выросли. Атлантис похож на самый настоящий волшебный замок из красивой сказки. Стены, выкрашенные в светло-розовый цвет, четыре башенки по углам дома. Закатное солнце золотило окна на фасаде.

Сразу же после того, как нам продемонстрировали армиллярную сферу и вручили письма от отца, Сиси тут же изъявила желание немедленно уехать. Мне не хотелось. Я была не прочь задержаться в Атлантисе подольше, побыть еще хоть немного в том доме, в котором с такой любовью растил всех нас покойный отец. И вот его больше нет, а я все никак не могу привыкнуть к этой горькой мысли. Чтобы справиться с постигшей меня бедой и хоть как-то примириться с уходом Па Солта, спустя две недели я снова лечу в Атлантис в надежде обрести в отцовском доме силы, чтобы жить дальше.

Кристиан пришвартовал катер к причалу и закрепил концы на швартовой тумбе. Потом помог мне выбраться из лодки. Я увидела, как навстречу ко мне по лужайке спешит Ма. Она всегда встречает меня, когда я приезжаю домой. При виде родного лица слезы сами собой

навернулись на мои глаза, и я с готовностью упала в ее теплые объятия.

– Стар, какой приятный сюрприз! Ты снова здесь, со мной, – прочувствованным голосом проронила Ма, расцеловав меня в обе щеки. Потом слегка отступила назад и окинула меня внимательным взглядом. – Не буду говорить, что ты слишком худая. Ты у нас всегда была очень уж худенькой, – заметила она, слегка улыбнувшись, и мы обе направились к дому. – Клавдия испекла твой любимый яблочный штрудель. И чайник уже закипает. – Марина махнула рукой в сторону стола, стоявшего на террасе. – Присаживайся! Наслаждайся последними закатными лучами солнца. А я пока отнесу твои вещи в дом и попрошу Клавдию подать нам чай и пирог прямо сюда.

Я молча проследила за тем, как Ма исчезла в доме с моей дорожной сумкой. Потом повернулась к дому спиной и принялась разглядывать наш роскошный сад и ухоженную лужайку перед домом. Заметила Кристиана, который направлялся по узенькой тропинке к себе домой. Его квартирка примостилась прямо на крыше эллинга, встроенного в грот в самом дальнем конце сада. Хорошо смазанный механизм домашнего уклада в Атлантисе продолжал функционировать в своем прежнем режиме. Все как всегда... Разве что хозяина, запустившего когда-то этот механизм в бесперебойный ход, здесь больше нет.

На террасе снова возникла Ма. Следом появилась Клавдия с подносом в руках, на котором стояли чайные принадлежности. Я приветливо улыбнулась нашей экономке. Зная, какая Клавдия молчунья, еще бóльшая, чем я сама, – никогда не заговорит первой, я поприветствовала ее:

– Добрый день, Клавдия. Ну как вы тут?

– Все хорошо, спасибо, – ответила она коротко с ярко выраженным немецким акцентом.

Отец в свое время настоял на том, чтобы все мы, девочки, буквально с колыбели учились говорить сразу на двух языках – на английском и на французском. Впрочем, в Атлантисе мы общались на английском только с Клавдией. Ма же была француженкой в полном смысле этого слова, как говорится, до самых кончиков ногтей. Французские корни сразу же выдавал ее внешний облик: строгая и одновременно изысканная шелковая блузка, безупречного кроя юбка,

волосы, красиво собранные на затылке. Как бы то ни было, а постоянное общение с этими двумя женщинами на разных языках привело к тому, что все мы, сестры, с легкостью могли переключаться с одного языка на другой.

– А ты еще пока так и не подстриглась, – улыбнулась Ма, кивком головы указав на мои отросшие волосы. – Ну как ты сама, моя дорогая? Рассказывай.

Клавдия, поставив поднос на стол, удалилась в дом. Ма принялась разливать чай по чашкам.

– У меня все хорошо, Ма.

– Знаю, девочка, что это далеко не так. Сейчас никто из нас не может сказать про себя, что ей хорошо. Да и как такое может быть? Ведь совсем недавно все мы пережили огромное горе... Ужасная утрата...

– Ты права, Ма, – согласилась я, беря из ее рук чашку с чаем. Потом добавила туда немного молока и щедро сдобрила свой напиток тремя ложками сахара. Несмотря на то что сестры вечно подшучивали надо мной из-за моей худобы, я самая настоящая сладстена и никогда не отказываю себе в чем-нибудь сладеньком.

– А как Сиси?

– О, у нее, по-моему, все отлично, хотя мне трудно утверждать это наверняка.

– Да, каждый из нас переживает горе по-своему, – задумчиво бросила Ма. – Кстати, такие душевные потрясения зачастую сопряжены и с крутыми переменами в нашей жизни. Ты уже в курсе того, что Майя отправилась в Бразилию?

– Да. Она сообщила нам с Сиси о своем намерении по электронной почте. А ты не знаешь, почему именно в Бразилию?

– Догадываюсь, что эта ее поездка как-то связана с тем письмом, которое оставил ей отец. Но каковы бы ни были ее мотивы, я очень рада за Майю. Торчать тут в Атлантиде в полном одиночестве и продолжать оплакивать уход отца, что может быть ужаснее? Она еще слишком молода, чтобы вести такой отшельнический образ жизни. И потом, тебе-то уж, как никому другому, известно, что любое путешествие расширяет жизненные горизонты человека.

– Известно. Хотя в том, что касается меня, скажу так: хватит с меня всех этих путешествий.

– В самом деле, Стар?

В ответ я молча кивнула, понимая, на какую непростую колею выкруливает наш разговор с Ма. Обычно в таких случаях рядом со мной всегда находилась Сиси. Она-то и говорила за нас обеих. Но поскольку Ма молча ожидала ответа на свой вопрос, на сей раз мне пришлось отвечать самой.

– Да. Я уже достаточно всего насмотрелась.

– Что правда, то правда, – согласилась со мной Ма, сопроводив свою реплику коротким смешком. – Полагаю, что на земле уже не осталось таких уголков, где бы вы с сестрой не отметились за минувшие пять лет.

– Мы не были в Австралии. И до лесов Амазонки тоже не добрались.

– А как так случилось, что вы туда не попали? – поинтересовалась Ма с легкой иронией в голосе.

– Сиси боится пауков.

– Конечно же! Как я могла забыть! – Ма всплеснула руками. – А ведь когда Сиси была маленькой, складывалось впечатление, что она ничего не боится. Да ты и сама, наверное, помнишь, как она, не раздумывая, прыгала в море с самых высоких скал.

– Или как ловко она на них вскарабкивалась, – добавила я.

– А ты помнишь, как она любила нырять под воду и оставаться там долго-долго? Не дышать... Порой я уже начинала даже беспокоиться, не утонула ли она.

– Помню-помню, – согласилась я без особого воодушевления, вспомнив, как сестра и меня пыталась приобщить к этому экстремальному спорту. Но это, пожалуй, единственное, где я не поддавалась уговорам Сиси и не пошла у нее на поводу. Во время наших странствий по Дальнему Востоку она могла часами плавать с аквалангом или штурмовать головокружительно крутые вулканические сопки в Таиланде и Вьетнаме. Но, независимо от того, находилась ли она под водой или поднималась высоко в небо, я и в том, и в другом случае предпочитала спокойно нежиться на песочке с книжкой в руках.

– А еще она всегда ненавидела всяческую обувь... Предпочитала ходить босиком. Ребенком я буквально силой заставляла ее надеть туфельки, – мечтательно улыбнулась Ма, предавшись своим воспоминаниям.

– Однажды она даже зашвырнула их в озеро. – Я взмахнула рукой, указав на тихую водную гладь Женевского озера. – Помню, я с большим трудом уговорила ее однажды попытаться нырнуть и достать туфли из воды.

– Да, наша Сиси всегда была очень свободолюбивой девочкой. – Ма подавила вздох. – И такой храброй... Но в один прекрасный день, кажется, ей на тот момент было лет семь, не больше, я вдруг услышала дикий крик из вашей комнаты. В первую минуту я даже подумала, что ее убивают. Но нет! Оказалось, что она просто испугалась большого паука, наверное, сантиметров двадцать в длину, который висел на потолке прямо над ней. Кто бы мог подумать, что этот паук так напугает ее.

Ма задумчиво покачала головой, вспоминая ту давнюю сцену.

– А еще Сиси очень боялась темноты.

– Правда? Вот об этом я точно никогда не догадывалась. – Легкая тень проскользнула по лицу Ма, словно она почувствовала себя обиженной оттого, что всех ее материнских навыков, – а ведь Па Солт специально нанял ее для того, чтобы она обеспечила надлежащий уход за малышами, которых он удочерил, и которые, можно сказать, выросли под ее неусыпным оком, превратившись в положенный срок в молодых женщин, ибо она стала для всех нас самой настоящей матерью, особенно когда отец подолгу отсутствовал дома, путешествуя по своим делам по всему миру, – так вот, оказывается, этих навыков оказалось недостаточно, чтобы знать про нас все. Хотя, повторюсь, мы любили Ма всем сердцем и душой. Нас не связывали с ней кровные узы, но она значила так много для каждой из сестер.

– Она просто стеснялась признаваться кому-нибудь, что по ночам ее часто мучают кошмары.

– Так вот почему ты перебралась к ней в комнату, – задумчиво бросила в ответ Ма, после стольких лет узнав наконец правду. – И поэтому ты всякий раз просила меня оставить в комнате включенным ночник, да?

– Да.

– А я-то думала, Стар, что это ты боишься темноты. Что ж, это лишний раз подтверждает простую истину: мы никогда не знаем до конца детей, которых растим. Хотя самим нам кажется, что мы знаем про них все. Ну, как тебе в Лондоне?

– Мне нравится город, хотя мы ведь там еще сравнительно недавно. И потом...

Я тяжело вздохнула, не находя слов, в которые можно было бы облечь все мои сомнения и страхи.

– Ты еще продолжаешь горевать об ушедшем отце, – пришла мне на помощь Ма. – И потому в данный момент тебе все равно, где ты и что с тобой.

– Ты права. Но, Ма, мне действительно вдруг захотелось снова вернуться в Атлантис.

– Понимаю тебя дорогая... И очень рада тому, что у тебя возникло такое желание. Тем более приехать сюда одной. Ведь в прошлом такое случалось не так уж часто, не правда ли? Зато сейчас ты всецело моя.

– Ты права, Ма.

– Хочешь, чтобы и в будущем такие встречи повторились?

– Да... хочу.

– Что ж, рано или поздно, но это должно было случиться. Вы с Сиси уже не дети. Что, разумеется, не помешает вам и впредь оставаться очень близкими друг другу людьми. Но, однако же, впереди у вас своя жизнь, и дальше вы пойдете каждая своим путем. Думаю, Сиси тоже понимает это.

– Нет, Ма, ничего она не понимает. Я по-прежнему нужна ей и потому не могу ее бросить! – выпалила я неожиданно для себя самой с явным раздражением в голосе. Потому что сложившаяся ситуация уже начинала потихоньку *злит* меня. Недовольство давно копилось в моей душе и вот наконец выплеснулось наружу. Несмотря на свою врожденную сдержанность и присущее мне немногословие, я вдруг не выдержала и громко всхлипнула.

– О боже! Родная моя! – Внезапно на солнце набежала тень. Ма подхватила со своего места, подошла ко мне и взяла меня за руки. – Не стесняйся своих слез. Не копи все плохое в душе. Пусть выльется наружу.

И я с готовностью последовала ее совету. Мои рыдания трудно было даже назвать плачем в привычном понимании этого слова. Потому что я не плакала, а скорее выла, выплескивая все невысказанные слова и скопившиеся на сердце эмоции и чувства, а потому слезы лились из меня нескончаемым потоком.

– Прости меня, Ма, прости... – пробормотала я виноватым голосом. Ма достала из кармана пачку бумажных носовых платков и стала вытирать ими слезы на моих щеках. – Это все... смерть папы... До сих пор не могу смириться с его уходом.

– Конечно, не можешь. И я тебя прекрасно понимаю... А потому не стоит извиняться, – ответила мне Ма ласково. Я вдруг почувствовала себя страшно опустошенной, словно автомобиль, который вдруг неожиданно заглох посреди дороги, потому что закончился бензин. – Я очень беспокоилась за тебя, зная, как ты привыкла все свои эмоции держать внутри себя. Зато сейчас, когда я увидела твои слезы, мне сразу же полегчало. – Ма виновато улыбнулась. – Хотя тебе, думаю, пока еще нет. А сейчас ступай-ка ты наверх в свою комнату, немного отдохни с дороги и приведи себя в порядок перед ужином. Согласна?

Я последовала за Ма в дом. Знакомые запахи сразу же ударили мне в нос. Как часто я пыталась разложить эти ароматы на отдельные составляющие, чтобы хоть частично воспроизвести их в своих временных пристанищах – запах лимона, кедрового дерева, ароматы свежеспеченных пирогов... Но нет, никогда у меня ничего не получалось. Видно, все эти запахи, только слившись воедино, и образовывали ту неповторимую атмосферу, которая царила в Атлантиде.

– Хочешь, я провожу тебя? – предложила мне Ма, когда я стала подниматься по лестнице к себе в комнату.

– Нет, не надо. Со мной все в порядке.

– Хорошо. Тогда поговорим попозже. Но если тебе вдруг что-то понадобится, милая, ты знаешь, где меня искать.

Я поднялась на самый верхний этаж, на котором размещались комнаты всех девочек. У самой Ма имелась небольшая квартирка, оборудованная прямо в доме. Туда можно было попасть непосредственно из холла. Собственная небольшая гостиная, отдельная ванная комната. Комната, которую мы делили с Сиси, расположена между спальнями Алли и Тигги. Я распахнула дверь, и на меня тут же пахнуло привычным запахом краски. Когда Сиси было пятнадцать лет, она, как и многие ее сверстники, тоже пережила период увлечения «готами». Даже вознамерилась выкрасить все стены в нашей комнате в черный цвет. Она бы и выкрасила, но я поставила

свое условие, предложив компромиссный вариант – использовать для декора темно-фиолетовый цвет. В ответ Сиси выдвинула встречное предложение. Четвертую стену, ту, возле которой стоит ее кровать, она раскрасит по собственному усмотрению.

Целый день она трудилась взаперти и лишь ближе к полуночи вынырнула из комнаты со слегка остекленевшими от усталости глазами.

– Вот сейчас иди и смотри, – милостиво позволила она мне и повела взглянуть на объем проделанной работы. Я молча уставилась на стену, буквально ослепнув от интенсивности и яркости красок. Основной фон – насыщенный голубой цвет – электрик, по которому там и сям разбросаны пятна ярко-небесной лазури, а по центру – огнедышащий кластер из золотых звезд. Знакомые очертания. Сиси изобразила над своей кроватью созвездие Плеяд. Семь сестер. Собственно, это *все мы*.

Наконец глаза мои немного адаптировались к пронзительно кричащим цветам. Я даже разглядела некоторые подробности. Например, каждая звезда состоит из множества крохотных точек, напоминающих атомы, которые, объединяясь друг с другом, формируют нечто целое и законченное.

Я буквально кожей почувствовала, с каким нетерпением Сиси ожидает моей реакции на увиденное, тяжело дыша мне в затылок.

– Великолепно, Сиси! – воскликнула я. – Поразительная работа. И как тебе только такое в голову пришло? Надо же было все это придумать...

– Ничего я не придумывала. – Сиси слегка пожала плечами. – Я уже заранее знала, что буду рисовать.

С тех пор у меня было предостаточно времени, чтобы полюбоваться стеной, лежа на своей кровати. И чем больше я разглядывала произведение Сиси, тем чаще находила в нем какие-то новые детали, ускользавшие ранее от моего внимания.

Но вот что странно. Несмотря на то что и отец, и все наши сестры с энтузиазмом восприняли работу Сиси, осыпав ее с ног до головы прочувствованными комплиментами и похвалами, сама она больше никогда не повторила эту свою манеру письма.

– Просто в тот момент на меня снизошло какое-то озарение, – пояснила она мне как-то раз. – Но я уже ушла от этого стиля, и сейчас

меня интересуют совсем иные направления.

Однако и сейчас, разглядывая настенное панно, выполненное Сиси двенадцать лет тому назад, я по-прежнему считаю, что это самое вдохновенное и самое прекрасное произведение искусства из всех, созданных моей сестрой.

Я увидела, что мою дорожную сумку уже распаковали. Те немногие вещи, которые я взяла в дорогу, были сложены аккуратной стопочкой на стуле. Я уселась на кровать, вдруг почувствовав некий странный дискомфорт. А ведь в этой комнате, подумала я, нет ничего, ну или почти ничего, от меня самой. Что ж, виновата в этом только я сама. Больше винить некого.

Я подошла к своему комоду и выдвинула нижний ящик. Извлекла оттуда жестяную банку из-под бисквита, в которой когда-то я хранила все свои самые сокровенные и дорогие моему сердцу детские сокровища. Взяв банку, я снова уселась на кровать и открыла крышку. Вынула из банки конверт. Бумага за семнадцать лет хранения в закрытой жестянке стала совсем хрупкой. Пальцы мои осторожно прошли по ее гладкой поверхности. Потом так же осторожно извлекла из конверта открытку из плотного пергамента, к которой был приклеен совсем уже иссохший цветок.

Поздравляю тебя, моя дорогая Стар. Наконец-то нам удалось вырастить его.

Папа

Я тронула пальцами нежные лепестки, ставшие от времени прозрачно тонкими, словно паутинка. В памяти всплыли картинки давнего прошлого. Красивые соцветия насыщенного темно-красного цвета, скорее даже цвета бордо, которыми одарило нас с папой это растение в пору своего самого первого цветения. Вначале я помогала папе высаживать его в саду, а потом рачительно ухаживала за цветком во время своих школьных каникул.

Иными словами, каждое утро я поднималась ни свет ни заря, когда Сиси еще спала крепким сном. Она вообще у нас большая любительница поспать, особенно с учетом того, что почти каждую ночь ей снятся всякие кошмары, обычно это случается в промежутке между двумя часами ночи и четырьмя часами утра. А потому Сиси

продолжала благополучно дрыхнуть, не замечая моих ранних подъемов и отлучек. Папа, как правило, уже поджидал меня в саду. И вид у него при этом был такой, словно он тут провел уже не один час. Вполне возможно, так оно и было на самом деле. Я, еще полусонная, со слипающимися от сна глазами, но тем не менее уже пребывающая в радостном предвкушении того, что именно собирается показать мне отец сегодня.

Иногда это было всего лишь несколько семян, зажатых в его руке. В другой раз он демонстрировал мне какой-нибудь только-только начинавший распускаться росток растения, которое он привез из очередного своего дальнего странствия. Потом мы устраивались с ним на скамейке в беседке, увитой розами. Папа брал в руки старинный том ботанической энциклопедии и начинал неторопливо листать страницы, переворачивая их своими сильными смуглыми пальцами до тех пор, пока мы не находили то место, где подробно описывалось наше с ним сокровище, – откуда это растение родом, в каких местах произрастает и так далее. Мы внимательнейшим образом знакомились со средой его обитания, с тем, что ему нравится и что не нравится, после чего долго и пристрастно обсуждали, где его лучше всего высадить уже в нашем саду.

Сегодня, по прошествии лет, я отлично понимаю, что все наши обсуждения строились по принципу: папа предлагает, а я соглашаюсь. Впрочем, он ни разу не дал мне почувствовать, что авторитарно навязывает свое мнение. Напротив. У меня всегда складывалось впечатление, что мое мнение тоже крайне важно для него и имеет большое значение.

Я часто вспоминаю сейчас одну библейскую притчу, на которую постоянно ссылался отец, когда мы с ним вместе трудились в саду. Согласно этой притче, каждое живое создание должно возвращаться с момента своего появления на свет с заботой и любовью. Вот и растение. Если мы ухаживаем за ним любовно, то оно вырастает сильным, крепким и будет радовать нас в будущем много-много лет.

– А разве мы, люди, не похожи на те же семена? – вопрошал у меня отец, с улыбкой глядя на то, как я поливаю рассаду из своей детской лейки, и отряхивая со своих рук крошки торфяной смеси со знакомым слегка кисловатым запахом. – Ведь нам, как и этим семенам, нужны только солнце, дождь... И конечно, любовь. И больше ничего.

И действительно, при обилии солнца и влаги, да еще и любовно-рачительного ухода, все в нашем саду цвело и благоухало. Эти наши утренние сеансы садоводства вместе с Па Солтом научили меня многому. В том числе и умению терпеливо ждать. Иногда, спустя пару дней после того, как мы с папой высадили в грунт наше очередное растение, я приходила на это место, чтобы проверить, как растение принялось, не пустило ли оно уже новые ростки и побеги, и, не обнаружив никаких признаков роста, а иногда и вовсе находя растение увядшим или даже засохшим, я всегда, помнится, спрашивала у отца, ну, почему оно никак не хочет приживаться на новом месте.

– Стар, – обычно говорил в таких случаях мой отец, обхватывая мое лицо своими обветренными руками, – все, что имеет долгосрочное значение и непреходящую цену, требует времени для того, чтобы укрепиться и войти в силу. Зато в один прекрасный день, когда ты обнаружишь, что посаженный тобой цветок наконец пустил отросток, ты почувствуешь себя наисчастливейшим человеком на свете. Потому что все твои старания оказались в итоге не напрасными.

Итак, решила я про себя, возвращая крышку на место и закрывая банку, *завтра я снова встану на рассвете и пойду в наш с папой сад.*

* * *

Вечером мы с Ма ужинали при свечах на террасе. Клавдия приготовила восхитительное каре ягненка, а в качестве гарнира – молодую глазированную морковь и свежую брокколи из нашего огорода. Чем больше я вникала в то, что называется «кулинарным искусством», тем отчетливее понимала, как талантлива Клавдия в том, что касается поварских дел.

Но вот с едой покончено, и Ма повернулась ко мне:

– Ты уже решила, где будешь жить и чем заниматься?

– У Сиси курс по основам живописи в Лондонской академии изящных искусств.

– Знаю. Но меня интересуешь прежде всего ты, Стар.

– Сиси покупает квартиру с видом на Темзу. В следующем месяце планируем уже переехать туда.

– Понятно. Ну и как квартира? Нравится?

– Она... она огромная.

– Я не про площадь жилья спрашиваю.

– Думаю, Ма, я смогу там жить. Там действительно фантастически красиво, – добавила я поспешно, чувствуя себя виноватой в том, что никак не могу выдать из себя лишнее слово.

– А ты, стало быть, будешь посещать курсы по кулинарии, пока Сиси занимается в академии?

– Да, буду.

– Когда ты была совсем еще юной, я думала, ты у нас станешь писателем, – задумчиво бросила Ма. – В конце концов, у тебя же степень магистра по английской литературе.

– Да, я и сейчас очень люблю читать.

– Мне кажется, Стар, ты себя недооцениваешь. Я до сих пор помню те рассказы, которые ты сочиняла еще в детстве. Твой отец иногда зачитывал мне их вслух.

– Правда? – Я невольно почувствовала прилив гордости.

– Правда. Или ты уже забыла, что тебе в свое время предлагали место в Кембриджском университете, но ты сама отказалась?

– Отказалась, – ответила я неожиданно резко. Наверное, потому, что даже сегодня, девять лет спустя, мне все еще больно говорить на эту тему. Да, так оно все и было...

– Как думаешь, Сиси, стоит мне попытаться поступать в Кембридж? – решила я тогда посоветоваться с сестрой. – Учителя в один голос твердят, что надо.

– Конечно, Сия! Какие могут быть разговоры! Ты же у нас такая умная. Наверняка тебя там примут с распростертыми объятиями. Заодно и я хоть одним глазком посмотрю, что там за университетская жизнь в этой Англии. Меня-то саму вряд ли куда пригласят. Ты же знаешь, какая я тупица! Но ничего страшного... Устроюсь в каком-нибудь баре или еще где-нибудь, – бросила она, равнодушно пожав плечами. – Мне все равно. Главное, что мы будем вместе. Я права?

На тот момент я считала, что это действительно самое главное. И дома, и в школе, где одноклассницы, как только проникались пониманием того, насколько мы близки с сестрой, тут же начинали сторониться нас, оставляя наедине друг с другом. А потому и выбор потенциального университета для продолжения образования был для нас прежде всего сопряжен с тем, что требовалось подыскать такое

учебное заведение и выбрать себе такой набор предметов, когда все устраивало бы нас обеих, то есть чтобы и впредь мы могли бы держаться вместе. Тем не менее я сделала попытку поступить в Кембридж и, к своему немалому удивлению, получила приглашение в один из старейших колледжей университета, в Селвин-колледж. В перспективе в Селвин-колледже мне была гарантирована степень магистра или даже бакалавра, если я, конечно, успешно сдам выпускные экзамены.

На Рождество я сидела в папином кабинете и смотрела, как он внимательно изучает письмо с официальным приглашением в Кембридж. Но вот он оторвался от чтения и взглянул на меня. В его глазах светилась радость. А еще гордость за меня и за мои успехи. Потом кивком головы он указал мне на небольшую елку, украшенную старинными игрушками, которая стояла в его кабинете. На самой макушке нарядной елки сияла большая серебряная звезда.

– Вот и ты у нас как эта звездочка, – неожиданно улыбнулся мне Па Солт. – Так ты согласна отправиться в Кембридж?

– Сама... не знаю... Посмотрим, как пойдут дела у Сиси.

– Думаю, решение ты все же должна принять самостоятельно. А я лишь могу сказать одно. В жизни каждого человека бывают такие моменты, когда он должен поступать в соответствии с тем, что является для него правильным. Иными словами, делай что должно, – добавил он с нажимом в голосе.

В итоге мы с Сиси направили заявки в несколько высших учебных заведений и в положенный срок получили два приглашения. После чего сдали вступительные экзамены и затаились в нервном ожидании результатов.

Спустя два месяца мы с Сиси сидели на палубе роскошной папиной яхты под названием «Титан» в компании остальных сестер. Каждый год мы все вместе совершали свой семейный ежегодный круиз по Средиземному морю. В этом году наше морское путешествие проходило вдоль южного побережья Франции. Итак, мы все были в сборе, и в этот момент отец вручил нам с Сиси конверты, судя по всему, с результатами наших вступительных экзаменов. Ежедневно почту на яхту независимо от того, в какой части акватории Средиземного моря мы находились, доставлял на борт специальный высокоскоростной катер.

– Итак, девочки, – улыбнулся нам Па Солт, заметив, какие у нас с сестрой напряженные лица, – вы хотите ознакомиться с содержанием ваших писем приватно? Или огласите результаты прямо сейчас всем нам?

– А чего тянуть? – воскликнула Сиси. – Давай, Стар. Ты вскрывай свой конверт первой. Я-то уж знаю наперед, что наверняка провалилась.

Все собравшиеся безмолвно уставились на меня. Я вскрыла конверт и дрожащими пальцами извлекла из него несколько листов бумаги.

– Ну, что? – нетерпеливо спросила у меня Майя, пока я сосредоточенно вникала в свои результаты.

– Общий бал – 5,4... А по английскому и вовсе – 6.

Все в один голос стали поздравлять меня, тискать, обнимать, выражать свое восхищение и прочее.

– Теперь твоя очередь, Сиси, – сверкнула глазами на нее наша младшая сестра Электра. Все мы знали о том, что в школе у Сиси была куча проблем, в частности из-за дислексии. То есть не все у нее ладилось с речью. Зато сама Электра могла бы с легкостью сдать любой экзамен, но была при этом откровенной лентяйкой.

– А мне все равно, что там, – промолвила Сиси обреченным тоном, и я мысленно пожелала ей в эту минуту удачи и просигнализировала, что люблю ее. Она надорвала конверт, и я затаила дыхание, пока она пробежала глазами бумаги, знакомясь со своими результатами.

– Я... О боже... Я...

Наступила гробовая тишина. Все молча ожидали продолжения.

– Я прошла! Стар, я прошла! Меня приняли в университет в Сассексе на отделение истории искусств.

– Как замечательно! – восторженно выдохнула я, зная, сколько усердия продемонстрировала Сиси, готовясь к вступительным экзаменам. И в этот момент перехватила взгляд отца, обращенный на меня. Было в этом взгляде что-то загадочное. Наверное, он уже заранее предвидел, какое именно решение мне предстоит сделать.

– Мои поздравления, дорогая, – обратился он к Сиси, широко улыбаясь. – Сассекс – поистине прекрасный уголок Англии. Между

прочим, именно там находятся скалы, которые называются Семь Сестер.

Чуть позже мы с Сиси, устроившись на самой верхней палубе, наблюдали красочное зрелище. Следили за тем, как величественно садится солнце, медленно погружаясь в воды Средиземного моря.

– Я все пойму правильно, Сия, – заговорила Сиси первой. – Если ты захочешь ехать в Кембридж, воля твоя. Конечно, Кембридж для тебя предпочтительнее. С какой стати тебе тащиться за мной в Сассекс и учиться в какой-то там глуши? Не хочу никоим образом помешать тебе... стать на твоём пути... Но... – голос ее предательски дрогнул. – Но ума не приложу, как я там без тебя обойдусь. Одному богу известно... И кто мне поможет в написании всех этих эссе, по части которых ты у нас такая искусница?

Ночью, уже лежа у себя в каюте, я услышала, какие страшные стоны вырываются из груди Сиси. Она беспокойно металась на своей постели. Наверняка ей снились очередные кошмары. За то время, что мы прожили вместе с ней в одной комнате, я уже научилась безошибочно распознавать у Сиси первые же симптомы начинающихся кошмарных сновидений. А потому я быстро поднялась со своей кровати и вскарабкалась на ее постель. Легла рядом и принялась тихонько убаюкивать сестру, будучи абсолютно уверенной в том, что не разбужу ее. Но вот ее стоны превратились в крики. Она отчаянно пыталась что-то прокричать вслух. Я с трудом разобрала отдельные слова.

Как я могу оставить ее? Я нужна ей... а она нужна мне...

И тогда я смирилась с неизбежным. Ведь я нужна ей.

Итак, я отказалась от Кембриджа в пользу Сассекса, чтобы учиться там вместе со своей сестрой. А где-то уже в середине третьего семестра своего трехгодичного курса обучения Сиси объявила, что бросает университет.

– Ты же все понимаешь, Стар, правда ведь? – вопрошала она меня. – Я умею рисовать, знаю, как пользоваться кистью и красками. Зачем же я стану тратить свою жизнь на то, чтобы выдумывать эти противные эссе про каких-то там художников эпохи Возрождения? Или описывать, как они изображали на своих полотнах этих до чертиков надоевших мадонн? Нет уж, извините! Но я этим заниматься точно не стану. Не могу, и все тут!

В результате мы уехали из общежития, где жили в одной комнате, и переехали на съемную квартиру, довольно убогую, но что делать... Пока я исправно посещала лекции, Сиси ездила автобусом в Брайтон, где подыскала себе работу официантки.

Я же в тот период была близка к отчаянию при мысли о том, какой шанс упустила в своей жизни, так и не дав осуществиться давней мечте.

После ужина я, извинившись перед Ма, снова пошла наверх к себе в спальню. Достала из вещевой сумки мобильник и проверила входящие поступления. Четыре эсэмэски и несколько пропущенных звонков. И разумеется, все от Сиси. Как мы с ней и договаривались, я тоже отправила ей эсэмэску, сразу же после того как самолет благополучно приземлился в Женеве. Сейчас я отбила еще одно коротенькое сообщение. Дескать, все нормально, я уже дома, собираюсь пораньше лечь спать, а завтра обязательно перезвоню ей, и тогда поговорим обо всем. После чего тут же отключила телефон и, забравшись под одеяло, улеглась на постели и стала вслушиваться в тишину, царящую в доме. Внезапно до меня дошло, сколь редко выпадают у меня ночи, когда я сплю в комнате одна. А тут еще и огромный пустой дом, в котором когда-то кипела жизнь, было шумно, он полнился голосами сестер и их веселым смехом. Зато сегодня ночью меня не разбудят крики и стоны Сиси. Могу спокойно проспать себе до самого утра, если захочется.

И все же, закрыв глаза, я сделала над собой огромное усилие, чтобы не начать прямо сейчас тосковать о сестре.

* * *

На следующее утро я поднялась рано, быстро натянула на себя джинсы и майку, достала из сумки пластиковую папку, в которой лежало письмо отца, и поспешила вниз. Тихонько открыла парадную дверь и вышла на улицу. А там свернула по тропинке влево, направившись к любимому уголку Па Солта в нашем саду. В папке, помимо его письма, адресованного мне, лежали еще и расшифрованные координаты того места, откуда в свое время привез меня отец, а также греческое изречение, переведенное Майей на французский язык. Я крепко сжимала папку в руке.

Медленно прошла вдоль клумб, которые мы когда-то возделывали вместе с папой, словно желая сегодня убедиться в том,

что затраченные нами усилия не пропали зря. В разгар июля все вокруг цвело и благоухало: разноцветные цинии, пурпурные астры, целые заросли душистого горошка, соцветия которого были издали похожи на крохотных ярких бабочек. И конечно, розы, которые обвили всю беседку, образуя густую тень над скамьей.

Получается, что отныне мне придется ухаживать за цветами уже одной. Больше некому. Хотя наш старый садовник Ганс исправно присматривал за посадками, когда нас с отцом не было в Атлантисе, но вряд ли он вкладывал в это занятие всю свою душу, как это делали мы. Не могу даже с уверенностью утверждать, что Ганс вообще любит цветы. И уж наверняка счел бы верхом глупости, если бы ему кто-то сказал, что о растениях нужно заботиться с той же лаской, что и о детях. А вот Па Солт постоянно повторял в разговорах со мной, что процесс выращивания любого растения очень похож на то, как растут детей.

Я остановилась, чтобы специально полюбоваться особенно дорогим моему сердцу растением, усыпанным нежными пурпурно-красными цветками на тонких стебельках, затерявшихся среди обилия листвы насыщенного зеленого цвета.

– Это Астранция крупная, или Звездочка большая, – пояснил мне папа, когда почти два десятилетия тому назад мы с ним высевали в грунт крохотные семена. – Предполагается, что название этого семейства происходит от латинского слова «звезда». Потому что соцветия астранции очень похожи по форме на звезды. Сразу же предупреждаю, растение очень капризное, стоит большого труда развести его. Особенно с учетом того, что я привез эти семена, можно сказать, с другого конца света. Они за время моего путешествия уже успели изрядно высохнуть и даже состариться. Но если у нас получится вырастить астранцию в нашем саду, то потом забот с самим цветком будет немного. Хорошая почва и достаточное количество воды – вот все, что ему нужно.

Спустя несколько месяцев отец снова привел меня в тот укромный уголок, укрытый в тени деревьев, где мы высевали наши семена. Все они самым волшебным образом дали крепенькие росточки. А все благодаря нашему любовному уходу, да еще и холодильник помог. Это был один из любимых приемов Па Солта – устраивать семенам своеобразный сеанс шоковой терапии, подвергая их воздействию

холода. По словам отца, такая обработка пробуждает в семенах дополнительные жизненные силы.

– Сейчас мы высадим нашу рассаду и будем терпеливо ухаживать за каждым росточком. Будем надеяться, что они приживутся на новом месте, – промолвил отец, когда мы, покончив с пересадкой, уже стряхивали с рук землю.

Однако прошло еще целых два года, прежде чем астранция в нашем саду зацвела в первый раз. С тех пор она благополучно размножилась по всей территории вокруг дома, самостоятельно рассеиваясь на тех участках сада, которые ей приглянулись. Я сорвала один цветок, осторожно пройдясь пальцами по его нежным лепесткам. И в ту же минуту особенно остро почувствовала, как же мне не хватает отца.

Потом отвернулась от цветущего куста и направилась к скамейке, стоявшей в беседке, увитой розами. На сиденье еще блестела обильная роса. Я вытерла рукавом скамейку досуха и села, буквально кожей ощущая, как утренняя влага проникает мне прямоком в душу.

Я взглянула на пластиковую папку и на конверты, лежавшие в ней. Наверное, я все же совершила ошибку, мелькнуло у меня, что не послушалась тогда Сиси. Она ведь почти умоляла меня вскрыть наши письма одновременно и прочитать их вместе.

Трясущимися руками я извлекла из папки конверт с письмом отца, потом сделала глубокий вдох и надорвала конверт. Внутри лежало письмо и еще что-то маленькое, миниатюрное, похожее на коробочку для какой-нибудь драгоценной безделушки. Я развернула письмо и погрузилась в чтение.

Атлантис

Женевское озеро

Швейцария

Моя дорогая Стар!

Хорошо, что у меня есть возможность обратиться к тебе в письменном виде. Ведь мы оба знаем, что ты всегда отдавала предпочтение именно такому способу общения. Я до сего дня бережно храню все твои длинные и пространные письма, которые ты посылала мне, когда училась в школе и потом в университете. Как

храню и все те письма, которые много позже стал получать от тебя, пока ты с сестрой странствовала по всему миру.

Наверное, ты уже в курсе того, что я вознамерился снабдить каждую из вас, моих дочерей, информацией, проливающей свет на ваше происхождение и на ваши настоящие семьи. И хотя мне хотелось бы и впредь продолжать верить в то, что все вы, девочки, моя родная плоть и кровь, мои кровные дети, но все равно я понимаю, что в жизни каждой из вас может наступить такой момент, когда та информация, которой я собираюсь поделиться с вами, может оказаться вам полезной. Вполне возможно, не все из вас захотят отправиться в это путешествие на поиски собственного прошлого. Скорее всего, Стар, ты будешь в их числе. Ведь у тебя самая тонко чувствующая и одновременно самая сложная натура в сравнении с остальными твоими сестрами.

Над письмом к тебе я трудился дольше всего, частично потому, что решил обратиться к тебе не на французском, а на английском. А ты по части знания этого языка, его грамматики, правил правописания и прочее намного сильнее меня. А потому заранее прошу прощения за все те ошибки, которые я допущу по ходу письма. Но, с другой стороны, обращаясь к тебе по-английски, я, признаюсь честно, изо всех сил пытаюсь нащупать некий наиболее прямой путь для твоих будущих поисков и одновременно дать ровно столько информации, сколько тебе может потребоваться на этом пути, но не больше и не меньше. Не хочу никоим образом разрушить твою жизнь, если ты все же вознамеришься заняться поисками своих настоящих корней.

Вот что любопытно. Те подсказки, которые я сообщил остальным твоим сестрам, все они по большей части носят неодушевленный характер. Зато ключи к разгадке твоей тайны все вербальные, то есть облечены в самые различные слова. Наверное, это связано с тем, что история твоего рождения была надежно сокрыта ото всех на протяжении долгих и долгих лет. А потому тебе наверняка потребуется помощь других людей, чтобы докопаться до истины. Я и сам лишь сравнительно недавно узнал некоторые подробности, связанные с твоим происхождением. Но если кто и сможет выяснить все до конца, так это только ты, Стар, моя самая яркая звездочка в созвездии Семи Сестер. У тебя есть ум, ты все схватываешь на лету, а главное – ты хорошо понимаешь человеческую

натуру. Ведь на протяжении стольких лет ты только тем и занималась, что наблюдала и слушала, слушала и наблюдала, впитывая в себя приобретенные таким образом знания. Уверен, они наверняка помогут тебе, если ты все же решишься стать на стезю поисков.

Итак, для начала я даю тебе адрес – карточка с указанием адреса прикола к оборотной стороне письма. Если ты захочешь наведаться по этому адресу, то спроси там про женщину по имени Флора Макникол.

И последнее... Прежде чем поставить точку и попрощаться, чувствую, что должен сказать тебе вот что. Иногда бывают в жизни ситуации, когда человеку приходится делать нелегкий выбор, принимать трудные и весьма неприятные для окружающих решения. Вполне возможно, эти люди могут даже почувствовать себя обиженными. Во всяком случае, на какое-то короткое время. Однако в долгосрочной перспективе все перемены, на которые решается человек, только к лучшему, причем и для тех, кто посчитал себя обиженным. Это ведь тоже подтолкнет их двигаться дальше, вперед.

Моя дорогая Стар, не буду более докучать тебе дальнейшими наставлениями и советами. Тем более что ты прекрасно понимаешь, что именно я имею в виду. Скажу лишь одно: прожив долгую жизнь, я усвоил одну простую истину. Ничто в этом мире не вечно и ничто не остается в своем неизменном состоянии. Все меняется. Не видеть этого, не понимать – значит, совершить самую большую ошибку из всех, которые может совершить человек. Перемены неизбежны, хотим мы этого или нет. Они происходят по-разному, часто приходят, не спрашивая нас. Понять и смириться с таким положением вещей – это значит обрести радость жизни во всем ее многообразии. Это значит жить и радоваться тому, что живешь на такой прекрасной планете, как наша планета Земля.

Продолжай и дальше возвращать наш замечательный сад, который мы с тобой возделывали вместе. Вполне возможно, в будущем у тебя появится и свой собственный сад, который ты тоже будешь лелеять и беречь. Но в первую очередь возвращай саму себя. И смело следуй за своей звездой. Время настало.

Твой любящий отец

Па Солт

Я глянула вдаль. На горизонте уже показалось солнце, пробившись сквозь густое облако, зависшее над озером. Первые солнечные лучи разогнали прочь хмурые тени. Однако мое собственное настроение ухудшилось. Вполне возможно, я испытала нечто похожее на разочарование. Ведь все то, о чем написал мне отец, мы с ним много раз обсуждали в наших разговорах еще при его жизни. Тогда, по крайней мере, я могла заглянуть в его добрые глаза, почувствовать ласковое прикосновение его руки к своему плечу, пока мы вместе с ним копались в очередной цветочной клумбе.

Я открепила визитку, приколотую скрепкой к письму, и прочитала, что там написано.

*Артур Морстон Букс
190 Кенсингтон-Черч-Стрит
Лондон W8 4DS*

Я припомнила, что однажды мне уже приходилось ехать автобусом по этой улице. Следовательно, нужно побывать там еще раз и познакомиться с этим самым Артуром Морстоном. Слава богу, ехать далеко не придется. Не то что Майе, которую ее поиски погнали аж на другой конец света. Потом я взяла листок с изречением, которое было выгравировано на армиллярной сфере и которое Майя специально перевела для меня.

Дуб и кипарис не могут расти в тени друг друга.

Я невольно улыбнулась. Точнее и не охарактеризуешь наши взаимоотношения с Сиси. Она, сильная, упрямая, уверенно стоящая обеими ногами на земле. И я, этакая тоненькая тростиночка, гнущаяся при малейшем порыве ветра. Впрочем, само это изречение мне хорошо знакомо. Это строчка из философской поэмы Халилия Джебрана «Пророк». Легко догадаться, кто в тени кого прячется...

Но пока я еще не знаю, как мне выбраться из этой тени на солнце.

Я аккуратно свернула листок с цитатой из «Пророка» и положила его в конверт, а потом достала следующий конверт с координатами моего предполагаемого места рождения, которые вычислила для меня Алли. Пожалуй, именно эта подсказка пугала меня более всего.

Так ли уж я хочу на самом деле узнать, где именно отыскал меня папа?

Пожалуй, на данный момент я совершенно не чувствую такой потребности. Мне и сегодня по-прежнему хочется быть дочерью своего отца и принадлежать Атлантису.

С этими мыслями я снова спрятала конверт с координатами в папку, после чего взяла в руки коробочку и открыла ее.

Внутри лежала маленькая черная фигурка какого-то животного, вырезанная, скорее всего, из оникса. Я достала фигурку и принялась разглядывать ее с разных сторон. Плавные линии фигурки животного выдавали его принадлежность к породе кошачьих. Я глянула на основание и увидела там клеймо, а чуть ниже было выгравировано и название статуэтки.

Пантера

Два маленьких драгоценных камешка желтоватого цвета, вставленные в глазницы животного, хитровато подмигнули мне, переливаясь в еще слабых, самых первых лучах утреннего солнца.

– Кому же ты принадлежала? – спросила я пантеру вслух. – И какое отношение эти люди имеют ко мне?

Я осторожно положила пантеру обратно в коробочку, поднялась со скамьи и направилась к армиллярной сфере. В последний раз я видела ее, стоя в окружении всех своих сестер. Все мы тогда недоумевали, что бы это значило и почему отец оставил нам в наследство столь странную скульптуру. И вот я снова стою рядом с ней и внимательно разглядываю золотистый шар, заключенный в своеобразную арматуру из серебряных полосок. Очень элегантная конструкция. Все исполнено на самом высочайшем уровне, безупречная работа. На золотистом глобусе отчетливо просматриваются контуры всех континентов Земли, омываемые со всех сторон семью морями. Я медленно прошлась вокруг шара. На серебряных полосках выбиты греческие имена всех моих сестер. Майя, Альциона, Селено, Тайгете, Электра... И конечно, я сама – Астеропа.

«Что имя?», мысленно процитировала я слова Джульетты из шекспировской трагедии. И снова, уже в который раз, задумалась над тем, что же в наших именах первично. Назвали нас так в честь

мифологических героинь? Или, наоборот, сами имена выбрали именно нас, каждую из нас? Взять хотя бы меня. В отличие от остальных моих сестер, про героиню, подарившую мне свое имя, практически ничего не известно. Уж не потому ли, размышляла я порой, я и сама скользку невидимкой в собственной семье?

Майя – красавица; Алли – лидер; Сиси – прагматик; Тигги – воспитательница; Электра – шаровая молния... А что же я сама? Наверняка мне была уготована участь некой миротворицы, не иначе.

Что ж, если молчание гарантирует мир в доме, то тогда, несомненно, это *мой* стиль поведения. Наверное, отец предназначил мне такую участь с самого момента моего появления на свет, не приняв в расчет то, какими задатками я обладала на самом деле. Ну, а я потом старалась жить так, чтобы максимально соответствовать избранному идеалу. Впрочем, одно не вызывало у меня сомнения: все мои сестры как нельзя лучше соответствовали личностным качествам своих мифологических прототипов.

Меропа...

Взгляд мой непроизвольно выхватил седьмую металлическую полоску. Я наклонилась, чтобы разглядеть ее получше. Никаких координат на ней не значилось. И никакого изречения там тоже не было. Сестра, которая так и не появилась в нашем доме. Седьмой ребенок, которого должен был привести из своего очередного странствия Па Солт. И все мы ждали. Но папа так и не привез в Атлантис седьмую девочку. А была ли она вообще? Или отец, будучи перфекционистом во всем, просто посчитал, что и армиллярная сфера должна быть воспроизведена в своем законченном виде, то есть чтобы все было как надо, а потому и добавил седьмую полоску с именем несуществующей седьмой сестры? А может, он мысленно прикидывал и другой вариант? Вдруг у кого-то из моих сестер родится девочка, и тогда ее можно будет назвать Меропой. И таким образом папина армиллярная сфера получит свое правомерное завершение.

Я тяжело опустилась на скамью, пытаюсь припомнить, заводил ли когда-нибудь при жизни отец разговор со мной о седьмой сестре. Но ничего подобного я так и не вспомнила. Собственно, он и о самом себе тоже не особо распространялся. Его всегда гораздо более интересовало все то, что происходило *в моей жизни*. И вот что получилось в итоге... Хотя я любила Па Солта всем сердцем и душой, любила именно так,

как любят дочери своих родных отцов, и хотя он, наряду с Сиси, был для меня самым дорогим человеком на свете, я вдруг поняла, к своему удивлению, что практически ничего о нем не знаю.

Ну, разве что какие-то мелочи... Папа любил заниматься садоводством, он явно был очень богат. Но вот источник его благосостояния оставался для всех нас такой же мистической загадкой, как и седьмая полоска на армиллярной сфере. А ведь у меня никогда, ни на минуту, не возникало ощущения, что мы с отцом не близки. Или что он неохотно делился со мной какой-то информацией, если я о чем-то расспрашивала его.

Наверное, все дело в том, что я никогда не задавала ему правильных вопросов. Да, пожалуй, и остальные мои сестры тоже ни единого раза не спросили его о том, о чем можно было бы и должно было бы спросить.

Я поднялась со скамьи и пошла по саду, проверяя, где и что растет, и мысленно составляя список своих наказов для нашего садовника Ганса. Нужно будет обязательно встретиться с ним и переговорить обо всем, прежде чем я уеду из Атлантиды.

После прогулки по саду я повернулась в сторону дома и вдруг поймала себя на одной мысли. Еще вчера мне так отчаянно хотелось поскорее попасть в Атлантиду, а уже сегодня я готова бросить все и лететь обратно в Лондон. Действительно, пора начинать заниматься своей собственной жизнью.

Конец июля. В эту пору в Лондоне всегда душно и влажно. Мне особенно достается. Ведь я целые дни провожу в душном кухонном помещении без окон, расположенном в одном из лондонских районов под названием Бэйзуотер. Мои кулинарные курсы рассчитаны всего лишь на три недели, но и за столь короткий срок я успела усвоить бездну знаний, касающихся кухни и всего того, что с ней связано. Пожалуй, больше, чем за всю свою предшествующую жизнь. Теперь я умею нарезать овощи мелкими кусочками, брусочками и тонкой соломкой, ловко управляясь с поварским ножом, который словно стал продолжением моей руки. Я мешу хлебное тесто до изнеможения, пока не начинают ныть все мускулы, а потом испытываю самое настоящее счастье, наблюдая за тем, как оно подходит, как поднимается, уже готовое к выпечке.

Каждый вечер по окончании занятий мы получаем задание на следующий день: придумать меню и расписание подачи блюд, а по утрам приступем к исполнению задуманного, реализуя на практике наши смелые *mise en place*, то есть собственные кулинарные замыслы. Но первым делом проверяем наличие всех ингредиентов, подбираем соответствующую посуду, рачительно готовим и приводим в порядок свое рабочее место. А по окончании занятий так же тщательно убираем его, протираем до блеска каждую рабочую поверхность. Чтобы все вокруг сверкало и радовало глаз. В такие минуты я, как ни странно, чувствовала некое особое удовлетворение от того, что уж в эту кухню Сиси точно не проникнет и не устроит в ней свой обычный бедлам.

Состав слушателей на наших курсах довольно пестрый: мужчины и женщины всех возрастов, начиная от привилегированной восемнадцатилетней молодежи и заканчивая пожилыми домохозяйками, уже успевшими изрядно утомиться и от плиты, и от прочих домашних забот. Но в какой-то момент дамы возжелали придать изюминку своим обедам, устраиваемым где-нибудь среди пасторальных пейзажей в романтическом графстве Суррей.

– Я двадцать лет отработал водителем грузовика, – делится со мной Пол, сорокалетний здоровяк, к тому же разведенный, выкладывая на противень аккуратные трубочки для эклера, из которых он потом примется готовить нежнейшие гужеры с сыром, особое лакомство из заварного теста. – А всю жизнь мечтал быть поваром, и вот наконец-то смог осуществить свою мечту. – Он весело подмигивает мне. – Жизнь ведь так коротка, не правда ли?

– Да, – соглашаюсь я с ним понимающим тоном.

К счастью, невеселые размышления о своей собственной безысходной ситуации отходят на занятиях на второй план. Помогает еще и то, что Сиси загружена не меньше, чем я сама. Если она не занимается подбором мебели для нашей новой квартиры, то целыми днями колесит по Лондону из конца в конец на броских автобусах красного цвета в поисках вдохновения для своей очередной инсталляции. Что это такое, понять трудно, но постепенно наша крохотная гостиная заполняется всяким хламом, подобранным Сиси в ходе ее блужданий по городу. Здесь и искореженные и помятые жестянки, явно с какой-нибудь свалки, и куски красной черепицы, и пустые канистры из-под бензина, источающие смрадный запах, и, что особенно напугало меня, когда я увидела «это» впервые, какое-то наполовину обгоревшее чучело в человеческий рост с ошметками одежды и соломы, которой чучело, судя по всему, было набито изначально. Но Сиси все объяснила.

– Каждый год в ночь на 5 ноября англичане сжигают на кострах чучело человека по имени Гай Фокс. Удивляюсь, как вот это чучело уцелело и дожило аж до июля месяца следующего года, – промолвила Сиси, загружая степлер новой порцией скрепок. – Вроде как этот парень когда-то вместе с другими заговорщиками пытался взорвать здание парламента. Но вся эта история случилась давным-давно, много лет тому назад, точнее, много столетий тому назад. Словом, чокнутые они все, эти англичане, – рассмеялась сестра в завершение своего рассказа.

Но вот началась последняя неделя занятий на кулинарных курсах. Нас всех разбили на пары и попросили приготовить ланч, состоящий из трех блюд.

– Все вы прекрасно понимаете, как важна слаженная работа на кухне, что включает в том числе и умение трудиться в команде, –

обратился ко всем участникам Маркус, руководитель наших курсов, молодой человек с очень яркой и запоминающейся внешностью. – Вы должны научиться работать и под давлением извне, то есть не только уметь отдавать своим помощникам приказы, но и самим исполнять чужие приказы. Итак, работаем парами.

У меня упало сердце, когда я увидела, что мне в пару дали Пьера, совсем еще желторотого юнца. Как правило, на занятиях парень предпочитал отмалчиваться, почти никогда не участвовал в наших общих обсуждениях, если не считать веселых шуточек, которые он с чисто юношеской непосредственностью время от времени отпускал.

Положительным моментом в нашем временном союзе было лишь то, что Пьер обладал врожденным кулинарным талантом. И к превеликому раздражению многих других учащихся, именно его чаще всего ставил нам в пример Маркус, не жалея похвал, которыми он буквально осыпал Пьера.

– Да он просто запал на него, – услышала я пару дней тому назад в туалете, как Тиффани, юная английская мисс в полном боевом прикиде, жаловалась своим подружкам, таким же шикарным девицам, как и сама, на предвзятость нашего наставника.

Я лишь молча улыбнулась про себя, ополаскивая руки под краном. А еще подумала, когда же все эти люди в конце концов повзрослеют? Или так и будут всю жизнь выяснять отношения между собой, словно ребятня на детской площадке?

* * *

– Итак, Сия, сегодня у тебя последний день занятий, – улыбнулась мне Сиси на следующее утро, пока я второпях допивала свою чашку кофе. – Желаю выйти победительницей в ваших кулинарных поединках.

– Спасибо. До встречи, – попрощалась я уже на выходе из квартиры и заторопилась на автобусную остановку на Тутинг-Хай-стрит, чтобы успеть на свой автобус. Конечно, на метро было бы гораздо быстрее, но мне нравится разъезжать по Лондону именно на автобусе, попутно знакомясь с самим городом. На остановке меня поджидало сообщение, согласно которому маршрут моего автобуса

поменялся в связи с тем, что на Парк-Лейн ведутся ремонтные работы газопровода. А потому автобус, проехав по мосту через Темзу, держа курс на север, покатил совсем иным путем. Мы проехали через Найтбридж, забитый в это время транспортом до отказа, и с трудом выбрались на более или менее свободное пространство без всех этих раздражающих пробок, попутно миновав величественное куполообразное здание Ройял-Алберт-Холла, одного из крупнейших концертных залов Лон-дона.

Издав вздох облегчения при мысли о том, что мы наконец вырулили на привычный маршрут, я включила музыку и стала слушать в наушниках свое любимое «Утреннее настроение» Эдварда Грига, музыку, которая сразу же напоминала мне об Атлантиде. Потом переключилась на «Ромео и Джульетту» Сергея Прокофьева. Эту музыку я тоже часто слышала дома в исполнении Па Солта. Как хорошо, подумала я, что люди придумали эти умные айподы. У нас ведь с Сиси совершенно разные музыкальные вкусы. Моя сестра предпочитает тяжелый рок, а потому вечерами старенький CD-плеер в нашей спальне буквально разрывается на части, вибрируя как ненормальный и попутно наполняя все помещение пронзительными звуками гитар и голосами, то и дело срывающимися на крик. Но вот автобус замедлил ход, подъехав к очередной остановке, я невольно глянула в окно, чтобы прочесть название улицы, но не обнаружила никаких вывесок. Разве что успела разглядеть уже тогда, когда автобус стал отъезжать от остановки, как слева по ходу движения мелькнула вывеска над одним из магазинчиков. *Артур Морстон...*

Я, вытянув шею, повернулась назад, чтобы убедиться в том, что прочитала все правильно. Но было поздно, автобус уже успел отъехать слишком далеко. Зато когда водитель свернул направо, я увидела на дорожном знаке название улицы: *Кенсингтон-Черч-стрит*. Получается, что я только что проехала по улице, которая фигурировала в качестве одной из папиных подсказок. От этой мысли у меня по спине пробежал холодок.

Я продолжала размышлять о столь странном совпадении и потом, когда вместе с другими учащимися наших курсов вошла в помещение кухни.

– Доброе утро, сердце мое. Готова на штурм кулинарных высот? – приветствовал меня Пьер, радостно потирая руки в предвкушении

своего очередного триумфа.

Я нервно сглотнула слюну. Вообще-то я – самая настоящая феминистка в полном смысле этого слова. То есть для меня *равенство полов* – это вовсе не пустой звук. Терпеть не могу мужского доминирования над собой. И уж точно на дух не переношу все эти ласковые словечки типа «сердце мое» и прочее. Причем независимо от того, кто меня так называет, мужчина или женщина.

– Итак, – услышала я жизнерадостный голос Маркуса, внезапно появившегося на кухне. Он тут же раздал каждой паре участников какие-то бланки, на первый взгляд пустые. – Взгляните на обратную сторону бланка. Там указано меню для каждой пары соревнующихся, которое вы должны будете приготовить. Все участники обязаны уложиться до полудня. Ровно в двенадцать часов дня все блюда должны быть выставлены вами на рабочем столе для всеобщего обозрения. В запасе у вас два часа времени. За работу, друзья мои! И удачи вам! А сейчас можете ознакомиться со своими заданиями.

Пьер тут же выхватил бланк из моей руки, и мне пришлось, уже заглядывая через его плечо, читать все то, что мы с ним были обязаны приготовить.

– Мусс из гусиной печени с сухариками Мелба, тушеный лосось с гарниром из картошки по-французски, то есть запеченной вместе со сливками и сыром, плюс соте из зеленого горошка. А на десерт – клубника со взбитыми сливками и меренгами под названием «Итонская мешанка», – огласил Пьер вслух наше меню и добавил: – Отлично! Я принимаюсь за мусс из фуа-гра и за лосося, поскольку рыба и мясо – это мое. А за тобой овощи и десерт. Но советую начать с выпечки меренг.

Я хотела возразить своему напарнику, сказать, что могу не хуже его приготовить мусс и потушить лосося. К тому же оба эти блюда, несомненно, гвоздь всего нашего меню летнего обеда. Но вовремя спохватилась и сказала сама себе, что один разок могу и смириться с мужским диктатом. К тому же, как заметил Маркус, нам всем нужно учиться работать в команде. А потому, вместо того чтобы спорить, занялась взбиванием белков с сахарной пудрой.

Неумолимо приближался к своему окончанию отпущенный нам запас времени протяженностью в два часа, но я, как ни странно, сохраняла спокойствие и была, как говорится, во всеоружии. Зато Пьер

нервно суетился, переделывая заново блюдо из гусиной печени. То, что мусс получился не таким, как ему бы хотелось, он понял лишь на последних минутах и тут же бросился спасать положение. Я взглянула на казанок, в котором он тушил лосося. Я была почти уверена в том, что напарник уже изрядно передержал рыбу на огне. Я попыталась сказать ему об этом, но он лишь досадливо отмахнулся от меня рукой.

– Итак, друзья мои, время! Пожалуйста, прекращайте работу, – звонким голосом оповестил Маркус на всю кухню. И тут же послышалось звяканье кастрюль, крышек, тарелок. Все повара отступили на шаг от своих рабочих мест. Лишь один Пьер проигнорировал приказ шефа. Он лихорадочно выкладывал рыбу на блюдо рядом с моей картошкой и соте из зеленого горошка.

Но вот щедро осыпав похвалами и отдав должное вкусовым качествам блюд, приготовленных предшествующими пятью парами соревнующихся, Маркус приблизился к нашему рабочему месту. Как я и предполагала, он начал дегустацию с мусса, внимательно оценил внешний вид блюда, попробовал, какова текстура, после чего одобрительно улыбнулся, глянув на своего любимца:

– Превосходная работа. Переходим к лосося.

Он откусил кусочек рыбы, и я увидела, как наставник мгновенно помрачнел, недовольно скривился и сразу же уставился на меня.

– А вот это не совсем хорошо. Точнее, совсем плохо. Рыба перетушена. А вот гарнир... горошек и картофель, – он попробовал и то, и другое, – здесь у меня нет вопросов. Гарнир отличный.

И он снова улыбнулся Пьеру. Я глянула в упор на своего партнера, ожидая, что тот сейчас во всем признается и скажет Маркусу, что это именно он испортил рыбу. Но парень лишь поспешно отвел глаза в сторону и промолчал. А Маркус между тем принялся за дегустацию «Итонской мешанки».

Впрочем, ничего похожего на мешанку не наблюдалось. Приготовленный мною десерт скорее напоминал по своим внешним очертаниям тюльпан, который вот-вот распустится. Меренги образовали своеобразный сосуд, став основанием, на которое я выложила клубнику, изрядно сдобрив ее черносморозинным ликером, а сами меренги упрятав под толстым слоем крема шантильи. Я с замиранием сердца ожидала вердикт Маркуса. Либо он одобрит мою мешанку, и она придется ему по вкусу, либо с ходу отвергнет

клубничный десерт. Вот он зачерпнул полную ложку и отправил ее в рот, пробуя блюдо на вкус.

– Великолепно, Стар! Восхитительный вкус. И сама подача блюда впечатляет. Очень креативно... Отличная работа.

В итоге Маркус присудил нам с Пьером первое место за мусс из гусиной печени и за мой десерт.

В раздевалке я открыла свой шкафчик, при этом хлопнув дверцей несколько громче, чем следовало бы, достала оттуда свою одежду и с облегчением сбросила белоснежную поварскую униформу.

– Удивляюсь, как ты только смогла промолчать!

Я подняла глаза, чтобы посмотреть, кто говорит. Странно, но именно эти же самые слова вертелись и в моей собственной голове. Оказалось, это была Шанти, красавица индианка, приблизительно одного со мной возраста. Она была единственной в нашей группе, если не считать меня, кто никогда не участвовал в общих пирушках, не торопилась после окончания занятий пропустить стаканчик-другой в баре вместе с остальными однокурсниками. И тем не менее в группе все ее любили. От нее веяло каким-то особым покоем. Всем своим видом она источала положительную энергию, распространяя ее вокруг себя.

– Я же своими глазами видела, как Пьер испортил рыбу, передержал ее на огне. Он работал как раз рядом со мной. Почему же ты ничего не сказала Маркусу? Не стала возражать, когда он во всем обвинил тебя?

Я лишь молча пожала плечами в ответ.

– А что тут говорить? В конце концов, это всего лишь кусок рыбы и только...

– А вот я бы не стала отмалчиваться! Ни за что! Ведь Пьер повел себя нечестно по отношению к тебе. А любая несправедливость, по моему, должна быть тут же обнародована и наказана.

Я достала из шкафчика свою сумочку, не зная, что ответить на эти слова Шанти. Другие девушки уже успели покинуть раздевалку. Явно торопились в бар, чтобы в последний раз посидеть всем вместе и отметить окончание нашей учебы. На ходу попрощались с нами и оставили наедине друг с другом. Я стала завязывать шнурки на кроссовках, попутно наблюдая за тем, как Шанти расчесывает свои

густые смоляные волосы, потом тонкими изящными пальцами берет тюбик темно-красной помады и подкрашивает губы.

– Всего доброго, – бросила я ей, тоже направляясь к выходу из раздевалки.

– Может, пойдем и тоже пропустим где-нибудь по стаканчику? – неожиданно предложила она мне. – Я тут знаю одно уютное местечко. Совсем рядом, за углом. Там всегда тихо. Думаю, тебе понравится.

Какое-то время я мялась в нерешительности. Разговоры по душам с глазу на глаз – не моя стихия. Но невольно я поймала изучающий взгляд Шанти, обращенный на меня, и тут же согласилась.

– А почему бы и нет? Пойдем.

Мы прошли пару шагов и увидели прямо перед собой винный бар. Устроились за столиком в самом дальнем углу зала.

– Итак, Стар Загадочная, – с улыбкой глянула на меня Шанти. – Расскажи мне о себе. Кто ты? Откуда?

По правде говоря, я всегда больше всего на свете боюсь именно таких вопросов, хотя у меня имеется наготове такой пакетный ответ на все вопросы сразу.

– Я родилась в Швейцарии. У меня пять сестер. Мы все приемные дети. Училась в Сассекском университете.

– Что изучала?

– Английскую литературу. А ты чем занимаешься?

– Я британка в первом поколении. Мои родители переехали сюда из Индии. По специальности я психотерапевт. Контингент моих пациентов – это, главным образом, люди, страдающие депрессией и различными суицидальными комплексами. К сожалению, таких людей очень много в наши дни. – Санти подавила тяжелый вздох. – Особенно в Лондоне. Родители постоянно давят на своих чад, чтобы они чего-то добивались в этой жизни, и прочее, и прочее... Все это мне хорошо знакомо и не понаслышке.

– А почему ты записалась на кулинарные курсы?

– Потому что очень люблю готовить! Кулинария – это для меня самое большое удовольствие в жизни. – Она широко улыбнулась. – А ты почему?

А эта женщина может разговорить любого, подумала я. Такая уж у нее специальность. И тут же мысленно приказала себе быть начеку.

– Мне тоже нравится готовить.

– Хочешь в будущем работать поваром?

– Нет. Думаю, мне нравится возиться на кухне, потому что у меня хорошо получается. Наверное, звучит немного самонадеянно, да?

– Что значит самонадеянно? – весело рассмеялась в ответ Шанти. Ее мелодичный голос невольно ласкал слух. – Разве напитать человеческое тело менее важно, чем накормить его душу? Так что никакой самонадеянности или тем более эгоизма я в твоём увлечении не вижу. И потом, по себе знаю, всегда приятно заниматься тем, что у тебя хорошо получается. Это, кстати, самым положительным образом сказывается и на результатах твоих усилий. Страсть, она, знаешь ли, всегда способствует. А у тебя какие увлечения, Стар?

– Люблю разводить цветы... А еще...

– Что?

– Люблю писать.

– А я вот люблю читать. Чтение не только расширяет мой кругозор, оно еще и просвещает меня. У меня никогда не было денег, чтобы путешествовать по миру. Вот я и путешествую вместе с книгами. Где ты живешь?

– В Тутинге. Но мы скоро переезжаем в Баттерси.

– Как здорово! Я тоже живу в Баттерси. Рядом с Куинстаун-роуд. Знаешь, где это?

– Нет. Я еще пока мало знаю Лондон.

– А после университета где обитала?

– Можно сказать, нигде. Я много путешествовала.

– Счастливая, – вздохнула Шанти. – Надеюсь, и мне когда-нибудь удастся посмотреть на мир хоть одним глазком... Прежде чем я умру... Но сегодня денег на заграничные путешествия у меня нет. А как тебе удалось осилить все эти поездки?

– Мы с сестрой обычно во время наших путешествий всегда старались найти себе работу там, где останавливались. Она трудилась в баре, а я, главным образом, подрабатывала уборкой квартир.

– Вау! Стар, ты такая красавица, такая яркая и необычная девушка. Не могу представить себе, что ты драила чьи-то туалеты. Но молодец! Выходит, ты по натуре вечная странница... Нигде не можешь задержаться надолго.

– Скорее это уж моя сестра, чем я. А я просто следую за ней.

– Вот как? И где же она сейчас?

– Дома. Мы живем вместе. Моя сестра художник. В следующем месяце она приступает к занятиям в Королевской академии искусств. Базовый курс лекций по мировому искусству.

– Понятно... А приятель у тебя есть? Что-то серьезное, я имею в виду...

– Нет.

– И у меня на данный момент тоже никого. А в прошлом случалось что-то стоящее?

– Нет. – Я взглянула на часы, чувствуя, как краска ударила мне в лицо. Надо же... Не стесняется задавать столь бесцеремонные вопросы. Очень смахивает на такой прицельный огонь по противнику. – К сожалению, мне пора.

– Конечно, конечно, что за разговор.

Шанти залпом осушила свой стакан до дна и проследовала за мной к выходу.

– Я рада, что познакомилась с тобой поближе, Стар. Вот моя визитка. Жду от тебя эсэмэсок, хотя бы изредка. Мне будет интересно узнать, как у тебя сложатся дела. А захочешь поговорить лично, я всегда к твоим услугам.

– Обязательно позвоню. До свидания.

Я резко развернулась и поспешила прочь. Не привыкла обсуждать свою личную жизнь. Ни с кем. Вот и после разговора с Шанти у меня осталось странное чувство неловкости.

* * *

– Ну, наконец-то явилась не запылилась! – Сиси встретила меня, оперев руки в боки, прямо у дверей. – Куда это ты запропастилась, Сия?

– Да вот зашла с приятельницей в бар. Пропустили по стаканчику на прощание.

Я прошмыгнула мимо Сиси напрямиком в ванную и тут же плотно прикрыла за собой дверь.

– Могла бы хоть предупредить, что задерживаешься. Я тут, понимаешь, развела стряпню... Думала, отпразднуем окончание твоей учебы. Наверняка все же успело остыть и прийти в негодность.

Сиси практически никогда не занималась тем, что сама же только что назвала «стряпней». В тех редких случаях, когда я отсутствовала или по каким-то причинам не успевала приготовить нам с ней еду, сестра всегда питалась где-нибудь на стороне, в кафе или в закусочной.

– Прости, не подумала, – искренне повинулась я перед ней. – Через пару секунд буду готова.

Я прислушалась к шагам Сиси. Она явно заторопилась обратно на кухню. Я сполоснула руки под краном и откинула пряди волос с лица. Потом слегка пригнула колени, чтобы получше разглядеть собственное отражение в зеркале.

– Нужно что-то менять, срочно, – проронила я, глядя на саму себя.

В августе Лондон стал похож на город-призрак. Те, кому позволяли средства хотя бы на короткое время поменять капризный английский климат с его всего лишь двумя вариантами режима: «сыро и туманно» и «солнечно и влажно», между которыми он и колеблется постоянно, так вот, все эти счастливичики благополучно покинули туманные берега Альбиона и умчались прочь к другим берегам. А сам Лондон погрузился на это время в спячку в ожидании, пока его ветреные обитатели не вернуться снова к родным очагам и в городе снова забурлит активная деловая жизнь.

Я сама пребывала все последние недели в состоянии апатии и некоего своеобразного, не знакомого мне ранее, оцепенения. Первые дни после смерти Па Солта я начисто лишилась сна. Зато сейчас с трудом заставляла себя по утрам подняться с постели. В отличие от меня Сиси буквально кипела активностью. Целыми днями носилась по городу как угорелая, да еще и меня заставляла, повсюду таская за собой. То, видите ли, надо помочь ей определиться с выбором марки холодильника, то посоветовать с плиткой для отделки ванной комнаты в нашей новой квартире.

В одну из суббот, когда на улице царили особенно невыносимая духота и влажность и я уже заранее спланировала весь день проваляться в кровати с книжкой в руках, она приказным тоном велела мне немедленно подниматься с постели и приводить себя в порядок. Дескать, впереди нас ждет марш-бросок на автобусе в какой-то антикварный магазин. У нее и тени сомнения не было в том, что сама идея придется мне по душе, как и та мебель, которая поджидает нас в означенном антикварном магазине.

– Ну вот мы и приехали! – радостным тоном объявила мне сестра, когда автобус медленно подъехал к очередной остановке. – Дом, в котором находится магазин, имеет порядковый номер 159. Значит, мы уже на месте.

Мы вышли на тротуар, и я с трудом удержалась от того, чтобы не вскрикнуть. Уже дважды за последние пару недель я оказалась всего лишь в паре шагов от двери с вывеской «Артур Морстон Букс». Сиси

повернула налево, направляясь в магазин, расположенный по соседству. Я же нарочито замедлила свой шаг, чтобы выиграть немного времени и хотя бы мельком взглянуть в витринное стекло книжного магазина и увидеть, что там внутри. Взглянула и увидела... Все стеллажи до самого потолка уставлены старинными книгами. Когда-нибудь, подумала я, когда у меня заведутся деньги, я тоже начну коллекционировать всякие антикварные инкунабулы. И у меня появится наконец собственный дом, а в нем камин, по обе стороны от которого протянутся полки, тоже сплошь заполненные редкими старинными изданиями.

– Поторопись, Сия. Уже без пятнадцати четыре. А я и понятия не имею, во сколько они закрываются по субботам.

Я ускорила шаг и вошла вслед за сестрой в антикварный магазин. Все помещение было забито до отказа мебелью в восточном стиле: лакированные столики с ярко алыми столешницами, буфеты, выкрашенные в черные цвет, дверцы которых расписаны изящными бабочками, позолоченные статуи будды, все, как один, с невозмутимыми улыбками на устах.

– Жаль, что мы в свое время не загрузили контейнер для перевозок подобными предметами, когда путешествовали по Востоку, – заметила Сиси, удивленно вскинув брови при виде одного из ценников, после чего сделала выразительный жест руками, показывая, что экспонат стоит кучу денег. – Наверняка там нам бы все это обошлось гораздо дешевле. Что ж, придется поискать что-то подходящее в других местах, – добавила она.

Мы вышли из магазина и направились к автобусной остановке, попутно заглядывая в живописно оформленные витрины других старомодных магазинчиков и лавок, протянувшихся вдоль улицы. В ожидании автобуса я молча пялилась на вывеску книжной лавки Артура Морстона, которая располагалась как раз напротив остановки на другой стороне улицы. Моя сестра Тигги наверняка не преминула бы заметить, что это сама судьба. В любом случае такое совпадение действительно показалось мне весьма знаменательным.

Неделю спустя, когда Сиси поехала на нашу новую квартиру, чтобы лично посмотреть, как продвигаются работы по облицовке кафелем всех подсобных помещений, я пошла в местный крохотный магазинчик, расположенный на углу, чтобы купить пакет молока. Стоя у кассы в ожидании сдачи, непроизвольно скользнула глазом по заголовку в нижнем правом углу газеты «Таймс» и тотчас же застыла на месте.

КАПИТАН ЯХТЫ «ТИГРИЦА» ПОГИБ ВО ВРЕМЯ ШТОРМА НА ГОНКАХ ФАСТНЕТ

Я почувствовала, как у меня екнуло сердце. Ведь моя сестра Алли тоже участвует сейчас в этих гонках. И, если мне не изменяет память, именно в составе экипажа на яхте «Тигрица». Правда, под заголовком была помещена фотография мужчины, но от этого волнения у меня не убавилось. Я купила газету и тут же, прямо по дороге домой, лихорадочно пробежала глазами сообщение. После чего облегченно вздохнула. О других жертвах в ходе этого трагического инцидента не сообщалось. Судя по всему, погодные условия были ужасными. Три четверти всех яхт, заявленных для участия в гонках, были вынуждены сняться с соревнований и стать на прикол.

Я немедленно отправила эсэмэску Сиси, а вернувшись к себе, снова перечитала статью. Конечно, моя старшая сестра – настоящий профессионал. Алли занимается парусным спортом уже многие годы. Сама мысль о том, что она тоже может вот так же погибнуть на каких-нибудь соревнованиях, даже не приходила мне в голову. Никогда! Ведь наша Алли, она у нас живое воплощение самой *жизни*. Смелая, решительная, бесстрашно встречает любые испытания. Я всегда восхищаюсь ею... И немного завидую тоже.

Я тут же отправила коротенькую эсэмэску и ей тоже, сообщила, что прочитала о трагедии, которая случилась у них на гонках. Попросила незамедлительно связаться со мной. В эту минуту зазвонил мой мобильник, это была Сиси. Я поспешно нажала на клавишу «Отправить», отсылая свое сообщение Алли.

– Сия, я только что говорила с Ма, – затараторила мне в трубку сестра. – Она сама мне позвонила. Алли тоже участвовала в этих гонках и...

– Знаю. Я только что прочитала обо всем в газете. Остается лишь надеяться, что с нашей Алли все в порядке.

– Ма сказала, что ей уже кто-то позвонил и сообщил, что Алли жива. Наверняка их яхту сняли с соревнований.

– И слава богу! Бедняжка Алли! Представляю, как это страшно – терять своего капитана, да еще при таких драматичных обстоятельствах.

– Согласна с тобой. Все это просто ужасно. В любом случае я уже скоро буду дома. Наша новая кухня, доложу я тебе, выглядит просто фантастично. Тебе она точно понравится.

– Не сомневаюсь, – ответила я ровным голосом.

– Да. И вот еще что... Уже привезли наши кровати и двуспальную кровать во вторую спальню тоже. Так что совсем скоро мы переезжаем... Честное слово, не могу дождаться этой минуты. Все, пока.

Сиси отключилась, а я уже в который раз мысленно восхитилась ее умению быстро абстрагироваться от плохих новостей, переключаясь на всякие обыденные дела. Впрочем, я понимала, что это у нее такой своеобразный способ бороться с бедой, если она вдруг приходит. Потом я еще какое-то время размышляла над тем, что надо наконец собраться с духом и сказать Сиси, что две взрослые особы, достигшие двадцатисемилетнего возраста, могли бы уже начинать спать каждая в своей комнате, а не делить одну спальню на двоих. Тем более что рядом есть свободная комната. А на тот редкий случай, если к нам вдруг нагрянут гости, то я с легкостью перееду на пару дней в ее комнату. Ну не странно ли тесниться в одной комнате, когда комната по соседству пустует?

В один прекрасный день, Стар, тебе придется столкнуться с этим...

Да, именно так. В один прекрасный день. Но никак не *сегодня*.

* * *

Пару дней спустя, когда я занималась тем, что упаковывала свои скромные пожитки, готовясь к переезду на новую квартиру, мне позвонила Ма.

– Стар, – заговорила она в трубку.

– Да, это я. Что-нибудь случилось? С Алли все в порядке? Она не отвечает на мои эсэмэски, – мгновенно встревожилась я. – А ты до нее дозвонилась?

– Нет. Я с ней не разговаривала, но знаю, что она не пострадала. Я говорила с матерью погибшего капитана. Ты, наверное, читала в газетах, что он как раз возглавлял экипаж, в составе которого числилась и наша Алли. Славная женщина, его мать... – В трубке послышался легкий вздох. – Сын оставил ей номер моего телефона на тот случай, если с ним произойдет что-то плохое. Чтобы она обязательно позвонила мне. Женщина считает, что у ее сына было дурное предчувствие.

– Ты хочешь сказать, он заранее предвидел свою собственную гибель?

– Да... Видишь ли, дело в том, что Алли и Тео тайно обручились. Тео – это его имя.

Какое-то время я молчала в трубку, переваривая услышанную новость.

– Полагаю, – продолжила свой монолог Ма, – Тео предвидел, что в случае трагедии Алли испытает настоящий шок и будет просто не в состоянии обзванивать всех нас. Тем более что у них было все очень серьезно... Хотя она и не стала пока рассказывать о своих взаимоотношениях с Тео никому из вас.

– А ты об этом знала, Ма?

– Знала. Впрочем, для меня и так было очевидно, что наша Алли влюбилась по-настоящему. Она сама призналась мне, что наконец-то встретила того единственного, о котором могла лишь мечтать. Я...

Ма умолкла, не в силах продолжать.

– Какое горе, Ма. У меня просто нет слов.

– Прости, дорогая. Все нервы... Хотя я уже прожила достаточно долго и знаю, как жизнь умеет не только одарить тебя чем-то хорошим, но и бессердечно забирает свои дары... Однако для Алли ситуация особенно трагичная, особенно если вспомнить, что она потеряла любимого человека спустя считанные недели после смерти отца.

– А где она сейчас? – спросила я.

– В Лондоне. Она сейчас живет в доме матери Тео.

– Как ты думаешь, могу ли я навестить ее?

– Думаю, было бы замечательно, если бы вы смогли присутствовать на траурной церемонии. Селия – так зовут маму Тео, сказала мне, что отпевание пройдет в ближайшую среду в церкви Святой Троицы в Челси. Начало службы в два часа дня.

– Мы с Сиси обязательно там будем. Обещаю тебе, Ма... А остальным сестрам ты уже позвонила?

– Да. Но, к великому сожалению, никто из них не сможет приехать в Лондон.

– А ты сама будешь?

– Я... Стар, я тоже не смогу. Так что вам с Сиси придется представлять все наше семейство. Уверена, вы со всем справитесь отлично. Скажи Алли, что мы любим ее и выражаем ей свои глубочайшие соболезнования.

– Обязательно передам.

– Тогда я не буду звонить Сиси. Расскажешь ей все сама. А как дела у тебя, Стар?

– Все в порядке. Вот только... переживаю за Алли.

– Мы все переживаем и скорбим, милая. Пока не пиши ей и не пытайся дозвониться. Она сейчас никому не отвечает. Отключила на какое-то время все контакты.

– Хорошо, не буду надоедать ей. Спасибо, что предупредила, Ма. До свидания.

Когда вернулась Сиси, я постаралась как можно более спокойно передать ей наш разговор с Ма. А заодно сообщила и о дате, на которую назначена поминальная служба.

– Надеюсь, ты сказала Ма, что у нас вряд ли получится пойти на его отпевание. Мы же как раз переезжаем. Забот полон рот... Не до того! Сама подумай, пока распакуешь и разложишь по местам все вещи...

– Сиси, мы *должны* пойти на службу! Во что бы то ни стало. Хотя бы ради Алли.

– А другие сестры? Где они сейчас, хотела бы я знать? И почему ради парня, которого мы даже не знали, нам придется нарушать все наши планы?

– Что ты несешь? – Я вскочила с места, чувствуя, как во мне закипает злость. Еще мгновение, и все мое раздражение вырвется наружу. – Речь идет об Алли. При чем здесь ее жених? Алли – наша

сестра! Или ты забыла об этом? Она была рядом с нами всю нашу жизнь. Вот почему *мы просто обязаны* быть рядом с ней в эту трудную для нее минуту. И мы там будем!

С этими словами я выбежала из комнаты и закрылась в ванной. Во всяком случае, там хоть есть замок в дверях.

Я была настолько взбешена, что глаза бы мои больше не смотрели на Сиси. Меня буквально трясло от ярости. Что ж, тогда останусь здесь и приму ванну. В крохотном бетонном кубике ванной комнаты невольно начинаешь испытывать приступ клаустрофобии, но, как ни странно, именно пожелтевшая от времени ванна давала мне возможность уединиться и хоть какое-то время побыть одной.

Я погрузилась в воду и начала думать о Тео. О том, как он не смог спастись и самостоятельно выплыть из воды. От этих мыслей мне сразу стало не по себе. Я резко села, расплескав немного воды на бетонный пол, покрытый дешевым линолеумом. Дыхание мое стало прерывистым, как это бывает, когда тебя внезапно охватывает паника.

Послышался негромкий стук в дверь.

– Сия, с тобой все в порядке?

Я нервно сглотнула слюну и попыталась сделать несколько глубоких вдохов, жадно хватая ртом воздух. А вот Тео так и не справился со стихией. И больше уже никогда не будет дышать полной грудью.

– Все нормально, – ответила я сестре через дверь.

– Ты права, Сия. – Потом последовала долгая пауза. – Мне тоже очень жаль, что все так произошло. Конечно, мы должны быть в этот день рядом с Алли.

– Согласна, – ответила я, доставая затычку со дна ванны. Потом слегка перегнулась через ее край, чтобы взять полотенце. – Мы должны там быть.

* * *

На следующее утро к нам прибыл контейнеровоз для транспортировки грузов, с водителем которого Сиси договорилась обо всем заранее. Мы загрузили в машину свои скромные пожитки. Пожалуй, львиную долю перевозимого груза составили «находки»

Сиси, подобранные ею на разных свалках для своего будущего арт-объекта.

Потом мы отправились колесить по Южному Лондону, чтобы забрать в разных магазинах те предметы мебели, которые мы уже приобрели для своей новой квартиры.

Спустя три с лишним часа мы наконец добрались до Баттерси. Еще какое-то время ушло на то, чтобы сестра подписала все необходимые бумаги, которые ей вручили в агентстве по недвижимости, после чего нам отдали ключи от нашей новой квартиры. Сиси открыла замок во входной двери, и мы переступили порог. Огромная комната гулким эхом отозвалась на наше вторжение.

– Все еще не могу поверить, что все это принадлежит мне! – воскликнула Сиси и добавила великодушно: – Ну и тебе, конечно. Вот сейчас мы с тобой, Сия, в полной безопасности. Навсегда! Наконец-то у нас появился собственный дом. Разве это не замечательно?

– Замечательно, – коротко согласилась я с ней.

Она распростерла руки мне навстречу, и я, зная, что для Сиси – это *ее звездный час*, позволила ей обнять себя. Так мы и стояли, обнявшись посреди пустой комнаты, весело хихикая, словно две маленькие девочки, которые каким-то чудным образом уже успели повзрослеть, но так и не избавились от своих глупых детских привычек.

* * *

Как только мы переехали и немного обустроились на новом месте, Сиси каждое утро подскакивала с постели ни свет ни заря и тут же убегала из дома в поисках материалов для своих будущих инсталляций. Ей хотелось успеть управиться со всем этим до начала сентября, когда начнутся регулярные занятия в Академии искусств.

А я коротала целыми днями время в *полном одиночестве*, обживая нашу новую квартиру. Распаковывала коробки с постельными принадлежностями, полотенцами, кухонной утварью. Обо всем этом Сиси позаботилась заранее, заказав в самых разных торговых точках все необходимое для нашего с ней полноценного существования. Раскладывая в ящике на кухне острые, как бритва, ножи из

специального кухонного набора, я даже на какое-то время почувствовала себя молодой хозяйкой, которая сразу же после свадьбы бросилась обустраивать первый в своей жизни собственный дом. Вот только никакой хозяйкой я на самом деле не являлась. И близко ничего похожего.

Покончив с разбором вещей, я принялась за длинную террасу. Решила устроить там некое подобие настоящего живого сада. Я потратила все свои скромные сбережения и почти целиком то ежемесячное пособие, которое мне было назначено после смерти Па Солта, на то, чтобы купить всю необходимую мне рассаду и саженцы. Захотелось создать на террасе такой живописный зеленый уголок, радующий глаз своим разноцветьем. Однако когда я молча наблюдала за тем, как посыльный из садоводческого центра водрузил на балконный пол огромный терракотовый горшок с роскошным кустом камелии, сплошь усыпанный бутонами, то невольно подумала, что папа наверняка бы перевернулся в гробу, увидев мою столь экстравагантную покупку.

Впрочем, я тут же успокоила себя – в сложившейся ситуации он все понял бы правильно.

* * *

В среду я извлекла из гардероба приличествующие случаю траурные одежды для себя и Сиси. Правда, Сиси все равно пришлось облачиться в джинсы, хотя и черного цвета, поскольку у нее никогда не было ни платья, ни юбки.

Накануне я получила электронные послания от остальных сестер. Все они просили нас с Сиси выразить слова соболезнования и сочувствия Алли. Тигги, с которой я, пожалуй, была ближе всего, если не считать Сиси, попросила еще и дополнительно крепко обнять Алли за нее.

– Хотела бы я быть рядом с вами в этот день, – вздохнула она в трубку в телефонном разговоре со мной. – Но, к сожалению, здесь уже начался сезон охоты. Что ни день, к нам поступает множество раненых и покалеченных оленей.

Я клятвенно заверила Тигги, что обязательно обниму Алли от ее имени, а сама невольно улыбнулась, восхищаясь своей младшей сестрой и ее необыкновенной привязанностью к животным. В настоящее время она трудится в каком-то заповеднике для оленей, расположенном в высокогорной Шотландии. В свое время, когда она еще только нашла эту работу, я подумала, что это как раз именно то, что подходит нашей Тигги. Она у нас такая же легкая и быстроногая, как и те олени, которых она сейчас опекает. Отлично помню, с каким восхищением я наблюдала, как Тигги танцует на одном из школьных представлений. Ее врожденная грация, изящество и легкость движений, помнится, сразили меня тогда наповал.

Мы с Сиси вышли из дома и направились через мост в Челси, где должно было состояться отпевание Тео.

– Вау! – воскликнула пораженная Сиси, когда мы с ней встали в очередь желающих попасть в самую церковь. – Столько корреспондентов. И даже телевизионщики есть. Как думаешь, может, нам стоит дождаться Алли? Чтобы хотя бы поздороваться с нею...

– Не стоит. Давай устроимся где-нибудь на задних рядах. А с ней увидимся уже после окончания церемонии.

Огромная церковь была заполнена народом до отказа. Какие-то доброжелательные люди услужливо провели нас к одной из последних скамеек, и мы кое-как протиснулись на свободные места в самом конце ряда. Я слегка подалась вперед и увидела прямо перед собой алтарь, шагах в двадцати от того места, где мы сидели. Я почувствовала смятение и одновременно благоговение. Надо же, как любили Тео! Сотни людей пришли, чтобы отдать ему дань уважения и попрощаться с ним.

Внезапно в храме установилась звенящая тишина. Все собравшиеся разом повернулись к проходу. Восемь крепких молодых людей несли гроб с телом покойного. За гробом шла хрупкая белокурая женщина. Она опиралась на руку моей сестры.

Я посмотрела на Алли. Черты заострились. На лице застыла маска страдания и скорби. Когда они проходили мимо нашего ряда, у меня возникло непреодолимое желание вскочить с места и обнять сестру. И прямо сейчас сказать ей, как я горжусь ею. И как люблю.

Сама служба была необыкновенно возвышенной. Пожалуй, это были самые трогательные мгновения в моей жизни, исполненные

особой печали и высокой грусти. Я слушала добрые слова в адрес человека, которого никогда не видела и которого любила моя сестра. Когда нас попросили помолиться об усопшем, я обхватила голову руками и залилась слезами. Уйти из жизни таким молодым... Я оплакивала Тео, горевала о своей сестре... Ведь гибель любимого человека в одночасье перекроила и ее жизнь тоже. И одновременно я оплакивала уход Па Солта, который не дал нам, его дочерям, попрощаться с ним так, как принято. Кажется, я впервые в жизни осознала, как все же важны и нужны все эти старинные ритуалы и обряды. В минуты эмоционального хаоса, который воцаряется в душах людей, теряющих близких, они словно спасательный плот, помогающий удерживаться на плаву и не погрузиться с головой в пучину отчаяния и горя.

Я проследила за тем, как Алли поднялась со своего места и направилась по ступенькам к алтарю, возле которого разместился небольшой оркестр. Напряженная улыбка озарила ее лицо, когда она поднесла к своим губам флейту, на которой когда-то она столько лет училась играть. Под сводами храма зазвучала знакомая мелодия популярного народного танца матросский хорнпайп. Люди вокруг меня вдруг стали подниматься со своих мест и, скрестив руки, принялись совершать традиционные танцевальные па, слегка согнув колени. И вот уже вся церковь пришла в движение. Собравшиеся самозабвенно отплясывали в такт бравурной музыке. Когда Алли окончила играть, раздались бурные аплодисменты и несмолкаемые крики «браво!». Нет, такой удивительный миг я никогда не забуду.

Когда мы снова уселись на свои места, я повернулась к Сиси и увидела, что слезы градом текут по ее щекам. Это потрясло меня до глубины души. Ведь сестра моя так редко проявляет свои эмоции на людях. А здесь плачет словно дитя, навзрыд.

Я тихонько сжала ее руку.

– С тобой все в порядке?

– Боже, как красиво! – прошептала она растроганным голосом, отирая ладонью слезы. – Как красиво...

А потом гроб с телом Тео вынесли из церкви. И снова за ним шли его мать и Алли. Мы встретились с ней взглядами на какую-то долю секунды, и слабая улыбка промелькнула по лицу сестры. Мы с Сиси присоединились к остальным, тоже направляясь к выходу. На улице

замешкались на тротуаре в некоторой растерянности, не зная, что нам делать дальше.

– Может, пойдём, а? – предложила мне Сиси. – Тут такая толпа. И наверняка Алли нужно будет переговорить с каждым из тех, кто пришел на церемонию прощания.

– Нет. Мы должны хотя бы просто поздороваться с ней. Обнимем ее и сразу же уйдем.

– Взгляни! А вот и она.

Действительно я увидела, как из толпы вдруг отделилась Алли. Ее золотисто-рыжие кудри волнами рассыпались по плечам. Она направлялась к мужчине, одиноко стоящему несколько поодаль. Что-то в их позах подсказало мне, что не нужно им пока мешать. Пусть поговорят наедине друг с другом. Однако мы подошли чуть ближе, чтобы Алли наверняка заметила нас, когда закончит разговор.

Так и случилось. Она повернулась, намереваясь уйти, и лицо ее мгновенно озарилось, когда она увидела нас, спешащих к ней навстречу.

Не говоря ни слова, мы с Сиси тут же обхватили ее за плечи и крепко, изо всех сил, обняли и прижали к себе.

Начала Сиси. Она стала говорить Алли, как все мы глубоко сопереживаем ее горю. Я же молчала, не находя нужных слов. К тому же я боялась, что снова не сдержусь и разревусь. А сейчас совсем не подходящий момент для слез. Нельзя распускаться. Да и не мне сейчас проливать слезы по Тео.

– Правда ведь, Стар? – обратилась ко мне Сиси за подтверждением своих слов.

– Да, – с трудом выдавила я из себя. – Такая красивая служба, Алли.

– Спасибо.

– И так здорово было снова услышать твою игру на флейте. А ты совсем не растеряла своего мастерства за минувшие годы, – похвалила сестру Сиси.

– Послушайте, девочки. Мне надо бежать, мать Тео ждет меня. Но вы же зайдете к нам домой, чтобы помянуть Тео, не так ли? – поинтересовалась у нас Алли.

– К сожалению, нет. Мы сейчас никак не можем, прости, – ответила за нас двоих Сиси. – Но, Алли, мы же живем почти рядом... в

Баттерси. Только перейти через мост на другой берег Темзы, и ты уже у нас. Почему бы тебе самой не навеститься к нам, когда немного придешь в себя? – тут же предложила ей Сиси. – Ты только позвони, мы будем очень рады. Согласна, да?

– Правда, Алли, – подала я голос. – Было бы просто замечательно, если бы ты навестила нас. – Я снова крепко обняла сестру. – Все девочки шлют тебе свои слова сочувствия. Мы все любим тебя, Алли. Пожалуйста, береги себя, ладно?

– Постараюсь, – слабо улыбнулась в ответ Алли. – И еще раз, огромное вам спасибо за то, что пришли на траурную церемонию по Тео. Не могу передать вам, как меня тронуло ваше присутствие.

Алли еще раз благодарно улыбнулась на прощание, слегка помахав нам рукой, и тут же поспешила к черному лимузину, стоявшему рядом с тротуаром, который должен был отвезти ее и мать Тео к ним домой.

– Пойдем и мы, – сказала Сиси. – Прогуляемся немного пешком. – Она зашагала по тротуару в сторону моста. В какой-то момент я отвернулась, чтобы проследить, как машина с Алли и матерью Тео тронется с места. Алли, наша замечательная, мужественная, прекрасная старшая сестра. Непобедимая. Так, во всяком случае, я думала о ней всегда. Но сейчас она показалась мне такой хрупкой, такой незащитной... Казалось, что малейший порыв ветра может подхватить ее и унести за собой прочь. Я бросилась догонять Сиси и, ускорив шаг, подумала, что наверняка это любовь отняла у нее все силы.

А еще, мысленно пообещала я сама себе, и в моей жизни когда-нибудь наступит такой день, когда я смогу уже на собственном опыте прочувствовать во всей полноте и радость, и боль.

* * *

Алли сдержала слово. Я очень обрадовалась, когда спустя несколько дней она позвонила мне. Мы договорились, что она придет к ланчу. Заодно посмотрит нашу новую квартиру. Правда, Сиси не будет дома. Она с утра до вечера занята тем, что фотографирует старое здание электростанции в Баттерси, намереваясь использовать эти

фотографии в одном из своих новых проектов. Сразу же после телефонного разговора с Алли я стала продумывать меню нашего с ней завтрашнего обеда.

Когда на следующий день раздался звонок домофона, то по всей квартире уже вовсю плыли ароматнейшие запахи с кухни. Шанти права, подумала я. Сегодня я постараюсь накормить не только тело Алли, но и ее душу тоже.

– Здравствуй, родная, – приветствовала я сестру, открывая входную дверь. И тут же заключила ее в свои объятия. – Ну, как ты?

– Более или менее, – ответила она, входя следом за мной в квартиру.

Хотя внешний вид Алли со всей очевидностью свидетельствовал о том, что это как раз «менее».

– Вау! – издала она восхищенный возглас, разглядывая огромные окна во всю стену от потолка и до самого пола. – Фантастика! – Потом подошла ближе, чтобы обозреть панораму за окном.

Я накрыла стол на террасе, решив, что на улице достаточно тепло, чтобы позволить себе пообедать на свежем воздухе. Алли неподдельно восхитилась, увидев плоды моих садоводческих усилий. Я стала подавать еду, а она в это время принялась расспрашивать меня о том, как у нас с Сиси обстоят дела. Сердце мое разрывалось от боли при взгляде на сестру. Невооруженным глазом было видно, как у *нее самой* сердце разрывается на части от собственной невосполнимой утраты. Но одновременно я понимала, что Алли продолжает отчаянно сопротивляться, борется со своим горем, бросив на это все оставшиеся у нее силы. Она всегда так делала в трудные для себя минуты, мобилизуя все свои ресурсы, и всегда справлялась. И при этом никогда не искала сочувствия у других. Наверняка справится и сейчас.

– Господи, до чего же вкусно! – с благодарностью выдохнула она. – Столько скрытых талантов я открыла в тебе сегодня, Стар. А я вот могу приготовить только самое элементарное, на уровне яичницы, не более того... А уж что касается растениеводства... Думаю, мне не под силу вырастить даже обычный кресс-салат в горшке. Не говоря уже о всей этой красоте. – Алли взмахнула рукой в сторону горшков с цветами.

– А я, знаешь, в последнее время много размышляю над тем, что такое настоящий талант, – задумчиво бросила я в ответ. – Что это

такое? Природный дар, который дается человеку легко, как нечто само собой разумеющееся? Вот, скажем, ты... Ты ведь много потратила усилий для того, чтобы научиться играть на флейте так красиво. Так?

– Не думаю, что очень много. Во всяком случае, на начальных этапах обучения я точно не перерабатывала. Правда потом, когда потребовалось усовершенствовать свое мастерство, заниматься пришлось много. Очень много... Днями напролет. Как мне кажется, наличие врожденного таланта никогда не может полностью заменить труд. Тяжкий труд, который уходит как раз на шлифование этого самого таланта. Ведь мало того, чтобы мелодия просто зазвучала в твоей голове. Композитор, если речь, к примеру, идет о сочинении музыки, должен уметь записать ее с помощью нот на бумаге, а потом еще и переложить для оркестра, если это симфония или, скажем, концерт. А на это уходят годы и годы напряженной работы. Но именно через такие усилия и совершенствуется мастерство. Уверена, людей с врожденными способностями рождается очень много, но если мы не поставим свой талант на службу делу, не будем целенаправленно развивать его, то никогда не сможем раскрыть все свои способности в полной мере.

Я молча кивнула в знак согласия, а про себя задалась невольным вопросом, какие же собственные таланты я уже успела безвозвратно загубить?

– Поела, Алли? – спросила я у сестры, взглянув на ее тарелку – она едва прикоснулась к еде.

– Да, спасибо. Прости меня, Стар. Все действительно очень вкусно. Просто мне кусок не лезет в горло в последние дни. Совершенно нет аппетита.

Потом мы с ней поговорили еще какое-то время об остальных наших сестрах. Где они, что с ними сейчас... Попутно я рассказала ей о Сиси, о ее Академии искусств, о тех ее инсталляциях, над которыми она трудится не покладая рук все последние дни. Алли поделилась со мной новостями о Майе. Совершенно неожиданно для всех сорвалась с места и умчалась в Рио. И, судя по всему, наконец обрела в Бразилии свое долгожданное счастье.

– Новости о Майе очень порадовали меня, – сказала Алли. – А еще я просто счастлива повидаться с тобой, Стар.

– И я тоже, – откликнулась я. – А ты сама... Что собираешься делать дальше? Куда думаешь податься?

– Представь себе, вполне возможно, поеду в Норвегию. Намереваюсь заняться непосредственно на месте изучением тех координат, которые оставил мне Па Солт в качестве подсказки о том, где я появилась на свет.

– Отличная мысль. Думаю, ты решила правильно.

– Ты в самом деле так считаешь?

– Конечно. Почему нет? Папины подсказки могут круто изменить всю твою дальнейшую жизнь. Как это случилось с нашей Майей, к примеру.

После того как Алли ушла, клятвенно заверив меня на прощание, что она обязательно еще раз нагрянет к нам, причем очень скоро, я поднялась наверх в нашу с Сиси спальню и достала из ящика комода свою пластиковую папку. Комод в современном авангардистском стиле имел необычную ступенчатую форму. Но это уже целиком во вкусе Сиси. Не мой выбор.

Я опять отколола карточку, которую папа присовокупил к своему письму, и принялась уже в который раз внимательно изучать ее. И тут я вспомнила взгляд Алли, когда она сообщила мне о своем намерении поехать в Норвегию. В ее глазах читалась надежда. Я сделала глубокий вдох и решительно взяла в руки запечатанный конверт с координатами, которые отыскала для меня Алли. И наконец вскрыла его.

* * *

Проснувшись на следующее утро, я увидела слабый туман, стелющийся над рекой. А позже, когда занялась осмотром своего сада на террасе, обнаружила, что все вокруг покрыто обильным слоем росы. Конечно, в таком обилии зелени трудно было разглядеть первые следы увядания, разве что через микроскоп. Если, правда, не считать быстро отцветающие розы и другие летние цветы, высаженные в небольших горшках. Однако в воздухе уже явственно витал едва уловимый аромат приближающейся осени. Я невольно улыбнулась.

Да, осень уже в пути. Но я *люблю* осень, очень люблю.

Затем я снова поднялась наверх, выудила из нижнего ящика комода свою пластиковую папку и, не дав себе времени на размышления, чтобы – не дай бог! – мой чересчур аналитический ум не стал анализировать все возможные последствия собственного шага, тут же устремилась на ближайшую автобусную остановку.

А через полчаса я уже стояла возле книжного магазина «Артур Морстон Букс». Для начала я принялась разглядывать витрину, в которой разместились экспозиция старинных атласов и карт, разложенных на выцветшем от времени пурпурном бархате. Я обратила внимание на то, что на одной из карт региона Юго-Восточной Азии Таиланд был обозначен еще своим прежним названием: Сиам.

В центре экспозиции стоял небольшой пожелтевший глобус на подставке. Точно такой же красовался и в папином кабинете в Атлантиде. Разглядеть с улицы, что творится внутри магазина, было практически невозможно. Несмотря на яркий солнечный день, торговый зал утопал в полумраке, точь-в-точь как в книжных лавках времен Диккенса, как они описаны в его романах. Какое-то время я мялась в нерешительности возле входа в магазин, прекрасно отдавая себе отчет в том, что, переступив порог, сделаю еще один шаг на пути в неизведанное, хотя и сама еще толком не знаю, готова ли отправиться в путешествие на поиски собственного прошлого.

С другой стороны, а чем я занимаюсь в настоящий момент? Веду пустое, бесцельное существование, не способна ни на что полезное и стоящее. А мне так хочется сделать что-то по-настоящему полезное.

Я извлекла из своего рюкзака пластиковую папку и вспомнила последние слова Па Солта, которыми он закончил свое письмо ко мне. Быть может, хоть его напутствие придаст мне силы и решимости начать действовать. И то и другое было мне сейчас необходимо просто позарез. Наконец я толкнула входную дверь, мелодично звякнул колокольчик где-то внутри помещения. Потребовалось какое-то время, прежде чем мои глаза адаптировались к полумраку, царящему в торговом зале. Он напоминал мне старинную библиотеку: тот же паркет из темного дерева, на противоположной от меня стене огромный камин, отделанный мрамором, – своеобразный центр всей комнаты. Рядом с камином два кожаных кресла с подголовниками.

Между ними низенький журнальный столик, заваленный стопками книг.

Я склонилась над столиком и открыла одну из книг. Тотчас же взметнулись вверх мириады пылинок, разлетелись в воздухе и закружили по комнате в потоке солнечного света, похожие на крохотные снежинки. Выпрямившись, я обвела взглядом помещение торгового зала. Бесконечные ряды полок, плотно заставленные книгами, протянулись вдоль всех стен.

Увиденное очень меня впечатлило. И обрадовало тоже. Пожалуй, схожие чувства испытывают некоторые дамы, попадая в модный бутик, забитый до отказа шикарными нарядами. Ну а вот я при виде такого обилия книг, можно сказать, сразу же почувствовала себя в нирване.

Я подошла к одной из полок, пытаюсь отыскать на ней знакомого мне автора или прочитанную когда-то книгу. Многие издания были на иностранных языках. Внимание мое привлек томик с романом Флобера на французском, потом я отыскала целый ряд уже английских книг. Вытащила одну из них: роман Джейн Остин «Разум и чувства», пожалуй, один из моих самых любимых из творчества этой писательницы. Бережно пролиستала несколько пожелтевших страниц, стараясь не порвать бумагу, ставшую от времени хрупкой и ломкой.

Я была настолько поглощена разглядыванием книг, что даже не заметила высокого мужчину, наблюдавшего за мной. Он стоял в дверях, ведущих, видимо, в подсобку.

Но вот наконец я заметила его и поспешно захлопнула книгу. А не совершила ли я «опрометчивый поступок», выражаясь языком моей любимицы Остин, погрузившись в чтение ее романа, не получив на то разрешения?

– А вы, как я погляжу, поклонница Джейн Остин, не так ли? Лично я предпочитаю Шарлоту Бронте.

– Я Бронте тоже люблю.

– Тогда вы, разумеется, в курсе, что Шарлота Бронте не слишком восхищалась творениями Остин. Она, в частности, ставила ей в упрек то, что в произведениях Остин прозаическая, если так можно выразиться, сторона жизни преобладает и даже довлеет над качеством самого стиля. Все слишком уж заземленное, по ее мнению. Что ж, сама Шарлота была истинным романтиком в душе. Я бы даже сказал, что

именно романтический склад натуры Бронте и водил ее пером по бумаге.

– Вы так думаете? – спросила я, пытаясь разглядеть лицо мужчины, но густые тени вокруг не позволяли сделать этого. Единственное, что мне удалось увидеть, мужчина был высокого роста, худощавый, со светлыми, слегка рыжеватыми волосами, носит очки в роговой оправе. Одет в некое подобие сюртука в эдвардианском стиле. Что же касается его возраста, то при таком скудном освещении ему можно было дать от тридцати до пятидесяти лет.

– Да, я так думаю. Вы, мисс, ищете что-то определенное? Или?..

– Я... Нет, ничего определенного...

– Тогда продолжайте свои поиски. Снимайте с полки любую книгу, которая вам приглянется, и читайте. Для большего удобства можете устроиться в одном из этих кресел. Как видите, наш магазин одновременно выполняет и функции библиотеки. Лично я считаю, что мы просто обязаны делиться с другими хорошей литературой. А вы как думаете?

– Абсолютно согласна с вами, – с жаром заверила я его.

– Позовите меня, если вам вдруг понадобится помощь в поисках чего-то конкретного. И если этой книги у нас вдруг не окажется, обещаю, что я смогу заказать ее специально для вас.

– Благодарю вас, – прочувствованно поблагодарила я мужчину.

И он тотчас же исчез за дверью, ведущей в подсобные помещения магазина. Я снова осталась стоять в полном одиночестве посреди торгового зала. *Трудно представить себе нечто подобное в Швейцарии*, подумала я. *Ведь в любую минуту я могу снять с полки приглянувшуюся мне книгу и удрать вместе с ней, не заплатив.*

Тишину в пропахшем пылью зале нарушил вдруг какой-то неожиданный звук. Оказывается, звонил мой телефон. Испугавшись до полусмерти, я схватила аппарат и тут же отключила звонок. Но все же сделала это недостаточно быстро. Мужчина снова появился из глубин магазина. Он остановился на пороге, приложив палец к губам.

– Прошу великодушно простить меня, но совсем забыл предупредить. Внутри магазина не разрешается пользоваться мобильными телефонами. Если вам нужно переговорить, пожалуйста, сделайте это на улице.

– Конечно-конечно, – затараторила я виновато. – Большое спасибо. И до свидания.

Я почувствовала, как краска бросилась мне в лицо от допущенной оплошности. Подумала, что в эту минуту очень похожа на озорную школьницу, которую поймали с поличным, когда она тайком во время урока строчила эсэмэску своему мальчику. Но самое обидное – это то, что ведь мой телефон обычно постоянно молчит. Кто мне звонит? Разве что Сиси или Ма. И вот надо же... Вдруг этот неожиданный звонок. Выйдя на улицу, я снова включила мобильник. На экране высветился какой-то незнакомый номер. Тогда я включила речевое сообщение.

– Привет, Стар. Это Шанти. Маркус дал мне номер твоего телефона. Просто решила узнать, как ты поживаешь. Перезвони мне, если будет время, ладно? До свидания, милая.

Я вдруг страшно разозлилась на Шанти. Ведь именно ее неожиданный звонок вынудил меня ретироваться из книжного магазина столь неподобающе жалким образом. А между тем я так долго собиралась с духом, чтобы переступить его порог. Вряд ли будет уместно, если я снова появлюсь там. Дважды в течение одного дня... Заметив приближающийся издали автобус до Баттерси, я поспешила на другую сторону улицы и едва успела запрыгнуть в него.

Слишком уж ты чувствительная, Стар, корила я себя по дороге домой. *Нужно было снова вернуться в магазин.* Но я не вернулась. А ведь разговор с этим незнакомым мужчиной даже доставил мне удовольствие, что уже само по себе чудо. И вот вместо того, чтобы продолжить беседу с ним, я стремглав несусь на автобусе в свою пустую квартиру. К своей пустой жизни.

Дома я уставилась взглядом на голую стену и решила, что немедленно должна приобрести себе книжную полку и поставить ее возле этой стены.

Комната без книг – это как тело без души, процитировала я мысленно чье-то изречение.

Однако поскольку после всех трат на покупку растений я сейчас сижу на мели вплоть до следующего месяца, то с книжной полкой придется повременить. Одно я знаю точно. Надо незамедлительно заняться поисками работы. Не могу же всю свою оставшуюся жизнь рассчитывать на то пособие, которое мне полагается по завещанию

после смерти Па Солта. Собственная гордость не позволяет мне превратиться в заурядную иждивенку. Завтра же прогуляюсь по окрестностям Баттерси. Вдруг в каком-нибудь местном ресторанчике или баре нужна подсобная работница? Или даже уборщица... Учитывая мое катастрофическое неумение общаться с посторонними людьми, вряд ли я потяну на должность официантки или барменши.

Я поднялась к себе наверх, чтобы принять душ, и увидела, что ящик комода, из которого я брала свою папку с документами – письмо Па Солта и конверт от Алли с координатами, так и остался открытым. И вдруг меня словно током ударило. Папка! Где же она? Я в ужасе бросилась вниз, сердце бешено колотилось в груди. Перерыла все содержимое своего рюкзака. Но папки там не было. Я постаралась вспомнить, где и когда я держала ее в руках в последний раз. Кажется, тогда, когда переступила порог магазина. А потом...

А потом я, скорее всего, положила ее на столик рядом со стопкой книг, которая там лежала, и пошла рассматривать книги на стеллажах.

Я схватила свой ноутбук и стала лихорадочно искать вебсайт книжного магазина Морстона в надежде найти там и номер телефона. Нашла и тут же позвонила. Включился автоответчик. Приглушенный мужской голос, явно того незнакомца, с которым я разговаривала, сообщил мне, что «вам незамедлительно перезвонят, если вы любезно оставите номер вашего телефона». Я поспешила сделать это, моля Бога лишь об одном: *чтобы этот человек перезвонил мне*. Потому что если папка исчезнет, то будет безвозвратно утрачена последняя ниточка, связующая меня с собственным прошлым. А быть может, и с будущим тоже.

На следующее утро я первым делом проверила свой телефон. Никаких сообщений из книжного магазина не поступало. Получается, что выбора у меня нет. Придется снова отправляться на Кенсингтон-Черч-стрит.

Где-то спустя час с небольшим я уже во второй раз переступила порог магазина «Артур Морстон Букс». И увидела в точности такую же картину, что и вчера. Никаких перемен. И – о, счастье! – на журнальном столике возле камина лежала моя пластиковая папка. Я невольно вскрикнула, издав вздох облегчения. Схватила папку и тотчас же проверила ее содержимое. Все на месте, все в целости и сохранности.

В самом торговом зале ни души, а дверь в подсобку плотно закрыта. Отличная возможность ретироваться незаметно, не потревожив никого, кто скрывается в служебных помещениях. Соблазн поступить именно так был слишком велик, но тут я вовремя вспомнила причину, по которой стала разыскивать этот книжный магазин. И потом, долг воспитанного человека вежливо уведомить всех этих людей, что я уже благополучно нашла то, что потеряла, и уже только потом уйти.

В этот момент снова раздался звонок моего мобильного. Я опрометью выскочила на улицу и уже там ответила на звонок.

– Алло!

– Я разговариваю с мисс Деплеси?

– Да.

– Здравствуйте. Вас беспокоят из магазина «Артур Морстон Букс». Я только что обнаружил ваше сообщение. Сейчас же спущусь вниз и поищу в торговом зале ту вещь, которую вы у нас забыли.

– О! – воскликнула я, немного смутившись. – Если честно, я как раз стою у входа в ваш магазин. Пару секунд тому назад я была внутри и, к счастью, нашла на журнальном столике то, что забыла у вас вчера.

– Прошу простить меня великодушно за то, что я не отреагировал на ваше сообщение сразу. Вот и сейчас не услышал, как звякнул входной колокольчик. Открыл магазин и сразу же бросился наверх.

Дело в том, что на книжном аукционе сегодня выставляется одна книга... – В трубке послышался телефонный звонок. – Еще раз прошу простить меня. Это как раз звонит мой представитель на аукционе...

Какое-то время в трубке было тихо, потом я снова услышала мужской голос:

– Простите, мисс Деплеси. Мы как раз согласовывали с моим представителем верхний предел приемлемой для нас цены на выставляемую книгу. Речь идет о первом издании «Анны Карениной». Воистину легендарное издание... К тому же экземпляр в отличном состоянии. Имел возможность убедиться в этом сам. Да еще и с автографом самого автора. Правда, боюсь, что не смогу потягаться с русскими. У них же ведь столько денег... Что там мои жалкие фунты против их рублей? Но все равно, по-моему, игра стоит свеч. Как считаете?

– Пожалуй... да... – проямлила я не совсем уверенным тоном, немного сбита с толку услышанным.

– Но раз вы все еще рядом с нами, не хотите ли снова вернуться в магазин? Приглашаю вас на чашечку кофе.

– О, нет! Спасибо... – засмузилась я. – Благодарю вас, но можно и без кофе.

– Тогда возвращайтесь. А я тоже сейчас же спускаюсь вниз.

Собеседник отключился, а я еще какое-то время промаялась на тротуаре у входа в магазин, размышляя над тем, каким причудливым образом этот человек руководит вверенным ему хозяйством и всем тем, что связано с нормальным функционированием книжной торговли. Однако он подметил весьма точно: коль скоро я *уже здесь*, то грех не воспользоваться его любезным приглашением, снова вернуться в торговый зал и поговорить с ним. А вдруг это сам Артур Морстон?

– Доброе утро! – Мужчина открыл дверь из подсобки одновременно со мной, когда я открывала входную дверь в магазин. – Еще раз приношу свои извинения за то, что все получилось так неловко. Ведь по моей вине вам пришлось приехать в наш магазин вторично. Так вы точно уверены, что не хотите кофе?

– Точно нет. Благодарю вас.

– То есть вы, как я посмотрю, не из тех юных леди, которые приравнивают кофеин к героину. Я прав? С другой стороны,

признаюсь вам честно, не очень-то я доверяю людям, которые предпочитают пить кофе, не содержащий кофеина.

– И я тоже. Не мыслю себе начала дня без утренней чашки хорошего кофе.

– Согласен. Утро без кофе – день насмарку.

Пока мой собеседник устраивался в кресле, я пригляделась к нему повнимательнее. Сейчас он сидел от меня совсем близко, да и освещение было получше. При желании можно и разглядеть как следует. На вид ему за тридцать, лет тридцать пять – тридцать шесть. Высокий и худой как жердь. Впрочем, как и я сама. Сегодня он был облачен в безукоризненно скроенный вельветовый костюм-тройку. Из-под рукавов пиджака выглядывали манжеты крахмаленной рубашки и точно на ту длину, как этого требовал стиль одежды. На шее галстук-бабочка. Из нагрудного кармана торчит аккуратно сложенный платок с причудливым узором пейсли, гармонирующим с цветом костюма. Бледнолиц. Такое впечатление, что мужчина редко бывает на солнце, если вообще выходит на улицу. Вот он обвил длинными тонкими пальцами обеих рук кофейную чашечку, стоявшую перед ним.

– Что-то я озяб сегодня. А вам не холодно?

– Пока нет.

– Скоро сентябрь. Если судить по прогнозам погоды, которые нам сообщают по радио, то на улице уже ниже тринадцати градусов. Не возражаете, если я включу камин? Согреем немного нашу плоть в это промозглое серое утро.

И прежде чем я успела ответить, он поднялся с места и стал возиться с камином. Через несколько минут вспыхнула газовая горелка за каминной решеткой и сразу же потянуло живительным теплом.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Мужчина жестом указал мне на кресло.

Я молча села.

– А вы не слишком разговорчивы, не так ли? – прокомментировал он и снова, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – А вы знаете, что представляет наибольшую угрозу для книг? Влажность. Правда, за лето они успевают изрядно высохнуть, и потому обращаться с ними сейчас надо особенно осторожно, чтобы – не дай бог! – не повредить хрупкие страницы и чтобы бумага не пожелтела.

Он неожиданно замолчал. Я тоже безмолвно уставилась на огонь.

– Пожалуйста, если вам нужно по делам, можете идти. Не смею вас более задерживать. Простите, если я невольно помешал вам.

– О, нет! Что вы! Никоим образом...

– Кстати, а зачем вы приходили в магазин вчера?

– Захотела взглянуть на книги.

– То есть вы просто проходили мимо?

– А почему вы спрашиваете? – ответила я вопросом на вопрос, неожиданно почувствовав себя виноватой.

– Потому что сегодня большая часть моих торговых сделок осуществляется через интернет. А люди, которые изредка заглядывают сюда, это в основном местная публика, и я их всех знаю уже много лет. К тому же вы еще совсем молодая особа и вам далеко до пятидесяти. Вы не китаянка и не русская... Иными словами, никак не попадаете под категорию моих постоянных клиентов. – Мужчина окинул меня внимательным взглядом поверх своих роговых очков. – А... Угадал! – он радостно хлопнул себя по бедру. – Вы – дизайнер интерьеров. Я прав? Наверняка занимаетесь сейчас меблировкой роскошных апартаментов на Итон-сквер для какого-нибудь русского олигарха, да? И вам срочно требуется двадцать ярдов книг, чтобы ваш заказчик смог в дальнейшем продемонстрировать своим приятелям, какой он образованный человек.

Я весело рассмеялась, выслушав эту неожиданную версию.

– Нет, вы ошибаетесь. Я не дизайнер.

– Ну и слава богу! Я рад! – проговорил мужчина с явным облегчением в голосе. – Простите мне мои фантазии. Но сама мысль о том, что книги можно сравнить с каким-нибудь растением, которое служит для украшения интерьера, что к ним никто и никогда не прикасается, не говоря уже о том, чтобы читать... Сама мысль об этом мне нестерпима.

Пожалуй, еще никогда в своей жизни я не вела столь странную беседу с незнакомым человеком. Правда, на сей раз беседа совершенно не концентрировалась исключительно на моей персоне.

– Итак, давайте отмотаем все назад и начнем сначала. Так все же почему вы здесь? Или, спрошу еще конкретнее, зачем вы приходили сюда вчера? А потом были вынуждены вернуться к нам снова, потому что кое-что здесь забыли.

– Я... Меня к вам направили.

– Ага! Так получается, вы все же оказались у нас потому, что *работаете* на своего клиента, да? – поинтересовался у меня мужчина торжествующим голосом.

– Нет, не так. Визитку с адресом вашего магазина мне дал мой отец.

– Понятно. Вероятно, он был в числе наших клиентов?

– Понятия не имею.

– Тогда зачем он отдал вам мою визитку?

– Вот этого я и сама не знаю. Пока не знаю...

Я снова ощутила всю нелепость нашего разговора. Вот уж воистину тупиковая ситуация. Тогда я решила кое-что пояснить:

– Мой отец умер три месяца тому назад.

– Мои соболезнования, мисс Делеси. Кстати, должен заметить, что у вас очень редкая фамилия, – добавил мужчина после короткой паузы. – Никогда ранее не встречал такой. Впрочем, это не имеет никакого отношения к смерти вашего батюшки. Более того, крайне неуместно комментировать подобные вещи. Мне не следовало бы этого делать. Прошу прощения.

– Все нормально. Но позвольте и мне спросить у вас. Вы Артур Морстон? – Я открыла свою папку, извлекла из нее визитку с адресом магазина и протянула ее собеседнику.

– Бог мой! Конечно же, нет! – воскликнул он, внимательно разглядывая визитку. – Артур Морстон умер более ста лет тому назад. Он был первым владельцем этого магазина. Собственно, он и открыл его еще в 1850 году. Это было задолго до того, как магазин перешел в собственность семейства Форбсов. Это уже моя семья...

– Мой отец был тоже немолод. Он умер, когда ему было далеко за восемьдесят. Так, во всяком случае, мы полагаем.

– Да, это большое горе. – Мужчина снова окинул меня внимательным взглядом. – Остается лишь надеяться, что вы, как дочь своего отца, унаследовали его жизнестойкость.

– Вообще-то, я не родная его дочь. Он меня удочерил, и еще пять моих сестер тоже.

– Вот как? Прелюбопытнейшая история, доложу я вам. Однако мы отвлеклись от главной темы. Так почему все же ваш отец направил вас сюда, чтобы вы побеседовали с Артуром Морстоном?

– Вообще-то он на самом деле ничего такого не говорил мне. Просто эта фамилия значилась на визитке, которую он мне оставил. Вот я и решила, что должна побеседовать с этим человеком.

– И о чем же конкретно вы намеревались спросить у него?

– Я бы спросила у него... – Я поспешно взглянула в папино письмо, чтобы не ошибиться и назвать фамилию правильно. – Я бы спросила у него о некой особе по имени Флора Макникол.

Мужчина впился в меня пристальным взглядом.

– Он действительно упоминал это имя? – спросил он у меня после некоторой паузы.

– Да. А вы знаете эту женщину?

– Лично – нет, мисс Деплеси. Она тоже умерла еще до того, как я появился на свет. Но, конечно же, *это имя* мне знакомо...

Я затаила дыхание в ожидании продолжения. Но продолжения не последовало. Какое-то время мой собеседник сидел, уставившись в пространство с видом человека, всецело погруженного в собственные мысли. Пауза затянулась, и наше обоюдное молчание грозило стать невыносимым. Во всяком случае, для меня. Я осторожно взяла со стола свою папку (не хватало еще раз забыть ее здесь!) и поднялась с кресла.

– Прошу простить, что отняла у вас время. Мой телефон у вас есть. Так что, в случае чего...

– О, нет, что вы! Это я вынужден снова просить у вас прощения, мисс Деплеси. Знаете ли, сидел и размышлял над тем, а не стоит ли мне повысить свою максимальную цену на это издание «Анны Карениной». Книга действительно уникальная во всех отношениях. Очень редкое издание... Невероятно хочется получить этот экземпляр в собственность. С другой стороны, жаль тратить много денег... Так о чем это вы меня спрашивали?

– О Флоре Макникол, – медленно повторила я незнакомую фамилию, невольно поражаясь тому, с какой легкостью этот человек может переключаться с одной темы на другую.

– Ах, да... Конечно... Но, боюсь, мисс Деплеси, сегодня у нас с вами вряд ли получится обстоятельный разговор. Все же я принял окончательное решение. Хочу побороться с этими русскими толстосумами. А потому бегу к себе наверх, чтобы переговорить еще раз со своим агентом. Надо успеть до начала аукциона. – Он

стремительно подхватился с места, извлек из кармана золотые часы на брелоке и со щелчком открыл крышку. Ну, прямо вылитый Кролик из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла. – Ура! Время еще есть. А вас попрошу вот о чем: вы бы не могли присмотреть за магазином, пока я буду отсутствовать?

– Конечно, присмотрю.

– Благодарю вас, – искренне поблагодарил он меня.

Я молча проследила за тем, как мужчина в два прыжка преодолел своими длинными ногами то пространство, которое отделяло его от двери, ведущей в подсобные помещения. Потом я снова уселась в кресло, размышляя над тем, кто же из нас двоих сумасшедший, он или я. Но, по крайней мере, хоть какой-то разговор у меня с ним состоялся. И у меня даже нашлись нужные слова для этого разговора. Словом, *гончие взяли след...*

Следующие полчаса или час я провела очень приятно, в окружении книг, мысленно прикидывая, какие из них я бы водрузила на свою будущую книжную полку. Так сказать, на полку своей мечты... Разумеется, Шекспир, романы Диккенса, не говоря уже о романах Скотта Фицджеральда и Ивлина Во... Само собой, кое-что из современной прозы. Те книги, которые мне особенно нравятся. Правда, они пока еще не стали классикой, но не сомневаюсь: через пару-тройку столетий букинисты и библиофилы тоже будут гоняться за ними как за самыми раритетными изданиями, пусть они пока еще не в сафьяновых переплетах с золотым тиснением букв на обложке.

За все то время, пока я осматривала полки с книгами, в магазин не зашел ни единый покупатель. Наконец я добралась до раздела с детской литературой и тут же выхватила взглядом подборку книг Беатрикс Поттер, в том числе и свою самую любимую с детства «Сказку о миссис Тигги-Винкл».

Я снова устроилась возле камина и стала листать книгу. И сразу же перед моим мысленным взором пронеслись картинки далекого-далекого Рождества, когда я была еще совсем маленькой. Помнится, в тот день я обнаружила под елкой особый подарок, который прислал добрый Санта-Клаус. А потом Па Солт усадил меня к себе на колени. И мы точно так же блаженно грелись с ним возле камина в гостиной, смотрели, как весело трепещут язычки пламени за каминной решеткой, как это всегда бывало в зимнее время, и папа читал мне

вслух сказку Беатрикс Поттер. Как же мне было тогда хорошо! Как тепло и покойно... Я смотрела в окно на заснеженные вершины гор и чувствовала себя такой счастливой, такой любимой.

– Это называется *жить в согласии с самой собой*, – произнесла я громким шепотом. *Именно этого мне и не хватает сейчас.*

– Ну, вот! Все в порядке! – Мужской голос заставил меня вздрогнуть и тут же оторваться от воспоминаний о былом. – Если пожелаете, можете называть меня сумасшедшим, но я хочу обладать этой книгой, и все тут! Да, потом я буду расстраиваться из-за потраченных денег, это правда. И поделом! Потому что при таких бешеных затратах наше банкротство представляется мне почти неизбежным. Боже! Как же я голоден! Это, наверное, из-за стресса. А как вы?

Я взглянула на свои часики и с удивлением обнаружила, что мужчина отсутствовал более часа. Самое время для ланча, без пяти час.

– Сама не знаю, – промямлила я не очень уверенно.

– Тогда позвольте мне соблазнить вас. Тут через дорогу есть превосходный ресторан. Они любезно разрешают мне брать у них еду навынос. Все, что имеется у них в меню. Обычно в дневное время они обслуживают только комплексными обедами, – пояснил он мне, как будто это было столь уж важно. – Но это даже похоже на сюрприз. Всегда ведь интересно узнать, а что они предложат тебе сегодня. Вместо того чтобы самому выбирать еду по собственному усмотрению. Вы не находите?

– Наверное, вы правы.

– Тогда позвольте мне снова отлучиться на пару минут. Сбегаю через дорогу, заберу у них комплексные обеды, которые они приготовили на сегодня. Посмотрим, удастся ли мне обольстить вас их кухней. Во всяком случае, я просто обязан угостить вас обедом. Вы ведь потратили столько времени, пока я разбирался со всеми своими аукционными проблемами.

– О'кей! Считайте, что уговорили...

– О, Беатрикс Поттер, как я вижу. – Мужчина мельком взглянул на книгу, которую я все еще держала в руках. – Надо же, какое забавное совпадение. Между прочим, Беатрикс Поттер была знакома с Флорой

Макникол. Впрочем, ничто в этой жизни не бывает случайным. А вы как думаете?

И, не дожидаясь моего ответа, мужчина спешно покинул магазин, снова оставив меня караулить его книги. Собственно, если бы у меня возникло сейчас намерение удалиться по-английски, не попрощавшись, то для этого имелись все возможности. Но последние слова мужчины, которые он обронил, уже направляясь в ресторан, заставили меня остаться на месте. Я слегка подправила огонь в камине так, как когда-то учил меня Па Солт. Сдвинула все уголья в одну кучу, чтобы они не сгорали так быстро, а горели бы ровным пламенем и давали больше тепла.

В магазине опять воцарилась тишина. А я снова принялась за чтение сказок. Прочитала про утку Джемайму Нырнвлужу и про котенка Тома. И уже было приготовилась начать читать про Джереми Фишера, но тут на пороге магазина снова возник мой безымянный собеседник с двумя объемными пакетами из плотной коричневой бумаги.

– По-моему, сегодняшней их обед выглядит очень аппетитно, – объявил он мне, едва переступив порог. После чего запер входную дверь, предварительно повесив табличку «Закрето». – Не люблю, когда меня отвлекают во время еды. Да это и для пищеварения очень плохо, как вы знаете. Сейчас сбегая наверх и принесу посуду. А, да! И еще бокалы. Бокал хорошего белого вина очень уместен к рыбе. Предлагаю сансер, – добавил он, устремившись через зал к дверям, ведущим в служебные помещения. А уже в следующую секунду послышались его громкие шаги по лестнице.

Меня немного забавляла его несколько старомодная манера речи. Хотя я уже привыкла к усеченным словам, которые повсеместно используют в своих разговорах представители просвещенной английской публики, но у моего нового знакомого эта его особенность особенно бросалась в глаза. *Настоящий английский оригинал*, подумала я. Однако этот человек мне определенно нравится, в том числе и за его речевые чудачества. Словом, мужчина не боится быть самим собой во всех своих проявлениях. А мне ли уж не знать, сколько для этого требуется силы характера?

– Думаю, вам наверняка придется по вкусу палтус с гарниром в виде соте из свежего зеленого горошка. По-моему, соте у них

получилось просто превосходным. – Он снова возник перед столиком с бутылкой вина, покрытой капельками влаги, тарелками, столовыми приборами и двумя безукоризненно накрахмаленными салфетками.

– О, с удовольствием отведаю соте. И вы правы. Свежий зеленый горошек особенно труден в приготовлении гарниров.

– А вы профессиональный кулинар? – поинтересовался хозяин магазина, снимая фольгу с двух лотков с пищей. Моему взору предстала довольно примитивная на вид еда. Оставалось лишь надеяться, что вкусовые качества блюд не подкачают.

– Нет. Просто люблю готовить. Пару недель тому назад даже закончила кулинарные курсы. Кстати, на выпускном экзамене мне как раз в качестве гарнира достался зеленый горошек.

– Вы, надеюсь, понимаете, что я отнюдь не гурман в общепринятом смысле этого слова. По большому счету, мне все равно, что закинуть в свою утробу. Но при этом все же хочется, чтобы еда была хорошо приготовлена. В какой-то степени я, конечно, избалован. Ведь считается, что кухня ресторана «Чарли» одна из лучших в Лондоне. Посмотрим, что они нам приготовили сегодня. Но для начала все же бокал вина, да? – Он аккуратно переложил мою порцию на фарфоровую тарелку и поставил ее передо мной.

– Вообще-то я днем не пью спиртное.

– Что ж, изредка, как я полагаю, стоит отступить от собственных правил. Вреда большого от этого нет. А вы как думаете? Вот!

Он налил в мой бокал вино и протянул его мне через стол.

– Ваше здоровье! – Он залпом отпил большой глоток из своего бокала, а потом подцепил вилкой огромный кусок рыбы.

Я тоже сделала небольшой глоток. Потом неуверенно ткнула вилкой в еду на тарелке.

– Рыба выше всяких похвал, мисс Деплеси, – подбодрил он меня. – Только не говорите мне, что вы сейчас сидите на диете.

– Нет, не сажу. Но практически никогда не обедаю.

– Что ж, сегодня мы с вами поступим согласно нашей известной поговорке. Помните? Завтракай как король, обедай как принц, а ужинай как бедняк. Такой в общем-то весьма разумный совет заключен в этой максиме. Однако же люди продолжают упорно игнорировать его, а потом жалуются, что полнеют, и не знают, что делать с лишним весом. Впрочем, нам с вами эта проблема точно не грозит.

– Не грозит, – согласилась я с ним, продолжая ковыряться в своей тарелке, попутно заметив, что его тарелка уже пуста. Он оказался прав. Еда действительно была превосходной. Какое-то время мужчина пристально наблюдал за тем, как я управляюсь со своей порцией. Что очень нервировало и сбивало меня с толку. Я взяла свой бокал и сделала очередной глоток, собираясь с храбростью, чтобы задать интересующие меня вопросы. В конце концов, разве не за тем, чтобы получить ответы на них, я и явилась сюда, лишний раз напомнила я сама себе.

– Так вы говорили, что Флора Макникол была знакома с Беатрикс Поттер, не так ли? – направила я наш разговор в нужное мне русло.

– Именно так. Более того, какое-то время мисс Поттер была даже владелицей этого магазина. Закончили? – Он посмотрел на мою тарелку, на которой еще оставался недоеденным крохотный кусочек рыбы. Я тут же подцепила его вилкой. – Тогда я отнесу посуду наверх. Вид грязных тарелок, признаюсь, действует мне на нервы. А вам?

Не успела я положить вилку на пустую тарелку, как он тут же подхватил ее со стола, присовокупив к грязной посуде и бутылку с вином. Свой пустой бокал он тоже забрал, а взглянув на мой, еще наполовину полный, оставил его стоять на прежнем месте, сам же снова исчез за дверью в служебные помещения.

Я отпила еще немного вина. На самом деле мне совсем не хотелось пить. Зато я вспомнила, что нужно будет обязательно спросить у этого человека, когда он снова вернется сюда, как его зовут. Однако его не так-то просто разговорить, не говоря уже о том, чтобы вытрясти из него какую-нибудь полезную или действительно стоящую информацию.

Мужчина вернулся с подносом, на котором стоял заварочный чайник, две фарфоровые чашки и все остальное, что полагается к чаю.

– Вам с сахаром? – спросил он меня и довольно неосторожно бухнул поднос на какой-то старинный словарь. Я мысленно прикинула, на сколько в денежном эквиваленте тянет этот раритет. – Люблю хороший чай.

– Я тоже. Три кусочка, пожалуйста.

– А я вот всегда кладу себе четыре.

– Спасибо, – поблагодарила я, беря из его рук протянутую чашку. Ну, прямо настоящее чаепитие, как у Безумного Шляпника из «Алисы

в Стране чудес», снова вспомнила я книгу Льюиса Кэрролла. – А каким образом Флора Макникол познакомилась с Беатрикс Поттер? – сделала я очередную попытку вернуться к интересующей меня теме.

– Какое-то время она жила по соседству с ней.

– В Озерном крае?

– Именно так, – одобрительно кивнул мой собеседник. – Вижу, вы интересуетесь не только книгами, но и судьбами их авторов. Я прав, мисс Деплеси?

– Пожалуйста, зовите меня просто Стар. А вас?..

– Так вас зовут Стар? – переспросил он меня, и по выражению его лица трудно было понять, одобряет ли он такое имя или же нет.

– Да, – коротко ответила я, но все же решила кое-что уточнить: – Стар – это сокращенное от Астеропы.

– Даже так? – легкая улыбка тронула его губы. Потом он издал короткий смешок. – Вот вам еще одно совпадение по иронии судьбы! Просто восхитительное совпадение, надо заметить... Астеропа – это ведь жена, в других, правда, мифах – мать царя Эномая из города Писы. Словом, вы одна из Семи сестер, образующих созвездие Плеяды. Третья по счету дочь титана Атланта и его супруги, океаниды Плейоны, после Майи и Альционы. А потом уже идут Целено, Тайгета, Электра и Мериоп. «Сколько раз в ночи следил я, как в тенетах серебра светляки Плеяд мерцают от заката до утра...»

– Альфред Теннисон, – машинально произнесла я, мгновенно узнав строки из томика со стихами, хранящегося в папиной библиотеке.

– Верно. Это – Теннисон. Мой дражайший батюшка, увы, уже тоже покинувший сей мир, ему принадлежал этот магазин до того, как он перешел по наследству ко мне, так вот, отец в свое время изучал классическую литературу в Оксфорде. Можно сказать, античные мифы и легенды сопровождали меня все детство. Но, к превеликому сожалению, меня *не называли* в честь какого-нибудь мифического царя. Со мной случилась совсем иная история... – Мужчина умолк, а я снова встревожилась, испугавшись, что он опять унесется мыслями далеко от того, что интересует меня. – Нет, имя мне выбрала матушка. Воистину святая женщина, Господь упокой душу ее... Она тоже изучала литературу в Оксфорде. Там-то мои родители и познакомились, а потом влюбились друг в друга. Получается, что

страсть к книгам у меня в крови. Как видно, и у вас. А вы знаете что-нибудь о той семье, о вашей настоящей семье?

Рука моя непроизвольно коснулась заветной папки.

– Собственно, это – одна из причин, по которой я и пришла к вам. Мой отец оставил мне... как бы это выразиться поточнее... такие подсказки, которые, по его разумению, должны будут облегчить мне поиски своих корней, если я захочу этим заняться.

– Вот так дела! Настоящая азартная игра! – Мужчина с явным удовольствием прихлопнул в ладоши. – Обожаю всяческие таинственные истории. Вы взяли с собой эти подсказки?

– Да. Но вся информация, которой я располагаю на данный момент, – это карточка с адресом вашего магазина, в котором мне велено расспросить про Флору Макникол, а также точные координаты того места, где я появилась на свет. А еще вот это... – я поставила перед ним на стол небольшой футляр от ювелирного украшения. Открыла коробочку и извлекла из нее пантеру. И сразу же почувствовала учащенное сердцебиение. Не совершаю ли я ошибку, тотчас же мысленно испугалась я, доверяя незнакомому человеку столь сокровенные тайны? Ведь о существовании пантеры не знает даже Сиси.

Мужчина сдвинул очки на нос и принялся самым внимательнейшим образом изучать координаты моего предполагаемого места рождения и пантеру. Потом вернул и то и другое мне и откинулся на спинку кресла. Он открыл рот, намереваясь что-то сказать. Я подалась вперед, приготовившись ловить каждое его слово.

– По-моему, самое время отведать нам пирожных. Как думаете? – изрек он наконец. – Впрочем, пирожные всегда ко времени.

Он снова исчез наверху и через какое-то время появился с двумя большими кусками шоколадного торта, немного липкими на вид.

– Угощайтесь! Торт очень вкусный. Я купил его сегодня утром в нашей кондитерской, что через дорогу. Знаете, у меня в это время, между тремя и пятью часами дня, видимо, падает уровень сахара в крови. Выход один: либо вздремнуть, либо съесть что-нибудь сладенькое.

– Спасибо, не откажусь, – ответила я. – Я тоже большая любительница сладкого. Кстати, так как все же вас зовут?

– Боже правый! Разве я не представился? А был уверен, что уже сделал это.

– Нет, вы забыли назвать свое имя.

– Что ж, моя извечная рассеянность... Как всегда. Приношу свои извинения. Матушка дала мне двойное имя в честь героев своих любимых книг. А потому я либо огромный жирный мармеладный кот, либо некое литературное воплощение одной известной писательницы, которая сбежала во Францию со своей подругой-любовницей, а там выдала себя за мужчину. А теперь угадайте, как меня зовут? – подзадорил он меня.

– Орландо. *Прекрасное имя*, я думаю.

– Мисс Деплеси! – он отвесил мне шуточный поклон. – Я крайне впечатлен вашими доскональными познаниями в области литературы. Так на кого я все же больше похож, по-вашему? На мармеладного кота? Или на женщину, которая выдает себя за мужчину?

Я едва удержалась, чтобы не рассмеяться в ответ.

– Ни на кого из них. Вы – это просто *вы*.

– Мне кажется, мисс Деплеси, – проронил мужчина, слегка подавшись вперед и подперев ладонью левую щеку, – что ваши знания литературы гораздо более обширны, чем вы это демонстрируете.

– Вообще-то я имею магистерскую степень по литературе, но при этом вовсе не считаю себя экспертом в литературных вопросах.

– Вы себя явно недооцениваете. Уверен, на земле найдется не так уж много людей, кто был бы наслышан о Мармеладном коте и о знаменитом биографическом романе, который написала...

Мужчина запнулся, словно пытаясь вспомнить имя автора. Наверняка снова разыгрывает меня, подумала я.

– Вирджиния Вулф, – закончила я фразу вместо него. – А сам роман был навеян жизнью Виты Сэквилл-Уэст и перипетиями ее любовной связи с Вайолет Трефьюзис. Что же касается «Орландо, Мармеладного кота», то эту книгу написала Кэтлин Хэйл. Кстати, «мармеладный» означает рыжий окрас шерсти кота. Кэтлин Хэйл была дружна с Ванессой Белл, сестрой Вирджинии Вулф, которая, как известно, тоже имела любовную связь с Витой Сэквилл-Уэст. Впрочем, все это вы наверняка знаете и без меня...

Я замолчала, сама поражаясь тому, сколько я всего наболтала. Просто голову потеряла, мысленно укорила я себя. Наверное, сыграло

свою роль то обстоятельство, что в качестве собеседника мне попался такой же увлеченный литературой книгочей, как и я сама.

Какое-то время Орландо молчал, переваривая полученную от меня информацию.

– Да, кое-что мне было известно, вы правы. Но далеко не все, далеко не все... И уж я точно не догадывался о том, что между авторами столь разных по своему содержанию книг существует нечто общее. А как вы сами обнаружили это?

– О, просто темой моей диссертации был кружок Блумсбери.

– Вот оно что! Что ж, тогда, мисс Деплеси, вы уже наверняка успели заметить, что у меня все происходит несколько иначе. Мысли мои постоянно порхают с места на место в поисках малейших открытий. Я, словно пчела, беру свой взятки нектара везде, где нахожу его. Взят и тут же перелетел на новое место. Вы же более целенаправленны и усидчивы. К тому же держите свой свет под спудом. Будучи чересчур скромной, скрываете и свои таланты, и свой ум. А у вас и того, и другого – бушели и бушели^[2]. Какая жалость, что слово «бушель» практически исчезло из употребления в современном английском языке. Вы не находите?

– Я... – начала я, не совсем уверенная в том, что сказать в ответ.

– Скажите мне, – перебил меня Орландо. – Как вам удается, имея такие глубокие познания, столь успешно скрывать их от окружающих, показывая лишь самую малость? Вы, мисс Деплеси, похожи на тонкий серебристый серп молодой луны. И вы такая же таинственная, как луна... Так вот, Стар, или лучше возьмем в качестве литературного псевдонима ваше полное имя? Астеропа... Итак, Астеропа, вам нужна работа?

– Еще как нужна! Потому что сейчас, можно сказать, я сижу на мели, – ответила я, стараясь не выдавать всю степень отчаянности моего положения.

– Ха! Я, между прочим, тоже на мели! И весь мой бизнес в полнейшем упадке... Сегодня ведь так мало покупателей. Словом, больших доходов я вам не обещаю. Зато кормить буду отменно.

– И все же, конкретно сколько вы намереваетесь мне платить? – поинтересовалась я у Орландо напрямую, пока он снова мысленно не умчался в другие дали.

– Да я и сам не знаю. Тут у меня недавно подрабатывал один студент. Так зарплаты ему вполне хватало на то, чтобы оплачивать себе крышу над головой. Скажите мне сами, сколько вам нужно.

Если честно, то в глубине души я сама была согласна приплачивать ему за возможность ежедневно находиться среди всех этих книг. Но вслух я озвучила другой вариант.

– Двести пятьдесят фунтов в неделю – это много?

– По рукам! – Орландо широко улыбнулся, обнажив свои неровные зубы. – Но заранее предупреждаю вас. Человек я далеко не простой в общении. Знаю, некоторые люди находят меня немного странноватым типом. Иных я вообще разворачиваю прямо с порога. Предпочитаю вести торговлю через интернет. Мои книги слишком хороши, чтобы продавать их первому встречному и поперечному, словно кокосовый орех мартышке.

– И когда я должна буду приступить к работе?

– С завтрашнего дня. Это возможно?

– В десять утра?

– Именно так. Сейчас сбегая наверх и принесу вам запасные ключи.

Он снова вскочил со своего места и уже готов был снова исчезнуть за дверью, ведущей наверх, но тут я вовремя остановила его:

– Орландо!

– Да?

– Вы не хотите взглянуть на мои документы? Диплом и все такое...

– А зачем мне на них смотреть? – круто развернулся он в мою сторону. – Я только что провел с вами весьма подробное собеседование. И вы с легкостью ответили на все мои самые каверзные вопросы.

Спустя пару минут, когда я уже упрятала свои вещественные доказательства обратно в папку, Орландо втиснул мне в руку тяжелую связку латунных ключей, а потом проводил до дверей.

– Больше спасибо вам, мисс... Как вы желаете, чтобы я называл вас?

– Зовите меня Стар. Это будет то что надо.

– Итак, мисс Стар, – он галантно распахнул передо мной входную дверь, и я проследовала на улицу, – до завтра.

– Да, до завтра.

Я уже двинулась по тротуару, направляясь к автобусной остановке, но он снова окликнул меня:

– Мисс Стар!

– Да?

– Не забудьте напомнить мне, чтобы я рассказал вам об этой Флоре Макникол более подробно. И о том, что конкретно связывает ее с вашей пантерой. А пока до свидания.

На улице я почувствовала себя так, словно только что, пройдя через дверцу шкафа, вынырнула из Нарнии. Вокруг магазина «Артур Морстон Букс» кипела совсем другая жизнь. Такое впечатление, будто я только что побывала в параллельной вселенной. Но уже сидя в автобусе по дороге домой и потом, когда я своим автоматическим ключом-карточкой открыла входную дверь в нашу квартиру, я почувствовала, как меня буквально распирает от счастья и радостного предвкушения чего-то нового. Весело напевая вполголоса, пока стряпала ужин, я одновременно размышляла над тем, стоит ли рассказывать Сиси о том, каким поистине удивительным выдался у меня нынешний день. В конце концов решила ограничиться лишь тем, что сообщу ей, что нашла себе место в книжном магазине и приступаю к работе уже с завтрашнего дня.

– Для начала, пожалуй, сойдет, – прокомментировала мою новость Сиси. – Но, я думаю, ты же не собираешься всю оставшуюся жизнь торговать старыми книжками?

– Конечно, не собираюсь. Но пока мне там очень понравилось.

Я постаралась как можно быстрее разделаться со своей порцией ужина и поспешила на террасу посмотреть, как там поживают мои растения. Понимаю, мое место работы, быть может, покажется кому-то со стороны действительно мелким и незначительным, но лично для меня эта новая работа означает слишком много. Невероятно много...

Первые две недели, которые я отработала в «Артур Морстон Букс», ничем не отличались от того дня, когда я впервые переступила порог этого магазина. По утрам Орландо обычно находился у себя наверху. Я по-прежнему и понятия не имела, что именно скрывалось за дверью, ведущей в служебные помещения, и что располагается на втором этаже. Мне же было приказано звонить ему в случае, если покупатель изъявит желание взглянуть на какую-нибудь особенно редкую и дорогую книгу, которые хранились в огромном, поржавевшем от времени сейфе, стоявшем в полуподвальном помещении. Или если вдруг у меня возникнут проблемы с ответом на какой-нибудь особо сложный и изощренный вопрос клиента. Но покупатели в нашем магазине появлялись крайне редко, а потому и сложных вопросов я до сего дня не получала.

Мало-помалу я стала уже на глаз определять людей, составлявших, по выражению самого Орландо, круг его постоянных посетителей. Главным образом, пенсионеры. Заходят в магазин, снимают с полки какую-нибудь книгу, потом вежливо интересуются у меня, сколько она стоит, хотя цена на каждую книгу проставлена на специальной карточке, прикрепленной к оборотной стороне экземпляра. И после того как все формальности соблюдены, с легкой душой устраиваются вместе с книгой в одном из кожаных кресел возле камина, поближе к огню, тотчас же погружаясь в чтение. Иногда они просиживают так по несколько часов кряду. Потом в какой-то момент отрываются от книги, словно спохватываясь, что пора уже домой, и направляются к выходу, роняя по пути вежливое «спасибо». Один джентльмен весьма почтенного возраста особенно привлек мое внимание. Каждый день всю неделю он неизменно являлся к нам в своем потертом твидовом пиджачке, брал с полки роман «Обитель радости»^[3] и устраивался с ним в кресле. Я даже заметила, что каждый раз перед тем, как поставить книгу обратно на полку и уйти домой, он кладет туда тонкий листок бумаги, как своеобразную закладку, оставляя ее в том месте, где закончил читать.

Орландо установил в небольшой нише в дальнем конце зала кофеварочную машину, чтобы я в любой момент могла предложить нашим клиентам чашечку кофе. В мои обязанности входило также покупать каждый день по пути на работу пинту свежего молока. Чаще всего я потом уносила пачку домой так и не распечатанной из-за полного отсутствия клиентов, желающих отведать наш кофе.

Именно в этой нише мое внимание привлекла картина, висевшая над одной из книжных полок. Стилистика, в которой были выполнены сами иллюстрации, была мне хорошо знакома. Я бы даже сказала, я знала ее как свои пять пальцев. Однажды я специально привстала на цыпочки, чтобы получше разглядеть саму картину. Пригляделась и увидела выцветшие от времени чернила, которыми было что-то написано. Что именно, разобрать уже было практически невозможно, но одно было ясно. Это не просто картина, это – письмо. Крохотные акварельные миниатюры, украшающие лист бумаги, сохранились гораздо лучше. И я невольно восхитилась совершенством этих акварельных рисунков. Я буквально приклеилась носом к стеклу, чтобы различить слова. Увидела дату и полустертые начальные буквы имени.

«*Моя дорогая Фл...*» Разобрать остальное было уже невозможно. Зато хорошо сохранилась подпись в нижней части листа, выполненная аккуратным изящным почерком. Наверняка это подпись того, кто написал письмо. «Беатрикс», прочитала я.

– Фл... – пробормотала я вполголоса, разговаривая сама с собой. А что, если это письмо адресовано *моей Флоре Макникол*? Ведь Орландо же рассказывал, что Флора и Беатрикс Поттер были знакомы друг с другом. Надо будет обязательно расспросить его об этом поподробнее.

Ровно в час дня Орландо спустился вниз и направлялся к входным дверям, стремительно исчезая за ними. Это служило своеобразным сигналом всем тем, кто коротал время за чтением книг у камина. Пора уходить. По возвращении Орландо тут же запирает входную дверь и вешал на нее табличку с надписью «Закр^ыто».

Затем сверху доставлялись фарфоровые тарелки, столовые принадлежности и туго накрахмаленные белоснежные салфетки. После чего мы с ним приступали к трапезе.

Если честно, то это было мое самое любимое время дня. Я с удовольствием слушала разглагольствования Орландо, чей беспокойный ум с легкостью перепрыгивал с одной темы на другую, при этом он неизменно пересыпал свою речь многочисленными цитатами и прочими разнообразными литературными реминисценциями. Наши беседы с Орландо уже давно стали для меня своеобразной игрой под названием «Угадайка». Всякий раз я старалась заранее предугадать, куда именно и на какую тему вырулит наш с ним разговор уже в следующую минуту. И, как правило, никогда не угадывала, ибо Орландо умудрялся забираться в такие дебри, касаясь таких тем и предметов, о существовании которых я даже не подозревала. Тем не менее какие-то крохи информации просачивались в этих разговорах и о нем самом. Так, я узнала, что его «благословенная» матушка, святая, по его словам, женщина по имени Валентина, погибла в автомобильной катастрофе, когда самому Орландо едва минуло двадцать лет. Он тогда учился на втором курсе в Оксфорде. Гибель жены потрясла отца. Можно сказать, это разбило ему сердце. И он отправился в Грецию искать утешения в обществе античных богов и богинь, попутно заливая свое горе знаменитой водкой узо. Он умер от рака всего лишь несколько лет тому назад.

– Так что, как видите, – заключил свой рассказ Орландо несколько взволнованным голосом, – я в некотором роде тоже сирота.

Он часто спрашивал меня о моем детстве в Атлантиде. Особенно его интересовала необычная фигура Па Солта.

– Так кем же он был на самом деле? Обладать такими обширными познаниями... Знать столько, сколько знал он... – бросил он как-то однажды задумчивым тоном после того, как я была вынуждена признаться, что знаю об отце очень мало. Даже не знаю, где и в какой стране он родился.

Несмотря на то что Орландо продолжал постоянно выпытывать у меня все новые и новые подробности о Па Солте, сам он очень умело уходил от разговоров, касающихся Флоры Макникол, явно не горя желанием поделиться со мной какими-то дополнительными сведениями о ней. А когда я показала ему письмо в рамочке, написанное Беатрикс Поттер, судя по всему, Флоре, то в ответ получила совсем не ту реакцию, на которую рассчитывала.

– А, это... – беззаботно махнул он рукой. – Старое письмо. Беатрикс за свою жизнь написала горы писем, адресованных детям.

И тут же с легкостью переключился на другую тему, не дав мне ни единого шанса разговорить его.

Что ж, решила я про себя, в один прекрасный день я все же наберусь храбрости и заставлю его ответить на все мои вопросы. Но, несмотря на то что я по-прежнему не располагала практически никакой информацией о Флоре Макникол, в остальном все было просто чудесно. Целыми днями я проводила время в окружении великолепных книг. Сам их запах, их вид, возможность потрогать эти бесценные издания руками, когда я вносила каталожные данные на новые поступления в объемный гроссбух в кожаной обложке, – все это доставляло мне поистине несказанную радость. Кстати, прежде чем позволить мне делать записи в этом драгоценном гроссбухе, Орландо устроил мне самый настоящий тест на каллиграфию. К счастью, меня всегда хвалили за мой четкий и элегантный почерк. Но вот уж никак не думала, что когда-нибудь такая совершеннейшая архаика в наши дни, как хороший почерк, может сослужить мне пользу и даже принести некоторую выгоду.

* * *

Как-то уже в начале третьей недели моей службы в букинистическом магазине я по пути на работу, в автобусе, задумалась над тем, что неплохо, наверное, было бы мне родиться в какую-нибудь другую эпоху. Появиться на свет в такое время, когда сам темп жизни был гораздо медленнее. Тогда, если вспомнить, даже письма к близким и дорогим людям шли неделями, а порой и месяцами. Не то что нынешняя скоропалительная корреспонденция по электронной почте, которая в считанные доли секунды отправит твое послание куда угодно, хоть на другой конец света.

– Боже правый! Как же я ненавижу все эти современные чудеса техники! – словно прочитал мои скрытые мысли Орландо, входя в магазин в неизменные половине десятого утра с неизменной коробочкой с пирожными в руке. – Прошлой ночью из-за этого дурацкого дождя во всем Кенсингтоне вышла из строя телефонная

связь. А в результате я не смог своевременно отправить свой заказ на особо ценный экземпляр романа «Война и мир». – Орландо тяжело вздохнул, всем своим видом выражая крайнюю степень недовольства и досады. – Правда, моя жаба жадности будет довольна. Да и Мышь тоже испытает немалое облегчение, узнав, что я сэкономил деньги, которых у меня, впрочем, нет. Помните, я уже как-то говорил вам о Мыши?

Действительно, уже несколько раз в наших разговорах с ним Орландо упоминал некую «Мышь», впрочем, никак не конкретизируя данную особу. Не говоря уже о том, кем именно она приходится самому Орландо. Я даже понятия не имела, кто это, мужчина или женщина.

– Правда упоминали? – переспросила я так, на всякий случай.

– Да. Кстати, мисс Стар, вы заняты в эти выходные? Мне нужно посетить Хай-Уилд, побывать на дне рождения у Рори. Там будет и Мышь тоже. Посмотрите на сам дом, познакомьтесь с Маргарет, поболтайте с ней о Флоре Макникол.

– Я... согласна, – ответила я после некоторого раздумья, понимая, что нужно ловить миг удачи и во что бы то ни стало воспользоваться предоставившейся возможностью.

– Вот и прекрасно! Значит, решено. Встречаемся в субботу на вокзале Чаринг-Кросс ровно в десять прямо в вагоне первого класса. Поезд идет до Ашфорда. Ваш билет будет у меня. А сейчас я вынужден оставить вас и поспешить к себе наверх. Вдруг этот всемогущий бог нашего времени по имени *Wi-Fi* всемилостиво соизволил явить свой лик нам, простым смертным, его подданным...

– А куда конкретно мы поедем?

– Разве я не сказал?

– Нет.

– В графство Кент, куда же еще! – несколько рассеянно ответил Орландо, словно цель нашего путешествия уже изначально была очевидна всем.

Оставшиеся дни недели я жила, раздираемая самыми противоположными чувствами. С одной стороны, сама идея поездки не могла не волновать, с другой стороны, я, как всегда, страшилась неизвестности. Во время учебы в университете мне довелось однажды побывать в графстве Кент, посетить знаменитый замок Сисингхерст,

полюбоваться его прекрасными садами. Когда-то здесь жила известная романистка и поэт Вита Сэквилл-Уэст. До сих пор храню в памяти впечатления об этом цветущем и благоуханном крае, который справедливо называют, о чем в свое время мне поведала моя однокурсница, «райским садом Англии».

* * *

Когда в субботу утром я прибыла на вокзал Чаринг-Кросс, то действительно обнаружила Орландо, поджидающего меня прямо в вагоне, как и было условлено. Его небесно-голубой пиджак вкупе с пестрым шарфом, не говоря уже об огромной по своим размерам плетеной корзине с крышкой для пикника, которая сразу же заняла своими габаритами весь столик, предположительно рассчитанный не только на нас двоих, но и на наших потенциальных соседей-попутчиков, сразу же бросался в глаза, резко контрастируя с остальным интерьером современного поезда.

– Моя дорогая мисс Стар, – начал он, как только я уселась на свое место рядом с ним, – вы, как всегда, пришли строго в означенное время. Между прочим, пунктуальность – это та добродетель, которая в наши дни заслуживает гораздо больших похвал, чем она их имеет. Чашечку кофе?

Он открыл корзину и извлек из нее термос и две фарфоровые кофейные чашечки. Следом на свет появились тарелки со свежайшими, еще теплыми круассанами, прикрытые сверху льняными салфетками. Как только поезд тронулся с места, Орландо тут же пригласил меня к завтраку, попутно разговаривая обо всем на свете и ни о чем конкретно. От моего внимания не ускользнуло то, что остальные пассажиры взирают на нашу трапезу с явным недоумением. Слава богу, хотя бы места напротив нас оказались свободными.

– Сколько времени поезд будет находиться в пути? – поинтересовалась я у Орландо, а он между тем извлек из корзины еще две тарелки с идеально порезанными фруктами и снял с них пластиковую пленку.

– Где-то около часа. Маргарет встретит нас на вокзале в Ашворде и отвезет домой.

– А кто она, Маргарет?

– Моя кузина.

– А Рори?

– Очаровательный мальчишка, которому завтра исполняется семь лет. Мышь тоже приедет поздравить его. Правда, в отличие от вас, моя хорошая, Мышь не отличается особой пунктуальностью. Понятия не имеет, что это такое – приходить куда-либо вовремя. А сейчас прошу простить меня, – Орландо составил всю посуду обратно в корзину, а затем аккуратно собрал все крошки со стола салфеткой, попутно не забыв отряхнуть и самого себя, – но я, пожалуй, немного прикорну.

С этими словами он скрестил руки на груди, словно пытаюсь защитить себя от вражеской пули, и тут же погрузился в безмятежный сон.

Минут через тридцать, когда я уже не на шутку разволновалась, а не проедем ли мы Ашворд, но при этом не решаясь потревожить сон своего попутчика, он вдруг сам резко открыл глаза.

– Через две минуты, мисс Стар, мы будем на месте.

Платформа была залита неярким осенним солнцем. Мы вышли на перрон и зашагали вдоль состава, лавируя среди других пассажиров.

– Прогресс добрался и сюда, – пожаловался Орландо, видно, категорически не приемлющий никаких технических новшеств. – После того как они окончат здесь строительство вокзала, связующего трассу с дорогой в тоннели под Ла-Маншем, можно будет навсегда забыть о тишине и покое в этом краю.

Когда мы вышли на привокзальную площадь, то я увидела, что ночью здесь явно были заморозки. Слабый пар вырывался у меня изо рта при дыхании.

– А вот и она! – радостно воскликнул Орландо, почти бегом устремившись к старенькому «фиату-500». – Моя дорогая Маргарет! Как это любезно с твоей стороны приехать за нами на вокзал, – обратился он к высокой статной женщине, пожалуй, одного роста с ним, судя по торчащим из-под руля длинным ногам, которые с трудом помещались в крохотном салоне.

– Орландо! – недовольным тоном перебила она его, пока он расцеловывал ее в обе щеки, и жестом указала на корзину. – Куда мы поместим твою поклажу, хотела бы я знать? В машине и так нет места! Тем более ты приехал не один... С тобой гостья...

Я почувствовала на себе взгляд ее больших темных глаз. Глаза были удивительного цвета – фиалковые.

– Позволь мне представить тебе мисс Астеропу Деплеси, более известную как Стар. А это, мисс Стар, моя кузина Маргарет Воган.

– Какое у вас необычное имя, – промолвила женщина, подходя ко мне поближе. Я разглядела лучики морщин на ее чистой светлой коже. А вблизи она выглядит постарше, подумала я, наверняка уже сорок с небольшим.

– Рада познакомиться с вами, Стар, – продолжила она. – И прошу простить моего бестолкового кузена, который приволок с собой эту чудовищную корзину для пикников. Представляю, как вам сейчас придется тесниться на заднем сиденье рядом с таким объемным грузом. Будто нельзя было заказать кофе у проводника прямо в вагоне! – метнула она укоризненный взгляд на Орландо, который, пыхтя и сопя, заталкивал корзину на заднее сиденье. – Впрочем, думаю, вы уже успели понять, что он у нас за человек. – Она тепло улыбнулась мне.

– Успела, – ответила я, почувствовав, что и сама улыбаюсь.

– Лично я, будь моя воля, отправила бы его сейчас пешком. Пусть бы отшагал пять миль в качестве наказания за те неудобства, которые он создал вам. – Маргарет с видом заговорщика погладила мою руку. – Поторопись, Орландо! – прикрикнула она на кузена. – У меня дома полно работы. Мясо еще надо успеть приготовить.

– Приношу свои глубочайшие извинения, мисс Стар, – повинился передо мной Орландо с видом нашкодившего ребенка, только что получившего выволочку за свое плохое поведение. Он галантно открыл мне дверцу и стал суетливо помогать, пока я с трудом втиснулась в узенькое пространство, оставшееся свободным на заднем сиденье после того, как туда затолкали корзину. Наконец я устроилась и замерла в неподвижной позе, вытянув руки по швам.

Мы тронулись в путь по усыпанным листьями проселочным дорогам. Маргарет и Орландо сидели впереди, оба такие высокие, что доставали своими макушками до самой крыши капота. А я снова почувствовала себя маленькой девочкой и с радостью принялась разглядывать живописные пейзажи, мелькавшие за окном машины, как всегда, восхищаясь красотой английской деревни.

Всю дорогу Орландо говорил без умолку. Рассказывал сестре о том, какие книги приобрел, что успел продать. Маргарет слегка пожурила его за то, как много он переплатил за «Анну Каренину». По всей вероятности, Мышь уже успела доложить ей об этой покупке. Однако при всем том в голосе ее звучала нескрываемая нежность. Невооруженным глазом было видно, что она очень любит своего бестолкового кузена. Сидя позади Маргарет, я с наслаждением вдыхала ненавязчивый аромат ее духов, который витал в салоне. Запах мускуса действовал на меня успокаивающе.

Ее темные блестящие волосы рассыпались по плечам естественными волнами. А когда Маргарет вдруг повернулась в профиль, чтобы что-то сказать Орландо, я увидела, что у нее нос той формы, которую Па Солт обычно называл «римским носом», с легкой горбинкой. Но ей этот нос подходил просто идеально. Словом, у Маргарет было лицо, которое сразу же привлекает к себе внимание. Нет, она, конечно же, не красавица в классическом понимании канонов красоты. Да судя по джинсам и старенькому свитеру, не очень-то она и стремится выдавать себя за античную богиню. И все же Маргарет очень привлекательная женщина. Внезапно я поняла, что мне ужасно хочется понравиться ей. Совершенно новое, надо сказать, для меня желание.

– Ну, как вы там? – поинтересовалась она у меня участливым тоном. – Немного уже осталось потерпеть. Скоро приедем.

– Все хорошо, спасибо. – Я прижалась головой к оконному стеклу. Мимо проносились густые заросли кустарника, казавшиеся такими высокими на фоне нашей крохотной машины. Деревенская дорога между тем становилась все уже и уже. И все же, как здорово оказаться на природе, выбраться хоть на время из Лондона. Ничто вокруг не напоминает о городских пейзажах, разве что вон та одиноко торчащая среди густой зелени труба из красного кирпича. Мы свернули направо и, миновав старые ворота, въехали на подъездную дорогу, ведущую к дому, всю в рытвинах и ямах. На очередном ухабе нас так трянуло, что Маргарет и Орландо стукнулись головами о крышу капота.

– Надо будет попросить Мышь привести сюда трактор гравия, чтобы засыпать все рытвины и обязательно успеть до зимы, – обронила Маргарет, обращаясь к Орландо. – Ну, вот мы и приехали, Стар, – сказала она уже мне, затормозив машину возле большого

красивого дома из старинного красного кирпича. Покосившиеся стеклянные рамы оранжереи, расположенной рядом с домом, были густо заплетены плющом и глициниями. Кладка высоких печных труб, устремленных в морозное сентябрьское небо, еще более усиливала общее впечатление от старинной архитектуры дома, выдержанной в стиле эпохи Тюдоров. Я с трудом выбралась из машины и еще раз окинула взглядом весь дом. Наверняка, подумала я, его внутреннее убранство столь же хаотично, как и все то, что окружает строение. Хозяева явно не из тех людей, кто стремится произвести впечатление на других, и уж никак не претендуют на то, чтобы придать своему жилищу вид статусного особняка. Но дом тем не менее притягивал к себе взгляд своей старомодной изысканностью. По его внешнему виду было видно, как он медленно, но неуклонно дряхлел, постепенно сливаясь с окружающей его природой. В его облике запечатлелись следы ушедших эпох, всех тех безвозвратно канувших в лету времен, о которых я так люблю читать в романах. Словом, при виде этого дома я вдруг ощутила некий неуловимый трепет желания прикоснуться к своим истокам. Кто знает, быть может, и мой родной дом был тоже похож вот на этот...

Вслед за Маргарет и Орландо я проследовала к величественной дубовой парадной двери и тут заметила мальчугана, во всю прыть спешащего к нам на своем сверкающем красном велосипеде. Он издал слегка приглушенный и не очень разборчивый возглас, попытался помахать нам рукой, но тут же свалился со своего велика.

– Рори! – крикнула Маргарет, бросившись к нему, но мальчишка уже успел сам вскочить с земли. Он снова что-то проговорил на том же неразборчивом языке. Уж не иностранец ли он, мелькнуло у меня, так как я не поняла ни единого его слова. Маргарет отряхнула мальчика от пыли, он взял в руки свой велосипед, и они оба направились в нашу сторону.

– Посмотри, кто к нам приехал, – сказала Маргарет, повернувшись лицом к Рори. – Орландо и его хорошая знакомая Стар. Попробуй повторить вслед за мной: Стар.

Маргарет особенно тщательно выговорила начальные согласные звуки моего имени – *ст... ст...*

– С-т-т-а-х, – выговорил наконец мальчик, подходя ко мне ближе и широко улыбаясь. Он раскрыл ладонь, раздвинув пальчики в разные

стороны. Получилось очень похоже на звездочку. Вблизи выяснилось, что Рори является обладателем совершенно невероятных по своей красоте ярко-зеленых глаз, обрамленных густыми темными ресницами. Рыжие кудрявые волосы мальчика отливали на солнце медным блеском. На пухлых розовых щечках появились обворожительные ямочки. Судя по всему, мальчуган был на седьмом небе от счастья. Нет, наверняка этому ребенку никто и никогда не осмелится сказать «нет».

– Вообще-то Рори предпочитает, чтобы его называли «Суперменом». Я прав, Рори? – обратился к мальчику Орландо, негромко усмехнувшись. И тут же вскинул сжатый кулак высоко в воздух, будто это сам Супермен взлетает над землей.

Рори молча кивнул, потом поздоровался со мной за руку с истинным достоинством, как и положено настоящему герою, после чего крепко обхватил Орландо за шею. Орландо тоже обнял мальчика и, слегка приподняв, принялся тискать его, потом осторожно поставил на землю и, развернувшись к нему лицом, принялся жестикулировать, одновременно четко проговаривая каждое слово.

– С днем рождения тебя! Я привез тебе подарок. Лежит в машине. Пойдем, возьмем его. Не возражаешь?

– Нет! – радостным голосом воскликнул мальчик и тут же принялся жестикулировать в ответ. Ребенок глухонемой, наконец догадалась я. Не мешало бы вспомнить и освежить в памяти ту азбуку жестов, которой когда-то, лет двадцать тому назад, меня обучала Ма, подумала я, глядя, как Орландо и Рори, взявшись за руки, поспешили назад к машине.

– Идемте в дом, Стар, – пригласила меня Маргарет. – Эти двое обойдутся пока и без нас.

Я вошла вслед за Маргарет в холл. Широкая лестница все в том же тюдоровском стиле вела на второй этаж. Плавные линии и роскошные резные дубовые перила не оставляли сомнения в том, что перед нами не какой-то новодел, а подлинный образчик интерьера ушедшей эпохи. Мы двинулись по длинному коридору. Я почувствовала под ногами неровные, растрескавшиеся и выщербленные от времени каменные плиты. Сделала глубокий вдох, словно желая напитаться атмосферой этого дома. Пахло пылью и дымом. Представила себе, сколько тысяч раз за минувшие столетия

разжигали обитатели дома дрова в здешних каминах, чтобы согреться. И вдруг почувствовала невольный укол зависти к женщине, шедшей со мной рядом. Повезло ей жить в таком необычном доме.

– Прошу прощения, что тащу вас напрямиком на кухню. Но у меня еще столько работы. И, пожалуйста, извините за беспорядок. Но мы пока еще и сами толком не знаем, сколько гостей соберется сегодня на ланч, чтобы отпраздновать день рождения Рори. А у меня еще даже картошка не почищена.

– Я охотно помогу, – тут же предложила я свои услуги, входя вслед за Маргарет в комнату с низким потолком, залитую потоками солнечного света. Центральное место на кухне занимал очаг с кованой чугунной духовкой и с уже разведенным огнем внутри.

– Пожалуй, вы действительно можете помочь, если приготовите нам обеим что-нибудь выпить, – предложила мне Маргарет с доброжелательной улыбкой, так гармонирующей с красотой и теплом этого уютного дома. – Вон кладовка. Там точно должна быть бутылка джина. Дай-то бог, чтобы в холодильнике осталось еще немного тоника. Иначе придется мудрить и изобретать что-то самим. И куда я только подевала эту картофелечистку?

– Да вот же она! – Я взяла картофелечистку с длинного дубового стола, заваленного газетами вперемешку с пакетами от круп, невымытыми тарелками и даже одним футбольным гольфом, испачканным грязью. – Вы лучше займитесь спиртным сами, а я пока почищу овощи.

– Как-то неприлично получается, Стар. Ведь вы же – наша гостья...

Но я уже водрузила на стол пакет с картошкой и сняла с крючка кастрюлю. Потом расстелила газету, судя по дате, уже недельной давности, куда собиралась складывать очистки, и уселась за стол.

– Хорошо, раз так... – Маргарет одарила меня благодарной улыбкой. – Пойду поищу джин.

В течение последующего часа с небольшим я перечистила все овощи, подготовила к жарке говяжью лопатку и выложила ее на противень. После чего занялась наведением относительного порядка на самой кухне. Маргарет, отыскав наконец джин и изрядно сдобрив его уже успевшим выдохнуться тоником, вручила мне мою порцию, после чего предоставила кухню в мое полное распоряжение, а сама все

время бегала туда и обратно, встречая гостей, приглядывая за сынишкой и попутно накрывая обеденный стол. Я же, мурлыкая про себя какой-то веселенький мотивчик, суетилась на кухне, которая, если отбросить в сторону царящий на ней беспорядок и общую неухоженность, была как раз кухней моей мечты. Горящий очаг наполнял все помещение живительным теплом. Разглядывая потолок, весь покрытый трещинами, я прикидывала, что неплохо было бы перекрасить его, пройти по нему кистью со свежей белой краской. А заодно освежить и пожелтевшие от времени стены. Но для начала я привела в порядок дубовый стол, очистила его от многочисленных пятен воска, оставленных горевшими когда-то свечами. Потом взялась за посуду, перемыла все тарелки и сковороды, которые валялись невымытыми, пожалуй, не меньше недели.

Наведя относительный порядок на вверенной мне территории, я взглянула в окно с неровно торчащими фрамугами. Прямо под окнами раскинулось то, что когда-то было огородом, наверняка кормившим всех обитателей дома овощами и ягодами. Я вышла через кухонную дверь во двор, чтобы взглянуть на огород поближе. Сейчас он пребывал в полнейшем запустении, зарос бурьяном и сорной травой. Однако, приглядевшись повнимательнее, я отыскала кустик розмарина и сорвала несколько листиков, чтобы добавить их в качестве приправы в тушеный картофель.

Я могла бы жить здесь, уже в который раз подумала я. Но тут на кухне снова появилась Маргарет. Она уже успела переодеться, сменив старый свитер на изрядно помятую шелковую блузку теплого золотистого цвета, дополнив свой наряд фиолетовым шарфом, чудно гармонировавшим с цветом ее глаз.

– О боже! – воскликнула Маргарет, обводя взглядом кухню. – Да вы самая настоящая волшебница, Стар! У нас уже сто лет не было здесь такого идеального порядка. Спасибо вам! Огромное спасибо. Кстати, вам не нужна работа?

– Я уже работаю у Орландо.

– Знаю-знаю! И я страшно рада, что вы сейчас находитесь рядом с ним. Может, вам удастся хотя бы изредка влиять на моего кузена, заставляя его воздерживаться от слишком больших трат на приобретение книг. У меня такое впечатление, что чем дальше, тем

очевиднее то, что его книжный магазин на глазах превращается в его личную библиотеку.

– На самом деле Орландо довольно успешно реализует книги через интернет, – попыталась я защитить своего работодателя в то время, как Маргарет налила себе вторую порцию джина.

– Да, я в курсе, – ответила она прежним влюбленным голосом. – Что ж, пока Рори занят рассматриванием своих подарков в гостиной, а Орландо пошел в погреб за вином для гостей, у меня появилось пять минут свободного времени, чтобы присесть и немного передохнуть. – Она мельком глянула на свои часики. – Мышь, как всегда, в своем репертуаре, опять опаздывает. Но на сей раз ждать мы никого не будем. Обед строго по расписанию. Полагаю, вы уже поняли, что у Рори проблемы со слухом?

– Да, – коротко ответила я, попутно отметив про себя, что Маргарет роднит с ее кузенком еще и привычка порхать в ходе разговора, словно бабочка, перепрыгивая с одной темы на другую.

– Да, он родился глухим. Правда, на левое ухо немного слышит, но и то только с помощью слухового аппарата. Я... – Маргарет замялась, встретившись со мной взглядом. – Я же, со своей стороны, хочу лишь одного. Чтобы он рос, не чувствуя своей ущербности. Чтобы был таким, как все остальные дети. Но иногда люди могут сказать такое... – она сокрушенно покачала головой и вздохнула. – А мой Рори между тем самый замечательный мальчик на свете...

– По-моему, они с Орландо очень дружны, – заметила я.

– О, да! Орландо, между прочим, выучил его читать в возрасте пяти лет. Для этого специально сам выучил английскую азбуку для глухонемых, чтобы иметь возможность разговаривать с Рори и обучать его грамоте. Мы целенаправленно занимаемся им. Вот определили его в нашу местную начальную школу. И он там, представьте себе, быстро освоился. Даже обучает других ребятшек языку жестов. Каждую неделю с ним занимается логопед. Фантастический доктор! Ставит ему речь, учит понимать других по губам. Кстати, у Рори это замечательно получается. Ну да дети в его возрасте все схватывают на лету. А сейчас идемте, я познакомлю вас с нашими гостями. А то так и проторчите на кухне весь день, словно Золушка.

– Мне это совсем не в тягость. Сейчас проверю, как там наша лопатка поживает. – Я подошла к плите, склонилась, чтобы вытащить

из духовки противень с мясом и картофелем. – Надеюсь, вы не будете против, что я добавила в блюдо немного меда и семян кунжута, которые нашла в кладовке. Они придадут особый аромат моркови.

– Возражать?! Господь с вами! Я ведь сама никудышная стряпуха. Само небо послало вас к нам, чтобы вы приготовили этот праздничный обед. Да и когда мне возиться на кухне? С Рори столько хлопот, потом еще этот старый дом-развалюха, что ни день, то новые проблемы. А еще ведь есть и работа. И она мне отчаянно нужна... Хотя бы для того, чтобы иметь возможность оплачивать все счета. Словом, я верчусь как белка в колесе. Вот сейчас получила просто сногшибательный заказ из Франции на стенную роспись, но и сама пока не знаю, что делать. Смогу ли я оставить Рори... и с кем... – Маргарет уныло замолчала. – Простите меня, Стар. Наваливаю на вас проблемы, будто у вас своих нет.

– Так вы художница?

– Хотелось бы так думать. Хотя недавно один человек сказал мне, что я обычный декоратор. Расписываю стены, вот и все. – Маргарет слегка приподняла бровь. – В любом случае я вам крайне признательна, Стар, за сегодняшний день.

– Да мне все это было не в тягость, честное слово. Когда будете усаживать своих гостей за стол? Мясо уже готово. Но нужно, чтобы оно немного постояло. Остыло.

– Когда скажете, тогда и сядем. Все наши гости хорошо знают, что в Хай-Уилд ожидание обеда всегда затягивается.

– Тогда попрошу еще полчаса. А если у вас есть яйца, то за это время я приготовлю йоркширский пудинг для всех гостей.

– О, яйца у нас, слава богу, есть. У нас же свои куры. Гуляют себе на свободе по всему огороду. Мы тут живем практически на одних омлетах. Сейчас принесу! – Маргарет скрылась в кладовке.

– Маг, я уже проголодался!

Я отвернулась от плиты и увидела Рори, стоящего на пороге кухни.

– Привет! – поздоровалась я жестом. Потом постаралась как можно точнее воспроизвести все движения руки Орландо, которые я подсмотрела, когда он поздравлял мальчика с днем рождения. Тоже дважды хлопнула в ладоши, затем развернула руки в направлении Рори, ладонями вверх. – С днем рождения! – поздравила я, как сумела.

Мальчишка бросил на меня крайне удивленный взгляд, но потом улыбнулся и прожестикнул мне в ответ:

– Спасибо!

Затем знаком указал на плиту и похлопал ладошкой по запястью, словно там были часы. После чего вопросительно повел плечами.

– Обед будет готов через полчаса.

– О'кей! – сказал Рори и подошел поближе, чтобы обзреть говяжью лопатку.

– Корова, – показала я жестами, приложив пальцы к голове, как будто у меня там выросли маленькие рога.

Рори весело рассмеялся в ответ и в свою очередь тоже жестами изобразил, как надо правильно расставлять пальцы. Я взяла нож и отрезала небольшой кусочек мяса, чтобы дать ему попробовать. В эту минуту в кухню снова вошла Маргарет. Рори уже положил мясо себе в рот и стал энергично жевать его.

– Хорошо! – сказал он и вскинул большой палец вверх.

– Спасибо! – ответила я, приложив свои пальцы к подбородку, а потом оторвала руку и отвела ее в сторону, надеясь в глубине души, что язык французских жестов точно такой же, как и у англичан.

– Откуда вы так хорошо знаете язык жестов, Стар? – удивилась Маргарет.

– Когда-то в детстве меня ему обучали. Но больших успехов я не достигла. Правда, Рори?

Рори повернулся к матери и что-то быстро показал ей на пальцах. Видно, что-то смешное, потому что Маргарет весело рассмеялась.

– Рори говорит, что жестами вы изъясняетесь ужасно, но то, как вы изобразили корову, его очень впечатлило. Да и мясо в вашем приготовлении ему очень понравилось. Он так и сказал, что вы готовите гораздо лучше меня. Ах ты, маленькая обезьянка! – Маргарет ласково взъерошила волосы на голове сына.

– Мышь! – воскликнул Рори, глянув в окно. И при этом весь подался вперед, словно зверек, приготовившийся к прыжку.

– Наконец-то! Пора уж явиться! Стар, не возражаете, если я снова оставлю вас? Надо же занять гостей в ожидании обеда. – Она выложила яйца для йоркширского пудинга на стол.

– Конечно, ступайте к своим гостям, – согласилась я, наблюдая за тем, как Рори вцепился в руку матери и почти силком потащил ее вон

из кухни.

– Постараюсь скоро вернуться, чтобы помочь вам с сервировкой, – бросила мне Маргарет через плечо.

– Да я и сама отлично управлюсь, не волнуйтесь, – ответила я, направляясь в кладовку на поиски муки.

В следующие полчаса я опробовала все те трюки, которым меня обучали недавно на кулинарных курсах. Во всяком случае, к тому времени, как Маргарет снова возникла на кухне, у меня уже все было готово. Я даже самостоятельно отыскала в массивном буфете для посуды сервировочные блюда и всю остальную посуду. Маргарет лишь глаза вытаращила от изумления, когда я с ходу вручила ей уже наполненные блюда, чтобы отнести их в столовую.

– Господи, какая же я безмозглая! – принялась сокрушаться она. – Совсем забыла о посуде! Вы просто ангел, Стар. Сами все нашли.

– Никаких проблем. Мне очень понравилось хозяйничать у вас, правда.

И я действительно не покривила душой. Ведь мне так редко выпадает возможность заняться стряпней для кого-нибудь еще, помимо Сиси. А потому сегодняшние хлопоты меня очень вдохновили. Я даже подумала, а не подать ли мне объявление в какую-нибудь местную газету и предложить им свои услуги в качестве повара. Пока я размышляла над этой идеей, обдумывая ее со всех сторон, на кухне появился мужчина.

– Здравствуйте, меня попросили нарезать мясо. Так где же сама лопатка? – бросил он мне прямо с порога.

Я мельком глянула на вошедшего. Непокорная копна волос на голове, уже поседевших на висках, мужественные черты лица. Особенно выделяются глаза зеленого цвета, которыми он пристально скользнул по мне. Шерстяной свитер с V-образным вырезом, изрядно траченный молью, надет поверх рубашки; джинсы. Незнакомец подошел ближе и буквально навис надо мной. Несомненные черты сходства с Орландо, однако мужчина гораздо грубее. И неприветливый он какой-то. Да еще неряшливый и неухоженный. Неужели это тот самый брат, о котором когда-то упомянул в разговоре со мной Орландо?

Спохватившись, что непозволительно долго собираюсь с ответом, я быстро проговорила:

– Мясо на плите.

– Благодарю.

Я взглянула на мужчину исподтишка, когда он прошествовал мимо меня, и тут же уловила некое внутренне напряжение, в котором он явно пребывает. Это было заметно даже по тому, как он доставал разделочный нож из ящика стола. Он принялся молча кромсасть говяжью лопатку. Нет, определенно, он и в малой степени не обладает той доброжелательностью, которая присуща его родственникам, если он только приходится им родней. Я тоже молча слонялась по кухне, чувствуя себя крайне неловко, будто бы без спросу вторглась на чужую территорию. А не отправиться ли мне в столовую самостоятельно, мелькнуло у меня, но тут вовремя появилась Маргарет.

– У тебя готово, Мышь? – поинтересовалась она у мужчины. – Если не поторопишься, то гости начнут грызть тарелки.

– Такие вещи не делаются быстро, – последовал ответ, выдержанный в том же холодном и недружелюбном тоне, что и реплики, ранее адресованные мне.

– Тогда, Стар, пошли со мной. Оставим Мышь в одиночестве колдовать над мясом.

Из всех возможных вариантов, которые я мысленно прикидывала, ожидая знакомства с таинственной Мышью, мне и в голову никогда бы не пришло, что именно *этот неприветливый мужчина* и есть та самая пресловутая Мышь. В общем-то представительный и даже красивый мужчина, но способный за пару секунд заморозить своим холодом любую обстановку. Я проследовала вслед за Маргарет в столовую, комнату с такими же низкими потолками, как и на кухне. В камине весело полыхал огонь, было многолюдно. Гости уже сидели за столом. Хоть бы меня не усадили за стол рядом с ним, взмолилась я мысленно.

– А вот и вы наконец-то, дорогая моя! – радостно приветствовал меня Орландо, раскрасневшийся явно из-за того, что успел уже не раз приложиться к вину, за которым он бегал в погреб. – Все смотрится просто великолепно!

– Спасибо.

– Проходите сюда и присаживайтесь рядом со мной. А по левую руку от вас сядет Мышь. Так что, полагаю, в течение обеда у вас будет возможность поболтать с ним о Флоре Макникол. Он как раз недавно занимался исследованием ее биографии.

– Позвольте, Стар, я познакомлю вас с другими нашими гостями, – подала голос Маргарет.

Она начала по очереди знакомить меня со всеми, сидящими за столом. Гостей было не меньше полдюжины. Я буквально на автомате повторяла каждому из них «здравствуйте», стараясь по мере сил усвоить не только имена, но и то, каким образом эти люди связаны с именинником.

– А Мышь приходится вам родственником? – поинтересовалась я у Орландо вполголоса.

– Разумеется, моя дорогая девочка, он мой родственник, – весело фыркнул тот в ответ. – Он мой старший брат, если уж говорить конкретно. Разве я вам этого не говорил? Мне казалось, что я упомянул однажды о нашем родстве.

– Нет, вы ничего мне не говорили.

– Разве? Тогда говорю сейчас, а заодно добавлю вот еще что. Мой старший братец забрал у родителей все лучшее, чем они обладали... Их красоту, их ум, оставив мне одни лишь ошметки. Воистину, я являю собой самого маленького и самого слабенького поросенка из помета. Ну и пусть! Эта роль меня вполне устраивает.

Да, но одновременно ты являешь собой образчик добросердечного и открытого людям человека. А вот твой братец и близко не обладает ничем подобным...

Мышь обогнул стол и уселся на стул рядом со мной. И Орландо тут же вскочил.

– Господа! Леди и джентльмены! Позвольте мне от имени всех присутствующих произнести тост за здоровье господина Рори по случаю его семилетия. За ваше здоровье и за ваше процветание, молодой человек! – Орландо, глядя на Рори, жестами подкрепил сказанные им слова. Потом он поднял свой бокал. Остальные гости тоже последовали его примеру. Я взглянула на именинника и увидела, что тот буквально светится от счастья. Потом все гости вскинули руки в воздух и стали громко аплодировать виновнику торжества. За столом зазвучали здравицы. Я тоже подняла свой бокал.

– С днем рождения тебя, – пробормотал сидящий рядом со мной Мышь, но не сделал ни малейшей попытки, чтобы изобразить свои слова жестами.

– А теперь, прошу вас, – обратилась Маргарет к собравшимся, – угощайтесь. Пожалуйста, закусывайте.

Я оказалась зажатой с двух сторон родными братьями, один из которых, как обычно, с жадностью набросился на еду, в то время как второй едва притронулся к пище, судя по всему, совершенно не интересуясь угощениями. Я обвела взглядом гостей. Лица у многих покраснелись от выпитого вина, все улыбались, шутили. Внезапно я почувствовала, как же мне хорошо в этой компании и за этим столом. И одновременно внутренне поразились тому, как далеко я продвинулась за последние месяцы, минувшие после смерти Па Солта. Разве уже не чудо одно то, что я сижу за обеденным столом, в окружении совершенно незнакомых мне людей, и мне хорошо в их компании?

Топай, малышка Стар... Топай своими ножками...

И я тут же перенеслась мыслями в прошлое, к тем семейным обедам по выходным, которые устраивались в Атлантиде, когда был жив Па Солт, а мы, все сестры, были еще детьми и жили дома. Странно, но сейчас, оглядываясь назад, я не могу вспомнить, чтобы на этих обедах когда-нибудь присутствовал кто-то из посторонних. С другой стороны, нас с сестрами было шесть, да еще Ма и Па Солт, то есть за стол усаживалось восемь человек. Целая компания. Достаточно для того, чтобы создать атмосферу настоящего домашнего уюта и дать возможность всем выговориться, поговорить обо всем на свете. Сегодня мне страшно не хватает именно этого – чувствовать себя частью большой и дружной семьи.

Но тут до меня дошло, что Ледышка, как я мысленно окрестила брата Орландо, обращается ко мне:

– Орландо сказал мне, что вы у него работаете.

– Да, работаю.

– Не уверен, что вас хватит надолго. Обычно все, кто работал у него до вас, быстро уходили.

– Не сгущай краски, старина, – посоветовал ему Орландо дружелюбным тоном. – Мы со Стар сработались очень неплохо. Правда ведь, Стар? – обратился он ко мне.

– Правда, – подтвердила я более громким и уверенным голосом, чем обычно. Мне вдруг захотелось защитить от несправедливых нападок своего немного чудаковатого, но очень милого работодателя.

– Что ж, Орландо нужен человек рядом, который смог бы приводить его в чувства, когда это надо. Магазин уже много лет приносит лишь одни убытки, но он и слушать ничего не желает. Тебе, Орландо, не хуже меня известно, что скоро твой магазин уйдет с молотка. К счастью, он находится на одной из самых дорогих улиц Лондона. Так что мы сможем сорвать неплохой куш на рынке недвижимости.

– Послушай, брат, давай отложим этот разговор до следующего раза. Я всегда придерживаюсь того мнения, что обсуждение деловых вопросов за столом дурно сказывается на пищеварении, – недовольно заметил Орландо.

– Вот видите? Говорю же вам, этот человек всегда найдет отговорку, чтобы уйти от обсуждения неприятных проблем.

Последние слова Мышь произнес вполголоса. Я повернулась, чтобы взглянуть на него, и увидела, что взгляд его зеленых глаз устремлен прямо на меня.

– Быть может, хотя бы вам удастся образумить его. В конце концов, весь его книжный бизнес можно было бы перевести исключительно в режим интернет-продаж. Содержание книжного магазина сегодня обходится в поистине астрономические суммы, а отдача, как мы с вами оба знаем, крайне невелика. Полученные суммы от продаж и в малой степени не покрывают все издержки.

Его взгляд буквально гипнотизировал. Я с трудом отвела глаза в сторону.

– Боюсь, я плохо разбираюсь в бизнесе, – наконец выдавила я.

– Простите меня. Понимаю, не вполне корректно вести подобные разговоры с подчиненными.

Да, и особенно с учетом того, что начальник этого подчиненного сидит рядом и все слышит, подумала я с некоторым раздражением. Покровительственный и даже откровенно уничижительный тон общения этого человека уже стал действовать мне на нервы, а его холодноватые извинения явно запоздали и едва ли могли бы стать ему оправданием.

– Так все же, какова связь между вами и Флорой Макникол, мисс?..

– Деплеси, – тут же подсказал брату Орландо. – Между прочим, тебе будет любопытно узнать, что ее зовут Астеропа, – добавил он,

глянув на брата, насупившись, словно сыч, которого только что спугнули.

– Астеропа? – удивленно вскинул брови Мышь. – Это что, в честь одной из семи сестер созвездия Плеяд?

– Да, – бросила я отрывистым тоном.

– Но все зовут ее просто Стар. Звезда. Кстати, это имя ей удивительно подходит. Ты не находишь? – бросился мне на помощь Орландо.

Вряд ли Мышь разделяет его точку зрения, подумала я про себя. Он снова недовольно нахмурился, словно уже одно мое присутствие представляло для него какую-то неразрешимую загадку.

– Брат сказал мне, что ваш отец недавно ушел из жизни, да? – спросил он после некоторого молчания.

– Да. – Я аккуратно сложила вместе нож и вилку, словно давая понять своему соседу, что пора заканчивать с этим неуместным вопросом.

– Но он ведь был вам не родным отцом? – задал он утвердительным тоном свой следующий вопрос.

– Все верно.

– Однако обращался он с вами как с родной дочерью, не так ли?

– Да. Он был бесконечно добр со всеми нами.

– Тогда, наверное, вы согласитесь со мной, если я скажу, что далеко не всегда именно кровные узы определяют степень близости отцов и детей?

– Не мне судить. Я ведь никогда не знала своих настоящих родителей.

– Вы правы. Судить в таком случае действительно трудно.

Мышь снова погрузился в затяжное молчание. Я же закрыла глаза, вдруг почувствовав, что вот-вот заплачу. С чего бы это? Этот человек не знал моего отца, но бестактно лезет с расспросами о нем, и при этом в голосе нет ни грана теплоты или участия. Вдруг кто-то сильно сжал мою руку. Но стоило мне открыть глаза, как Орландо тотчас же отдернул свою руку, метнув на меня сочувственный взгляд.

– Орландо наверняка говорил вам, – продолжил Мышь прежним бесстрастным тоном, – что я занимаюсь сейчас тем, что изучаю историю своей семьи. Как все семейные истории, она весьма запутанная... Много всякого намешано... Но в любом случае я твердо

вознамерился распутать этот клубок до конца. Кстати, в ходе своих поисков я вышел и на Флору Макникол, – добавил он пренебрежительным тоном, произнося фамилию Флоры.

– А кто она такая? – спросила я.

– Сестра нашей прабабки Аурелии, – снова поспешил мне на помощь Орландо. И снова после его короткой реплики не последовало никакой реакции от моего соседа справа. Тяжелое унылое молчание, а потом вдруг неожиданный вздох.

– И не только сестра, – наконец заговорил Мышь. – И ты, Орландо, знаешь об этом не хуже меня. Словом, это длинная история. Отложим ее на другой раз. Сейчас не время и не место.

– Прошу простить меня, мисс Стар, но я вынужден покинуть вас, – неожиданно объявил мне Орландо, поднимаясь со своего места. – Я откомандирован на кухню. Пойду помогать Маргарет мыть посуду.

– Я тоже помогу, – с готовностью вызвалась я, поднимаясь со стула.

– Ни в коем случае! – Орландо силой усадил меня на место. – Вы приготовили нам такой роскошный обед. А потому ни при каких условиях я не допущу, чтобы вы снова очутились на кухне. Вы же не прислуга, в конце концов!

Орландо удалился, а я подумала, что лучше уж драить туалеты в этом огромном доме, чем наслаждаться обществом человека по имени Мышь. В моем воображении его образ уже давно слился с большой крысой, обитающей на какой-нибудь помойке.

– Есть ли у вас какие-нибудь предположения относительно того, что могло связывать вашего отца и Флору Макникол?

Помойная крыса снова обрела голос. Я ответила, стараясь изо всех сил быть вежливой:

– Нет. Никаких предположений на сей счет у меня нет. Отец оставил мне и моим сестрам некоторые подсказки на тот случай, если мы захотим покопаться в наших родословных. То есть его интересовало, в первую очередь, *все то, что касается нас*, а вовсе не его собственное прошлое. А потому, если какая-то связь с Флорой Макникол существует, то это связь между мной и ею, и только.

– Ага! Значит, вы полагаете, что вы вроде того кукушонка, которого подкинули в родовое гнездо под названием Хай-Уилд, так?

Позвольте вам заметить, что история семейства Воган-Форбс насчитывает крайне небольшое количество незаконнорожденных отпрысков.

Он рывком схватил свой бокал с вином и залпом осушил его. Интересно, подумала я, что могло так обозлить его в этой жизни? Я не ответила на его оскорбительный выпад, решив, что не предоставлю ему удовольствия увидеть, как я расстроилась. Слава богу, я тоже умею молчать и хорошо владею этой техникой: отвечать молчанием на молчание. А потому я молча сложила руки на коленях, твердо зная наперед: эту битву ему у меня не выиграть. Никогда! В итоге так и получилось. Он заговорил первым:

– Полагаю, мне придется вторично просить у вас прощения за столь короткий период нашего знакомства. Конечно же, я и сам вижу, что вы не дешевая искательница приключений. Просто следуете по тому курсу, который составил вам отец. Орландо рассказывал мне, что он оставил вам не только координаты вашего предполагаемого места рождения, но и кое-что еще. Это так?

Но я не успела ответить. Потому что в эту минуту в столовой появился Орландо с огромным шоколадным тортом в руках, на котором горели семь свечей. Присутствующие снова взорвались поздравлениями. «С днем рождения!» – послышалось со всех сторон. Затем Маргарет и Орландо сфотографировались на фоне торта, широко улыбаясь и обнимая за плечи именинника. Я искоса посмотрела на помойную крысу, на лице которого застыла привычная маска, такая смесь уныния и недовольства. А потом перехватила его взгляд, который он устремил на Рори, и неожиданно для себя прочитала в его глазах глубокую печаль.

А потом все мы дружно набросились на немного помятый шоколадный торт, который, как оказалось, Орландо вез из самого Лондона в той своей громоздкой корзине для пикника. После чего гости перешли в гостиную на чашечку кофе. Обозрев комнату в доме своей мечты, я опять же мысленно восхитилась при виде двух огромных книжных полок по обе стороны камина таких же внушительных размеров. Но вот Орландо снова поднялся со своего места.

– Нам пора в путь, мисс Стар. Иначе не успеем на пятичасовой поезд. Маргарет! – Он подошел к кухне и расцеловал ее в обе щеки. –

Все было превосходно, как всегда. Можно мне заказать такси прямо сюда?

– Я отвезу вас, – раздался голос из соседнего кресла.

– Спасибо тебе, старина, – поблагодарил Орландо брата.

Маргарет тоже поднялась с кресла, и в тот момент, когда она обратилась ко мне, я заметила в ее глазах усталость.

– Стар, прошу вас, обещайте мне, пожалуйста, что вы снова навестите нас... и как можно скорее. И тогда уж позвольте мне *приготовить для вас* обед.

– С удовольствием приеду, – пообещала я совершенно искренне. – Большое спасибо за радушный прием.

Тут же рядом с нами возник Рори. Он стал возбужденно открывать и закрывать свои ладони, и я поняла, что так с помощью жестов он произносит мое имя.

– Приезжайте поскорее, – проговорил он едва слышно своим несколько необычным голосом и обхватил меня ручонками за талию.

– До свидания, Рори, – попрощалась я с ним, когда он наконец разжал кольцо своих рук, и в этот момент перехватила взгляд помойной крысы, которым он пристально разглядывал нас обоих.

– Спасибо тебе, Орландо, за необыкновенно вкусный торт, – услышала я голос Маргарет у себя за спиной. – Во всяком случае, только ради того, чтобы доставить его в целости и сохранности, и стоило тащить с собой эту нелепую корзину.

После чего мы с Орландо послушно проследовали вслед за крысой во двор и направились к его «лендроверу», такому же старому и побитому, как и «фиат» его кузины.

– Садитесь на переднее сиденье, мисс Стар, – предложил мне Орландо, запихивая свою поклажу на заднее сиденье и устраиваясь рядом с ней. – У вас есть о чем поговорить с Мышью по дороге. – Лично на меня всегда нападает скука от таких разговоров. Особенно, когда вдруг выясняется, что человек знает об интересующем тебя субъекте все, что тебе надо узнать.

– Между тем этот парень меня совсем не знает, – раздраженно процедила помойная крыса себе под нос, садясь на водительское место и включая двигатель. – Хотя самонадеянно считает, что изучил меня досконально.

Я никак не отреагировала на эту реплику Мыши. Еще не хватало мне втягиваться в те баталии, которые ведут между собой братья. Мы отъехали от Хай-Уилд молча. Гнетущая тишина витала в салоне автомобиля всю дорогу до вокзала. Я пыталась отвлечь себя от невеселых мыслей, разглядывая мелькающие за окном пейзажи. Неяркое осеннее солнце уже клонилось к закату, купаясь в кронах деревьев и обливая их своим янтарным светом. Совсем скоро уже сгустятся сумерки. Как же мне не хочется возвращаться в Лондон, подумала я вдруг с сожалением.

– Премного тебе благодарен, Мышь, – сказал Орландо, когда мы снова очутились на привокзальной площади и вылезли из машины.

– У вас есть мобильник? – угрюмо поинтересовался у меня Мышь.

– Да.

– Тогда вбейте свой номер в память моего телефона.

Кажется, он тут же заметил мою нерешительность.

– Третий раз за сегодняшний день приношу вам свои извинения, но ваш номер нужен мне исключительно для того, чтобы я смог перезвонить вам и сообщить кое-какую полезную информацию о Флоре Макникол.

– Большое спасибо! – обрадовалась я и тут же с готовностью вписала свой номер в контакты его телефона. А он умеет быть церемонным, если захочет, подумала я, хотя в глубине души не сомневалась, что Мышь никогда не перезвонит мне. – И до свидания, – попрощалась я, возвращая ему его телефон.

Усевшись в поезд, Орландо моментально заснул и безмятежно проспал всю дорогу до Лондона. Я тоже закрыла глаза, мысленно прокручивая в памяти все события минувшего дня. Какие у Орландо все же необычные родственники. Но такие интересные.

А Хай-Уилд чего стоит!

Наконец-то, уже в который раз, мелькнуло у меня, я нашла дом своей мечты, в котором смогла бы счастливо прожить до самой смерти.

– А вы произвели настоящий фурор в нашем грешном семействе, – объявил мне Орландо прямо с порога, когда на следующее утро явился на работу.

– Но только это не распространяется на вашего брата, я думаю.

– Что же... до моего братца! Не обращайтесь на Мышь внимания. Он всегда настроен в высшей степени подозрительно по отношению ко всем людям. Особенно к тем, у которых не может обнаружить никаких изъянов. Никто и никогда не знает, какой реакции от него ждать в том или в ином случае. Приходится принимать все как данность, – ответил мне Орландо неожиданно миролюбивым тоном. – А что же касается восхитительного обеда, который вы нам приготовили, то я тут вот что подумал. А не завязать ли мне со всеми этими банками и судками? И попросить вас впредь кормить нас обоих своими вкуснейшими блюдами. Как считаете? Правда, я сильно сомневаюсь, что те кухонные возможности, которые есть у нас на втором этаже, вполне соответствуют вашему высокому уровню профессионального мастерства. – Орландо бросил на меня задумчивый взгляд. – Какие еще скрытые таланты у вас имеются, мисс Стар, хотел бы я знать?

– Никаких, – покраснела я от смущения. Я всегда краснею, когда меня начинают хвалить посторонние.

– Вы очень разносторонний человек, мисс Стар, очень... Интересно, где вы научились языку жестов?

– Моя няня обучала меня этому языку, правда, на базе французского, когда я была еще совсем маленькой девочкой. А потом мы с сестрой придумали еще и собственные жесты, создали, так сказать, свой язык общения, понятный только нам двоим. Наверное, так случилось еще и потому, что я всегда была молчуньей. Не люблю много говорить.

– И это тоже, несомненно, *еще одно* ваше достоинство. Если человеку нечего сказать, то, по-моему, всегда лучше промолчать. Кстати, именно поэтому я так люблю беседовать с Рори. Он очень наблюдательный ребенок, все видит, все замечает в окружающем его мире. И речь его становится лучше день ото дня.

– Маргарет сказала, что вы необыкновенно внимательны к нему.
Теперь уже пришел черед краснеть Орландо.

– Очень мило с ее стороны, но я на самом деле сильно привязан к своему племяннику. Он у нас такой яркий, неординарный мальчик, и в школе успевает отлично. Конечно, должен сказать, что, к превеликому сожалению, отцовской руки явно не хватает. Даже не столько руки, сколько мужского влияния... При всем своем желании я не осмелился бы претендовать на эту роль, хотя стараюсь изо всех сил и делаю для него все возможное.

Мне очень хотелось спросить у Орландо, кто отец Рори и *куда он подевался*, но я посчитала бестактным задавать подобные вопросы.

– Итак, я иду к себе. Хотя, как мне кажется, я хотел вам сказать что-то еще. Только вот что? Что ж, скажу потом, когда вспомню.

Мысли Орландо снова улетели прочь в неизвестном направлении. Впрочем, сегодня он и так, вопреки обыкновению, задержался на одном предмете разговора дольше обычного. Я тоже занялась своими рутинными делами: растопила камин, сварила кофе, который все равно никто не придет пить, затем взяла перьевую метелку и прошлась ею по книжным полкам, сметая с них пыль. Попутно вспомнила слова помойной крысы о том, сколько в наши дни обходится содержание книжного магазина. И о том, какую сумму они могут выручить, если решат продать здание магазина. Мне даже трудно было вообразить себе, что такое может случиться. Когда Орландо по какой-то причине отлучался куда-то из магазина, то все здесь моментально напоминало мне гнездо, оставленное птицей-наседкой. Его связь с этим пространством была столь естественной, что невозможно было даже в мыслях отделить Орландо от его любимого детища.

На дворе было сыро и холодно. Вряд ли в такую погоду к нам забредут даже наши постоянные посетители. Я сняла с полки томик с романом Вирджинии Вулф «Орландо» и устроилась возле камина с намерением перечитать давно прочитанную книгу. Но, к своему удивлению, обнаружила, что никак не могу сконцентрироваться на словах. Мысли мои снова вернулись к событиям вчерашнего дня. Я попыталась даже начать распутывать клубок сложных взаимоотношений, царящих в этой семье. Но, прежде всего, из памяти не выходил облик самого дома. Снова и снова перед моим мысленным

взором являлись картинки спокойной, безмятежной красоты, которой полнился Хай-Уилд.

* * *

Как я и предполагала, помойная крыса не удостоила меня своими посланиями или тем более звонками. Постепенно я взяла себя в руки, мысленно приказав перестать грезить о доме под названием Хай-Уилд. Лучше сконцентрирую свои усилия, думала я, на том, как и каким образом я смогу в один прекрасный день обзавестись своим собственным домом, который ни в чем не будет уступать дому моей мечты.

Между тем дни становились все короче, а по утрам, когда я шла на работу, меня уже встречал на улице сильный мороз. Наши постоянные читатели и вовсе перестали баловать нас своими посещениями. Зато у меня появился новый стимул. Если выпадала свободная минутка, когда не было никаких дел, я садилась поближе к огню и писала заметки, относящиеся к моему будущему роману, к работе над которым собиралась приступить уже в самом ближайшем будущем. Подспорьем служили напутственные слова Па Солта, они помогали мне преодолеть неверие в собственные силы и способности. В один из таких дней я настолько погрузилась в свои замыслы, что даже не услышала, как Орландо спустился вниз и вошел в торговый зал. И лишь когда он довольно громко откашлялся, я подняла глаза и увидела, что его фигура буквально нависла надо мной.

– Простите, – извинилась я, резко захлопывая свою записную книжку.

– Ничего-ничего, мисс Стар, – тут же поспешил успокоить меня Орландо. – Вот пришел узнать, есть ли у вас какие-нибудь определенные планы на ближайшие выходные.

Я с трудом удержалась от улыбки, услышав по-старомодному куртуазную речь своего работодателя.

– Нет, никаких конкретных планов у меня пока нет.

– Тогда... могу ли я предложить вам кое-что?

– Пожалуйста.

– Дело в том, что Маргарет получила большой заказ во Франции. Ей нужно слетать туда на пару дней, чтобы утрясти все условия будущего контракта. Одним словом, надо увидеть все своими глазами и оценить весь объем работ непосредственно на месте.

– Да, она говорила мне о возможности получения такого заказа.

– Так вот, Маргарет обратилась ко мне с просьбой. Не могли бы мы вместе с вами отправиться в Хай-Уилд на эти выходные и присмотреть там за Рори, пока Маргарет будет отсутствовать. Она сказала, что с радостью заплатит вам...

– Мне не нужна никакая оплата – возразила я довольно резко, почувствовав себя немного уязвленной. Оказывается, в глазах Маргарет я всего лишь прислуга.

– Конечно-конечно, – поторопился загладить возникшую неловкость Орландо. – Мне вообще не с этого надо было начинать. Маргарет сказала, что вы очень понравились Рори. Возможно, вам удастся подарить ему то материнское тепло и ласку, которое едва ли смогу дать я, пока Маргарет будет отсутствовать.

– Буду счастлива помочь ей, чем сумею, – ответила я, немедленно воспарив духом от одной только мысли о том, что смогу снова вернуться в Хай-Уилд.

– Так вы согласны? Боже, вы сделали меня счастливейшим человеком на свете. Дело в том, что я еще никогда не занимался ребенком один. Понятия не имею, когда его нужно купать... Да и все остальное тоже. Так я могу сообщить Маргарет, что вы согласились?

– Можете.

– Тогда все решено. Уезжаем завтра вечером шестичасовым поездом. Я закажу нам билеты в вагоне первого класса и сразу же зарезервирую места. В наши дни по пятницам на дорогах, в том числе и на железных, творится самый настоящий кошмар. А сейчас бегу в ресторан за нашим порционным обедом. По-моему, я и так уже опоздал. Вернусь, мы пообедаем, а оставшуюся часть дня посвятим усовершенствованию вашего языка жестов.

Как только за Орландо захлопнулась дверь, я вышла на середину торгового зала и обхватила себя руками, пребывая на седьмом небе от счастья. Все складывается как нельзя лучше. Я и подумать не могла о таком везении. Все выходные, целых две ночи, я проведу в доме своей мечты.

– Благодарю тебя! – воскликнула я, вздев голову к потолку. – Благодарю!

* * *

Поезд, следующий до Ашфорда, был набит пассажирами под завязку. Люди стояли даже в нашем вагоне первого класса. Слава богу, на сей раз Орландо не приволок свою огромную корзину для пикника, ограничившись довольно потертым кожаным чемоданом и холщовым мешком, судя по всему, с провизией. Оттуда он немедленно извлек полбутылки шампанского и два узких высоких бокала.

– Я всегда праздную окончание рабочей недели подобным образом. Ваше здоровье, мисс Стар! – провозгласил, едва состав отошел от платформы вокзала Чаринг-Кросс.

Осушив бокал с шампанским, Орландо тут же скрестил руки на груди и погрузился в глубокий сон. Внезапно мой телефон издал сигнал, оповещая меня о том, что пришла эсэмэска. Наверное, Сиси, подумала я. Сестра была крайне недовольна тем, что я снова отправляюсь на все выходные в Кент вместе со своим хозяином.

Однако на дисплее высветился незнакомый номер.

Наслышан, что вы приезжаете вместе с моим братом в Хай-Уилд. Надеюсь, у нас будет время, чтобы встретиться и поговорить о Флоре Макникол. Э.

Какое-то время я пыталась угадать, что за имя скрывается за этой буквой «Э». Забавно! Имена обоих братьев начинаются с гласной.

Где-то через час с небольшим мы снова вступили на уже знакомую привокзальную площадь в Ашфорде. Орландо тут же бросился к такси, и вскоре мы покатали в кромешной тьме по сельским дорогам в направлении Хай-Уилд.

– Ландо! Стаах! – приветствовал нас радостным возгласом Рори, поджидавший на пороге.

И тут же повис на Орландо, словно маленькая обезьянка, крепко обхватив его за шею, пока тот рассчитывался с водителем. Я взглянула

в сторону дома и увидела на пороге еще одну знакомую фигуру, нетерпеливо поигрывающую ключами от машины.

– Все! Наконец-то могу ехать к себе, – объявил вслух Мышь, пока мы с Орландо, подхватив свою поклажу, неровной походкой направлялись к нему. – Я покормил его тем, что оставила Маргарет. Ел он плохо. Думаю, он очень рад, что вы приехали. Если вам что-то понадобится, ты знаешь, где меня искать. – Последние слова были адресованы исключительно Орландо. Обращаясь же ко мне, он сказал следующее: – Сейчас у вас есть номер моего телефона. Позвоните, когда вам будет удобно.

– Господи, я уже чувствую себя так, будто мы с вами самые настоящие родители, – прошептал мне Орландо, направляясь в дом. Он тащил на себе Рори, а в руке нес чемодан. Я плелась сзади со своим рюкзаком с вещами и сеткой с провизией, которую прихватил из Лондона Орландо.

– Любишь блины? – поинтересовалась я жестами у Рори. Тот озадаченно посмотрел на меня, видно, не уловив смысла моего послания. Тогда я стала на пальцах тщательно проговаривать каждую букву.

Рори энергично закивал головой в знак согласия.

– С шоколадом и мороженым? – спросил он у меня в свою очередь, тоже знаками. Потом высвободился из рук Орландо и взял меня за руку.

– Поищем, что есть в закромах, – пообещала я и обратилась к Орландо через голову мальчика: – А вы пока распакуйте свои вещи. – Весьма своевременный совет, особенно если учесть, насколько педантичен Орландо в том, что касается организации собственного быта.

– Пожалуй, я так и сделаю. Благодарю вас, – поблагодарил он меня.

Шоколадного соуса я нигде не нашла. Зато отыскала в кладовке несколько батончиков «Марс», раскрошила их и растопила в кастрюльке, чтобы потом смазать сверху блины жидким шоколадом вместе с мороженым. Рори уминал блины за обе щеки, а я в это время пыталась донести до него всеми возможными способами очевидное: мой язык жестов намного хуже его, и он должен будет помочь мне

отточить мои навыки общения с помощью рук. Я вытерла салфеткой следы шоколада с его губ, и мальчик сладко зевнул.

– Спать? – жестом спросила я.

Он слегка нахмурился и помедлил с ответом.

– Пойдем поищем Орландо, – предложила я ему. – Уверена, лучше него никто не расскажет тебе историю на сон грядущий.

– Да, – согласился со мной Рори.

– И покажи мне, пожалуйста, где твоя спальня.

Рори повел меня по парадной лестнице на второй этаж. Там мы пошли по длинному коридору с разохшимися половицами, которые отчаянно скрипели под нашими ногами. Наконец мальчик остановился возле самой последней двери.

– Моя комната.

Он распахнул дверь, и я вошла в комнату. Первое, что бросилось в глаза, это обилие футбольных постеров. А еще яркое разноцветное одеяло с изображением Супермена и обилие рисунков, беспорядочно развешанных по стенам и закрепленных с помощью изоленты.

– Кто все это рисовал? – поинтересовалась я у Рори, пока тот укладывался в кровати.

– Я, – ответил он, вскинув большой палец.

– Вот это да! Ты настоящий молодец, Рори! – искренне восхитилась я и прошлась по комнате, разглядывая рисунки.

В дверь негромко постучали. Следом в комнату вошел Орландо.

– Вы как раз вовремя! – улыбнулась я ему. – Рори хочет, чтобы вы ему прочитали его самую любимую сказку.

– С превеликим удовольствием. Какую книгу берем?

Рори жестом указал на книгу Льюиса «Лев, колдунья и волшебный шкаф» из серии «Хроники Нарнии».

– Как? Опять? Может, перейдем к другим книгам этой серии? Я же тебе столько раз говорил, что «Последняя битва» – это, пожалуй, моя самая любимая книга.

Не желая мешать им и нарушать устоявшийся вечерний ритуал, я тихонько направилась к дверям, но когда проходила мимо кровати, Рори тут же распростер свои ручонки, желая обнять меня. Я тоже крепко обняла мальчика.

– Спокойной ночи, Стаах.

– Спокойной ночи, Рори, – улыбнулась я в ответ и, взмахнув рукой на прощание, вышла из комнаты.

Итак, Орландо и Рори благополучно заняты вечерней сказкой. Самое время немного осмотреться. Я спустилась вниз и в полумраке добрела до гостиной. Там я немного задержалась, разглядывая многочисленные фотографии в рамочках, расставленные на приставных столиках вдоль всех стен комнаты. Большинство фотографий были старыми черно-белыми снимками, запечатлевшими неизвестных мне людей в вечерних нарядах. Я невольно улыбнулась, увидев одну цветную фотографию: Рори, гордо восседающий на пони, а рядом с ним Маргарет.

Потом я двинулась по коридору вглубь дома и вскоре обнаружила комнату, скорее всего, служившую кабинетом. Огромный письменный стол, явно старинный, заваленный бумагами, стопки книг на полу, пепельница, полная окурков, и пустой бокал из-под вина весьма ненадежно примостились на широком подлокотнике старого кожаного дивана, угрожая рухнуть на пол в любую минуту. Множество эстампов на стенах. Выцветшие от времени обои, местами и вовсе порванные, красноречиво свидетельствовали, что ремонт в этом помещении осуществлялся очень давно, если вообще его когда-либо делали. Над камином портрет красивой белокурой женщины в нарядном платье по моде Эдвардианской эпохи. Я переступила через урну, набитую до отказа бумагами, чтобы подойти поближе и получше разглядеть изображенную на портрете даму, но в этот момент услышала звук шагов по лестнице и тотчас же ретировалась на кухню. Мне не хотелось, чтобы Орландо узнал, что я брожу по чужому дому без разрешения.

– Итак, один родственник, слава богу, обихожен и благополучно заснул. Самое время... – Орландо выставил на стол бутылку красного вина и полдюжины яиц, – заняться вторым родственником. Не будете ли вы столь любезны, чтобы приготовить омлет для нас двоих?

– С удовольствием, – ответила я, уже вполне освоившись на чужой кухне и ориентируясь на ней как у себя дома.

И действительно, не прошло и пятнадцати минут, как мы с Орландо уже восседали за столом, наслаждаясь вечерней трапезой в самой непринужденной обстановке. *Прямо как старая супружеская*

пара, усмехнулась я про себя. Точнее, как брат с сестрой. Последняя аналогия все же показалась мне более уместной.

– Завтра мы с Рори собираемся устроить для вас экскурсию по поместью. Зная ваше трепетное отношение к ботанике, могу себе представить, в какой ужас вы придете, увидев, в каком скверном состоянии находятся здешние сады. Все крайне запущено, но в этой заброшенности есть тоже свое очарование, как мне кажется. Останки былого величия... Ну, и тому подобное, – Орландо тяжело вздохнул. – А причина банальна и лежит буквально на поверхности. Весь корень зла, если позволительно использовать подобную метафору, кроется в нехватке средств. Только и всего...

– Думаю, дом прекрасен даже в таком состоянии.

– Это вам так только кажется, моя дорогая девочка. Потому что вы не живете здесь постоянно. И тем более не платите за его содержание. К примеру, доложу я вам, банкетный зал в этом доме, где когда-то собирались самые рафинированные сливки общества, уже давным-давно закрыт для посетителей, даже для простого осмотра. Опять же нет денег на его реставрацию. Уверен, проведя две ночи на старом сбитом матрасе из конского волоса, без горячей воды, не имея возможности привести себя утром в порядок, замерзая от холода, потому что в доме нет современной отопительной системы, – словом, после всех этих неудобств, уверен, вы измените свое мнение о Хай-Уилд. Да, с точки зрения эстетики, дом красив, согласен. Но жить в этой развалюхе – это просто беда. Особенно в зимнее время.

– А я бы не имела ничего против. Я вообще привычна ко всяким неудобствам.

– О, возможно, ваш опыт опирается на пребывание в теплых странах. У нас же здесь, уверяю вас, все по-другому. Правда в том, что в послевоенные годы для семейства Воганов, впрочем, как и для многих других семей Великобритании, наступили тяжелые времена. Иногда я думаю, какая ирония судьбы! Наш маленький Рори в один прекрасный день станет лордом. А за душой у него только этот обветшалый и пришедший в полнейший упадок особняк.

– Рори – лорд? А я и понятия не имела, что он титулованная особа. И от кого же он унаследовал свой титул? От отца?

– Да, – коротко бросил мне в ответ Орландо и тут же переменял тему разговора: – А сейчас пойдете, поищем в кладовке что-нибудь

вкусненькое на десерт. Как думаете, нам повезет?

* * *

На следующее утро я проснулась в комнате, подобные которой раньше видела только в телевизионных фильмах на исторические темы. Высокая железная кровать всю ночь приходила в движение и начинала колыхаться при каждом моем повороте. При этом всякий раз латунные шишки, венчающие четыре ножки, начинали звенеть, словно рождественские колокола в полночь. А все потому, что весь каркас кровати был расшатан донельзя. Матрас представлял собой, как и предупреждал Орландо, сплошной ком. Обои на стенах местами отклеились, а шторы, болтавшиеся на окнах, порваны и усеяны заплатками. Я осторожно поднялась с постели. Но даже своими длинными ногами я с превеликим трудом дотянулась до пола. Кое-как я все же сползла со своего ложа и на цыпочках побрела в ванную комнату. Там я с надеждой взглянула на железную печку. Вдруг мне удастся растопить ее и хотя бы немного согреться?

Минувшей ночью на меня нахлынули необычные сновидения, что довольно странно, ибо я, как правило, сплю без всяких снов. А если мне что-то и снится по ночам, то, просыпаясь утром, я не помню всех полуночных экзерсисов своего сознания. Кстати, это сразу же напомнило мне про Сиси и ночные кошмары, которые мучают ее. Я тут же достала свой телефон, чтобы позвонить ей и сообщить, что добралась благополучно. Увы-увы! Сигнал связи отсутствовал напрочь.

Я выглянула в окно и тут же обратила внимание на то, что небольшие квадратные стекла в оконных рамах покрыты тонким слоем изморози. Но сквозь иней уже просматривались первые всполохи утреннего солнца, возвещающего наступление еще одного погожего осеннего дня. Вот такую погоду я особенно люблю. Свежо и солнечно. Я натянула на себя все одежды, которые прихватила с собой, и поспешила вниз.

В кухне меня уже поджидал сладко зевающий Орландо в пестром шелковом халате с шерстяным шарфом, замотанным вокруг шеи, и

вызывающе ярких атласных шлепанцах душераздирающего цвета электрик.

– А вот и наша повариха явилась! – обрадовался он мне. – Мы тут с Рори пошарили в холодильнике и отыскали несколько сосисок и бекон. Разумеется, яйца, как всегда, в наличии. Что, если нам начать сегодняшний день с полноценного английского завтрака? Как думаете?

– Отличная мысль! – похвалила я своего начальника.

И мы все тут же занялись делом. Рори взбивал яичную смесь для гренок, которые я собиралась поджарить в молоке с яйцом. Попутно он сообщил мне, что еще никогда не пробовал таких гренок, зато потом, когда попробовал, нашел их «очень вкусными».

– Итак, мой юный Рори, сегодня с самого утра мы организуем для мисс Стар экскурсию по нашему поместью. Ну, или хотя бы по тем территориям, которые от него остались. Понадеемся же, что нам сверху не упадет на голову все то, что обещает стать впоследствии воскресным обедом.

– Что вы имеете в виду? – спросила я, непонимающе посмотрев на Орландо.

– Боюсь, но, как мне кажется, уже начался сезон охоты на фазанов. Наверняка Мышь доставит вам целую связку дичи, чтобы вы в очередной раз поколдовали завтра на кухне и приготовили всем нам еще один волшебный воскресный обед. – Орландо поднялся из-за стола. – А мы, мужчины, тем временем омоем охотничьи трофеи, как следует. Да, составьте мне, пожалуйста, список всего того, что вам потребуется к дичи. Я в течение дня наведаюсь в местный магазинчик и куплю все необходимое. Между прочим, должен заметить, – он резко остановился на пороге, – в саду на деревьях еще полно всяких фруктов и они никому не нужны, просто падают на землю. Может, приготовите нам яблочный пирог, если это вас не затруднит?

Я отыскала в ящике стола клочок бумаги, какой-то заваливший фломастер и присела к столу, чтобы составить перечень необходимых мне продуктов. Раньше мне никогда не приходилось готовить фазанов. Я порылась на кухне в поисках подходящей кулинарной книги. Ничего не нашла и тогда решила действовать по собственному усмотрению. Изобрету, так сказать, свой рецепт.

Через полчаса мы тронулись в путь по подмерзшей за ночь подъездной дороге к дому. Судя по всему, Орландо замыслил маршрут,

включающий в себя самые дальние уголки поместья, а потом пообещал показать мне то, что, по его словам, составляет гордость имени Хай-Уилд – главное украшение короны.

– Во всяком случае, так было семьдесят лет тому назад, – уточнил он на всякий случай.

Рори энергично крутил педали своего велосипеда впереди нас. Когда мы подошли к воротам, Орландо крикнул, чтобы он притормозил. Впереди дорога, мало ли что? Но Рори и не подумал прислушаться.

– Господи боже мой! Он ведь меня не слышит! – взволнованно выкрикнул Орландо и бросился догонять мальчика. Сколько же опасностей подстерегает Рори в будущем, подумала я, когда он повзрослеет и уже будет невозможно контролировать каждый его шаг, как это происходит сейчас. Я тоже побежала следом за Орландо, чувствуя, как трепещет сердце в моей груди. Улыбающийся во весь рот мальчишка подждал нас, вынырнув из-за куста и стоя на заросшей травой обочине.

– А я вас поймал! А я вас поймал! – весело крикнул он нам.

– Да, на сей раз ты нас точно перехитрил, старина! – проговорил Орландо, тяжело дыша. Какое-то время мы с ним оба пытались восстановить ровное дыхание. – Тебе нельзя ездить по проезжей части. Тут полно машин.

– Знаю. Маг меня предупреждала.

Орландо закатил велосипед Рори назад за ворота.

– Вот сейчас мы все вместе пересечем дорогу.

Так мы и сделали, Рори посредине, уцепившись за наши с Орландо руки. Любопытно, размышляла я, шагая с ними в ногу, Рори называет мать по имени. Прямо как в заправской богемной семье. Такие интеллигентские штучки. Орландо вывел нас через небольшой проем в зеленой изгороди на другую сторону дороги. Моему взору предстали бесконечные поля, окаймленные с обеих сторон все тем же зеленым кустарником. Рори тут же завертел головой в разные стороны, пытаясь обнаружить что-нибудь съедобное среди зелени. Сначала нашел несколько ягод припозднившейся черники. Ее мы собрали с ним вместе, и большая часть ягод благополучно исчезла у него во рту.

– А вот тропа для верховой езды, – указал мне Орландо на узкую тропинку, вьющуюся вдоль межи, по которой мы зашагали далее. –

Она одновременно служит границей для старого имения. Вы катаетесь верхом, мисс Стар?

– Нет. Я боюсь лошадей, – честно призналась я, вспомнив свой первый и последний урок верховой езды, который нам когда-то преподали вместе с Сиси. Помнится, я тогда была так напугана, что даже не рискнула вскарабкаться на лошадь.

– Я тоже ни за что не сяду на лошадь. Вот Мышь, тот у нас великолепный наездник. Впрочем, он все делает блестяще. Мне иногда даже становится его немного жаль, представьте себе. Природа слишком щедро одарила моего брата всем, чем только можно. А это, по моему мнению, так же плохо, как и тогда, когда человек рождается вовсе безо всяких способностей и задатков. Во всем нужно соблюдать меру. Золотая середина – вот мой девиз. В противном случае жизнь может и укусить исподтишка. Знаете, у нее ведь есть такая вредная привычка – кусать тех, кому слишком многое дано.

Было слышно, как весело порхают птицы среди кустов, перепрыгивая с ветки на ветку. Впервые за последние несколько недель я с наслаждением вдыхала в себя полной грудью чистый и свежий воздух. Какой контраст с загазованной атмосферой города! Солнце позолотило кудряшки на голове Рори, облило теплым светом деревья на обочине, которые все еще пытались, вопреки приближающейся зиме, сохранить свою зеленую крону, почти не тронутую первыми заморозками.

– Посмотрите! – вдруг крикнул нам Рори, заметив красный трактор на значительном расстоянии от нас. – Мышь!

– Точно, это он, – согласился с мальчиком Орландо, приложив руку к глазам, чтобы защитить их от яркого солнечного света и получше разглядеть самого тракториста. – Рори, у тебя глаз – алмаз, прямо как у беркута.

– Поздороваемся с ним? – Рори бросил на нас вопросительный взгляд.

– Он не любит, когда его отвлекают от работы, особенно когда он на тракторе, – ответил Орландо и внимательно прислушался. Вдалеке послышались оружейные залпы. – Так и есть! Охота началась. Пожалуй, нам стоит повернуть назад. Скоро вокруг нас начнут пачками падать с неба фазаны. А у них есть еще одна весьма вредная

привычка – удобрять все, что внизу, своим пометом, и при этом не важно, живые они или мертвые.

Орландо поспешно развернулся и зашагал по тропинке уже в обратном направлении, к дому.

– Ваш брат фермер? – спросила я у него, с трудом поспевая за ним.

– Я бы не стал квалифицировать его как фермера. Особенно с учетом того, что в его колчане полно и других стрел. Однако поскольку наши семейные финансы переживают сейчас далеко не самые лучшие времена, а проще говоря, пребывают в глубоком кризисе, то у него порой просто нет иного выбора. Приходится *быть* и фермером тоже.

– Он владеет этой землей?

– Если по существу, то мы оба владеем ею. В свое время, еще где-то в сороковых годах прошлого века, имение разделили между братом и сестрой. Луиза Форбс получила во владение земли по эту сторону дороги и Домашнюю ферму. Наш двоюродный дед Тедди Воган, родной дед Маргарет, унаследовал дом и все сады вокруг. Ну и, конечно, титул. Все это звучит весьма патриархально, понимаю. Прямо как во времена феодалов. Но не забывайте, мисс Стар, вы живете в Англии. У нас здесь так.

Мы снова пересекли проезжую часть дороги и вступили на подъездную дорогу, ведущую к Хай-Уилд. Интересно, какая из двух половин семейства осталась в проигрыше при таком дележе имущества, задалась я мысленно резонным вопросом. Впрочем, чтобы ответить на этот вопрос обстоятельно, требуется знать, сколько стоят сельскохозяйственные угодья в этих краях и каковы здесь расценки на недвижимость.

– Рори! – Орландо снова бросился в погоню за мальчиком, быстро рулившим к дому на велосипеде. – Сейчас мы должны показать Стар наши сады. Ты забыл?

Рори вскинул вверх большой палец в знак того, что ничего он не забыл, слегка сбросил скорость, выехал на какую-то боковую тропинку и вскоре скрылся из виду за домом.

– Господи всемилостивый! Когда же это все закончится? – жалобно воскликнул Орландо. – Я живу в постоянном страхе, что с этим драгоценным чадом в любую минуту может случиться что-то непоправимое. Причем именно тогда, когда он находится на нашем с

вами попечении. Какое счастье, Стар, что вы сейчас рядом со мной. Впрочем, без вас мне бы никто и не доверил Рори.

Последние слова Орландо немного озадачили меня. Впрочем, спрашивать «почему так» я не стала, а молча поплелась за ним по дорожке, ведущей за дом. Обогнув строение, мы оказались на широкой террасе, вымощенной каменными плитами. Я посмотрела вниз на открывшуюся мне панораму сада, и у меня перехватило дыхание. До чего же красиво!

Такое впечатление, будто я вдруг оказалась в окрестностях замка Спящей красавицы. И сейчас мне предстоит пробиваться к самому замку через лесную чащобу и пустоши, заросшие диким бурьяном. Мы спустились по ступенькам вниз. Заросшие травой садовые дорожки причудливо петляли по лабиринту запущенной живописной декоративной изгороди из кустарников. Я увидела деревянные остовы пергол, которые наверняка служили в прошлом опорой для красивейших ампельных роз. Бесконечные цветочные бордюры и клумбы все еще хранили свою первоначальную форму, но они тоже густо заросли сорной травой. Никаких следов культивированных растений вокруг. Все пришло в полнейшее запустение и упадок. Лишь почерневшая высохшая земля да пожухлая трава, устлавшая дорожки сплошным покровом.

Я остановилась, чтобы полюбоваться вековым деревом величественного тиса, который горделиво возвышался над садом, доминируя над окружающим пространством. Его сильные старые корни кое-где пробились сквозь каменные плиты и вылезли наружу. Но несмотря на общую картину запустения, было что-то романтическое в этой обстановке полной заброшенности и одичания. У меня даже мелькнула мысль, что, вполне возможно, несмотря на общую неухоженность и запущенность сада, некоторые образцы растений вопреки печальным обстоятельствам сумели сохраниться и выжить. И их еще можно спасти.

Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором предстал этот спасенный и возвращенный к жизни сад, утопающий в розах, кустах магнолии, зарослях ромашки. Прямые ровные линии подстриженных декоративных кустарников, среди которых особенно выделяются сплошь усыпанные соцветиями дымчато-голубого цвета кусты

цеанотуса. И все вокруг: каждый уголок, каждая щепочка, каждый листок – благоухает и радуется взору неистовым *кипением жизни*...

– Можете представить себе, какое великолепие царило здесь когда-то, – промолвил Орландо, словно прочитав мои мысли.

– О, да! – согласилась я с ним. Потом взглянула на заросшую дорожку, по которой умело маневрировал Рори, выкручивая свой велосипед то в одну, то в другую сторону, чтобы не зацепить ненароком ни один одичавший куст. Глядя на него, можно было подумать, что он сейчас сдает экзамен по правилам вождения в экстремальных условиях.

– Я должен показать вам еще теплицы. Когда-то мой прадед разводил и выращивал в своих оранжереях экземпляры растений со всего света. Зато сейчас... – Орландо уныло вздохнул и добавил уже бытовым тоном, возвращаясь в день сегодняшней: – Думаю, пора вам уже заняться обедом. Как полагаете? На ужин я заказал говяжьё вырезку, филейную часть. Здесь у них в сельском магазине продают отменную вырезку, самую лучшую из всех, что мне встречались. – Орландо сладко зевнул. – Боже! Эта прогулка совсем меня разморила. Какое счастье, что я живу в городе. У деревенских это ведь единственное развлечение – гулять по полям. Вы не находите? Невольно чувствуешь себя виноватым, если не совершаешь этот обязательный моцион вместе с ними.

После обеденной трапезы Орландо тут же поднялся из-за стола.

– Прошу простить меня, но мне нужно немножко поспать. Надеюсь, вы не будете в претензии. Уверен, вы отлично поладите и без меня.

– Мне нравится, Стар, как ты готовишь, – знаком доложил мне Рори, как только за его дядей закрылась дверь.

– Спасибо. Поможешь мне помыть посуду? – я указала пальцем на раковину, заставленную грязными тарелками.

Рори недовольно надул губы.

– А я за это научу тебя делать шоколадные брауни. Такая вкуснятина!

Мы дружно принялись за работу. Я даже позволила Рори вылизать языком миску, в которой готовилась шоколадная смесь. Именно в этот момент я услышала, как отворилась дверь черного входа и в коридоре зазвучали чьи-то тяжелые шаги. Наверное, это доставка, подумала я,

привезли заказанные продукты из магазина, и повернулась к дверям. Но на пороге показалась помойная крыса собственной персоной. Мы с Рори ошарашенно уставились на него.

– Привет.

– Привет, – ответила я немного натянутым тоном.

– Рори! – Мышь кивком головы поздоровался с мальчиком, и тот тоже помахал ему в ответ рукой, по-прежнему всецело поглощенный вылизыванием остатков шоколадной смеси со стенок миски. – А у вас тут вкусно пахнет.

– Мы печем брауни.

– То-то я вижу, что Рори на седьмом небе от счастья.

– Не хотите ли чашечку чая? – кое-как выдавила я. Присутствие Мыши на кухне откровенно нервировало меня.

– Только в том случае, если и вы составите мне компанию.

– С удовольствием. – Я включила чайник и повернулась к Рори. – Рори! Давай я вытру тебе губы. – Я аккуратно удалила салфеткой следы шоколадной пасты на губах мальчика.

Помойная крыса застыл, не шелохнувшись, на прежнем месте и молча буравил нас пристальным взглядом.

– Стар, можно мне посмотреть «Супермена»? – поинтересовался у меня мальчуган.

– Ему можно смотреть кино? – спросила я у крысы.

– А почему нет? Идем, Рори. Я поставлю тебе эту кассету.

К тому моменту, когда помойная крыса снова возникла на кухне, у меня уже все было готово: чай стоял на столе.

– А в гостиной зверски холодно, доложу я вам. Я зажег камин. Спасибо! – Он придвинул к себе чашку с чаем, но куртку снимать не стал. – Полагаю, Орландо по своему обыкновению устроил себе короткий сон? Мой брат, он ведь у нас человек привычек.

Слабая улыбка мелькнула по его лицу и на какое-то мгновение разгладила угрюмые черты, но тут же исчезла. Но и этого мгновения мне хватило, чтобы понять, что Мышь тоже нежно любит своего младшего брата.

– Да, он сейчас отдыхает.

– Впрочем, я сюда явился не столько ради Орландо, сколько ради вас. Во-первых, хочу выразить вам свою признательность за то, что вы согласились провести выходные в этом доме. И тем самым избавили

меня от докучливых обязанностей няньки. Тем более в такой момент, когда уже начался сезон охоты.

– Уверена, Орландо и без меня отлично со всем бы справился.

– Маргарет никогда бы не доверила ему сына.

– Почему?

– Разве он ничего не говорил вам? Помимо астмы, Орландо еще страдает острыми приступами эпилепсии. Это у него началось еще в подростковом возрасте. Сегодня его болезнь, более или менее, под контролем, но проблема все равно остается. Маргарет боится, что приступ может случиться в любой момент, а Рори не сумеет должным образом поговорить по телефону так, чтобы его поняли на другом конце провода. Правда, его обучают, как отправлять эсэмэски, да что толку? Все равно в Хай-Уилд практически полностью отсутствует сигнал связи.

– А я и не знала, что у Орландо такие проблемы. – Я поднялась со стула и подошла к плите, проверить, как там наши брауни. А заодно и скрыть свой шок от такой новости.

– Что уже само по себе очень хорошо. Это означает, что Орландо у нас паинька-мальчик и принимает все лекарства, которые ему предписаны. Но поскольку вы сейчас работаете вместе, то я счел нужным, чтобы вы были в курсе. Так, на всякий случай... Орландо очень стесняется своего недуга. Но главное даже не это. Страшит другое. Если все же с ним случится приступ, то он может умереть, если ему не оказать своевременную медицинскую помощь. С ним уже такое случалось пару раз, когда он был помоложе, и мы едва не потеряли его. А второе...

Он замолчал. Я же перевела дыхание, с нетерпением ожидая продолжения. Интересно, что еще собирается поведать мне Мышь?

– Я хочу извиниться за свое более чем бестактное поведение по отношению к вам в прошлый ваш приезд сюда. У меня есть много чего еще сказать по этому поводу, но, так или иначе, я пока воздержусь.

– Не переживайте. Все в порядке.

– Не совсем так. Но я уверен, что вы уже успели понять, что я не самый удобный человек в общении.

За всю свою жизнь я еще не слышала более самоуверенной, я бы даже сказала, более нахальной просьбы о прощении. Да этот человек больше всего на свете жалеет самого себя, подумала я, чувствуя, как во

мне закипает злость. Я отвернулась к плите, словно пытаюсь напитаться ее теплом.

– Да, и вот еще что. Я принес вам это. Это моя переработанная версия дневниковых записей Флоры Макникол, которые она вела в возрасте от десяти до двадцати лет.

– Хорошо. Спасибо, – проговорила я, не отворачиваясь от плиты и тупо уставившись на брауни, которые вытащила из духовки.

– Тогда оставайтесь с миром. Я пошел. – Я услышала шаги в сторону выхода из кухни. Потом последовала короткая пауза. – Еще один вопрос, если можно...

– Слушаю вас.

– Вы, случайно, не прихватили с собой того зверька? Хотелось бы увидеть этот талисман своими глазами.

Я понимала, что злиться на Мышь за подобную бесцеремонность в общении – это слишком по-детски, но ничего не могла с собой поделать. Все у меня внутри кипело от негодования.

– Я... не уверена, что взяла... Надо посмотреть, – ответила я после некоторой заминки.

– О'кей. Вернусь завтра. Кстати, наш воскресный обед поджидает вас в коридоре. До свидания.

Чтобы остудить себя после визита нежданного гостя, пришлось выпить целых два стакана воды. Я даже не взглянула на стопку листов, аккуратно сложенных на столе, а пошла напрямик в коридор посмотреть, что за презент там оставлен. И обнаружила целую связку фазанов, а рядом еще ящик с отобранными свежими фруктами и овощами.

К своему стыду, должна признаться, что ярость моя спала лишь тогда, когда я принялась разделять птиц. С остервенением общипала перья с самой большой тушки, выпотрошила ее, затем отрубила фазану лапки и голову. И так со всеми остальными... Потом присела к столу в полном изнеможении, сама поражаясь своей реакции на Мышь. Ну почему человек, который не значит для меня ровным счетом ничего, может вызывать в моей душе подобную ярость?

Я тронула рукой рукопись, лежавшую передо мной на столе. И невольно содрогнулась при мысли о том, что этих листов касались его пальцы. Но в них, вполне возможно, кроется ключ к разгадке тайн того прошлого, поисками которого я сейчас занята. Так что, кем бы ни был

тот человек, который переписывал для меня этот текст, не в нем сейчас дело. В конце концов, в Хай-Уилд меня привели совсем другие помыслы и цели.

Я сняла с полки тарелку, выложила на нее три брауни, в другую руку взяла рукопись и направилась на поиски Рори. Он по-прежнему торчал в гостиной, приклеившись к экрану телевизора и с восторгом наблюдая за тем, как Кристофер Рив взмывает в небо.

Я тихонько потрогала мальчика за плечо, желая отвлечь его внимание от кинофильма, и молча указала на тарелку с брауни.

– Спасибо!

Рори с готовностью умял одно пирожное и снова сосредоточился на просмотре фильма. Судя по всему, ребенку хорошо и без меня, решила я, устраиваясь поудобнее в глубоком кресле возле камина, потом слегка пошевелила угли и, положив рукопись себе на колени, приступила к чтению.

Флора

Эствейт-Холл, Озерный край

Апрель 1909 года

Флора Макникол мчалась по лужайке во весь опор; подол ее юбки мгновенно впитывал в себя обильную утреннюю росу, словно промокательная бумага. Первые всполохи солнечного света заблестали над озером, и в этих еще слабых лучах засверкали всеми красками покрытые инеем, как отголоски былых морозов, кроны деревьев и листва кустарников.

Я могу попасть туда как раз вовремя, твердила она про себя, приближаясь к озеру. Потом резко свернула направо. Многострадальные, повидавшие всякого на своем веку ботиночки с черными пуговками на ногах девушки легко несли ее по холмам, хотя земля здесь твердая как камень – типичная почва в их Озерном крае. Она, эта земля, с упорством сопротивляется каждому новому шагу, хотя и притворяется этакой ровной и гладкой лужайкой. Уж Флора-то это знает. Ведь вопреки всем ухищрениям их садовника, почва под газонами рядом с домом оставалась такой же каменистой и твердой, как и везде вокруг.

Флора действительно успела как раз вовремя и тут же пристроилась на огромном валуне, который лежал у самого края воды. Никто не знал, какими судьбами он оказался в этом месте. Одинокий и заброшенный, словно сирота, которого когда-то отделили от остальных братьев и сестер, в изобилии разбросанных по окрестностям. Издали валун был похож на огромное яблоко, которое слегка надкусил какой-то волшебный великан. Но вот уже на протяжении многих поколений он являл собой самое удобное место отдыха для всех Макниколов, приходивших на озеро, чтобы полюбоваться восходом солнца и желающих своими глазами увидеть, как светило медленно поднимается из-за гор, окольцевавших озеро с двух сторон.

Вот и сейчас, не успела Флора устроиться поудобнее на камне, как первые лучи солнца озарили своим светом прозрачное бледно-голубое небо. Жаворонок пролетел над неподвижной гладью воды, отражаясь в ней легким серебристым силуэтом. Флора вдохнула полной грудью свежий утренний воздух и даже зажмурилась от удовольствия. Весна пришла!

И тут же разозлилась на себя. Надо же, какая растяпа! Так торопилась, что совершенно забыла и про свой альбом для рисования, и про акварельные краски. А ведь можно же было запечатлеть такой незабываемый момент. Но вот солнце наконец-то высвободилось из пут, удерживавших его за кромкой горизонта, и засияло в полную мощь, осветив снежные вершины окружающих гор и затопив потоками золотистого света долины внизу. Флора поднялась с камня. Оказывается, она забыла не только альбом, но и свою шаль тоже. Утренний холод пробирал до самых костей. Она почувствовала, что у нее уже зуб на зуб не попадает. Лицу вдруг стало жарко и так приятно покалывало кожу, словно тысячи ангельских стрел вонзались в щеки и лоб. Она задрала голову вверх и увидела, что снова пошел снег.

– Вот так весна! – рассмеялась про себя Флора, поворачивая назад к дому. Сейчас придется бежать уже в гору и надо поторапливаться. Нужно же время, чтобы успеть переодеться, сбросить с себя намокшие юбки, хлюпающие ботиночки и лишь потом появиться к завтраку в столовой. Нынешняя зима затянулась как никогда и длится уже непозволительно долго. Оставалось лишь надеяться, что свирепые ветры, наметающие горы снега вокруг, скоро уйдут в прошлое и станут лишь не очень приятным воспоминанием о минувшей зиме. Однако и люди, и животные, и вся природа вопреки непогоде пробуждаются от зимней спячки. Скоро, совсем скоро мир вокруг нее снова станет ярким и разноцветным, полным звуков и запахов. Ах, скорей бы!

Как же тянулись эти бесконечные зимние месяцы с такими короткими днями и долгими ночами. А она, несмотря на скудное освещение, часами просиживала у окна в своей комнате, пытаясь запечатлеть зимние пейзажи за стеклом с помощью древесного угля. Но рисунки, выдержанные исключительно в черно-белых тонах, получались такими же мрачными и угрюмыми, как и сама природа за окном. Очень, кстати, смахивающими на те черно-белые фотографии, которые они недавно сделали со своей младшей сестрой Аурелией (это мама настояла, чтобы они занялись фотографией). Однако снимки казались Флоре лишь бесцветными копиями действительности.

Аурелия... красивая, златовласая Аурелия... Ее сестра так похожа на ту изящную фарфоровую куклу, которую ей когда-то подарили на Рождество. Такое же кукольное личико с широко распахнутыми

голубыми глазами, обрамленными черными как смоль ресницами. Идеальная красота!

– Персик со сливками на фоне жидкой овсяной каши-размазни, – пробормотала про себя Флора, довольная тем, что нашла точные слова для того, чтобы описать их с сестрой внешность. Полное несовпадение во всем. Она вдруг вспомнила то утро, когда они с Аурелией готовились к своей фотосессии и наряжались у нее в спальне в самые лучшие наряды. Разглядывая их отражения в золоченом зеркале, Флора невольно отмечала метким глазом, что у Аурелии все линии фигуры и лица плавные, мягкие, струящиеся. На фоне ее личика лицо самой Флоры казалось грубым, словно вытесанным из камня. Ее сестра являла собой воплощение истинной женственности, начиная от крохотных ножек и кончая тонкими изящными пальчиками на руках. Она буквально источала нежность и теплоту. А Флора... Нет, как бы ни сдабривала она кашу сметаной, никогда не добиться ей таких божественных форм, коими обладают Аурелия и их мать. Когда она однажды озвучила подобные мысли, то Аурелия лишь осторожно ткнула ее пальцем в бок.

– Сколько раз тебе повторять, моя дорогая Флора, что ты у нас красавица?

– Уж какая я красавица, я и сама отлично вижу в зеркале. Единственное, что во мне красиво, так это глаза. Но только за одни глаза люди не станут оборачиваться, чтобы взглянуть на меня еще раз.

– Да, глаза у тебя удивительные, – согласилась с ней младшая сестра, обнимая Флору и с нежностью прижимая к себе. – Два настоящих сапфира. Они горят на твоём лице, словно два маяка в ночном небе.

Несмотря на сердечность и доброту Аурелии, все равно чувствовалось, что они с сестрой разные, причем разные во всем. У их отца были золотисто-рыжие волосы и светлая кожа, как у всех его шотландских предков, а сестра пошла в мать, унаследовав ее холодную красоту настоящей белокурой богини. Ну а Флора с ее носом, который отец почему-то упорно и довольно грубо называл «тевтонским», желтоватой кожей лица и темными волосами, густыми и непокорными, которые категорически отказывались укладываться в любую причёску, на что она могла претендовать?

Флора замедлила шаг и замерла на месте, услышав дальний зов кукушки, который раздавался из дубовой рощи по ту сторону озера. Прислушалась и невесело усмехнулась. *Кукушонок в чужом гнезде. Это я и есть.*

Легко перепрыгивая через заросли пожухлой травы, Флора бежала напрямик, пока не приблизилась к стершимся каменным ступеням, ведущим на террасу. Тяжелые плиты, похожие на надгробья, усыпаны прошлогодней листвой, правда, кое-где уже пробивается свежий мох. Вот он, ее дом. Возвышается прямо перед ней. Неяркий утренний свет отражается в многочисленных окнах. Эндрю Макникол, ее прапрадед, построил Эствейт-Холл более ста пятидесяти лет тому назад. Изначально дом задумывался не как образчик какого-то архитектурного стиля, а как надежное жилье, способное защитить своих хозяев от суровых зим в их Озерном крае. Крепкие стены дома сложены из огромных камней глинистого сланца, добытого здесь же, в горах неподалеку. Угрюмое на вид здание мрачного темно-серого цвета. Низкая крыша с острыми, неприступными краями буквально нависает над домом, будто тоже защищает всех обитателей дома от непогоды. Дом расположен вблизи Эствейт-Уотер, одного из самых небольших озер в их окрестностях. Его неподвижная водная гладь застыла, словно стекло, в обрамлении дикой природы.

Флора быстро обежала вокруг дома и вошла с черного входа напрямиком на кухню. Посыльный мальчишка уже был там, разгружал продукты, заказанные на неделю. Возле плиты возилась миссис Хиллбек, их повариха. Ей помогала подсобная работница Тилли. Вместе они готовили завтрак.

– Доброе утро, мисс Флора, – поприветствовала ее повариха. – Гляжу, вы опять ноги промочили насквозь, – добавила она, заметив, как Флора торопливо расстегивает мокрые ботинки.

– Да. Можно я поставлю их на плиту, чтобы просушить?

– А лосось, которого я готовлю на завтрак вашему отцу, не провоняет их запахом? Не боитесь? – поинтересовалась у нее повариха, выкладывая толстые куски черного пудинга на сковородку.

– А вы затолкайте их в самый дальний угол. Спасибо вам. – Флора вручила ботиночки миссис Хиллбек. – Я за ними чуть позже приду сама.

– На вашем месте, мисс Флора, я бы попросила себе у матушки новую пару ботиночек. Эти-то совсем прохудились. Да и подошва совсем стопталась, – заметила мисс Хиллбек, осторожно беря обувь Флоры за пуговицы, чтобы отнести ее поближе к огню.

Флора выбежала из кухни, размышляя по пути, что действительно было бы здорово получить новые ботиночки, но просить об этом она никогда не осмелится. Она шла длинным темным коридором, в котором отчаянно пахло плесенью. Денег в семье не было не только на приобретение новой обуви для Флоры. Их не было и на ремонт дома тоже. Сырость повсеместно проступала сквозь толстые каменные стены. На старых, столетней давности, обоях в китайском стиле с рисунком в виде цветов и бабочек, которыми оклеена мамина спальня, виднеются подтеки воды, которые рано или поздно полностью уничтожат бумагу.

Семейство Макниколов в их краю известно как «обедневшее мелкопоместное дворянство». Именно такую уничижительную характеристику, «обедневшее», Флора своими ушами услышала в сельской лавке в деревушке Ближний Суррей, куда ее однажды отправили что-то купить. Это слово обронила одна покупательница в разговоре с другой. А потому Флора совсем не удивилась, когда в прошлом году Роза, ее мать, сообщила дочери, что в семье нет средств, чтобы отправить ее в Лондон, где она могла бы дебютировать в свете и быть представленной ко двору.

– Надеюсь, Флора, дорогая, ты все понимаешь правильно. Ведь так?

– Конечно, мамочка, – послушно ответила ей Флора.

В глубине души она была даже рада тому, что ее минует сия участь и что ей не грозит бесконечная пустая болтовня в великосветских гостиных, что не надо будет наряжаться, словно кукла, обливаться духами и взбивать на голове кудри. И так на протяжении целого сезона. Ее невольно передернуло при мысли о том, каково это – оказаться в окружении глупо хихикающих девиц, которые даже не понимают, что они ничем не лучше какой-нибудь скотины, которую привезли на ярмарку с целью продать повыгоднее. Разумеется, на этом аукционе невест свои правила игры. Самая красивая дебютантка наверняка заарканит себе самого выгодного соискателя руки и сердца. А кто это такой, если говорить обычными словами? Девушка поймают

в свои сети сына какого-нибудь герцога, который после смерти отца унаследует и его титул, и все большое состояние.

Да и вообще Флора терпеть не могла Лондон. В те свои редкие приезды туда, когда она сопровождала маму, навещавшую тетю Шарлотту, которая обитала в красивом белокаменном особняке, расположенном в фешенебельном районе британской столицы под названием Мейфэр, Флора чувствовала себя совершенно раздавленной ритмом жизни большого города. Запруженные народом улицы, бесконечное цоканье копыт многочисленных конных экипажей, снующих по проезжей части, резкие звуки клаксонов проезжающих мимо автомобилей, которые входили в моду и уже начинали теснить другие виды транспорта. Впрочем, чему удивляться, когда машины появились даже в ее любимом Озерном крае за тысячи миль от Лондона?

Однако Флора отлично понимала и другое. Отказ от дебюта при дворе вместе с другими юными леди резко сокращал ее собственные шансы на то, чтобы найти себе подходящего мужа с должным положением в свете.

– Я вообще могу остаться в старых девах, – прошептала она себе под нос, поднимаясь наверх по широкой лестнице из красного дерева и направляясь к себе в комнату. Надо поторапливаться. Успеть переодеться до завтрака, пока мама не обнаружила, что она опять замочила все свои юбки. – Ну, и хорошо! Меня это ни капельки не волнует, – проговорила девушка воинственным тоном, входя в свою спальню. И сразу же на нее уставились блестящие глазки многочисленных обитателей ее живого уголка.

– Зато вы всегда будете рядом со мной, да? – проговорила Флора ласково, подходя к первой клетке и приподнимая щеколду, чтобы выпустить на волю Розы, большую серую крольчиху, которая тотчас же запрыгнула к ней на руки. В свое время она спасла Розы, буквально вырвала ее из зубов одной из охотничьих собак отца. На сегодняшний день Розы – признанный долгожитель в ее домашнем зверинце. Флора усадила крольчиху на колени и принялась гладить ее длинные шелковистые ушки. Правда, у одного уха край слегка откусан. Это случилось как раз тогда, когда она вырвала несчастную из пасти рассвирепевшего пса. Спустив Розы на пол – пусть себе попрыгает на свободе, она подошла к другим обитателям клеток. В ее зверинце

нынче проживают две сони, черепаха по имени Гораций, которая обитает в самодельном виварии, а также Альберт, упитанная белая крыса, которую Флоре подарил сын их конюха. Крысу назвали в честь покойного мужа королевы Виктории. Мама, помнится, была в ужасе от такого пополнения.

– Честное слово, Флора! Я не имею ничего против твоей любви к животным. И все же это бог знает что такое – делить свою комнату с подобной мерзкой тварью!

Но мать не стала ничего рассказывать мужу ни об Альберте, ни о том, как ее напугал уж, которого Флора притащила откуда-то из леса. Собственно, на этом была поставлена жирная точка в дальнейшем расширении зверинца. Помнится, мама так визжала, можно сказать, истошно вопила, увидев, как уж беспрепятственно ползает по их гостиной. Пришлось Саре, единственной горничной, оставшейся у них в доме, срочно бежать наверх за нюхательной солью для хозяйки.

– Да вы всех нас этой тварью перепугали до полусмерти, мисс Флора! – ругала девушку горничная на местном диалекте. У нее всегда появлялся сильный акцент, когда она волновалась или злилась. Словом, после такого скандала «уж обыкновенный», как эта тварь именуется в научных трудах, был благополучно возвращен в свою естественную среду обитания, то есть на природу.

У себя в спальне Флора быстро разделась до нижнего белья, потом принялась кормить своих питомцев, для каждого из которых у нее был приготовлен свой завтрак. Здесь и лесные орешки, и семечки подсолнуха, и сено, и листья капусты. А для черепахи по кличке Гораций она припасла целую горсть мучных червей, которых ее отец использовал в качестве наживки при рыбной ловле. Потом она торопливо натянула на себя чистую поплиновую блузку с глухой застежкой до самой шеи и синюю юбку с цветочным узором. После чего оглядела себя в зеркале. Как и большая часть их с сестрой нарядов на каждый день, этот тоже был сшит из выцветшей материи, явно уже побывавшей в употреблении. Да и фасон был старомодным, совсем не в духе последних веяний моды. Но в этих платьях, по мнению мамы, было одно несомненное достоинство: хороший крой.

Слегка поправив тесный воротник, Флора взглянула на свое лицо.

– Вылитая Сивилла, – пробормотала она негромко, вспомнив насекомое по названию палочник, которое почти год обитало у нее в

том виварии, куда позднее она заселила Горация. Она также вспомнила, как обрадовалась, когда ее ненаглядная Сивилла привела потомство. Она обнаружила ее отпрысков только тогда, когда они сами стали почти взрослыми и незаметно для окружающих ползали по своему виварию, слившись в один ком.

– Не насекомые, а призраки какие-то... – Как и она сама, впрочем. Недаром она чувствует себя хорошо только тогда, когда ее никто не видит.

Флора собрала непослушные пряди своих волос и свернула их кольцом на затылке, потом подобрала с пола крольчиху, усадила ее обратно в клетку и поспешила вниз в столовую, где уже поджидал завтрак.

И действительно, когда она вошла в столовую, угрюмую и мрачную комнату, как и остальные помещения в доме, вся семья была уже в сборе. Родители и сестра сидели за обшарпанным обеденным столом из красного дерева. При появлении Флоры из-за развернутой газеты «Таймс» послышалось недовольное ворчание отца.

– Доброе утро, Флора. Рада, что ты наконец-то соизволила присоединиться к трапезе. – Роза незаметно скользнула взглядом по ногам дочери. Так и есть! Снова явилась на завтрак без башмаков, в одних чулках. Однако реакция матери была более чем сдержанной: картинно вскинутая бровь, и никаких комментариев вслух. – Хорошо спала, дорогая?

– Да, хорошо, спасибо, мама, – ответила Флора, в то время как Сара с жизнерадостной улыбкой на лице поставила перед ней тарелку с кашей. Сара заботилась о сестрах Макникол с младенческих лет и хорошо знала привычки и пристрастия каждой. Ей было известно, что даже запах приготовленного мяса может тут же вызвать у Флоры приступ тошноты. И поскольку на протяжении многих лет девочка упорно отказывалась от той традиционной пищи, которая подавалась у них в доме на завтрак, было найдено компромиссное решение. В то время как вся семья вкушает по утрам тушеного лосося, жареные колбаски и черный пудинг, Флоре предлагается только овсянка. Когда-то Флора даже дала себе клятву, что когда станет взрослой самостоятельной женщиной и у нее будет свой дом, то никогда она не позволит прислуге готовить мясные блюда из убитых животных. Никогда и ни за что!

– Аурелия, что-то ты сегодня чересчур бледненькая, – обеспокоилась между тем Роза, переведя взгляд на младшую дочь. – Ты здорова?

– Все в порядке, мамочка. Я здорова, – поспешила успокоить ее Аурелия, подцепив на вилку небольшой кусочек колбаски, после чего отправила его в рот и стала тщательно пережевывать.

– Тебе нужно как можно больше отдыхать в ближайшие дни и недели. Сезон будет долгим и утомительным, а ты еще не вполне оправилась после той ужасной простуды, которой переболела зимой.

– Хорошо, мама, – ответила Аурелия, всегда терпеливо воспринимающая материнскую суету вокруг собственной персоны.

– А мне кажется, что Аурелия выглядит просто замечательно. Так и светится вся, – подала голос Флора, и сестра тут же метнула в нее благодарственный взгляд.

В детстве Аурелия много болела, а потому и родители, и прислуга с младенческих лет носились с ней, словно с куклой. На которую она, впрочем, и была похожа. И уж ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Аурелия снова расхворалась, причем именно сейчас. Месяц тому назад мама объявила, что Аурелия все же *дебютирует* в Лондоне и будет представлена при дворе королю и королеве. Родители надеялись, что их младшая дочь привлечет внимание какого-нибудь богатого молодого человека из хорошей семьи, такой же достойной, как и их собственная. В конце концов, девушка красива, у нее ангельский характер. Уже одного этого вполне достаточно, чтобы компенсировать нехватку денег. Точнее, полное их отсутствие в семейном бюджете.

Хотя Флора вовсе не горела желанием начать «выезжать в свет», тем не менее в глубине души она почувствовала себя немного уязвленной из-за того, что тетя Шарлотта, сестра ее матери, согласилась покрыть все расходы на дебют Аурелии в высшем обществе из собственного кармана, даже не подумав год тому назад предложить то же самое и своей старшей племяннице.

Между тем завтрак продолжился, как обычно, при полном молчании. Алистер, муж Розы и глава семейства, не любил разговоров за столом. Женская болтовня, по его словам, мешала ему сконцентрироваться на чтении газеты, отвлекая от изучения важных мировых новостей. Флора бросила взгляд на отца из-под опущенных

ресниц и увидела только часть лысины, выступившую из-за краев раскрытой газеты и очень похожую на половинку луны, да клоки седеющих рыжих волос, торчащих из ушей. *Как же он постарел со времен войны с бурами*^[4], подумала она с некоторой грустью. Алистер получил на войне огнестрельное ранение, и хотя врачам удалось спасти его правую ногу, но с тех пор он ходил, сильно прихрамывая и постоянно опираясь на трость. Однако самое ужасное для бывшего кавалерийского офицера, прошедшего всю жизнь в седле, было то, что отныне он уже не мог более участвовать в охоте и скакать на лошади, как прежде. Верховая езда доставляла ему слишком сильную боль.

Несмотря на то что Флора прожила с отцом под одной крышей, можно сказать, бок о бок, целых девятнадцать лет, за все это время она беседовала с ним не более двух раз. Да и то это были пустячные разговоры на уровне обычных вежливых фраз. Алистер намеренно дистанцировался от женской половины своего семейства, наделив жену всеми полномочиями для того, чтобы та своевременно доносила дочерям все его пожелания, если таковые у него имелись, или порицания, если сестры того заслуживали. Уже сто раз Флора задумывалась над тем, почему ее мать вышла замуж за отца. Ведь Роза была красива, умна, из хорошей семьи – словом, во всех отношениях достойная невеста. Наверняка у нее была масса поклонников и было из кого выбирать. Оставалось лишь недоумевать или строить догадки относительно того, что, наверное, в Алистере таятся какие-то никому не известные глубины, скрытые достоинства, которые не сразу бросаются в глаза и не видны с первого взгляда.

Но вот Алистер методично свернул газету, давая знак остальным, что завтрак окончен. Тут же последовал короткий кивок Розы, означающий, что девочки могут быть свободны. Сестры поспешно задвигали стульями, поднимаясь из-за стола.

– Не забудьте, завтра к нам на чай приезжают Воганы. А потому сегодня вечером у вас обеих купание. Сара, помоги им принять ванну до ужина, ладно?

– Да, мадам, – послушно ответила Сара, отвесив реверанс хозяйке.

– Аурелия, наденешь свое розовое платье из муслина.

– Хорошо, мамочка, – тут же согласилась младшая сестра, и обе девушки торопливо выбежали из столовой.

– Дочка Воганов Элизабет будет дебютировать в свете вместе со мной, – сказала Аурелия, пока они с Флорой пересекали огромный холл. Звук ее шагов эхом отзывался вокруг. Флора в одних чулках зябко перебирала ногами, ступая по холодным как лед каменным плитам, которыми был вымощен пол в холле. – Мама говорила, что мы когда-то навещали их в Кенте. Мы еще тогда были совсем детьми. Честное слово, при всем желании я не могу ничего вспомнить. А ты?

– К несчастью, я все помню. И даже очень хорошо, – ответила Флора, поднимаясь по лестнице. – Их старший сын Арчи, ему в то время было шесть лет, а мне всего лишь четыре, забросал меня дикими яблоками в их саду. Я тогда вся была в синяках. Ужасный шалун! Более противного мальчишки я и не встречала.

– Будем надеяться, что с тех пор он вырос и изменился в лучшую сторону, – рассмеялась Аурелия. – Ему должно быть уже двадцать один, коль скоро тебе девятнадцать.

– Посмотрим, посмотрим, что с ним стало за эти годы. В любом случае, если снова вздумает бросаться дикими яблоками, то я начну метать в ответ камни.

Аурелия весело хихикнула.

– Не вздумай, ради бога! Ты же знаешь, леди Воган – старинная подруга мамы. Мама ее просто обожает. Как бы то ни было, а у меня есть шанс познакомиться хоть с одной из тех девушек, что будут представлены ко двору, еще до того как я отправлюсь в Лондон. Надеюсь, Элизабет похожа на меня. А то все эти столичные мисс, они такие штучки. Я на их фоне буду казаться заурядной деревенской простушкой.

– Никогда! Уверена, ты им ничем не уступишь, особенно когда нарядишься во все свои красивые платья. – Флора открыла дверь в свою спальню, и Аурелия последовала за ней. – Ты будешь самой запоминающейся и яркой дебютанткой сезона. Вот увидишь! Но я тебе ни капельки не завидую, – добавила она, подходя к клетке с Розой, чтобы снова выпустить крольчиху на волю.

– Правда, не завидуешь, Флора? – Аурелия пристроилась на краешке кровати сестры. – Сказать честно, хотя ты и повторяешь постоянно, что нет, не завидуешь, но я все равно переживаю. А вдруг в глубине своей души все же завидуешь? Хоть немного... Ведь это же

нечестно, я понимаю, что я дебютирую при дворе, а тебе такой возможности не дали.

– А что бы здесь делали мои животные без меня? Ты об этом подумала?

– Знаешь, хотела бы я увидеть физиономию твоего будущего мужа, когда ты объявишь ему, что будешь делить супружескую спальню со всем своим зверинцем. Вот будет потеха! – Аурелия взяла на руки Розы.

– А если он станет плохо вести себя, то я еще в придачу натравлю на него Альберта, свою крыску.

– Знаешь, а это мысль! Можно, в случае чего, я тоже позаимствую у тебя Альберта?

– Одолжу с превеликим удовольствием. – Флора скорчила смешную рожицу. – Аурелия, мы же обе с тобой прекрасно понимаем, что сезон в Лондоне – это просто повод подыскать тебе подходящего мужа. А сама ты хочешь замуж?

– По правде говоря, и сама не знаю. Но вот влюбиться хочу, это точно. Впрочем, все девушки мечтают о любви.

– А я, знаешь ли, чем больше размышляю над всеми этими вещами, тем сильнее убеждаюсь в том, что жизнь старой девы – это как раз по мне. Стану жить в маленьком домике в окружении своих питомцев. И все они будут любить меня беззаветно. Ведь животные любят просто так, ни за что, не выдвигая никаких встречных условий. Вот и получается, что такая привязанность безопаснее, чем любовь мужчины.

– Но ведь это же скучно. Ты не находишь?

– Возможно. Но я ведь и сама *довольно скучная особа*.

Флора посадила себе на ладонь двух сонь, Мейси и Этель. И те сразу же блаженно свернулись калачиком, укутав головы своими пышными хвостами. А Флора тем временем принялась чистить свободной рукой их клетку.

– Господи! Ну когда же ты перестанешь заниматься самоуничижением, Флора? Ты так прекрасно успеваешь по всем предметам. На французском щебечешь совершенно свободно. А уж твои акварели – это вообще верх совершенства. Да если хочешь знать, я по сравнению с тобой – законченная тупица!

– Ну, и кто теперь из нас двоих занимается самоуничижением, а? – вяло пошутила Флора в ответ. – К тому же мы обе отлично знаем, для женщины красота важнее всего. Именно хорошенькие, обворожительные и веселые девушки устраивают свою семейную жизнь лучше всех. А кому нужны такие страхолюдины, как я?

– Я буду сильно скучать по тебе, когда выйду замуж. Может, ты потом, со временем, согласишься переехать ко мне и жить вместе со мной в моем новом доме. Потому что я просто ума не приложу, как стану жить без тебя. Все! Мне пора бежать вниз. – Аурелия спустила крольчиху на пол. – Мама хочет поговорить со мной о том, как мне следует вести свой ежедневник в Лондоне.

Аурелия ушла. Какое-то время Флора размышляла над тем, каково ей будет жить в доме замужней сестры. Что-то вроде старой одинокой тетушки-приживалки, как их часто описывают во всяких романах, которые она любит читать. Прибрав кровать, Флора подошла к письменному столу, открыла нижний ящик и достала оттуда свой дневник в обложке из шелка. Потом слегка закатала рукава, чтобы не измазать чернилами кружевные манжеты, и уселась писать.

На следующее утро Флора впрягла своего пони по кличке Майла в двуколку и отправилась в Хоксхед забрать коробку с увядшими листьями капусты и старой морковью. Отбракованные в ходе сортировки овощи ей любезно отдавал мистер Болтон, владелец местной лавки. Она знала, родители неодобрительно относятся к этим ее поездкам. Наверное, им хотелось бы видеть старшую дочь владельца Эствейт-Холл не иначе как в карете, но Флора была не из тех, кого можно было легко переубедить.

– Ты же прекрасно знаешь, мамочка, что после того, как вы с папой рассчитали нашего кучера, у нас остался лишь один Стэнли. А мне совестно просить его, чтобы он отвез меня куда-нибудь. У него и так хватает работы на конюшне, – уговаривала мать Флора.

С такими доводами трудно было не согласиться, и в конце концов Роза сдалась и смирилась с поездками дочери. А в последнее время она даже стала давать Флоре кое-какие мелкие поручения, коль скоро та все равно бывала в деревне.

Бедная мамочка, со вздохом подумала Флора. Она жалела мать, представляя, как ей тяжело постепенно, но неуклонно скатываться к практически полуничтожному существованию. А она ведь до сих пор хорошо помнила, как однажды, еще в детстве, побывала вместе с матерью в ее родительском доме. Тогда ей, четырехлетней девочке, смотревшей на все вокруг широко распахнутыми глазами, этот дом показался самым настоящим дворцом. Дюжины лакеев, горничных, дворецкий с каменным выражением лица, который приветствовал на входе дочь семейства, прибывшую навестить родителей вместе со своими чадами. Впрочем, обе девочки, и Флора, и Аурелия, были тут же отправлены в детскую комнату для игр, где за ними присматривала старая няня самой Розы. Флору так и не показали дедушке с бабушкой. Этой чести удостоилась лишь Аурелия, которую на короткое время забрали из детской.

Управившись со своими делами, Флора вручила пенс мальчику, которого попросила присмотреть за пони, затем снова залезла в свою двуколку, уселась на деревянную скамью, поставив рядом с собой

корзину, полную овощей, и бумажный кулек с грушевым леденцовым монпансье, любимым лакомством Аурелии.

Стоял погожий солнечный день. Двуколка покинула пределы деревни, и тут Флора неожиданно решила возвращаться домой не по ближней, а по дальней дороге, объехать вокруг озера Эствейт-Уотер, а потом через деревушку Ближний Суррей. А заодно своими глазами убедиться в том, что распустились первые крокусы и нарциссы. В воздухе уже вовсю пахло весной, лишь кое-где местами виднелись остатки снега, которые вот-вот растают без следа под ярким утренним солнцем, распрощавшись с землей до следующей зимы. Выехав на дорогу, ведущую из Ближнего Суррея к их поместью, она непроизвольно бросила взгляд на фермерский дом, едва видневшийся из-за холма слева от дороги.

Уже, наверное, в сотый раз Флора подумала о том, что стоило бы заехать на ферму, представиться одиноко живущей там хозяйке, а заодно и напомнить ей о том, как они повстречались когда-то, много лет тому назад. И каким источником вдохновения стала для нее самой впоследствии эта встреча.

Пустив Майлу плестись неспешным черепашьям шагом, Флора однако почувствовала, что пока не готова к такой встрече. Еще не готова! *Когда-нибудь я обязательно к ней заеду, но не сегодня*, твердо пообещала она сама себе. Ведь там, за крепкими стенами фермерского дома, обитала женщина, воплощавшая в себе все ее надежды и планы, связанные с будущим.

Майла неторопливо миновала ферму, и Флора направила двуколку по мосту через речушку, весело журчавшую внизу в своем каменистом ложе. Она была настолько занята своими мыслями, что даже не услышала громкий цокот копыт сзади. Кто-то мчался во весь опор по полю слева от нее. Не успела она миновать мост, намереваясь слегка срезать дорогу напрямик, как всадник оказался всего лишь в нескольких ярдах от нее. Испуганная Майла встала на дыбы, на какие-то доли секунды передние колеса двуколки оторвались от земли, и повозка резко накренилась вбок. Флора съехала по скамейке вниз, схватилась за край повозки, с трудом удержавшись от того, чтобы не упасть на землю. Все же ей удалось кое-как выпрямиться, а всадник в это время осадил своего скакуна, и тот замер как вкопанный буквально

в нескольких дюймах от возбужденной Майлы с раздувающимися от испуга ноздрями.

– Вы что, совсем с ума сошли? Куда несетесь как угорелый? – закричала на всадника Флора, одновременно пытаясь хоть как-то успокоить свою перепуганную до смерти лошадку. – Или вы мчитесь не разбирая дороги?

И тут Майла решила не дожидаться выяснения отношений с их обидчиком и рванула вперед, желая, видно, побыстрее удрать с места происшествия и вернуться к себе домой. Она резко дернулась и круто свернула в сторону, чтобы объехать перегородившего ей дорогу жеребца. Флору бросило вперед, поводья на какое-то мгновение выпали из ее рук, и она потеряла контроль над повозкой. А Майла между тем неслась во весь опор по направлению к усадьбе, к своей единственной спасительной гавани. Флора лишь мельком увидела перепуганное лицо своего обидчика, в его темно-карих глазах застыл ужас.

Ей стоило больших усилий, чтобы не свалиться со скамьи. Одной рукой она держалась за скамью, а второй безуспешно пыталась управлять повозкой, снова взяв поводья. Но тщетно! Пони гнала во всю прыть, и лишь когда они миновали въездные ворота в усадьбу, она чуть замедлила свой ход, вся покрывшись испариной от пережитого напряжения. На конюшню Флора прибыла вся в синяках и ссадинах, потрясенная до глубины души тем, что только что произошло.

– Мисс Флора! Бог мой! Что случилось? – перепугался при виде хозяйки конюх Стэнли. Потом увидел расширенные глаза пони и стал успокаивать уже ее.

– Да какой-то всадник выскочил на своем скакуне прямо перед нами. Вот Майла испугалась и понеслась вскачь, – с трудом вымолвила Флора. Она сама была готова вот-вот расплакаться. Безвольно вручила поводья Стэнли, и он осторожно помог ей слезть с двуколки.

– Мисс Флора, на вас лица нет. Вы белая как мел, – сказал он. А Флора, почувствовав под ногами твердую почву, вдруг зашаталась и едва не потеряла сознание. Пожалуй, она бы и упала, если бы не крепкое плечо Стэнли.

– Я сбегая сейчас за Сарой, чтобы она отвела вас в дом, – предложил ей Стэнли.

– Нет, ни в коем случае! Можно, я посижу немного здесь, в сарае? И, пожалуйста, если не трудно, принесите мне немного воды.

– Сию секунду, мисс. – Стэнли отвел Флору в сарай и усадил на копну сена, а сам побежал за водой. Флору между тем стала бить нервная дрожь.

– Вот вода, мисс, – оповестил вернувшийся Стэнли, держа в руках кружку с водой. – Вы точно не хотите, чтобы я позвал сюда Сару? По лицу ведь видно, как вам плохо.

– Нет, – категорическим тоном ответила ему Флора, из последних сил стараясь быть твердой. Она прекрасно понимала, что если начнутся разговоры о том, что она не справилась с управлением двуколкой, ее поездкам в деревню тотчас же будет положен конец. Что означает лишь одно: свободы у нее станет еще меньше. – Пожалуйста, Стэнли, прошу вас, – она с огромным усилием поднялась на трясущихся ногах, чувствуя общую слабость во всем теле, – никому ничего не говорите, ладно?

– Как пожелаете, мисс.

Флора вышла из сарая, стараясь ступать с высоко поднятой головой, хотя все внутри ее ныло и болело, будто это было не ее собственное тело, а какой-то мешок, набитый костями. Она медленно брела по лужайке прямо к дому, твердо зная лишь одно: ни единым словом, ни единым движением ресниц она не должна выдать родителям всего того, что случилось с ней только что.

Вошла на кухню и тут же заметила испуганное выражение лица кухарки, которая как раз доставала из печи лопатку ягненка.

– Господи Иисусе! Что с вами стряслось, мисс Флора? Ваша матушка минут десять тому назад спускалась сюда, интересовалась, не видели ли мы вас. Они уже все в столовой.

– Я... я отлучалась по делам.

– Мисс Флора, – окликнула ее Сара, подходя ближе.

– Да?

– У вас нос перепачкан грязью. И волосы все растрепались.

– У тебя есть какая-нибудь тряпка?

– Конечно. – Сара взяла в руки тряпку и старательно протерла ею лицо Флоры, как в те давние годы, когда ее воспитанница была еще совсем маленькой девочкой.

– Чисто?

– Да, теперь все чисто... но вот только волосы ваши...

– Сейчас нет времени. Спасибо.

Флора выбежала из кухни и бегом устремилась к столовой, на ходу поправляя волосы и заталкивая выбившиеся пряди обратно в узел. На пороге она остановилась и прислушалась к неспешному журчанию разговоров, звучавших за столом. Сделала глубокий вдох и отворила дверь. И тотчас же шесть пар глаз одновременно уставились на нее.

– Простите меня, пожалуйста! Мамочка, папа, леди Воган, мисс Воган и Ар...

Флора обвела взглядом сидевших за столом и тут же уперлась в темно-карие глаза. Они слегка расширились от удивления, и в них читалась тревога. Вот так сюрприз, мелькнуло у нее в голове при виде уже знакомого лица.

– Арчи, – выпалила она, не задумываясь. Так этот мерзавец, который едва не сломал ей шею, тот самый несносный мальчишка, который когда-то, бог знает сколько лет тому назад, швырялся в нее дичками, наставив синяков по всему телу. Мальчишка вырос, но остался таким же неуправляемым.

– Мой сын уже совершеннолетний. Теперь к нему следует обращаться «лорд Воган», – немедленно поправила ее леди Воган.

– Простите, леди Воган. Я этого не знала, – промямлила в ответ Флора, садясь на свое место.

– Где ты запропастилась, Флора? – спросила у нее мать ласковым голосом, но выражение ее лица красноречивее всяких слов сообщало дочери всю степень ее неудовольствия. Флора, однако же, не преминула отметить, что мама надела свое самое нарядное платье, предназначенное для чаепитий с гостями.

– Да вот... на обратном пути пришлось немного задержаться... Какая-то телега перевернулась и загородила дорогу. – Собственно, Флора почти не покривила душой, сказав если и не правду, то точно часть правды. – Прости меня, мама, пожалуйста. Но пришлось добираться домой на своей двуколке окольным путем.

– Ваша дочь сама управляет двуколкой? – поинтересовалась леди Воган у хозяев и тут же скорчила неодобрительную гримасу.

– О, нет! Такое если и случается, то крайне редко, моя дорогая Арабелла. Но все же иногда случается. Вот, к примеру, сегодня утром

Флоре пришлось ехать в деревню самой. Срочное дело. А кучер заболел.

– Прости меня, пожалуйста, мамочка, – снова повторила Флора, как заведенная. Но тут, к счастью для нее, подали второе.

На протяжении трапезы она старалась изо всех сил сконцентрироваться на пустой болтовне сестры Арчи Элизабет, которая сидела рядом с ней. Та трещала без умолку обо всех тех шикарнейших туалетах, которые ей сшили к началу сезона. Между тем его светлость лорд Арчи, сидевший напротив, весь обед бросал на нее виноватые взгляды. Аурелию посадили рядом с ним, и она изо всех сил старалась втянуть его в разговор, но, кажется, ей это плохо удавалось. Судя по всему, мысли Арчи, как и мысли самой Флоры, были заняты совсем другим. Пока она сражалась с основным блюдом – запеченная лопатка молодого ягненка, предусмотрительно сдвинув свой кусок мяса на самый край тарелки, в ее голове теснились самые разные планы отмщения. Например, затащить бы сейчас этого Арчи на конюшню и врезать бы ему как следует по этой бесстыжей аристократической физиономии. Желательно прямо по носу. Но вот наконец Алистер отодвинул стул и объявил, что уходит к себе в кабинет. Надо, дескать, поработать с бумагами.

– Мы с Арабеллой и Элизабет посидим в гостиной, – жизнерадостным тоном объявила Роза, тоже поднимаясь из-за стола. – Нам есть о чем поговорить, не так ли, дорогая?

– О, да, – милостиво согласилась с ней леди Воган.

– А ты, Аурелия, покажи Арчи наш сад. Ступайте, прогуляйтесь немного. Сегодня солнечный день, но все равно оденься потеплее, – обратилась Роза к младшей дочери и тут же дала свои пояснения уже леди Воган: – Несколько недель тому назад Аурелия сильно болела. Простудилась. Впрочем, стоит ли удивляться, когда живешь в этом забытом богом северном крае?

* * *

Флора оказалась единственным членом застолья, не получившим никаких дальнейших указаний относительно того, что ей делать дальше. А потому она тоже поднялась из-за стола и молча

проследовала за остальными из столовой. Но как только, оказавшись в холле, она увидела, что мать в сопровождении леди Воган и ее дочери Элизабет исчезли в гостиной, а сестра вместе с Арчи направились к входной двери на прогулку в сад, она, с трудом преодолевая боль во всем теле, стала медленно подниматься по лестнице к себе в комнату.

И лишь очутившись у себя в спальне и сразу заперев дверь на ключ, она почувствовала себя наконец в безопасности и тут же рухнула на кровать, блаженно потянувшись и тотчас же отключилась.

Уже вечерело, когда Флора проснулась. Ее разбудил негромкий стук в дверь.

Она быстро скатилась с постели, села, выпрямившись, и только потом спросила:

– Кто там?

– Это я, Аурелия. Можно войти?

Флора с трудом доковыляла до двери и отперла замок.

– Привет.

– Арчи рассказал мне, что случилось утром. Как ты сейчас себя чувствуешь? – Аурелия бросила на сестру озабоченный взгляд. – Он очень переживает за тебя, буквально убит тем, что все так произошло. Только об этом он и говорил всю прогулку. Даже настоял на том, чтобы написать тебе коротенькую записку с извинениями. И я пообещала, что отдам записку тебе. Вот! – Аурелия протянула Флоре конверт.

– Спасибо. – Флора равнодушно опустила конверт в карман своего платья.

– Ты что, не собираешься читать ее?

– Позже.

– Флора, я все прекрасно понимаю, поверь мне. Да, так уж получилось, что вы с ним встречались дважды, и обе эти встречи оказались... скажем так, не очень счастливыми. Но если честно, то Арчи ужасно милый молодой человек. Уверена, он и тебе понравится. Просто ты должна дать ему еще один шанс. Мне он очень понравился... Очень!

Флора перехватила мечтательный взгляд Аурелии, который та устремила в окно.

– Вот так беда, Аурелия! Неужели он уже успел растопить твое сердце, сестрица?

– Я... Ну, конечно же, нет! С чего ты взяла? Однако и тебе следует признать очевидное: он красив как бог. И, судя по всему, очень умный. Кажется, на свете нет такой книги, которую он бы уже не успел прочитать. Целый год путешествовал по Европе. Словом, он очень образованный и культурный. Я, пока мы беседовали, все время чувствовала себя такой простушкой.

– У Арчи были все возможности, чтобы получить надлежащее образование. В отличие от нас, женщин. Печально, но факт. Нас по-прежнему не считают достойными для того, чтобы учиться и образовывать себя, – с горячностью возразила сестре Флора.

– Ну, что ж... – нерешительно промямлила Аурелия. Уж она-то отлично знала, что если на Флору находит такой полемический задор, то лучше с ней не спорить. – Так уж сложилось, и ничего тут не поделаешь. Надо принимать вещи такими, какие они есть. Знаешь, мне порой кажется, что ты вообще не рада, что родилась женщиной.

– Ты права. Возможно, я и не очень рада этому. В любом случае... – Черты лица Флоры слегка разгладились, когда она увидела, что Аурелия смущена и тоже переживает из-за всего того, что случилось с ней. – В любом случае не обращай на меня внимания, ладно, милая? Собственно, сегодня он меня едва не искалечил. Но что еще важнее, так это то, что задета и моя гордость тоже. Понимаешь? Надеюсь, они уже уехали?

– Да. Но полагаю, в Лондоне я еще не раз встречу с ними. Ведь их особняк совсем рядом с домом тети Шарлотты. На соседней площади. Элизабет была так мила со мной. Рассказала мне все о тех девушках, которые будут дебютировать вместе с нами. Даже Арчи пообещал, что, вполне возможно, он тоже посетит пару балов в этом сезоне.

И снова этот же мечтательный взгляд, подумала Флора, увидев, что сестра уже унеслась своими мыслями далеко-далеко отсюда.

– Ты собираешься на ужин? – спросила наконец Аурелия, очнувшись от своих грез. – Хочешь, я скажу маме, что у тебя сильно болит голова, и она попросит миссис Хиллбек подать тебе ужин прямо сюда? Ты такая бледенькая...

– Нет, спасибо, ничего не надо. Но мне, пожалуй, лучше остаться в постели, ты права. Что-то я сегодня не в своей тарелке.

– Я забегу к тебе после ужина, ладно? Посмотрю, как у тебя дела. Ты точно уверена в том, что не хочешь рассказать маме правду?

– Нет. Зачем ее понапрасну волновать? Честно, Аурелия, я в полном порядке.

Когда за сестрой закрылась дверь, Флора опустила руку в карман и нащупала внутри конверт. Вытащила его наружу и какое-то время мучилась сомнениями. Не лучше ли порвать его и выбросить, не читая? Сжечь в камине все то, что он там нацарапал. Какое ей дело до его извинений? Однако в конце концов любопытство взяло верх. Она разорвала конверт, достала оттуда записку, попутно обратив внимание на то, каким красивым почерком она написана, и погрузилась в чтение.

Дорогая мисс Макникол!

Умоляю простить меня за тот несчастный инцидент, который произошел сегодня утром. Мне стоило большого труда утихомирить своего жеребца, но когда мне все же это удалось, я немедленно поскакал за Вами, чтобы убедиться в том, что с Вами все в порядке и Вам не нужна моя помощь. Но я Вас нигде не нашел.

Я приношу также свои глубочайшие извинения за свое прежнее возмутительное поведение, еще в детстве, когда я швырялся в Вас дикими яблоками. И вот сегодня случилась новая катастрофа в наших с Вами взаимоотношениях, а я ведь между тем твердо вознамерился просить у Вас сегодня прощения за свои прошлые прегрешения. А заодно и поблагодарить Вас за то, что Вы не поступили так, как наверняка повели бы себя все маленькие девочки в Вашем возрасте: не побежали жаловаться маме, обливаясь слезами. Что, между прочим, спасло меня от неминуемой порки.

Если я могу хоть как-то загладить свою вину в Ваших глазах, то, прошу Вас, дайте мне такой шанс. Пока наше знакомство с Вами носит весьма непредсказуемый характер, но я надеюсь, что у нас еще будет возможность начать все сначала. Как говорится, Бог любит троицу. Возможно, на третий раз у нас все получится.

Уверен, мы еще встретимся с Вами в Лондоне в течение сезона. А до той поры остаюсь Вашим смиренным слугой, полным раскаяния и желания получить прощение.

Арчи Воган.

Флора с силой отшвырнула от себя письмо, и оно пролетело по всей комнате, неловко планируя в воздухе, словно покалеченная бабочка, прежде чем опуститься на пол. А этот Арчи Воган, оказывается, большой мастак по части эпистолярного жанра, подумала она в сердцах. Умеет писать такие округлые изящные послания, адресованные слабому полу. И все же Аурелия права, как ни трудно признавать это. Арчи внешне очень привлекателен: сильная мужественная фигура, точеные черты лица. Общее его очарование еще более усиливают две милые ямочки на щеках. А эти темные кудри, в живописном беспорядке спадающие ему на лоб. Или эти красивые карие глаза, в которых всегда теплится улыбка. Нет, что ни говори, а он очень хорош собой. Настоящий красавец, если уж говорить честно.

Вот, правда, характер у молодого человека еще тот.

– Он, видно, считает, что его все и всегда будут прощать. Но здесь он ошибается. На этот раз никакого прощения ему не будет, – пробормотала про себя Флора. Она с трудом прошла по комнате, пытаясь распрямить свое ноющее тело. Потом подошла к клеткам с обитателями своего зверинца. Оттуда уже доносилась оживленная возня, что немедленно напомнило ей о том, что время ужина для ее питомцев уже давно миновало. Она потянулась за корзинкой, в которой обычно хранила семена и овощи для животных, и тут же застонала от отчаяния.

– Господи! Да весь ваш провиант вывалился из повозки, когда она накренилась. А я и не заметила. Вот беда!

– Флора, дорогая моя, нам нужно поговорить с тобой о том, что ты будешь делать летом.

– Да, мамочка, – Флора послушно вытянулась по стойке «смирно», стоя перед матерью в ее будуаре. Роза сидела возле трельяжа на туалетном столике, застегивая жемчужные сережки, которые она надела к ужину.

– Пожалуйста, присядь.

Флора неловко пристроилась на самом краешке пуфика, обитого голубым дамастом, и замерла в ожидании того, что ей скажет мать. Лицо у Розы было еще гладким и красивым, словно у молоденькой девочки, только-только начинающей выезжать в свет. Но Флора все же разглядела горестные складки в уголках ее губ и легкую морщинку, которая залегла между бровей.

– Как тебе, должно быть, известно, на следующей неделе мы с Аурелией уезжаем в Лондон. А папа вместе со своими кузенами отправляется на сезон охоты в высокогорьях Шотландии. Вся загвоздка в том, что делать с тобой. – Роза замолчала и уставилась на отражение дочери в зеркале. – Я знаю, ты не любишь Лондон и вовсе не горишь желанием сопровождать нас туда.

Но ты, мамочка, меня об этом и не попросила, подумала про себя Флора.

– Самое неприятное, что присутствие женщин на охоте тоже не поощряется. Мужчины-охотники относятся к появлению дам в своей компании безо всякого энтузиазма. А потому я уже переговорила с прислугой. Мы с твоим отцом полагаем, что самый лучший вариант для тебя – это остаться здесь, дома. Как ты сама думаешь?

Самые противоречивые мысли вихрем пронеслись в голове Флоры. Конечно, она была оскорблена. И обижена тоже. Но она прекрасно понимала, какой именно ответ желает услышать от нее сейчас мать.

– Да, мамочка, я с радостью останусь в Эствейт-Холл. В конце концов, а кто же присмотрит за моим зверинцем, если меня не будет? Я буду волноваться за животных.

– Все верно, милая.

Флора заметила, как на лице матери отразилось явное облегчение.

– Хотя, конечно, я буду сильно скучать и по тебе, и по Аурелии, и по папе.

– А мы будем скучать по тебе, дорогая. Ну, раз все решено, я немедленно доложу о нашем разговоре твоему отцу.

– Да, мамочка. Оставляю тебя наедине с собой готовиться к ужину.

– Спасибо, родная.

Флора поднялась с пуфика и направилась к дверям. Уже взялась за дверную ручку, чтобы открыть дверь, но в эту минуту заметила, что мать отвернулась от трельяжа и уставилась на нее несколько странным взглядом.

– Флора.

– Да, мамочка.

– Я тебя очень люблю. И мне искренне жаль...

– Жаль? Чего?

– Я...

Флора видела, с каким трудом мать все же взяла себя в руки.

– Ничего, дорогая моя, – прошептала Роза в ответ. – Ничего...

* * *

– Ты вся буквально светишься от счастья. Выглядишь просто потрясающе, – обронила Флора неделю спустя, стоя вместе с Аурелией на крыльце, чтобы проводить их с матерью в Лондон.

– Спасибо! – Аурелия скорчила недовольную гримасу. – Хотя, признаюсь тебе честно, это дорожное платье из бархата такое неудобное и тяжелое. И корсет слишком тугой. Даже вздохнуть не могу как следует. Вот приеду в Лондон и тут же сниму его!

– Но тебе это платье очень идет. Ты в нем просто красавица. Уверена, в Лондоне ты непременно станешь дебютанткой номер один предстоящего сезона. – Флора обняла сестру за плечи и притянула к себе. – Ты уж постарайся, пожалуйста. Сделай так, чтобы я могла гордиться тобой. Договорились?

– Аурелия, нам пора! – На ступеньках крыльца появилась Роза. Она расцеловала Флору в обе щеки. – Береги себя, дорогая моя. И, пожалуйста, не гоняй очертя, на своем пони по окрестностям, пользуясь нашим отсутствием. Будь осторожна.

– Постараюсь, мамочка.

– До свидания, дорогая Флора. – Аурелия обняла сестру в последний раз, а когда они с матерью садились в их старую карету, то еще и послала Флоре прощальный воздушный поцелуй.

Ни на что не годная развалюха под названием «карета» должна будет довезти мать и сестру до станции Уиндермир. Оттуда они поедут поездом до Оксенхолма, где у них будет пересадка и они наконец-то сядут на поезд, который повезет их напрямик в Лондон.

Даже Флоре, еще мало чего повидавшей в этой жизни, было ясно как божий день, что экипаж смотрится нелепо. Одно слово, допотопная рухлядь. Прямо доисторический экспонат какой-то. Она знала, как досадует отец на то, что не может позволить себе купить автомобиль. Аурелия высунулась из окна кареты, чтобы помахать сестре рукой, и махала всю дорогу, пока лошади, цокая копытами, ехали по подъездной дороге. Флора тоже махала ей рукой в ответ до тех пор, пока карета не скрылась за воротами. После чего повернулась и пошла в дом, который показался ей особенно унылым и мрачным. Под стать ее одиночеству. Флору немного угнетало это чувство собственной оставленности. Все ее бросили, все разъехались кто куда. Отец еще вчера отправился в район Северо-Шотландского нагорья. Мама с сестрой уехали сегодня. Звуки собственных шагов отдавались гулким эхом в пустом пространстве холла. Внезапно Флору охватила паника. Как она проживет одна в пустом доме целых два месяца? Даже не с кем будет словом обмолвиться.

Поднявшись к себе в комнату, она достала из клетки крольчиху Розу и стала гладить ее шелковистые уши, пытаясь обрести утраченное душевное равновесие. Что ж, отличная возможность попрактиковаться на деле, каково это быть старой девой и жить в полном одиночестве. Придется постараться, чтобы справиться с этой нелегкой задачей.

* * *

Привычный с детства распорядок дня сейчас, когда она осталась одна, был сломан. Флора начала придумывать себе новый, уже свой собственный. Утром она просыпалась вместе с жаворонками, торопливо одевалась и бежала на кухню, чтобы позавтракать вместе с миссис Хиллбек, Сарой и Тилли, выпить с ними чашечку чая с куском свежего хлеба с вареньем, поболтать немного, а заодно и узнать все последние местные новости. От идеи трапезничать одной в пустой столовой Флора отказалась с самого начала. Позавтракав, она устремлялась на природу, прихватив с собой пару бутербродов с сыром, завернутых в вощеную бумагу, и свои принадлежности для рисования, предварительно уложенные в большой холщовый мешок.

Раньше Флоре казалось, что она досконально знает все места вокруг родительской усадьбы, но лишь этим летом она в полной мере осознала, в окружении каких удивительных красот стоит их дом.

Она взбиралась на холмы, окружавшие озеро Эствейт Уотер, закатав повыше свои многострадальные юбки, смело штурмовала невысокие ограды, столетиями отделявшие фермерские земли друг от друга. Стены этих оград были сложены из сухого камня безо всякого раствора. С педантичностью истинного натуралиста она немедленно заносила в каталог каждое новое сокровище, которое ей удавалось отыскать во время своих походов. Например, небольшой кустик пурпурной камнеломки, который она случайно обнаружила в расщелине скалы. Ее уши чутко улавливали малейшие звуки вокруг: пронзительный писк дубоноса, залиvistые трели свиристелей. Она осторожно гладила рукой колючую траву и шершавые камни, пальцами ощущая тепло, которым они напитались за день под горячими лучами солнца.

В один из самых, пожалуй, жарких дней июня Флора бродила вдоль берега небольшого карового озера, любуясь неподвижной зеркальной гладью и вдыхая в себя прохладу его вод. Флора надеялась отыскать в этих местах цветок, который до сих пор она видела только в книгах по ботанике. Несколько часов она рыскала по берегу, буквально изнемогая от изнурительной жары. Но наконец-то ее поиски увенчались успехом, и она все-таки нашла яркие, слегка липкие головки цвета фуксии, принадлежащие альпийской смолевке или мухоловке, как еще иногда называют это растение. Цветок буквально приклеился к скале, подпитываясь всякими минералами, которыми

богата скальная порода. Контраст между нежными изящными лепестками и суровым фоном, на котором распустились цветы, поразил Флору своей необычностью, и она тут же опустила на нагретую солнцем землю, чтобы запечатлеть увиденное.

И неожиданно для себя самой уснула, разморившись от полуденной жары. Проснулась она лишь на закате, почувствовав у себя на плечах теплые солнечные лучи, которые уже не жалили, а скорее ласкали кожу. Поднялась с земли и огляделась по сторонам, залюбовавшись высокогорными соснами, горделиво взметнувшимися вверх. И тут ее глаз выхватил аспидно-серого сапсана необычной формы, устроившегося на одной из самых высоких веток сосны.

Затаив дыхание, чтобы ненароком не спугнуть птицу, она принялась разглядывать его сверкающее на солнце оперение и точеный клюв, вскинутый к небу. Какое-то время они оба застыли на своих местах, Флора и сапсан. А потом птица, царственно взмахнув крылами, с силой взмыла в воздух, так что задрожала даже ветка, на которой она только что сидела. А уже в следующее мгновение сапсан растаял в лучах закатного солнца.

Флора вернулась домой уже в сумерках и тут же бросилась к своему альбому для рисования, чтобы запечатлеть по памяти красавца-сапсана в тот момент, когда он расправил крылья для полета.

Вечерами она обычно уже, наверное, в сотый раз штудировала свою любимую книгу про цветы, написанную Сарой Боудич Ли, известной английской путешественницей и ботаником, пытаясь сопоставить и найти сходство между цветами, которые она собрала за день, и красочными картинками в самой книге. При этом скрупулезно выписывала себе в тетрадь мудреные латинские названия, а рядом приклеивала сам уже успевший слегка подвянуть цветок. В такие минуты она чувствовала себя немного виноватой за то, что такую живую и яркую красоту превращает в высохшие экспонаты своего гербария. Но успокаивало лишь одно, оправдывала она сама себя: так, во всяком случае, цветок сохранит свою жизнь намного дольше, чем это было бы в живой природе.

Между тем зверинец ее тоже пополнился самым неожиданным образом. На берегу озера Флора спасла тонущего и отчаянно мяукающего котенка, совсем еще крошечного, целиком уместившегося на ладони ее руки. К тому же еще слепого. Наверняка котенку было

всего лишь несколько дней от роду, но как-то же этой крохотной твари удалось выбраться из воды и избежать той печальной участи, на которую его обрекли. Такая невероятная жизнестойкость поразила Флору, и она сразу же прикипела к нему душой, полюбив больше всех остальных обитателей своего живого уголка. А поскольку сейчас она была сама себе хозяйка и никто не мог ей ничего запретить, то крохотный черный котенок был принесен в дом и уложен на постель рядом с самой хозяйкой.

Она назвала найденыша Пантерой. Обихаживая нового постояльца, Флора перехватила жадный взгляд Розы, которым та ревниво разглядывала котенка сквозь решетку своей клетки. Крольчиха была, пожалуй, раз в пять больше котенка, но тот, надо сказать, на удивление быстро пришел в себя и оправился от всех пережитых потрясений. И тут же начал ползать по занавескам на окнах, цепляясь за ткань своими крохотными острыми коготками. В любом случае, как только он немного подрастет, подумала Флора, надо будет срочно уносить этого зверя на кухню. Иначе половина ее питомцев рискует оказаться у него в животе.

Письма от Аурелии приходили регулярно, каждую неделю. В них она живописала сестре свою новую жизнь в Лондоне.

Я счастлива, что процедура представления во дворце уже позади. Я была вся на нервах, когда нас, всех дебютанток, выстроили в очередь для последующего представления королю и королеве. Признаюсь как на духу, Флора, королева Александра в жизни оказалась гораздо более изящной и красивой, чем на своих фотографиях. Зато король на самом деле и толще, и безобразнее! Сообщаю тебе, что, к своему удивлению, я не испытывала недостатка в партнерах на балах, на которых я уже побывала. А двое из них даже попросили разрешения навестить меня у тети Шарлотты. Один из них виконт и, по словам мамы, владеет доброй половиной Беркшира. Можешь себе представить, как она счастлива! Хотя лично меня он не сильно впечатлил. Во-первых, он почти одного роста со мной, а ты же знаешь, какая коротышка я сама. А во-вторых, он прихрамывает. Рассказывают, что в детстве переболел полиомиелитом. Конечно, чисто по-человечески его очень жаль. Но уж точно, виконт – не принц моей мечты, хотя его вины в том нет никакой.

Кстати, о принцах. На прошлой неделе Арчи Воган сопровождал свою сестру на бал. И сразу же скажу тебе! Он, безусловно, самый красивый мужчина в Лондоне. Все дебютантки, присутствовавшие на бале, завидовали мне по-страшному, потому что он танцевал со мной не один раз, а целых три раза! Представляешь? Тетя Шарлотта даже сказала, что это уже на грани приличия. Потом мы немного поболтали с ним. Он расспрашивал о тебе и крайне удивился, что ты не приехала в Лондон вместе с нами. Я объяснила ему, что ты терпеть не можешь жизнь в большом городе, а потому предпочла остаться в Эствейт-Холл. Он сказал, что очень надеется на то, что ты его уже простила. Должна сознаться, я в него немножко влюблена, хотя кое-что в самом Арчи выводит меня из себя.

Вот таковы мои новости на сегодняшний день. Мама шлет тебе привет и пожелания всего наилучшего. Уверена, ты понимаешь, как она счастлива снова оказаться в атмосфере высшего света. Ее все знают. Судя по всему, она пользовалась большим успехом в Лондоне, пока не вышла замуж за папу. Мама сказала, что скоро напишет тебе сама.

А я по тебе очень скучаю, моя дорогая сестричка.

Аурелия.

– Вот так дела! – воскликнула Флора с досадой, обращаясь к Пантере, которая ловко вскарабкалась по юбкам к ней на колени и тут же пристроилась там, свернувшись калачиком, пока она была занята чтением письма. – Еще чего доброго этот Арчи Воган заделается в скором будущем моим зятем. Вот потеха будет...

* * *

Пару дней спустя жарким июльским полднем Флора устроилась в саду за столом и занялась рисованием. В каморке, где хранилась старая обувь, она отыскала матерчатую шляпу с широкими полями, неизвестно кому принадлежавшую, и с удовольствием напялила ее себе на голову, спасаясь от прямых солнечных лучей. Пантера носилась по лужайке как угорелая, гонялась за бабочками и была при этом так грациозна и мила, что Флора отложила в сторону цветы,

которые рисовала, и, усевшись прямо на траву, решила запечатлеть свою любимицу в движении. Сделать несколько эскизов, так сказать, с натуры.

Внезапно она услышала чьи-то шаги у себя за спиной и даже вздрогнула от неожиданности. Она обернулась, рассчитывая увидеть Тилли, возвращающуюся домой с ее еженедельного похода на рынок. Но вместо нее над Флорой вдруг нависла чья-то высокая тень. Она подняла глаза и уперлась взглядом в карие глаза Арчи Вогана.

– Добрый день, мисс Макникол. Прошу простить меня за непрошеное вторжение, но я отбил все кулаки, пытаюсь достучаться до кого-нибудь в парадную дверь. Не достучался и отправился на поиски самостоятельно. Хотел отыскать хоть одну живую душу в этом доме.

– Господи! Да я... – Флора вскочила с травы. Шерстка на Пантере мгновенно встала дыбом, и котенок угрожающе зашипел на незнакомца. – Все слуги разошлись по делам, а мои родные, как вы знаете, тоже уехали, – пояснила она сухим тоном.

– А вы, словно одинокая сиротка, остались одна-одинешенька в пустом доме, да?

– Никакая я не сиротка! – возразила Флора довольно резко. – Просто я не люблю Лондон, а потому предпочла остаться дома.

– Представьте себе, я полностью разделяю ваши взгляды на столичную жизнь. Особенно в так называемый брачный сезон, когда на сцену выходят новые толпы юных невинных созданий, отчаянно строящих глазки и кокетничающих напропалую в своем желании заполучить максимально высокий приз. В виде достойного жениха, я имею в виду.

– А себя вы тоже считаете таким призом, лорд Воган? Сестра написала мне, что на прошлой неделе вы присутствовали на одном балу.

– Увы-увы! – сокрушенно вздохнул Арчи Воган. – Несмотря на наше высокое происхождение, древний род и все такое, наше семейство сегодня практически на грани разорения. Наверное, вы в курсе, что мой отец погиб, сражаясь на войне против буров семь лет тому назад, после чего наш семейный корабль стало сильно кренить и бросать из стороны в сторону. Можно сказать, все эти годы он плыл сам по себе, без руля и без ветрил. Но несколько месяцев тому назад, когда я стал совершеннолетним, бразды правления перешли уже ко

мне. В любом случае заверяю вас, что я всеми силами постараюсь не попасться в лапы какой-нибудь невесты, будь она даже наследницей самого богатого состояния.

Флора никак не ожидала столь откровенной реакции на свой довольно колкий вопрос.

– Могу я поинтересоваться, а что вы здесь делаете?

– Возвращаюсь домой из Шотландского нагорья. Был там на охоте. Кстати, встречался и с вашим батюшкой и его друзьями пару дней тому назад. В Лондон ехать далеко, вот я и решил подстрелить одним выстрелом сразу двух птичек.

– И каких же конкретно птичек вы имеете в виду?

– Разумеется, я выразился фигурально. Ну, во-первых, сделаю небольшой перерыв, прежде чем снова отправиться в столицу. А во-вторых, захотел воспользоваться случаем и навестить вас, коль скоро вы остались дома. В надежде, что вы уделите мне несколько минут своего времени. Я хочу еще раз лично принести вам свои извинения за тот досадный инцидент, который случился тогда в апреле. Более того, смею даже надеяться, что вы предложите мне сейчас чашечку чая. Впрочем, последнее исключено, коль скоро все слуги, по вашим словам, отсутствуют.

– Как раз ваша последняя просьба самая простая из всех, лорд Воган. Уверяю вас, мне вполне по силам и самой заварить вам чашечку чая и даже приготовить какой-нибудь бутерброд.

– Ого! Леди, которая сама заваривает себе чай и мастерит бутерброды! Это что-то новенькое. Сомневаюсь, что мои мать или сестра имеют хоть малейшее представление о том, как это делается.

– Уверяю вас, никаких сложностей, – пробормотала Флора, направляясь к дому. – Подождете здесь в саду, пока я все приготовлю?

– Ну уж нет! Намереваюсь сопроводить вас на кухню и поаплодировать там вашим кулинарным талантам.

– Как вам будет угодно, – сухо бросила в ответ Флора.

Они поднялись по ступенькам на террасу. Флора шла и гневалась сама на себя из-за того, что ее прежняя злость на Арчи таяла буквально на глазах. Он очаровывал своей непосредственностью и искренностью. Ну, нет уж, думала про себя она, ускоряя шаг в направлении кухни, я так просто не сдамся. Чайник был полон, оставалось только поставить

его на плиту, чтобы закипела вода. А пока она занялась бутербродами. Выложила на стол буханку хлеба, масло и сыр.

– Вы просто образцовая домохозяйка. Настоящая деревенская жена, – пошутил Арчи, выдвигая стул и садясь к столу.

– Оставьте, пожалуйста, свой покровительственный тон, лорд Воган. Особенно неуместный, когда я занимаюсь приготовлением бутербродов для вас.

– Можно попросить вас об одном маленьком одолжении, мисс Макникол? Коль скоро волей случая мы с вами оказались в такой неформальной обстановке, то, может, вы будете звать меня просто Арчи? А я вас – Флора.

– Я определенно не намерена разрешать вам обращаться ко мне по имени. Мы ведь едва знакомы. – Она со всего размаха шлепнула бутерброды на тарелку. – Мужчины в наших местах едят хлеб вместе с корочкой. Вас устроит?

– Господи помилуй, да вы просто камень, а не человек! – несколько натянуто ухмыльнулся Арчи, а Флора, придвигая к нему тарелку с бутербродами, подумала, что она с еще большим удовольствием швырнула бы ее сейчас на пол. – Ай! – неожиданно громко воскликнул он, замахнувшись на маленький пушистый комочек, который уже успел укусить его за лодыжку. – Судя по всему, вашему зверю я тоже не приглянулся.

Флора с трудом удержалась от улыбки, быстро подхватила котенка под мышку и направилась вместе с ним к плите, чтобы налить чая.

– Мисс Макникол, неужели у нас с вами нет никакого шанса выстроить наши взаимоотношения? С учетом того, что первый инцидент с дикими яблоками случился еще в те годы, когда я был шестилетним сопляком. Что же до второго, то это просто несчастный случай, печальное стечение обстоятельств, и ничего более.

– Лорд Воган! – воскликнула Флора с хрипотцой в голосе. – Не имею ни малейшего представления о том, почему вы оказались здесь и почему так настойчиво хотите узнать, что именно я думаю о вас и прочее. Скажу лишь одно. По словам моей сестры, половина девушек Лондона были бы на седьмом небе от счастья, окажи вы им свои знаки внимания. Или вас задевает то, что нашлась на белом свете одна-единственная девушка, которая не поддалась вашим чарам? Тогда вынуждена повторить еще раз, как это ни печально, но дела обстоят

именно так. И тут уж ничего не поделаешь. Ну что? Несем поднос на террасу?

– Позвольте мне. А вы пока разберитесь с этим созданием. – Арчи показал на Пантеру. – Не котенок, а просто свирепый тигр какой-то. За ним нужен глаз да глаз, как я погляжу. Ведь он в любой момент может снова наброситься на меня. Вот уж, воистину, вы выбрали себе любимца как в той поговорке: два сапога пара. Эта зверюга вам идеально подходит.

Арчи подхватил поднос и направился к дверям.

На террасе было солнечно и светло, но общая атмосфера была гнетущей. Над столом повисло тяжелое свинцовое молчание. Флора разлила чай, и Арчи с аппетитом набросился на бутерброды с необрезанной коркой на хлебе. Девушка понимала, что ведет себя непозволительно грубо. Если бы при сем присутствовала ее мать, то можно лишь догадываться, в каких суровых выражениях выказала бы Роза свое крайнее неудовольствие поведением дочери. Но при всем желании Флора не могла заставить себя даже начать вести за столом некое вежливое подобие беседы. Судя по всему, Арчи тоже не был настроен на дальнейшие разговоры.

– Прошу простить меня, – наконец выдавила она из себя, – но мне нужно пойти собрать с земли свои рисунки, пока они не отсырели. – Она поднялась из-за стола, махнув рукой в сторону лужайки.

– Конечно-конечно. – Арчи понимающе кивнул головой. – Но только одна убедительная просьба. Пожалуйста, этого тигра забирайте вместе с собой.

Когда она снова вернулась на террасу, Арчи уже поднялся из-за стола.

– Спасибо за гостеприимство, мисс Макникол. Мне только очень обидно из-за того, что у вас, по-видимому, сложилось превратное мнение о моей персоне. И я едва ли смогу переубедить вас в обратном. В любом случае до скорой встречи, мисс Макникол.

– Уверена, что никаких превратных мнений о вас у меня нет. Более того, скажу, что моя сестра будет счастлива увидеть вас, если вы вдруг снова окажетесь в наших краях.

Флора положила папку с рисунками на стол. Арчи проследил глазами за движениями ее рук.

– Можно взглянуть?

– О, там не на что смотреть. Обычные наброски с натуры. Я...

Но Арчи уже открыл папку и стал бегом просматривать рисунки, выполненные древесным углем.

– Мисс Макникол, вы явно принижаете свой талант. Некоторые рисунки просто изумительны. Вот этот сапан, к примеру... Да и своего тигра вы запечатлели отменно...

– Котенка зовут Пантера.

– Великолепный рисунок. Просто превосходный, – повторил Арчи, разглядывая изображения Пантеры. – У вас острый глаз, и вы схватываете буквально на лету все движения животного. И, по-моему, очень тонко чувствуете природу.

– Да я рисую просто для собственного удовольствия и ничего более.

– Но именно так и поступают все большие художники. Разве нет? Страсть – это то, что внутри художника. А уж какую технику, какой материал или художественную среду избрать для того, чтобы выразить обуревающие тебя чувства, тут уж каждый мастер решает для себя сам, не так ли?

– Все так, – неохотно согласилась с ним Флора.

– Во время своего путешествия по Европе я увидел огромное множество самых невероятных по своей красоте произведений искусства. Однако приходится с грустью констатировать, что многие творцы этих шедевров большую часть своей жизни прожили в бедности, служа верой и правдой своим музам и ничего не получая взамен. У меня вообще сложилось такое впечатление, что мало кто из истинных художников не страдал в течение своей жизни, не сталкивался с трудностями, так или иначе. – Арчи оторвался от созерцания рисунков и взглянул на Флору. – Вам тоже знакомы страдания, мисс Макникол?

– Что за ерунда! – возмутилась в ответ Флора. – Если я люблю рисовать, то это вовсе не значит, что моя жизнь полна проблем или я страдаю каким-то умственным или душевным расстройством.

– Отлично! Я бы очень не хотел, чтобы вы страдали, мисс Макникол. Или влачили свои дни в одиночестве. Неужели вам не тоскливо жить одной в этом старом огромном мавзолее? – продолжал наседавать на нее Арчи.

– Ну, во-первых, я в доме не одна. Со мной живет прислуга. И потом, у меня еще есть целый зверинец. Его обитатели составляют мне отличную компанию.

– А... да... Ваша сестра упоминала в разговоре со мной об этой вашей довольно оригинальной *коллекции* представителей дикой природы, когда мы встречались с ней в Лондоне. Говорила, что одно время у вас даже обитала змея.

– Не змея, а самый безвредный уж. Да, было такое, – призналась Флора. Она уже стала терять терпение под градом вопросов, которыми Арчи осыпал ее, как когда-то в детстве забрасывал дикими яблоками. – Но мне не разрешили держать его дома.

– Пожалуй, я бы тоже ни за что не согласился жить со змеей под одной крышей, хотя и люблю природу. Вы очень необычная девушка, мисс Макникол. Не скрою, вы меня сильно привлекаете.

– Рада, что некоторые мои странности кажутся вам забавными.

– Восхищаюсь вами, мисс Макникол. Честное слово! – промолвил Арчи после короткой паузы. – Вы даже самый невинный комплимент можете тут же обернуть в порицание и в два счета сделать белое черным. Уж и не знаю, право, чем еще я могу заслужить ваше прощение. Кажется, я перепробовал все, что только мог. Гнал сюда как ненормальный, проехал полстраны на автомобиле. А ведь мог легко сесть в поезд, и «Шотландский экспресс» доставил бы меня напрямик в Эдинбург, а потом обратно в Лондон. Ну, вот, кажется, я все сказал. – Флора почувствовала в его голосе откровенную досаду.

Это признание, видимо, далось самому Арчи нелегко, потому что он вдруг снова плюхнулся на стул, словно обессилев от взрыва собственных эмоций.

– А я ведь и с охоты сбежал пораньше, и все для того, чтобы повидаться с вами. Но вижу, все мои усилия тщетны, и мне не добиться вашего благоволения, как бы я ни старался. Что ж, тогда я продолжу свой путь до Лондона. Остановлюсь на ночлег в каком-нибудь отеле южнее ваших мест.

Флора молча посмотрела на своего собеседника. Недостаток опыта в общении с мужчинами, особенно с такими великосветскими щеголями, как Арчи, не позволял ей понять до конца, что же происходит на самом деле. Даже врожденная интуиция в таких вещах ей не помогла бы. Ну почему, недоумевала она, он так настойчиво

добивается от нее, чтобы она простила его? Будто в Лондоне у него мало женщин. Да там, пожалуй, любая будет рада угодить ему.

– Я... я даже не знаю, что вам сказать в ответ, – промямлила она неопределенным тоном.

– А что, если вы вдруг согласитесь подарить мне такую счастливую возможность, как провести пару дней в вашем обществе? Мы бы с вами тогда обстоятельно побеседовали на ту тему, которую вы, по словам вашей сестры, просто обожаете. Кстати, я тоже.

– Что за тема?

– Я увлеченно занимаюсь ботаникой, мисс Макникол. Хотя сомнительно, что мои знания в этой области могут сравниться с вашими познаниями. Мне бы хотелось многому у вас поучиться, если такое возможно. Правда, наш сад в Хай-Уилд не столь живописен в своей первозданной прелести, как ваш сад, но он по-своему очень красив. Вы когда-нибудь бывали в королевском ботаническом саду Кью-гарденс в Лондоне?

– Нет. – Лицо Флоры просветлело при упоминании этого знаменитого сада. – Но я так мечтаю побывать там и увидеть все своими глазами. Я читала, что в этом ботаническом саду собраны образцы растений со всего света. Даже из Южной Америки.

– Да, так оно и есть. Нынешний директор сада, сэр Дэвид Прейн, вдохновенно трудится над расширением и всемерным пополнением своей уникальной коллекции растений. Между прочим, он был настолько любезен, что согласился в свое время оказать кое-какую посильную помощь и в обустройстве нашего сада. А я тут попутно обнаружил, что благодаря благоприятному климату на юге Англии растения, произрастающие совсем в иных климатических условиях, могут при надлежащей защите и уходе за ними прижиться и у нас. Но сейчас я с большим удовольствием познакомился бы и с местной флорой, с теми растениями, которые растут здесь у вас. Вообще-то мне хотелось бы собрать в будущем не совсем обычную коллекцию: свести воедино все растения, произрастающие в самых разных концах Англий. – Ой!

Пантера ловко вскарабкалась по ноге Арчи и с мурлыканьем устроилась у него между ног, явно довольная собой. Своими острыми коготками она начала ловко перебирать ткань брюк. Кажется, даже ее кошечка уже простила Арчи, мысленно улыбнулась Флора, наблюдая

эту забавную сцену и чувствуя, что и сама уже готова последовать ее примеру.

– Что ж, если вы считаете, – заговорила она наконец, – что я могу быть чем-то вам полезной в ваших исследованиях, то рада буду помочь и показать все, что я тут знаю.

– Благодарю вас! – с чувством поблагодарил Арчи, и Флора увидела, как разгладилась черта его лица, когда он вдруг осторожно погладил Пантеру по шерстке. – Буду глубоко признателен вам за любую помощь, которую вы, как эксперт местной флоры, можете оказать мне.

– Да, но где же вы остановитесь?

– Я уже снял комнату в местном пабе в деревушке Ближний Суррей. А сейчас, думаю, – он поднялся со стула и подставил ей локоть одной руки, чтобы Флора могла опереться, а второй рукой придерживая умиротворенного котенка, – нам с вами самое время прогуляться по вашему прекрасному саду.

В самом начале прогулки Флора придирчиво проверяла знания Арчи по ботанике. А вдруг он просто решил подшутить над ней? Выставить ее в смешном свете? Но вскоре она поняла, что его интерес к ботанике отнюдь не наигранный. Да и знает он многое. Так, когда им попались несколько не совсем обычных цветков на клумбах, Арчи безошибочно и без промедления правильно определил эти растения. Разве только название одного из них ей пришлось подсказать ему: золотничка болотная, или белозор болотный, по-латыни *Parnassia palustris*.

– У нас, на севере Англии, климат несколько иной, чем у вас на юге, а растение это редкое, но вот предпочитает размножаться именно в здешних краях. Поэтому вы его и не узнали сразу.

Они обошли весь сад по периметру, и всю дорогу Арчи рассказывал ей о том, как, будучи мальчишкой, обожал следовать по пятам за их садовником в сопровождении своего верного пса.

– К несчастью, этот человек тоже погиб на войне с бурами. Когда же год тому назад я вернулся из Оксфорда, то оказалось, что в семье просто нет денег, чтобы содержать полный штат прислуги. И тогда я занялся самообразованием. Вы бы меня видели, в чем я щеголяю дома, когда работаю в саду! – неожиданно улыбнулся он. – В следующий свой приезд к вам постараюсь предстать, если вы только не станете

возражать, именно в этом виде. Но, в конце концов, о книжке ведь судят не по ее обложке, не так ли, мисс Макникол? – пошутил Арчи и многозначительно помахал пальцем в воздухе.

– Но сами-то вы предпочитаете носить такую обложку, которая сводит с ума всех дам в Лондоне.

Флора бросила на него недоверчивый взгляд.

– Что не мешает мне пылать истинной страстью ко всем растениям. А по вашему представлению, я кто? Жалкий мот, прожигающий время и деньги, доставшиеся ему по наследству?

Флора смущенно отвела глаза в сторону.

– Хотя, признаюсь честно, – Арчи заметил ее смущение. – Да, мне доставляет удовольствие общество хорошеньких женщин. Но не забывайте, мне всего лишь двадцать один год. К великому сожалению, и вам это известно не хуже моего, старинные знатные семьи в Англии уже больше не располагают теми богатствами, которыми владели раньше. Скажем, мне в наследство досталось только поместье Хай-Уилд, тоже на грани разорения. И никаких солидных банковских счетов. Конечно, я буду стараться изо всех сил, чтобы поддерживать его хотя бы на прежнем уровне, сохранить его былую красоту и величие. Наш сад тоже известен своей красотой далеко за пределами поместья. И если для того, чтобы сохранить его красоту, мне придется испачкать руки землей, я этого ни капельки не страшусь.

* * *

Вечером того же дня, когда Флора по своему обыкновению вносила в дневник очередную запись событий минувшего дня, она не преминула написать, какой странный оборот приняли эти события. Она скрупулезно записала почти каждое слово из их разговора с Арчи, все, что запомнила. После чего спрятала свой дневник в бюро. Всю ночь она, к собственному удивлению, провела без сна, снова и снова перебирая в памяти подробности минувшего дня. Столько необычного ей открылось в натуре Арчи. Более того, он даже уговорил ее завтра вместе отправиться на прогулку по окрестностям, полюбоваться горами Лэнгдейл-Пайес.

– Он не человек, а загадка, – прошептала она, обращаясь к Пантере, которая блаженно пристроила свою головку рядом с ней на подушке. – Знаешь, я уже почти ненавижу себя за то, что он мне начинает нравиться.

– Доброе утро, мисс Макникол, – приветствовал ее на следующее утро Арчи, когда они встретились во дворе конюшни. – Я прихватил с собой ланч для нас обоих. И можете не беспокоиться, корочку на хлебе с бутербродами я не срезал. Все как вы любите. – Он поставил корзинку для пикников в двуколку, а потом подал ей руку, чтобы помочь взобраться.

Следом уселся рядом. Флора взяла в руки поводья и невольно улыбнулась, глянув на наряд Арчи. Какие-то поношенные брюки из дешевой саржи, рубашка в клетку, явно сшитая вручную. На ногах грубые башмаки, в каких обычно ходит рабочий люд.

– Вот одолжил все у хозяина паба, где я остановился, – пояснил Арчи, перехватив изучающий взгляд Флоры. – Правда, брюки мне немного великоваты. Пришлось подпоясаться веревкой. Ну, что скажете, мисс Макникол? Чем мы сейчас не пара?

– Пожалуй, вы правы, лорд Воган, – согласилась с ним Флора. – В этом наряде вы выглядите как самый настоящий деревенский житель.

– Послушайте, мисс Макникол. Коль скоро предстоящий день мы проведем не совсем обычно, то есть не в привычной для нас обстановке, то может, имеет смысл отказаться *наконец* от всех этих формальностей, а? Я просто Арчи, помощник садовника, а вы – Флора, молочница с фермы.

– Молочница?! То есть, по-вашему, я похожа только на молочницу? – Флора шутливо скорчила обиженную гримасу и натянула вожжи. Лошадка тронулась в путь. – Могли бы сравнить меня хотя бы с горничной... Или даже с камеристкой...

– Ах, боже мой! Но я вовсе не хотел обидеть вас или тем более оскорбить. Просто во всех романах, которые мне доводилось читать, именно молочница всегда описывается как самая красивая девушка. Так что с моей стороны это самый настоящий комплимент.

Флора намеренно сосредоточилась на управлении своей двуколкой, радуясь тому, что солнцезащитная шляпка скрыла краску смущения, проступившую на ее лице. Ведь, в сущности, это был первый комплимент в ее жизни, который она получила по поводу

своей внешности от мужчины. А потому она и понятия не имела, как нужно реагировать в подобных случаях.

Долина Лэнгдейл расположилась между двумя величественными пиками, взметнувшимися вверх. Их заснеженные вершины терялись высоко в облаках. Они возвышались словно два изваяния, разделенные неведомой рукой еще в далекие библейские времена, охватывая с обеих сторон зеленую пойму, которая плавно стелилась вниз, постепенно, по мере того как глаза поднимались вверх, исчезая и уступая место голым скалистыми откосам.

Арчи помог Флоре выбраться из повозки. Они остановились и задрали головы вверх.

– «Когда они стоят рядом, возвышаясь одна над одной, то похожи на волны, вздымающиеся в бурном море...»

– «...Красоту гор, разнообразие их форм и красок нельзя сравнить ни с чем», – закончила за Арчи Флора. – Не забывайте, я из Озерного края и творчество Вордсворта мне хорошо известно.

Флора лишь слегка пожала плечами, заметив откровенное удивление на лице Арчи.

– А знаете, за что я люблю горы? – вдруг воскликнул он. – На их фоне чувствуешь себя таким незначительным, таким мелким, таким ничтожным... Да кто мы есть, в конце концов? Всего лишь пылинки на необъятных просторах мироздания.

– Наверное, вы правы. И не потому ли все эти люди в Лондоне пытаются показаться значительнее, чем они есть на самом деле? Намеренно напускают на себя такой важный вид?

– Думаю, им действительно хочется казаться хозяевами той вселенной, которую они сами же для себя и сотворили, живя в больших городах. Впрочем, и города ведь тоже построил человек. Зато здесь... – Арчи оборвал себя на полуслове и сделал глубокий вдох, наслаждаясь свежим воздухом. – Вы когда-нибудь взбирались на эти скалы, Флора?

– Конечно же, нет! Ведь я же девушка. Мама пришла бы в ужас, если бы я выказала такое желание.

– А хотите? Почему бы нам не попробовать сделать это, к примеру, завтра? – Арчи схватил ее за руку. – Вот будет настоящее приключение! На какую гору вы хотели бы подняться? Вот на эту? –

Арчи отпустил руку Флоры и показал на одну из вершин. – Или, быть может, на ту?

– Если уж карабкаться в гору, то, безусловно, на самую высокую из них. А это Скофелл-Пайк. – Флора указала на самую высокую скалу из всех. Вершина горы терялась высоко в облаках. – Это, кстати, самая высокая гора в Англии. Папа говорит, что с ее вершины открывается просто фантастический по своей красоте вид, который ни с чем нельзя сравнить.

– Так мы штурмуем ее?

– Но не в платье же я полезу туда!

Арчи весело рассмеялся.

– Да, придется вам позаимствовать у кого-то пару брюк. Словом, вы в игре, да?

– Да, если это только останется в тайне.

– Само собой. – Арчи поднял руку и осторожно заправил за ухо Флоры выбившуюся прядь волос. – Завтра я забираю вас от парадных ворот ровно в шесть тридцать утра.

* * *

Вечером того же дня Флора позволила себе сделать нечто такое, что раньше не могло бы даже прийти ей в голову. Она направилась в гардеробную отца. Осторожно открыла дверь, стараясь не шуметь, хотя и знала, что сейчас одна в доме и никто ее не увидит. Сара ушла к себе домой, вернулась в свой маленький домик, в котором она живет вместе с матерью. Тилли и миссис Хиллбек наверняка засиделись на кухне за своими обычными вечерними пересудами. Флора переступила порог комнаты и невольно содрогнулась от внезапного перепада температуры. В гардеробной было пыльно и пахло затхлой сыростью. Правда, в воздухе витал легкий запах папиного одеколona. В сгущающихся сумерках спальни отца, казалось, была полна призраков. Косые тени падали на узкую деревянную кровать. На ночном столике мерно тикали часы, отсчитывая каждую секунду времени, пока их хозяин отсутствовал.

Флора открыла тяжеленную дверцу массивного дубового шкафа, прошла рукой по висевшим там брюкам. Наконец она остановила

свой выбор на паре твидовых бриджей для охоты. Правда, для бриджей нужны еще и носки. Она подошла к комоду из красного дерева у стены и выдвинула один из ящиков, предполагая, что в нем сложено белье и носки. Однако в ящике лежали одни лишь бумаги. В самом дальнем углу ящика она обнаружила небольшую пачку конвертов кремового цвета, перевязанную тесемкой. Флора сразу же узнала почерк мамы. Наверное, это те письма, которые она писала своему будущему мужу еще на этапе их ухаживаний, предположила Флора. Ей очень хотелось заглянуть в них, прочитав, чтобы наконец понять для себя всю таинственную необъяснимость брачного союза своих родителей. Однако она тут же одернула себя и быстро задвинула ящик, чтобы не поддаваться соблазну. Наконец отыскались и носки, и рубаха из плотной ткани. Флора взяла в охапку все вещи и направилась к дверям.

Но едва ее пальцы коснулись дверной ручки, как она тут же повернула назад. Любопытство оказалось сильнее. Швырнув одежду на кровать, она снова выдвинула ящик того, что, скорее всего, выполняло функцию не комода, а секретера, и достала из него пачку писем. Вытащила из пачки самое верхнее письмо и немедленно прочитала его.

Кранхерст – Хаус

Кент

13 апреля 1889 года

Дорогой Алистер!

Через неделю мы поженимся, станем мужем и женой. У меня нет слов, чтобы выразить Вам свою благодарность за то, что Вы предстали передо мной в образе благородного рыцаря в сверкающих доспехах, который спас меня от позора и бесчестия. Взамен я лишь обещаю, клянусь Вам, что буду самой преданной, верной и послушной женой, какую может пожелать себе любой мужчина. Отец сообщил мне, что он перевел деньги. Надеюсь, они уже поступили на Ваш счет.

С нетерпением жду встречи с Вами. Очень хочу увидеть тот дом, в котором я отныне буду жить.

С пожеланиями всего наилучшего,

Роза

Флора несколько раз перечитала письмо, но так ничего и не поняла. Интересно, что имела в виду мама, когда писала о бесчестии и позоре? Что такого ужасного и непоправимого могла она совершить в своей юности?

– Что ж, в любом случае это хоть как-то объясняет их более чем странный брак, – проговорила она медленно, обращаясь к пустой комнате.

Скорее всего, мама влюбилась в какого-то недостойного человека. Во всяком случае, эта ситуация ей хороша знакома по множеству романов, которые она читала. Конечно, хотелось бы узнать, кто был тот человек. Впрочем, мама никогда не распространялась о годах своей молодости. Зато Аурелия, оказавшись в Лондоне, постоянно писала в своих письмах сестре о том, что их мама широко известна в высшем свете. Такое впечатление, что Розу все знают. И это лишний раз подтверждает интуитивную догадку Флоры: у их матери есть прошлое. Наверняка! Она положила письмо обратно в конверт и аккуратно затолкала его под тесемку назад в пачку с другими письмами. После чего вернула сверток на прежнее место. Потом снова подхватила с кровати папины вещи и покинула гардеробную.

* * *

На следующее утро Флора проснулась ровно в шесть. Торопливо натянула на себя папины бриджи, рубашку, носки. На цыпочках спустилась вниз в гардеробную. Вчера она одолжила у Сары крепкие на вид ботинки. Правда, они оказались ей маловаты, ну да ничего! Как-нибудь перетерпит. На голову она надела папину твидовую фуражку. Оставив коротенькую записку для слуг, в которой сообщила им, что уходит на весь день собирать цветы для своих будущих рисунков, Флора тихонько выскользнула из дома. Быстро пробежала по дорожке к воротам и увидела, что там ее уже поджидает новенький «роллс-ройс» серебристого цвета. Арчи картинным жестом широко распахнул перед ней дверцу, и она уселась в машину.

– Доброе утро! – он улыбнулся, оглядев ее наряд. – Сегодня вы выглядите особенно привлекательно. Настоящая Флора-молочница.

Именно в таком виде и следует раскатывать в этом шикарном лимузине, который я называю «Серебряным призраком».

– Зато практично и удобно, – возразила ему Флора.

– Кстати, с этой кепкой на голове вас легко можно принять за мальчика. Что ж, вот и последний штрих к вашему облику. Надевайте эти защитные очки.

Слегка нахмурившись, Флора все же напялила на себя очки.

– Зато сейчас меня точно никто не узнает, чему я только рада.

– Вот бы удивились ваша матушка или сестра, увидев вас в таком наряде. Интересно, как бы они отреагировали? – поинтересовался у нее Арчи, включая двигатель.

– Надеюсь, такого никогда не случится. А вы тоже хороши. Говорите, что семья на грани банкротства, а сами гоняете по дорогам на таком роскошном автомобиле. Как прикажете это понимать? Папа говорит, что «роллс-ройсы» стоят целое состояние.

– К великому сожалению, машина не моя. Мой ближайший сосед одолжил мне ее на время взамен на право воспользоваться летним домиком на территории нашего поместья. Я пообещал ему не задавать лишних вопросов и не расспрашивать, зачем ему вдруг понадобился этот домик. Хотя и догадываюсь, зачем. Жена у бедняги беременна сейчас уже шестым ребенком. Есть от чего податься в бега. Ну, вы понимаете, о чем я.

– Нет, абсолютно ничего не понимаю, – подчеркнуто сухо ответила ему Флора.

– В любом случае я рад, что выпал шанс устроить этой машине пробег по горам. Я взял нам с вами кое-что перекусить. Сложил все в старый армейский вещмешок, который мне любезно предложил мой хозяин, мистер Тернбулл. Он же порекомендовал прихватить с собой еще и пару одеял на всякий случай.

Флора высунулась из окна и стала внимательно разглядывать небо над виднеющимися вдали скалами. И тут же нахмурилась, увидев, как сгущаются тучи на горизонте.

– Надеюсь, небеса все же будут милостивы к нам и не разверзнутся над нашими головами в тот самый момент, когда мы начнем восхождение. Надо же! Столько дней держалась хорошая сухая погода, а тут... Только дождя нам сегодня и не хватало.

– Зато тепло уже с самого утра.

– Это еще ничего не значит. Папа не раз говорил о том, как резко может понижаться температура по мере того, как поднимаешься вверх. Он-то за свою жизнь побывал практически на всех вершинах в окрестных местах.

– Если погода испортится, надо найти какой-нибудь навес, где можно будет припарковать машину. Я ведь клятвенно заверил Феликса, что верну ему его машину без единой царапины. Не могу позволить, чтобы ее сверху стало поливать дождем.

Местный фермер охотно согласился пристроить на время «роллс-ройс» Арчи. Тот лишь сверкнул глазами при виде сбежавшейся хозяйской ребятни, сгорающей от нетерпения рассмотреть автомобиль поближе. Не говоря уже о фермерских курах, которые тоже тотчас же вознамерились забраться в кабину.

– Папа рассказывал, что восхождение на эту вершину заняло у него около четырех часов, – сказала Флора, когда они двинулись в путь, ступая по густой колючей траве.

– Ваш отец – опытный альпинист. Думаю, у нас подъем займет гораздо больше времени. – Арчи извлек из вещмешка карту и стал внимательно разглядывать ее. – Мой хозяин посоветовал нам хороший маршрут. Подниматься вот по этой тропе. – Он подхватил какой-то сучок и прямо на пыльной грязной земле начертал их будущий путь. – Нам надо держать курс на юг по направлению к Эск-Хаус, а потом свернуть в сторону Брод-Крэг-Кол.

Арчи двинулся первым, не выпуская карту из рук.

– А что это там за крохотные белые точки виднеются высоко в горах? – спросил он у Флоры.

– Это овцы. Они, кстати, оставляют помет прямо под ногами, там, где пасутся.

– Если сильно устанем, то, может, подцепим какую овцу, чтобы она нас подвезла хоть немного. До чего полезное животное, однако. И мясо прекрасное дает к нашему столу, и тела наши согревает своей шерстью.

– Мне отвратителен даже сам вкус баранины, тем более молодого ягненка, – ответила Флора. – Я уже решила, что когда стану самостоятельной хозяйкой, то никогда в своем доме не буду готовить мясо.

– Неужели? А что же вы тогда станете подавать к столу?

– Как что? Овощи и рыбу, конечно.

– Знаете, я пока не вполне уверен в том, что мне захочется отобедать в вашем будущем доме.

– Как знаете! – отрезала Флора и, обогнав Арчи, зашагала впереди.

Первые два часа восхождения оказались несложными. Склоны были еще покатые, время от времени им попадались горные ручейки, несущие свои воды в долину. И тогда они давали себе короткую передышку. Сложив ладони чашечкой, пили свежую воду, пахнущую весной, а потом еще и споласкивали свои разгоряченные от ходьбы лица. Пока они поднимались вверх исхоженными тропами, по которым до них уже прошагали многие другие покорители вершин. И всю дорогу вели неспешные разговоры обо всем на свете, начиная от любимых книг и кончая любимыми музыкальными произведениями. Но вот тропа стала круче, и разговор прекратился сам собой. Каждый берег дыхание, чтобы вскарабкаться выше, преодолев очередное нагромождение камней, которыми были буквально усыпаны все склоны горы.

– Думаю, две трети пути уже позади, – обронил Арчи, остановившись возле одного валуна и задрав голову вверх, чтобы оценить, сколько еще осталось. – Вперед! Сейчас будем штурмовать вон тот откос, что прямо над нами.

Где-то через час с небольшим они наконец достигли вершины. Тяжело дыша от напряжения, они замерли, стоя рядом и, судя по всему, потрясенные собственным достижением. Флора медленно обошла вершину, разглядывая величественную в своей красоте панораму, раскинувшуюся внизу.

– Минувшей ночью я вычитал в одной книге, что в ясный погожий день отсюда можно увидеть Шотландию, Уэллс, Ирландию и даже разглядеть остров Мэн, – сказал Арчи, неожиданно возникнув у Флоры за спиной. – Какая досада, что рядом нет фотографа, который мог бы запечатлеть нам на память этот незабываемый момент. Хотите, я помогу вам взобраться вон на ту пирамиду, которая обозначает вершину горы?

– Спасибо, хочу.

Арчи взял Флору за руку и помог ей сохранять равновесие, пока она карабкалась по огромной гряде камней вверх. Но вот она

поднялась на самую макушку, и тогда он отпустил свою руку. А Флора раскинула руки в разные стороны и, задрав голову к небу, воскликнула, глядя в эту синеву:

– У меня такое чувство, будто я сейчас стою на самой макушке всей земли!

– Во всяком случае, вы сейчас стоите на самой высокой точке во всей Англии, – рассмеялся в ответ Арчи и снова протянул к ней руки, чтобы помочь спуститься вниз. Потом бережно взял ее за талию и поставил на землю. И на какую-то секунду задержал в кольце своих рук, глянув на Флору в упор. – Готов поклясться чем угодно, Флора, но объявляю это во всеуслышание: вы необыкновенно хороши собой, когда счастливы.

Флора почувствовала, как краска снова ударила ей в лицо, но в эту минуту их вдруг внезапно накрыло туманом, сразу же почти полностью исчезла видимость.

– Я умираю от голода, – объявила Флора, пытаясь скрыть свое смущение.

– Я тоже. Что скажете, если мы двинемся назад, к солнцу, и перекусим уже где-нибудь внизу, а? Мистер Тернбулл посоветовал мне идти на север по направлению к Лингмеллу. Дорога туда четко обозначена каменными пирамидками на протяжении всего пути. По его словам, вид, который открывается оттуда на Васдейл, просто потрясающий. Вот там и можем устроить себе привал.

– Тогда в путь! Вперед к нашим сэндвичам! – весело воскликнула Флора. Арчи подхватил свой вещмешок, и они двинулись в обратный путь.

После двадцатиминутного спуска Флора призналась, что выдохлась и сил идти дальше нет. Тогда они устроились на огромном валуне, и Арчи достал из вещмешка провизию.

– Никогда еще бутерброды с сыром не казались мне такими восхитительными на вкус, – пробормотала Флора с набитым ртом. – Жалею вот только, что не прихватила с собой альбом для рисования и угольные карандаши. Постараюсь запомнить эти пейзажи, чтобы потом воспроизвести их на бумаге уже по памяти.

Флора сняла с головы кепку. Волосы тут же рассыпались густой пеленой по плечам, часть упала на лицо, которое девушка подняла вверх, подставляя солнцу.

– Какие у вас роскошные волосы. Никогда не видел таких прекрасных волос, – восхитился Арчи и, бережно взяв в свою руку прядь, намотал ее на палец.

Что-то в груди Флоры екнуло от этого, по сути, интимного прикосновения молодого человека.

– Они такие густые и толстые, словно корабельные канаты. Мама говорит, она и понятия не имеет, в кого у меня такие волосы. Так что имейте в виду. Если при нашем дальнейшем спуске вы ненароком споткнетесь и упадете вниз, я, так и быть, вырву прядь, сплету из них веревку и вытащу вас с ее помощью наверх.

Флора с улыбкой взглянула на Арчи и увидела, что он смотрит на нее с каким-то странным выражением лица.

– Что-то не так? – спросила она в замешательстве.

– Наверное, не совсем уместно говорить вам о том, о чем я сейчас подумал. Скажу лишь одно: когда вы в хорошем расположении духа, то о лучшей компании я и мечтать не могу.

– Спасибо. В ответ я тоже скажу кое-что. Наконец-то я вас простила, целиком и полностью, за то, что вы едва не убили меня. Причем дважды.

– Стало быть, отныне мы друзья?

На какой-то миг лицо Арчи приблизилось к ее лицу почти вплотную.

– Стало быть, так.

Перекусив, они блаженно откинулись на разогретую от солнца поверхность камня. Флора подумала, что никогда она еще не чувствовала себя так раскованно и свободно в обществе другого человека. Совершенно непривычное для нее состояние.

– Любопытно, от кого вы унаследовали свой талант к рисованию? – спросил у нее Арчи.

– Понятия не имею. Зато хорошо знаю человека, вдохновившего меня на то, чтобы заняться рисованием. Вы наверняка видели один дом неподалеку от нашего имения, где живет эта женщина.

– Кто же она?

– Детская писательница Беатрикс Поттер. Мне было лет семь, когда она вместе со своими родителями приехала к нам в Эствейт-Холл на чай. Помню, я тогда сидела в саду и пыталась зарисовать с натуры улитку, которую только что обнаружила на листочке, при этом

еще и пытаюсь сравнивать ее со слизняком. Беатрикс присела на траву рядом со мной. Моя улитка ей очень понравилась, и она даже предложила мне показать, как нужно зарисовать ее с максимальной точностью. Сказала, что сама нарисует ее. А потом приблизительно через неделю я получила по почте конверт. Помнится, я так разволновалась тогда и одновременно была страшно горда. Ведь мне еще никто и никогда не присылал по почте писем. В конверте лежало письмо от мисс Поттер. И не простое письмо, а целая история про улитку Цедрика и его друга Симона-Слизняка, проиллюстрированная к тому же множеством миниатюрных акварелей. Для меня это письмо – самое настоящее сокровище.

– Я наслышан о мисс Поттер и о ее книгах. В последние годы она стала очень популярной писательницей.

– Это правда. Но на момент моего знакомства с ней она была практически неизвестна. А сейчас Беатрикс Поттер живет в деревне Ближний Суррей на ферме Хилл-Топ, совсем рядом с пабом, в котором вы остановились.

– Вы поддерживаете с ней знакомство после того, как она перебралась в ваши края?

– Нет. Она человек очень занятой. К тому же известный. Я никогда не осмелилась бы переступить порог ее дома без приглашения.

– А она живет одна?

– Полагаю, да.

– Тогда наверняка ей одиноко в пустом доме. Что из того, что сегодня она широко известна? Это вовсе не означает, что ей не нужно общение. Особенно если речь идет о молодой девушке, которую она когда-то вдохновила на творчество.

– Возможно, вы и правы. Но я пока никак не могу собраться с духом и напомнить ей о себе. Вообще-то, Беатрикс Поттер – мой кумир. Надеюсь, что когда-нибудь я тоже смогу жить такой жизнью, какой живет она.

– Что?! Стареющая дама, старая дева, коротающая свой век в окружении цветов и животных? – воскликнул Арчи с деланным возмущением.

– Вы хотите сказать, материально независимая женщина, способная сама обеспечивать себя и выбирать тот образ жизни, который ей больше нравится, – возразила ему Флора.

– То есть вы полагаете, что ваш удел – это одиночество?

– Поскольку мои родители не сочли возможным представить меня ко двору, как сделали это в отношении младшей сестры, то да, я начинаю привыкать к мысли, что, скорее всего, я никогда не выйду замуж.

– Флора! – Арчи осторожно коснулся руки девушки своей рукой. – Поверьте мне на слово. То, что вас не представили ко двору, вовсе не означает, что вы не можете влюбиться в какого-нибудь мужчину и связать с ним в дальнейшем свою будущую жизнь. Возможно, у ваших родителей были свои причины...

– Были. У моих родителей нет средств на такое дорогостоящее мероприятие, как светский сезон в Лондоне. А мою сестру Аурелию материально поддержала тетя Шарлотта.

– Нет, я имею в виду не только деньги. Иногда бывают... бывают такие обстоятельства, о которых мы даже не подозреваем. Но именно они и диктуют принятие того или иного решения.

– Вы хотите сказать, что я не такая красавица, как Аурелия, да?

– Вот уж этого я никак не хочу сказать! Боже меня упаси! Вы и сами понятия не имеете, какая вы светлая девушка. Ведь вы же буквально светитесь вся, и снаружи, и изнутри.

– Пожалуйста, не надо, Арчи. Я понимаю, вы хотите быть добрым ко мне. И я даже знаю, почему. Однако давайте поторопимся со спуском. Взгляните, как сгустились тучи над нами. Полагаю, скоро грянет проливной дождь, да еще со шквалистым ветром в придачу. – Флора поднялась с земли, испытывая некое внутренне недовольство от того, что они вообще затеяли этот разговор. На душе у нее вдруг стало тревожно, и от прежнего хорошего настроения не осталось и следа. На смену ему пришло непонятное уныние. Точь-в-точь как те свинцовые тучи, что сейчас зависли над ними, полностью закрыв собой солнце.

А уже через пятнадцать минут оба они лежали, уткнувшись носами в колючую траву вперемешку с овечьим пометом. Небеса все же разверзлись, поднялся сильный ветер, и первые капли дождя, похожие на острые иглы, вонзились в их тела.

– Быстрее! – воскликнул Арчи, хватая свой вещмешок. Порывшись, он извлек из него одеяло и протянул его Флоре. – Беритесь за один край. Сейчас устроим себе нечто вроде палатки.

Флора натянула край одеяла себе на голову. Арчи сделал то же самое. Так они лежали в темноте, чувствуя, как быстро промокает насквозь их защита.

– Привет! – вдруг прошептал Арчи, и его дыхание обожгло ей щеку.

– Привет.

– Мы с вами встречались где-нибудь раньше? Меня зовут Арчи. Работаю поденщиком на ферме.

– А я – Флора-молочница, – откликнулась Флора и непроизвольно улыбнулась.

– А здесь, по-моему, сильно несет овечьим пометом, вам так не кажется?

– О, в здешних местах это самый распространенный запах. Популярнее любых духов. И притягательнее тоже.

– Флора.

– Да?

Внезапно его губы прикоснулись к ее губам, и он поцеловал ее. Флора почувствовала, как все ее тело пронзила какая-то доселе не ведомая ей сладостная дрожь, которая началась прямо с губ, а уже в следующее мгновение охватила все ее естество. Она пыталась оторвать свои губы, уклониться от поцелуя, но губы отказывались повиноваться ей. Между тем Арчи еще теснее прижал девушку к себе, обдав своим жаром. Их поцелуй, казалось, длился вечность. Во всяком случае, достаточно долго для того, чтобы Флора отказалась от намерения влачить свои дальнейшие дни в гордом одиночестве. Это желание быстро улетучилось, с такой же скоростью, с какой рассеялись грозные тучи над ними. Дождь прекратился, и Флора наконец с трудом оторвала свои уста от его уст.

– Боже мой, Флора! Что ты со мной сделала? – возбужденно выдохнул Арчи. – Ты чудо! Настоящее чудо... Я тебя обожаю...

Он снова потянулся к ней, но на сей раз Флора отстранилась и тут же сбросила с себя одеяло. После чего уселась, испытывая сильное головокружение от пережитого только что шока и от того удовольствия, которым обернулся этот шок. Через пару секунд Арчи тоже поднялся с земли. Какое-то время они сидели молча.

– Я должен самым искренним образом извиниться перед тобой, Флора. К сожалению, я не сумел совладать со своими чувствами. Но,

пожалуйста, прошу тебя, не увеличивай список моих прегрешений в отношении тебя. Не делай этого, Флора, ладно? Я просто не устоял... И готов повторять снова и снова: я обожаю тебя. Ведь если честно, то ты мне понравилась с того самого злополучного дня в апреле. И с тех пор я не переставал думать только о тебе, о тебе одной.

– Я...

– Позволь мне высказаться до конца. – Арчи взял руку Флоры в свою. – Ведь это одна из наших последних возможностей, когда мы с тобой остались наедине. Я и на бал вызвался сопровождать Элизабет только потому, что надеялся увидеть там тебя вместе с твоей сестрой. Потом я вспомнил, что твой отец пригласил меня присоединиться к нему и его друзьям на охоте в Шотландском нагорье и подумал, что вот отличный повод сделать на обратном пути остановку у вас, чтобы повидаться с тобой. Минувшие три дня, которые мы провели вместе, они были... несравненны. Воистину незабываемые дни. Если двое подходят друг другу во всем, так это мы с тобой. Ты и я... Наверное, и ты чувствуешь то же самое?

Флора тоже попыталась подняться с земли, но Арчи продолжал крепко держать ее за руку.

– Прошу тебя, верь мне. Верь моим словам, – произнес он умоляющим тоном. – И помни, все-все-все, о чем я сказал тебе, это все – правда. Каждое слово – правда. Взгляни мне в глаза, и ты поймешь, что я не кривлю душой. Сегодня вечером мне нужно трогаться в обратный путь. Я пообещал матери, что уже завтра буду дома. Но обещаю, я напишу тебе. Обязательно напишу! И мы встретимся снова. – Пронзительный взгляд его темных глаз прожигал насквозь, но взгляд этот был открытым и честным. Арчи еще сильнее сжал ее руку. – Хочу, чтобы ты доверяла мне. Что бы ни случилось, верь мне!

Флора повернулась к нему лицом, потрясенная этим страстным напором чувств. Всего лишь три дня, проведенных вместе. *Может* ли она доверять ему?

Она отвела глаза в сторону, стараясь не встречаться с Арчи взглядом.

– Нам надо поторопиться, иначе Сара начнет волноваться, куда я запропастилась.

– Да, конечно! – Он рывком отпустил ее руку, и она безвольно упала вниз, словно кусок оторванной веревки. Флора почувствовала в

этот миг непонятное разочарование, будто ее только что бросили.

Они продолжили свой путь к подножью горы в полном молчании. Настроение у обоих было подавленное, под стать промокшей насквозь одежде.

Наконец они добрались до машины. Всю дорогу домой Флора с большим трудом заставляла себя держать глаза открытыми. Безмерная усталость и пережитое эмоциональное потрясение навалились на нее одновременно и буквально валили с ног. Арчи вел машину молча, и хотя она сидела всего лишь в нескольких дюймах от него, оба они сейчас были далеки друг от друга, каждый погружен в свои собственные мысли. Возле подъездных ворот в Эствейт-Холл Арчи заглушил двигатель, и машина остановилась.

– Флора, мне пора ехать домой. Надо срочно исправлять одну ужасную ошибку, которую я, как сейчас понимаю, допустил. Клянусь, я все исправлю. Но умоляю тебя, Флора, не забывай эти три дня, что мы провели вместе, и всего того, что случилось между нами. Вполне возможно, по прошествии времени тебе все случившееся покажется дикими фантазиями. Ничего подобного! Все оно *так и есть!* Помни об этом. Обещаешь?

Флора взглянула на него и глубоко вздохнула.

– Обещаю.

– Тогда я прощаюсь с тобой, моя дорогая Флора. До свидания.

– До свидания.

Флора выбралась из машины, громко хлопнув дверцей на прощание, и пошла на негнущихся ногах к дому. Миновала ворота и побрела по подъездной дорожке. У нее было такое чувство, что земля уплывает у нее из-под ног. Зашла на кухню. Сара, задрав ноги на печку, уплетала кусок пирога. Миссис Хиллбек сидела за столом с Пантерой, удобно устроившейся у нее на руках. Они обе ошарашенно уставились на Флору, пораженные ее внешним видом, а потом громко расхохотались в один голос:

– Мисс Флора! Куда это вы пропали на весь день? И что на вас за одежки? Они же все насквозь мокрые. Ну и видок у вас! Будто только что вытащили из воды! – воскликнула Сара, немного придя в себя.

– Так оно и есть, – ответила Флора, обрадовавшись тому, что обе служанки, несмотря на всю экстравагантность ее наряда, в целом восприняли ее появление на кухне нормально. Именно это ей сейчас и

нужно для того, чтобы восстановить и физическое, и душевное равновесие. Сара между тем принялась обсушивать волосы Флоры муслиновой салфеткой, пытаясь привести их хотя бы в относительный порядок. – Я была в горах, – пояснила девушка полусонным голосом.

– Вам там, случайно, ничего не рухнуло на голову? – пробормотала Сара в полной растерянности. – Дитя мое! Бедняжка! Ступайте к себе наверх и срочно переоденьтесь во что-нибудь сухое. А я принесу вам чай прямо в комнату и приготовлю ванну.

– Спасибо.

Флора на заплетающих ногах направилась в гардеробную, сбросила с ног ботинки, в которых все еще хлюпала вода. Ноги ныли от усталости, от непривычного скалолазания и оттого, что обувь была тесной. Кое-как она добралась до своей спальни, где ее тут же встретил недовольный хор проголодавшихся питомцев. Она сняла с себя сырую, прилипшую к телу одежду и переделась в сухое платье. Быстро растолкала по клеткам корм для животных: подсохшие листья капусты, семечки, зерно. Чувствуя себя полностью изможденной, доковыляла до постели и тут же улеглась.

Когда Сара через какое-то время принесла на подносе чай, то обнаружила, что ее молодая хозяйка мисс Флора уже спит беспробудным сном.

Всю следующую неделю Флора провалялась в постели: прогулка в горы обернулась сильнейшей простудой. Ее бросало в жар, и по мере того как усиливалась лихорадка, все, что случилось в тот день у них с Арчи, стало казаться ей сном. Наверняка все это приснилось ей в каком-то бреду, размышляла она.

Когда же дела наконец пошли на поправку и она даже стала подниматься с постели, то в один из дней она, цепляясь за перила, спустилась на ватных ногах кое-как вниз и обнаружила в холле на столике для визиток целую стопку писем, лежавших на серебряном подносе. Все они были адресованы ей. Два письма от Аурелии, она узнала их по почерку на конвертах. Одно письмо пришло от матери. А четвертое было подписано изящным почерком Арчи. Флора тут же плюхнулась на нижнюю ступеньку лестницы и трясущимися руками вскрыла конверт, почувствовав внезапную слабость. Видно, болезнь все еще давала о себе знать. Да и страшилась она всего того, что могло содержаться в послании от Арчи.

*Хай-Уилд
Ашворд, Кент
5 июля 1909 года*

Моя дорогая Флора,

Надеюсь, письмо застанет тебя в добром здравии, хотя сам я перенес тяжелейшую простуду. Сильно заболел сразу же после нашего восхождения в горы. Но тем не менее хочу снова повторить, что все то, о чем я говорил тебе, правда. А сейчас прошу тебя, пожалуйста, запасись некоторым терпением, ибо я попал в довольно сложную ситуацию, из которой постараюсь выпутаться с наименьшими потерями. Это никак не связано с тобой, ни в коем случае! Все дело во мне. Но я готов повести себя должным образом ради тех людей, которых люблю.

Понимаю, я говорю загадками, но, к великому сожалению, весь механизм, приведший ко всем моим осложнениям, был запущен в действие еще до того, как я с тобой познакомился. И сейчас мне

предстоит нелегкая задача. Я должен постараться выбраться из всего этого самым наилучшим образом, выбраться и идти дальше. Поскольку ситуация очень напряженная, это правда, к тому же довольно щекотливая, прошу лишь об одном одолжении. Пожалуйста, сожги мое письмо по прочтении. Не дай бог, если оно попадет не в те руки, что случается сплошь и рядом. А я больше всего на свете боюсь скомпрометировать тебя хоть чем-то.

И при всем том снова умоляю тебя верить мне. Остаюсь твоим верным другом и восторженным поклонником.

Арчи Воган

P. S. Пожалуйста, передай привет Пантере. Надеюсь, она по-прежнему охраняет тебя как должно.

Флора пробежала глазами письмо, потом снова перечитала его, стараясь понять смысл загадочных слов Арчи. Она вчитывалась в каждое предложение до тех пор, пока буквы не стали плясать у нее перед глазами. После чего со вздохом свернула письмо и положила его обратно в конверт.

Чтобы хоть как-то отвлечься от той головоломки, которую задал ей Арчи, она обратилась к письмам сестры. В первом из них Аурелия пространно делилась с ней всеми последними великосветскими новостями и сплетнями.

В Лондоне на сегодняшний день известно о двух помолвках, и мы с мамой приглашены на оба вечера, где о помолвках будет объявлено уже официально. По правде говоря, вокруг меня тоже вьется несколько молодых людей, которые готовы в любую минуту предложить мне руку и сердце, но, увы! – никто из них так и не пленил моего сердца. Я пребываю немного в расстроенных чувствах... Твой обидчик Арчи Воган, по слухам, серьезно заболел, а потому больше он в Лондоне так и не появился. Я вообще сомневаюсь, что увижусь с ним до конца сезона. Народ потихоньку начинает разъезжаться по домам до конца лета, а многие подались за границу. Признаюсь честно, предстоящее возвращение домой не очень меня воодушевляет. После Лондона Эствейт-Холл кажется такой дырой.

Радует лишь одно: встреча с тобой, моя дорогая сестричка. Ты и представить себе не можешь, как я по тебе соскучилась.

– «Обидчик»! Нечего сказать! – Флора отложила письмо сестры в сторону. Как много изменилось с тех пор, как она в последний раз виделась с Арчи. Письмо Аурелии расстроило ее. Приходится признать очевидное, констатировала Флора с тяжелым сердцем. Сестра испытывает сильное влечение к Арчи. Сейчас она добивается от самой Флоры лишь одного: чтобы та тоже полюбила Арчи и простила ему все те «злодеяния», которые он якобы совершил по отношению к ней. Можно лишь представить, в какой ужас пришла бы ее сестра, если бы ей открылась вся правда.

Флора снова поднялась к себе в комнату, сунула оба письма в шелковый карман на задней обложке своего дневника, после чего спрятала сам дневник в бюро и закрыла его на ключ. Какое-то время она сидела молча, мысленно моля лишь об одном, хотя и понимала весь эгоизм своего обращения к небесам. Господи! Сделай так, чтобы сердце Аурелии покорил *какой-то другой мужчина*, но только не Арчи. Надежды на такой исход были весьма иллюзорны, ведь до конца сезона оставалось совсем немного, считанные дни. Флоре и самой тоже очень хотелось поделиться с сестрой, поведать ей все свои маленькие секреты. Но с болью в сердце она понимала, что ее внезапно вспыхнувшее чувство к Арчи Вогану никогда не станет одним из этих секретов.

Она улеглась на кровать и, откинувшись на подушки, вскрыла второе письмо от Аурелии.

Гросвенор-сквер, дом № 4

Лондон

7 июля 1909 года

Дорогая сестра!

Пишу тебе с двойственным чувством, испытывая и грусть, и большую радость. Хочу сообщить тебе, что я не появлюсь дома в ближайшее время, как предполагала ранее. Меня пригласила леди Воган к себе, погостить у них в имении Хай-Уилд. Представляешь?! Элизабет много рассказывала мне о местных красотах. С

нетерпением жду того момента, когда увижу собственными глазами их легендарные сады, которые она живописала мне. Как ты догадываешься, я рвусь туда всем сердцем и душой еще и потому, что там будет Арчи. Мне сказали, что он еще не вполне здоров и последствия простуды сказываются до сих пор. Это одна из причин, по которой он так и не появился больше в Лондоне, хотя здесь многие скучали по нему. Мама возвращается в Эствейт-Холл одна. Надеюсь, ты простишь мне, что я задерживаюсь на Юге и наша встреча с тобой откладывается на некоторое время. Ведь ты же, как никто, понимаешь причины, побудившие меня принять это приглашение от леди Воган. Домой вернусь в сентябре, а пока обещаю, что буду регулярно писать тебе.

*Люблю тебя всем сердцем, моя дорогая сестра,
Аурелия.*

Флора почувствовала, как заныло ее сердце. Вернее, оно буквально разрывалось от боли, и боль эта была многократно сильнее той, которую она испытывала, когда однажды обварила ногу кипятком, или когда металась в жару от простуды, или когда теряла кого-то из своих питомцев. Аурелия едет в Хай-Уилд. Она первой увидит тот дом, о котором ей рассказывал Арчи. И что особенно больно ранило душу, первой увидит его сады, которые он так любит.

Услужливое воображение тут же нарисовало ей картину того, как все это будет. Аурелия в одном из своих нарядных платьев, в красивейшей шляпке с широкими полями, призванной защитить ее белокурую головку от солнца, в сопровождении Арчи прогуливается по саду. Флора бессильно откинулась на подушки, чувствуя, что еще немного, и ее сейчас стошнит прямо на блестящий черный мех Пантеры.

Когда Сара часом позже постучала в дверь ее спальни, чтобы узнать, что именно приготовить к обеду, Флора притворилась спящей. Вряд ли ей вообще когда-нибудь захочется есть, думала она уныло, лежа с закрытыми глазами.

* * *

Мама вернулась домой в первых числах августа. Флоре она показалась чем-то очень сильно расстроенной. Вполне возможно, думала она, что причина дурного настроения матери кроется в том, что ей просто не хотелось возвращаться домой после яркой и насыщенной жизни в Лондоне. Спустя три дня вернулся с охоты и отец. Он тоже был мрачнее тучи. Впрочем, по многолетним наблюдениям Флоры, отец всегда пребывал в таком мрачном расположении духа. Возможно, сказывалось отсутствие в доме младшей сестры. А живое воображение Флоры постоянно продолжало рисовать красочные картинки того, как Аурелия коротает свой досуг в обществе Арчи в его поместье Хай-Уилд. Эти невеселые фантазии тоже в общем-то не радовали душу. Словом, как бы то ни было, но в их доме установилась невыносимо гнетущая атмосфера.

Утешало лишь одно. Наконец-то полностью оправившись после болезни, Флора вернулась к своей привычной повседневной жизни. Вставала рано, чтобы раздобыть корм для своего зверинца, ездила с какими-то мелкими поручениями в Хоксхед. А еще при первой же возможности хваталась за карандаши и альбом для рисования, стараясь запечатлеть все те новые сокровища, которые ей удавалось отыскать в ходе своих ежедневных поездок по округе под целительными лучами нежаркого августовского солнца. Дома она часто слышала приглушенные голоса родителей, которые доносились из папиного кабинета. Зато за обеденным столом разговоры, можно сказать, вообще прекратились. Наступил конец августа. Последние теплые дни уходящего лета. Совсем скоро природа распрощается с летом насовсем, до следующего года. В один из дней Роза попросила дочь зайти к ней после завтрака. Флора направилась в будуар матери со смешанным чувством облегчения и тревоги, тихонько постучала в дверь и замерла на пороге. Однако, что бы сейчас ни сообщила ей мать, думала она, все равно это станет для нее доброй вестью после нескольких недель затяжного и угрюмого молчания, которое буквально давило на нее своей свинцовой тяжестью.

– Доброе утро, мама, – поздоровалась она, входя в комнату.

– Проходи, Флора. Присаживайся.

Флора присела на стул, на который указала ей мать. В ярком свете, льющемся из окон, еще заметнее стали проплешины и поблекшие краски на старинном персидском ковре ручной работы, лежавшем на

полу. В камине полыхал огонь, верный признак того, что холода уже не за горами.

– Флора, в последние недели мы с твоим отцом неоднократно обсуждали будущее... нашей семьи.

– Понятно.

– Надеюсь, то, что я собираюсь сказать сейчас, не станет для тебя шоком. Хотя ты по своему обыкновению говоришь мало, но, скорее всего, происходящее в доме не осталось для тебя незамеченным.

– Ты так считаешь, мама? – удивилась Флора такому неожиданному комментарию Розы.

– Да. Ты ведь умная и тонко чувствующая натура.

Флора поняла. Сейчас мама огласит ей нечто ужасное. Ведь никогда ранее с ее уст не срывался столь щедрый комплимент в адрес старшей дочери.

– Спасибо, мама, – тихо проронила она в ответ.

– Словом, говорю тебе все, как оно есть. Твой отец продает Эствейт-Холл.

Флора даже задохнулась от неожиданности. А Роза лишь молча отвела глаза в сторону, стараясь не встречаться взглядом с глазами дочери.

– В последние несколько лет на содержание дома уходили все наши средства, вплоть до последнего пенса. Вот почему мы влачили такое жалкое существование. Но сейчас и эти деньги тоже закончились. Словом, денег больше нет. Никаких. Отец наотрез отказывается влезать в долги, чтобы раздобыть хоть какие-то средства. И правильно делает, замечу я попутно. Но вот нашелся покупатель, который предлагает хорошую цену за дом и обещает восстановить Эствейт-Холл во всем его былом блеске. Отец подыскал нам дом в Шотландском нагорье, рядом с Лоч-Ли. Туда мы переедем в ноябре. Мне очень жаль, Флора, что так получилось. Знаю, ты, как никто в нашей семье, привязана к этому дому. Любишь и Эствейт-Холл, и его окрестности. Но иного выхода из сложившейся ситуации у нас нет.

Флора подавленно молчала. *У нее не было сил* говорить.

– Понимаю, этот выход далеко не самый идеальный, но... – Флора увидела, как Роза нервно сглотнула слюну, пытаясь собраться с чувствами для продолжения разговора. – Переезд на новое место будет непростым. Я уже заранее предвижу множество проблем. Но ничего не

поделаешь... Что касается непосредственно тебя, Флора, то мы с твоим отцом решили, что будет крайне неразумно брать тебя с собой... Везти в такую глухомань. Ты ведь еще молода, тебе нужно общество других людей. Поэтому я нашла тебе подходящее место в Лондоне. Думаю, оно тебя устроит по всем статьям.

Почему-то Флора сразу же представила себя на кухне: скребет плиту или чистит картошку в подсобке.

– И что это за место, мама? – с трудом произнося слова, промолвила она. Во рту у нее стало непривычно сухо.

– Одной моей очень близкой подруге нужна еще одна наставница для двух ее дочерей. Я рассказала ей о твоих способностях к рисованию, к живописи в целом. О том, как ты хорошо разбираешься в ботанике. Вот она и попросила меня переговорить с тобой. Не согласишься ли ты обучить ее дочерей своим навыкам и знаниям?

– То есть я буду у них гувернанткой?

– Нет, не в буквальном смысле этого слова, конечно. Это богатый дом. Там полно прислуги и всякого прочего обслуживающего персонала, чтобы позаботиться о детях или заниматься их образованием. Скорее ты будешь своеобразным наставником для этих девочек.

– Могу я поинтересоваться, как имя этой твоей подруги?

– Ее зовут миссис Алиса Кеппел. Эта дама пользуется огромным уважением в высшем обществе Лондона.

Флора молча кивнула головой, принимая информацию к сведению. Живя в глуши Озерного края, за сотни миль от Лондона, она все равно не знала *никого* из высшего света английской столицы, будь то уважаемая персона или нет.

– Алиса вращается в высших кругах, принята при дворе. И потому я считаю, что она оказала тебе огромную честь, пригласив к себе в дом. – Странная тень вдруг пробежала по лицу матери. – Ну, вот я сказала все, что намеревалась сказать. В Лондон ты отправишься в начале октября.

– А что же Аурелия? Она поедет вместе с вами?

– Аурелия задержится на какое-то время у тети Шарлотты в Лондоне. Думаю, ненадолго. Мы все надеемся, что уже скоро Аурелия заживет своим собственным домом.

Флора почувствовала, как у нее екнуло сердце.

– То есть она выходит замуж? И за кого же?

– Полагаю, твоя сестра все расскажет тебе сама, как только помолвка подтвердится. А сейчас, Флора, если у тебя больше нет ко мне вопросов, ты свободна.

– Нет, – коротко обронила в ответ Флора. Да и какие вопросы могут у нее быть? И какой смысл задавать их, если ее судьба уже и так решена? Бесповоротно.

– Дорогая моя, – Роза протянула руку к дочери, и Флора увидела, как у нее дрожат пальцы. – Мне очень жаль, очень... Как бы я хотела, чтобы для нас с тобой все в этой жизни сложилось иначе. Но как сложилось, так сложилось. Ничего уж тут не поделаешь... А сейчас нужно просто воспользоваться наилучшим из того, что предлагает нам жизнь.

– Да, мама. – Флора неожиданно почувствовала нечто отдаленно похожее на сострадание по отношению к собственной матери. Вид у Розы был такой же подавленный и растерянный, как и у самой Флоры. – Я постараюсь... приспособиться к этим новым обстоятельствам, мама. Пожалуйста, напиши миссис Кеппел... скажи, что я очень ей благодарна.

Боясь разрыдаться, расплакаться навзрыд и тем самым уронить свое достоинство, она поспешно покинула мамин будуар. У себя наверху она заперлась на ключ, упала на кровать и, натянув одеяло на голову, дала наконец волю слезам. Но и плакать она старалась тихо-тихо, чтобы – не дай бог! – никто и ничего не услышал.

Я все потеряла... дом... сестру... всю свою жизнь...

Котенок пробрался к ней под одеяло и стал тереться о нее своей мягкой теплой шерсткой. Что вызвало новый поток слез.

– Что с тобой теперь будет, Пантера? И с Розы... И со всеми остальными моими питомцами... Я и представить себе не могу эту самую миссис Кеппел! – Она произнесла это незнакомое имя с отвращением, будто назвала какой-то смертоносный яд. – Вряд ли она захочет приютить у себя старую черепаху и крысу, которая испоганит весь ее шикарный дом. Представляешь, Пантера? Я стану учить детей! Ты только подумай! Что я знаю? А тут надо будет учить других. Да еще большой такой вопрос, понравятся ли мне эти детки.

Пантера внимательно слушала свою хозяйку, блаженно мурлыкая ей прямо в ухо.

– И как только мама и отец решили сотворить со мной такое? – Флора отбросила в сторону одеяло и села на кровати, глядя на великолепную панораму озера Эствейт-Уотер, открывающуюся из окна. На смену злости пришли грусть и тоска. Она поднялась с постели и стала возбужденно мерить комнату шагами, прикидывая, можно ли спасти столь любимый ею дом, имея всего лишь одну пару рук. Судя по всему, родители действительно исчерпали все средства. *Никакой альтернативы* не было. В отчаянии Флора подскочила к клеткам и распахнула все дверцы. Все ее питомцы немедленно рванули на волю и тут же сгрудились вокруг нее, словно пытаясь защитить свою хозяйку от чего-то страшного и неизбежного.

– Боже мой, боже! – Из груди Флоры вырвался тяжкий стон. – Что же мне делать? Что?!

* * *

Ближе к вечеру на озеро лег туман. С каждым днем сумерки наступали все раньше и раньше. Флора старалась проводить как можно больше времени вне дома. Отец, рано или поздно, должен будет лично уведомить ее о предстоящей продаже дома и о ее переезде в Лондон. Так думала она сама. Но шло время, а отец не торопился с этим разговором. Неужели он даже не попрощается с ней, размышляла она, когда через две с небольшим недели она покинет Эствейт-Холл и уедет в Лондон.

Единственное, что свидетельствовало о грядущих переменах, так это вереница подвод, появившаяся в один прекрасный день перед парадным входом в дом. На них погрузили мебель, и подводы уехали прочь. Непонятно, куда: то ли на аукцион, то ли в новое жилище ее родителей в Шотландии. Когда она увидела, как грузчики с пустыми ящиками направились в библиотеку, она пулей рванула туда и, воровато озираясь по сторонам, поспешно схватила в охапку как можно больше своих любимых книг. И тут же спрятала свои сокровища у себя наверху.

Наступила пора осеннего сенокоса. Хорошая погода, установившаяся в последние дни, способствовала тому, что на поля вышли все, кто мог – и стар, и млад. Люди работали с полной отдачей,

торопились запастись сеном на зиму, пока не начались затяжные дожди. Флора тоже бродила по лугам со своей неизменной корзинкой, здоровалась со знакомыми, с которыми совсем скоро ей предстоит распрощаться навсегда, а попутно еще и пополняла свою коллекцию растений новыми экземплярами, которые ей удавалось отыскать. Наверное, в Лондоне у нее будет уйма возможностей познакомиться с новыми образчиками флоры и фауны, коль скоро ей придется обучать своих подопечных умению рисовать с натуры.

Однако самой жгучей проблемой для Флоры по-прежнему оставались ее питомцы. Она прекрасно понимала, что если выпустит их на волю, то они, привыкшие за многие годы к комфортному существованию в доме и к регулярному питанию, едва ли протянут на свободе долго. И что делать? Пока решения не находилось.

Но вот в один прекрасный день, проснувшись рано поутру, она все же нашла выход. Быстро нацепила на голову свой самый лучший капор и побежала на конюшню, чтобы запречь пони в двуколку.

– Что ж, – сказала она, обращаясь к Майле и натягивая вожжи, чтобы та струнулась с места. – Ей достаточно всего лишь сказать мне «нет».

Флора остановила повозку возле фермы Хилл-Топ и привязала пони к столбу. Потом разгладила платье, поправила капор на голове и открыла деревянную калитку. Пока шла по дорожке к дому, обратила внимание на то, какие вокруг ухоженные клумбы. На всех обильно цвели пурпурные осенние крокусы и георгины. Слева за железной оградой, выкрашенной в зеленый цвет, виднелся небольшой огород. Флора даже успела заметить несколько больших головок капусты и торчащую из земли крупную морковь с ветвистой сочной ботвой. Фасад дома густо заплела глициния, зреющие плоды японской айвы тоже по-своему украшали серые стены здания.

Флора нерешительно замялась на пороге. Вот он, решающий момент. Сейчас ее отделяет от кумира, от женщины, которая давно уже стала ее героиней, всего ничего – дверь, обитая дубом. И тут же решимость ее стала стремительно таять, но Флора вовремя спохватилась, вспомнив, что именно привело ее в этот дом. Какая участь ждет ее питомцев? Надо хотя бы сделать робкую попытку, а там будь что будет. Она постучала в дверь медным молоточком. Через пару

секунд в коридоре слышались чьи-то шаги. Дверь отворилась, и на нее вопросительно уставилась пара живых глаз.

– Здравствуйте, что вам угодно?

Флора узнала мисс Поттер сразу же, но немного растерялась. Не ожидала, что дверь откроет сама хозяйка. Думала, что это делает служанка. Вид у ее героини был немного растрепанный. Она нетерпеливо вытерла руки о фартук, брошенный поверх простой юбки из серого сукна и такой же непритязательной белой блузки. Фартук был перемазан свежими пятнами от ягод.

– Вы вряд ли помните меня, – начала Флора самым несчастным голосом. – Меня зовут Флора Макникол, я живу в Эствейт-Холл, совсем рядом с вашей фермой. Когда-то, давным-давно, вы навещали моих родителей, а потом даже написали мне письмо, в котором рассказали историю про улитку и слизняка, и...

– Да-да! Отлично помню! Боже мой, мисс Макникол! Да вы с тех пор стали совсем взрослой. Пожалуйста, проходите в дом. Я сейчас как раз занята тем, что варю варенье из черной смородины. Поэтому мне все время нужно следить за ним, чтобы оно не убежало. По правде говоря, я впервые занялась этим сложным делом. Опыта никакого...

– Спасибо, – поблагодарила ее Флора за приглашение, все еще отказываясь верить своим ушам. Подумать только! Сама прославленная мисс Поттер пригласила ее к себе в дом.

Она вошла в просторный холл и сразу же поразились обилию всяких безделушек и просто красивых вещей, которые словно компенсировали простоту и скромность внешнего облика дома. Большие напольные часы мерно тикали, стоя возле лестницы. Возле стены примостился массивный дубовый буфет, тоже заполненный всевозможными маленькими сокровищами. Все такое аккуратное, чистенькое, но при этом совсем непохожее на кукольный домик. Оглянувшись по сторонам, Флора вдруг подумала, что легко может представить себе, как по этому уютному дому шныряет проказница-мышь, героиня одной из сказок Беатрикс Поттер. Она уже была даже готова ущипнуть себя, чтобы поверить, что все происходящее это точно не сон и она действительно сейчас находится в гостях у известной писательницы.

– О, господи! Опять побежало! – выкрикнула мисс Поттер и ринулась к плите, где на открытом огне стоял таз с вареньем. Его

содержимое, кипя и пузырясь, весело устремилось за пределы таза. В помещении тут же запахло подгоревшим сахаром. – Простите, что отвлекаю вас. Но я буду помешивать варенье и слушать вас. Обычно этим занимается миссис Кэнон, но мне вдруг захотелось тоже научиться чему-нибудь и самой. Пожалуйста, присаживайтесь. И расскажите мне, чему я обязана удовольствием снова увидеть вас.

– Я... видите ли, я пришла к вам, чтобы просить об одолжении. Или в надежде хотя бы получить от вас какой-то дельный совет. – Флора присела на стул возле стола и тут же услышала раздраженное фырканье. Толстая полосатая кошка недовольно спрыгнула со стула. Неужели это сама госпожа Табита Твитчит, мелькнуло у Флоры. Но оказалось, что это кот.

– Не обращайтесь внимания на Тома. Он у нас очень капризный. Так какого рода одолжения вы ждете от меня?

– Я... – Флора слегка откашлялась. – Дело в том, что я в свое время подобрала несколько животных, спасла их от верной гибели. И теперь они все обитают в моей комнате вместе со мной.

– О, мне это хорошо знакомо. В детстве я тоже постоянно спасала всякую разную живность, – весело рассмеялась мисс Поттер, явно одобряя поступок своей гостьи. – И каких же конкретно животных вы спасли?

Флора начала рассказывать про свой зверинец, а мисс Поттер внимательно слушала ее, не переставая помешивать варенье в тазу.

– Представьте себе, у меня были точно такие же питомцы. Разве что черепахи никогда не было. Впрочем, может, и была, но я уже просто забыла об этом... И все же, что именно вам нужно от меня?

– Наверное, вы уже слышали, что Эствейт-Холл продается. В скором времени я должна буду уехать в Лондон. Буду домашней учительницей, стану обучать детей ботанике и рисованию. А вот что делать с моими бедными питомцами, и ума не приложу.

– Ах, это! – Мисс Поттер сняла таз с плиты и водрузила его на подставку на столе. – Ответ ясен как божий день. Ваши животные должны переехать ко мне и поселиться в этом доме. Не могу вам обещать, что я стану уделять им столько же внимания, сколько уделяете вы. Я в последнее время очень занята. Пишу книги, знаете ли...

– Знаю, мисс Поттер. Я прочитала все ваши книги, которые уже вышли в свет.

– Неужели? Как это мило с вашей стороны! А сейчас о вашем зверинце. У меня в саду есть большой сарай. Там сухо и тепло. В этом сарае я регулярно выхаживаю раненых птиц и других зверюшек. Думаю, вашим животным там будет вполне комфортно. И для вашей черепашки здесь полно всяких насекомых. А для других животных у нас есть запасы зерна и всяких семечек. Хотя сравнительно недавно я узнала, что нельзя кормить кроликов семечками. В свое время у моего кролика, бедняги Бенджамина, были большие неприятности именно из-за семечек. Так говорите, у вас есть еще и белая крыска? Что ж, я приму все меры предосторожности, чтобы Том не смог проникнуть в сарай и слопать ее.

По мере того как мисс Поттер посвящала Флору в свои планы, каким именно образом она собирается заботиться о ее питомцах, та чувствовала, как с души ее постепенно спадает тяжесть. Она была безмерно признательна этой женщине за ее участие.

– У меня еще есть маленький котенок по имени Пантера, – добавила она с надеждой в голосе.

– Вот по части кошачьих у нас могут возникнуть проблемы. Мой дорогой Том уже давно привык чувствовать себя в этом доме единственным хозяином. Едва ли он потерпит присутствие рядом каких-то других конкурентов. Надо подумать о том, куда еще можно пристроить вашего котенка.

– Хорошо, я обязательно подумаю. Постараюсь найти человека, которому я полностью доверяю.

– Я тоже поспрашиваю. Вдруг кто-то из моих знакомых захочет взять вашу Пантеру к себе.

– Спасибо, – еще раз искренне поблагодарила Флора хозяйку Хилл-Топ, зная, что никакими словами ей не выказать всю степень своей благодарности к этой женщине.

– А сейчас я попрошу вас помочь мне процедить варенье и разложить его по банкам. Не возражаете?

– Конечно, с удовольствием! – Флора тут же вскочила со стула, а мисс Поттер между тем поставила на стол поднос с чистыми банками. Они стали рядом и начали процеживать варенье через кусок муслина,

чтобы удалить все зернышки от ягод. Потом принялись разливать варенье по банкам.

– Черная смородина – такая неприхотливая ягода, – заметила между делом мисс Поттер. – Она прекрасно вызревает даже в самое дождливое лето. А в наших местах ее полно кругом. Так вы горите желанием поскорее уехать в Лондон?

– Вовсе не горю, – честно призналась в ответ Флора. – Даже не знаю, как я смогу оставить Эствейт-Холл... И все остальное, что было мне так дорого здесь. Ведь все, что я любила в жизни, остается здесь.

– Что ж, и с этим тоже вам придется смириться. Думаю, у вас все получится. – Мисс Поттер выскребла с таза остатки варенья. – Сама я выросла в Лондоне. Там огромное множество красивых парков и садов. А еще там есть Национальный исторический музей... Да! И еще знаменитый королевский ботанический сад Кью-гарденс. Мой вам совет, милая. Постарайтесь в полной мере воспользоваться всеми теми возможностями, которые открывает перед вами Лондон. Перемены в жизни ведь тоже бывают полезными. Недаром говорят, что любая перемена – это хороший отдых.

– Буду стараться, мисс Поттер.

– Вот и хорошо! – кивнула в ответ писательница. И они стали раскладывать сверху банок вощеные кружочки, а потом закручивать банки крышками. – А сейчас, я полагаю, мы с вами вполне заслужили за свои труды по рюмочке ликера из бузины. Я пока отнесу банки в кладовку, пусть там остывают в прохладе, а вы будьте так любезны и налейте нам ликера, ладно?

Флора послушно исполнила приказание. Ей так хотелось сказать мисс Поттер, что она сама мечтает именно о такой жизни, которую ведет писательница. Но побоялась показаться чересчур банальной в своих восторгах, а потому молча протянула своей героине, когда та вернулась из кладовки, рюмку с ликером, и они обе снова уселись за стол. Надо будет запечатлеть эту встречу в памяти во всех мельчайших подробностях, подумала Флора. Кто знает, быть может, в том неопределенном будущем, которое ждет ее впереди, эти воспоминания станут согревать ей душу.

– Так вы продолжаете заниматься рисованием, мисс Макникол? Помнится, в детстве у вас это хорошо получалось.

– Да, но в основном я рисую природу... Изредка животных...

– Ну а что еще, скажите, можно запечатлеть? – издали улыбнулась мисс Поттер. – К тому же и флора, и фауна – это такие благодатные объекты. Никогда не станут вас критиковать, как это сделали бы иные люди, недовольные тем, как их изобразили. Ну а теперь вы будете кем-то вроде гувернантки. А замужняя жизнь вас что, вообще не прельщает? Вы такая привлекательная девушка. Наверняка ведь в обозримом будущем найдется мужчина, сердце которого вы с легкостью покорите.

– Я... возможно, я бы ничего и не имела против замужней жизни. Однако так складываются обстоятельства, что этот удел не для меня. Да и жизнь пока не преподнесла мне ни единого шанса...

– Дорогая моя! Мне уже сорок три, а я все еще жду своего шанса! И даже надеюсь... К сожалению, несчастная любовь оставляет слишком глубокие шрамы на сердце. И требуются годы и годы, чтобы залечить свои душевные раны. – Внезапно голубые глаза мисс Поттер наполнились грустью. – А скажите вы мне, – резко поменяла она тему разговора, – кто же ваша работодательница в Лондоне?

– Некая миссис Алиса Кеппел. Ее дочерей, насколько я помню, зовут Вайолет и Соня.

При последних словах Флоры мисс Поттер вдруг откинула голову назад и громко расхохоталась.

– Что-то не так, мисс Поттер? – смутилась та.

– Нет-нет, все в порядке. Простите меня, ради бога. Я повела себя слишком по-детски. Но, дорогая моя, наверняка же вас предупредили о том, какие... скажем так, связи у этой дамы?

Не желая показаться совсем уж простушкой, Флора постаралась спрятать свое смущение.

– Я... да... мне говорили...

– Что же, если и стоит променять Озерный край на что-то более предпочтительное, то о лучшем варианте и мечтать нельзя. У миссис Кеппел чрезвычайно интересный дом, быть может, самый интересный из всех. А сейчас, друг мой, мне пора заняться своими делами. Завтра мне предстоит поездка в Лондон. Надо присмотреть за моей хворающей матушкой. Да и тут еще полно дел, которые необходимо доделать. Пожалуйста, мисс Макникол, привозите свой зверинец уже в самые ближайшие дни. Даже если я к тому времени еще не вернусь, мистер и миссис Кэнон, которые живут в другом крыле этого дома, с

радостью возьмут заботы по уходу за вашими питомцами на себя. Они прекрасно осведомлены о главном принципе, по которому живут в этом доме: животные прежде всего. Они у нас на первом месте. Так что, не сомневайтесь, мисс Макникол, с вашими любимцами будут обращаться... Скажем так: по-королевски. – Мисс Поттер коротко засмеялась и поднялась, чтобы проводить Флору до порога.

– До свидания, мисс Поттер. У меня нет слов, чтобы сказать вам, как я вам благодарна за вашу доброту.

– Пустяки! Мы, патриоты Озерного края и просто любители животных, всегда должны держаться вместе, не так ли? Всего вам доброго, мисс Макникол.

Быстро пролетели последние дни, которые Флоре оставалось провести в доме своего детства. Время несло стремительно, а у нее сердце разрывалось от боли, когда она видела, как уплывает из дома весь их скарб. Вещи упаковывались и отправлялись по новому назначению. Флоре тоже выделили отдельный сундук, в который она должна была сложить все свои детские реликвии и все те вещи, которые ей дороги. Они тоже отправятся в Шотландию вместе с другими родительскими вещами. Она извлекла на свет божий свои дневники в шелковых обложках, которые вела на протяжении почти всей своей жизни и в которых подробнейшим образом описывала свою жизнь в Эствейт-Холл. Ей предстояло упаковать их в плотную бумагу, чтобы потом уложить в сундук. Но, прежде чем сделать это, Флора пробежала глазами несколько страниц, открывая дневники наугад. И снова ее охватила невыразимая тоска, словно она прощалась с чем-то очень дорогим ее сердцу, и прощалась навсегда.

Родители целыми днями были заняты сборами. На нее они не обращали ни малейшего внимания, не говоря уже о том, чтобы подбодрить добрым и ласковым словом. И хотя Флора с детства привыкла к тому, что отец и мать всегда держали ее в некоторой изоляции, но в эти последние дни собственное одиночество стало для нее особенно невыносимым. В глубине души она даже чувствовала некоторое облегчение от того, что скоро уедет в Лондон.

В довершение всех неприятностей от Арчи тоже не было никаких вестей. Для себя Флора уже твердо решила: что бы он там ни твердил ей о том, что она должна верить ему и все такое прочее, будет лучше, если свои воспоминания о тех днях, что они провели вместе, она запрячет как можно дальше, на самое дно сундука, вместе с остальными пожитками. Судя по письмам, которые Аурелия регулярно строчила ей из Хай-Уилд, в ее чувствах к Арчи сомневаться уже не приходилось. А потому для нее самой забыть все, что было, это и есть самое лучшее и, пожалуй, единственно правильное решение. Впрочем, настрой на благородную решимость не очень помогал. И Флора днями напролет, каждую свободную секунду, не переставала думать об Арчи.

Еще более болезненным стал для нее момент расставания со своими любимцами, которых она отвезла на ферму мисс Поттер и устроила их там в сарае, как это и было оговорено ранее. Она пространно объяснила миссис Кэнон все, что связано с потребностями и нуждами животных. Единственное, что скрасило хоть немного горечь расставания, так это радость Ральфа и Бетси, старших детей четы Кэнон, при встрече с новыми обитателями фермы. Они тут же забрали двух сонь Мейси и Этель к себе и клятвенно заверили Флору, что будут ухаживать за ними с той же любовью, что и она сама.

Что же касается будущего Пантеры, то, поскольку Сара наотрез отказалась следовать за своими хозяевами на их новое место жительства, сказав, что она ни за какие коврижки не поедет в эти горы, то было решено, что котенка заберет она, и он будет жить вместе с ней и ее престарелой матерью в их маленьком домике в деревне Ближний Суррей. Что ж, думала Флора с явным облегчением, хотя бы со своими животными она более или менее разобралась.

* * *

В день отъезда в Лондон Флора проснулась рано утром. На сердце у нее было невыразимо тяжело, словно огромный камень свалился ей на грудь. Долго она сидела на берегу озера Эствейт-Уотер, в последний раз любуясь восходом солнца над Озерным краем.

Природа не обманула ее ожиданий, одарив на прощание поистине великолепным пейзажем. Сидя на прибрежном валуне, она разглядывала осеннее небо, расцвеченное пурпурно-алыми всполохами первых солнечных лучей, с наслаждением вдыхая в себя тяжелый, еще влажный от тумана воздух. Она напряженно вслушивалась в утренние трели птиц, стараясь различить и запомнить каждого отдельного исполнителя в этом многоголосом хоре. Дышала глубоко, полной грудью, словно пила и не могла напиться чистым свежим воздухом.

– Прощайте, все, – выдохнула она с тоской и закрыла глаза, словно щелкнула затвором фотоаппарата, навсегда запечатлевая картинку в своей памяти.

У себя в комнате Флора торопливо переделалась в дорожное платье, натянула на голову шляпку и стала звать Пантеру. Обычно котенок, еще полусонный, размлевший под одеялом, неохотно высовывал свою мордочку наружу, недовольно жмурился от того, что потревожили его сон, а потом начинал сладко потягиваться на постели. Но сегодня он исчез из виду, словно сквозь землю провалился. Флора обшарила всю комнату самым тщательным образом. Нет Пантеры! Наверное, я забыла плотно закрыть за собой дверь, решила она, вот он и выскользнул из комнаты и побежал вниз.

Тилли и миссис Хиллбек уже хлопотали на кухне.

– Ваша мать попросила меня собрать вам в дорогу корзину для пикника. Путь до Лондона неблизкий, захочется и подкрепиться, – промолвила Тилли, застегивая кожаные ремни на корзине.

– Вы видели сегодня Пантеру? – спросила Флора у женщин, заглядывая под стол. – Я обыскалась ее. Словно в воду канула. А хотела попрощаться...

– Да ваш котенок далеко не ушел, мисс Флора, – успокоила ее Сара, появившись из подсобки. – Однако ваша матушка уже ждет вас. Не волнуйтесь за Пантеру. Я за ней присмотрю, будьте уверены.

– Прощайте, мисс Флора. И дай вам бог всего доброго в этом вавилонском городе, в который вы едете. Пусть вам всегда сопутствует удача. Вам она нужнее, чем мне... – шмыгнула носом миссис Хиллбек. – Я тут вам испекла в дорогу булочки с черной смородиной. Знаю, как вы их любите.

– Спасибо. Большое спасибо! И, пожалуйста, обещайте, что обязательно напишете мне, как там будет поживать моя Пантера без меня, ладно?

– Конечно, конечно, мы вам все напишем и расскажем, дорогая вы наша. Берегите себя. А мы все будем очень скучать по вам, – сказала миссис Хиллбек, смахивая набежавшую слезу с глаз.

– Я постараюсь, – ответила Флора и еще раз окинула расстроенным взглядом кухню, до последнего надеясь увидеть Пантеру. Но нет, котенок исчез бесследно. Флора поспешила в холл, где ее уже поджидала мать.

– Флора, нам пора. Иначе можем опоздать на поезд.

Мама стояла в холле, выпрямившись во весь рост и упрятав руки в меховую муфту. На улице уже было по-осеннему свежо. Флора молча

проследовала к дверям в сопровождении Сары, которая несла в руке корзину для пикников.

– Ступай, попрощайся с отцом, – добавила Роза. – Я буду ждать тебя в карете.

К своему немалому изумлению, Флора увидела, что отец уже поджидает ее, стоя на лестнице, ведущей в холл. Сегодня он опирался на свою палку еще с большим усилием, чем обычно.

– Флора, дорогая моя.

– Да, папа?

– Я... видишь ли, дело в том... мне искренне жаль, что все так получилось.

– Твоей вины тут нет, папа. Ты же не виноват в том, что у нас нет денег, чтобы содержать этот дом.

– Нет, но... – Отец с несчастным видом уставился на свои ноги. – Я имею в виду не только все то, что связано с домом. В любом случае я очень тебе благодарен. Надеюсь, ты будешь регулярно писать маме. Так что и я буду в курсе того, как станет складываться твоя дальнейшая жизнь. Желаю тебе счастья, дорогая моя. До свидания.

– Спасибо, папа. До свидания.

Флора отвернулась, чтобы направиться к дверям, чувствуя некую обреченность в тех прощальных словах, с которыми обратился к ней отец. Садясь в карету, она в последний раз окинула взглядом Эствейт-Холл. Но вот карета миновала парадные ворота, и Флора с тоской подумала, что больше никогда не увидит дом своего детства. Вполне возможно, и отца она тоже больше не увидит.

* * *

Наконец они с матерью устроились в своем купе в вагоне первого класса. Впереди долгая дорога до Лондона. Усевшись в уголке, Флора молча смотрела в окно. Вскоре на смену холмам и долинам пришла непривычная глазу плоская равнина. И снова Флора с печалью подумала, что потеряла навсегда все, что любила. Но чем дальше уносил их с матерью поезд от родимых мест, тем оживленнее становилась ее мать, в отличие от нее самой.

– Пожалуй, мне следует рассказать тебе кое-что о доме миссис Кеппел. Ввести, так сказать, в курс дела.

– Да, мама.

Флора рассеянно вслушивалась в веселое щебетание матери. А та с восторгом живописала ей красивый дом на Портман-сквер, рассказывала о том, какое высокое положение в обществе занимает семья ее подруги, о том, какие у нее очаровательные девочки – Вайолет пятнадцати лет и Соня девяти лет.

– Вайолет – настоящая красавица. Что же до Сони, то она... бедная девочка... Будем считать, что у нее есть бездна других достоинств, которые компенсируют ее довольно средние внешние данные. К тому же у ребенка просто ангельский характер. Зато Вайолет природа щедро наделила всем, причем в избытке. И потом, опять же, – Роза глянула в окно и коротко усмехнулась. – В том нет ее вины, право... Особенно если учесть, какую жизнь она ведет.

– Какую жизнь она ведет, мама?

– Ах, – вовремя спохватилась Роза. – Я просто хотела сказать, что с первенцами всегда носятся сверх всякой меры.

Сейчас наступил уже черед Флоры испытать замешательство. Она тут же отвела глаза в сторону, но все же успела заметить, как легкая краска стыда покрыла щеки матери. Ведь они обе прекрасно знали, что слово «всегда» никак не распространяется на их собственную семью. С первенцем Флорой никто и никогда не носился.

В час дня Роза объявила, что уже проголодалась, и Флора послушно стала открывать корзинку для пикника.

– Я нахожу еду, которую предлагают пассажирам в вагоне-ресторане, совершенно несъедобной, – продолжала разглагольствовать Роза, пока Флора доставала из корзинки салфетки и тарелки.

И тут они обе внезапно вздрогнули, потому что из корзинки вдруг молнией выскочил какой-то черный комок, быстро осмотрелся по сторонам и тут же проворно забился под юбки своей хозяйки.

– Господи боже мой! А что здесь делает эта тварь? Флора, я тебя спрашиваю! – Роза уставилась буравящим взглядом на дочь. – Неужели ты посмела спрятать его в эту корзину?

– Конечно же, нет, мамочка. – *Котенок!* Слезы радости брызнули у Флоры из глаз. Она нащупала Пантеру под своими юбками, извлекла ее наружу и прижала к себе. – Он сам спрятался.

– И что мы станем с ним делать, когда приедем в Лондон? Ума не приложу! Не сомневаюсь, семейство Кеппел не потерпит никаких животных в своем доме... Учитывая, в каком обществе они вращаются...

– Мамочка, я понимаю твои страхи. Пантера действительно может восприниматься как некое неудобство. Но я знаю и другое. Большинство детей обожают котят. А вдруг Вайолет и Соня тоже из их числа?

– Ну, не знаю, не знаю, – тяжело вздохнула Роза. – В любом случае начало не очень хорошее.

* * *

Вскоре Пантера уже спала безмятежным сном в корзинке для пикников. Кажется, котенок быстро успел усвоить правила игры, по которым ему надлежало вести себя. Словом, мать и дочь вышли из поезда на платформу лондонского вокзала Юстон вместе со спящим в корзинке котенком.

– Алиса любезно пообещала мне выслать за нами машину с водителем, чтобы встретить нас. А вот и он! Фрид!

Флора заторопилась вслед за матерью, пробираясь через толпы народа вокруг, боясь отстать. А Роза устремилась к какому-то коротышке с аккуратно подстриженными усами в красивой ливрее темно-зеленого цвета с надраенными до блеска латунными пуговицами. При виде их он сдернул с головы фуражку и отвесил почтительный поклон. Запах гари, непрерывный шум, царящий вокруг, толпы людей, мечущихся в разные стороны, рев работающего двигателя – от обилия всех этих запахов и звуков у Флоры даже голова стала кружиться. Впрочем, не только ей категорически не нравилось все, что она видела вокруг себя. Пантера тоже издала из глубин своей корзинки негромкий писк, то ли от страха, то ли от собственного неудовольствия.

– Добрый вечер, мадам. Мисс! Добро пожаловать в Лондон, – поприветствовал их Фрид и подозвал к себе носильщика, чтобы тот помог им донести баулы до машины. – Надеюсь, путешествие не очень утомило вас? – вежливо поинтересовался он у женщин, пока те

послушно семенили за ним, направляясь к выходу из железнодорожного вокзала. Сзади плелся носильщик, катил на своей тележке их багаж. Они подошли к шикарному авто с открытым сиденьем для водителя. Деревянные лакированные дверцы машины поблескивали в лучах заходящего солнца. Флора с матерью уселись на мягкие кожаные сиденья, Фрид включил мотор, тот издал негромкое рычание, и машина понеслась вперед по широким улицам Лондона.

Флора разглядывала в окно модно одетых мужчин и женщин, неспешно прогуливающихся вдоль Мэрилебон-роуд, застроенной красивыми импозантными зданиями, такими высокими, что, казалось, их крыши теряются где-то в небесах. Время от времени из корзинки раздавалось жалостное мяуканье, но Флора не осмеливалась вытащить оттуда котенка, чтобы хоть как-то успокоить бедное животное. Ведь рядом сидела мама.

Их лимузин обогнул роскошный парк, вокруг которого тоже теснились высокие кирпичные здания. Перед одним из них шофер затормозил. И сразу же распахнулась парадная дверь, а на пороге появился лакей, чтобы помочь дамам выйти из автомобиля. Все вместе они вошли в дом, и тут лакей предложил Флоре отдать корзинку ему.

– Нет, благодарю вас, не надо... Тут у меня всякие подарочки для домашних, – лихо солгала в ответ Флора.

Им помогли раздеться, освободиться от пальто и шляпок, а затем проводили по лестнице в зал, который Флоре показался на первый взгляд более похожим на оранжерею, чем на обычное помещение. Комната утопала в цветах. В воздухе витал сладковатый аромат орхидей, белых лилий и огромных садовых гвоздик, букеты которых теснились повсюду в резных хрустальных вазах.

На диване в окружении подушек в кружевных накидках восседала дама. Пожалуй, самая красивая из всех, кого Флоре довелось когда-нибудь видеть. И уж точно, самая нарядная из них. Ее густые каштановые волосы были уложены в искусную прическу с многочисленными локонами. На шее красовалось несколько ниток жемчуга, оттеняющего ее алебастрово-белую кожу, а достаточно глубокий вырез платья позволял разглядеть красивую пышную грудь. Глаза у женщины были цвета ярчайшей небесной лазури. Флора в замешательстве замерла на месте, а дама между тем поднялась с

дивана и направилась через всю комнату к ним, чтобы поприветствовать своих гостей.

– Моя дорогая Роза! – воскликнула она, обнимая мать. – Надеюсь, дорога не показалась вам слишком утомительной?

– Спасибо, Алиса. Нет, все было вполне комфортно, хотя мы с Флорой все равно очень рады, что наконец-то приехали.

– Отлично понимаю вас. – Алиса Кеппел устремила свой изучающий взгляд на Флору. – Так вот она какая, наша знаменитая Флора. Добро пожаловать, дорогая, в мой дом. Девочки сгорают от нетерпения побыстрее познакомиться с тобой. Няня сказала мне, что Соня весь день занималась рисованием. Рисовала тебе в подарок какие-то картинки. Однако сейчас, к их великому неудовольствию, девочки принимают на ночь ванну, после чего их отправят в кровать. Но я уже пообещала им, что завтра с самого утра первым делом я познакомлю их с тобой.

В этот момент из корзинки для пикников раздался жалобный писк. А следом крохотная черная лапка просунулась в отверстие из-под крышки.

– А это кто еще там? – удивленно воскликнула миссис Кеппел, и взгляды всех присутствующих в комнате тотчас же обратились на корзинку.

– Это... это котенок, – ответила Флора, слегка заикаясь, глянув на мать, на лице которой тотчас же отразилось величайшее смятение. – Пожалуйста, миссис Кеппел, простите меня. Я вовсе не хотела брать его с собой. Но он сам спрятался в эту корзину.

– Вот как? Ах, ты маленький проказник! – Хозяйка рассмеялась. Ее серебристый смех рассыпался по всей комнате. – Дай же мне взглянуть на этого прохвоста! Думаю, дети придут в полный восторг от появления такого незваного гостя.

Флора наклонилась к корзине, чтобы отстегнуть на ней ремни, а Роза тут же стала извиняться по поводу столь неловкой ситуации. Но миссис Кеппел даже не стала слушать ее. Она тоже склонилась над корзинкой и, как только Флора открыла крышку, умело схватила котенка за шиворот.

– Какая же ты красавица, однако! – снова рассмеялась миссис Кеппел, разглядывая Пантеру. – Но и проказница тоже. По глазам вижу.

В детстве у меня тоже был котенок, очень похожий на этого. Что ж, ваша Пантера станет красивым и желанным дополнением к детской.

Миссис Кеппел водворила извивающегося котенка обратно в корзину, а Флора в этот момент готова была упасть к ее ногам и начать их целовать в знак благодарности.

– Итак, ужин у нас ровно в восемь. Роза, дорогая, я пригласила к ужину несколько твоих старинных друзей. Моя экономка мисс Драппер сейчас проводит вас в ваши комнаты, чтобы вы могли переодеться. Флора, тебя я попросила поместить в комнату рядом с комнатой твоей мамы. Думаю, тебе она понравится. – Миссис Кеппел приблизилась к Флоре, взяла ее за обе руки и крепко пожала их. – Добро пожаловать, моя дорогая.

Поднимаясь по лестнице в свои комнаты, Флора всю дорогу размышляла над тем, насколько искренней была в своем радушии миссис Кеппел. А вдруг это чистейшей воды показуха, разыгранная специально для них? Но если это не так, то тогда это был самый теплый и сердечный прием в ее жизни. Подумать только, незнакомого человека встречают с такой доброжелательностью. Роза уже взялась за дверную ручку, чтобы пройти к себе в комнату, но в этот момент Флору осенило.

– Мапочка, а у меня же нет ничего подходящего, чтобы надеть для ужина, – прошептала она матери, отводя ее в сторону и стараясь говорить так, чтобы ее не услышали экономка и горничная, которые сопровождали их наверх.

– Да, ты права, – согласилась с ней мать и сокрушенно вздохнула. – Прости меня, Флора, как-то совсем об этом не подумала. Но, с другой стороны, я и понятия не имела, что миссис Кеппел сразу же вознамерится ввести тебя в общество. Я скажу ей, что ты устала с дороги, и попрошу кого-нибудь из слуг подать тебе ужин прямо в комнату. А перед отъездом – ты же знаешь, завтра я уезжаю домой, – так вот, я оставлю тебе платье, которое взяла с собой. Правда, оно будет тебе немного великовато, придется подшить. Но я уверена, что среди прислуги в этом доме есть и портниха. Она тебе поможет. Сама понимаешь, гардероб у миссис Кеппел наверняка огромный, а потому без помощи собственной портнихи ей не обойтись.

– Хорошо, мама. Спасибо тебе.

Экономка провела Флору чуть дальше по коридору и открыла дверь в просторную и богато обставленную комнату с высокими потолками. На комодe стояла ваза с букетом свежих цветов. Рядом с умывальником висели мягкие полотенца.

– Если вам что-нибудь понадобится, мисс, звоните в колокольчик и Пегги все подаст, – сказала экономка, указав на горничную, топтавшуюся рядом с ней, которая тотчас же сделала книксен. – Она также отнесет вашего котенка вниз, чтобы он... справил свою нужду.

– Спасибо, – поблагодарила ее Флора. Она приготовилась добавить, что и сама управится с котенком, но обе женщины уже вышли из комнаты. Флора подошла к окну. На улице уже было совсем темно. Зажглись газовые фонари, ярко освещая всю площадь внизу. Возле соседних домов то и дело останавливались кареты. Оттуда выходили оживленные и нарядные мужчины и женщины в блестящих лакированных цилиндрах черного цвета и в красивых шляпках с большими полями, украшенных перьями.

Флора отвернулась от окна и увидела, что Пантера уже почти обжилась на новом месте. Уселась прямо посреди огромной никелированной кровати и энергично терла своей лапкой мордочку, умываясь на сон грядущий. Флора тоже взобралась на кровать и улеглась рядом с Пантерой, уставившись в безупречно ровный и чистый потолок: ни тебе трещинки, ни подтека или какого-нибудь пятнышка.

– Боже мой, как же они, наверное, богаты, если даже своих помощниц размещают в таких спальнях, как эта, – пробормотала Флора полусонным голосом. Глаза ее закрылись сами собой, и она тут же задремала. Проснулась она от стука в дверь. Вскочила, села на кровати, растерянно пытаясь вспомнить, где она и что с ней.

– Добрый вечер, дорогая. Я тебя разбудила, да? – В комнату вошла Роза. На ней было изумрудно-зеленое вечернее платье и тиара, фамильная драгоценность, которую обычно хранили в специальном металлическом ящичке у них дома в Эствейт-Холл. Оттуда тиару извлекали на свет божий в редких случаях. Ведь дома было так мало поводов для того, чтобы дефилировать в драгоценных украшениях. Сама Роза была необыкновенно оживлена сегодня и сияла почти так же ярко, как и бриллианты на ее голове.

– Наверное, я все же утомилась в дороге, мама. Вот и заснула. Надеюсь, миссис Кеппел не обидится на меня за то, что я сегодня не спущусь к ужину.

– О, конечно же, нет. Она все прекрасно понимает. Я тут тебе кое-что принесла. Надеюсь, это тебе понравится. – Роза протянула дочери шкатулку для драгоценностей.

Флора издала негромкий возглас, открыв шкатулку. Внутри на бархате покоились жемчужное ожерелье и сережки. Роза взяла ожерелье и застегнула его на шее Флоры. Потом они вместе посмотрели в зеркало, любуясь отражением.

– Когда-то эти жемчужные украшения мне подарила мама. Это был в год моего дебюта в Лондоне, – тихо обронила Роза. – Я так долго берегла их, как самые дорогие моему сердцу реликвии. Но сейчас пришло время, когда они должны принадлежать уже тебе. – Она ласково погладила дочь по плечу.

– Спасибо, мама. – Флора была искренне растрогана столь щедрым подарком матери.

– Очень надеюсь, что тебе в этом доме будет хорошо. Кажется, ты произвела на миссис Кеппел хорошее впечатление и даже понравилась ей.

– Я постараюсь, мамочка, чтобы мне здесь было хорошо. Миссис Кеппел очень милая женщина.

– Да, это так. А сейчас мне пора вниз, к ужину. Миссис Кеппел велела передать тебе, что она завтра ждет тебя в детской этажом выше ровно в восемь утра. Там она познакомит тебя с детьми и другим персоналом, который приставлен к девочкам. Попрощаемся мы с тобой чуть позже. Я отсюда отправляюсь поездом напрямиком в Нагорье. Надо подготовить новый дом к приезду твоего отца. – Роза поцеловала Флору в макушку. – Пегги подаст тебе ужин сюда. Спокойной ночи, Флора. Сладких тебе снов.

– Спасибо, мама. Спокойной ночи.

На следующее утро Флора, проснувшись, стала вслушиваться в незнакомые звуки, которыми наполнился дом и которые доносились с улицы. В семь утра в ее дверь тихонько постучали. Вошла Пегги, неся перед собой поднос с завтраком. Она тут же разожгла камин.

Флора медленно пила чай и все не переставала удивляться тому, что видела вокруг себя. Надо же! В этом доме слуги прислуживают слугам. Ведь кто она, в сущности, есть? Когда Пегги ушла, унося под мышкой упирающуюся Пантеру, Флора вскочила с кровати и обзрела свой более чем скромный гардероб, остановив окончательный выбор на голубом платье из хлопка с каймой из ручной вышивки. Это Сара украсила наряд, вышив по краю подола цветы чертополоха. В тот момент, когда девушка приводила в порядок свои непослушные волосы, закалывая их шпильками, в спальне снова появилась Пегги с котенком на руках.

– Вы готовы, мисс? Они уже ждут вас в комнате для игр.

Флора подхватила на руки Пантеру и заторопилась вслед за Пегги вверх. Они вошли в большую светлую комнату, стены которой были выкрашены в белый цвет. Из огромных окон открывался дивный вид на парк, раскинувшийся внизу. Миссис Кеппел стояла возле камина рядом с дочерьми. Младшая Соня была наряжена в белое накрахмаленное платьице, на ножках черные лакированные туфельки. Старшая сестра Вайолет, которой, по словам мамы, уже исполнилось пятнадцать, была в юбке и блузке, очень смахивающей на мужскую сорочку с глухим воротом. Венчал наряд галстук.

– А сейчас, дорогие мои, поздоровайтесь с мисс Макникол.

– Здравствуйте, мисс Макникол, – вежливо поздоровались с ней девочки хором.

– Здравствуйте, – улыбнулась им в ответ Флора, принявшись исподтишка разглядывать дочерей миссис Кеппел. Вайолет, несмотря на свой довольно странный наряд, была точной копией матери: те же женственные локоны на голове и те же бездонно-голубые глаза. Соня, темноволосая, худенькая, такая же смуглая, как и сама Флора.

Бросающийся в глаза контраст между сестрами сразу же напомнил Флоре о том, что и они с Аурелией тоже совершенно разные.

– А как зовут этого котенка? – Вайолет показала на Пантеру, удобно устроившуюся на руке у Флоры. – Его можно взять на руки? Он не царапается? У него такие острые коготки. Наверняка он тут же пустит их в ход.

– Кошечку зовут Пантера. Уверю вас, она очень смиренная и ласковая. Только не любит, когда ее дразнят, – добавила на всякий случай Флора, инстинктивно почувствовав, что Вайолет капризная и взбалмошная девочка.

– А можно, я поглажу ее? – Соня подошла к котенку и протянула к нему руку.

– Конечно, можно, – ответила ей Флора и передала Пантеру с рук на руки девочки. И тут же преисполнилась к Соне самыми добрыми чувствами, особенно когда увидела, что Пантера тоже с удовольствием трется своей головкой о пальцы девочки, блаженно жмурясь при этом.

– Позвольте, мисс Макникол, я познакомлю вас с нашей няней и с мадемуазель Клейсак, – промолвила миссис Кеппел, заметив, как в комнату вошли две женщины. Первая из них плотного телосложения, облаченная в платье серого цвета и белоснежный фартук, накрахмаленный до хруста. Вторая, миниатюрная пухленькая блондинка, взглянула на Флору с таким выражением лица, словно вдруг почувствовала дурной запах в комнате.

– Рада познакомиться, – сказала Флора и склонилась в реверансе перед няней. Почему-то она сразу почувствовала, что именно эта широкоплечая женщина и заправляет всем в детских комнатах на двух этажах.

– Мы тоже рады познакомиться с вами, – откликнулась та довольно дружелюбным тоном, чего Флора никак не ожидала, с легким шотландским акцентом.

– *Enchantée*, – прошептала мадемуазель Клейсак по-французски. Дескать, рада. – Можете называть меня просто Мойзель, – добавила она надменным тоном уже по-английски.

– Мойзель занимается с Соней в классной комнате, – пояснила Флоре миссис Кеппел. – А Вайолет посещает частную школу мисс Вулф на Саут-Одли-стрит.

– Мамочка, мне нельзя опаздывать, – подала голос Вайолет, посмотрев на часы, висевшие на стене. – Вита уже наверняка ждет меня на улице.

– Конечно, моя дорогая, беги. А вас троих я прошу продумать, как изменить расписание дня у девочек наилучшим образом с тем, чтобы выкроить ежедневно один час для занятий с ними для мисс Макникол.

– Да, мадам, – послушно отреагировала няня, тоже уважительно сделав книксен, правда, не совсем элегантно.

Вайолет неожиданно чихнула, и мать тут же бросила на нее озабоченный взгляд.

– Вайолет, дорогая моя, надеюсь, ты не простыла?

– Нет. Наверняка это все из-за *него*, – Вайолет ткнула пальцем в Пантеру, все еще нежившуюся на руках у Сони.

Флора замерла от ужаса. Сейчас ее любимицу с треском изгонят из детской, и навсегда. Но миссис Кеппел лишь рассеянно пожала плечами в ответ.

– Не верю я во все эти новомодные разговоры про аллергию. А тебе, милая, порекомендую лишь одно. Надо потихоньку привыкать к меху животных.

В этот момент Флора прониклась еще большей любовью к миссис Кеппел.

Итак, Вайолет отправилась в школу, Пантеру, несмотря на ее сопротивление, забрали из рук Сони, и та отправилась вслед за Мойзель на утренние уроки в классной комнате. Флора осталась наедине с няней. И обе они стали пытаться изменить расписание таким образом, чтобы отыскать часок для ее ежедневных занятий с девочками. Что оказалось совсем не просто, так как день у обеих сестер был расписан буквально по минутам. Уроки танцев, гимнастика, культпоходы по музеям и картинным галереям вместе с Мойзель. И это не считая всевозможных светских мероприятий, выпадающих обычно на вторую половину дня.

– Может, на шесть часов вечера, – робко предложила Флора, ткнув пальцем в единственную форточку в расписании на весь день.

– Возможно, иногда так оно и будет, мисс Макникол, – согласилась с ней няня. – Но очень часто именно в это самое время их приглашают вниз, выпить чашечку чая в компании... с гостем их матери...

– Но надо же нам как-то начинать. Я и так не буду видеть девочек целыми днями.

– Я переговорю с Мойзель. Может, она согласится пару раз в неделю отпускать Соню с уроков по утрам, – тут же поспешила успокоить ее няня. – Да, совсем забыла! Приглашаю вас сегодня на ланч и на ужин. Стол для нас обычно накрывают в комнате для игр. Впрочем, полагаю, вы очень скоро смените нашу компанию на ту, что трапезничает внизу. А сейчас мне пора заняться своими делами. – Няня поднялась со стула.

Поскольку никаких указаний относительно того, чем ей надлежит заниматься весь оставшийся день, Флора так и не получила, она с унылым видом поплелась обратно в свою спальню. Уселась там на постель и стала размышлять, зачем миссис Кеппел вообще пригласила ее к себе в дом. Здесь и так все работает, как хорошо отлаженный механизм, и никакой видимой нужды в ней нет.

Но вот в дверь снова постучали, и на пороге появилась Пегги.

– Мисс Макникол, ваша матушка ждет вас внизу, в гостиной миссис Кеппел.

– Спасибо, Пегги, – тут же вскочила со своего места Флора и побежала вниз.

Мама поджидала ее, уже стоя в дорожном пальто.

– Здравствуй, Флора. Ну, как? Познакомилась с девочками? Как они тебе?

– Очень милые. Обе. Правда, я виделась с ними всего лишь несколько минут.

– Вот и славно, – с удовлетворенным видом кивнула ей мать. – Уверена, Флора, тебе здесь будет очень хорошо. Миссис Кеппел необыкновенно добрая и чуткая женщина. Вскоре ты познакомишься с самыми высокопоставленными людьми из столичного общества. Надеюсь, ты не подведешь меня.

– Буду стараться изо всех сил, мамочка.

– Наш новый адрес у тебя есть?

– Да. Обещаю, я буду часто писать тебе.

– Тогда жду от тебя все самые свежие великосветские новости. Знаешь, я даже немного тебе завидую. Честное слово, хотелось бы мне оказаться на твоем месте. Прощай, Флора. Молю Бога, чтобы мы не

ошиблись, приняв это непростое решение. Наверное, так будет правильно для всех нас.

Роза расцеловала дочь в обе щеки и выплыла из комнаты.

У Флоры слезы навернулись на глаза. Она подошла к окну и стала наблюдать за тем, как мама садится в карету. Глядя на мать, Флора подумала, что, несмотря на то, что ее саму с корнями вырвали из родного края, лишили любимого дома, но все равно создавалось впечатление, будто это не она, а мама лишилась всего на свете.

– С тобой все в порядке, милая? – участливо поинтересовалась у нее миссис Кеппел, входя в зал.

– Да, спасибо, все в порядке. – Флора украдкой смахнула выступившие слезы.

– Конечно, тебе было трудно покинуть Озерный край. А тут еще и разлука с близкими, с семьей. Очень хочу, чтобы наш дом отныне тоже стал для тебя родным. А мы все – твоей второй семьей. Договорились? Да, и вот еще что. Завтра в десять утра к тебе заглянет моя портниха. Нам нужно существенно обновить твой гардероб, прежде... чем выводить тебя в люди. – Миссис Кеппел окинула Флору долгим изучающим взглядом, будто орел, выслеживающий свою добычу. – Твои прекрасные волосы тоже нуждаются в том, чтобы над ними поработал хороший парикмахер. Стрижка им совсем не помешает.

– Но, миссис Кеппел, я вполне обойдусь и так. Тем более что волосы я подстригала в последний раз всего лишь пару недель тому назад.

– Дитя мое, ты, может быть, и обойдешься. Но только *не я!*

– А я думала, что мне выдадут униформу.

– Униформу?! Что за вздор! Ты что, вообразила себе, что ты у нас на правах служанки? – Миссис Кеппел рассмеялась своим мелодичным серебристым смехом. – Моя дорогая Флора! Наш с тобой разговор с каждой минутой приобретает все более и более комичный характер! Уж не переименовать ли мне тебя в Золушку, а? – Она ласково обняла Флору за плечи и увлекла ее к тахте в дальнем углу комнаты, а там усадила рядом с собой. – Заверяю тебя, девочка моя, ты в этом доме отнюдь не служанка. Ты гостишь у нас на правах юного друга нашего семейства. Словом, ты – наш гость. Вот и все! Обязательно расскажу об этом нашем с тобой разговоре Берти. Вот уж он повеселится от души. Однако до поры до времени, пока не будет готов

соответствующий гардероб, придется тебе посидеть вместе с детьми на верхних этажах. Заодно и познакомишься с ними поближе. Соня – очень милая девочка, а что же до Вайолет... то... – Миссис Кеппел тяжело вздохнула. – То, я думаю, ей тоже не помешает компания более взрослой девушки, чем она сама. У нее сейчас очень сложный период. Одно слово, переходный возраст.

– Я постараюсь помочь обеим вашим девочкам, миссис Кеппел. Всем, чем смогу.

– Спасибо, милая. А сейчас мне пора переодеваться. Я жду гостей к ланчу.

Флора покинула гостиную мисс Кеппел в полнейшей растерянности. С какой стати эта женщина тратит свое время и свои деньги *на нее*? Ведь она ехала сюда в твердой уверенности, что ее берут на должность гувернантки или кого-то подобного. А сейчас она и понятия не имела, какое положение ей уготовано в этом доме.

Впрочем, из того немногого, что ей уже удалось увидеть, она поняла, что и сам этот дом не вполне обычен. Да и миссис Кеппел тоже очень необычная женщина.

Флора воспользовалась приглашением няни и отобедала вместе с ней, Мойзель и Соней в комнате для игр. Соня, обрадовавшись появлению нового человека за столом, болтала без умолку.

– Мойзель сказала, что вы будете обучать меня рисованию, да? И про цветы будете рассказывать.

– Да. С удовольствием расскажу, если только нам удастся выкроить для этого свободную минутку.

– Вы уж постарайтесь, пожалуйста! – прошептала ей Соня, пока мадемуазель отлучилась от стола, чтобы забрать с тележки свою порцию пудинга. – Терпеть не могу эту Мойзель! И ее уроки тоже ненавижу!

– Обещаю, постараюсь что-нибудь придумать, – так же шепотом заверила девочку Флора.

– У вас есть сестра, мисс Макникол?

– Да.

– И вы ее любите?

– Очень. Я ее просто обожаю.

– А вот даже няня говорит, что Вайолет у нас большая задавака. И со мной она часто ведет себя грубо.

– Бывает, что некоторые девочки держатся со своими младшими сестрами чересчур покровительственно, что ли. Но все равно, в глубине души они их очень любят.

Соня уже открыла рот, чтобы высказать свое мнение по этому поводу, но, заметив, что Мойзель снова возвращается к столу, лишь сказала вдруг не по-детски серьезным тоном:

– Я тоже буду стараться из всех сил, чтобы полюбить свою сестру еще больше.

После ланча няня забрала Соню, чтобы умыть ее, причесать и переодеть, а потом везти на урок танцев. А Флора снова вернулась в свою комнату и стала читать. Однако в комнате было душно, и ей не хватало свежего воздуха. Тогда она подхватила Пантеру на руки и поспешила вниз, чтобы выйти во двор и глотнуть хоть немного воздуха. Да и Пантера за это время переделает все свои дела.

На первом этаже, когда она уже почти приготовилась, чтобы открыть дверь черного входа, за которой виднелось некое подобие двора, и выйти на улицу, ее вдруг схватил за руку дворецкий мистер Ролф.

– Куда это вы собрались, мисс Макникол?

Флора сбивчиво объяснила, куда и зачем она держит путь. Дворецкий слушал ее вполуха. Он явно был чем-то взбудоражен и все время поглядывал на каретные часы, стоявшие на приставном столике возле стены.

– Я сейчас позову Пегги, чтобы она забрала вашего котенка и вынесла бы его на улицу, а потом принесла обратно к вам.

– Да мне и самой хочется побыть немного на свежем воздухе.

– Пока это невозможно, мисс Макникол. К миссис Кеппел должен с минуты на минуту приехать гость на чай.

После чего мистер Ролф вызвал Пегги. Та уже через несколько секунд появилась перед ними и тут же забрала Пантеру из рук Флоры.

– Не волнуйтесь, мисс. Я за ним присмотрю не хуже вашего. Я тоже люблю котят, очень-очень.

Горничная убежала, унося с собой котенка, а мистер Ролф лично сопроводил Флору обратно к парадной лестнице, все время бросая выжидательные взгляды на входную дверь. Когда Флора уже поднималась по лестнице, она услышала, как возле их дома остановилась карета.

– Это он, Джонсон. Ступай, открой ему дверь, – приказал дворецкий лакею, и тот опрометью бросился к дверям.

Флоре очень хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на того таинственного гостя миссис Кеппел, приезд которого сопровождается такой суетой в доме, но она боялась послушаться строгого дворецкого, а потому заторопилась наверх. Прошла мимо утренней гостиной миссис Кеппел, откуда на нее пахнуло сильным цветочным запахом. Поднялась этажом выше и там свесилась через перила. Расслышала мужской голос, чьи-то тяжелые шаги по лестнице. Потом послышался хриплый затяжной кашель, запахло дымом крепких сигар. Флора перегнулась еще ниже, чтобы хотя бы мельком увидеть того человека, но в этот момент кто-то схватил ее за плечо и оттащил от перил.

– В этом доме, мисс Макникол, нельзя подглядывать за тем, что делается внизу, – попеняла ей няня, явно забавляясь ее детским любопытством.

Но вот внизу хлопнула дверь, шаги моментально стихли.

– В это время дня миссис Кеппел всегда очень занята, и ее нельзя беспокоить. Понятно?

– Да, – растерянно промямлила в ответ Флора, моментально покрывшись краской стыда.

И тут же снова поспешно ретировалась к себе в спальню.

Двумя неделями позже Барни, личная камеристка миссис Кеппел, туго затягивала на Флоре корсет на пластинках из китового уса, велев ей выдохнуть еще раз. Сейчас она переломает мне все ребра, испугалась Флора. Куда уж туже?

– Ну, вот наконец-то, – удовлетворенно хмыкнула служанка.

– Но я не могу даже вдохнуть, – пожаловалась ей Флора.

– И не надо! Дамам это не положено, – флегматично отреагировала Барни. – Зато взгляните на себя. – Она махнула рукой на зеркало. – Сейчас у вас обозначилась талия. А к корсету вы со временем привыкнете, мисс Макникол. Все дамы привыкают. Ваш пока еще новый, а потому немного жестковат. Но разносится, и все будет нормально.

– Я даже шага не могу сделать, – пробормотала Флора, когда Барни, подхватив со стула пенообразную грудку из шелка холодного голубого цвета, поманила ее к себе, чтобы та вступила в самую середину этой пены.

– Миссис Кеппел права, – одобрительно буркнула Барни, натягивая на нее наряд. – Этот цвет удивительно вам к лицу. Впрочем, миссис Кеппел всегда права. И во всем. Имейте это в виду, – добавила она и начала застегивать на спине Флоры крохотные жемчужные пуговицы.

– Да, – немедленно и чистосердечно согласилась с ней Флора. В самом деле, если она Золушка, то миссис Кеппел наверняка и есть та самая волшебная фея из сказки, но только проживающая по вполне определенному адресу: Портман-сквер, дом 30. Эту женщину обожают все, начиная от судомойки, подвизающейся в подсобке, и кончая богато разодетыми гостями, которые почти каждый вечер заполняют их огромный дом. Вокруг нее сразу же каким-то волшебным образом распространялись покой и тишина. Она никогда не повышает голос. Одного слова миссис Кеппел достаточно для того, чтобы получить все, что ей нужно.

– Она похожа на королеву, – поделилась Флора своими впечатлениями с няней после того, как на прошлой неделе вернулась с

широко распахнутыми глазами домой после похода по магазинам вместе с миссис Кеппел и ее дочерями. Они посетили, в том числе, и магазин игрушек Моррелла, персонал которого ловил буквально каждое слово миссис Кеппел, с поклоном выполняя все ее требования.

Обычно сдержанная на проявление эмоций, няня при этих словах Флоры вдруг расхохоталась и воскликнула:

– Да она и есть самая настоящая королева! Кто бы в этом сомневался?

Постепенно Флора стала привыкать к тому режиму, по которому жили в этом доме, и к тем людям, которые здесь всем заправляли. Вся обслуга, занятая в особняке, своими манерами и поведением очень напоминала свою хозяйку: такие же все улыбчивые и очаровательные. Судя по всему, слуги воспринимают свою работу в доме миссис Кеппел как огромную честь. Мистер Ролф и повариха миссис Стейси заправляют всем персоналом. Экономка мисс Драппер и камеристка Барни занимают несколько привилегированное положение. Именно они, кстати, всегда занимаются обустройством и подготовкой покоев миссис Кеппел к приему важного гостя. Часами там чистят, моют, скребут, наводят блеск на все вокруг, постоянно меняют цветы в вазах и прочее.

Мужа миссис Кеппел, которого слуги звали между собой просто «мистер Георг», Флора видела всего лишь пару раз: этакий добрый великан с таким же хорошим, добрым лицом и мягким голосом. Он ей сразу же понравился. Каждый вечер Соня бежала в покои отца и, согнувшись калачиком на его коленях, часами просиживала в гостиной, пока он читал ей вслух про всякие увлекательные приключения, которые она потом с удовольствием пересказывала другим.

Минувшие две недели Флора почти безвылазно провела в детской, стараясь изо всех сил хоть чем-то помочь няне и мадемуазель Мойзель. Да и так просто, чтобы хоть как-то занять саму себя. Вечерами Флора вместе с детьми устраивалась возле камина в комнате для игр, все трое лакомились сдобными булочками, а она в это время рассказывала девочкам всякие истории из своего детства в Эствейт-Холл. Вайолет, правда, демонстрировала всем своим видом полное отсутствие интереса к ее рассказам, нарочито уткнувшись головой в тетрадь, – якобы что-то писала там, хотя по большей части просто грызла кончик

ручки, но Флора видела, что на самом деле девочка тоже слушает ее, и слушает очень внимательно.

– Вы сами управляли двуколкой, впряженной в пони? – совершенно искренне удивилась она, когда Флора стала рассказывать сестрам о своей любимице Майле.

– Без извозчика?! А где же была няня? Или хотя бы какой-нибудь слуга?

– Никого. Я была одна.

– Ах, как бы я хотела тоже иметь такую же свободу, – выдохнула Вайолет, забыв на секунду о своем показном равнодушии к историям Флоры, но уже в следующее мгновение снова уткнулась носом в тетрадь.

Да, тогда у нее действительно ничего и никого не было, подумала Флора. Зато сейчас, вернувшись она в день сегодняшней, ей одних одежек накупили столько, что можно с легкостью облачить в ее наряды весь королевский двор. Оставалось лишь надеяться, что со временем миссис Кеппел даже разрешит ей выходить из дома и прогуливаться по парку, который всего лишь в двух шагах от них, прямо через дорогу. А может быть, в один прекрасный день ей даже позволят самостоятельно побродить по Лондону. Пока же она, как и ее Пантера, чувствовала себя таким зверем в клетке.

– А сейчас я займусь вашей прической, – вмешалась в ход ее мыслей Барни.

– Спасибо.

Флора уселась перед трельяжем, и Барни принялась расчесывать ее длинные густые волосы расческой в массивной серебряной оправе.

Если с общим укладом в доме Флора более или менее разобралась, то все же одна тайна этого жилища по-прежнему не давала ей покоя. Кто же этот таинственный гость, которого миссис Кеппел регулярно потчует чаем в своих апартаментах? Видно, очень важная персона, ибо уже даже в ожидании его прибытия вся прислуга, можно сказать, стоит на ушах. Первый знак, точнее, звук, возвещавший о предстоящем визите гостя и будивший Флору ровно в семь утра, – позвякивание латунных прутьев на лестнице, на которые наводили блеск Мейбел и Кейт, полируя металл до остервенения. Начинали с верхних этажей и заканчивали парадной лестницей вниз. В полдень в доме появлялся флорист, и все парадные залы тут же

начинали благоухать только что распустившимися розами. После ланча Барни надолго исчезала в будуаре миссис Кеппел. Помогала хозяйке привести себя в должный вид перед встречей гостя.

Но стоило этому самому гостю появиться на пороге, как вся прислуга тут же разбегалась по углам, и на дом опускалась звенящая тишина, нарушаемая лишь хриплым кашлем и тяжелыми шагами на лестнице, по которой поднимался гость, оставляя после себя тяжелый запах табачного дыма. Иногда на чаепитие приглашали и девочек. И тогда, Вайолет и Соня, облаченные в свои самые нарядные платья, ровно в шесть вечера спускались вниз в парадную гостиную миссис Кеппел.

Такое впечатление, что с отъездом важного гостя, а уезжал он в огромной и роскошной карете – в этом Флора убедилась самолично, разглядев из окна своей спальни верх этой самой кареты, так вот, с отбытием визитера восвояси, весь дом, казалось, переводил дух, и жизнь тотчас же возвращалась в свое привычное русло. Флоре очень хотелось расспросить девочек об этой важной персоне, с которой их мать встречалась за плотно закрытыми дверями, но она боялась показаться бестактной в своем любопытстве.

– Ну вот, мисс Флора. Взгляните сами. Нравится? – Барни отступила на шаг, чтобы полюбоваться результатом своих усилий.

Флора молча рассматривала свою прическу. Барни удалось совладать с ее непослушными волосами, пустив в ход гребни и множество заколок. Вот только устоят ли они против натиска ее непокорной гривы хотя бы десять минут? В этом Флора сильно сомневалась. И все же, взглянув на себя в зеркало, она невольно поразилась тем переменам в самой себе, которые сотворили с ней красивая прическа и нарядное платье.

– А я... смотрюсь совсем по-другому, – проговорила она немного озадаченно.

– Вы выглядите самой настоящей красавицей, мисс, – улыбнулась в ответ Барни. – Вот сейчас вы полностью готовы к тому, чтобы спуститься вниз. Но вначале миссис Кеппел желает видеть вас в своей маленькой гостиной.

Флора поднялась со стула. Тесный корсет и турнюр сзади несколько сковывали ее движения. Она с трудом доковыляла до двери.

– Спасибо вам, Барни, – поблагодарила она камеристку миссис Кеппел и вышла на лестничную площадку. И почти одновременно с ней там появилась Соня в сопровождении няни.

– Вот это да! – воскликнула девочка, пустив в ход свое любимое междометие, которое она позаимствовала у горничной Мейбел. Та однажды этим восклицанием встретила огромного черного паука, выползшего из корзины для угля. – А вы выглядите очень красиво, Флора. Я вас сразу даже не узнала.

– Спасибо, – поблагодарила ее Флора и, коротко усмехнувшись, опустила перед Соней в неловком реверансе.

– А куда это вы собрались?

– У вашей мамы сегодня салон, и она пригласила меня присоединиться к ее гостям.

– О, это значит, что соберется много всяких дам. Они будут пить чай с пирожными и разговаривать. Я права, няня?

– Абсолютно права, золотце мое.

– Это же такая скукотень, Флора! Пошли лучше с нами в парк. Послушаем там шарманщика, погладим его обезьянку, а потом будем лакомиться мороженым.

– Я бы очень хотела, но не могу, – прошептала Флора Соне на ухо и направилась в маленькую гостиную миссис Кеппел.

При виде Флоры по лицу миссис Кеппел разлилось нескрываемое удовлетворение.

– Боже мой, Флора! Да ты самая что ни на есть утонченная юная леди. Идем же, я познакомлю тебя сейчас со своими гостями. – Она подала ей свою руку, и они вместе стали спускаться вниз по лестнице. – Кстати, у меня для тебя небольшой сюрприз. Твоя сестра тоже будет у меня этим вечером.

– Аурелия?! Как замечательно! А я и не знала, что она снова в Лондоне.

– Да. Думаю, она немного устала ждать того, что, судя по всему, пока так и не случилось в Кенте. – Миссис Кеппел слегка понизила голос, когда они приблизились к большой парадной гостиной. – Кстати, она попросила моего разрешения привести с собой эту занудливую особу, свою приятельницу, мисс Элизабет Воган. Говорят, она уже помолвлена с каким-то чайным плантатором и в скором

будущем, сразу же после свадьбы, уедет вместе с мужем на Цейлон. Ты тоже находишь ее скучной, Флора?

– Я... я слишком плохо знаю Элизабет, чтобы судить о ее характере. Но мне она показалась весьма милой девушкой.

– О, ты очень дипломатична... и осторожна в своих оценках. Что ж, в Лондоне тебе эти качества очень пригодятся, – сказала миссис Кеппел одобрительным тоном. Часы пробили ровно три часа дня. Очередная карета остановилась снаружи. – А сейчас идем и продемонстрируем и твоей сестре, и всему Лондону, как ты преобразилась и буквально расцвела за последние недели.

* * *

– Неужели это ты, Флора? – воскликнула изумленная Аурелия, входя в гостиную и обнимая сестру. – Ты выглядишь... очень красиво! И платье у тебя... – Сестра обвела Флору оценивающим взглядом. От ее внимания не ускользнула ни одна мелочь: дорогие кружева на воротничке и манжетах, изысканная вышивка на юбке. – Великолепный наряд! – Аурелия придвинулась к сестре поближе и прошептала ей на ухо: – Вот и у тебя, моя дорогая Флора, судя по всему, нашелся богатый покровитель. Миссис Кеппел, как никто, подходит на эту роль. К тому же она одна из самых влиятельных дам в Лондоне.

Потом Флора поздоровалась с Элизабет, которая тут же сунула ей под нос массивный перстень с огромным сапфиром, который подарил ей жених по случаю помолвки. После чего увлекла сестру в сторону. Ей хотелось поговорить с Аурелией наедине.

– Миссис Кеппел действительно очень добра ко мне, – проронила она, подводя Аурелию к кушетке в дальнем углу комнаты. – Присаживайся! Хочу услышать от тебя во всех подробностях, как ты провела лето.

– О, тогда мне, пожалуй, придется остаться у вас и на ужин, и даже на завтрак, – невесело пошутила Аурелия и тяжело вздохнула. Какое-то время сестры молча наблюдали за тем, как миссис Кеппел встречает своих гостей, одаривая каждую вновь прибывшую даму вниманием и теплом по-настоящему радушной хозяйки. – Если бы

мамочка могла сейчас увидеть нас с тобой здесь, среди самых избранных дам Лондона! Представляю, как она была бы счастлива. И как гордилась бы нами...

– Знаешь, если не считать одного раза, что я ходила вместе с миссис Кеппел по магазинам, это, можно сказать, мой первый выход в люди. Миссис Кеппел не хотела, чтобы я показывалась где-то, пока не будет полностью готов мой гардероб.

– И я совсем не удивляюсь этому. Ведь у нее самый фешенебельный салон в Лондоне.

– Сказать честно, я немного сбита с толку всем тем, что случилось со мной за последние несколько недель. Ведь я была абсолютно уверена в том, что еду сюда на правах наставницы для девочек. Но, судя по всему, у миссис Кеппел другие планы на мой счет.

– Если она вознамерилась сделать тебя своей протеже и поспособствовать тому, чтобы ввести тебя в высшее общество, то о лучшем варианте и мечтать не приходится. Впрочем, тебе, наверное, известно, что есть и другие мнения на сей счет. И двери некоторых домов перед ней закрыты. Уверена, живя с ней под одной крышей, ты уже в курсе того...

– Флора, моя дорогая девочка! – послышалось радостное восклицание, и перед ними возникла тетя Шарлотта. Флора поднялась с кушетки и уже приготовилась сделать тете вежливый книксен, но ее новый наряд с турнюром не позволил ей совершить сей акт.

– Как поживаете, тетя Шарлотта?

– Устала, конечно. Сезон был таким долгим. А вот ты, моя дорогая, выглядишь просто превосходно. Божественно! Лондон должен подойти тебе по всем статьям.

– Я еще только-только начинаю здесь осваиваться, тетя.

– Это такое чудо, что миссис Кеппел согласилась стать твоей покровительницей. Хотя, с другой стороны, лично я вполне понимаю, почему она это сделала. Ты обязательно должна навеститься к нам в гости на Гросвенор-сквер, и уже в ближайшее же время. Дорогая Аурелия так скрашивает наш дом своим присутствием. Мне будет очень ее не хватать, когда она вернется к своим дорогим отцу и маме. А сейчас прошу простить меня, но мне надо срочно переговорить с леди Эйлингтон по поводу одной благотворительной акции для маленьких сирот.

– Так ты возвращаешься в Шотландию? – удивилась Флора, снова повернувшись к сестре.

– Да.

Глаза Аурелии внезапно затуманились.

– Но ведь я уверена, что вокруг тебя кружили толпы поклонников, добивавшихся твоей руки и сердца.

– Поклонники были, это правда. Но, боюсь, я повела себя немного опрометчиво и многим дала, как говорится, от ворот поворот. Вот они и разбежались в разные стороны, перекинулись на других дебютанток. Стали искать свое счастье в иных местах. Тот виконт из Беркшира, помнишь, я тебе о нем писала? Так вот, уже объявлено о его помолвке с одной из моих подруг. Об этом на неделе даже «Таймс» сообщила.

– Неужели никто так и не похитил твоего сердца?

– Почему же? Такой человек есть. Но в этом-то вся и проблема, если честно.

– Что ты имеешь в виду? – спросила у Аурелии Флора с замиранием сердца, хотя сразу же все поняла.

– Видишь ли, когда меня пригласили погостить в имение Воганов Хай-Уилд, я надеялась... то есть я даже почти не сомневалась в том, что Арчи сделает мне предложение. Он был в июле на охоте вместе с папой, и я в курсе того, что у них там... состоялся разговор по этому поводу. Потому все другие предложения я отвергла, решив, что раз меня пригласили в Кент, значит, Арчи уже готов сделать мне предложение. Но... но что-то пошло не так. Я прожила с ним под одной крышей целый месяц, и все это время он старательно избегал меня. Я его видела только мельком, главным образом, за столом во время трапезы. А я... Ах, боже мой! – Аурелия закусила губу, боясь расплакаться. – А я так его люблю, Флора.

Флора выслушала монолог сестры, охваченная самыми противоречивыми чувствами. Предательница, укорила она себя. Но в глубине души вдруг почувствовала невыразимое облегчение от того, что помолвка так и не состоялась. С другой стороны, ее тут же стало снедать раскаяние. Ведь она хорошо понимала, что это по ее вине Аурелия сейчас так несчастна.

– Я... – начала она и запнулась. – Может, он просто ждет какой подходящий момент, а?

– Милая Флора! Ты, как всегда, сама доброта. Спасибо тебе за участие, за то, что пытаешься хоть как-то утешить меня. Но какой такой момент ему еще нужен? Если бы он только захотел, у него была тьма этих моментов. Его мать постоянно упрашивала его, уговаривала, чтобы он сводил меня на прогулку в свой сад... А сады у них, надо сказать, действительно великолепные. Я таких красивых садов еще не видела в своей жизни. И вот мы идем с ним на прогулку, а он всю дорогу толкует мне о каких-то там растениях, которыми он хочет пополнить свою коллекцию. Я даже их названий не знаю! А потом мы возвращаемся домой, и он тут же исчезает в своей драгоценной оранжерее, а потом... – Аурелия снова стала кусать губы. – Словом, в конце концов я решила вернуться в Лондон.

– Может, хоть сейчас он осознает, что начинает терять тебя, и бросится вслед за тобой, как думаешь? – предложила Флора наобум. Хотя только сейчас до нее дошел весь полный смысл того, о чем писал ей Арчи в своем письме. Ужасный смысл!

– Нет! Ждать я его больше не стану. Я и так уже злоупотребила гостеприимством тети Шарлотты сверх всякой меры. Надо возвращаться домой.

– Ах, Аурелия! Мне так жаль тебя... так жаль... но, может, этот Арчи вообще не создан для брака?

– Едва ли. Ведь одна из причин, по которой папа решился на продажу Эствейт-Холл, это дать мне приличное приданое и тем самым помочь семейству Воганов привести в порядок Хай-Уилд, который должен был стать моим фамильным домом. Ведь ты же знаешь, что леди Воган – близкая подруга нашей мамы. Они дружны с детства. – Заметив стоявшую неподалеку Элизабет, Аурелия заговорила еще тише. – Они-то все и спланировали, а папа уже потом обсуждал все эти дела с Арчи в Шотландии.

– Понятно, – промолвила Флора ровным голосом. Ей действительно стало *все понятно*.

– Зато сейчас у меня нет иного выбора, как только упаковать свои вещи и отбыть в Шотландию. Ну, не ирония ли это судьбы, а? – Аурелия мрачно улыбнулась. – Я возвращаюсь домой ни с чем, а ты остаешься в Лондоне под патронажем миссис Кеппел. Не то чтобы я тебе завидую или держу обиду... Конечно же, ничего подобного, дорогая Флора.

– Аурелия, поверь и ты мне. Я была буквально убита горем, когда мама сообщила мне о том, что мы должны покинуть Эствейт-Холл. Ты же знаешь, как я любила наш дом. Всем сердцем, каждой клеточкой своего тела... Я бы отдала все на свете за то, чтобы снова вернуться туда.

– Знаю, моя дорогая сестра, знаю, – промолвила Аурелия, беря Флору за руку. – Прости меня за то, что нагнала на тебя тоску. Но мне ведь и поделиться больше не с кем, кроме тебя.

– Но если между Арчи и папой существует договоренность, – нахмурилась вдруг Флора, – то, конечно же, он обязан повести себя как человек чести.

– Что мне с того? Даже если он наконец соизволит сделать мне предложение, то я уже сама не хочу больше за него замуж. Сама подумай, в начале сезона он буквально осыпал меня знаками внимания. А когда я приехала в Кент, то даже не смотрел в мою сторону. Я нутром чувствую, что у него кто-то есть. Другая женщина похитила его сердце. Но хоть убей меня, не могу догадаться кто.

Аурелия снова издала тяжелый вздох, а Флора в этот момент желала лишь одного. Чтобы сейчас под ней разверзлась земля и поглотила ее вместе с ее вероломным сердцем. И с Арчи Воганом в придачу.

– Однако, дорогая Флора, хватит о моих проблемах. Поговорим лучше о тебе. Расскажи мне, как тебе здесь живется.

Флора принялась самым подробным образом рассказывать сестре о дочерях миссис Кеппел – Вайолет и Соне, о своем распорядке дня, о занятиях с девочками. Однако собственное предательство по отношению к сестре, пусть и не преднамеренное, пусть и не злоумышленное, жгло ее душу раскаленным железом и мешало сосредоточиться на мыслях о своей нынешней жизни. А потому она искренне обрадовалась, когда к ним подошла миссис Кеппел и объявила им обеим, что хочет познакомить Флору со своими подругами.

– Они все уже просто сторают от нетерпения познакомиться с новой и самой красивой обительницей моего дома, – добавила миссис Кеппел с улыбкой, беря Флору под локоток. После чего провела ее по всей комнате с таким видом, будто демонстрировала всем окружающим свой личный трофей. И действительно, многие дамы

были очень рады познакомиться с ней. Время от времени Флора бросала украдкой взгляды на кушетку, где сидела Аурелия. Вид у нее был по-прежнему удрученный, она о чем-то разговаривала с дамой в черном, присевшей рядом, судя по всему, такой же одинокой и никому не нужной в этой гостиной, как и сама Аурелия.

Но вот гости стали расходиться. Флора поспешно извинилась перед графиней Торби, которая настоятельно приглашала ее на свое суаре, которое должно состояться в ближайшем будущем. Ей хотелось попрощаться с сестрой отдельно.

– Для нас будет играть сама Кавалерственная дама Нелли Мелба. Она только что вернулась после своего гастрольного тура по Австралии. И представляете, моя дорогая, сразу же напрямик в Кенвуд-Хаус, – продолжила графиня, обращаясь не только к Флоре, но и к дамам, восторженным кругом сомкнувшимся вокруг девушки.

Подошла Аурелия. Одарила поцелуем на прощание.

– Так когда же ты уезжаешь в Шотландию?

– Думаю, в конце этой недели. Чем скорее, тем лучше, – ответила сестра со вздохом. – Лондон не очень-то благоволит к неудачникам.

– Ты перед отъездом еще наведишь меня?

– Обязательно. И, пожалуйста, не переживай за меня. Вдруг в горах Шотландии я встречу какого-нибудь помещика из местных и стану хозяйкой его красивого дома, кто знает? – Аурелия выдавила из себя слабую улыбку. – В любом случае для меня пришло время окончательно забыть имя Арчи Вогана. Прощай, моя дорогая сестра.

Когда все гости разошлись, а в гостиной остались только Мейбел и лакей, которые занимались тем, что собирали посуду – пустые чашки и тарелки с нетронутыми деликатесами, миссис Кеппел подвела Флору к камину и усадила в кресло, а сама уселась напротив нее.

– Итак, Флора, полагаю, что твое первое явление высшему свету Лондона имело просто грандиозный успех. Вскоре тебя завалят приглашениями на многие недели вперед. Ведь уже прямо сегодня ты получила сразу несколько таких приглашений. Все дамы, присутствовавшие у меня сегодня в гостях, в один голос твердили, что ты само очарование.

– Спасибо. Но боюсь, такая чрезмерная загруженность визитами помешает нашим занятиям с девочками.

– Моя дорогая Флора, неужели ты до сих пор не поняла, что занятия с моими дочерьми – это всего лишь предлог, удобный предлог для того, чтобы твоя мать позволила тебе приехать в Лондон и поселиться под одной крышей со мной? Конечно, учитывая тот факт, что я до той поры ни разу не встречалась с тобой, мне, естественно, нужен был какой-то запасной вариант на тот случай, если ты... покажешься... скажем так, не совсем подходящей на ту роль, которую я тебе уготовила. Но когда я тебя увидела... такую образованную, очаровательную, элегантную девушку, все мои сомнения отпали разом. Итак, после сегодняшнего салона у нас с тобой на этой неделе еще один званый ужин, а дальше... *приватное чаепитие*. После которого, уверена, в Лондоне не найдется ни одного приличного дома, хозяева которого не пожелали бы заполучить тебя в качестве своей гостьи. Отныне ты у нас сенсация номер один!

Флора растерянно взглянула на свою необычную собеседницу. Что за удивительная женщина эта миссис Кеппел!

– Миссис Кеппел, – начала она немного смущенно, – но объясните мне, пожалуйста... Сама я ничего не понимаю... почему вы думаете, что все в Лондоне захотят пригласить меня к себе? Ведь я даже не была представлена ко двору.

– Разве ты не понимаешь, что именно это обстоятельство и придает тебе еще больше таинственности? Делает тебя еще более интересной, что ли...

– Нет, не понимаю, – честно призналась в ответ Флора. – Не подумайте, что я какая-то неблагодарная особа, но, по правде говоря, все происходящее вокруг меня кажется мне... немного странным. Ведь, живя в Эствейт-Холл, я уже вполне смирилась со своим будущим уделом, и вдруг все в одночасье так резко и стремительно переменялось.

– Моя дорогая, я понимаю тебя, как никто. Когда-нибудь, в один прекрасный день, ты получишь ответы на все свои вопросы, но я не считаю себя вправе делать это прямо сейчас. Об одном прошу тебя: просто доверься мне, и все. Я не сделаю тебе ничего плохого, обещаю. Никогда! Знаешь, ведь между нами очень много общего, хотя ты и не подозреваешь об этом.

Флора, так ничего и не поняв, вынуждена была молча согласиться со своей покровительницей.

Ночью, после того как она осторожно улеглась в постель, испытывая невыразимое облегчение во всем теле от того, что с нее наконец сняли корсет, она долго лежала без сна. А перед этим внимательно разглядывала кровоподтеки на своих ребрах, которые оставили на спине пластинки из китового уса, и невольно удивлялась, как могут все эти дамы, которых она увидела сегодня в гостиной миссис Кеппел, изо дня в день подвергать себя таким ужасным телесным пыткам.

Пантера попыталась прыгнуть ей на грудь, но Флора тут же сняла кошечку и принялась гладить ее.

– Чувствую, что я вполне заслужила все эти синяки на своем теле за то, что натворила. Тут одно из двух. Либо Арчи и в самом деле прохвост и проходимец, каким он мне и показался поначалу, который без зазрения совести лгал нам обеим, либо я права в своей догадке, которую высказала в разговоре с Аурелией, и он из категории мужчин, не созданных для брака, – промолвила она вслух, поглаживая бархатистые ушки котенка. – Зато я сама сегодня очень похожа на Алису, свалившуюся в нору Кролика. Что ж, моя дорогая Пантера, придется тебе на время стать Чеширским котом. И все же главный вопрос остается без ответа. Пока... Почему, зачем и как мы с тобой оказались в этом доме, а?

Но Пантера лишь блаженно замурлыкала в ответ.

– Мисс Флора, немедленно спуститесь вниз в малую гостиную миссис Кеппел.

– Зачем?

– К вам гость.

– Правда? Кто? Моя сестра?

– Нет, это джентльмен.

– Как его зовут?

– Простите меня, мисс Флора, но этого я не знаю.

Флора поспешила за Пегги вниз, придерживая свои тяжелые шерстяные юбки, чтобы ненароком не наступить на них и не зацепиться за ступеньку. Она вошла в гостиную и увидела миссис Кеппел, стоящую возле камина. Рядом с ней стоял Арчи Воган.

– Флора, дорогая, лорд Воган столь любезен... вот заехал, чтобы проведать нас, а заодно и поинтересоваться, как ты обустроилась на новом месте и хорошо ли тебе с нами. Я постаралась убедить его, по мере своих сил, что никто здесь не держит тебя под замком, не кормитдохлыми мышами и не поит протухшей водой, но он категорически настаивает на том, чтобы убедиться в этом лично. Вот вам, лорд Воган, и Флора собственной персоной.

Из всех определений, которые могла бы дать Флора этому неожиданному появлению Арчи в доме миссис Кеппел, меньше всего подходило определение «долгожданная встреча».

– Добрый день, мисс Макникол.

– Добрый день, лорд Воган.

– Вы выглядите потрясающе... хорошо.

– Спасибо, я пребываю в добром здравии. А вы?

– Да, я тоже. Уже вполне оправился после болезни.

Флора упорно не желала встречаться с ним взглядом. Тогда миссис Кеппел, как истинная фея из доброй сказки, попыталась немного разрядить обстановку, нарушив неловко повисшее молчание:

– Может, глоточек шерри, Флора? Убеждена, что шерри способен прогнать прочь любую хворь.

– Спасибо, – поблагодарила Флора, беря протянутый ей бокал. Все трое чокнулись, сами не вполне понимая, за что пьют.

– Вижу, миссис Кеппел, ваша коллекция ювелирных изделий Фаберже растет и множится. Вот это, к примеру, чудесное яйцо, – вежливо проронил Арчи, кивнув на небольшое пасхальное яйцо, украшенное драгоценными камнями, которое стояло на столе.

– Как мило с вашей стороны, лорд Воган, что вы обратили на него внимание, – прощепетала в ответ миссис Кеппел. – А сейчас прошу простить меня. Мне еще надо согласовать меню на завтрашний ужин. Да и флорист должен прибыть сюда с минуты на минуту. Передайте мой самый сердечный привет вашей матушке, лорд Воган.

– Обязательно передам.

Миссис Кеппел выплыла из комнаты, но прежде чем покинуть гостиную, она бросила многозначительный взгляд на Флору.

Они с Арчи остались вдвоем в комнате. Флора старалась смотреть куда угодно, но только не на Арчи. Но при этом чувствовала, что он не сводит с нее глаз. Помимо неловкости всей ситуации, отчаянно жали новые туфли, да и корсет тоже больно давил на грудь. В конце концов она сдалась.

– Присаживайтесь, – предложила она Арчи и сама с радостью плюхнулась в кресло возле камина, рукой указав ему на противоположное кресло. Потом сделала глоток шерри, от которого тепло сразу же разлилось по всему телу, и приготовилась ждать, когда он заговорит первым.

– Простите меня, мисс Макникол... можно, я буду называть вас Флорой?

– Нет, нельзя! Ни в коем случае...

Арчи нервно сглотнул слюну.

– Видите ли... Я должен объясниться... Вы не понимаете...

– Ошибаетесь, лорд Воган. Лишь вчера я виделась со своей сестрой. А потому я все понимаю прекрасно.

– Ясно. Могу я поинтересоваться, что именно она вам сообщила?

– Что вы договорились с моим отцом о продаже Эствейт-Холл. А вырученные деньги должны были пойти на приданое Аурелии с тем, чтобы впоследствии, уже после вашей женитьбы на ней, их можно было вложить в имение Хай-Уилд, катастрофически нуждающееся в финансовых вливаниях.

Арчи отвел глаза в сторону.

– Да, именно так все и обстоит на самом деле.

– Все, за исключением одного, лорд Воган. Сестра сказала мне, что несмотря на то, что у вас было сто тысяч возможностей сделать ей предложение, пока она гостила у вас в имении, вы так и не сделали этого. Между тем Аурелия отвергла многих достойных соискателей на ее руку и сердце и сейчас оказалась просто в безвыходном положении. Единственное, что ей остается, это вернуться в новый родительский дом в Шотландском нагорье. Их недавний переезд туда обусловлен исключительно тем, что они уже успели продать Эствейт-Холл... И все ради того, чтобы хоть как-то обеспечить ваше совместное будущее с моей сестрой. Я права?

– Да, – ответил Арчи после долгой паузы.

– Тогда позвольте поинтересоваться у вас, лорд Воган, что вы сейчас делаете в гостиной миссис Кеппел? И почему так добивались встречи со мной? Когда вам следует бежать отсюда со всех ног, чтобы успеть задержать мою сестру... Не дать ей вернуться домой, где ее ждет одиночество, унылое и серое существование, на которое вы же ее и обрели.

– Флора! Ради бога! Твои слова ранят сильнее пуль. Так и человека можно убить, в случае чего... Никогда раньше не пытались излить их на бумаге?

– Я сейчас не в том настроении, лорд Воган, чтобы выслушивать ваши колкости. И еще раз прошу вас самым убедительным образом. Пожалуйста, не называйте меня Флорой.

– Понимаю! Особенно сейчас, глядя на то, как вы изысканно одеты, как замечательно выглядите...

– Все! *С меня хватит!* – Флора поднялась с кресла, ее трясло от ярости. – Может, вы все же соизволите объяснить мне, почему играли со мной и с моей сестрой так, как обычно забавляется моя Пантера с пойманной мышкой? Но главное – почему вы втянули в эту переделку отца? Продать дом, который принадлежал нашей семье на протяжении пяти поколений...

– А сами вы не догадываетесь?

– Пытаюсь, лорд Воган, но пока получается плохо.

– Тогда позвольте мне сообщить вам кое-что такое, чего вы точно *не знаете*. – Арчи поднялся с кресла и стал мерить комнату нервными

шагами. Задержался лишь возле столика с напитками, чтобы освежить свой бокал с шерри.

– Когда я впервые увидел вашу сестру, то решил про себя: а не все ли мне равно на ком жениться, в конце концов? Мама уже явила моему взору целую вереницу потенциальных невест. Думаю, вы наслышаны о моей репутации повесы, и я не стану отрицать сего факта. За минувшие годы у меня было достаточно много романтических историй с дамами. В свое оправдание скажу лишь одно: все мои романы были продиктованы не столько жадой самоутвердиться, сколько самым искренним желанием найти ту единственную, которая навсегда покорит мое сердце. Вы, наверное, мисс Макникол, полагаете, как, впрочем, и большинство женщин, что мужчины, в отличие от них, вовсе не заняты поисками вечной любви. И ошибаетесь, глубоко ошибаетесь. В частности, в моем случае. Не забывайте, я тоже читал романы Диккенса, Джейн Остин, Флобера... И я тоже мечтал, как и герои этих книг, встретить свою любовь.

Флора залпом осушила свой бокал с шерри до дна и молча уставилась на огонь, полыхающий в камине.

– Так вот, на тот момент, когда я познакомился с вашей сестрой, я, если честно, уже оставил всякие надежды найти такую единственную женщину. А мама между тем, как вы догадываетесь, продолжала носиться с идеей женить меня на Аурелии, дочери своей старинной подруги. Более того, они уже успели переговорить обо всем этом между собой, и ваша мать согласилась, в свою очередь, убедить мужа продать Эствейт-Холл. Наверное, для вас вовсе не секрет, что ваша мать всегда ненавидела этот дом всеми фибрами своей души. Для нее он стал своеобразным наказанием за... скажем так, некоторые опрометчивые поступки в прошлом. А тут появляется возможность время от времени навещать свою дочь и подругу детства в Кенте, причем в любое время, когда ей вздумается, и гостить там столько, сколько хочется. Думаю, она сочла эту перспективу вполне приемлемой компенсацией за переезд в Шотландское нагорье, в те места, которые, как она хорошо знала, очень любит ваш отец.

– Что вы имеете в виду, говоря об опрометчивых поступках моей матери? – взвилась Флора. – Или вы вознамерились оскорблять не только меня, но и мою маму тоже?

– Простите меня, Флора, но я лишь пытаюсь самым деликатным образом объяснить вам, что в конечном счете привело нас всех к той ситуации, которую мы имеем на сегодняшний день. Но позвольте, я закончу.

Флора молча кивнула в знак согласия, не отводя глаз от огня.

– Так вот, если начистоту, то когда я встретил вашу сестру в Лондоне, она мне даже понравилась. Хорошенькая, славная, с добрым, сердечным характером. Я даже подумал, что вполне смогу прожить с такой женой всю свою оставшуюся жизнь. А потому, когда мы встретились с вашим отцом на охоте, я дал свое согласие на все: и на то, что я сделаю предложение вашей сестре, и на то, что он продаст Эствейт-Холл.

– Тогда зачем, *объясните мне ради всех святых*, вы на обратном пути заехали ко мне?

– Честно, и сам не знаю... зачем. – Какое-то время Арчи молча смотрел на Флору. – Понимаю, я повел себя в какой-то степени бесчестно, недостойно... но что-то же толкало меня к вам. Флора, та малышка, которую я чуть не убил, забросав дикими яблоками, а потом вторично чуть не убил, когда наехал на ее двуколку по пути в Эствейт-Холл. И тем не менее она в обоих случаях не стала жаловаться, не побежала со своими обидами к старшим, как на ее месте поступила бы любая другая девочка... девушка... Из той малышки выросла умная, бесстрашная и гордая девушка. Женщин с такой силой воли и отваги я никогда ранее не встречал и даже не подозревал, что такие женщины вообще есть на белом свете. И потом, главное... Красивая девушка. Ведь я же мужчина, в конце концов, Флора. И у меня есть глаза.

– Что ж, не скажу, чтобы ваш ответ полностью удовлетворил меня, – обронила Флора после некоторого молчания.

– Вы меня обворожили... Более того, вы вскружили мне голову, – продолжил Арчи торопливо, – причем настолько, что я намеренно приехал в Эствейт-Холл, чтобы повидаться с вами, вопреки всем договоренностям с вашим отцом, которые мы с ним заключили днем ранее. Скажу так. Все, о чем я мечтал когда-то, рисуя в своем воображении портрет избранницы и будущей жены, я нашел в вас, проведя в вашем обществе, Флора, те три незабываемых дня. Я вдруг осознал: все, что я так тщетно искал все эти годы, вот же оно, рядом, можно сказать, прямо у меня под носом.

Флора слушала его, затаив дыхание. Легкие огоньки пламени весело плясали в камине, она молча разглядывала их, не смея поднять глаза, чтобы встретиться с тяжелым взглядом Арчи.

– Я покинул Эствейт-Холл, сказав на прощание, если помните, что у меня есть проблемы, требующие своего решения. Однако весь механизм, к несчастью, уже пришел в действие и колесики завертелись. Спустя всего лишь несколько дней в Хай-Уилд приехала Аурелия. Я изо всех сил старался избегать ее, хотя и понимал, что и мои близкие, и она сама уже начинают терять терпение. И все же, ценой невероятных усилий, мне удалось избежать непоправимого: я так и *не сделал* ей предложения. Вскоре Аурелия уехала. Я видел, что она крайне подавлена, но это не поколебало моей решимости. Сердце мое не дрогнуло. Ведь это *ты, Флора*, кого я люблю на самом деле.

Арчи тяжело опустился на кушетку. В гостиной повисла гнетущая тишина.

– Неужели вы останетесь глухи к моему признанию в любви, мисс Макникол? И ничего не скажете мне в ответ?

Наконец Флора оторвалась от созерцания огня в камине и подняла глаза на Арчи, потом встала со своего места.

– Почему же? Скажу. Вы утверждаете, что все, что вы сделали, вы сделали из-за меня и ради меня. Но ведь это же *неправда*. Все это вы делали прежде всего *ради себя самого*. По каким-то совершенно непонятным мне причинам вы вообразили, что именно у меня находятся ключи от вашего счастья. И вот вы отправились на поиски этих ключей. А попутно вынудили отца продать наш фамильный дом, который, позволю себе напомнить вам, я любила всем сердцем, обрекли родителей на вынужденную ссылку в Шотландию. Но что самое ужасное, вы унизили мою сестру в глазах всего высшего света Лондона, а заодно и разбили ей сердце. Вот я и спрашиваю вас, лорд Воган, как же можно было творить такое *ради меня*?

Флора тоже начала прохаживаться по комнате, чувствуя, как в ней закипает злость.

– Неужели вы не видите сами, что натворили? Потакая своим собственным эгоистичным желанием и прихотям, вы погубили всю нашу семью!

– Да, любовь бывает слепа к другим, она может быть эгоистична... Все так... Но мне казалось, что вы можете ответить

взаимностью на мои чувства.

– Ошибаетесь, лорд Воган. Но даже если бы и так! Я бы все равно никогда не поставила собственные чувства выше счастья тех людей, кого я люблю.

– Да, вы именно такая, как я вас себе и представлял, – тихо обронил Арчи, словно обращаясь к самому себе. – Конечно, вы правы, Флора. Тысячу раз правы. – Он тяжело вздохнул. – И что же нам сейчас делать?

– Не нам, а вам, – тут же поспешила поправить его Флора. На нее вдруг навалилась страшная усталость. – Никакого «нам» у нас с вами не было и никогда не будет. Но если вы действительно хотите доказать мне, что любите меня, и хоть как-то восстановить все то, что вы уже почти разрушили, отправляйтесь немедленно к Аурелии и предложите ей наконец свою руку и сердце. Думаю, представление и так уж слишком затянулось. Более того, постарайтесь изо всех сил убедить мою сестру, что вы любите ее и только ее одну.

– То есть именно таких действий вы от меня ждете?

– Да.

– И никаких чувств ко мне у вас нет?

– Нет.

Арчи устремил свой взгляд на Флору, но в ее глазах он прочитал лишь раздражение и усталость.

– Что ж, так тому и быть, – тихо обронил он. – Если вы ожидаете от меня именно этого, я поступлю так, как вы желаете.

– Да, я так желаю.

– Тогда позвольте откланяться и пожелать вам всего наилучшего в жизни.

– Я тоже желаю вам только добра.

Флора молча смотрела, как Арчи уходит.

– Я тебя тоже люблю, – прошептала она, оставшись одна в пустой гостиной, услышав, как отъехала его карета от парадного подъезда.

К счастью, планы миссис Кеппел, связанные с тем, чтобы ввести свою протеже в высшее общество Лондона, оставили самой Флоре немного времени на собственные переживания. Ведь что ни говори, а это она сама, своими собственными руками и по своей доброй воле, толкнула Арчи в объятия своей сестры. Было из-за чего переживать и расстраиваться.

На следующий вечер миссис Кеппел начала свою кампанию по всем правилам военного искусства. Флора, облаченная в платье из сатин-дюшеса, блестящего атласа цвета небесного кобальта, с ожерельем из сапфиров на шее, которое ей одолжила на вечер миссис Кеппел, стала почетным гостем на ужине, устроенном в ее честь. За аперитивами в гостиной ее окружила толпа приглашенных на ужин. Все восхищались ее красотой и грацией, умением держать себя и без конца хвалили миссис Кеппел за то, что она поспособствовала приезду Флоры в Лондон.

– Ничего такого я не сделала, – скромничала в ответ хозяйка дома, улыбаясь направо и налево. – Просто я всегда считала, что у девочки тоже должно быть право на дебют в обществе. Вот я и решила немного помочь ей в этом.

Флору представили такому огромному количеству гостей, что у нее голова пошла кругом от обилия новых имен и громких титулов. А ведь нужно же постараться и запомнить их все.

– Познакомьтесь, леди такая-то...

– Его светлость лорд такой-то...

Флора даже обрадовалась, когда отыскала в толпе знакомое лицо графини Торби, с которой она познакомилась на чаепитии несколько дней тому назад. Ну, и конечно, семейство Эйлингтонов, которое живет прямо напротив них через площадь. С их детьми дружат Соня и Вайолет.

Ужин сервировали в роскошной столовой, расположенной рядом с гостиной. Флора была счастлива, что ее посадили по левую руку от Георга Кеппела. Он приветствовал ее доброжелательной улыбкой под тщательно завитыми усами.

– Мисс Макникол... Флора... Ужасно рад, что за сегодняшним ужином мы сидим рядом, – промолвил он и, видя нервозность девушки, налил в ее бокал немного красного вина. – Представляю, каким шоком обернулся для вас переезд из родного дома сюда, в большой город. Дивный Озерный край с его несравненными красотами... Однако надеюсь, что и в Лондоне вы уже нашли много такого, что поспособствует вашему дальнейшему увлечению живописью и ботаникой. Здесь столько картинных галерей, и каждая может научить вас много больше, чем любая книга. Вы должны постараться привить и нашим девочкам эту свою страсть к искусству.

– Обязательно постараюсь, – пообещала Флора мистеру Кеппелу, прислушиваясь к разговору, который вела леди Эйлингтон, сидевшая напротив них. Она говорила о том, что дочь Воганов, кажется, все же нашла себе подходящего жениха. А что же до этого ветреного молодого человека, их старшего сына, то ходят упорные слухи, что...

– Флора, вам плохо? Что-то вы так побледнели, – участливый голос мистера Георга вернул Флору в день сегодняшний.

– Нет-нет, все в порядке. Просто немного устала за день.

– Конечно, устали, милая. Надеюсь, Вайолет не слишком донимает вас со своим новым увлечением – сочинением стихов?

– Вайолет – сильная натура, – ответила Флора, тщательно подбирая каждое слово. – С этим надо считаться.

И тут же услышала смех слева от себя. Выразительные глаза леди Сары Вильсон искрились от смеха.

– Наша дорогая Алиса уже говорила мне, что вы, мисс Макникол, прирожденный дипломат.

Флоре уже начали действовать на нервы все эти пустые великосветские разговоры с их бесконечными подколками и язвительными шпильками.

– Я говорю лишь то, что вижу, – ответила она, стараясь быть предельно вежливой. – Как вам фуа-гра?

Ужин включал десять смен блюд. По мнению Флоры, и семи было бы уже более чем достаточно. Она вяло ковырялась в своей тарелке, стараясь не дотрагиваться до мяса, а про себя поражаясь тому, сколько безвинных животных миссис Стейси угробила, готовя трапезу: весь день жарила, тушила и запекала.

Но вот мистер Георг повел наконец мужскую половину гостей угощать бренди и сигарами. Флора последовала за остальными дамами в гостиную. Сидела тихонечко в уголке, попивала свой кофе и рассеянно вслушивалась в досужие сплетни, которые тут же заполнили комнату. Главным образом о других дамах, которых видели в городе в обществе мужчин, отнюдь не бывших их мужьями. Флора слушала эти кривотолки со смешанным чувством удивления и ужаса. Возможно, она была слишком наивна, но для нее брак по-прежнему оставался чем-то священным и неприкосновенным.

– А у вас уже есть на примете какой-нибудь молодой человек для Флоры? – поинтересовалась леди Эйлингтон у миссис Кеппел.

– Вполне возможно, у Флоры имеются собственные представления на сей счет, – ответила ее покровительница, бросив на девушку многозначительный взгляд.

– И кто же тот счастливчик, хотелось бы знать? – леди Эйлингтон вперила свой взор во Флору.

– Я... Господи! Да ведь я совсем недавно приехала в Лондон, – ответила та в присущей ей уклончивой манере.

– Что ж, думаю, совсем скоро какой-нибудь молодой человек обязательно окажется рядом с вами... Учитывая покровительство миссис Кеппел... Впереди ведь зимние балы... Их будет много, и у вас тоже будет время оглядеться, осмотреться по сторонам и сделать свой выбор. Хотя, конечно, наиболее выгодные женихи уже разобраны.

Изгнав вчера Арчи и из своей жизни, и из своего сердца, Флора была уже готова вернуться к своему первоначальному плану – прожить оставшуюся жизнь в одиночестве.

Когда все разошлись, миссис Кеппел сердечно расцеловала ее в обе щеки и сказала:

– Спокойной ночи, милая. Должна сказать, что ты сегодня держалась просто отменно. Я горжусь тобой. Вот видишь, Георг, я оказалась права на ее счет, – обратилась она уже к мужу, когда он галантно повел миссис Кеппел из комнаты.

– Конечно, дорогая, – услышала Флора голос Георга уже на лестнице. – А с другой стороны, разве ты когда-нибудь ошибаешься?

Флора попросила позволения у Мойзель и миссис Кеппел забрать с собой Соню на весь день, чтобы свозить ее в Королевский ботанический сад Кью-гарденс. Мистер Ролф уже распорядился подать машину, чтобы отвезти их туда. Радостное возбуждение переполняло Флору с самого утра при мысли о том, что совсем скоро она окажется на природе в окружении редких растений и цветов. Пусть даже эта прогулка и напомнит ей косвенно об Арчи.

– Все равно я *не позволю этим воспоминаниям* омрачить сегодняшний день, – твердо приказала она сама себе.

Но в эту минуту в ее комнату вошла Пегги, неся на подносе завтрак.

– Мне очень жаль огорчать вас, мисс Флора, – начала она прямо с порога, – но миссис Кеппел желает, чтобы вы сегодня присоединились к ее чаепитию с гостем. Во второй половине дня... Она сказала, что поездку придется отложить. В ботанический сад вы съездите в другой раз.

– Какая досада! – Флора даже губу прикусила от разочарования. – А ты не знаешь, что это будет за гость?

– Скоро сами все узнаете, мисс. Я приду, чтобы помочь вам одеться, прежде чем вы отправитесь в гостиную к миссис Кеппел. Ровно в три часа дня я буду у вас.

– Не переживай, – успокоила Флора Соню, сообщив ей эту невеселую новость в комнате для игр. Девочка, естественно, расстроилась. – Предлагаю взамен сорвавшейся поездки сходить прогуляться в Сент-Джеймс Парк. Думаю, мадемуазель Мойзель очень обрадуется, когда мы пообещаем ей всю дорогу туда и обратно говорить только по-французски. – Флора весело подмигнула девочке. – Как дела, Вайолет? – обратилась она к старшей дочери миссис Кеппел.

– Спасибо, все отлично. После уроков к нам на ланч придет моя лучшая подруга Вита. У нас сегодня в школе сокращенный день занятий.

– Понятно.

– Надеюсь, ровно в час ты здесь будешь, няня, – строгим тоном приказала ей Вайолет.

С этими словами она вышла из комнаты, а няня лишь картинно вскинула бровь, проводив девочку взглядом. Повелительный тон Вайолет ее явно вывел из себя.

– Что я могу сказать? Лишь то, что эта мисс Сэквилл-Уэст весьма странная особа. Та еще штучка, доложу я вам, – доверительным тоном сообщила няня Флоре. – Остается лишь радоваться тому, что мне не пришлось нянчиться с ней в детской. Вы бы на них посмотрели, как они вдвоем обсуждают всякие книги или беседуют о литературе... Важные, словно профессора какие... Уж очень они обе высокого мнения о себе. Что ж до Вайолет, так она просто помешана на этой своей подружке.

– Вот как? Тогда я тоже сгораю от нетерпения, чтобы познакомиться с этой Витой.

– Что ж, сегодня у вас, мисс Флора, очень интересный день. К тому же насыщенный всякими знакомствами.

Прогулка по парку в компании Сони была чудесной. Именно то, в чем так нуждалась душа Флоры. Солнечный октябрьский день, уже по-осеннему прохладный.

Под ногами роскошный мягкий ковер из осыпающейся листвы. Осень уже успела раскрасить деревья вокруг во все оттенки золотисто-желтого, янтарного и пурпурного.

– Взгляни! – Флора махнула рукой на крышу высокого дома рядом с парком. – Видишь, ласточки собираются в стаи? Готовятся к отлету на юг, в Африку. Зима уже на пороге.

– Неужели в самую Африку? – воскликнула пораженная Соня, разглядывая птичек, мило переговаривающихся друг с другом на своем птичьем языке. – Но ведь это же так далеко. А что с ними станет, если они вдруг устанут где-нибудь над морем и не смогут лететь дальше?

– Хороший вопрос. Только я не знаю на него ответа. Может, спланируют с высоты на какой-то пароход или лодку. И дальше уже не полетят, а поплывут. А вон белка, видишь? Запасает себе орешки на зиму. Скоро она заляжет спать, и мы ее не увидим до самой весны.

– Хорошо быть белкой! – Соня смешно наморщила свой носик. – Я бы тоже хотела завалиться в спячку на всю зиму.

Домой они вернулись как раз к ланчу, который им накрыли в комнате для игр. Флора уселась за стол вместе с детьми, няней и гувернанткой. Вайолет была всецело занята разговором со своей подружкой, лишь изредка поднимая глаза на остальных. Девочки о чем-то увлеченно беседовали громким шепотом. Вита оказалась худенькой кареглазой девочкой с несколько болезненным цветом лица

и коротко подстриженными темными волосами. Пожалуй, не знай, что это девочка, Флора могла бы с легкостью принять ее за мальчика. А еще ее поразила какая-то странная близость между двумя подружками. Вайолет все время трогала Виту за руку, а в какой-то момент коснулась, как бы невзначай, ее колена и даже задержала там на какие-то пару секунд свою руку.

– Няня, мы сейчас с Витой идем ко мне в комнату. Вита хочет почитать мне свои новые стихи.

– Так уж и хочет! – буркнула себе под нос няня, но вслух произнесла: – Ступайте, но ровно в три быть здесь. За мисс Витой приедет ее няня, чтобы забрать домой. В четыре у вашей матушки важный гость. К этому времени в доме должны царить покой и тишина. Вы присоединитесь к чаепитию ровно в пять, мисс Флора, – добавила она, уже обращаясь к Флоре. После чего взяла Соню за руку и повела ее мыть лицо. Подружки проследовали за ними, тоже держась за руки.

В три часа в комнате Флоры появилась Барни с платьем, свисавшим с ее руки.

– Миссис Кеппел пожелала, чтобы к чаю вы надели вот это. Я уже привела его в порядок внизу, освежила, погладила.

Флора послушно уселась к трельяжу, и Барни принялась колдовать над ее прической, укладывая волосы в аккуратные упорядоченные локоны и завитки, закрепляя каждую прядь острозубыми гребнями в перламутровой оправе. Потом на нее натянули столь ненавистный ей тугий корсет и, пока Барни зашнуровывала его, Флора уныло размышляла о том, что, несмотря на всю чрезмерную щедрость миссис Кеппел по отношению к ней, она становится все более и более похожей на большую куклу, которую наряжают и причесывают так, как это хочется владелице куклы. Но что ей остается делать? Любое возражение с ее стороны может быть расценено как жест вопиющей неблагодарности. Пока Барни возилась с застежкой платья в кремово-голубую полоску, Флора вспоминала, как она была счастлива, взбираясь на вершину горы в старых отцовских бриджах. За возможность испытать такое счастье еще раз она хоть сейчас готова попать все требования, предъявляемые к великосветским дамам. И почему это мужчины так жаждут увидеть своих спутниц обязательно разодетыми в пух и прах, накрашенными и

обвешанными с ног до головы всякими побрякушками? А ведь тогда для Арчи совсем неважно было, в чем она и что на ней...

– Мисс Флора?

– Да? – очнулась она от собственных мыслей.

– Я спрашиваю вас, не можете ли вы потуже застегнуть сережки. Вот будет скандал, если какая-нибудь из них упадет в чашку с чаем, когда вы будете чаевничать внизу. Упаси господи!

– Да уж и правда, упаси от такой беды, – согласилась со служанкой Флора, с трудом сдерживая улыбку.

– Я нанесу немного румян на ваши щечки, чтобы хоть немножко освежить вас. Вы должны быть готовы спуститься вниз по первому же требованию. А пока отдыхайте с книжкой в руках, как вы это любите. Мисс Драппер позовет вас, когда будет нужно.

– Спасибо.

– Удачи вам, мисс.

Барни ушла, а Флора слегка нахмурилась, глядя ей вслед. С какой стати ей нужна удача только для того, чтобы выпить чашку чая в обществе этого таинственного гостя миссис Кеппел, который уже минут десять тому назад прибыл в их дом? Чтобы хоть как-то убить время, Флора извлекла из бюро свой дневник и продолжила во всех подробностях описывать их последний разговор с Арчи. Этот ужасный разговор! Даже сейчас, пересказывая его на бумаге, она была на грани слез. Но вот раздался стук в дверь, и в комнату вошла мисс Драппер.

– Миссис Кеппел приглашает вас вниз к себе в малую гостиную.

– Хорошо, иду.

Флора проследовала за экономкой вниз по лестнице, каждой клеточкой своего тела ощущая ту напряженную тишину, которая повисла в доме. Верный признак того, что сейчас в гостях у миссис Кеппел ее особый гость.

– Готовы? – спросила у нее мисс Драппер.

– Да, – коротко ответила Флора.

– Очень хорошо. – Мисс Драппер подняла руку, чтобы постучать в дверь гостиной, и Флора заметила, что ее рука слегка дрожит.

– Входите, – раздался голос миссис Кеппел из комнаты.

– И ради всех святых, не забудьте сделать реверанс, когда она представит вас своему гостю, – дала последнее напутствие экономка, берясь за ручку и открывая дверь.

– Флора, дорогая моя, – миссис Кеппел подошла к ней. – Ты сегодня просто очаровательна, не правда ли, Барни? – Она взяла Флору за руку и подвела к джентльмену с седой бородой. Его объемные телеса заполнили собой весь диван, рассчитанный как минимум на два места.

Флора почувствовала на себе буравящий взгляд незнакомца. Миссис Кеппел подвела ее еще ближе, остановив буквально в шаге от дивана. Комната была полна табачного дыма. Но вот незнакомец сделал еще одну глубокую затяжку, продолжая пристально разглядывать ее. Флора невольно вздрогнула, заметив, как что-то зашевелилось возле ноги гостя, а уже в следующую минуту навстречу ей вылез белый фокстерьер с коричневыми ушами. Он явно желал поприветствовать ее.

– Привет, – улыбнулась Флора, разглядывая маленькую собачонку, и инстинктивно протянула руку, чтобы погладить его.

– Флора, это мой очень близкий и дорогой друг Берти. Берти, позволь представить тебе мисс Флору Макникол.

Флора тут же опустилась в глубоком и, как она надеялась, самом грациозном реверансе из всех, на кои она была способна. Все, как наказывала ей мисс Драппер. Она постаралась вернуться в исходное положение тоже как можно более изящно. Странно, подумала она в эту минуту, но лицо джентльмена ей почему-то до боли знакомо. В комнате повисла тишина, лишь глаза-буравчики продолжали сверлить ее прежним испытывающим взглядом, от которого становилось как-то не по себе. Но зато Флора наконец-то узнала этого человека. И в ту же минуту ноги ее стали ватными.

– Разве я не говорила тебе, что она у нас настоящая красавица? – нарушила затянувшееся молчание миссис Кеппел. – Подойди сюда, Флора. Садись рядом со мной.

Она молча проследовала за миссис Кеппел и уселась на кушетку, стоявшую напротив дивана, на котором сидел мужчина по имени Берти. Сказать по правде, Флора была рада побыстрее *усесться хоть куда*, потому что ноги не держали ее. И она боялась лишь одного: не дай бог лишиться чувств и свалиться перед гостем на пол.

Мужчина продолжал хранить упорное молчание, по-прежнему не сводя с нее глаз.

– Попрошу подать нам еще чая, – промолвила миссис Кеппел, берясь за колокольчик, стоявший рядом с камином. – Думаю, мы все заслужили еще по чашечке свежезаваренного чая, – добавила она, и Флора увидела, что ее благодетельница тоже немного нервничает. Ее хваленая выдержка и спокойствие явно изменили ей сегодня. Видно, так подействовало на нее затянувшееся молчание гостя. Но вот Берти снова взял в руки свою сигару, разжег ее заново и сделал еще одну глубокую затяжку.

– Как вам нравится Лондон, мисс Макникол? – спросил он наконец.

– Очень нравится, спасибо. – Флора оборвала себя на полуслове, сообразив, что не знает, как ей надо обращаться к этому джентльмену.

– Пожалуйста, когда мы ведем такие приватные беседы, можете обращаться ко мне просто «Берти», как это делает дражайшая миссис Кеппел. Мы здесь все друзья. А что же до вас, то вы, пожалуй, уже переросли тот возраст, когда можно было бы величать меня «королевичем», как называют меня Соня и Вайолет.

Его лицо вдруг озарила доброжелательная улыбка, в голубых глазах запрыгали веселые искорки. И сразу же напряжение в комнате заметно спало.

– Как поживает ваша матушка? – задал он свой следующий вопрос и сделал еще одну затяжку.

– Я... О, с ней все в порядке. Спасибо. Во всяком случае, я надеюсь, что у нее все хорошо. Потому что после того, как мама уехала в Шотландию, я ее больше не видела.

– Помнишь, Берти, я рассказывала тебе, что родители Флоры продали свой дом в Озерном крае и переехали в Шотландское нагорье? – услужливо напомнила ему миссис Кеппел.

– О, да, припоминаю. Что ж, они сделали чертовски правильный выбор. Шотландия – это мое самое любимое место на Британских островах. Особенно Балморал. А вы бывали в тех местах, мисс Макникол?

– Да, когда я была еще совсем девочкой, я навещала вместе с родителями своих дедушку и бабушку по линии отца. Мне там показалось все очень красивым.

Флора изо всех сил старалась взять себя в руки, говорить спокойно, произносить членораздельные, связные фразы. Голос

мужчины тоже поразил девушку. Густой, звучный тембр, но было что-то тевтонское в его отрывистой манере произносить слова, отчего сами слова казались похожими на иностранные.

Мисс Драппер и лакей вкатили тележку со свежесваренным чаем и блюдами с самыми разными бутербродами, пирожными и сдобной выпечкой. И тут же черная тень стремительно метнулась у ног экономки, а терьер, сохранявший до сих пор олимпийское спокойствие, разразился громким залиvistым лаем. Флора, забыв обо всем, тоже подскочила со своего места и подхватила на руки мяукающего и фыркающего котенка.

А следом раздался жизнерадостный смех.

– Ну, же, Цезарь! Успокойся! Кому сказал? – приказал хозяин, и пес послушно лег у ног своего повелителя. – И кто же это у нас такой нарушитель спокойствия, мисс Макникол?

– Это Пантера, – ответила Флора, стараясь привести в чувство трясущегося от страха котенка.

– Прекрасная барышня, – одобрительно хмыкнул Берти. – Как же она к вам попала?

– Я спасла котенка еще совсем маленьким, слепым, когда его кто-то попытался утопить в болоте, а я вытащила его из воды и забрала к себе домой. Мы еще тогда жили в Озерном крае.

– Флора, пожалуйста, унеси Пантеру из комнаты, – попросила ее миссис Кеппел.

– О, в этом нет никакой нужды, миссис Кеппел, если вы беспокоитесь за меня. Вы же знаете, я люблю животных.

Флора послушно выставила Пантеру в коридор и плотно прикрыла за ней дверь, после чего вернулась на свое место. Миссис Кеппел принялась разливать чай, но Флора знала, что не посмеет даже прикоснуться к своей чашке. Рука у нее дрожала, еще чего доброго не удержит чашку и зальет чаем красивое новое платье.

– Мисс Макникол, в лице миссис Кеппел вы обрели очень умного и опытного союзника. Вот уж, – Берти сделал очередную затяжку и глянул на хозяйку дома с ласковой улыбкой, – никогда не думал, признаюсь честно, что доживу до того дня, когда...

До какого именно дня собирался дожить ее собеседник, Флора так и не узнала. Потому что очередная затяжка обернулась долгим, удушающим кашлем. И без того румяное лицо Берти приобрело

свекольный оттенок, глаза расширились, грудь бурно вздымалась. Он всеми силами пытался сделать вдох.

Миссис Кеппел тотчас же налила в стакан воды, втиснувшись рядом с ним на диван и поднесла стакан к его губам, заставляя сделать хотя бы один глоток.

– Будь оно все неладно, женщина! Мне не нужна вода. Мне нужен бренди! – Берти извлек из кармана сюртука огромный носовой платок из батиста и оттолкнул от себя стакан с такой силой, что вода расплескалась на юбки миссис Кеппел, после чего громко высморкался.

– Берти, тебе категорически нельзя курить сигары, – попеняла ему миссис Кеппел, поднимаясь с кушетки и направляясь к серванту, на котором стоял графин с бренди. – Тебе и все доктора, которые наблюдают тебя, твердят то же самое. Сигары для тебя – это смерть, я не шучу. – Она подала ему стакан с бренди, и он залпом осушил его до дна. После чего протянул ей пустой стакан, требуя повторения.

– Чепуха! Это все здешний проклятый климат так на меня действует. Вечная сырость и туман... Помнишь, как я прекрасно чувствовал себя, когда отдыхал в Биаррице?

– Берти, не лукавь и не обманывай сам себя. Ты же знаешь, что это не так... Только в последний раз, когда мы там были, у тебя...

– Все, хватит! – загрохотал он в ответ и лихо осушил вторую порцию бренди. После чего снова устался на Флору. – Вот видите, что они со мной вытворяют, мисс Макникол? Обращаются как с каким младенцем несмышленным.

– С тобой обращаются как с человеком, которого любят, – возразила ему миссис Кеппел решительным голосом.

Флора с трепетом ожидала нового взрыва, однако его не последовало. Миссис Кеппел уселась рядом с Берти и взяла его руку в свою, а он лишь миролюбиво кивнул головой.

– Знаю, дорогая, знаю... Просто у меня такое чувство, что в последнее время все стараются испортить мне настроение всеми доступными способами.

– Все стараются изо всех сил уберечь тебя, только и всего. Никто не хочет пережить боль разлуки с тобой.

– Хватит об этом! – он отмахнулся рукой от миссис Кеппел, словно от назойливой мухи. – Хорошенькое же впечатление я

произведу на мисс Макникол при нашей первой встрече. Итак, дорогая моя, расскажите-ка мне лучше о себе. Чем увлекаетесь, к примеру?

– Люблю природу. Деревню... – выпалила она первое, что пришло ей в голову. И тут же поспешила уточнить: – Правда, я, кроме деревни, мало что видела в своей жизни. Возможно, со временем я привыкну и к городу и даже полюблю его, как любят город те, кто в нем родился и вырос. Потихоньку знакомлюсь с Лондоном. Очень красивый город.

– Не оправдывайтесь, мисс Макникол, не надо. Если бы судьбе было угодно распорядиться по-иному, я бы тоже с радостью поселился в деревне. Скажите мне, вы катаетесь верхом?

– Да, – коротко ответила Флора. Она не могла заставить себя назвать его Берти. – Хотя, наверное, на аллее для верховой езды в Гайд-парке я бы смотрелась не очень уместно. Ведь я привыкла скакать по диким просторам, по скалистой местности, а потому и держусь в седле безо всякого изящества.

– Ах, вот было время золотое! – Берти всплеснул руками, словно ребенок. – Когда я был молодым, то не было для меня ничего лучше, чем пустить коня вскачь по бескрайним шотландским болотам и пустошам. Что еще заставляет ваше сердце трепетать и биться с удвоенной силой, мисс Макникол?

– Наверное, надо было бы сказать, что это поэзия, или рукоделие, или игра на фортепьяно. Но я скажу правду. Все мои увлечения связаны, так или иначе, с природой. Животные, например...

– Как я вас понимаю! – воскликнул Берти и ласково погладил своего пса, лежавшего у его ног, который тут же умиленно завилял хвостом в ответ. – А что же до искусства во всех его проявлениях... Что ж, в моем положении я обязан терпеть все это и даже аплодировать им. Вы и представить себе не можете, сколько бесконечных вечеров я проторчал в опере или сидел на представлениях пьес, в которых, по мнению их авторов, я должен был найти некий особый духовный или психологический смысл... Или слушал вирши, в которых не мог понять ни единого слова...

– Ты несправедлив к себе, Берти! – подала голос миссис Кеппел. – Ты ведь исключительно начитанный человек.

– Только потому, что я обязан быть таковым. Это тоже часть моей работы. – Он весело подмигнул Флоре.

– А я вот очень люблю рисовать животных. Люди у меня хуже получаются. Они какие-то более сложные, что ли...

Флора надеялась, что ее реплика утихомирит обоих спорщиков.

– Хорошо сказано! – воскликнул Берти одобрительным тоном и в знак подтверждения своих слов громко хлопнул себя по толстой ляжке.

– Берти, карета уже ждет тебя внизу. Ты же знаешь, у тебя сегодня встреча и...

– Да, я в курсе всего. – Он с притворным ужасом округлил глаза и взглянул на Флору с таким видом, словно молча приглашал ее в сообщники. – Мисс Макникол, миссис Кеппел абсолютно права. Я должен отбыть восвояси, чтобы продолжить служить своему народу и королеве.

Флора тотчас же подскочила с кушетки и уже приготовилась сделать еще один реверанс, но тут он поманил ее к себе:

– Подойди ко мне, милая.

Она робко сделала несколько шагов и замерла перед ним. К ее изумлению, он вдруг взял ее руки в свои и погладил тяжелыми пальцами, унизанными перстнями с рубинами в форме кабошонов в массивной золотой оправе.

– Рад был познакомиться с вами, мисс Макникол. Это была приятная во всех отношениях встреча. Что лишний раз подтверждает безупречную интуицию миссис Кеппел. А сейчас, женщина, помоги же мне встать с этого дивана!

Он тяжело поднялся на ноги с помощью миссис Кеппел. И хотя Флора и сама была высокой, но когда он встал в полный рост, то навис над ней, словно каланча.

– Очень надеюсь, что у нас еще будет возможность пообщаться с вами, и не раз, в будущем. Особенно на природе. Может, в замке Дантрез? – Он вопросительно взглянул на миссис Кеппел, та тут же кивнула в знак согласия.

– Конечно, обязательно.

– А сейчас, мисс Макникол, Флора... мне пора. До свидания, милая.

– До свидания.

– Идем, Берти. Я провожу тебя вниз.

С этими словами миссис Кеппел, терьер и Его Высочайшее Величество Божьей Милостью Король Соединенного Королевства

Великобритании и Ирландии, Глава всех заморских британских доминионов, Защитник веры и Глава англиканской церкви, а также император Индии, покинули малую гостиную в доме миссис Кеппел.

– Видели Королевича? – первым делом поинтересовалась у нее Соня, остановив прямо на лестнице, ведущей в ее детскую. Девочка уже готовилась ко сну. Волосы на голове были накручены на бумажные папильотки.

– Видела, – ответила ей Флора.

– Правда, он очень милый? Вид у него немного устрашающий, это верно, но на самом деле он очень-очень хороший.

– Согласна, целиком и полностью, – рассмеялась в ответ Флора и поцеловала девочку в макушку. – Спокойной ночи.

– Флора.

– Да?

– Пожалуйста, расскажи мне одну из своих историй прямо сейчас, на сон. Они у тебя гораздо более интересные, чем те книги с картинками, которые мне на ночь читает няня.

– Обязательно расскажу, но только завтра. Договорились?

– А, все взрослые всегда так говорят, – слегка надула губки Соня. Но в эту минуту на лестнице возникла фигура няни, отправившейся на поиски своей воспитанницы. Она тотчас же взяла ее за руку и приготовилась вести наверх.

– Честное слово, Соня. Обещаю. А сейчас спокойной тебе ночи и сладких снов...

Флоре требовалась хотя бы короткая передышка, чтобы опомниться и прийти в себя после столь грандиозного события, каким стало для нее только что закончившееся чаепитие. Чтобы отвлечься, она заглянула в комнату для игр и обнаружила там Вайолет. Та сидела, свернувшись калачиком в кресле возле камина, и читала какую-то книгу.

– Не помешаю? – тихонько поинтересовалась у нее Флора. Девочка вздрогнула от неожиданности и взглянула на нее поверх раскрытой книги.

– Наверное, с моей стороны будет грубо, если я скажу, что да, помешали.

– Тогда я ухожу.

– Нет, останьтесь, – сказала Вайолет, указав на кресло напротив себя.

– Уверена?

– Да, – ответила Вайолет с нажимом в голосе.

Флора пересекла комнату и села в кресло.

– Что читаешь?

– Китса. Вита принесла мне эту книгу, запоздалый подарок ко дню моего рождения. Поздравила задним числом, если можно так выразиться.

– Очень щедрый подарок, как мне кажется. А я вот с трудом отличаю хорошую поэзию от плохой.

– Конечно, это только сугубо мое мнение, но я думаю, что когда читаешь поэтов эпохи романтизма, таких, как тот же Китс, к примеру, то совершенно не важно, какой у него литературный стиль или как он рифмует свои стихи. Главное – это то, как он пишет о любви.

– Не совсем тебя понимаю, Вайолет, – осторожно заметила Флора, хотя в глубине души была почти уверена в том, что все она поняла правильно.

– До того как я познакомилась с Витой и та объяснила мне, что такое настоящая поэзия, я тоже считала все стихи ужасно скучными, – задумчиво обронила Вайолет, глядя на огонь в камине. – А сейчас вот читаю Китса и понимаю, что его стихи – это некое универсальное объяснение в любви, рассчитанное в том числе и на тех людей, которые не могут сами выразить свои чувства на бумаге или вслух. Понимаете, о чем я?

– По-моему, да. Но, пожалуйста, продолжай, Вайолет.

– Думаю, Вита подарила мне этот сборник совсем не случайно. Просто она захотела, чтобы я прочитала те слова, которые она сама чувствует, но не может их озвучить.

– То есть ты полагаешь, что она тебя любит?

– Да, так же сильно, как и я люблю ее. – Вайолет с вызовом посмотрела на Флору. Как же похожи ее глаза с их бездонной голубизной на глаза матери, подумала та. – Вы полагаете, это плохо?

Целый день Флора упражнялась в том, чтобы прежде думать, а потом уже говорить. Но сейчас ее ответ прозвучал предельно честно.

– Знаешь, Вайолет, существует множество форм и видов любви. Родительская любовь – это одно, любовь детей к своим родителям –

это другое, любовь к другу или подруге, любовь к дорогому тебе человеку, любовь к животным... это все разные формы проявления любви.

Флора увидела, как разгладились черты лица Вайолет после этих ее слов, как тут же исчезла настороженность в ее взгляде.

– Да, да! Все так! Но, Флора, как мы можем выбирать, кого нам любить, если общество, в котором мы живем, диктует свои требования?

– Что ж, приходится соблюдать этот диктат, хотя бы внешне, зачастую вопреки тому, каковы наши истинные чувства. Но мы должны поступать в соответствии с общепринятыми нормами, увы, такова реальность.

Какое-то время Вайолет хранила молчание, потом улыбнулась и впервые с тех пор, как Флора познакомилась с девочкой, она увидела счастливое выражение на ее лице.

– Вы все поняли абсолютно точно! – Вайолет захлопнула книгу, поднялась с кресла и подошла к Флоре. – Сначала я не понимала, что такого увидела в вас мама, но теперь до меня наконец дошло. Я рада, что вы у нас. Вы ведь тоже любили, не так ли? Спокойной ночи, Флора.

Вайолет ушла, но уже в следующую минуту на пороге комнаты показалась Барни.

– Простите, мисс Флора, но миссис Кеппел просит вас заглянуть к ней в будуар перед тем, как она отправится на ужин.

Флора тоже поднялась с кресла и направилась вслед за Барни на другой конец коридора, где располагались private апартаменты четы Кеппел.

– Флора, проходи же сюда. Садись рядом, – приказала ей миссис Кеппел, восседающая за туалетным столиком с величественным видом самой заправской императрицы.

– Спасибо, – поблагодарила Флора и стеснительно опустилась на краешек пуфика, обтянутого бархатом, невольно залюбовавшись распушенными волосами ярко-рыжего цвета своей благодетельницы. Они свободной пеленой рассыпались пышными локонами по ее белоснежным плечам. На миссис Кеппел был пеньюар из дорогих кружев шантильи, наброшенный поверх корсета, красиво

обозначивший ее полную грудь, соблазнительно выступающую из выреза. Еще никогда Флора не видела миссис Кеппел такой красивой.

– Хочу сообщить тебе, что сегодня ты произвела на Берти самое благоприятное впечатление.

– Мне он тоже очень понравился, – ответила Флора, как всегда, осторожно подбирая слова.

– Ах, сейчас он совсем не тот, каким был когда-то, – откликнулась миссис Кеппел. От ее внимания не ускользнул сдержанный тон Флоры. – Он ведь очень болен, но категорически не хочет лечиться. Но при этом остался по-прежнему очень добрым и мудрым человеком. Берти очень-очень дорог мне.

– Да, миссис Кеппел.

– Барни, будь так добра, оставь нас с Флорой на пару минут.

– Слушаюсь, мадам.

Барни, бесцельно слонявшаяся за спиной своей госпожи в ожидании, когда та даст сигнал, чтобы начать делать прическу, проворно выпорхнула из комнаты. Миссис Кеппел повернулась лицом к Флоре.

– Моя дорогая, – начала она, беря ее руки в свои и сильно сжимая их. – Я ведь до последнего не была уверена в том, стоит ли тебя представлять Берти, не будет ли это опрометчивым шагом с моей стороны. Но все прошло лучше некуда. Ты была выше всяческих похвал сегодня.

– Правда? А я так сильно нервничала.

– Ты была самой собой, и король сразу же это отметил. Прощаясь, он сказал мне, что ты похожа на дикий цветок, распустившийся среди шотландских гор.

– Я... я польщена такой оценкой.

– Ах, Флора! – Миссис Кеппел подавила тяжелый вздох. – Ты и сама не понимаешь, сколь высока эта оценка. И насколько я благодарна уже тебе за то, что ты такая, какая есть. Он попросил меня сделать все от меня зависящее, чтобы не испортить тебя, не превратить в еще одну великосветскую куклу, чтобы жизнь в большом городе не погубила эту твою врожденную естественность и непосредственность. Он надеется, что в будущем вам еще представится случай пообщаться снова. Но поскольку ты не была официально представлена ко двору, я думаю, и он тоже, кстати, такого же мнения, что лучше держать вашу

сегодняшнюю встречу и все ваши будущие контакты, если таковые будут, в секрете.

– Хорошо. Но только Вайолет и Соня знают, что я видела его.

– Ну, естественно, знают! – рассмеялась в ответ миссис Кеппел. – Я вовсе не имела в виду своих домашних. Всех тех, кто обитает в стенах этого дома. Кстати, одна из причин, по которой Берти так любит бывать здесь на Портман-сквер – это как раз отсутствие какой бы то ни было публичности и полное соблюдение анонимности. У нас он чувствует себя самым обычным человеком, таким, как все. А именно этого ему и не хватает в той жизни, которую он вынужден вести. Понимаешь меня, Флора?

– Думаю, да, миссис Кеппел.

– Вот и отлично. Уверена, у вас с Берти еще будет возможность в обозримом будущем познакомиться друг с другом поближе.

– Да, я буду только рада этому. Я...

– Что, милая?

– Я только хотела спросить, а мистер Георг... он тоже посвящен в этот секрет? Он знает о визитах короля сюда? – Лицо Флоры моментально стало пунцовым. Собственно, какое право она имеет на подобные вопросы?

– Ну, конечно же! Что за вопрос! Они очень дружны с Берти и часто даже вместе охотятся, когда осенью король приезжает к нам в замок Дантрез.

Понимая, что она только что сморозила величайшую глупость, Флора покраснела еще сильнее.

– В нашем доме мы не держим секретов друг от друга. А сейчас мне пора пригласить Барни. Мы отправляемся на ужин в Мальборо-Хаус через полчаса. – С этими словами миссис Кеппел позвонила в колокольчик, стоявший на туалетном столике. – Там будет и премьер-министр. А потому можно уже заранее сказать, что весь вечер за столом будут обсуждать последние выходки кайзера.

Флора поражалась в глубине души, как свободно и легко слетали с уст этой женщины такие известные имена. Она швырялась ими с такой непринужденностью, словно это были косточки от вишен.

– Надеюсь, вы получите удовольствие от этого вечера, – сказала она.

– Спасибо, но уверена, что не получу. Кстати, я вспомнила, что завтра ты собираешься навестить свою сестру Аурелию и тетю на Гросвенор-сквер. Лично я занята, но Фрид отвезет тебя на машине и туда и обратно.

– Спасибо.

– Не за что, милая. И еще раз мои самые искренние поздравления тебе. Сегодня за чаем ты вела себя безупречно. Не сомневаюсь, это лишь начало вашего знакомства с Берти.

* * *

– Сестричка, миленькая!

Аурелия заключила Флору в свои страстные объятия прямо на пороге гостиной дома тети Шарлотты. Но вот они вошли в комнату, и она тут же плотно прикрыла за собой дверь.

– Я попросила тетю Шарлотту разрешить нам пообщаться какое-то время наедине, – пояснила Аурелия сестре. – Мне просто позарез нужен твой совет.

Она подвела Флору к дивану и сама уселась рядом. Флора подумала, что сестра сильно изменилась, причем в лучшую сторону, с тех пор как они виделись с ней в последний раз. В ее прекрасных голубых глазах снова появился блеск, они излучали жизнелюбие, на щечках опять расцвели розы. О причинах таких метаморфоз догадаться было несложно.

Пожалуйста, Господи, дай мне силы утаить мою боль...

– Я пригласила тебя потому, что с момента нашей последней встречи кое-что произошло. У меня был гость...

– Вот как? И кто же он?

– Арчи Воган! – воскликнула Аурелия, не в силах далее скрывать свое ликование. – Он навестил меня два дня тому назад, я уже заканчивала укладывать свои вещи, готовясь к отъезду. Ты же знаешь, послезавтра я должна буду отбыть в Шотландию. Представляешь себе мое удивление, когда я увидела его.

– Еще бы! Представляю! – Флора попыталась изобразить на своем лице крайнюю степень удивления.

– Разумеется, я была уверена, что он явился только за тем, чтобы попроситься со мной – ничего не значащий визит вежливости... Но, представь себе, едва войдя в гостиную и закрыв за собой дверь, он тут же взял меня за руки и покаянным голосом объявил, что допустил чудовищную ошибку. Так и сказал, чудовищную ошибку! Не сойти мне с этого места.

– Можно только догадываться, что ты почувствовала в тот момент.

– Я, естественно, спросила у него, о какой такой ошибке идет речь, и он пустился в пространные объяснения. Сказал, как внезапно испугался той ответственности, которую несет в себе брак, что, наверное, он просто не создан для семейной жизни – точь-в-точь твоими словами! – что боится того, что станет мне плохим мужем и прочее, и прочее... Словом, вот таковы были причины, по которым он так и не решился сделать мне предложение, пока я гостила у них в Хай-Уилд.

– Понятно.

– Но стоило мне уехать, как он тут же осознал, как ему не хватает меня. – Глаза Аурелии подернулись мечтательной дымкой. Видно, она заново переживала сладостные мгновения их объяснения с Арчи.

– Боже мой! Как... романтично...

– А когда мать сообщила ему, что я буквально на днях собираюсь покинуть Лондон и уехать в Шотландию, он тут же понял, что ему следует делать. Мчатся сюда и попытаются остановить меня любой ценой. Что он и сделал.

– Так он все же сделал тебе предложение?

– Да! Ах, Флора! Вначале он попросил у меня прощения за свое непонятное поведение, потом опустился на одно колено и протянул мне коробочку с кольцом. Просто потрясающий перстень с изумрудом!

– И что же ты сказала ему в ответ?

– О, здесь ты можешь смело гордиться мной. Я сказала, что его предложение застало меня врасплох, все так внезапно и неожиданно, что мне надо время, чтобы все хорошенько обдумать. Хотя бы несколько дней... Вот поэтому я и попросила тебя приехать сюда. Ты ведь так хорошо разбираешься во всех этих сердечных хитросплетениях. Помоги мне, дорогая Флора. Посоветуй, что мне делать.

Усилием воли Флора постаралась отогнать от себя все личное. Мало ли как она сама страдает сейчас в глубине души? Но разве это имеет значение?

– Позволь мне все же поинтересоваться, почему ты не приняла его предложение сразу же? Что тебя остановило?

– Как почему, Флора? Я же сама тебе говорила, помнишь? – возмутилась Аурелия. – Сказала, что не приму никакого его предложения, если ему вздумается предложить мне руку и сердце. Наверное, тогда во мне говорили обида, моя оскорбленная гордость, но все же... И потом, я до сих пор не уверена в том, что он меня любит так же сильно, как люблю его я.

– Но разве он не признался тебе в любви?

– Признался... Во всяком случае, сказал, что без меня его жизнь будет пуста и никчемна.

– Ну вот видишь! – Флора постаралась изобразить на своем лице самую лучезарную улыбку. – Это и есть самое настоящее признание в любви... Только слова для него Арчи подобрал свои, особые...

– Ты так считаешь? – Аурелия бросила на сестру жалобный взгляд. – Наверное, я просто жду чего-то необыкновенного... Начиталась всяких романов с их красочными описаниями любовных историй. Но, как бы то ни было, а его колебания и сомнения, что бы он там ни толковал мне о причинах, заставивших его повести себя так, а не иначе, все это вызывает во мне определенное недоверие. У меня такое чувство, что он чего-то недоговаривает.

– В любом случае он сделал тебе предложение, а все остальное тебя уже не касается.

– Я спросила у него напрямую, нет ли у него другой женщины, той, что похитила его сердце, и он поклялся мне, что любит только меня и меня одну.

Флора почувствовала, как больно заныло сердце в ее груди.

– После таких слов, думаю, тебе стоит принять его предложение. Ведь такое признание дорогого стоит.

– Да, понимаю... Но, Флора, у меня ведь были и другие кавалеры. Я имею в виду на протяжении сезона. И все они так пылко ухаживали за мной. – Аурелия поднялась с дивана и стала нервно расхаживать по небольшой гостиной. – Меня засыпали цветами, любовными посланиями, и хотя все это мне *было не нужно*, но я видела, что эти

молодые люди искренне добиваются моей любви. А с Арчи у меня все по-другому. Такое впечатление, что это не он добивается меня, а я *добиваюсь*... внимания мужчины, которому я, судя по всему, совершенно безразлична.

– Знаешь, даже я со своими весьма скудными познаниями по части мужчин, понимаю, что многие из них воспринимают любовь и все, что с ней связано, совсем не так, как мы, женщины. Да, некоторые могут быть пылкими и романтичными, а другие, напротив, очень сдержанны в проявлении своих чувств. Вспомни нашего отца. – Флора ухватилась за свой последний, самый весомый, как ей показалось, аргумент. – Наверняка ведь он обожает маму, но никогда, ни единого разу, он не заявлял открыто о своих чувствах к ней.

– Ты и правда думаешь, что он ее обожает? – Аурелия прекратила ходить и замерла посреди комнаты. – Я всегда удивлялась, глядя на них обоих. Не хотела бы я такой супружеской жизни, как у наших родителей.

Флора поняла, что ее главный аргумент – отсылка к примеру родителей, не сработал.

Да и действительно, их весьма своеобразный брак вряд ли мог послужить источником вдохновения для других.

– Знаешь, это все, наверное, потому, – начала она выпутываться из щекотливой ситуации, в которую сама же себя загнала, – что мужчин изначально воспитывают быть сдержанными, не выказывать свои эмоции на людях. Вот и Арчи Воган, он явно из числа таких мужчин.

Аурелия метнула на сестру быстрый взгляд, в котором мелькнуло нечто похожее на подозрительность.

– Ты ведь его всегда недолюбливала, говорила, что не доверяешь ему. А сейчас я просто удивляюсь тебе. Ты с таким жаром защищаешь его... Не понимаю...

– То, что я к нему чувствую или, наоборот, не чувствую, не имеет никакого отношения к делу. Я просто пытаюсь быть объективной и веду себя с тобой предельно честно и открыто. Ты поинтересовалась моим мнением, я тебе его высказала. Что тут непонятного? Да, он совершил ошибку, но сам же и осознал ее. А сейчас он хочет жениться на тебе. Чего еще желать, Аурелия? Особенно с учетом того, что ждет тебя в перспективе, если ты ответишь ему отказом...

– Знаю, сама все знаю. Все последние дни я только и думала о том, что умру от горя и тоски в этой Шотландии, куда буду вынуждена вернуться и стану жить под одной крышей с родителями.

– Ну, вот! Этим все сказано.

– Да, за исключением одного... Мне будет так же невыносимо жить с мыслью о том, что Арчи не любит меня по-настоящему. А женится на мне только из-за приданого, чтобы сохранить свою фамильную усадьбу.

– Моя дорогая Аурелия, думаю, лорд Воган уже в полной мере продемонстрировал тебе, что у него есть свой взгляд на вещи и что он не из тех мужчин, кого можно заставить сделать то, чего он сам не желает.

– То есть ты полагаешь, что мне нужно принять его предложение? Сказать ему «да»?

– Полагаю, – бодро солгала Флора, озвучив, пожалуй, самую большую ложь в своей жизни.

– И, несмотря на все свое негативное отношение к нему, ты согласишься быть моей старшей подружкой и будешь танцевать на моей свадьбе?

– Конечно.

– Тогда... – Флора увидела, как сестра моментально просветлела лицом. – Что ж, тогда ты убедила меня. Я скажу ему, когда он завтра явится сюда во второй половине дня, что принимаю его предложение. Спасибо тебе, сестричка. Не знаю, что бы я без тебя делала. Итак, мы все обсудили и решили, пора переходить к чаю. Сказать честно, после всех этих переживаний я чувствую такую слабость во всем теле...

Часом позже Флора позволила Фриду усадить себя в лимузин. Она тоже чувствовала себя невероятно слабой после того чудовищного обмана, который только что совершила. Да, она поступила так, как это было нужно, как было правильно и как ей следовало поступить, приложила все усилия для того, чтобы убедить Аурелию принять предложение Арчи. И все же весь обратный путь до Портман-сквер ее терзали сомнения. Ведь Аурелия желала лишь одного: получить от Арчи такую же любовь, которую она сама питала к нему.

Но именно этого, и Флора хорошо понимала всю сложность ситуации, Арчи и не способен был дать ей. Никогда.

– Надеюсь, ты уже в курсе того, о чем сообщает «Таймс» в своем утреннем выпуске? – Миссис Кеппел протянула Флоре свежую газету, и та прочитала объявление о помолвке.

– Да. Аурелия сказала мне, что лорд Воган сделал ей предложение.

– Ты рада, что они поженятся уже на Рождество? На удивление короткая помолвка. Тебе так не кажется?

– Наверное, они оба посчитали, что и так растратили слишком много драгоценного времени понапрасну. Я рада за них обоих. Они ведь любят друг друга.

Миссис Кеппел слегка прищурилась с глубокомысленным выражением лица.

– Тогда я тоже рада за них. Надо будет послать им поздравление по случаю помолвки от всей нашей семьи.

– Я тоже отправлю им свое поздравление.

– Кстати, сегодня утром посыльный из дома Воганов в Лондоне принес письмо сюда. Я сказала дворецкому, что сама отдам тебе это письмо.

– Спасибо.

Стараясь ничем не выдать своего волнения, Флора взяла конверт из нежных белых ручек миссис Кеппел.

Та молча наблюдала за тем, как она слегка разгладила конверт пальцами.

– Моя дорогая Флора, сегодня во второй половине дня я дома и никого не принимаю. Если хочешь, загляни ко мне на чашечку чая, уже после того, как прочтешь письмо.

– Я... спасибо.

Флора вышла из гостиной и побежала к себе наверх. Плотно прикрыла дверь, потом уселась прямо на кровать и уставилась на конверт. Уже от одного только вида почерка Арчи слезы тут же навернулись у нее на глаза. Она разорвала конверт и дрожащими пальцами развернула листок бумаги.

19 октября 1909 года

Я сделал так, как Вы просили, хотя знаю: это неправильно по отношению ко всем нам троице. Но сейчас, когда все уже решено, я попросил устроить нашу свадьбу как можно скорее.

Несмотря ни на что, я люблю тебя.

Арчи

* * *

– Ах, это ты Флора? Проходи. Я тебя ждала.

– Правда? – Флора стояла, переминаясь с ноги на ногу на пороге малой гостиной миссис Кеппел.

– Правда, – уверенным тоном отрезала та. – Прикрой, пожалуйста, дверь поплотнее. Чай уже ждет тебя. Присаживайся смелее. Нас никто не потревожит.

Флора послушно направилась к столу. Шла медленно, раздражаемая сомнениями и страхом. Еще никогда до сего дня она ни с кем не беседовала откровенно о личном, но сегодня...

– Садись же, дорогая, поближе к огню. Согрейся немного. – Миссис Кеппел протянула Флоре чашечку с чаем, и та с удовольствием сделала глоток. – Итак, мы можем тут спокойно чаевничать и сплетничать обо всем на свете, если хочешь. А можем и серьезно поговорить обо всем. Выбор за тобой.

– Я... я, право, не знаю...

– Любовь – это такая запутанная штука, не так ли? Но ты, как и я когда-то, предпочитаешь советоваться только сама с собой. Мой дорогой Берти не перестает повторять, что знание – это сила. Иногда, правда, хочется меньше знать и жить спокойно, ни о чем не тревожась. Но это неразумно со всех точек зрения. Во всяком случае, *мы с тобой* предпочитаем так не делать.

– Да, – послушно кивнула Флора, поражаясь прозорливости своей благодетельницы.

– Итак, Флора, ты посвящена в *мою тайну*. Все в Лондоне полагают, что им понятно, какого рода связь существует между мной и королем. Многие критикуют эти отношения. Но все их злобные

инсинуации, их неумное желание всячески дискредитировать меня в глазах других их же самих и ослепляет. Они не видят очевидного. Я люблю этого человека. Какой-нибудь посторонний скажет, что я лишь потакаю своему неумному честолюбию, что я тщеславна, амбициозна и прочее. Наверное, узнай они о том, что ты отвергла ухаживания лорда Вогана, они бы тоже поторопились осудить тебя. Сказали бы, что ты поступила жестоко. Но я-то прекрасно понимаю те истинные мотивы, которые тобой двигали. Ты любишь свою сестру, очень любишь, и ее счастье для тебя важнее всего.

– Миссис Кеппел, что вы говорите? Я... Никто, ни одна живая душа даже не подозревает о том, что у нас с лордом Воганом что-то было...

– Я знала об этом. По крайней мере, догадывалась. Пожалуй, единственный человек во всем Лондоне, кто догадался. И потом, я же видела, какие у вас обоих были лица в тот день, когда он навещал нас здесь. Весь трагизм той ситуации, в которой вы очутились... Он же буквально отпечатался на челе каждого из вас. Но не волнуйся, твоя тайна умрет вместе со мной. И все же, Флора, излей свою душу. Поверь, тебе сразу же станет легче. Иначе так можно сойти с ума.

И Флора пустилась в откровения. Слушая ее излияния, миссис Кеппел налила ей бокал шерри, потом протянула чистый кружевной платок и все время просто сидела и слушала. Флора рассказала ей все, что было между ней и Арчи, и ей действительно стало легче.

– Ты не первая и не последняя, кто отказывается от своей любви, кто отправляет любимого мужчину в объятия другой женщины, руководствуясь при этом исключительно собственной порядочностью и чувством долга, – негромко обронила миссис Кеппел, когда наконец замолчала. – Я тоже оказалась в свое время в аналогичной ситуации... Еще до того, как вышла замуж за моего дорогого Георга... Еще до встречи с Берти... Скажу так: ты поступила, руководствуясь самыми благородными мотивами. Но сейчас пора перевернуть эту страницу и двигаться дальше.

– Понимаю. Но это, пожалуй, и есть самое сложное: жить дальше.

– Самый хороший способ залечить сердечные раны – это максимально развлечь себя с тем, чтобы поскорее найти достойную замену. Я страшно рада тому, что именно в этом я могу тебе поспособствовать. – Миссис Кеппел жизнерадостно улыбнулась. –

Скоро начинаются увеселительные балы. Уверяю тебя, еще до того, как состоится свадьба твоей сестры, ты получишь по меньшей мере несколько предложений руки и сердца.

– Спасибо на добром слове. Но, сказать откровенно, сейчас меня мало интересуют соискатели руки и сердца.

– Это потому, что ты с ними еще не знакома! – В глазах миссис Кеппел зажглись веселые огоньки. – Мы начнем с бала в Девоншир-Хаус... Потом еще этот прекрасный танцевальный зал в Бленхейме. Туда, правда, ехать и ехать... Но, думаю, стоит рискнуть и совершить этот марш-бросок. Потом еще...

– Миссис Кеппел, можно задать вам вопрос?

– Да, милая.

– А почему вы все это делаете для меня?

Миссис Кеппел бросила задумчивый взгляд на огонь, потом перевела глаза на Флору.

– Потому что в тебе я вижу ту дочь, которой у нас никогда не было.

Стар

Октябрь 2007 года

Цеанотус (Калифорнийская сирень, или Краснокоренник, – род растений семейства Крушиновые)

Я почувствовала, как кто-то настойчиво теребит меня за плечо. Я с трудом оторвалась от чтения и вернулась в день сегодняшний. Подняла глаза на экран. Там уже ползли заключительные титры «Супермена», а Рори стоял рядом со мной.

– Сейчас «Супермен-II», да?

Я взглянула на часы: половина шестого вечера.

– Нет, – отрицательно покачала я головой. – Думаю, одной серии в день вполне достаточно. Пойдем-ка, я лучше покажу тебе фазанов, – предложила я мальчику, чтобы переключить его внимание.

Он радостно закивал головой, а я с трудом заставила себя оторваться от кресла и от того прошлого, в котором пребывала только что. Но сейчас не время начинать анализировать прочитанное или, тем более, искать какие-то связи между всеми этими людьми и собой. На кухне Орландо разбирался с покупками, которые нам доставили из сельского магазина.

– Вам полагается приз в виде целого брауни за то, как вы ловко ощипали всю дичь! – воскликнул он, увидев меня. – Но я тоже не остался в стороне и поучаствовал. Наверное, вы будете рады, если я сообщу, что только что извлек пулю, которая оборвала жизнь этой пичуги. Зато завтра мы точно не сломаем зубы, лакомясь ею за обедом. – Он показал нам маленькое блюдце, на котором лежали три маленькие дробинки.

Рори немедленно взял одну из них в руки и стал внимательно разглядывать.

– Бедная птичка. Не повезло ей.

– Ты прав, не повезло. Зато нам повезло, и завтра у нас будет отменный обед. Мисс Стар, а вот это для вечернего пиршества.

Я увидела огромный кусок мяса, лежавший перед Орландо на мраморной столешнице: стейк с кровью.

– Надеюсь, вы по достоинству оцените все совершенство этой филейной части туши. Кто еще разбирается в этом лучше вас? Если вы не возражаете, предлагаю накрыть стол ровно в восемь. И у нас будет в

запасе целых три часа до наступления сна, чтобы все переварить как следует, – добавил он, бросив взгляд на часы.

– Тогда я принимаюсь за дело.

– А я тем временем забираю этого юного джентльмена с собой. Предлагаю вам, милорд, партию в шахматы. Проигравший моет посуду после ужина.

– Но ты же всегда выигрываешь, дядя Ландо, – жалобно попытался возразить Рори, когда они оба строевым шагом направились из кухни.

Я приготовила мясо, потушила овощи и уселась к столу, вполне довольная собой, с наслаждением вдыхая аппетитные ароматы, заполнившие кухню. Тепло, уютно, что еще надо? Мысли мои снова вернулись к прочитанному. Получается, что та фигурка, которую оставил мне отец, это не пантера, как я думала ранее, а любимая кошка Флоры. Потом я начала размышлять о самой Флоре. Ведь Па Солт недвусмысленно дал мне понять, что что-то же связывает меня с этой женщиной. Конечно, между нами просматривается кое-какое сходство. Например, мы обе любим природу, увлекаемся ботаникой. Но мало ли на свете людей с подобными увлечениями? Миллионы и миллионы, я думаю. К тому же из того, что я успела прочитать, гораздо вероятнее моя потенциальная связь с Аурелией. В конце концов, это же она вошла в семейство Воганов на правах жены Арчи.

Но больше всего на свете мне хотелось отыскать те незримые нити, которые связывают меня с именем Хай-Уилд. Ведь что-то же непонятное влечет меня к этому дому, к этой необычной семье, живущей под его крышей. Кроме того, день ото дня я все более и более привязываюсь по крайней мере к двум членам семейства.

После того как мы лихо расправились с куском филе, что Орландо тут же провозгласил «поистине героическим действием», я повела Рори наверх принимать ванну перед сном. Чувствовала я себя не очень уверенно, ибо не вполне представляла, какие конкретно правила существуют в семье относительно самой процедуры омовения. А потому решила отвести главенствующую роль Рори. Пусть он сам руководит всем процессом. Первым делом он достал из ушей слуховые аппараты и аккуратно положил их на полку.

– Мне уйти? – спросила я как бы между прочим, когда он залез в ванну, наполненную до краев пенящимися мыльными пузырями. Но

Рори отрицательно качнул головой.

– Поговори со мной, Стар. Расскажи мне какую-нибудь интересную историю о своей семье.

Я уселась на старомодный деревянный стульчак и пустилась в рассказы, максимально задействовав не только свою мимику, но и выражение лица, если языка жестов было мало. Словом, изложила Рори в предельно сжатом виде историю своего детства в Атлантиде, не забыв присовокупить и пару случаев, когда мы с Сиси, будучи маленькими, попадали во всякие неприятные передряги.

– Сестрицы-проказницы! – весело хихикнул Рори, выбираясь из ванны и закутываясь в полотенце, которое я тут же раскрыла для него. Но вот его ярко-зеленые глаза посерьезнели. – Я тоже хочу сестру или брата. Это же весело, правда?

Я помогла ему надеть пижамку, потом дала ему слуховые аппараты. Он аккуратно вставил наушники в каждое ухо, потом обхватил меня за шею и поцеловал в щеку. – Будь моей сестрой ты, Стар, ладно?

– С удовольствием, – тут же согласилась я и, взяв ребенка за руку, повела по коридору в его комнату.

Через пару минут на пороге появился Орландо. Он нерешительно замялся у дверей.

– Омовение завершено? – поинтересовался он.

– Да. Спокойной ночи, мой ангел. – Я поцеловала Рори на прощание.

– Спокойной ночи, Стар.

* * *

Назавтра сразу же после завтрака я занялась приготовлением воскресного обеда.

Сначала отдельно подрумянила ножки фазанов в большой чугунной кастрюле, потом добавила туда ягоды крыжовника, травы и немного красного вина, которое, как я надеялась, должно полностью выпариться в процессе готовки, придав лишь пикантный вкус самому соусу. Затем я завернула грудки в полоски из бекона, выложила их на противень и на время отодвинула в сторону. Запекать их я поставлю

позже. Рори пристроился рядом за кухонным столом, всецело занятый рисованием. Так мы и трудились с ним мирно, каждый занимаясь своим делом. Я начала раскатывать тесто для фруктового пирога, изредка бросая взгляды в сторону Рори. Я сотни раз наблюдала за тем, как рисует Сиси. Ее живопись всегда была предельно точной, но у Рори все было иначе. Он смело смешивал акварельные краски, добиваясь нужного ему оттенка, и так же лихо наносил их кистью на картон, ничуть не опасаясь за последствия. К тому моменту как я поставила пирог в духовку, осенний пейзаж у Рори был уже завершен. И замечательный пейзаж, надо признать. Пожалуй, я не смогла бы его скопировать и за долгие месяцы усердной работы.

– Красота! – выдохнула я восхищенно, наблюдая за тем, как он ставит свой автограф на акварели. Буквы у него получались немного корявыми, совсем не такими легкими и изящными, как мазки его кисти.

– Я люблю рисовать.

– Нам всем нравится заниматься тем, что у нас хорошо получается, – улыбнулась я в ответ.

Утром Орландо куда-то отлучался. Не сказал куда, но, судя по его настроению, не очень-то он горел желанием туда ходить. Назад он вернулся не один, а вместе с Мышью. Я как раз начала готовить картофельное пюре.

– Посмотрите, что я нарисовал, – тут же похвалился им Рори. – Это для Стар.

Орландо немедленно рассыпался в дежурных комплиментах, а Мышь лишь мельком взглянул на акварель, но воздержался от комментариев.

– Что скажете, если к фазанам, приготовленным Стар, я присовокуплю бутылочку вакейраса? – спросил у нас Орландо, не обращая ни к кому конкретно. И не дожидаясь нашего ответа, направился в кладовку, чтобы принести вино.

– Ну как, прочитали мою рукопись? – поинтересовался у меня Мышь с места в карьер.

– Да, прочитала. Большое спасибо. – Я указала на аккуратную стопку листов, сложенных возле телефона.

– Нашли для себя что-то полезное?

– Да, много чего интересного.

– А я бы хотел взглянуть на ту фигурку пантеры, если она при вас.
– Как правило, я не вожу ее с собой, – бодро солгала я, надеясь, что лицо мое не вспыхнуло краской стыда, как это всегда бывает со мной, если я говорю неправду.

– Жаль. Очень жаль. Орландо полагает, что эта вещица – дело рук Фаберже.

– Пороюсь еще раз в своих вещах до отъезда, – пообещала я вяло.

– Уж будьте так любезны.

В этот момент зазвонил телефон. Мышь снял трубку.

– Привет, Маргарет. Да, здесь все в полном порядке. И с ним тоже все о'кей. Правда, Рори?

– Да! – выкрикнул Рори во весь голос, так, чтобы его услышала мать на другом конце провода. – Все чудесно!

– Когда ты возвращаешься? В какое время?

Я повернулась к духовке, чтобы не мешать их разговору. Еще чего, доброго, подумает, что я подслушиваю.

– Понятно. У меня точно никак не получится. Сейчас переговорю с Орландо и Стар, если они смогут. Орландо! Ты где?

– Я здесь, – Орландо возник из кладовки с бутылкой красного сухого вина в руке.

– Маргарет просят задержаться во Франции еще на пару деньков. Она спрашивает, не могли бы вы со Стар присмотреть за Рори в эти дни.

– К великому сожалению, это невозможно. В Лондоне на днях состоятся два очень важных аукциона, и я там обязательно должен присутствовать. А ты сам, Мышь, не можешь?

– Нет. Ты же видел, что творится у меня на ферме. К тому ж у Рори укороченные занятия в школе и потом...

Я взглянула на Рори. Он сидел между двумя братьями и безмолвно крутил головой, посматривая то на одного, то на другого, пока те пикировались, небрежно перекидывая мяч в этой словесной игре с одной стороны поля на другую. Наверное, в эту минуту он чувствовал себя таким же незначительным, таким же мелким, как тот метафорический мяч, который они оба старательно пинали.

– Я останусь! – внезапно вырвалось у меня. – То есть я хочу сказать, что вы же, Орландо, сможете управиться в магазине и без меня в эти пару дней.

– Надо подумать. Наверное, управлюсь.

Рори погладил руки Орландо и порывисто выдохнул.

– Да, пожалуйста, позволь Стар остаться! Она так вкусно готовит!

Последовала короткая пауза. Братья молча переглянулись, потом оба уставились на меня.

– Учитывая, какой у тебя наплыв покупателей в магазине, предполагаю, что вся ее работа сводится к протиранию пыли на полках, – обронил Мышь.

Я уже была готова вспылить в ответ, но с трудом сдержала себя. Кажется, Орландо проделал над собой то же усилие.

– Главное, чтобы Рори был доволен. А он, судя по всему, на седьмом небе от счастья, – сказал он наконец.

– Тогда все решено. Маргарет, ты нас слышишь? Стар остается с Рори, тот безмерно счастлив, – бросил Мышь в трубку. – Я буду тоже заглядывать, присматривать, как они тут управляются. Так когда точно ты возвращаешься, в среду? Сообщи, ладно? О'кей, пока.

– Обед готов, – объявила я, обращаясь к Орландо. Тот как раз разливал вино по бокалам.

– Отлично! Давайте пообедаем прямо здесь, на кухне, – предложил он. – Я... то есть я хочу сказать, *мы*... – Орландо взглянул на брата. – Мы невероятно вам благодарны, Стар, за помощь.

– Пустяки, – ответила я и повернулась к духовке.

Сразу же после обеда, который, не скрою, стал моим маленьким кулинарным триумфом, особенно с учетом того, что я никогда ранее не имела дела с фазанами, Мышь повез Орландо на своем побитом «лендровере» в Ашворд, чтобы успеть на поезд до Лондона. Напряжение между братьями было заметно невооруженным глазом. Наверное, они успели о чем-то сильно поспорить сегодня с самого утра, решила я. А тут еще этот звонок Маргарет.

Уходя, Мышь бросил мне, что он еще заглянет к нам попрощаться на ночь с Рори, но часы пробили восемь, а он так и не появился. Я с трудом оторвала Рори от созерцания очередной серии «Супермена», выкупала его и уложила в постель.

Вернувшись к себе в комнату, я порылась в рюкзаке и извлекла оттуда на свет божий папино письмо и фигурку черного котенка. Внимательно разглядела крохотное создание со всех сторон, припомнив, как ярко сама Флора живописала свою Пантеру.

– Так ты Пантера? – спросила я вслух, обращаясь к фигурке и, не получив ответа, снова спрятала ее в рюкзак. Если это и правда изделие Фаберже, как предполагает Мышь, то стоит безделушка немалых денег. Наверное, миссис Кеппел, которая когда-то коллекционировала произведения Фаберже, преподнесла эту кошечку Флоре в качестве такого подарка...

Но узнать, так ли это было на самом деле, можно лишь одним единственным способом. Поинтересоваться у помойной крысы. Ой, что это я! Конечно же, у *Мыши*, тут же мысленно поправила я себя. Еще не хватало, чтобы прозвище, которое я ему дала, случайно сорвалось с моих уст в разговоре с кем-то посторонним.

Я побрела в ванную и мигом окунулась там в те же мыльные пузыри, которые ранее приготовила для Рори. Вчера вечером я уже на собственном опыте прочувствовала, что это значит – совершать омовение холодной водой. Ведь старый титан рассчитан лишь на одну ванну в день, и не более того. После чего поспешила обратно к себе в спальню, чтобы натянуть на себя как можно больше одежек. Потом спустилась вниз.

Какое-то время постояла у парадных дверей, прикидывая, запереться мне на ночь или не стоит. Но тут у меня за спиной из темноты возникла чья-то фигура. Я даже вскрикнула от неожиданности.

– Это всего лишь я, – объявил мне Мышь. – Зашел с черного входа, пока вы были наверху. Хотел отдать вам вот это. – Он протянул мне кольцо, на котором болтались два огромных латунных ключа.

– Спасибо.

– Это вам спасибо за то, что согласились остаться. По всему видно, что Рори к вам сильно привязался. Маргарет пообещала завтра перезвонить. Обычно она никогда не задерживается в своих поездках. Не поддается ни на какие уговоры, но, видно, что-то там требует ее присутствия, – пробормотал он вполголоса. – Как правило, она работает дома, предпочитает местные заказы, такие, которые позволяют ей вечером обязательно находиться дома... ради Рори... Но вот пошли заказы уже и из-за границы. Судя по всему, слава ее растет. Однако вернемся к вашим делам. Вам точно нужен кое-какой провиант на ближайшие дни. Составьте мне список всех необходимых вам

продуктов, и я завтра с самого утра сгоняю в магазин. Но предупреждаю, это будет именно с самого утра.

– Нет проблем, – согласилась я миролюбиво. – Вы не возражаете, если я воспользуюсь домашним телефоном, чтобы позвонить в Лондон? Хочу предупредить сестру, что я сегодня вечером не вернусь. А мой мобильник не ловит сигнал связи.

– Звоните, конечно. Какие разговоры? Чувствуйте себя здесь как дома. А если хотите отправить сообщение по электронной почте, то милости просим ко мне. Прямо за воротами направо, переходите дорогу. Пройдете несколько сот ярдов и слева от себя увидите указатель «Домашняя ферма». Домик так себе, не дворец, одним словом. Но зато есть *Wi-Fi*.

– Спасибо, но, думаю, телефонного разговора будет вполне достаточно.

– И все же, если вы отыщете среди своих вещей фигурку этой зверюшки, я бы очень хотел взглянуть на нее. В прошлом нашего семейства имеются некоторые пробелы. Так сказать, зияющие дыры. Надеюсь, мне удастся со временем заполнить их.

– Хорошо, пороюсь в своем рюкзаке еще раз.

– Надеюсь, пантера все-таки отыщется, в конце концов. Доброй ночи.

– И вам доброй ночи.

Я выпустила его через парадную дверь и тут же заперла ее на замок. Потом вернулась на кухню, сняла телефонную трубку и набрала номер мобильного Сиси.

– Привет, это я.

– Стар! Куда ты запропастилась? И почему ты звонишь с какого-то чужого номера?

Я постаралась объяснить сестре как можно более подробно все, что произошло. После моего монолога последовала длинная пауза.

– Итак, мало того, что эта семейка платит тебе жалкие гроши за то, что ты торчишь днями напролет в их книжном магазине, так сейчас они решили еще поэксплуатировать тебя бесплатно в качестве няни и повара. Так?

– Орландо пообещал, что зарплата моя сохранится, несмотря на отсутствие, и Маргарет тоже заплатит мне за мои услуги отдельно.

– Вся проблема в том, что ты у нас очень уж мягкосердечная. Тебя легко разжалобит первый встречный.

– Случились непредвиденные обстоятельства, и так уж вышло, что я оказалась единственным человеком, кто может помочь. А я, по правде говоря, и не сильно возражала. Мне здесь очень нравится, – призналась я честно.

– Все равно, проследи за тем, чтобы они рассчитались с тобой как положено. Я очень по тебе скучаю, сестричка. Эта квартира слишком велика для меня одной.

– Я скоро вернусь. А пока, если что надо, звони мне по этому номеру.

– В среду пропущу последнюю лекцию в колледже ради нашего с тобой совместного ужина. Последние несколько недель мы ведь практически не общались.

– Знаю. Но так уж получилось. Прости, Сиси. И спокойной тебе ночи.

– Постараюсь как-то уснуть. Пока.

Сиси резко оборвала разговор, и на другом конце провода установилась тишина. Я подавила тяжелый вздох и потащилась в гостиную, проверить, все ли в порядке с камином. Вот еще одно золотое правило, которому в свое время научил меня отец: никогда не оставлять на ночь огонь в камине. Потом выключила везде свет и отправилась спать. Но прежде заглянула к Рори. Тот спал безмятежным сном. Какое счастье, подумала вдруг я, что еще две ночи, целых две ночи! – я проведу в этом замечательном, в этом волшебном доме.

На следующее утро я поднялась рано. Собственно, меня разбудил Рори. Вскрабкался ко мне на кровать и сообщил, что проголодался и совсем не прочь поесть. А потому к тому времени, как Мышь объявился на нашей кухне, мы с Рори уже сидели за столом и завтракали.

– О, пахнет вкусно! – с порога воскликнул Мышь, к моему немалому изумлению. Ведь от него так редко можно было услышать доброе слово в свой адрес.

– Ничего особенного. Обычные гренки, поджаренные в молоке с яйцом. Хотите?

– Хочу. Я их последний раз ел еще ребенком. С удовольствием, если это не доставит вам хлопот.

– Свежий кофе на столе, – указала я на кофейник.

Рори погладил дядю по руке и знаками изобразил свой вопрос.

– Можно мне покататься на тракторе?

– Что? – Мышь вопросительно уставился на мальчика.

– Рори спрашивает, можно ли ему покататься на вашем тракторе, – пришла я на помощь, бухнув перед ним тарелку с гренками.

– Еще чего! Конечно же, нет! – отрезал Мышь, с жадностью набрасываясь на угощение. Совсем не так, как вчера за обедом. – Восхитительные гренки! – воскликнул он, уминая поджаренные хлебцы за обе щеки. – Люблю еду для маленьких детей. Вкусно! – Он залпом выпил кофе, поднялся со своего места, не забыв прихватить со стола составленный мною список. – Привезу, когда смогу.

И с этими словами ретировался вон.

– То есть трактора не будет, да? – спросил у меня Рори с таким жалобным выражением лица, что у меня заняло сердце.

– Сегодня нет, Рори. Наверное, когда-нибудь в другой раз. Но как смотришь, если мы с тобой совершим велосипедную прогулку, а? Только оденься потеплее.

Рори порулил на своем велике в сад, и мы там набрали столько яблок и мелкой черной сливы, сколько смогли унести. Старым

деревьям отчаянно нужна была обрезка. Но я знала, что обрезкой садовых деревьев нужно заниматься лишь в разгар зимы.

– Мы же никогда это все не съедим, – со вздохом заметил Рори, когда мы транспортировали собранные фрукты домой на скрипучей развалюхе-тачке, которую я отыскала поблизости.

– Конечно, не съедим. Но сливы хороши и для пирогов. Да и варенье из них получается отменное.

– Ты умеешь варить варенье? – страшно удивился Рори.

– Умею, – рассмеялась я в ответ, забавляясь его вопросу. Судя по всему, ребенок вырос в полной уверенности, что все то, что он ест, поступает из какого-то невидимого супермаркета.

Вторую половину дня я как раз и занялась пирогами. Рори же, как всегда, потребовал для просмотра своего «Супермена». Я поставила ему диск и вернулась на кухню, чтобы проверить, как там поживают мои пироги в духовке, а заодно и выпить чашечку чая. Руки у меня так и чесались, чтобы навести относительный порядок и в кухонных шкафчиках, и в кладовке, но я сдержала свой хозяйственный порыв. Не мое это дело наводить свои порядки в чужом доме.

Мельком глянув на часы, увидела, что уже почти шесть вечера. Время готовить ужин для Рори. Поскольку обещанные продукты пока так и не прибыли, я пошла в кладовку посмотреть, что там можно найти съедобного.

Как раз тогда, когда я вынимала из духовки последний пирог, отворилась дверь, и в кухню вошел Мышь с двумя пластиковыми пакетами, полными продуктов.

– Вот и мы, – сказал он, тяжело опуская пакеты на стол. – У вас что, вечеринка намечается? – он кивнул на пироги.

– Нет, просто насобирали в саду опавшие яблоки и решили пустить их в дело.

Он достал из одного пакета банку с пивом и открыл ее.

– Хотите?

– Нет, спасибо.

– С Рори все в порядке?

– Все хорошо.

Я принялась разгружать продукты. Извлекла из мешка колбаски-гриль, тут же выложила несколько штук на противень и поставила их в духовку запекаться.

– Приготовлю-ка я домашние чипсы, – сказала я, извлекая пакет с картофелем. Затем достала из шкафчика нож для чистки картофеля. – Надеюсь, Рори понравится.

– С учетом того, что они с Маргарет живут, главным образом, на яйцах и консервированных бобах, уверен, он будет в восторге. Кстати, я тоже не откажусь, если что-то останется.

Я про себя лишь усмехнулась. Надо же! А еда моя, кажется, нравится ему все больше и больше.

– Чипсов должно хватить на всех, – заявила я уверенным тоном, показывая на большой пакет с картошкой. – Пойду скажу Рори, что вы приехали.

– Минуточку-минуточку! – что-то в голосе Мыши заставило меня замереть на месте. Я повернулась к нему и увидела, что выражение лица у него самое что ни на есть мрачное. – Хочу спросить у вас напрямую еще раз. Так вы привезли с собой эту фигурку Фаберже? Одно из двух: либо ее у вас здесь нет, либо вы просто не хотите показывать ее мне. Мотивы ваши мне вполне понятны. Я хорошо понимаю, почему вы не доверяете мне. В конце концов, я встретил вас отнюдь не с распростертыми объятиями, это правда. Как правда и то, что все это меня в конечном счете мало волнует. Уж тут поверьте мне, Стар, на слово. Все вокруг считают меня откровенно дерьмовым человеком. Я и есть дерьмо. Полное дерьмо! Люди не ошибаются.

Ах, так у нас приступ жалости к самим себе. Как трогательно! Если он надеется, что я сейчас стану возражать и убеждать его в обратном, то глубоко заблуждается. Не дождетя!

– В любом случае, – продолжил Мышь, не обращая внимания на мое молчание, – предлагаю вам сделку. Я рассказываю вам все, что уже накопал об истории нашего семейства, а вы взамен показываете мне кошку. – Потому что если это и *правда* Фаберже, то тогда почти наверняка я знаю, кто именно подарил эту фигурку Флоре Макникол.

– Я...

– Мышь пришел! – радостно провозгласил Рори, вбежав в кухню. Момент для продолжения разговора был упущен.

За ужином Мышь был гораздо веселее обычного. Во всяком случае, я его в таком благодушном настроении еще не видела. Либо пытается втереться ко мне в доверие, добивается, чтобы я потеряла бдительность, хотя бы на время, а потом снова вернется в свое

привычное угрюмое состояние, либо приготовленные мною чипсы действительно пришлись ему по вкусу. В любом случае я была рада за Рори, когда дядя сделал попытку чем-то занять мальчика после трапезы. Я предложила им сыграть в крестики-нолики, но Рори даже понятия не имел, как в эту игру играют. Но когда я все самым подробным образом ему объяснила, он немедленно вошел во вкус, оглашая кухню счастливыми криками всякий раз, когда его крестики побеждали. Я видела, что Мышь намеренно уступает ему, и это неожиданное проявление доброты и понимания тоже вселяло надежду.

– Все, пора спать, – внезапно объявил нам Мышь.

Я глянула на часы: еще только начало восьмого. Но Рори тут же послушно встал со своего места. Ни дать ни взять этакий маленький солдат-новобранец, безропотно выполняющий приказы своего сержанта.

– Тогда идем принимать ванну, – сказала я, протягивая ему руку.

– Спокойной ночи, Мышь, – попрощался с дядей Рори.

– Спокойной ночи, Рори.

Я наполнила ванну. Вначале Рори немного поплескался, а потом откинулся на спину и закрыл глаза. Я намылила его волосы шампунем, и он тут же нырнул под воду, потом вынырнул и открыл глаза.

– Стар?

– Да, милый.

Он извлек из воды руки и жестами показал мне:

– Мне кажется, Мышь меня не очень любит.

– Думаю, ты ошибаешься. Мышь тебя очень любит. Просто у него плохо вот с этим. – Я показала на наши руки, намекая, что Мышь не владеет языком жестов.

– Не беда! Мы его научим.

– Обязательно, – согласилась я с мальчиком и распростерла перед своим лицом полотенце, чтобы он мог, выйдя из воды, соблюсти все приличия, не уронив при этом своего мужского достоинства, и сразу же укутала его. Потом я помогла пижамку и повела по коридору в его комнату.

– Ну, что сейчас? Хочешь, чтобы я тебе что-нибудь почитала на ночь? Или у меня плохо это получается? – пошутила я, слегка пощекотав мальчика.

– У тебя получается гораздо лучше, чем у Мыши. Почитай, пожалуйста.

Рори повернулся первым, потом уже оглянулась я и увидела Мышь, который стоял на пороге комнаты. Какое счастье, подумала я, что он не понимает язык жестов, на котором мы только что разговаривали с Рори.

– Укрыть тебя, Рори, поплотнее? – спросил у него Мышь.

– Да, пожалуйста, – безропотно согласился малыш.

– Спокойной ночи, милый. – Я поцеловала Рори и вышла из комнаты.

– А у вас очень хорошо получается ладить с этим мальчишкой, – заметил Мышь, снова возникнув на кухне, когда я уже заканчивала мыть посуду. Из всех современных удобств больше всего не хватает в этом доме посудомоечной машины. Ее бы я купила в самую первую очередь.

– Спасибо.

– Полагаю, вам и раньше приходилось работать с маленькими ребятишками, у которых проблемы со слухом?

– Никогда.

– Тогда как вы?..

Я коротко рассказала ему, при каких таких обстоятельствах выучила в свое время язык жестов. Он внимательно слушал меня, попутно достал из холодильника бутылку пива и с треском вскрыл крышку.

– Любопытно, что вы так быстро сошлись с Рори, – бросил он вскользь. – Возможно, потому, что вы ведь тоже немногословны. А Рори лишние слова и не нужны вовсе. Он попросту не замечает их отсутствия, как это замечает тот, кто хорошо слышит. Не очень-то вы разговорчивы, я прав?

Ты тоже не особо разговорчивый, подумала я про себя.

– Вы ведь живете вместе со своей сестрой. Я прав?

Все-то он помнит, подумала я про себя и ответила коротко:

– Да.

– А дружок-то есть? Или что-нибудь посерьезнее?

– Нет. – *И не твоего ума это дело.* – А у вас? – нанесла я ответный удар.

– Вы же прекрасно понимаете, что ни одна женщина на свете не захочет со мной связываться. Ну и чудесно!

На такое заявление я не собиралась реагировать. Ни за что! А потому начала молча расставлять чистую посуду по полкам и шкафчикам.

– Вообще-то, – нарушил он молчание, затянувшееся непозволительно долго, а потому явно приготовившись поделиться со мной большей толикой сведений о себе, чем он намеревался это сделать изначально, – я уже однажды был женат.

– И?

– Она даже считала меня вполне приличным человеком.

Я снова промолчала.

– А потом...

Молчание с моей стороны.

– А потом она умерла.

Вот это называется нанести удар под самый дых. Раз, и я повержена на землю. Ведь на *такое* сообщение невозможно не отреагировать. Тут уже не отмолчишься.

– Сочувствую. Мне очень жаль, что так случилось. – Я повернулась к нему лицом, замерев в неловкой позе у стола.

– Мне тоже. Но такова жизнь... Жизнь и смерть, они ведь всегда идут рядом, не так ли?

– Вы правы, – ответила я, вспомнив Па Солта.

Последовала еще одна короткая пауза. Потом он глянул на часы, висевшие на стене, и сказал:

– Мне пора. Работы невпроворот. У меня в запасе осталось всего лишь три месяца, чтобы разобраться с целой кучей просроченных и неоплаченных счетов. Спасибо за ужин.

Оставив недопитую бутылку с пивом на столе, Мышь удалился через черный вход.

* * *

Всю ночь я промучилась без сна. Чувствовала я себя ужасно. Мне было стыдно, потому что я понимала: вчерашний внезапный уход Мыши был спровоцирован моей внешне безразличной реакцией на его

слова о смерти жены. Да, пусть он грубый и неприятный человек, но поделился же он со мной, в конце концов, своими душевными переживаниями. А я в ответ произнесла каких-то пару банальных фраз, и все.

По сути, позволила себе опуститься до *его же* уровня.

Промучившись от собственных невеселых мыслей, я кое-как поднялась с постели с восходом солнца, в начале седьмого утра. Быстро натянула на себя все свои теплые одежды и направилась напрямиком на кухню.

А там занялась тем, что, как знала по собственному опыту, может успокоить меня лучше всего. Решила испечь торт.

После завтрака я попросила Рори отвести меня на ферму к дяде Мыши. В ответ мальчик энергично закивал головой в знак согласия.

– Я подумала, что, если мы возьмем с собой торт в качестве подарка для него? – поинтересовалась я у Рори.

– Здорово! – воскликнул Рори и вскинул вверх два больших пальца в подтверждение своих слов. – Мышь, он ведь такой одинокий.

Итак, мы тронулись в путь. Рори на своем велосипеде, я пешком с жестянкой в руке, в которую предварительно поместила торт. Мы прошли по дорожке от дома, потом пересекли проезжую часть дороги и перешли на другую сторону шоссе. Рори уверенно рулил вперед по узенькой, заросшей травой тропинке вдоль обочины. Я шла и вдыхала полной грудью свежий воздух, пахнувший уже глубокой осенью. Вот какая она, эта поздняя осень в Англии. С полей доносился легкий запах перегноя. Это гнили в земле остатки урожая минувшего лета, удобряя собой почву и подготавливая ее для следующей весны.

– Вот! – Рори ткнул пальцем в знак, указывающий направление в сторону заросшей бурьяном подъездной дороги. Рори покатил впереди, а я с тортом в руке осторожно пробиралась следом за ним. Наконец показался и сам дом. Простое, но крепкое на вид здание из красного кирпича без каких-либо архитектурных излишеств. Ничего общего с родовой усадьбой по другую сторону дороги. Если Хай-Уилд с первого же взгляда производит впечатление аристократа, то Домашняя ферма Мыши – это типичный образчик представителя простого рабочего люда: минимум удобств и красоты.

По центру дома – большая входная дверь, когда-то, давным-давно, выкрашенная в темно-красный цвет. Однако почти вся краска уже

успела облупиться, являя взору потемневшую от времени древесину. Перед домом торчали кусты лаванды, тоже старые-престарые. По хорошему, их уже давно следовало бы выбросить вон и посадить новые. Тем не менее запах лаванды явственно витал в воздухе. Рори со знанием дела объехал вокруг дома и притормозил возле черного входа.

– Постучи! – показала я рукой. Он постучал с явным удовольствием, наслаждаясь вибрацией древесины под его пальцами. Никакого ответа не последовало.

– Еще раз постучи, – предложила я.

– Да у него всегда открыто. Пошли так.

– О'кей, – уступила я. – Пошли.

Чувствуя себя не вполне комфортно от того, что вторгаюсь на чужую территорию без спроса, я осторожно проследовала за Рори на кухню, которая полностью повторяла, но только в миниатюре, ту кухню, которую мы недавно покинули. Разве что хаоса и беспорядка в ней было еще больше, чем у нас. Сосновая столешница обеденного стола была вся завалена газетами, какими-то бумагами, смахивающими по внешнему виду на банковские счета, чеками, квитанциями, рецептами и прочее, а также заставлена чашками с остатками застарелого кофе. Под порывом ветра, залетевшего в распахнутую дверь, пара бумажек спланировали со стола на пол. Я поставила торт на стол, а сама нагнулась, чтобы подобрать их, и в эту минуту в кухню вошел Мышь. Появился откуда-то из глубины дома.

Он взглянул на квитанции в моей руке и слегка нахмурился.

– Они валялись на полу, – проговорила я извиняющимся тоном, кладя бумаги обратно на стол. – Мы привезли вам подарок. Рори, вручи дяде банку.

– Это испекла Стар, – прожестикнул он, обращаясь к Мыши. – Для тебя.

– Это торт с лимонной цедрой, – пояснила я.

Мышь глянул на жестянку с таким видом, будто в ней лежала бомба.

– Спасибо.

– Не за что.

Какое-то время мы все трое стояли молча, переминаясь с ноги на ногу. На кухне царил зверский холод. Меня уже даже начало трясти.

Плита не работала, и если снаружи дом еще обещал наличие некоего уюта, то внутри ничего похожего на уют не было и близко.

– У вас все в порядке? – поинтересовался у меня Мышь.

– Да, все в порядке. Спасибо.

– Вот и хорошо. А теперь извините, но мне надо работать.

– Уже уходим, – поспешила я успокоить хозяина дома, и мы с Рори развернулись, чтобы выйти на улицу через тот же черный вход. Я взялась за дверную ручку, но тут подумала, что не годится мне быть такой же грубиянкой, как Мышь. Надо заставить себя быть выше мелочных обид. – У нас сегодня на ужин пастуший пирог с мясом. Если хотите, присоединяйтесь. – С этими словами я открыла дверь, и мы с Рори вышли на улицу. Там, несмотря на весь октябрьский холод, мне в первую минуту показалось даже теплее, чем в доме у Мыши.

Всю вторую половину дня мы с Рори провели за игрой в крестики-нолики. Когда же он наконец устал от этих бесконечных крестиков и ноликов, я стала обучать его игре в морской бой. Судя по всему, он не очень вник в суть моих объяснений. В тех клеточках, где он должен был ставить крестик, если его корабль был подбит, он начинал рисовать сам корабль. На эти его рисования уходила бездна времени, потому что Рори скрупулезно добивался совершенства в воспроизведении боевого судна в миниатюре. А если его что-то не устраивало, он тут же стирал изображение ластиком и начинал все сначала.

Намаявшись с морскими боями, я переключила внимание ребенка на созерцание его любимого боевика «Супермен», а сама пошла на кухню. Поставила чайник на огонь и сладко зевнула. Сказывались не только бессонная ночь накануне, но и несколько часов непрерывных игр, когда нужно было занять мальчугана любой ценой.

Я мысленно перенеслась в Атлантис, пытаюсь вспомнить, чем мы, девочки, занимали себя и друг друга во время школьных каникул. И лишней раз восхитилась ангельскому терпению Ма. Ведь это же надо было управляться сразу с шестью девочками, причем разного возраста. Самое интересное, что нам никогда не было скучно. Во всяком случае, я так и не смогла вспомнить ничего такого. Да и как могло быть иначе? Ведь рядом со мной всегда были Сиси и другие мои сестры. У Рори все не так. Он – единственный ребенок в семье, и ему попросту не с кем играть. Словом, наконец-то я в полной мере прочувствовала, как

же мне повезло в жизни. Если раньше у меня порой и возникал некий дух противления, дескать, надоел этот женский курятник, где невозможно спрятаться или уединиться и где ты всегда, как говорится, в коллективе, то теперь я точно знала: какое же это блаженство – иметь много сестер.

Закончив возиться с пастушьим пирогом, я поставила его в духовку, а сама пошла наверх приготовить на ночь постель для Рори и для себя. Усевшись у себя в комнате на кровать, я снова взяла свой рюкзак и извлекла из него негнушимися от холода пальцами коробочку, в которой лежала Пантера. Судя по всему, мой лимонный торт не растопил лед отчуждения между мной и Мышью. Да я и сама продолжала чувствовать себя виноватой за свое вчерашнее поведение: позволила собственной злости возобладать над элементарным человеческим сочувствием. Получается, что Пантера – это мой последний шанс навести мосты дружбы с Мышью.

Часы пробили семь часов вечера. Потом – восемь. Я выкупала Рори, уложила его в кровать и спустилась вниз, чтобы навести порядок на кухне после ужина. И уже приготовилась выключить верхний свет и устроиться поближе к печке, чтобы почитать немного в тепле, как снова отворилась дверь с черного хода.

– Прошу прощения за опоздание. Дела задержали, – коротко сообщил мне Мышь. – А от пирога хоть что-то осталось?

– Осталось.

Я метнулась в кладовку, принесла оттуда пирог и быстро засунула его в духовку подогреться. Не зная, чем себя занять в ожидании того, когда можно будет ставить разогретый пирог на стол, я бесцельно застыла у этого самого стола.

– Я, как всегда, ударю по пиву. Может, хотите немного вина? – спросил он у меня.

– Не откажусь.

Мышь молча принес выпивку.

– Ваше здоровье! – Он чокнулся своей банкой пива с моим бокалом вина, когда мы наконец оба уселись за стол. – Кстати, большое спасибо за торт. Я его попробовал за обедом. Очень вкусно! Фантастика, а не торт. А заодно сообщаю вам, что завтра меня здесь не будет. Еду в Лондон. Надо подготовить Орландо соответствующим образом к предстоящей продаже магазина.

– Боюсь, новость разобьет ему сердце! – воскликнула я в ужасе. – Ведь в этом магазине вся его жизнь.

– Неужели вы думаете, что я этого не понимаю? – возразил он мне резко. – Но дальше так продолжаться не может. Как я уже говорил вам, да и ему тоже сотни раз, торговать книгами можно и через интернет. А деньги, которые мы выручим от продажи здания, пойдут на уплату долгов, которых у нас предостаточно. Да и мне тут нужно приобрести кое-какую технику, чтобы продолжать трудиться на ферме. Я понимаю ваши переживания, но – увы! – Жизнь – жестокая штука, Стар, и с этим приходится считаться.

– Знаю, – ответила я и больно прикусила губу, чтобы не расплакаться от собственного бессилия.

– Печально, но факт. Один из нас, двоих братьев, должен жить в реальном мире. По правде говоря, если сейчас не предпринять каких-то решительных мер, то банк имеет полное право объявить нас банкротами. Тогда магазин будет конфискован как один из активов для погашения нашего долга. И последствия будут самыми печальными, ибо они выставят магазин на продажу за одну десятую его реальной стоимости, а нам не достанется после этой операции даже самой мелочи.

– Да, я все понимаю... И все равно, это огромная потеря. Ведь ваш магазин – это часть наследства, семейный бизнес...

– Наследство, говорите вы? Какое наследство? – Мышь издал ироничный смешок. – В этой семье никогда и никому не везло... ни в чем... А уж в том, что касается денег, то удача всегда поворачивалась к нам спиной... Или, точнее сказать, *здравый смысл* от нас отворачивался. И чего мы вцепились в этот Хай-Уилд, можно сказать, зубами? Ведь я же знаю не понаслышке, что и для самой Маргарет весь этот дом – это самая настоящая удавка на ее шее, и только.

– Ах, боже мой, – промолвила я сокрушенным тоном только для того, чтобы что-то сказать, и поднялась со стула, чтобы достать из духовки пирог.

– Впрочем, вам до наших проблем дела нет. Разве что придется в ближайшие пару месяцев заняться поисками другой работы. Вот такие мы удачливые во всем. В довершение всех наших бед, сейчас ситуация на рынке недвижимости хуже некуда. Как говорится, не одно, так другое. Словом, мировой экономический кризис на дворе.

– За меня можно не беспокоиться. А вот Орландо будет очень страдать, я знаю.

– Вы ведь его любите, правда?

– Да, очень.

– А он любит вас. Не так-то много вокруг людей, которые терпят его эксцентричные выходки. В наши дни медики с легкостью могут диагностировать у него какой-нибудь психический синдром, типа ОКР. Так называемое обсессивно-компульсивное расстройство или невроз навязчивых состояний. Или еще что-нибудь в этом же роде. Не говоря уже о его навязчивой идее вести свою жизнь так, как жили люди добрую сотню лет тому назад. – Мышь с грустным видом покачал головой. – Когда мы были детьми, то именно Орландо всегда был в центре внимания нашей мамы. Он был ее любимчиком. Когда ему исполнилось девять, мама постаралась, чтобы освободить сыночка от школы под предлогом того, что он страдает сильными приступами астмы. В итоге Орландо обучался дома. Они просиживали на пару дней напролет в библиотеке, читали вслух романы своего любимого Диккенса. По сути, он вырос, так и не соприкоснувшись с действительностью. В этом просто не было нужды. Стоит ли после этого удивляться, когда он часто повторяет, что в прошлом жизнь была гораздо более цивилизованной, да и люди были добрее.

– Особенно если вспомнить все эти ужасные кровопролитные войны, которые велись непрерывно, – заметила я не без иронии. – Да еще и отсутствие антибиотиков и никакого здравоохранения для бедняков.

Кажется, моя реплика заставила Мышь удивиться. Он даже одарил меня в знак своего согласия доброжелательным смешком.

– Вы правы. А к этому еще нужно присовокупить и тюрьмы для должников.

– Орландо там бы точно не понравилось, – подыграла я своему собеседнику.

– Еще бы! Ни тебе накрахмаленных рубашек, ни тебе бокала сансера... Разве это жизнь?

Мы обменялись понимающими улыбками. Я поставила перед ним тарелку с пирогом. Какие же они разные, эти два брата, подумала я. Впрочем, как и мы с Сиси.

– Многие, и не только Орландо, любят идеализировать прошлое. Я и сам этим страдаю, – пробормотал Мышь, беря в руки вилку, чтобы приступить к еде.

– Сколько лет было вашей жене, когда она умерла? – спросила я осторожно, чувствуя, что мне нужно обязательно затронуть эту болезненную тему и постараться искупить свою вину за вчерашнее бездушие.

– Двадцать девять. Мы были счастливы с ней.

– Моя сестра недавно потеряла своего жениха. Погиб во время парусных гонок. Самое ужасное, что эта трагедия случилась вскоре после смерти нашего отца. Так что вы правы. Жизнь действительно очень жестокая штука, – выпалила я на одном дыхании, сама удивляясь тому, что могу говорить так долго. Прямо покаяние какое-то.

– Можно только посочувствовать вашей сестре. Никому бы я не пожелал таких тяжелых испытаний: потерять практически одновременно любимого человека и отца. – Мышь тяжело вздохнул. – Однако вернемся к прошлому. Так у вас уже есть какие-то дельные мысли на предмет того, каким образом вы можете быть связаны с нашей семьей?

– Никаких мыслей.

– Что?! Вы это серьезно? То есть вы хотите сказать, что провели целых три дня в Хай-Уилд и даже не попытались перетряхнуть все шкафы в поисках семейных скелетов?

– Нет. То есть я...

Я почувствовала, как краска стыда ударила мне в лицо. Мышь так трудно понять. То ли он говорит серьезно, то ли откровенно подшучивает надо мной.

– Ну, знаете ли... На вашем месте я бы тут прошерстил все подряд. А вдруг вам бы удалось отыскать эту самую связь с нашим семейством? А вдруг вы захотите потом претендовать на солидную долю фамильного наследства, а? Впрочем, на данный момент вам светит лишь одно: мы можем включить вас на правах родственницы в нашу общую петицию об объявлении всех нас банкротами.

– Никаких обысков в вашем доме я не устраивала. Да и деньги мне ваши не нужны. Я и сама небедная! – воскликнула я с обидой в голосе.

– Рад за вас! Безмерно рад. К слову говоря, Стар, я ведь просто подшучиваю над вами.

– Ну и шуточки же у вас!

В эту минуту я его почти ненавидела. Надо же! Он снова прочитал мои мысли.

– Честное слово, не обижайтесь. Понимаю, мой юмор немного тяжеловат для восприятия, но я действительно всего лишь шутил. Такой у меня своеобразный механизм самозащиты. *N'est-ce pas*, как говорят французы. Не так ли? Словом, это мой метод не давать людям расслабляться. Всем нам надо время от времени прибегать к мерам самозащиты, не так ли? Да вы на себя взгляните. Вы ведь очень скрытный человек. Лишь изредка мне кажется, что я догадываюсь, о чем вы думаете, по выражению этих ваших бездонных голубых глазок... Но чаще всего ваши мысли невозможно прочесть.

Я тут же отвела свои глаза в сторону, что вызвало у него новый смехок. Он снова приложился к пиву.

– Но, если честно, – продолжил Мышь, отхлебнув из бутылки пиво, – я вполне серьезно надеялся на то, что вам здесь удастся отыскать нечто такое, что ускользало от моего внимания долгие, долгие годы.

– И что же именно от вас ускользало?

– Как вы уже имели возможность убедиться сами, Флора Макникол вела дневники самым прилежным образом на протяжении всей своей жизни. Эти дневниковые тетради, сорок или пятьдесят штук, долгие годы стояли на книжной полке в кабинете нашего дома на ферме. Отец в свое время нашел их в сундуке на чердаке, когда наводил там порядок после смерти своих родителей. Вот так он совершенно случайно узнал об этой... аномалии, о которой поведал мне уже на смертном одре.

– Что за «аномалия»?

– Речь идет о наследстве... Когда в сороковые годы прошлого века усадьба Хай-Уилд была поделена на части. Если объяснять все проще, то отец полагал, что наша ветвь, то есть Форбсы, оказалась в проигрыше в результате всех этих манипуляций. Иными словами, нас обманули при дележе имущества.

– Понятно.

– Естественно, когда я стал заниматься изучением нашей семейной истории, то снял с полки эти дневники и принялся читать их. Но тут случилась одна досадная заминка. Все дневники Флоры, начиная с 1910 года, отсутствуют. Я хорошо помню, Стар, что изначально этих тетрадей было действительно намного больше, чем сегодня. Тогда они занимали целых две полки, а сейчас и одна полка заставлена не до конца. – Мышь недоуменно пожал плечами. – Проблема в том, что, вполне возможно, именно эти пропущенные годы и хранят в себе доказательства, подтверждающие правоту теории отца. Не то чтобы я собирался что-то там предпринимать кардинальное в этой связи, нет! Но хотелось бы знать всю правду до конца, такой, какая она есть.

– Я вас понимаю.

– Кстати, вы фигурку свою нашли?

– Нашла, – ответила я, решив, что врать и дальше просто бессмысленно.

– Я так и думал. Можно взглянуть?

Я сунула руку в карман своих джинсов и извлекла оттуда коробочку.

– Вот! – Я подвинула коробочку к нему через стол.

Он с самым серьезным видом открыл ее, затем полез в нагрудный карман рубашки за очками, нацепил их на нос и принялся внимательно разглядывать фигурку со всех сторон.

– Да-да-да, – пробормотал он неопределенно, снимая очки. – Можно позаимствовать ее у вас на недельку?

– Зачем?

– Хочу удостовериться в ее аутентичности.

– Я не вполне...

– Вы мне не доверяете, Стар?

– Доверяю, но...

– Либо да, либо нет, – улыбнулся он в ответ. – Итак, Астеропа, Стар... Не кажется ли вам, что мы с вами затеяли игру в кошки...

– Мышки, – закончила я за него, и мы оба рассмеялись. И сразу же напряжение спало. – Вы можете взять фигурку, только пообещайте мне обязательно вернуть ее. Она мне очень дорога.

– Обещаю и клянусь! Да, совсем забыл... Звонила Маргарет. Сказала, что вернется завтра поздно вечером.

– Нет проблем. Я останусь до утра четверга. И поеду от вас в Лондон прямо на работу.

– Вот за это спасибо. Что ж, – Мышь залпом осушил банку до дна. – Боюсь, мне тоже пора. Хочу еще поработать сегодня вечером. Надо свести воедино все счета, чтобы завтра Орландо сам воочию убедился в том, чего он категорически не хочет видеть.

– Обращайтесь бережно, ладно? – попросила я, вручая ему коробочку с Пантерой.

– С кем? С Орландо или с кошкой? – пошутил Мышь, опуская коробочку в карман своей куртки. – Обещаю обращаться очень бережно. – Он поднялся со своего места и направился к черному входу. – Иногда правда бывает очень болезненной. Согласны? – Потом немного помолчал. – Я доволен сегодняшним вечером. Спасибо.

– Не за что.

– Мы еще поговорим с вами в скором времени. Доброй ночи, Стар.

– Доброй ночи.

На следующий день около черного входа появилась какая-то женщина. Она сообщила мне, что пришла забрать Рори, чтобы позаниматься с ним верховой ездой. Я поначалу отнеслась к незнакомке настороженно, мало ли что? Но увидев, как Рори радостно обнял ее и расцеловал, поняла, что женщина явно не собирается похищать вверенного под мою опеку ребенка. После занятий Рори вернулся домой радостно-возбужденный, раскрасневшийся от холода и езде на пони. Потом мы с ним уселись на кухне, и я попросила его нарисовать свой автопортрет мне на память. Он согласился, но велел мне не подсматривать, когда он станет рисовать. Я пообещала, что не буду, и занялась выпечкой брауни. Приготовила целых две порции, одну на сегодня, а вторую поставила в холодильник.

Мельком взглянула на рыжеволосую макушку – Рори ушел с головой в свое творчество – и почувствовала, как меня накрывает волна любви и нежности к этому маленькому мальчику. Как бы мне хотелось и впредь защищать его, оберегать от всех невзгод и напастей. Ведь никто не знает, какое будущее ему уготовано, когда он станет взрослым, особенно в свете того, о чем мне вчера поведал Мышь. Трудно сказать, останется ли Хай-Уилд по-прежнему семейным гнездом Воганов к тому моменту, когда Рори станет здесь полноправным хозяином. Но пока он еще ребенок и проблемы взрослых ему малопонятны и не интересны. К счастью для мальчика, у него открытый характер. Рори, как говорится, оптимист по натуре, а люди всегда тянутся к таким.

Он верит в человечество...

– Это тебе, Стар. – Рори слегка толкнул меня в бок и с гордостью вручил мне свой рисунок.

Я взяла его и принялась разглядывать. И тут же почувствовала комок в горле. Рори изобразил нас двоих в саду. Он держит меня за руку, а я в это время склонилась над клумбой и разглядываю какой-то цветок. Юному художнику удалось верно отобразить саму мою позу, и волосы, упавшие мне на лицо, и мои длинные тонкие пальцы, которыми я сейчас держала его картину.

– Замечательно, Рори! – воскликнула я с неподдельным восхищением. – Просто замечательно. Спасибо тебе.

– Я люблю тебя, Стар. Возвращайся поскорее.

– Обязательно. Твой подарок я сохраню навсегда, – проговорила я растроганно, с трудом сдерживая слезы. – А сейчас предлагаю налечь на брауни, а потом твой любимый «Супермен». Как считаешь?

Вскинутые вверх большие пальцы обеих рук означали, что для Рори мое предложение – предел желаний. И мы, взявшись за руки, пошли в гостиную.

Закончив рассказывать ребенку последнюю из историй на сон грядущий, я вернулась в свою комнату, упаковала все вещи, чтобы завтра отправиться в путь с самого утра. Я надеялась, что Маргарет подбросит меня до станции на какой-нибудь ранний поезд, чтобы успеть к открытию магазина. Я старательно отгоняла от себя мысли о том, какой, видимо, непростой разговор состоялся сегодня у братьев. Спускаясь вниз по лестнице, я непроизвольно прошлась рукой по резным перилам, словно хотела напитаться их несравненной красотой, чтобы сохранить эту красоту в своей памяти до следующего раза, если я снова попаду сюда когда-нибудь.

В десять часов вечера на подъездной дороге к дому замелькали огоньки фар подъезжающей машины. Через секунду-другую громко хлопнула парадная дверь, и я заторопилась встречать законную владелицу Хай-Уилд.

– Моя дорогая Стар! – Маргарет крепко стиснула меня в объятиях. – С Рори все в порядке? Огромное вам спасибо за то, что согласились побыть с ним. Мышь сказал мне, что вы чудесно поладили. А есть что-нибудь перекусить? Умираю с голоду, – выпалила она на одном дыхании.

– Да, с Рори все в порядке. Сейчас он крепко спит, но очень ждет завтрашней встречи с вами. И на ужин еще есть кое-что и даже теплое – стоит в духовке.

– Великолепно! Боже, умираю, хочу бокал вина. А вы? – обронила Маргарет, направляясь к холодильнику в кладовке.

– Нет, спасибо. Я не буду.

Она вернулась с бутылкой вина, щедро плеснула себе в стакан и тут же жадно отпила.

– Устала. Почти весь день на колесах. Замок этот затерян в такой глуши. Можно сказать, у черта на куличках. Так в довершение всего еще и рейс задержали... Как обычно.

Несмотря на все свои жалобы, выглядела Маргарет просто потрясающе. Глаза блестят, на щеках играет румянец. Словом, на каких бы куличках ей ни пришлось побывать и с какими бы трудностями она ни столкнулась, возвращаясь домой, у нее все равно сейчас был вид очень счастливой женщины.

– Как там во Франции?

– О, все прекрасно, – бросила в ответ Маргарет мечтательным тоном. – А, да вы тут тоже, как я посмотрю, не теряли времени даром. Прекрасная получилась картина, честное слово. – Она негромко рассмеялась.

– Рори очень талантливый мальчик. Наверное, пошел в вас.

– Едва ли в меня. – Маргарет слегка вскинула брови. – Его манера письма совсем иная, чем у меня. Свой талант он явно унаследовал от кого-то еще. Вы знаете, что Мышь сегодня встречался с Орландо в его книжном магазине? – переключила она разговор на другую тему. Порывшись в своей объемной кожаной сумке, извлекла оттуда пачку сигарет «Житан». – Будете?

– Спасибо. – Я взяла из пачки сигарету, и Маргарет дала мне прикурить. Уж и не помню, когда я в последний раз курила французские сигареты. – Да, Мышь вчера сказал мне, что собирается сегодня в Лондон.

– Само собой, Орландо сейчас в полнейшей прострации. – Маргарет сделала глубокую затяжку и небрежно стряхнула пепел в цветочный горшок на подоконнике, в котором сиротливо торчал многострадальный кактус. – Судя по всему, он наотрез отказался даже взглянуть на счета.

– Представляю, что меня ждет завтра, – пробормотала я вполголоса, выкладывая на тарелку порцию *coq au vin*. Классический французский рецепт – «петух в вине».

– Сказать по правде, я очень рада тому, что вы будете рядом с ним. Кстати, и Мышь тоже доволен этим обстоятельством. Он ведь меня подхватил в аэропорту Гатвик на обратном пути из Лондона. Конечно, мало похоже на то, что Орландо способен в таком состоянии натворить

всяких глупостей, однако, кто его знает, как оно там будет. Боже мой, боже, все зло в этом мире только от денег. Правда?

– Правда, – согласилась я, ставя перед Маргарет тарелку с ужином. Потом заварила себе ромашковый чай и тоже уселась за стол.

– Стар, вы настоящая волшебница! Так аппетитно смотрится. Какое это счастье возвращаться домой и знать, что тебя ждет ужин. – Она зацепила вилкой кусочек курицы и бросила на меня лукавый взгляд. – Когда магазин все же продадут, в конце концов, то вы, как я понимаю, останетесь без работы. А как смотрите на то, если я приглашу вас сюда помочь мне немного по хозяйству и позаниматься с Рори?

Я понимала, что Маргарет едва ли говорит серьезно. Скорее, шутит. А потому неопределенно пожала плечами и бросила в ответ:

– А почему бы и нет?

– Знаю, при вашей квалификации и образованности... Пожалуйста, не сочтите мое предложение чем-то дерзким или оскорбительным. Но в наше время так трудно найти человека, которому можно было бы полностью доверять. Тем более доверить кому-то моего Рори. А Мышь тут вам такие дифирамбы пел, когда рассказывал, как выладили с сыном. Есть и еще кое-что... Элен, хозяйка замка, где я была, предложила мне расписать фресками еще одну комнату. Я была бы счастлива принять этот заказ. Такое красивое место... Мне там очень понравилось.

Я сидела молча. Знала бы Маргарет, что она только что озвучила вслух мою самую заветную мечту. Жить в Хай-Уилд, заботиться о Рори, ухаживать за садом, приглядывать за домом и каждый день готовить еду для таких необычных и милых обитателей этой усадьбы. Я понимала, надо ловить момент, прежде чем Маргарет передумает. Или, что еще хуже, займется поисками на это место *кого-то еще*.

– Если серьезно, то я буду рада помочь вам в любое время. Мне здесь тоже очень нравится. И Рори я полюбила.

– Правда? – Маргарет удивленно вскинула бровь. – То есть вы и правда согласны? Боже! Конечно, платить много я вам не смогу. Да вы и сами это, наверное, уже это поняли. Но жить вы будете вместе с нами... и питаться тоже... Наверное, мне следует поставить в известность Орландо. Может быть, мы даже с ним сумеем как-то поделить вас между собой. Словом, если он не будет возражать, то

тогда я могу с легкой душой принять заказ Элен. Ей не терпится, чтобы я поскорее приступила к работе. – Маргарет умолкла, но я увидела, как в ее глазах засветилась надежда.

– Я со своей стороны тоже не хочу подводить Орландо или, тем более, давать повод, чтобы он подумал, будто я бросаю его в такую трудную минуту. Но вообще-то, я ему и не так уж сильно нужна на полный рабочий день.

– Я знаю, Орландо согласится. Если так будет лучше для Рори, он пойдет на все. К тому же, – в глазах Маргарет запрыгали веселые огоньки, – он как-то однажды упомянул в разговоре со мной, что, вполне возможно, вы приходите нам родней.

– Весьма гипотетически. Не вижу, какие между нами могут быть точки соприкосновения. Пока не вижу, – уточнила я на всякий случай.

– Но в любом случае вы без труда подобрали ключики к сердцу каждого из нас. Честное слово, Стар. Тут я ни капельки не кривлю душой. А потому мне и самой чрезвычайно интересно узнать, как именно вы связаны с нашим семейством. Впрочем, Мышь уже наверняка рассказывал вам, какое запутанное фамильное древо Воганов и Форбсов. Хватало там неразберихи в прошлом, хватает ее и сейчас. – Маргарет оборвала себя на полуслове и сладко зевнула, слегка приоткрыв свои чувственные губы. Она отнюдь не производила впечатление хрупкой женщины, но весь ее облик был напитан своеобразной красотой – крупные черты ее лица подразумевали силу и стойкость духа.

– Пора спать, – обронила она, поднимаясь из-за стола.

– Я закрою входную дверь.

– Да? Будьте так любезны.

– Вы не сможете завтра с самого утра подбросить меня до станции? Хочу успеть на восьмичасовой поезд до Лондона.

– Мышь сказал мне, что он сам вас отвезет. Видно, хочет рассказать вам, как прошла его встреча с Орландо. Спокойной ночи, Стар. И еще раз большое спасибо за все.

* * *

На следующее утро я проснулась рано, чтобы успеть приготовить до своего отъезда завтрак для Маргарет и Рори.

Потом написала пространную записку Маргарет, в которой сообщала ей, что колбаски, бекон и блины стоят теплыми в духовке, а также напомнила, что на нижней полке холодильника еще лежат целых четыре пирога. Мышь постучал в дверь черного входа, я тут же подхватила свой рюкзак и поспешила за ним к машине.

– Разговаривали с Маргарет вчера вечером, когда она вернулась? – поинтересовался он у меня, когда мы вырулили на шоссе.

– Да.

– Тогда наверняка вы в курсе, что Орlando принял новость очень плохо.

– Да, Маргарет рассказала мне об этом.

– Послушайте, Стар. Если есть хоть малейший шанс, чтобы вы наставили его на путь истинный, прошу вас, помогите. Я был бы вам крайне признателен. Видит бог, я старался изо всех сил, объяснял ему, какие шаги предпримет банк, если мы сами не займемся продажей магазина, но он даже не стал меня слушать. В буквальном смысле этого слова закрыл уши руками и пулей выскочил из комнаты. Помчался к себе наверх. И там закрылся на ключ в своей спальне.

– Словно капризное дитя.

– Именно так. Беда в том, что, несмотря на то что Орlando производит впечатление очень милого и воспитанного человека, на самом деле он упрям как осел. Особенно в том, с чем он категорически не согласен. Но точка невозврата уже пройдена, и у нас просто нет другого выхода. Он должен, в конце концов, осознать все это и сам.

– Постараюсь поговорить с ним, хотя едва ли он станет меня слушать.

– Но как говорится, попытка не пытка. К тому же он любит вас, он доверяет вам. Попытайтесь убедить его, хоть как-то.

– Хорошо, сделаю все, что смогу, – пообещала я, когда мы уже подъезжали к станции.

– А вы не могли бы перезвонить мне в течение дня? Дать мне знать, как он там. Со вчерашнего вечера все его телефоны, и мобильный, и домашний, отключены.

– Хорошо, перезвоню, – сказала я, выбираясь из «лендровера». – Спасибо, что подвезли.

– Пустяки. Это самое малое, что я мог сделать для вас. А вот когда вы снова приедете в Хай-Уилд, обещаю рассказать вам, что я прочитал в очередных дневниках Флоры, – бросил он мне в ответ через открытое окно. – Приготовьтесь сильно удивляться. До свидания, Стар. – Неожиданно широкая улыбка тронула его губы и постепенно добралась до глаз, которые тоже потеплели и вдруг осветили особым светом его красивое лицо. – Берегите себя.

Я махнула рукой на прощание и заторопилась на вокзал.

Добравшись до Кенсингтон-Черч-стрит, я с душевным трепетом отперла дверь в магазин. Страхи мои были вполне понятны. Во-первых, я и понятия не имела, что именно ждет меня в самом магазине. А во-вторых, полностью выбили из колеи куча эсэмэсок и речевых сообщений от Сиси, к которым я получила доступ уже будучи в поезде, когда мой телефон наконец заработал и снова стал ловить сигнал связи. Надо сказать, что в хлопотах последних дней я совершенно забыла перезвонить сестре из Хай-Уилд и предупредить ее, что остаюсь там еще на одну ночь. Ее последняя эсэмэска была просто угрожающей.

Стар, если ты не объявишься здесь к утру, то я обращаюсь в полицию и объявляю тебя в розыск. Где ты?!

От такого послания мне стало нехорошо. Я тут же поспешила отправить ей эсэмэску с тысячами извинений, да еще пару речевых сообщений с подробными объяснениями. Отчиталась, что со мной все в порядке и вечером я буду дома.

Войдя в магазин, я обрадовалась уже тому, что не заметила никаких перемен в интерьере. Поскольку Орландо еще не появился – он всегда приезжает на работу попозже, я занялась своими обычными делами. Но когда и в одиннадцать часов дня он так и не появился, я начала беспокоиться. Потом взглянула на дверь, ведущую в служебные помещения и на второй этаж. Я там, кстати, еще ни разу не была, но догадывалась, что наверху есть пара комнат, в которых Орландо ночует, если задерживается на работе допоздна. Конечно, вполне возможно, он сейчас на каком-нибудь аукционе... И все же страх не отступал. Шло время, а он так и не появился на пороге магазина со своим неизменным тортиком к чаю. Извечный порядок, по которому

протекала его жизнь, и это было абсолютно очевидно, был грубо нарушен и сломан.

Следующие полчаса я нервно металась по торговому залу, все время поглядывая через витрину на улицу и прислушиваясь к каждому звуку в подсобных помещениях.

К полудню я уже была вся на нервах, извелась в ожидании. Выбора не оставалось. Надо идти наверх и искать Орландо там. Я открыла дверь, ведущую в подсобку, и она громко скрипнула, выдавая мое присутствие. Потом я осторожно поднялась по лестнице на второй этаж и обнаружила там три двери. Вначале я негромко постучала в ту, что была справа от меня.

– Орландо, это Стар. Вы здесь?

Ответа не последовало. Я дернула за ручку и, толкнув дверь, очутилась в крохотной кухоньке с допотопной раковиной, компактной печкой марки «Беллинг» и холодильником, дизайн которого отсылал пользователей к временам полувековой давности. Не приходилось сомневаться, что сей экспонат именно из той далекой эпохи, причем не копия, а самый настоящий оригинал. Я вышла на лестничную площадку и постучала во вторую дверь. За ней оказалась такая же старомодная ванная с безобразным линолеумом на полу. Интерьер этой комнаты мгновенно напомнил мне ту убогую квартирку, в которой мы с Сиси жили до того, пока не переехали в Баттерси. Оставалось только изумляться и поражаться тому, как удастся Орландо выглядеть столь безупречно ухоженным и щеголеватым при таком минимуме удобств, которыми он располагает. Воистину тайна сия велика есть.

Наконец я повернулась к третьей двери и снова постучала.

– Орландо! – окликнула я его, на сей раз громче обычного. – Это я, Стар. Пожалуйста, отзовитесь, если вы там. Я волнуюсь за вас. Все волнуются, – добавила я немного жалостливым тоном.

Тишина. Я дернула за ручку. Дверь заперта, явно изнутри. Оттуда вдруг послышался шум, будто какая-то тяжелая книга упала на пол. Меня объял ужас. *А что, если он не принял свое лекарство?*

Я снова дернула за ручку что есть силы.

– Орландо, пожалуйста, я знаю, что вы здесь. С вами все в порядке?

– Убирайтесь прочь, – раздался приглушенный голос изнутри.

Я вздохнула с облегчением. Если грубит, значит, у него еще есть силы, и беспокоиться пока не о чем.

– Хорошо-хорошо, ухожу, – затараторила я в запертую дверь. – Но если что, если вдруг захотите поговорить, я внизу.

Я снова спустилась по лестнице вниз, подбросила в камин угля и вышла на улицу, чтобы отправить сообщение Мыши. Написала ему, что Орландо, по крайней мере, жив, хотя и отказался выйти из своей комнаты.

Ровно в час дня я так и не услышала привычных шагов по лестнице, а ведь до последнего надеялась, что Орландо все же появится, хотя бы для того, чтобы удовлетворить потребности своего капризного желудка. И тут меня осенило. Уж если что-то и заставит Орландо покинуть убежище, если что-то и сможет выкурить его из спальни, так это запах еды. Я схватила свою сумочку, ключи от магазина, заперла входную дверь на замок и направилась в ближайшие продуктовые магазины.

Минут через двадцать, купив все нужные мне продукты, я вернулась обратно и поднялась в крохотную кухоньку наверху. Кастрюль, правда, не хватало, что создавало определенные трудности. Но я отыскала небольшой сотейник и принялась тушить в нем лук-шалот, добавив туда еще и несколько зубчиков чеснока. Потом влила сметану, приправила травами, плеснула немного бренди, и все. Соус для колбасок готов. Отыскалась в конце концов и какая-то завалящая сковородка, как раз на две порции нежнейшей говядины филе-миньон, к которой я добавила грибы и половинки спелых помидоров. Поскольку весь процесс приготовления обеда был у меня под контролем, я смело вышла на лестничную площадку и тут же с ликованием уловила ароматные, соблазнительные запахи чеснока и тушеного мяса, которые разносились вокруг.

А потом постучала в дверь Орландо.

– Обед готов, – сообщила я как можно более жизнерадостно. – Сейчас разложу по тарелкам и отнесу вниз. А вы прихватите с собой бутылку вина. Она как раз дожидается своего часа в холодильнике.

Потом я разложила мясо и гарнир к нему по тарелкам и направилась к лестнице.

Уже опустив ногу на самую верхнюю ступеньку, я добавила:

– И просьба не задерживаться. Нет ничего хуже остывшего филе-миньон.

С этими словами я стала осторожно спускаться по лестнице с тарелками в руках. Не прошло и трех минут, как я услышала шаги по лестнице. А следом в дверях появился и сам Орландо, взлохмаченный, подавленный, совершенно непохожий на себя. В руках он держал бутылку сансера и два бокала. Волосы на его голове торчали в разные стороны, на небритом подбородке проступила щетина. На нем был пестрый халат, в котором он расхаживал и по дому в Хай-Уилд, а на ногах – все те же вышитые шлепанцы ослепительно-яркого цвета электрик.

– Вы заперли дверь? – первым делом поинтересовался он, бросив озабоченный взгляд на входную дверь.

– Конечно. Сейчас же обеденное время, – ответила я максимально спокойным тоном.

Шаркающей походкой он подошел ближе, и впервые в жизни я своими глазами увидела то, что стоит за избитой фразой «он превратился в старика за одну ночь».

– Надеюсь, вам понравится мясо. Не так-то часто попадаете хорошее говяжье филе. А соус – на травах. Пробуйте, – подбодрила я его тоном, каким обычно няня разговаривает с маленьким ребенком.

– Спасибо, Стар.

Орландо поставил на стол бутылку с вином и два бокала, потом медленно, с большим усилием, опустился в кресло, как человек, у которого болят все кости. Тяжело вздохнув, он собрал последние остатки сил для того, чтобы взять бутылку и щедро плеснуть вино в каждый бокал.

– Ваше здоровье, – провозгласил он негромко. – Какое счастье, что у меня есть хоть один друг и союзник.

С этими словами Орландо осушил свой бокал до дна и тут же наполнил его снова. Интересно, какой он в пьяном виде, невольно подумала я, наблюдая за его манипуляциями.

– Закусывайте, – поторопила я его.

Впервые за всю короткую историю наших взаимоотношений я окончила трапезу первой, положив на пустую тарелку свои нож и вилку. Орландо вяло ковырялся в своей тарелке с видом человека, еще не вполне оправившегося после тяжелой болезни. Свой кусок

говядины он тщательно разрезал на микроскопические кусочки, а потом долго, до бесконечности, пережевывал каждый из них.

– Прекрасный обед, Стар, – сдержанно похвалил он меня. – Впрочем, как всегда у вас. Просто я сегодня не в том настроении...

Он умолк, отправив в рот очередной малюсенький кусочек мяса. Проглотил его и тут же запил изрядной порцией вина. Потом выдавил из себя некое подобие улыбки и добавил:

– Сегодня мне кусок в горло не лезет. Вы уже, наверное, слышали от моего брата наши последние новости, да?

– Да, слышала.

– Как он только мог! Я хочу сказать, как он мог поступить... так жестоко. Ведь это же, – Орландо с обреченным видом обвел рукой книжные полки, – это же мой мир! Вся моя жизнь здесь, в этих книгах!

– Знаю.

– Он утверждает, что мы банкроты. Что если мы не продадим, то в дело вмешается банк и лишит нас всего, что мы имеем. Неужели вы верите этому?

– К несчастью, да. Это похоже на правду.

– Но как? Этот... *чертов банк*... как он может забрать у нас то, что принадлежит нам по закону? По-моему, брат намеренно сгущает краски, излишне драматизирует ситуацию.

Лицо Орландо исказила такая гримаса страдания, что я невольно сглотнула комок, подступивший к горлу, прежде чем ответить ему:

– К превеликому сожалению, он говорит правду. Скорее всего, у вас есть немалые долги и...

– Да. Но эти долги мизерны в сопоставлении с той ценой, которую они намереваются получить от продажи этого здания. Наверняка же имеются какие-то гарантии, есть поручители и все такое.

– Видно, вся проблема заключается в том, что и сам банк, скорее всего, переживает далеко не лучшие времена. Вот они и... – Я замялась в поисках наиболее точного слова. – Вот они и нервничают. К тому же, как вы и сами прекрасно знаете, мировая экономика тоже переживает сейчас кризис.

– Вы что, хотите сказать, что если мы продадим магазин «Артур Морстон Букс», не говоря уже о том, что и *мою душу* вместе с ним, то мы поможем в разрешении этого кризиса? Боже мой, Стар! Вот этого я от вас никак не ожидал! Думал, вы на моей стороне.

– Я на вашей стороне, Орландо. Честное слово! Но иногда в жизни происходит все совсем не так, как нам хочется. Да, это ужасно, но такова правда. Увы, но жизнь мало похожа на сказку. К тому же, насколько я понимаю, деньги отчаянно нужны и для поддержания фермы. Там тоже все не так гладко, как хотелось бы.

– Что?! – Щеки Орландо мгновенно порозовели, а потом стали пунцово-красными. – Это он вам наплел?

– Кое-что он мне действительно рассказал. Ему позарез нужна новая техника, иначе, по его словам, он не сможет заработать деньги на содержание фермы.

Казалось, Орландо сейчас взорвется от ярости. Его приятные черты лица вдруг исказила такая злоба, такая ненависть, что трудно было представить себе, как в обычном человеческом теле может вмещаться столько негативных эмоций.

– ХА! Ха-ха-ха! А он, случайно, не рассказал вам заодно, почему же его ферма пришла в такой упадок, а?

– Нет.

– То есть он не соизволил сообщить вам, что первые три года после смерти Анни он вообще не вылезал из своей спальни? Что вся земля, все драгоценные акры наших плодородных полей пришли в запустение, поросли бурьяном, потому что он не мог заставить себя подняться с кровати, спуститься вниз и хотя бы поговорить с управляющим. Тот днями напролет, неделями добивался встречи с ним, ждал, чтобы иметь возможность предъявить ему неоплаченные счета. В конце концов от него отступились все поставщики, снабжавшие ферму всем тем, что нужно для ее нормального функционирования. И управляющий тоже умыл руки и уволился. Этого вам мой драгоценный братец не сообщил? Или о том, как погиб почти весь скот под его неусыпным, так сказать, присмотром. Животные умирали от голода и отсутствия какого бы то ни было ухода. Не говоря уже об урожае, который оставили гнить на полях... Пока все, что там выросло, не превратилось в труху и тлен. Так что, позвольте сообщить вам, что та критичная ситуация, в которой мы с ним якобы сейчас оказались – это дело исключительно рук моего братца. Отнюдь не моих.

– Но вы же, – начала я, осмелившись наконец нарушить тишину, установившуюся в комнате после того, как Орландо завершил свою

гневную тираду и снова наполнил до краев свой бокал, – вы же понимаете, почему все так случилось?

– Понимаю! Очень даже понимаю... Он потерял любовь всей своей жизни. Я не настолько черств душой, чтобы не сочувствовать его горю. Но! – лицо Орландо снова помрачнело. – Но есть вещи, которых *вы не знаете*. А я не вправе рассказывать вам о них. Есть кое-что такое, что невозможно, во всяком случае, я так сужу по своим книгам, простить. Впрочем, в жизни любого человека наступает момент, когда следует отставить в сторону свои личные трагедии и сделать шаг навстречу тем, кому ты нужен. Мой же братец предпочитает на протяжении многих лет упиваться жалостью лишь к самому себе. И в этом вся правда, без прикрас. Мы все старались, как могли, окружить его любовью, поддержать, помочь... Но даже самое терпеливое и любящее сердце рано или поздно очерствеет при виде того, как человек сознательно занимается саморазрушением.

Орландо поднялся с кресла и, сунув руки в карманы, стал нервно расхаживать по залу.

– Уверю вас, мисс Стар, семья поддерживала его всеми возможными способами. Но люди сами примеряют на себя либо роль героя, либо роль жертвы. Он предпочел выбрать последний вариант. И вот теперь по его милости я... *и все это*... – Орландо снова широким взмахом обвел комнату, и тут же мириады пылинок, подобно крохотным ангелам, закружили в воздухе вокруг него, переливаясь в лучах неяркого октябрьского солнца. – Короче, мы стали агнцами, обреченными на заклятие.

С этими словами он опустился на пол и зарыдал.

– Боже, какое несчастье! – услышала я, как он громко бормотал себе под нос. – Мы все в дерьме по его милости, по уши в дерьме.

Я опустилась на колени рядом с Орландо и обняла его за плечи. Сначала он попытался вырваться, но потом прижался к моей груди, и я стала укачивать его, словно маленького ребенка.

– Вы не понимаете, что все это значит для меня. Нет, вы не можете понять этого...

– Я все прекрасно понимаю, Орландо. Уверю вас. Будь моя воля, я бы сохранила для вас этот книжный магазин навсегда. Честное слово.

– Вы хороший человек, Стар. Ведь вы же на моей стороне, да? – он впери́л в меня обреченный взгляд.

– Конечно же, я на вашей стороне, Орландо. А когда вы немного успокоитесь, я с готовностью поделюсь с вами теми мыслями, которые у меня появились по поводу сложившейся ситуации.

– У вас есть какие-то идеи? Правда? Я готов на все! На все...

Кое-какие идеи у меня действительно были, но вряд ли они пришлись бы по вкусу Орландо, ибо я рассуждала рационально, принимая во внимание все обстоятельства случившегося.

– О, я весь превращаюсь в слух. – Орландо оторвался от меня и с трудом поднялся на ноги, но с видом человека, в котором снова затеплилась надежда, будто я собиралась вручить ему спасительное золотое руно. – Однако для начала мне надо подняться наверх и привести себя в относительный порядок. Я ведь предстал перед вами в расхристанном виде, полное *déshabille*, как говорят французы. Сам себя ненавижу в таком состоянии, – признался он, окидывая себя взглядом. Потом пошел к столу, намереваясь забрать с собой тарелки.

– Не надо, – остановила я его. – Сегодня у нас не совсем обычный день. Я все уберу сама.

– Хорошо, – согласился он, направляясь к дверям, ведущим в служебные помещения, но вдруг остановился, словно что-то вспомнил, и снова повернулся ко мне лицом. – Спасибо вам за все, мисс Стар. Теперь я точно знаю, что вы единственный человек на свете, кому я могу полностью доверять. И в знак своего доверия к вам я поделюсь с вами одним секретом, когда спущусь вниз.

И он вдруг хихикнул, точно так же, как Рори.

– И что же это за секрет? – не удержалась я от любопытства.

– Я знаю, где они находятся. Знаю! – он улыбнулся во весь рот и исчез за дверьми.

Я дождалась, пока он поднимется по лестнице к себе, потом прибрала со стола и понесла посуду и остатки обеда наверх, на кухню. Вот и еще один мост наведен в наших с ним взаимоотношениях, подумала я, поднимаясь по лестнице. Ведь ранее вход в личные апартаменты Орландо был мне категорически воспрещен. Перемывая тарелки под скудной струей воды, я продолжала размышлять над последними словами Орландо. Собственно, я была почти уверена в том, что знаю тот секрет, которым он намеревается поделиться со

мной. Безусловно, речь идет об исчезнувших дневниках Флоры Макникол. Итак, волей случая я оказалась втянутой в распри двух враждующих братьев, и что прикажете делать в столь непростой ситуации?

Спустившись в торговый зал, я перевернула табличку «Закрито» на входных дверях на «Открыто», потом встала в центре зала и внимательно осмотрела ряды книжных полок. У меня вдруг возникло чувство, что я *уже видела* эти дневники. Хорошо запомнила ряд книг в обложках, обтянутых коричневым шелком, когда искала какую-то книгу на соседней полке. Однако нельзя отказать Орландо в находчивости. Где лучше всего спрятать то, что он тайком вывез из Домашней фермы? Конечно, там, где хранятся тысячи подобных же фолиантов, то есть в своем книжном магазине.

Я принялась скользить взглядом по книжным полкам, потом закрыла глаза, пытаюсь вспомнить, какую именно книгу я тогда искала и где конкретно она стояла...

И тут же вспомнила! Перед моим мысленным взором словно раскрылся виртуальный файл, извлеченный из недр собственной памяти.

– *Орландо*, – пробормотала я, направляясь к секции, где стояли книги на английском языке. Вот эта самая полка и надпись на ней: «Английская беллетристика, 1900–1950 годы».

Я наклонилась, сняла с нижней полки тоненький томик, открыла его и прочитала на первой странице:

*Дневник Флоры Макникол
1910 год*

Тут же захлопнула дневник и поспешно поставила его на прежнее место, потому что услышала тяжелые шаги на лестнице. Орландо спускался быстрее, чем обычно. Можно сказать, не шел, а почти бежал. Я едва успела подойти к камину и подбросить в него свежую порцию угля, как громко хлопнула дверь у меня за спиной.

– Ну как? Вам стало легче? – поинтересовалась я у него спокойным тоном и добавила еще угля в камин.

Последовала затяжная пауза. Молчание длилось так долго, что я невольно повернулась лицом к Орландо, чтобы узнать, в чем причина.

Лицо его снова стало пунцовым. Скрестив руки на груди, он приблизился ко мне с угрожающим видом.

– Попрошу вас более не разговаривать со мной таким покровительственным тоном. Да, вы почти привели меня в норму, но я только что имел звонок от брата. Он сообщил мне, что вы согласились перебраться в Хай-Уилд и совмещать со своей работой обязанности домоправительницы и няни.

– Я только...

– Не лгите мне, Стар! Отвечайте коротко. Так вы дали свое согласие, когда вам сделали такое предложение? Да или нет?

– Дело в том, что Маргарет оказалась просто в отчаянном положении. У нее срочный заказ... Вот я и сказала, что могла бы...

– Бросить меня и переметнуться к врагу, да?

– Я сказала, что смогла бы время от времени приезжать в Хай-Уилд и помогать Маргарет присматривать за Рори. Вот и все! Она пообещала поговорить с вами, спросить, не станете ли вы возражать против того, если я изредка, тогда, когда в магазине бывает затишье, стану бывать у них. Ни о каком сговоре и речи нет. И Мышь тут абсолютно ни при чем.

– Боже милостивый! Неужели же вы не понимаете, глупая женщина, что мой брат *всегда при чем*? Он сделал за нее всю грязную работу. Вот и сейчас специально позвонил мне, якобы для того, чтобы узнать, все ли со мной в порядке. И тут же объявляет мне, что на выходные вас уже ждут в Хай-Уилд.

– Орландо, честное слово, я понятия не имею, о чем вы говорите.

– Нет! Я вам больше не верю. А я еще, глупец, думал, что вы на моей стороне...

– Но так оно и есть, Орландо. Честное слово!

– Нет, не так! Разве вы не понимаете, что подобное положение вещей устроит его как нельзя более. Но оно *не устраивает меня!*

Он замолчал, хватая ртом воздух.

– Простите меня, – прошептала я растерянно. – Мне очень жаль, что все так получилось...

– А уж как мне жаль, – ответил он, сверкая глазами. Однако в них больше не было злости. Но и выражение их было абсолютно непонятно мне. – Что ж, я вас более не задерживаю. Убирайтесь!

– Убираться? Куда?

– Езжайте домой, в эту чертову дыру, в которой вы обитаете. Пакуйте вещи и сматывайтесь в Хай-Уилд. Вы нужны Маргарет и Мыши.

– Но я... Пожалуйста! Я ведь работаю у вас... И мне здесь очень нравится...

– Простите, но если вы думаете, что я стану воевать с ними из-за вас, то глубоко ошибаетесь. После такого предательства... Нет, я не стану за вас бороться.

Он театрально вскинул плечи, еще плотнее прижал руки к своей груди и удалился прочь, словно обиженный ребенок.

– Я не поеду в Хай-Уилд! Я хочу остаться здесь! – крикнула я ему в спину.

– А я вас увольняю.

– Но так ведь не честно! Не справедливо...

– А не вы ли сами, Стар, только что, совсем недавно, говорили мне, что жизнь совсем не похожа на сказку, а?

– Да, но...

– Стар, я сам во всем виноват. Я допустил чудовищную ошибку, когда взял вас с собой и привез в это осиное гнездо. А вы с первого же взгляда влюбились и в Хай-Уилд, и, что еще более печально, в моих болтливых родственников. И кто я такой, чтобы мешать вам и далее общаться с ними? Сладкоголосая сирена зовет вас, моя дорогая девочка. Ступайте же на звуки ее голоса. Вы уже и так заглотнули наживку... Целиком! Летите, птичка моя, летите. Только бы коготки ваши не увязли...

Если бы не эти обидные слова, которые он бросал мне прямо в лицо, я бы, пожалуй, попыталась разрядить обстановку. Рассмеяться, сказать, что уж больно мелодраматичная ситуация у нас ним вырисовывается. Прямо как в какой-нибудь пьесе Эдвардианской эпохи. Но обида была слишком велика. Я почувствовала, как слезы подступают к моим глазам.

– Что ж, будь по-вашему! – Я прошла мимо него, взяла свой рюкзачок и сумку с вещами. – Прощайте, Орландо. Мне очень жаль...

В полном молчании я прошла к входным дверям и уже взялась за ручку, когда снова услышала его голос у себя за спиной:

– Утешает лишь то, что хотя бы Рори останется в выигрыше от всего этого безобразия. Ведь нежнейший уход ему будет гарантирован.

Рад за него. До свидания, мисс Стар.

Я распахнула дверь и вышла на улицу. Уже темнело. Вокруг сгущался туман. Ноги сами понесли меня через дорогу к автобусной остановке. Той самой, стоя на которой я впервые увидела вывеску книжного магазина «Артур Морстон Букс».

Я повернулась и взглянула на магазин. И там, в полумраке, сквозь карты, разложенные за стеклом витрины, различила очертания мужчины, который стоял и смотрел мне вслед.

Я тут же отвернулась. Мне невыносимо было видеть этот молчаливый, насмешливо-уничижительный взгляд.

К счастью, когда я вернулась домой, в квартире еще никого не было. Я швырнула сумку с вещами на пол в нашей общей с Сиси спальне, которая показалась мне еще более удушающей, особенно после того, как последние пять ночей я спала в комнате одна, и отправилась в душ. Мылась долго, включив горячую воду на полную мощь. Упругие струи обмывали мое тело со всех сторон, а я наконец дала волю слезам. И не только слезам. Я кричала, выла во весь голос, недоумевая, как, каким образом мне удалось в течение всего лишь двадцати четырех часов устроить из своей жизни такой ужасный кавардак.

Но, выйдя из душевой кабины и укутавшись в пушистое махровое полотенце, я уже знала ответ на свой сакраментальный вопрос. Потому что я жадная. Потому что я эгоистка. Похожа на женщину, влюбившуюся до беспамятства и не ведающую, что она творит. Вот и я даже не задумывалась о последствиях своих действий, упиваясь лишь собственными страстями. Налетела на свою добычу, словно голодный зверь, а до остального мне и дела нет.

А главная моя добыча, как прозорливо заметил Орландо, это, конечно же, Хай-Уилд. И его обитатели...

Нельзя было мне вот так сразу соглашаться на любую работу в их доме, которую могли мне предложить хозяева Хай-Уилд. Тем более сейчас, в сложившихся обстоятельствах. Нужно было прежде поговорить с Орландо, посоветоваться с ним. Ведь именно он, а никто другой, и привез меня в эту страну чудес. Да, надо было посоветоваться с ним, все обсудить и лишь потом давать свое согласие.

А я поступила иначе. И вот результат. Я снова безработная. Потому что если я поеду в Хай-Уилд, это осиное гнездо, по выражению Орландо, то человек, которого с некоторых пор я считала своим лучшим другом, будет видеть во мне только предательницу. Сама мысль об этом была мне невыносима.

Я высыпала на постель содержимое своего рюкзака в поисках расчески и тут с замиранием сердца увидела связку латунных ключей от книжного магазина. Они остались лежать во внутреннем кармане

рюкзака. Я вспомнила то незабываемое мгновение, когда всего лишь несколько недель тому назад Орландо, приветливо улыбаясь, сам вложил эти ключи в мою руку. Как все тогда было чудесно! Я сделала усилие, чтобы отогнать от себя эти рвущие сердце воспоминания. А насчет ключей решила однозначно: либо пусть сам приезжает за ними, либо я завезу их ему при случае, если окажусь в том районе. Но уж возвращаться специально в магазин только затем, чтобы отдать ключи, – нет и еще раз нет.

Я пошлепала вниз, чтобы заварить себе чашечку чая. На кухне, обычно чистой и убранной, царил первозданный хаос. Раковина до самого верха забита грязной посудой, наверняка пятидневной давности, и это притом что тут же, в двух шагах, возле рабочего стола, примостилась вместительная посудомоечная машина. Пол усыпан крошками, заляпан пятнами от кофе и соусов. А когда я полезла в шкафчик, чтобы взять пакетик с чайной заваркой и положить его себе в кружку, которую я только что ополоснула, то обнаружила, что пачка пуста.

– Сиси! Бездельница! – выругалась я негромко и стала шарить по шкафчикам, чтобы отыскать в них хоть что-то, что могло бы утолить мою жажду. В конце концов отыскала пакетик травяного чая, бросила его в кипятилок и, забрав кружку с собой, потащила на террасу, оставив кухонный кавардак в его прежнем виде. К счастью, большинство моих растений не пострадали за время моего отсутствия. Одни уже благополучно погрузились в зимнюю спячку, другие вполне сносно обошлись и без полива из-за обильной росы по утрам. Вот камелию, пожалуй, уже пора перенести в дом, чтобы ее нежные соцветия не пострадали от заморозков. Но горшок очень массивный, да и сам цветок большого размера. Мне одной его никак не перетащить. Придется камелии провести и эту ночь тоже на балконе, а я на всякий случай натяну сверху на ее крону мешок для сбора мусора.

Вернулась в дом, взглянула на часы: шесть часов вечера. Самое время побаловать себя бокалом вина. Наполнила бокал и уселась в центре одного из огромных диванов со светлой кремовой обивкой. Огляделась по сторонам. Все так совершенно, так стерильно красиво, полная противоположность тому, что творится в Хай-Уилд. И снова слезы подступили к моим глазам.

Получается, что сейчас я нигде, затерялась между двумя мирами, не принадлежа ни к одному из них. Этот мир, что окружает меня сейчас, он сотворен моей сестрой, и в нем нет ничего моего. Почти ничего... Но и мир моего любимого Хай-Уилд тоже остался в прошлом.

Я уже лежала в постели, когда спустя несколько часов громко хлопнула входная дверь. Уходя к себе, я оставила на кухне записку для Сиси, прикрепив к дверце холодильника. Большими буквами уведомила сестру, что я сильно простыла, а потому легла спать в свободной спальне, чтобы – не дай бог! – не заразить ее. Надеюсь, она заметит мое послание. Войдя в квартиру, Сиси сразу же окликнула меня, но, поскольку ответа не последовало, поспешила на кухню, где я обычно нахожусь. Я услышала уверенные, громкие шаги в том направлении, и тут же короткая пауза. Видно, Сиси увидела записку. Я представила себе, как она читает ее. Но уже в следующую минуту шаги раздались на лестнице. Стук в дверь.

– Стар, с тобой все в порядке? Можно войти?

– Да, – жалобно простонала я в ответ.

Дверь отворилась, в дверном проеме замаячила фигура Сиси, облитая светом.

– Только не подходи близко. Я в ужасном состоянии, – взмолилась я и стала отчаянно кашлять, имитируя сильнейшую простуду.

– Бедняжка! – посочувствовала мне сестра. – Чем тебе помочь?

– Ничего не надо. Я только что выпила лекарства.

– Если что понадобится ночью, буди, не раздумывай.

– Хорошо.

– А сейчас постарайся заснуть. Дома, надеюсь, тебе полегчает.

– Ты права, Сиси. Спасибо.

Слегка разлепив левый глаз, я увидела, что Сиси все еще мнетя, стоя в дверях и разглядывая меня.

– Я по тебе соскучилась, – вдруг сказала она.

– Я тоже.

Дверь закрылась, а до меня вдруг дошло, что во второй раз за сегодняшний день я солгала. Я перевернулась на живот и мысленно взмолилась, обращаясь к Небесам и умоляя их ниспослать мне сон. Слава богу! На сей раз Господь снизошел к моей просьбе.

На следующее утро я проснулась в ужасном состоянии: совершенно разбитая и больная, точь-в-точь как я описывала свое состояние сестре накануне вечером. Сползла кое-как с постели и обнаружила записку под дверью.

Ушла на занятия. Звони, если что. Люблю, целую. Сиси.

Я спустилась вниз. На кухне полный порядок. Она снова приобрела свой прежний, пристойный вид. И я тут же опять устыдилась той лжи, к которой прибегла вчера вечером в разговоре с сестрой. Включила чайник, но вовремя вспомнила, что пакетики с чаем закончились.

Пошлепала в гостиную. Посмотрела в окно. Судя по всему, день обещает быть солнечным, совсем не таким унылым, как вчера.

Мысли мои сами собой потекли в сторону Хай-Уилд. Я представила себе, что Рори, наверное, уже тоже встал. Интересно, что у него будет на завтрак? Ведь меня рядом нет, чтобы приготовить ему что-то вкусненькое. *Ну же, Стар! Перестань себя накручивать. В конце концов, рядом с ним его мать... И он вполне счастлив...*

Однако что-то подсказывало мне, и, наверное, не одно лишь тщеславие, что мальчонка тоже *скучает по мне*.

Нет!

– Тебя это больше не касается. Это – чужая жизнь, чужая семья, а Рори – не твой ребенок. Тебе нет никакого дела до всех этих людей, – сказала я громко, обращаясь к самой себе.

Поднялась вверх, пытаюсь найти себе хоть какое-то занятие, чтобы заполнить бесцельную пустоту предстоящего дня. Вспомнила слова Орlando, что привычка к определенному распорядку – это тоже панацея. Направилась в ванную и еще раз приняла душ. Потом оделась, снова спустилась вниз и уселась за письменный стол с твердым намерением приступить наконец-то к работе над своим романом. Пора уже начать что-то делать *для себя самой*, самостоятельно лепить свою судьбу. Я достала тетрадь, авторучку и начала писать.

Спустя несколько часов я отложила перо в сторону и снова подошла к окну. В лучах заходящего солнца уже сгущались первые сумерки. Я стала разминать онемевшие от долгого держания авторучки в одном положении пальцы. Пошла выпить стакан воды. Взглянула мельком на свой мобильник. Куча эсэмэсок и два речевых сообщения. Последние я решила игнорировать. Но любопытство и страх взяли верх. А вдруг что-то случилось с Рори? Нехотя я стала прослушивать.

«Добрый день, Стар. Это Мышь. Не знаю, в курсе ли Орландо, но Маргарет в эти выходные снова отбывает во Францию. Она сказала, что вы якобы не против присмотреть за Рори и за домом на время ее отсутствия. Пожалуйста, перезвоните мне и как можно скорее. Телефон в Хай-Уилд не работает. Видимо, отключили за неуплату. Вот Маргарет и попросила меня связаться с вами по мобильнику. Спасибо».

Следующее сообщение было от Шанти. Спрашивает, как у меня дела, где я сейчас, говорит, было бы здорово встретиться в ближайшее время. Ее мягкий задушевный голос подействовал на меня успокаивающе. Я тут же решила в ближайшие дни перезвонить ей и договориться о встрече. Потом я принялась читать эсэмэски. Две из них снова были от Мыши. А он явно нервничает. Понятное дело! Сейчас, когда Орландо покинул сцену и стал для них недоступен, пусть и временно, все заботы по уходу за Рори неизбежно должны будут лечь на его плечи. А как он думал? Я уже приготовилась отложить мобильник в сторону, но в эту минуту раздался звонок. И снова звонил Мышь. Надо все же ответить, решила я.

– Стар! Слава богу! Наконец-то я до вас дозвонился. Я уже было решил, что у меня неправильный номер вашего телефона. Пытался дозвониться до Орландо, но тот тоже не отвечает.

– Да, он пока не собирается выходить на связь.

– Вы уже прослушали мое речевое сообщение? Прочитали эсэмэски, которые я отправил вам ранее?

– Да.

– Так вы собираетесь в Хай-Уилд на следующей неделе?

– Боюсь, что нет.

– Понятно. – В трубке повисла долгая пауза. – Можно поинтересоваться, почему? Маргарет сказала, что вы вполне благожелательно отнеслись к ее просьбе изредка помогать ей здесь.

– Да, но при одном условии. Если Орландо не будет возражать. А он возражает, причем самым категоричным образом.

– Но может же он изредка отпускать вас на пару денечков ради своего племянника. Или нет?

– Наверное, мог бы. Но вчера он меня уволил, кстати, после вашего звонка ему. А еще назвал меня предательницей, – резко бросила я в трубку.

– Боже! – на другом конце линии послышался тяжелый вздох. – Простите, Стар. Все эти наши семейные распри вас не касаются, это так. А мы вот ненароком втянули вас в собственные разборки. Не подумал как-то об этом, когда стал звонить ему...

– К сожалению, да. Не подумали. А в результате мы имеем то, что имеем.

– То есть вы не сможете приехать в Хай-Уилд даже на выходные?

– Нет, не смогу. Простите, но не смогу. Орландо был необыкновенно добр ко мне, и я не хочу предавать его и платить черной неблагодарностью за его доброе ко мне отношение.

– Конечно, я все понимаю... Что ж, может, оно для вас даже к лучшему. Наверное, действительно лучше держаться подальше от нашей безумной семейки. Но Рори будет убит вашим отказом. Он тут нам с Маргарет все уши прожужжал о том, какая вы есть замечательная.

– Передайте ему, что я его очень люблю.

– Обязательно передам. Но все же... Может быть, когда все страсти улягутся... вы передумаете?

– Вряд ли. Простите, но, скорее всего, не передумаю.

– Хорошо. Оставим этот разговор. Последнее. Сообщите мне, пожалуйста, ваш адрес. Чтобы я хоть мог переслать вам деньги за то, что вы ухаживали за Рори на прошлой неделе.

– Деньги не так уж и важны. Я была рада ухаживать за ним.

– Но мне это важно. Поэтому прошу вас, если вы не против...

Я продиктовала ему свой адрес, и он пообещал выслать мне чек по почте.

– Что ж, на этом позвольте попрощаться. Наконец-то мои долбаные родственники и я сам оставляем вас в покое. Наверное, когда Орландо опомнится и придет в себя, то на коленях приползет к вам. Будет умолять вернуться.

– Сомневаюсь. Вы же сами говорили, что он очень упрямый. А я его сильно обидела. Обидела, сама того не желая.

– Не вы, Стар. Это я во всем виноват. Только я один. В любом случае желаю вам удачи в поисках новой работы. И, прошу вас, будьте на связи. Всего доброго.

– Всего доброго.

Мышь отключил телефон. А я, несмотря на всю свою решимость, граничащую с упрямством, в эту минуту почувствовала себя так, как бывает, когда завершается какая-нибудь красивая любовная история. Вот и сейчас все потеряно: дом, семья... Вполне возможно, и мое *собственное прошлое* тоже. Я судорожно сглотнула слюну, чтобы не расплакаться. А потом пошла на кухню готовить ужин для нас с Сиси. Ведь мы же опять вдвоем.

Я начала нарезать овощи для последующего тушения гораздо более интенсивно, чем того требовалось. Не резала, а кромсала, и при этом все время сверлило в мозгу: я снова вернулась на те же исходные позиции, с которых и начинала. В ожидании Сиси я подумала, что, может быть, хоть моя вымышленная болезнь немного смягчит ее настрой, и она не станет выговаривать мне задним числом за то, что я так непозволительно долго пробыла в Хай-Уилд. Между делом отправила эсэмэску Шанти. Надо же, в конце концов, с чего-то начинать новую жизнь. Пригласила ее на чашечку кофе в любое удобное для нее время. Ответ пришел мгновенно. Она с радостью заглянет ко мне завтра в четыре часа дня. Вот и будет мне занятие на завтрашний день, подумала я уныло. С самого утра займусь тортиком. Приготовлю что-нибудь новенькое, повторно печь лимонный торт не буду. Громко стукнула входная дверь, следом послышался голос Сиси:

– Привет. Как ты себя чувствуешь, Стар?

– Спасибо. Гораздо лучше.

Сиси вошла на кухню и принялась внимательно разглядывать мое лицо.

– Но ты еще все равно очень бледненькая.

– Да я всегда бледненькая, Сиси! – я попыталась рассмеяться. – Говорю же тебе, со мной все в полном порядке. А как твои дела?

– Все нормально. Проехали, – отмахнулась от меня сестра, и я сразу же поняла, что у Сиси что-то не так. – Пиво будешь? –

поинтересовалась она у меня, направляясь к холодильнику, чтобы достать оттуда бутылку с пивом.

– Нет, спасибо.

– Ну, как справилась со своими обязанностями няньки? – задала она свой следующий вопрос, устраиваясь за столом напротив меня.

– Все прошло чудесно. Рори замечательный ребенок.

– Еще собираешься туда?

– Нет. Это была разовая оказия.

– Ну и слава богу! Лично я только рада. Подумай сама, Стар. У тебя диплом первой степени по английской литературе, ты свободно говоришь на двух языках. И вообще, ты самый образованный человек из всех, кого я знаю. Пора перестать продавать себя за гроши.

Собственно, эта последняя фраза Сиси уже давно стала своеобразным рефреном в наших с ней разговорах. Но я решила не развивать эту тему далее. Во всяком случае, не сегодня.

– А что у тебя новенького? Вижу, что-то не совсем в порядке, да?

– Как ты догадалась? – Сиси сорвалась с места, подбежала ко мне и обвила руками. – Какое счастье, что у меня есть ты! – она тяжело вздохнула.

– Так все же, что произошло?

– Трудно объяснить в двух словах. Знаешь, это как в школе, когда ты вдруг оказываешься в числе отстающих... Так и здесь. Все остальные в группе как-то держатся вместе, а я вот не вписалась в их студенческую компанию. Я стараюсь, конечно, не комплексовать по этому поводу. Но вообще-то я представляла себе, что художники ведут себя несколько иначе. А они на деле оказались совсем не такими. И мне очень больно, Стар, больно находиться среди них.

– Прекрасно понимаю тебя.

– Преподаватели критикуют мои работы буквально в режиме нон-стоп. Я все понимаю... В конце концов, им за это платят, но можно же когда-нибудь и похвалить для разнообразия. Хотя бы изредка. А здесь никогда! Словом, на настоящий момент я полностью деморализована своей учебой и уже всерьез подумываю о том, чтобы послать всю эту хренотень ко всем чертям.

– А мне казалось, что главное у вас, художников, – это итоговый показ работ в конце года. Разве нет? Обычно на такие показы собираются всякие маститые критики, известные коллекционеры.

Потерпи немного. Надо дождаться этого события во что бы то ни стало. Пусть они придут, увидят и оценят твои работы. Да, понимаю, сейчас тебе очень трудно, но нельзя бросать начатое. Надо все довести до своего логического конца. А ты уже готова сложить лапки.

– Да я и сама не хочу сдаваться. Помнишь, папа всегда повторял, что жизнь слишком коротка для того, чтобы быть несчастливой?

– И он же не раз говорил нам, что мы не должны сдаваться ни при каких обстоятельствах, – напомнила я Сиси. И меня вдруг поразило, что отца уже больше нет в живых, а его мудрые наставления так сейчас кстати. И еще не раз они помогут всем нам, сестрам.

– Да. – Сиси прикусила нижнюю губу, и я с удивлением увидела, что в ее глазах заблестели слезы. – Знаешь, мне очень не хватает Па Солта. Думала, что справлюсь с его утратой. Но в душе словно образовалась большая дыра. Понимаешь меня?

– Еще как понимаю, – тихо обронила я в ответ. – А возвращаясь к твоим проблемам, скажу так. Ведь твои занятия длятся совсем недолго. Запасись терпением, дай срок, а там посмотрим, что будет.

– Постараюсь. Но сейчас мне трудно, очень трудно, Стар. Особенно когда тебя нет рядом. А ты в последнее время так часто отсутствуешь...

– Но вот я снова дома, и мы вместе.

Сиси отправилась наверх принимать душ. Я зажгла конфорку на плите и поставила тушить овощи. Помешивая ингредиенты на сковороде, подумала, что, наверное, *мы с Сиси* обречены на то, чтобы всегда и везде чувствовать себя чужими. Такие две одинокие волчицы, которые могут довольствоваться только обществом друг друга. Уж как я пыталась вырваться, разорвать этот порочный круг, все тщетно. Впрочем, жизнь, да и мировая литература тоже, пестрят историями о том, как незамужние сестры находят утешение, общаясь друг с другом. Так может, и мне стоит сдать и смириться со своей судьбой?

Ужинали вместе. И впервые за долгое время присутствие Сиси не напрягало меня. Скорее даже, наоборот, успокаивало. А потом она показала мне на смартфоне свои последние работы. Честное слово, это лучшее, что вышло из-под кисти моей сестры за многие годы. Или я просто по-новому взглянула на ее картины? Вот ведь как меняется наше восприятие в зависимости от того, готовы ли мы принять то, что нам предлагают, или нет.

Спать мы отправились пораньше. Обе смертельно уставшие, каждая от своих проблем.

У себя в комнате я какое-то время смотрела на луну в окне и размышляла о том, что все же мы с Сиси, похоже, гораздо сильнее, чем я полагала. И прежде всего мы схожи в том, что обе отчаянно боимся того жестокого мира, который существует за пределами нашего уютного гнездышка.

Скорее всего, моя израненная гордость и уязвленное самолюбие не позволили мне сообщить Сиси о том, что меня выгнали с работы. А потому на следующее утро я поднялась вместе с ней, зная, что она убегает на занятия на полчаса раньше, чем я уйду на работу. Словом, я встала с кровати и перешла к обычным утренним процедурам.

– Удачного дня, – пожелала мне на прощание Сиси, покидая кухню.

– Тебе тоже! – крикнула я ей вдогонку и даже помахала вслед рукой, а потом сделала вид, что и сама спешу, поэтому и тороплюсь побыстрее допить свой кофе.

Но вот громко хлопнула входная дверь, и я тут же пошла рыться в своих книгах по кулинарии, отыскивая новый рецепт торта, или пирога, или чего-то такого, чем не стыдно будет угостить Шанти. Решила приготовить что-нибудь в чисто английском стиле. Замесить тесто для сдобной булки на пиве, но добавить туда немного восточных специй, как дань историческим корням самой Шанти. После чего отправилась в супермаркет, чтобы купить все необходимые продукты, а заодно и чай.

Звонок в домофон прозвенел ровно в четыре. Я нажала кнопку, чтобы впустить Шанти в подъезд. Уже одно то, что ко мне идет гость, сразу же подняло мне настроение. Но вот Шанти вышла из лифта, я встретила ее, стоя у распахнутых дверей.

– Стар! Как же я рада! – Она порывисто обняла меня и привлекла к себе. – Столько времени не виделись.

– Это правда. Проходи же.

– Вот это да! – Шанти обвела глазами нашу огромную гостиную. – Квартира, я понимаю! А ведь сама ни разу не похвасталась, что ты у нас богатенькая девочка.

– Это не я. Квартиру купила моя сестра. А я тут обитаю на правах самой обычной квартирантки.

– Везет же некоторым! – добродушно улынулась Шанти, присаживаясь.

– Что будем пить? Чай? Кофе?

– Мне, если можно, просто стакан воды. Или любой травяной чай, который откопаешь в недрах своих шкафчиков. Я, знаешь ли, соблюдаю пост.

Я бросила взгляд на испеченную булку, свежую, ароматную, пышную, ждущую своего звездного часа, чтобы отправиться в рот и быть съеденной, и разочарованно вздохнула.

– Ну, рассказывай же! Как у тебя дела, *ma petite étoile*?^[5]

– Ты говоришь по-французски?

– Нет, – рассмеялась она в ответ. – Это единственная фраза, которую я знаю на французском. И она как раз содержит в себе твое имя, маленькая ты моя звездочка.

– Да вроде все нормально, – ответила я и поставила перед Шанти поднос с травяным чаем, испеченную булку и свежее сливочное масло, чтобы намазать ломти сверху. Привычка Орландо чаевничать после обеда, и обязательно с тортиком, быстро передалась и мне. Мне теперь тоже хочется не просто выпить чашку чая, но и съесть что-то более основательное.

– Чем занималась конкретно?

– Работала в одном книжном магазине.

– Каком именно?

– Вряд ли ты когда-нибудь слышала о нем. Букинистический магазин, занимается продажей редких книг. Покупателей у нас немного.

– Но тебе нравится?

– Очень! Во всяком случае, нравилось.

– Ты что, там больше не работаешь?

– Нет. Меня уволили.

– Сочувствую тебе, Стар. А что случилось?

Какое-то мгновение я колебалась. А стоит ли посвящать Шанти во все мои последние неприятности? Я даже с Сиси не рискнула поделиться. Но, с другой стороны, у Шанти, как у психолога, есть свой подход к каждому. Вот и меня она может разговорить в два счета. Так почему бы и не открыться ей? Ведь, если честно, именно за этим я и позвала ее к себе в гости. Мне позарез нужно выговориться.

– О, это очень длинная история, – проямлила я неопределенно.

– И я готова выслушать ее от начала и до конца, – ответила мне Шанти, наблюдая за тем, как я намазываю себе маслом ломоть

душистой ароматной булки. – Все! Сдаюсь! – воскликнула она. – Булка действительно выглядит потрясающе аппетитной.

Я отрезала ломоть и ей и начала рассказывать свою одиссею с самого начала. Как и почему я попала в дом Воганов-Форбсов. Шанти слушала меня, не перебивая. Лишь изредка переспрашивала, перепроверяя для себя тот или иной факт, чтобы убедиться в том, что она все поняла правильно. Наконец я закончила свое грустное повествование.

– Вот таковы мои дела на сегодняшний день, – подвела я черту под своим рассказом, слегка пожав плечами. – И я снова безработная.

– А семейка между тем прелюбопытная. – Шанти вздохнула. – Я всегда считала, что в старинных английских семьях есть много чего такого... Только в них и могут родиться на свет такие колоритные персонажи.

– Да, все они очень интересные люди. Согласна.

– И ты полагаешь, что каким-то образом связана с ними родственными узами?

– Даже если это и так, то теперь я никогда и ничего не узнаю наверняка. Едва ли у меня еще будут встречи с ними.

– А я вот уверена на все сто, что будут. Обязательно будут! Особенно с одним конкретным человеком.

– С Орландо? – спросила я с надеждой в голосе.

– Нет, Стар, не с Орландо. Но если ты сама не представляешь, с кем именно будет эта встреча, то и я пока тоже не стану делать никаких подсказок. Знаешь, у меня такое чувство, что... они все что-то скрывают.

– Правда?

– Да. Что-то такое, что на первый взгляд кажется полной бессмыслицей. Впрочем, судя по твоим описаниям, дом великолепен, да? – добавила она.

– Когда-то он действительно был великолепным. Но мне и сейчас там очень нравилось. Хотя сестра упрекала меня, говорила, что они откровенно пользуются мной и что я стою большего... Но, знаешь, мне нравится хозяйничать, ухаживать за людьми... Ты полагаешь, это плохо?

– То есть ты считаешь, что в наши дни все женщины обязательно должны стремиться сделать карьеру? И ради этого готовы лоб себе

расшибить о стену?

– Ну, в общем-то, да.

– А я вот думаю, что быть просто домохозяйкой – это совсем даже не плохо, Стар.

– Да, я тоже люблю простые занятия. Готовить, возиться в саду, содержать дом в порядке... И мне очень нравилось присматривать за Рори. Я чувствовала себя счастливой.

– Следовательно, у тебя уже есть цель, Стар, к которой ты должна стремиться. Впрочем, для полного счастья не хватает еще одного очень важного ингредиента.

– Что такое?

– А сама ты не догадываешься разве?

Я бросила быстрый взгляд на Шанти.

– А понимаю... Нужна еще любовь.

– Именно. А любовь, как ты знаешь, может принимать самые разные обличья и формы. И она вовсе не обязательно должна развиваться по традиционному сценарию: мужчина – женщина. Взгляни на меня, к примеру. У меня было и есть огромное количество любовных связей, причем и с мужчинами, и с женщинами.

Я невольно залилась краской. Шанти отреагировала на мою реакцию с легкой улыбкой на устах.

– Тебе неприятен разговор о сексе, Стар?

– Я... нет... То есть я хочу сказать...

– Тогда прости меня, если я задам тебе следующий вопрос. Потому что я буквально умираю, сохну по тебе с самого первого момента нашей встречи. Ты кого предпочитаешь? Мужчин или женщин? Или и тех, и других, как я?

Я уставилась на нее в ужасе, желая лишь одного, чтобы сейчас, в эту самую минуту, разверзлась земля под нашими ногами и поглотила меня вместе с диваном, на котором я сижу. Или пусть бы произошло что-то такое, непредвиденное, страшное... И мне не надо было бы отвечать на вопросы Шанти.

– Буду откровенна, – кое-как выдавила я из себя наконец. – Я предпочитаю мужчин.

– Вот как? – Шанти понимающе кивнула головой. – Значит, я ошибалась на твой счет. Но не переживай. Я просто вычеркну тебя из списка своих прошлых и будущих побед. – Она негромко рассмеялась.

– Да, пожалуй, – промямлила я, зная, что лицо мое приобрело пунцово-красный цвет. – Еще чаю хочешь?

Все равно пойду на кухню и поставлю чайник, даже если она и не захочет, решила я про себя. Главное – побыстрее уйти прочь, спрятаться от ее пронзительного взгляда.

– Ты такая красивая, Стар. Но, кажется мне, ты и сама не понимаешь этого. А ведь физическое «я» человека, его тело... В этом нет ничего постыдного. Это – дар богов, и он дается людям, как говорится, бесплатно. Ты молода и красива, Стар. Так наслаждайся жизнью, лови мгновения, пользуйся теми удовольствиями, которые предлагает тебе твое тело.

Я стояла на кухне, понимая, что не могу вернуться снова в гостиную и усесться на тот самый диван. И чтобы Шанти опять принялась пристально изучать меня своими пронзительными глазами. Потому что просто не могу, физически не могу продолжить наш с ней разговор. И тогда я попросила, нет! Я *взмолилась*, обращаясь к Небесам, чтобы они вмешались и хоть как-то помогли мне. И, к своему удивлению, всего лишь спустя пару секунд получила ответ на свое обращение. Ибо в эту минуту раздался звонок домофона.

Снимая трубку домофона, я даже не задумалась, кто это хочет попасть к нам в квартиру. Может, какой-нибудь с кровавым топором в руке... Скорее всего, Сиси. Та часто просит открыть ей дверь, потому что ей, видите ли, неохота искать в сумке свой ключ от домофона. Но кто бы это ни был, я тут же схватила трубку.

– Слушаю вас.

– Стар, это я, Мышь. Вот проходил мимо и подумал, что лучше, чем пересылать чек по почте, я вручу его вам лично.

– Ах, вот что...

– Может, спуститесь вниз и заберете его? Снаружи я не нашел никакого почтового ящика.

Он был прав. Владельцы дома не позаботились о том, чтобы установить на улице почтовые ящики. Да и привратник наш подозрительно редко бывает на своем месте. Во всяком случае, я, спускаясь в подъезд, никогда его там не вижу. Какую-то долю секунды я мялась в нерешительности, но возобладали страх и категорическое нежелание продолжить нашу беседу с Шанти.

– Поднимайтесь наверх, – сказала я в трубку. – Третий этаж. Дверь прямо напротив лифта.

– Спасибо.

– Прости, – извинилась я перед Шанти, возвращаясь в гостиную. Слегка замялась у дивана, так и не решаясь снова присесть на него. – Вот один мой знакомый решил заглянуть на минутку.

– О, я в любом случае уже ухожу, – ответила она, поднимаясь со своего места.

Я пошла провожать ее до дверей, испытывая невыразимое облегчение от того, что она так быстро уходит.

– Рада была повидаться с тобой, Стар. Прости, если чем-то смутила тебя или поставила в неловкое положение.

– Все отлично, – ответила я, прислушиваясь к поднимающемуся вверх лифту и понимая, что мне придется знакомить этих двоих.

– Что ж, до свидания, Стар, моя маленькая звездочка. – Шанти обвила меня руками и прижала к своей пышной груди. И в эту самую минуту кабинка лифта отворилась, и из нее вышел Мышь.

– Прошу прощения, – сказал он, пока Шанти разжимала свои крепкие объятия. – Надеюсь, не помешал?

– О, ничуть! – любезно улыбнулась ему Шанти. – Я уже ухожу. Так что Стар в вашем полном распоряжении.

Она прошла мимо нас обоих, направляясь к кабинке лифта, и уже зашла туда и даже нажала на кнопку этажа, но тут снова взглянула на нас и спросила Мышь:

– Кстати, как вас зовут?

– Мышь.

– Ха! Ну, что я говорила тебе, Стар?

Она вскинула у него за спиной большие пальцы обеих рук вверх. Но тут дверцы закрылись, и я услышала ее гортанный смех, который эхом рассыпался по всему дому, пока лифт спускался на первый этаж.

– Это шутка? – недоуменно спросил у меня Мышь, когда я пригласила его жестом проходить в квартиру. – Что-то я не понял ничего.

– Не важно. Я тоже ничего не поняла, – ответила я с чувством.

– Интересная особа. Ваша подруга?

– Да. Могу предложить чашечку чая. Или кофе?

– А пива у вас, конечно, нет?

– Конечно, есть.

– Потрясающая квартира. Вид восхитительный, – прокомментировал Мышь, подойдя к окнам, за которыми в сгущающихся сумерках уже зажглись огни Лондона. – Вот теперь я знаю наверняка, что вы приехали в Хай-Уилд вовсе не в поисках спрятанных там сокровищ. Разве можно позариться на наши развалины после такой роскоши?

– Эта квартира принадлежит моей сестре, – пояснила я второй раз за день.

– Что ж, – поднял он вверх протянутую ему банку с пивом, – тогда за богатых родственников. Хорошо, когда они есть. – Мышь отхлебнул из банки. Я знаком предложила ему присаживаться на диван. Он бросил жадный взгляд на булку. – Можно угоститься? Не ел сегодня весь день.

– Конечно, угощайтесь. – Я отрезала ему толстый ломоть булки и щедро намазала его маслом.

– М-м-м! Какая вкуснотища! Впрочем, как и все, что вы готовите. У вас самый настоящий кулинарный талант.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я, мысленно прикидывая, чем могут закончиться все его любезности и чего он, собственно, хочет от меня. Чего добивается... Вот ведь как-то же он проник к нам в подъезд, что совсем даже непросто. В этом доме без карты и компаса даже не найдешь, где вход, а где выход.

– Да, чуть не забыл. Вот! – Он извлек из кармана куртки конверт и протянул его мне. – Надеюсь, этого будет достаточно. Я присовокупил еще и оплату за две недели работы в книжном магазине.

– Вот этого не нужно было делать. Право же, это лишнее, – возмутилась я, зная, в каких стесненных материальных обстоятельствах находится он сам. – А как Орландо?

– Все еще пребывает в состоянии войны и по-прежнему не выходит на связь... Именно по этой причине я и приехал в Лондон. Ведь я не слышал его голос с тех самых пор, как позвонил ему тогда насчет вас. Разумеется, я беспокоюсь. Приехал днем. Магазин закрыт на замок. К счастью, у меня были с собой запасные ключи. А он по-прежнему безвылазно торчит в своей спальне. Меня, конечно, не пустил к себе. Пришлось прибегнуть к угрозам. Я сказал, что если он

будет играть в молчанку и дальше, то я вызову полицию. Те взломают дверь, хотя бы для того, чтобы удостовериться, что он еще жив.

– То есть никаких перемен к лучшему.

– Никаких. Да, еще успел заглянуть к риелтору и попросил его начинать процесс оформления всех бумаг, необходимых для продажи нашего здания. Для начала хотя бы выставим его на рынок недвижимости. Надеюсь, что если банк отследит эти наши маневры и убедится в том, что мы действительно намереваемся продать магазин и рассчитаться с ними по долгам, то они, быть может, на какое-то время отстанут от нас. Или хотя бы немного ослабят свою железную хватку.

– Вы сказали об этом Орландо?

– Господи, конечно же, нет! Скажи я ему эту новость, так он еще чего доброго выбросился бы из окна своей спальни. Как печально, что он не сможет снова работать с вами. Сидит там взаперти целыми днями, словно наседка на яйцах. Безусловно, со временем он оправится и снова придет в норму. Всем нам, кто теряет то, что любит, приходится смиряться с неизбежным.

– Но для этого требуется время, не так ли? – сказала я, не подумав, что Мышь может принять мои слова на свой счет. – А в случае с Орландо прошло всего лишь несколько дней.

– Я понял вас. – По выражению лица Мыши было заметно, что он сейчас решает для себя, стоит ли ему обижаться на мою реплику или лучше пропустить ее мимо ушей. Честно говоря, мне было все равно. Пусть обижается на здоровье.

– Вы правы, – обронил он наконец после долгой паузы. – Послушайте, Стар, у меня была и еще одна причина, по которой я хотел встретиться с вами. Слава богу, она не имеет никакого отношения к моим родственникам. Речь о вас.

– Обо мне?

– Да. В конце концов, вы ведь не случайно оказались в книжном магазине моего брата. Явно вы хотели разузнать что-то о своем прошлом. И невольно оказались втянуты в наши семейные дразги. Получилось, что вы, как говорится, без вины виноваты. А потому я посчитал, что будет справедливо, если я встречусь с вами и расскажу все, что знаю сам о Флоре Макникол. Во всяком случае, объясню, откуда и как к вам попала эта кошка.

– Понимаю.

– Кстати, она сейчас находится на экспертизе в Сотбис. Я к ним заглянул сегодня прямо с утра. Они обещали позвонить мне, как только наведут все необходимые справки. Но и сейчас они полностью уверены, что это – Фаберже. Должен заметить, что если аутентичность вещицы подтвердится, то она будет стоить целое состояние. Даже такие крохотные статуэтки типа вашей Пантеры продаются на аукционах за сотни тысяч фунтов.

– Неужели? – совершенно искренне удивилась я.

– Именно так. В любом случае вы станете обладательницей приличного наследства, что, впрочем, вполне справедливо. А сейчас... – Мышь извлек из второго вместительного кармана своей куртки несколько небольших томиков в шелковых обложках. Они были абсолютно такие же, как и те тома, что я обнаружила на полке в книжном магазине. – Вот в этом дневнике, – он постучал пальцем по верхнему томику, – продолжение тех событий, на которых я остановился, делая свою транскрипцию дневниковых записей Флоры. У меня просто не было времени, чтобы продолжить работу над оставшимися томами, но вот этот дневник я успел прочитать. Хотите, Стар, я перескажу вам его содержание? Скажу сразу, совершенно удивительная история. Исполненная при этом самого высокого драматизма. Особенно – ее развязка.

Какое-то время я колебалась. Еще вчера, да и сегодня утром, я изо всех сил пыталась вычеркнуть из своей памяти минувшие несколько недель. Намеревалась двигаться дальше, идти вперед, не оглядываясь на прошлое, начинать строить свою собственную жизнь. Так стоит ли снова возвращаться в Хай-Уилд? Снова с головой окунаться в жизнь уже давно умерших обитателей этого дома? Ведь если между нами действительно *существует* какая-то связь, то это означает, что я до конца своих дней буду обречена на то, чтобы поддерживать запутанно-сложные отношения и с их потомками. А я уже совсем не уверена в том, что мне этого сильно хочется.

– Хорошо, – обронила я наконец, в глубине души прекрасно понимая, что никогда не прощу себе, если сейчас скажу «нет».

– Но история длинная. Потребуется некоторое время, чтобы ее пересказать. К тому же у Флоры такой неразборчивый почерк, хотя я уже к нему попривык немного. В любом случае кое-что мне придется зачитывать вам вслух по ходу повествования. Нам никто не мешает?

- Какое-то время никто.
- Отлично. Тогда я начинаю.

Часть II

Флора

Декабрь 1909 года

Семейство Кеппел не получило приглашения на церемонию бракосочетания Арчи и Аурелии, которая должна была состояться в родовом имении Воганов в Хай-Уилд, в графстве Кент. Это страшно удивило Флору. Ведь Кеппелы так известны в Лондоне, особенно миссис Кеппел.

Сама же она восприняла эту новость весьма равнодушно.

– По правде говоря, мы ведь едва знакомы с этими Воганами, – небрежно отмахнулась она. – Они больше общаются с теми, кто живет с ними по соседству.

Флора лишь молча проглотила такое объяснение своей покровительницы, хотя знала, что и у самой миссис Кеппел есть резиденция в графстве Кент. То есть она как бы тоже входит в этот соседский круг общения Воганов.

На выходные, когда должны были состояться свадебные торжества, миссис Кеппел любезно предоставила в распоряжение Флоры автомобиль. Машиной управлял Фрид, а она, сидя на заднем сиденье, думала лишь об одном. Как ей пережить ближайшие сорок восемь часов? Тщетно она прикидывала всяческие варианты в качестве благовидных предлогов, позволивших бы ей не присутствовать на самой свадьбе. Взять, к примеру, и свалиться с верхней ступеньки лестницы, да так, чтобы обязательно сломать себе ногу. Но не хватило храбрости, чтобы решиться на такое действие. Или отправиться на многочасовую прогулку в парк холодным ноябрьским днем, да еще под проливным дождем. В результате простудиться и заработать себе пневмонию. Однако и прогулка не помогла. Такое ощущение, что физически она в полном смысле этого слова несокрушима. И вот она едет на свадьбу сестры, которая выходит замуж за Арчи Вогана, за Арчи, которого она, Флора, любит всем сердцем и душой.

А самое ужасное – это то, что она наконец своими глазами увидит и Хай-Уилд и любимые сады Арчи, о которых он с таким жаром, с таким неподдельным чувством рассказывал ей минувшим летом.

Однако нельзя забывать, что это *она* своими собственными руками запустила весь процесс, который сейчас уже не остановишь.

Флора вдруг вспомнила, какое радостное лицо было у ее матери на вечере по случаю объявления помолвки молодых, который устроила в своем лондонском особняке тетя Шарлотта. Еще бы! Ведь для родителей было таким облегчением узнать, что в конце концов ненапрасной оказалась их жертва, которую они принесли на алтарь новобрачных, продав Эствейт-Холл. А сейчас и отец, и мать, уже оба находятся в Хай-Уилд, готовы к участию в свадебных торжествах.

У невесты будет целых восемь подружек, хотя сестра Арчи Элизабет отсутствует. Она вместе со своим молодым мужем сейчас на пути в Цейлон, куда они отправились еще в ноябре, и, судя по всему, уже с будущим наследником чайных плантаций под сердцем у молодой жены.

Через сорок восемь часов все будет закончено, и я снова отправлюсь домой, уговаривала себя Флора, когда они выехали за пределы Лондона и по обе стороны дороги замелькали зимние деревенские пейзажи: голые деревья, вспаханные поля.

Спустя час с небольшим Флора разглядела сквозь ветви деревьев высокие изящные трубы дымоходов. Но вот машина свернула на подъездную дорогу к замку из красного кирпича, и он наконец предстал перед ней во всем своем великолепии.

– Не хочу влюбляться в этот дом! Ни за что! – мысленно приказала себе Флора, разглядывая изысканный в своей красоте фасад. Слегка покосившиеся окна, что безошибочно выдает их возраст и одновременно придает им особое очарование, разохшиеся рамы, покрытые ржавчиной болты и петли, на всем лежит печать времени, которая делает весь дом похожим на старого почтенного джентльмена. Несмотря на зверский холод на улице, ярко светило солнце, в лучах которого переливался всеми цветами радуги иней на безукоризненно подстриженных коробках живой изгороди. Воистину не дом, а сказочный дворец.

– Вот мы и приехали, мисс Макникол, – сказал Фрид, выходя из машины, чтобы открыть заднюю дверцу и помочь ей выйти.

Флора тоже вышла и стала разглядывать массивные сводчатые двери из дуба, испытывая душевный трепет, похожий на тот, который испытывает преступник, переступающий порог тюрьмы. Она

медленно побрела по усыпанной гравием дорожке, но в эту минуту дверь отворилась, и на пороге появилась Аурелия.

– Дорогая моя! Наконец-то! Надеюсь, поездка была не слишком утомительной.

– Всего лишь два часа. Оказывается, это совсем недалеко от Лондона.

– И тем не менее далеко! Здесь же совсем другой мир. Разве не так? Хотя гораздо цивилизнее, чем окрестности вокруг Эствейт-Холл. Как же я рада видеть тебя! – воскликнула Аурелия, сжимая руки Флоры в своих руках. – Хотя у нас еще масса дел. Столько народу прибывает. Но давай выкроим хоть пару минуток, сделаем вид, что мы сбежали. Так хочется поговорить с тобой наедине.

Они вошли в холл с низким сводчатым потолком. В камине ярко полыхал огонь, распространяя тепло по всему помещению, вымощенному изрядно потертой мраморной плиткой.

– Пошли навверх и спрячемся у меня в комнате, – весело хихикнула Аурелия, увлекая сестру за руку к широкой лестнице с резными перилами в тяжеловесном стиле эпохи Тюдоров. Потом она повела ее длинным коридором и открыла дверь в самый его конце. Маленькая комнатка с двумя односпальными железными кроватями. Стены облицованы богато украшенными резными панелями из дуба. Такая же фанеровка и в других комнатах, и это придает дому особый уют и тепло, перебивающее промозглый зимний свет, струящийся через узкие окна.

– Сегодня я буду спать здесь. Надеюсь, ты тоже проведешь эту ночь вместе со мной, на соседней кровати.

– Конечно, если ты этого хочешь, – немедленно согласилась Флора.

– Спасибо. Ты же понимаешь, все это очень волнительно. Эмоции переполняют меня через край. С Арчи мы почти не видимся. У каждого из нас столько дел, столько дел... Голова кругом...

Флора заметила, как легкая тень набежала на лицо Аурелии, но уже в следующее мгновение она стряхнула с себя груз невеселых мыслей и снова лучезарно улыбнулась.

– Итак, прежде всего я хочу знать все-все-все о том, как протекает твоя жизнь в Лондоне. Насколько я наслышана, ты там сейчас звезда номер один. Порхаешь, словно бабочка, из одной гостиной в другую.

Флора вкратце поведала сестре о бесконечной череде танцевальных вечеров и балов, о парадных ужинах и суаре, на которых она присутствовала за последние два месяца.

– Да, да, – рассеянно махнула рукой Аурелия. – Но меня в первую очередь *интересует* Фредди Соумс.

– Ах, Фредди! – беззаботным тоном откликнулась Флора, слегка округлив глаза. – На сегодняшний день он самая заметная фигура на светском небосклоне Лондона.

– *Это* я знаю и без тебя. Я хочу услышать про вас двоих.

– Никаких «нас двоих» нет.

– Не лукавь, Флора! Да, я сейчас живу в деревне, но это вовсе не значит, что сюда не доходят столичные слухи.

– Поверь мне, Аурелия, этот человек мне абсолютно безразличен.

– Ах ты скромница наша! Весь Лондон только и обсуждает, как он за тобой ухаживает. Все твердят в один голос, что вот-вот он сделает тебе предложение.

– Лондон может обсуждать все, что ему заблагорассудится.

– Флора, но он ведь виконт. А в один прекрасный день станет графом!

– И пусть себе на здоровье. Ты же знаешь, я никогда не выйду замуж ради титула.

– А ради обширных угодий и плодородных земель в Хэмпшире? Или бриллиантовой тиары на голове? Между прочим, он здесь завтра будет. Фредди приходится каким-то дальним родственником Воганам. Вроде как сын двоюродного брата или что-то в этом роде.

– А я и не знала, что он приглашен. Но в любом случае все его письма я уже бросила в огонь.

– Ты с ума сошла, Флора! Да если хочешь знать, все те девушки, которые дебютировали вместе со мной, вышли потом замуж за своих нынешних мужей только потому, что им не удалось заполучить Фредди. Он ведь не только богат. Он же еще и красавиц к тому же. Чертовски красив... И вот этот красавчик у твоих ног. Чего же еще тебе надо, Флора?

Вот именно, что чертовски, очень точное сравнение, подумала про себя Флора и вздохнула.

– Кстати, довожу до твоего сведения. Первый раз, когда мы послали ему приглашение на свадьбу, он ответил отказом, –

продолжала тараторить Аурелия. – Но как только узнал, кто будет моей главной подружкой, он тут же сообщил леди Воган, что принимает приглашение. Неужели он тебе ни капельки не нравится? Ты уверена в этом?

– Абсолютно уверена.

– Тогда я страшно разочарована. А я думала, у вас полноценный роман, и рассчитывала узнать все подробности из первых уст.

– Увы, но никаких подробностей нет и в помине.

– Неужели ты не можешь притвориться, сделать вид, что он тебе нравится? Хотя бы на один завтрашний день...

– Вот уж этого я обещать тебе никак не могу, – рассмеялась в ответ Флора. – А сейчас показывай мне свое подвенечное платье.

* * *

К великому облегчению Флоры, за ужином Арчи отсутствовал. В последний вечер перед свадьбой жених уехал из дому и остановился у друзей Сэквилл-Уэст в их имении Ноул-Хаус, неподалеку от Хай-Уилд. Ужин для гостей невесты накрыли в огромной столовой, освещаемой сотнями свечей в хрустальных канделябрах. С большинством подружек невесты Флора была знакома по Лондону. Тем не менее разговоры ей давались с превеликим трудом, ибо мысли ее были заняты совсем другим.

Еще никогда Флора не видела мать такой счастливой. И даже вечно хмурый отец пребывал в этот вечер в приподнятом настроении. Что и понятно. Его любимая дочь поймала-таки в свои сети именно ту рыбку, о которой он и мечтал. Ведь ради этого союза он даже пожертвовал своим фамильным домом.

Как бы то ни было, а она сильно обрадовалась, когда невеста объявила собравшимся гостям, что уходит к себе пораньше, чтобы отдохнуть перед завтрашним днем, и забрала ее вместе с собой.

– Сегодня я в последний раз сплю одна, – обронила Аурелия, сидя перед зеркалом за туалетным столиком, пока Флора расчесывала ее длинные белокурые волосы.

– Почему? – довольно сухо поинтересовалась она. – Насколько я понимаю, и женатые пары тоже часто спят по отдельности, если хотят.

К примеру, мистер и миссис Кеппел точно спят в разных спальнях.

– Ну, это и *понятно!*

– Что тебе понятно? – Флора сразу же поняла намек, но решила дать сестре возможность высказаться вслух.

– Ты только представь себе этого беднягу мистера Кеппела. Все же в Лондоне знают об Алисе и короле. Ты, надеюсь, тоже в курсе?

– В курсе того, что они близкие друзья? Да, я в курсе. – Ни один мускул не дрогнул на лице Флоры.

– Ай, оставь, пожалуйста! Разве можно быть до такой степени наивной, чтобы называть их отношения дружбой? Все знают, что...

– Каждый знает только то, что он желает знать. Я живу под крышей их дома, изо дня в день вижу их и еще ни разу не заметила ничего неподобающего в отношениях Его Величества и миссис Кеппел. А что же до мистера Кеппела, то трудно себе представить, чтобы он потерпел нечто подобное у себя в доме. Это человек цельный, порядочный, с чувством собственного достоинства. Не говоря уже о том, что миссис Кеппел просто обожает его.

– Ну, раз ты так говоришь...

– Говорю! И вслед за миссис Кеппел не обращаю никакого внимания на подобную болтовню. Все эти сплетни... Они не имеют под собой никакого основания. И подобно туману, развеются в одну секунду.

– Знаешь, туман, который застилает отношения миссис Кеппел и короля, уже больше похож на смог, который окутал весь Лондон. – Но вот их взгляды встретились в зеркале, и лицо Аурелии мгновенно подобрело. – Давай не будем больше вести речь о неудачных супружеских союзах. Давай лучше обо мне. Я вот, к примеру, надеюсь, что наш брак с Арчи будет идеальным. Во всяком случае, я приложу к этому все усилия. – Она поднялась с пуфика и направилась к кровати. Флора откинула одеяло в сторону и помогла сестре лечь. После чего погасила лампу.

– Флора? – вдруг раздался жалобный голосок Аурелии в темноте.

– Что?

– Как думаешь... Это будет больно?

У Флоры сжалось сердце. Она отлично поняла, что именно имеет в виду ее сестра. Какое-то время она хранила молчание. Потом сказала:

– Если честно, то не знаю. Но думаю, Господь милостив. Он не позволит нам страдать ради того, чтобы выказать свою любовь к мужчине. Или для того, чтобы родить ему детей.

– А я вот слышала...

– Опять ты наслушалась всяких сплетен.

– Мне хочется доставить ему удовольствие.

– Очень даже понимаю тебя. Просто постарайся не бояться. Думаю, это главное – не бояться.

– Ты так считаешь?

– Да.

– Спасибо тебе, дорогая сестра. И спокойной тебе ночи. Я люблю тебя.

– А я люблю тебя.

Обе сестры закрыли глаза, стараясь заснуть и представляя себя в объятиях одного и того же мужчины.

* * *

– Я готова! Ну, как я выгляжу?

Флора окинула сестру взглядом. Кружева кремового оттенка красиво оттеняли нежную, как персик, кожу невесты. Семейная тиара Воганов сверкала и переливалась всеми цветами радуги на ее золотистых кудрях.

– Великолечно! Просто потрясающе! – улыбнулась она сестре и протянула ей ветку пурпурной розы.

– Спасибо тебе, дорогая сестричка, – растроганно прошептала Аурелия и добавила тихо: – Пора!

– Да, папа уже ждет тебя внизу у лестницы.

– Пожелай мне удачи, сестричка! – Аурелия схватила Флору за руку и крепко сжала ее.

– Удачи тебе, моя дорогая Аурелия.

Аурелия подошла к дверям и уже на пороге оглянулась назад.

– Ты – единственный человек на свете, кто убедил меня и кто сделал возможным сам этот день. Поверь мне, я никогда не забуду этого, Флора.

Аурелия вышла из комнаты, а Флора взглянула на собственное отражение в зеркале. Глубокая печаль и чувство собственной вины читались на ее лице.

Старинная церковь, расположенная на территории имения, была забита до отказа. Только одних гостей более четырехсот. Но вот невеста в сопровождении своего отца и подружек переступила порог небольшого вестибюля перед входом в сам храм.

– Флора, – тихонько прошептала ей на ухо Аурелия, пока остальные подружки суетились вокруг нее, старательно расправляя шлейф на платье и длинную фату. – Взгляни! Он уже там?

Флора подошла к дверям, отделяющим их от основного церковного зала, и в узенькую щелочку заглянула внутрь. И тут же встретила взглядом с парой темно-карих глаз стоявшего у алтаря жениха. Она мгновенно захлопнула дверь и, кивнув головой, прошептала сестре:

– Да, он уже здесь.

Но вот дали сигнал к началу торжественной церемонии. Орган заиграл свадебный марш. Двери широко распахнулись, и Флора медленно двинулась по проходу вслед за сестрой и отцом. Потом она вслушивалась в слова брачной клятвы, которой обменивались молодые, и ее, облаченную в платье из тончайшего шелка цвета слоновой кости, сотрясал нервный озноб при мысли о том, что Аурелия, ее сестра, становится законной женой Арчи в глазах Господа. Когда жених и невеста снова появились перед собравшимися, выйдя из ризницы, где они поставили свои подписи в книге регистрации браков, Флора усилием воли заставила себя не отвести глаза в сторону, когда Арчи, проходя мимо с молодой женой под руку, посмотрел на нее. Она лишь молча заняла свое место в процессии, направившейся к выходу из церкви, и вместе с остальными вышла на улицу, где их встретил морозный зимний день.

Несмотря на свое подавленное состояние, Флора тем не менее не могла не восхититься той величественной красотой, которой был обставлен торжественный завтрак в честь молодых, устроенный в доме Воганов. Свадьба состоялась всего лишь за три недели до Рождества. А потому весь дом был уже в рождественском убранстве. Парадный зал в Хай-Уилд украшали десятки мерцающих свечей, с балок высокого потолка свисали ветки омелы и остролиста, слегка

подсушенные горячим пламенем, полыхающим в огромном камине. Когда-то именно в этом зале король Генрих VIII, так, во всяком случае, сказал об этом Флоре один из гостей, откровенно ухаживал за Анной Болейн. Тосты и здравицы в честь молодых произносились не столько под шампанское, сколько под горячий глинтвейн, а в качестве угощений гостям предлагали не какие-то там кулинарные пустяки, а рождественские пирожки минс пай с цукатами, яблоками и орехами, которые одинаково хороши как в теплом, так и в холодном виде.

От духоты, обилия еды и выпивки Флоре стало немного не по себе. А потому она искренне обрадовалась, когда Арчи, поднявшись из-за стола, объявил перерыв для того, чтобы оркестр имел возможность подготовиться к вечернему балу, а гости немного отдохнули после сытной трапезы. Она тут же поспешила выскользнуть во двор, чтобы подышать свежим воздухом. Набросив на себя бархатную накидку, она вышла на мороз. Уже сгущались сумерки. Темнота пала и на широкую террасу, и на обширный сад, раскинувшийся внизу и освещаемый по всему периметру десятками горящих фонарей. Можно было представить себе, какое великолепие царит здесь летом, когда ярко светит солнце и не нужна никакая подсветка с помощью искусственных светильников, подумала Флора, невольно залюбовавшись открывшейся ее взору панорамой. Она медленно спустилась по ступенькам вниз, еще плотнее запахнув вокруг себя накидку, и углубилась по дорожке в сад. И вот уже зазвучали откуда-то издалека оживленные голоса гостей, веселый смех, звон бокалов. Она остановилась возле высокой каменной ограды. Тонкая струйка пара вырывалась на морозе при каждом ее выдохе.

– Красиво, да?

Флора невольно подпрыгнула от неожиданности и оглянулась на голос. В густой тени огромного тиса вырисовывалась чья-то фигура. Но голос! От одного звука знакомого голоса сердце ее затрепетало.

– Да, красиво.

– Как поживаешь, Флора? – спросил ее голос из темноты.

– Все хорошо. А ты?

– А я вот женился. Сделал так, как ты попросила.

– Спасибо.

– Я люблю тебя, – прошептал голос.

Флора замерла на месте как вкопанная.

– Почему ты молчишь? Я же сказал, что люблю тебя.

– Разве на такое заявление нужен ответ? Тем более сейчас. Ведь всего лишь пару часов тому назад ты женился на моей сестре.

– Только потому, что ты этого хотела.

– Ради бога! Перестань меня мучить! Видно, тебе доставляет удовольствие терзать меня, да?

– Возможно.

– Тогда прошу тебя! Если ты действительно любишь меня, как о том говоришь, прекрати немедленно все эти издевательства. Все, что было между нами в те несколько дней, что мы провели вместе, уже в прошлом. Все ушло.

– Напрасно ты обманываешь себя. Такое не может просто взять и пройти. Это никогда и никуда не уйдет.

– Все! Хватит! – Флора решительно развернулась, чтобы вернуться в дом.

Но в этот момент его рука схватила ее за руку и привлекла к себе. Флора побоялась вскрикнуть из-за опасения привлечь к себе внимание посторонних. И вот она уже в объятиях Арчи, а его губы припали к ее устам.

– Боже мой, Флора! Если бы ты только знала, как я мечтал все это время снова испытать...

Да и сама Флора, забыв обо всем на свете, вдруг ощутила какую-то первозданную радость, снова оказавшись в объятиях Арчи и почувствовав вкус его губ на своих губах. Кажется, я схожу с ума, спохватилась она, с трудом вырываясь из его цепких рук.

– Что мы делаем! – прошептала она растерянно. – Пожалуйста, отпусти меня!

– Прости меня, Флора. Я увидел, как ты спускаешься по террасе в сад, и вдруг вспомнил все то, о чем я рассказывал тебе летом в Эствейт-Холл. Прости... И не вини себя. Ты ни в чем не виновата.

– Будем молиться, чтобы Аурелия никогда не имела повода прощать меня за что бы то ни было. – Флора невольно содрогнулась при одной только мысли об этом. – Прошу тебя... умоляю... Сделай так, чтобы моя сестра была счастлива.

И, не дожидаясь ответа, Флора, спотыкаясь, медленно побрела в дом.

А Арчи так и остался стоять в темноте, укрывшись под кроной многовекового тиса. Стоял и смотрел, как удаляется прочь его любовь.

Флора вихрем взметнулась по лестнице к себе в комнату. Захлопнув за собой дверь, она без сил опустилась на кровать. Дыхание ее было неровным, прерывистым, сердце бешено колотилось в груди.

– Господи, прости меня, – бормотала она, как в бреду. Ее душило отвращение к самой себе, стыд за содеянное, раскаяние. Переживания были настолько сильными, что даже не позволяли ей дать волю слезам и тем самым облегчить душу. И в эту самую минуту в дверь постучали. Она кое-как сбросила с себя накидку и открыла дверь.

– Куда ты запропастилась? – прямо с порога набросилась на нее Аурелия.

– Я... – едва слышно прошептала Флора, готовая лишиться чувств при виде сестры. Да и личико у той было недовольное, почти рассерженное, что так непохоже на Аурелию.

– Ладно! – нетерпеливо махнула она рукой. – Я тебя заждалась. Думала, ты pomoжешь мне снять с себя подвенечное платье и переодеться в вечерний туалет для бала.

– Ах, боже мой! Как же я... Наверное, задремала...

– Пожалуйста, Флора, поторопись! Я должна встретиться с Арчи у входа в большой зал ровно в семь часов вечера. А уже половина седьмого.

Бормоча покаянные слова с просьбой простить ее, Флора поплелась за Аурелией по коридору в ее будущую супружескую спальню. Огромная, роскошно обставленная комната, доминирующее положение в которой занимало огромное супружеское ложе под балдахином на четырех колоннах. Сама кровать, как и подпорки, поддерживающие балдахин, были сделаны из какой-то цельной древесины темного цвета. Впрочем, при виде кровати Флора поспешно отвела глаза в сторону, стараясь не думать обо всем том, для чего она предназначена. В камине уже жарко полыхал огонь, согревая своим теплом спальню для новобрачных. Языки пламени отбрасывали яркие блики на тяжелые гобелены, которыми сплошь были увешаны все стены.

Флора стала неловко возиться с крохотными жемчужными пуговичками на спинке свадебного платья, пытаясь расстегнуть застежку. Онемевшие пальцы не слушались. Уж лучше бы они отмерзли и отвалились напрочь, мысленно ругала она себя. Это самое меньшее, чего она заслуживает за свое гнусное и в высшей степени недостойное поведение.

– Между прочим, все гости заметили, что за столом Фредди Соумс не сводил с тебя глаз, – щебетала Аурелия, пока Флора помогала ей облачаться в вечернее платье цвета дымчатой розы. – Кажется, он от тебя без ума. Мама говорит, что ему уже скоро двадцать пять. Так что самое время определяться с выбором невесты. Ты ответишь согласием, если он сделает тебе предложение?

– Никогда не задумывалась над такой перспективой.

– Флора, несмотря на то, что ты уже столько времени живешь в доме миссис Кеппел, ты по-прежнему очень наивна в том, что касается мужчин. Послушай, а что, если я просто распущу волосы? Как думаешь?

– Думаю, будет очень красиво.

Флора отчаянно пыталась скрыть краску стыда, которой покрылось не только ее лицо, но даже и шея. Только бы Аурелия не заметила этой позорной красноты, свидетельствующей о том, как она виновата перед сестрой.

– Позови, пожалуйста, Дженкинс, – попросила ее Аурелия беззаботным тоном. – Судя по всему, она будет моей камеристкой – вот такой свадебный подарок от матери Арчи. Не уверена, что она мне очень нравится, но вот с волосами она управляется отменно. После чего я отпускаю тебя к себе наводить красоту перед балом. Уверена, Фредди сегодня не раз и не два пригласит тебя повальсировать.

Флора отправилась на поиски Дженкинс, отыскала ее и пошла в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. Не то чтобы ее сильно заботило, как она будет выглядеть сегодня вечером. Однако Аурелия права. Последние два месяца Фредди Соумс действительно везде следует за ней тенью. Большинство женщин в высшем обществе Лондона сходят с ума по этому смазливому красавцу. А что же до самой Флоры, то она находила его вздорным, высокомерным и при этом ужасным занудой. К тому же, где бы они с ним ни сталкивались в последнее время, он уже всегда был слегка навеселе. Под мухой, как

говорят про такое состояние в народе. Словом, если у парня и были хоть какие-то мозги, то пока Флора весьма смутно представляла себе, как именно они функционируют.

Впрочем, ее более чем прохладное отношение к Фредди отнюдь не остудило его пыл, и во всех великосветских гостиных Лондона гадали о том, когда же именно будет объявлено об их помолвке.

Спустившись в большой зал через пару минут, Флора увидела, что все столы уже убраны, стулья сдвинуты и расставлены вдоль стен, чтобы освободить пространство для танцев.

– Внимание всем! – громогласно объявил распорядитель бала. – Приветствуем новобрачных! Лорд и леди Воган!

Со своего места Флора молча наблюдала за тем, как Арчи вывел Аурелию на середину зала под громовые аплодисменты всех собравшихся. Оркестр сделал короткое вступление, и Арчи, обвив рукой жену за талию, закружил ее в традиционном танце молодой пары, которым всегда открываются свадебные балы.

Но вскоре к ним стали присоединяться и другие, и вот уже весь огромный зал заполнился вальсирующими гостями. В глазах зарябило от красочного многообразия шикарных вечерних туалетов дам, в воздухе запахло ароматами дорогих духов.

– Имею честь пригласить вас на первый танец.

Флора даже слегка подпрыгнула на месте, почувствовав, как чья-то тяжелая рука вдруг коснулась ее плеча. Она подняла глаза и увидела перед собой Фредди Соумса, который тяжелым взглядом смотрел на нее в упор.

– Добрый вечер, лорд Соумс.

– Мисс Макникол, у вас сейчас такое грустное выражение лица, будто вы на всю жизнь обречены остаться только подружкой невесты, но никогда сами не станете невестой. Я прав? – Он рывком поднял ее со стула и повел немного шаткой походкой на середину зала. – Должен сказать, это платье чертовски вам идет, – прошептал он ей на ухо.

– Спасибо, – сдержанно ответила Флора, отводя лицо в сторону. От Фредди сильно пахло спиртным, от чего ей сразу же сделалось нехорошо.

– Я полагаю, вы отнюдь не преднамеренно избегаете меня? Или же? Всякий раз, когда я ищу вас, вы будто сквозь землю проваливаетесь.

– Но я же старшая подружка невесты, – рассудительно напомнила ему Флора. – Мне постоянно нужно помогать сестре во всяких мелочах.

– Конечно-конечно! То есть это не вы беседовали в саду с каким-то слугой, когда я искал вас повсюду часом ранее?

– Нет, не я, – почти выкрикнула Флора, с трудом сдерживая волнение. – Я была наверху, помогала Аурелии переодеваться.

– Неужели? А я готов был поклясться, что это были именно вы. Впрочем, не столь уж и важно, кто эта леди. Важно другое... Такое странное совпадение... Воистину начало не сулит ничего хорошего вашей сестре в ее будущей супружеской жизни.

– Не смейте говорить подобные вещи! Арчи и Аурелия созданы друг для друга! Они любят... Вы сильно ошибаетесь.

– Едва ли. По-моему, никакой ошибки здесь нет и быть не может. Однако успокойтесь, прошу вас. Ваш маленький секрет навсегда останется при мне, – закончил Фредди, когда танец подошел к концу. – Зато сейчас мне наконец стало понятно, почему вы так старательно избегали меня все последнее время, мисс Макникол.

– Заблуждаетесь, лорд Соумс. Очень сильно заблуждаетесь...

– Докажите, что это так. Скажите, что согласны выйти за меня замуж. – Фредди буквально зарылся носом в ее волосы. В этот момент оркестр начал играть новый вальс. – Иначе я не поверю вам.

Флора нервно сглотнула слюну, украдкой посмотрела на танцующих Арчи и Аурелию, потом перевела взгляд на самодовольное, наглое лицо Фредди. Он *видел ее* в саду, и они оба знают это. Сердце бешено колотилось в груди. Вот он, час ее расплаты за все то, что она наделала. Что ж, прочь в сторону все сомнения. Надо действовать. И принимать то наказание, которое она заслужила.

– Да, я согласна. Я выйду за вас замуж.

– Что?! Вы согласны стать моей женой? – От неожиданности Фредди споткнулся буквально на ровном месте, но тут же выпрямился.

– Да.

– Ну и ну! Честно говоря, никак не ожидал от вас *такого*.

– Что ж, если вы решили просто разыграть меня, пошутить и только, то, пожалуйста, так и скажите, и можете быть свободны...

– Нет, я не шучу, – перебил он ее на полуслове. – Постараюсь и дальше проявлять максимум терпения по отношению к вам. – Фредди

вдруг внезапно замер на месте. Остальные пары неловко сбились в кучу вокруг них. А он поднес палец к щеке Флоры и осторожно погладил ее. Усилием воли Флора заставила себя сохранять спокойствие и не содрогнуться от его прикосновения. – Мисс Макникол, вы действительно самая загадочная девушка на свете. Никогда не догадаешься, о чем вы думаете. Вот и сейчас. Вы вполне серьезно соглашаетесь принять мое предложение?

– Да. Я абсолютно серьезна.

– Могу ли я поинтересоваться, лежат ли в основе вашего согласия какие-то чувства ко мне?

– А как же иначе?

– Конечно, иначе и быть не может, – рассмеялся в ответ Фредди. – К великому сожалению, у меня нет даже кольца при себе, чтобы подарить его вам по такому случаю. – Флора увидела, что он заметно нервничает. Какая-то неуверенность сквозила в его словах.

– Так мы все же будем танцевать? Или лучше отойдем в сторону, чтобы не мешать другим? – спросила она у него, чувствуя себя не в своей тарелке. – Замерли посреди зала на виду у всех гостей.

– Нет, мы продолжим вальсировать и дальше. Мне особенно приятно, что мы с вами обсуждаем наш будущий союз, скользя по паркету под божественные звуки вальса Штрауса. Конечно же, вы должны встретиться с моими родителями. Они уже в курсе моих намерений относительно вас.

– И они одобряют их?

– Скажем так: они заинтригованы. Впрочем, как заинтригован и весь остальной Лондон после того, как вы появились в столице. Надеюсь, ваш будущий дом вам понравится. У нас ведь огромное имение.

– Я слышала.

– Это вас пугает?

– Меня мало что пугает, милорд.

– Это я прекрасно вижу и сам. И, скажу прямо, ваш характер меня сильно возбуждает. Вопрос в другом. Смогу ли я приручить вас? Станете ли вы когда-нибудь ручной?

– Вот уж не думала, что вас возбуждают «ручные», как вы изволили выразиться, женщины.

Фредди откинул голову назад и весело расхохотался.

– Боже мой! Да вы, кажется, бросаете мне вызов! Представьте себе, я жажду его принять. И принимаю.

Флора почувствовала, как он больно впился пальцами в ее кожу, крепко обнимая за талию.

– Объявим о нашей помолвке как можно скорее. Кстати, мы можем объявить о ней и прямо сейчас. Ведь здесь сегодня собрался весь цвет Лон-дона.

– Да, давайте объявим, – мгновенно согласилась Флора, намеренно отрезая себе все пути к возможному отступлению.

Фредди снова бросил на нее изумленный взгляд.

– Вы говорите серьезно, мисс Макникол? То есть для вас вполне приемлемо, если мы сейчас во всеуслышание объявим о нашей помолвке?

– Вполне. А какая разница? Сейчас или завтра... Или на следующей неделе... Вы попросили меня стать вашей женой, и я дала свое согласие.

– Что ж, так тому и быть!

Оркестр завершил вальс бравурным аккордом. Фредди повел Флору сквозь толпу в направлении музыкантов. Перекинулся парой слов с дирижером. Потом притянул ее к себе поближе и сделал знак рукой, призывая собравшихся к тишине.

– Минуточку внимания, леди и джентльмены! У меня имеется важное объявление. Мисс Флора Макникол любезно дала согласие стать моей женой в день бракосочетания своей сестры и лорда Вогана.

Одновременно глубокий вздох вырвался из груди всех собравшихся гостей, изумленно уставившихся на Фредди, который церемонно поцеловал руку Флоре. А следом раздались громовые аплодисменты. И тотчас же Аурелия подбежала к ним.

– Я знала! Я знала! – воскликнула она с ликованием в голосе.

– Надеемся увидеть всех вас и на нашем свадебном торжестве в Селборн-Парк, но уже весной, – сказал Фредди и поманил к себе слугу, велел ему подать бокал шампанского. – За мою нареченную! – провозгласил он, поднимая бокал.

Гости тотчас заторопились в поисках бокалов с шампанским, чтобы присоединиться к этой здравице.

Но вот перед ними возникла фигура Арчи. Его буквально за руку притащила с собой Аурелия. Он мельком глянул на Флору, а потом

повернулся к гостям.

– Сегодня у нас прекрасный вечер, а после такой замечательной новости он прекрасен вдвойне. За Фредди и за мою свояченицу Флору!

Провозгласив свой тост, Арчи дал музыкантам знак продолжить бал. А Флору немедленно окружили гости, жаждущие поздравить ее с таким важным событием. В том числе и мама с отцом.

– Боже мой! – воскликнула Роза, целуя дочь. – Вот этого я уж никак не ожидала. Миссис Кеппел оказалась права. Это ведь была ее идея отправить тебя к ней в Лондон. И все получилось как нельзя лучше. Скоро ты станешь виконтессой. И ты вполне этого заслуживаешь, моя дорогая Флора.

Они обнялись. Но когда мать отстранилась от Флоры, та заметила в ее глазах слезы.

– Пожалуйста, не плачь, мамочка! Не надо!

– Прости меня, доченька, за то, что я недооценивала тебя. Надеюсь, когда-нибудь ты сумеешь простить меня.

– Простить за что, мама?

– Это неважно, – поспешно ответила Роза. – Но знай, что сегодня я горжусь тобой, как самая счастливая мать на свете.

Мама явно говорила какими-то загадками, но Флора была слишком взбудоражена, чтобы начинать разгадывать их тотчас же.

– Спасибо, мамочка, – коротко поблагодарила она мать.

Следом подошел отец. Быстро обнял ее, как всегда, испытывая замешательство от того, что приходится демонстрировать свои чувства на людях. – Замечательно, Флора! Просто замечательно, моя дорогая.

Но вот в черед поздравляющих к ней приблизился Арчи.

– Мои поздравления, дорогая свояченица.

– Спасибо, – ответила Флора, чувствуя, как душа у нее уходит в пятки.

Но Арчи уже отвернулся и, не глянув более в ее сторону, отошел прочь.

* * *

– Итак, ты вернулась ко мне уже невестой? – Миссис Кеппел сердечно обняла Флору, когда на следующий день она переступила

порог ее маленькой гостиной.

– Да, – лаконично ответствовала своей благодетельнице Флора.

– И ты счастлива? Сейчас в Лондоне только и разговоров что о будущей виконтессе Соумс. Ведь за столь лакомой добычей охотились многие.

– Да, я очень счастлива.

– Поставь поднос здесь, – приказала миссис Кеппел горничной Мейбел. А потом снова повернулась к Флоре: – Ну же, присаживайся поближе к огню и расскажи мне, как именно сделал тебе предложение Фредди. Полагаю, все было очень романтично, да?

– Да, наверное, так оно и было. Он сделал мне предложение, когда мы с ним вальсировали.

– Прямо на свадьбе твоей сестры! Ах, Флора, я так рада, так счастлива за тебя.

– Родители шлют вам приветы и всяческие благодарности.

– Как жаль, что после Рождества мы не сможем с ними увидеться. Ты же знаешь, мы собираемся в Кричел. Так ты уже решила, едешь с нами или нет? Насколько мне известно, сестра пригласила тебя погостить в Хай-Уилд.

– Я лучше поеду в Кричел, миссис Кеппел. Я уже даже упомянула об этом в разговоре с Фредди. А он сказал мне, что имение его родителей расположено совсем рядом, в Нью-Форест.

– Все верно. Надеюсь, Фредди и его отец даже смогут присоединиться к нашим мужчинам на охоте в честь Дня подарков^[6]. А я познакомлю тебя с графиней, его матерью. Сейчас, когда вопрос уже решен, думаю, Алингтоны будут счастливы заполучить тебя в качестве своей гостьи.

– Спасибо, я тоже буду очень рада.

Миссис Кеппел внимательно осмотрела девушку.

– Что-то ты не совсем похожа на новоиспеченную невесту, моя дорогая.

– Правда? А как, по-вашему, я должна выглядеть?

– Счастливой. Да, признаюсь, я была крайне удивлена, когда услышала о вашей помолвке. Конечно, я была в курсе, что виконт равнодушен к тебе, что ты ему нравишься, но...

– Я счастлива, – поспешно перебила Флора миссис Кеппел. – Очень счастлива. И хочу поблагодарить вас за все, что в итоге

способствовало этому событию.

– Моя милая девочка! Ничего бы этого не случилось, если бы ты не была *сама собой*. Итак, впереди у тебя знакомство с родителями Фредди?

– Да. Наверняка такая встреча состоится в ближайшем будущем.

– Знаешь, скажу тебе прямо... Несмотря на свою более чем безупречную родословную, на свое имя, уходящее своей славой в глубь английской истории, они при этом... очень необычные люди. Сам граф любит блеснуть ораторским мастерством в палате лордов, он там часто выступает. Что же до его жены, Дафна мне очень нравится. Весьма неординарная личность, кстати. Ну да ты и сама в этом скоро убедишься. И прошлое у нее довольно пикантное. – Миссис Кеппел поднесла ко рту свою чашку с чаем и взглянула на Флору, слегка улыбаясь. – Полагаю, ты останешься у нас вплоть до самой свадьбы?

– Мама считает, что так будет лучше.

– Тогда мне с ней нужно будет обязательно встретиться и обсудить, когда лучше всего устроить нам вечер по случаю твоей помолвки. Уверена, поздравить тебя соберутся все наши друзья.

Флора посмотрела на оживленное лицо миссис Кеппел. Интересно, подумала она, вот когда я стану виконтессой, я тоже буду с таким же энтузиазмом заниматься организацией всяких светских раутов? Что-то подсказывало ей, что вряд ли.

– Прошу простить меня, миссис Кеппел, но вчера был такой напряженный день... Все мы улеглись далеко за полночь. И потом, столько событий... свадьба сестры... моя помолвка... Я вымотана и чувствую себя смертельно уставшей.

– Конечно, дорогая, конечно. Твои родители планируют дать объявление в «Таймс»? Или это сделать мне?

– Этот вопрос даже не обсуждался.

– Тогда в своем письме к твоей матери я упомяну и об этом тоже. Ступай, отдыхай. Увидимся за ужином. Не сомневаюсь, и Георг, и все остальные наши гости будут счастливы поздравить тебя лично.

Флора вышла из комнаты и, едва переставляя ноги, поплелась по лестнице к себе наверх. Объявления о помолвке, бесконечная череда торжественных обедов, приемов и ужинов... Она хотела лишь одного. Поскорее покончить со всей этой суетой. Ведь она даже не была представлена ко двору, не говоря уже о том, что у нее нет никакого

приданого. У родителей просто нет на это денег. Ну и как после всего этого можно вообразить себя в роли виконтессы?

– Пантера очень соскучилась по вам. Все пыталась понять, куда это вы запропастились.

Вайолет возникла перед ней неожиданно, словно легкая тень в полумраке, слегка подсвеченном тусклыми огоньками газовых светильников. На руках она держала кошку.

– Спасибо тебе, Вайолет, что присмотрела за ней.

– О, пустяки. Судя по всему, я ей нравлюсь. Мама сказала, что вы помолвлены с виконтом Соумсом, да?

– Да.

– Признаюсь честно, очень удивлена.

– Почему?

– Не хочу показаться грубой, особенно коль скоро речь идет о мужчине, за которого вы собираетесь замуж. Но всякий раз, когда я сталкиваюсь с ним, он всегда изрядно навеселе. А уж поговорить с ним... Сразу видно, что он тупой. А вы ведь не такая.

– Спасибо тебе за откровенность и за добрые слова в мой адрес. Могу сказать лишь одно. Мне нужно было так поступить.

– Потому что вы боитесь остаться в старых девах?

– Нет, потому что я хочу выйти замуж за Фредди.

– Что ж, тогда пожелаю вам счастья. Но лично я никогда не подчинюсь всем этим дурацким великосветским условностям. Ни за что на свете! Сколько бы вы меня ни уговаривали...

С этими словами Вайолет вручила кошечку Флоре и побежала наверх, туда, где располагались спальни для девочек.

– Не буду я тебя уговаривать, Вайолет, – тихо прошептала Флора ей вдогонку. – Потому что уверена, что ты не подчинишься.

Флора тяжело вздохнула, прислушиваясь к шагам Вайолет. Потом вошла к себе в комнату и закрыла дверь. Какое-то время гладила блаженно мурлыкающую Пантеру, чувствуя, как постепенно погружается в пучину отчаяния.

Но! Что сделано, то сделано. Она больше не имеет права прислушиваться к голосу собственного сердца.

Накануне сочельника Флора вместе с семейством Кеппел покинули Лондон и спустя несколько часов прибыли в Кричел-Хаус в Дорсете. Сам дом представлял собой каменную громаду из светло-бежевого камня, выстроенный в эдвардианском стиле. В сравнении с этим дворцом, подумала Флора, ее любимый Эствейт-Холл показался бы скромным коттеджем и только. Огромная рождественская ель, уже украшенная гирляндами и игрушками, возвышалась в холле. С наступлением сумерек служанки зажгли на ней свечи.

– Господи! Да мне здесь понадобится карта-путеводитель, чтобы отыскать свою спальню, – пошутила Флора в разговоре с миссис Кеппел, когда гости, человек тридцать, если не более, собрались перед ужином в красиво обставленной гостиной, куда им подали аперитивы.

– Ты еще не видела Селборн-Парк, милая, – ответила та. – Если ты считаешь, что это огромный дом, то посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь дворец своих будущих родственников.

Наступило Рождество. С утра все отправились в церковь, которая, что показалось Флоре немного необычным, удобно расположилась прямо в саду перед домом. Потом начался традиционный обмен подарками. Все дамы, как успела заметить Флора, получили в качестве подарков красивые резные броши или миниатюрные фигурки животных, цветов и деревьев. Все изделия, как уведомила ее миссис Кеппел, от самого Фаберже.

– А вот это тебе, дорогая! – Миссис Кеппел вручила ей роскошно упакованную коробочку. – Это тебе подарок от нашего друга Берти, – прошептала она ей на ухо. – Он желает тебе счастливого Рождества. Открой же!

Флора открыла коробочку. Внутри лежала крохотная статуэтка блестящей черной кошечки из оникса с двумя желтыми глазками. Флора вгляделась пристальнее в свой подарок и поняла, что глазки тоже сделаны из полудрагоценных камней.

– Ой, Пантера! – не удержалась от громкого восклицания девушка, увидев прозвище кошечки, выгравированное на металлической подставке. – Какая прелесть! Чудо, как хороша!

– Он заказал этот подарок специально для тебя, – добавила миссис Кеппел, глядя на то, как Флора ласково поглаживает статуэтку.

На следующий день, когда в стране отмечался День подарков, к ним приехали Фредди и его родители. Отец и сын сразу же

присоединились к компании тех мужчин, кто уже отправился на охоту в угодьях имения, а миссис Кеппел пригласила Флору и графиню к себе в утреннюю гостиную, чтобы познакомить будущую невестку со свекровью.

– Проходи же сюда, милая! Садись рядом. Пожалуйста, зови меня просто Дафна. Надеюсь, ты тоже позволишь мне называть тебя Флорой?

– Конечно, – ответила Флора, с трудом втискиваясь в узкое пространство на небольшом диванчике рядом с весьма тучной дамой.

– Пойду поищу служанку. Распоряжусь, чтобы она подала нам сюда освежительные напитки, – сказала миссис Кеппел, поднимаясь с места. После чего покинула гостиную.

– Ах, дорогая Алиса. Как всегда, сама предусмотрительность и тактичность во всем, – прокомментировала ее уход Дафна. – Что ж, милая, скажу тебе как на духу. Я чувствую огромное облегчение от того, что Фредди наконец-то выбрал себе невесту по вкусу. Думаю, для тебя не секрет, какой он у меня темпераментный молодой человек. Однако надеюсь, ты сумеешь укротить его нрав. Ему действительно нужна не совсем обычная женщина... А с учетом твоего более чем экзотического прошлого, полагаю, из вас получится хорошая пара.

– Я... благодарю вас.

– Мы и сами с мужем тоже не вполне обычная пара. Хотя, с другой стороны, какая из семей может похвастаться за закрытыми дверями, что у них все как у людей? – Графиня весело подмигнула Флоре. – Конечно, графа пришлось изрядно обломать... Ну, да это уже все в прошлом. А уж о лучшем наследственном материале для произведения на свет потомства и мечтать не приходится, не так ли? – графиня издала несколько льстивый смешок и ласково потрепала девушку по колену. – Ты очень привлекательна, милая, – продолжила она, внимательно изучив Флору в лорнет, болтавшийся на цепочке вокруг ее полной шеи. Лицо женщины было покрыто толстым слоем пудры и румян, губы накрашены яркой помадой, что делало ее похожей на несколько карикатурный персонаж, изображенный на одном из фарсовых полотен Джорджа Шеридана. – Да, вот еще что! Прежде чем мы завтра уедем к себе, надо обговорить дату, когда ты сможешь посетить Селборн. Что, если это будет третья суббота января? Лично я нахожу январь чрезвычайно унылым месяцем. А ты?

После ужина они с Дафной обсудили и дату предстоящего бракосочетания.

– Лично я думаю, мама, – сказал Фредди, тяжело прижимаясь под столом своим бедром к бедру Флоры, – чем скорее, тем лучше.

– А у тебя, моя дорогая Флора, есть какие-либо свои предпочтения на сей счет?

– Давайте в июне, – ответила Флора безразличным тоном.

– О, нет! Свадьба в июне... В этом есть что-то вульгарное и простонародное. Иное дело, май. Свадьба в мае – это свежо и оригинально, – немедленно возразила ей Дафна. – Предлагаю вторую пятницу мая. Как раз совпадет с началом летнего сезона.

– Как скажете, Дафна – послушно ответила Флора, опустив глаза.

– Тогда решено! Закажу отпечатать приглашения на свадьбу в магазине мистера Смитсона на Бонд-стрит. Разумеется, это нужно сделать заранее. Ведь все приглашения рассылаются, как минимум, за шесть недель до церемонии бракосочетания. Впрочем, наиболее близких мы известим еще раньше. А подвенечный наряд? Предпочитаешь белое платье или веленево-кремовое?

– Но только не очень длинное, моя дорогая девочка, – прошептал Флоре на ухо Фредди, поднимаясь из-за стола, чтобы присоединиться к обществу остальных мужчин за рюмкой бренди и сигарой. – Не могу дождаться нашей первой брачной ночи. А куда бы ты хотела отправиться в свадебное путешествие? У меня есть друзья в Венеции. Или лучше юг Франции? В конце концов, гори оно все огнем! Мы ведь можем запланировать себе свадебный тур на целое лето. Почему нет?

Флора уже успела понять, что любое высказанное ею собственное мнение будет тотчас же отвергнуто Фредди. В этом он – точная копия своей матери. Что ж, ей предстоит стать членом семьи, которая привыкла жить по своим законам и не очень-то прислушивается к тому, что говорят другие. Однако когда она брела длинными коридорами, возвращаясь после ужина к себе в спальню, то подумала, что все же хорошо, что она сейчас находится в Кричел-Хаус, а не в Хай-Уилд, где ей пришлось бы испытать муки ада, лицезрея Арчи и Аурелию, возвратившихся домой после своего медового месяца.

Январь в городе – это бесконечные слякоть, сырость и грязный снег, лишь отдаленно напоминающий девственно белые покровы, укутывающие землю зимой в окрестностях Озерного края. Но на то, чтобы грустить о прошлом или тем более думать о будущем, у Флоры сейчас не было времени. Дни ее были заполнены хлопотами, связанными с предстоящей свадьбой. Нужно было что-то организовывать, постоянно принимать какие-то решения... Впрочем, все решения в основном принимала будущая свекровь, а Флора покорно соглашалась с ее вердиктом. А если она не была занята, обсуждая с Дафной меню праздничного обеда или список гостей, приглашенных на свадебные торжества, то бесконечно примеряла платья у портних. И речь шла не только о подвенечном платье. Ее гардероб обновлялся полностью. Миссис Кеппел уже написала родителям Флоры, что все расходы по обновлению гардероба невесты она берет на себя. Пусть это станет ее свадебным подарком для Флоры, добавила она. Когда же Флора и ее мать попытались протестовать, говорили, что это чрезмерная щедрость и прочее, миссис Кеппел лишь отмахнулась от них рукой.

– Это самое малое, чего ты заслуживаешь, дитя мое, учитывая все обстоятельства. И, пожалуйста, успокойся. Все эти траты никак не отразятся на моем собственном гардеробе. Но разве можем мы допустить, чтобы молодая виконтесса выглядела замарашкой? – Она улыбнулась Флоре, наблюдая за тем, как мисс Драппер прилаживает на ее головке, абсолютно сбитой с толку всем тем, что творилось вокруг нее, новую шляпку с необыкновенно длинными страусовыми перьями. – Наша задача – превратить тебя из Золушки в настоящую принцессу, кем ты и являешься на самом деле.

Флора отправилась в Хэмпшир с визитом в Селборн-Парк в конце января. Грандиозные размеры дворца действительно сразили ее наповал. Он ничуть не уступал Букингемскому дворцу, но, как не преминула заметить при этом графиня, их дворец гораздо старше нынешней резиденции британских монархов, которая, по ее словам, «была построена совсем недавно». Когда Флору ввели в огромный

холл с вымощенным мрамором полом, а по обе стороны от нее тут же выстроились в ряд услужливые лакеи, то она невольно задалась вопросом: сумеет ли она научиться когда-нибудь управлять такой армией слуг?

– Ты, Флора, не переживай, – тут же поспешила успокоить ее Дафна, когда они вошли в гостиную размером с два теннисных корта. – Я еще какое-то время, пару лет, побуду рядом с тобой. Ты, безусловно, умненькая девочка и схватываешь все на лету. А потому быстро всему научишься, как и я в свое время, когда вышла замуж за Алджернона.

Ужин показался Флоре бесконечным. Граф что-то бубнил себе под нос, уткнувшись в тарелку с черепаховым супом, рассказывая о самых последних скандалах в палате лордов. Фредди все норовил ощупать ее под столом со всех сторон, подобно хищному осьминогу. Но вот что касается Дафны, то к ней отношение у Флоры изменилось в лучшую сторону. Графиня была дамой уже весьма зрелых лет, а Флора все пыталась представить ее себе бесшабашной юной красавицей, какой она, несомненно, была в молодости. В Лондоне даже упорно ходили слухи, что в свое время она сбежала из дому в Шотландию с «совершенно неподобающим кавалером». Но семья железной рукой исторгла беглянку из деревушки Гретна-Грин, в которой обосновалась влюбленная парочка, и вернула брыкающуюся, визжащую и сопротивляющуюся дочь назад в Хэмпшир, в лоно семьи, после чего быстренько выдали строптивицу замуж за графа.

На десерт подали сметанное желе с персиками. Перед каждым из них поставили тарелку с желе, и Флора молча наблюдала за тем, как Алджернон жадно отправляет его ложками в свой большой рот, с угрюмыми складками по обе стороны.

– Если этот мерзавец Асквит все же протолкнет свой билль...

– Ах, Алджи! Прошу тебя... Пожалуйста! Прекрати все эти свои политические разговоры за столом! – воскликнула Дафна. После чего повернулась к Флоре и тяжело вздохнула. – Давайте лучше перейдем к более злободневным темам. Мы уже начали рассылать первые приглашения на свадьбу. Должна огорчить тебя, милая, но твои дедушка и бабушка, к превеликому сожалению, отклонили приглашение и...

– Дедушка и бабушка? – вполне искренне удивилась Флора. Она за все годы в Эствейт-Холл настолько привыкла к своей небольшой по

составу семье, что начисто забыла о существовании таких родственников, как дедушки и бабушки.

– Да, родители твоей матери, лорд и леди Бичамп, – пояснила ей Дафна.

– Будь моя воля, – прошептал ей на ухо Фредди, плотоядно оглаживая рукой ее юбки, – то я бы убежал с тобой прямо сегодня же ночью.

* * *

Пасмурным февральским утром, спустя всего лишь два дня после того, как отметили парадным ужином двадцатилетие Флоры в особняке на Портман-сквер, к ней в комнату постучала мисс Драппер.

– Мисс Флора, миссис Кеппел ждет вас у себя в маленькой гостиной.

Флора тотчас же поспешила вниз.

– Моя дорогая Флора, последние недели мы едва видимся с тобой, – встретила ее приветливой улыбкой миссис Кеппел. Но Флора заметила, что, несмотря на всю ее обычную доброжелательность, она была бледнее обычного, и лицо у нее было какое-то напряженное.

– Да, я с головой ушла в подготовку к предстоящей свадьбе.

– О, знаю, знаю... Все эти предсвадебные заботы и хлопоты выматывают гораздо больше, чем сама свадьба. Пожалуйста, присаживайся и расскажи мне, как продвигаются ваши дела.

Флора послушно изложила миссис Кеппел все подробности, включая факты и цифры того, как именно ведется подготовка к свадьбе. Миссис Кеппел одобрительно кивнула головой.

– Вне всякого сомнения, ваша свадьба станет событием номер один предстоящего сезона. А я буду лишь гордиться тобой, как всякая мать гордилась бы на моем месте, когда увижу, как тебя поведут по проходу в церкви к твоему нареченному. А сейчас, Флора, у меня для тебя есть небольшой сюрприз. Как ты смотришь, если я отвлеку тебя от всей этой суеты на несколько деньков и увезу с собой в Биарриц? Мы с Вайолет и Соней каждый год навещаемся туда в это время. Гостим обычно на вилле мистера Касселя «Эжени». А король, как правило, останавливается в самом городе в отеле «Палас». Думаю,

такая перемена пойдет тебе на пользу после столь утомительно долгой лондонской зимы. Свежий морской воздух придаст красок твоему бледненькому личику накануне свадьбы.

– Большое спасибо. Но, боюсь, графиня будет недовольна, если я устрою себе каникулы всего лишь за несколько недель до свадьбы. Нет, я никак не смогу оставить ее сейчас одну с этим ворохом всяческих дел.

– О, на этот счет можешь не переживать. Во-первых, графиня обожает всяческие организационные хлопоты. А во-вторых, я уже заручилась ее согласием. И Фредди тоже согласен.

– Понятно, – вяло промямлила в ответ Флора. Уже в который раз за последнее время она убеждалась в том, что не вольна распоряжаться сама собой. Ее удел – это слепо подчиняться воле своей благодетельницы, не прекословя ей. – Если так, то я, конечно, буду счастлива поехать вместе с вами.

– Вот и прекрасно! Значит, решено! А уж как Вайолет и Соня будут счастливы... Ведь они же обе просто обожают тебя. И Берти будет очень рад. Бедненький! Я очень за него беспокоюсь. Все эти неприятности внутри страны... Правительство давит на него, а его здоровье между тем продолжает лишь ухудшаться. Я...

В глазах миссис Кеппел заблестели слезы. Чего раньше Флора никогда не замечала за ней.

– Я очень тревожусь за него, – закончила она наконец начатую фразу. После чего постаралась взять себя в руки и даже изобразила на лице слабую улыбку. – Такая длинная и холодная зима в этом году. Мы здесь все стали такими же серыми и угрюмыми, как и небо над нашими головами. Но ничего! Весна идет. Уверена, тебе понравится Биарриц. А теперь расскажи мне о Фредди.

* * *

Миссис Кеппел оказалась права. Дафна отпустила Флору в Биарриц с легкой душой.

– Конечно, тебе нужно туда поехать, – заявила она компетентным тоном, когда в очередной раз наведальась к ним на Портман-сквер. – Свежий морской воздух, хорошая компания, что может быть лучше?

Ты буквально расцветешь накануне свадьбы. А потом, кто знает? Может, нам еще придется менять схему рассадки гостей. Высвободить место еще для одного гостя... и не просто место, но и готовить большое кресло для него. – Дафна сама с явным удовольствием рассмеялась собственной шутке.

Фредди тоже благословил ее в дорогу.

– Нужно уметь подчиняться обстоятельствам, которые выше нас, – сказал он, целуя ей руку на прощание перед тем, как, отужинав, покинуть вместе с родителями особняк лорда и леди Дарлингтон. – Но вот тринадцатого мая ты наконец-то станешь всецело моей. И только моей! – добавил он, скользнув хищным взглядом по вырезу ее платья.

Флора помогала девочкам укладывать вещи в дорогу. Они вместе с матерью отправлялись пораньше. Хотели провести сначала недельку в Париже. Флора же присоединится к ним позднее, уже на самой вилле «Эжени». Там они все будут гостями сэра Эрнеста Касселя. Он регулярно бывал у них в доме. К тому же, по словам няни, сэр Кассель – главный финансовый советник самого короля.

У каждой из дочерей миссис Кеппел имелся собственный чемодан для вещей. Да еще многочисленные корзинки и баулы, чтобы вместить все их наряды и аксессуары. Глядя со стороны на обилие вещей, подлежащих упаковке и отправке, можно было подумать, что девочек готовят к поездке на целых полгода, а не на какой-то там месяц с небольшим.

– Как думаете? Пантера не повторит свой трюк? Возьмет и, чего доброго, спрячется в какую-нибудь из этих корзинок, как она это когда-то проделала с вами, когда вы уезжали в Лондон, – поинтересовалась у Флоры Вайолет.

– Ну, это уж она сама решит. Давай, на всякий случай, оставим крышку в корзинке открытой и посмотрим, как она себя поведет. Договорились?

– Ладно. – Вайолет рухнула на свою постель в самом мрачном расположении духа. – Хотелось бы, чтобы рядом со мной было сейчас хоть одно существо, которое я люблю по-настоящему.

– Что ты говоришь, Вайолет? Ведь рядом с тобой будут мама, сестра, няня. Разве ты не любишь их?

– Конечно, люблю. Но это же все домашние... Семья, одним словом. Это не совсем то. Не *мое это*... Понимаете?

Флора увидела, как у девочки затряслись плечи и слезы градом покатались по щекам.

– Что такое? Что случилось? – встревожилась она не на шутку, присаживаясь на кровать рядом с девочкой.

– Ничего... То есть все! Ах, Флора! Я так ее люблю...

– Кого?

– Кого-кого... Митю, конечно! А Роузманд тоже за ней увивается. Уверена, пока я буду отсутствовать, она постарается увести ее от меня. Я этого не вынесу!

Последовал новый водопад слез, пока Флора лихорадочно вспоминала, кто такая эта Митя. В любом случае она – причина, по которой так сейчас расстроена Вайолет.

– А Митя тебя тоже любит? – поинтересовалась она у девочки.

– Конечно, любит! Просто она этого еще не осознает.

– Но, возможно, твоя отлучка поможет ей понять это. Иногда разлука помогает.

– Вы так думаете? – Вайолет глянула на нее заплаканными глазами, которые были полны отчаяния.

– Да, я так думаю.

– Видите ли... дело в том... Я никогда не смогу быть счастливой без нее.

– Понимаю тебя, Вайолет.

– Я знаю, что вы все поймете. Я рада, что вы поедете вместе с нами в Биарриц.

Улегшись наконец к себе в постель, Флора в конце концов вычислила, кто эта таинственная Митя. Это ласковое прозвище, которым Вайолет называла свою подружку Виту Сэквилл-Уэст. Ту самую большеглазую, бледнолицую девочку, которая однажды приходила к ним на ланч. Какое-то время Флора напряженно размышляла над тем, как же сильно увлечена Вайолет своей подружкой. Конечно, подобные увлечения среди девочек – вещь довольно обычная. Но Вайолет уже и не совсем девочка. Пятнадцать лет. А Вита на два года старше ее. Интересно, догадываются ли домашние, погруженные каждый в свою собственную жизнь, что творится на душе у девочки? Наверняка миссис Кеппел и не подозревает обо всех этих страстях. Уж слишком она занята собственной жизнью и всеми проблемами, которыми она полнится.

Может, поговорить с няней, прикинула Флора, но тут же отмела эту идею в сторону. Едва ли пожилая старая дева из Шотландии может стать подходящей собеседницей для обсуждения столь щекотливой темы.

* * *

На следующий день Флора наблюдала, стоя у окна, за тем, как загружается багаж в грузовую машину, подъехавшую прямо к парадному крыльцу дома. Чемоданы с вещами, составленные друг на друга, пожалуй, были выше, чем она сама. А еще не меньше дюжины коробок со шляпами, с обувью... Наконец, дорожный несессер для транспортировки ювелирных украшений. Все было надлежащим образом погружено в машину, которая должна доставить багаж на вокзал Виктория. В парадном холле стоял специальный курьер, облаченный в униформу, сопровождающий багаж путешественников. Он молча наблюдал, скрестив руки, за тем, как идет погрузка. Но вот он распрямылся, заметив миссис Кеппел, которая появилась в холле в сопровождении своих дочерей, всем своим видом показывая, что он готов немедленно отправиться на станцию и на поезд, следующий до Дувра.

– Милая Флора, с тобой мы уже увидимся в Биаррице. Тебя будет сопровождать Мойзель. Думаю, все пройдет благополучно, – попрощалась миссис Кеппел с Флорой.

– Хорошо, миссис Кеппел. Желаю вам хорошо провести время в Париже. – Девушка видела, что ее благодетельница буквально переполнена радостными ожиданиями.

– Спасибо, дорогая. Девочки, поторопитесь! Иначе опоздаем на поезд.

– До свидания, Флора, – попрощалась с ней Соня. – Увидимся на следующей неделе. – Девочка была само очарование в своем новом дорожном пальтишке розового цвета. – Жаль, что я не смогу показать тебе наш личный вагон, в котором мы обычно путешествуем. Там есть все-все-все... И стулья, и столы, и кресла, и все остальное. Знаешь, во Франции с мамой обращаются так, будто она королева Англии.

Неделю спустя Флора и Мойзель тоже прибыли в Биарриц. Путешествие оказалось долгим и утомительным. Вначале они пересекли Ла-Манш и высадились в Кале и уже оттуда поехали поездом на юго-запад Франции. В конечный пункт назначения Флора прибыла, можно сказать, совсем обессиленная.

– Добро пожаловать в Биарриц, дамы! – приветствовал их по-французски лакей, который помог им сойти с поезда на платформу.

– *Merci, monsieur*, – поблагодарила его Мойзель.

Они вышли из здания вокзала, и Флора взглянула на унылое серое небо, сплошь затянутое тяжелыми тучами, обещавшими скорый дождь. На всех фотографиях и живописных полотнах, которые ей доводилось видеть, на юге Франции всегда ярко светит солнце. А тут такая мрачная картина, будто они у себя дома, в Англии.

– Вилла «Эжени» совсем близко, – сообщил им лакей, помогая устроиться на заднем сиденье шикарного «роллс-ройса», после чего уселся рядом с шофером. Всю дорогу Флора смотрела в окно. Ей не терпелось своими глазами увидеть Атлантический океан. Она редко бывала на взморье. Точнее, всего лишь один-единственный раз, когда была еще совсем маленькой девочкой. Они ехали по спокойным улицам города. На широких бульварах, по которым обычно фланируют отдыхающие, тоже было пусто. Скорее всего, виной тому стала ненастная погода. Флора невольно залюбовалась красивыми тамарисками и пышными кустами гортензии, в изобилии окружавшими шикарные особняки, выкрашенные в кремовый и розовый цвета.

Но вот мощенные булыжником мостовые в центре города остались позади. Автомобиль проехал немного по шоссе и плавно свернул на подъездную дорогу, ведущую к огромной вилле. Лакей помог им выбраться из машины, и они поднялись по ступенькам крыльца к величественной парадной двери белого цвета, где их уже поджидал дворецкий.

Почему-то Флора почувствовала себя в эту минуту как дикое животное, которое переправляют из одного зоопарка в другой. Она молча проследовала за Мойзель по просторному красивому холлу к широкой лестнице, вымощенной плиткой. Они стали подниматься

наверх. Звуки шагов отзывались гулким эхом в царящей вокруг тишине. Но не успела служанка открыть Флоре дверь в ее комнату, как чьи-то маленькие ручки цепко обхватили ее за талию.

– Флора! Наконец-то!

– Да, это я! – улыбнулась в ответ Флора и повернулась к Соне, чтобы поздороваться с ней. На личике девочки светилась нескрываемая радость.

– Как я рада, что ты приехала! – прошептала она, входя вслед за Флорой и горничной в комнату. Окна были открыты настежь, пахло свежим морским воздухом. Соня тотчас же запрыгнула на кровать, а горничная принялась распаковывать вещи Флоры. – Тут такая скучища, в этой Франции. Да еще и Королевич приболел. Представляешь? Мама за ним ухаживает.

– Вот как? А что с ним?

– Мама сказала, что он простудился, когда был в Париже. Приехал сюда два дня тому назад. И все это время мы не видели ни его, ни маму. Ни разу! Полностью предоставлены самим себе. – Соня откинулась на широкую постель. Спинка кровати была обтянута бледно-голубым шелком, а сверху, по углам, украшена позолоченными желудями. – Какой здесь хороший матрас, – отметила девочка со знанием дела. – Можно, я сегодня буду спать вместе с тобой?

– Конечно, можно. Но только если няня разрешит.

– А, няне сейчас не до нас. Она переживает за маму и за Королевича. Думаю, она даже не обратит внимания на то, если мы весь день проходим не моя руки.

Серьезное замечание! Флора поняла, что король действительно сильно болен.

– Красивый дом, да? – сказала она и легла на кровать рядом с девочкой, когда за горничной закрылась дверь.

– Наверное, да, – равнодушно бросила в ответ Соня. – Но здесь с того самого времени, как мы приехали, все время идет дождь. И все такие скучные ходят по дому.

– А я вот рада, что оказалась во Франции. Я ведь никогда здесь раньше не была.

– Да здесь почти все как у нас, – уверенным тоном возразила ей девятилетний эксперт. – Разве что говорят на своем языке и едят всякую гадость на ужин. Например, улиток.

Но тут на пороге возникла няня, которая уже обыскалась свою воспитанницу, и увела Соню с собой. Флора устало откинулась на подушки, чувствуя, как веки закрываются сами собой.

Она проснулась от того, что кто-то негромко стучался в дверь.

– Входите! – отозвалась она по-французски и поспешно уселась на постели.

– Мадемуазель Флора, я постаралась не тревожить вас, пока это было возможно.

На пороге возникла фигура Мойзель.

– Да-да, спасибо. Я... а который сейчас час?

– Уже четвертый час. Мадам Кеппел спрашивает, не сможете ли вы подъехать к пяти часам в отель «Палас». Но надо ведь еще время, чтобы переодеться.

– Переодеться к ужину?

– Она не уточняла, но сказала, что король наверняка присоединится к вам. Сейчас пришлю сюда камеристку, чтобы она помогла вам сменить туалет.

– Спасибо.

Флора закрыла окно и начала поспешно собираться. У нее даже живот свело от предвкушения будущей встречи с Его Величеством за ужином. Ведь с того памятного чаепития в гостиной у миссис Кеппел в октябре прошлого года она его больше ни разу не видела.

После того как на ней туго затянули корсет, а потом буквально силой втолкнули в нарядное платье для чаепитий изумрудно-зеленого цвета, она поспешила вниз. На улице ее уже поджидал автомобиль, на котором она отправилась в отель. Отель «Палас» возвышался на самом берегу моря. Пышный фасад из красно-белого камня, высокие окна, все соответствовало его названию. Настоящий дворец. У входа в отель ее встретил элегантно одетый мужчина.

– Мисс Макникол?

– Да.

– Меня зовут сэр Артур Дэвидсон. Я конюший Его Величества. Сейчас я провожу вас в его покои.

Флора быстро проследовала за сэром Артуром в помпезный холл по направлению к лифту, на котором они поднялись наверх. Вышли из кабинки лифта и оказались в широком коридоре, устланном

роскошной ковровой дорожкой. Они направились к двойным дверям, у которых их поджидал дворецкий, облаченный в униформу.

– Пожалуйста, сообщите миссис Кеппел, что мисс Макникол уже здесь, – сказал дворецкому ее провожатый.

Тот важно кивнул в знак согласия и исчез за дверьми. Флора ждала молча, не совсем уверенная в том, что знает, о чем можно говорить с конюшим короля и нужно ли с ним вообще разговаривать.

– Флора, дорогая моя! – Миссис Кеппел появилась из внутренних покоев и порывисто обняла девушку. – Проходи же, прошу тебя! – сказала она, пропуская Флору вперед, после чего закрыла дверь перед носом у конюшего. Флора вошла в красивую, богато обставленную комнату с высокими окнами, из которых открывался изумительный вид на океан. – Король сейчас спит. Но к ужину он проснется. Он хочет поужинать вместе с нами в нашей маленькой приватной столовой. Хочу заранее предупредить тебя: он не вполне здоров. Я...

В этот момент из-за закрытых дверей, ведущих в соседнюю комнату, раздался тяжелый натужный кашель.

– Проходи же! Присаживайся. Сейчас выпьем по бокалу шерри. Мне это точно не помешает.

Миссис Кеппел подошла к подсервантнику, стоявшему у стены, на котором возвышалась целая батарея графинов со спиртным, и наполнила два бокала шерри. Когда она вручала бокал Флоре, та заметила, что у нее дрожат руки, а под глазами залегли темные круги.

– Насколько серьезно недомогание короля? – поинтересовалась у нее Флора, тоже заметно нервничая.

– Он сильно простудился в Париже. В последние двое суток его мучит тяжелейший бронхит. Мы с его лечащим врачом доктором Рейдом неотлучно дежурируем при нем. Но, слава богу, из Англии вот-вот должна подъехать сестра Флетчер. Она постоянно ухаживает за ним.

Миссис Кеппел залпом осушила свой бокал.

– Но ему хоть немного лучше?

– Во всяком случае, ему не хуже. Но ты же знаешь... Этот упрямец наотрез отказывается помогать самому себе. Требуется, чтобы ему уже позволили подняться с постели и заняться своими привычными делами. Категорически не хочет лежать. Но мы хоть уговорили его оставаться здесь, в этих покоях, и никуда не выходить.

Из-за двери раздался еще один приступ душераздирающего кашля, и Флора тоже сделал большой глоток из своего бокала.

– Но, может быть, мое появление здесь не совсем уместно? С учетом того, что он так сильно болен...

– Моя дорогая, как я уже сказала, король сопротивляется изо всех сил. Не хочет сдаваться своей болезни. И потом, сомневаюсь, чтобы он хотя бы один раз в жизни ужинал в одиночестве. Вот и на сегодняшний ужин приглашен маркиз де Соверал, посол Португалии. Но едва ли король будет доволен, если за столом нас будет всего лишь четверо, включая его лечащего врача. И потом, когда я сегодня утром сообщила ему, что ты уже приехала в Биарриц, он очень обрадовался и сказал, что был бы только рад, если бы ты тоже присоединилась к нам за ужином.

– Для меня это большая честь.

– Одно хорошо. Он хоть перестал на время курить эти свои ужасные сигары. Доктор Рейд убежден, что именно они и вызывают все эти его проблемы с бронхитом. Впрочем, как только ему станет лучше, он тотчас же возьмется за старое. Но что мы можем поделать? Ведь он же король, в конце концов.

Флоре очень хотелось спросить у миссис Кеппел, почему, если Его Величество так болен, рядом с ним нет его жены, королевы, но она постеснялась задавать столь бестактный вопрос.

– Вы, наверное, очень устали... Две бессонные ночи подряд, – обронила она сочувственно.

– Устала, это правда. Всю минувшую ночь я просидела рядом с ним. Вытирала пот, смачивала лоб. У него был сильный жар. Знаешь, Флора, признаюсь честно. Иногда мне даже казалось, что он не доживет до утра. Слава богу! Сестра Флетчер приедет уже сегодня. В ее надежных руках король будет в безопасности. – За дверью раздался очередной приступ кашля. – Прости, Флора, я должна идти к нему.

Следующие пятнадцать минут двери постоянно то открывались, то закрывались, все время вносились какие-то сосуды с горячим паром и с припарками, источающими странные, непривычные запахи. Все это явно предназначалось для Его Величества. Флора тихонько пристроилась в самом дальнем уголке гостиной возле окна, стараясь ничем не привлекать к себе внимания.

Наконец из-за туч показалось солнце, подсветив их оранжево-красными всполохами света. В эту минуту в гостиную вошли миссис Кеппел и доктор Рейд. Они всецело были поглощены разговором друг с другом.

– Весь вопрос в том, должны ли мы поставить в известность королеву, – обронил доктор Рейд.

– Его Величество уже заявил, что не хочет беспокоить свою жену, – сказала как отрезала миссис Кеппел. – К тому же она ненавидит Биарриц.

– Все так, все так... Но будет крайне печально, если случится худшее и... – Доктор Рейд экзальтированно заломил руки. – Конечно, ему надо срочно в больницу. Но он же наотрез отказывается.

– Думаю, госпитализация – это самая крайняя мера. Представляете, какую шумиху поднимут газеты, когда узнают об этом?

– Мадам, должен уведомить вас, что и без того газетчики уже дежурят внизу, интересуются, почему король не совершает свой ежедневный променад, почему обедает и ужинает исключительно у себя в номере. Сомневаюсь, что мы долго сможем удержать его болезнь в тайне.

– И что же нам делать в таком случае?

– Сегодняшнюю ночь я проведу рядом с ним. Буду фиксировать его состояние буквально по часам. Если к утру ему не станет легче дышать... Тогда, желает ли король того или нет, хочет ли он побеспокоить королеву или нет, сообщив ей о своем недомогании, но я обязан уведомить дворец о том, что здесь происходит.

Раздался стук в дверь, и они оба одновременно повернулись на этот звук. Флора тоже поднялась со своего места.

– Флора, дорогая! Совсем забыла, что ты здесь! – воскликнула миссис Кеппел. Легкая краска проступила на ее щеках при мысли о том, что девушка, должно быть, слышала, о чем они только что беседовали с врачом.

В комнату вошел конюший.

– Горничные готовы начать сервировку стола для ужина Его Величества.

– Да, да, конечно. Пусть заходят. – Миссис Кеппел тяжело вздохнула, бросив несчастный взгляд на Флору. – Он по-прежнему настаивает на том, что будет ужинать вместе с нами.

Миссис Кеппел поспешила к себе, чтобы переодеться к ужину. Доктор Рейд снова удалился в спальню короля. Флора молча наблюдала за тем, как три служанки накрывают стол, расставляют тарелки из тончайшего фарфора с золотыми ободками по краям, раскладывают тяжеловесные серебряные приборы, тщательно выверяя угол, под которым должны лежать вилки и ножи по отношению к хрустальным бокалам. Но вот с сервировкой покончено, и горничные исчезли так же незаметно, как и появились в комнате.

К великой радости Флоры, кашель за стенкой тоже на время прекратился. Может, король все же наконец заснул, подумала она. Но вот дверь спальни отворилась, и Флора непроизвольно повернулась на этот звук, ожидая увидеть доктора Рейда. Но на пороге комнаты появился сам король, полностью одетый к ужину. Он тяжело дышал.

– Ваше Величество! – торопливо подскочила со своего места Флора и присела в глубоком, но немного неловком реверансе. Король обвел глазами помещение, задержав на ней взгляд.

– О, да это же сама малышка мисс Макникол, будь я неладен! – воскликнул он негромко, тяжело дыша.

– Да, Ваше Величество.

– Подойди ко мне, дитя мое, и помоги мне сесть. Я тут исхитрился и удрал от своих тюремщиков, пока они были в ванной комнате. Наверняка, чего доброго, занимаются там тем, что готовят мне очередную дурно пахнущую примочку или укол.

Флора приблизилась к монарху. Дыхание у него было прерывистым и неровным. Еще – не дай бог! – испустит свой последний вздох прямо сейчас, испугалась она. Король подставил ей свой локоть, и она стеснительно взяла его под руку.

– На какой стул вы хотели бы присесть? – поинтересовалась она у него, пока они медленно и с большим трудом ковыляли по комнате. Каждый шаг давался королю с муками. Не в силах говорить, он лишь молча ткнул пальцем в направлении того стула, на который хотел бы сесть. Флора поддерживала его изо всех сил, потом, собрав последние остатки этих самых сил, помогла ему сесть на означенный стул. Король тяжело опустился на сиденье, задыхаясь от нового приступа кашля. Дыхание стало еще более затрудненным, а глаза подернулись влагой.

– Сейчас я позову доктора Рейда, Ваше Величество, – заторопилась Флора.

– Нет! – рявкнул он в ответ. – Лучше налей мне бренди.

Флора подошла к подносу с графинами. Хоть бы он *продолжал кашлять*, подумала она, и тем самым привлек бы внимание доктора Рейда. И тот бы наконец обнаружил исчезновение короля из спальни. Король ткнул своим толстым пальцем в тот графин, который ему был нужен. Флора взяла в руки этот графин, налила немного бренди и повернулась к королю, чтобы подать ему стакан.

– Больше! – скомандовал он.

Она безропотно наполнила стакан до краев и подала молча, а он тут же залпом осушил его до дна.

– Еще! – прошептал он едва слышно, и Флора опять была вынуждена повиноваться.

– Вот это, – промолвил он, отдавая ей пустой стакан, – я называю настоящим лекарством. Но никому ни слова! – Он приложил дрожащий палец к губам, а Флора поставила пустой стакан обратно на поднос. – Садись же! – Король жестом указал на стул рядом с собой.

– Итак, мисс Макникол, Флора... Мне нравится твое имя. Шотландское, между прочим. Ты знаешь это?

– Да, Ваше Величество.

– Немного необычно все это, не правда ли?

– Что именно, Ваше Величество?

Последовала долгая пауза, прежде чем король собрался с новыми силами, чтобы продолжить разговор.

– Что мы с тобой оказались наедине. И это притом, что я ведь могу и не дожить до завтрашнего утра.

– Пожалуйста, Ваше Величество! Умоляю вас! Не говорите такое!

– Я...

Король стал жадно хватать ртом воздух. Глаза его наполнились слезами.

– Я совершил много ошибок в своей жизни.

– Уверена, что вы не совершили ни одной.

– О, нет! Совершил и совершал... Еще как совершал...

Последовала очередная затяжная пауза.

– Я ведь обычный человек, как все остальные смертные. Понимаешь? И я влюблялся...

Король снова зашелся в сильнейшем приступе кашля. Флора же смущенно отвела глаза в сторону. А что еще ей оставалось делать?

– Влюблялся и *любил женщин*... – закончил он наконец. – Ты, я слышал, скоро собираешься замуж?

– Да.

– За этого виконта, насколько мне известно? – Он неожиданно усмехнулся.

– Да, Ваше Величество. За Фредди Соумса.

– И... ты любишь его?

– Думаю, я смогу со временем его полюбить, да.

При этих словах король сделал попытку громко рассмеяться, но, поняв, что в его состоянии это просто невозможно, тотчас же постарался обуздать свой смех.

– А у тебя характер как у меня. Сильный... Поди сюда.

Флора подошла к королю и взяла его протянутую руку в свои. В груди у него все клокотало.

– А я ведь не был уверен до конца.

– В чем, Ваше Величество?

– Когда миссис Кеппел предложила мне это... Умная женщина, эта миссис Кеппел... Она всегда права...

В этот момент дверь спальни снова отворилась, и на пороге показались перепуганные доктор Рейд и медсестра.

– Мы думали, что вы спите, Ваше Величество, – сказал доктор Рейд и бросил укоризненный взгляд на Флору. – Вы же знаете, для вас сейчас сон – это лучшее лекарство.

– Да вы уже говорили мне это, и не раз, – рявкнул в ответ король. – А тут такая... хорошая компания образовалась...

Король весело подмигнул Флоре и снова зашелся кашлем, который он с таким трудом подавлял последние пару минут.

Снова последовали ингаляции паром, потом подали воду. В этот момент появилась и миссис Кеппел. Она выглядело немного посвежевшей и заметно успокоившейся. Облачена она было в вечернее платье из синего бархата.

– Миссис Кеппел, где вы изволили шляться, хотел бы я знать? – рявкнул король.

– Но Берти! Честное слово... Вы же должны быть в постели, – в свою очередь набросилась она на него.

– И куда запропастился этот чертов Соверал? Опаздывает на ужин к королю! А я... а я, между прочим, умираю от голода.

* * *

Через два часа Флора покинула королевские покои в отеле, чтобы вернуться к себе домой, на виллу «Эжени». Ужин стал для нее самой настоящей пыткой, другого и слова не подберешь. За столом царило взволнованное напряжение. Гости с тревогой вслушивались в затрудненное дыхание монарха, делая вид, что все нормально, а сами в это время обмирали от страха при мысли о том, что очередной приступ конвульсивного кашля может закончиться ударом, и король просто не выдержит таких нагрузок. Тем не менее он с аппетитом налегал на ужин, который лично Флоре показался чересчур сытным и очень уж обильным. Пожалуй, он поел за двоих. Да еще, несмотря на неодобрительные взгляды некоторых, сидящих за столом, изрядно приложился к красному вину.

– Я сегодня останусь с ним, – предупредила миссис Кеппел Флору. – Поцелуй за меня девочек и скажи им, что я вернусь, когда Королевичу станет лучше.

Они попрощались, и Флору сопроводили вниз, где ее уже поджидал «роллс-ройс». Откинувшись на спинку мягкого кожаного сиденья, Флора вдруг почувствовала, что после всех событий минувшего дня силы, и физические, и умственные, полностью оставили ее.

В последующие три дня Флора не видела миссис Кеппел. Она заполняла свое время длительными прогулками по бульвару вместе с девочками, после которых все трое возвращались на виллу, чтобы успеть к ланчу. С появлением солнца они отправились на пленэр: делали наброски, писали красками, запечатлевая на холсте необычные растения, которые росли в саду, раскинувшимся вокруг виллы «Эжени».

Вайолет мало интересовала живопись, но вот общение с Флорой было для нее важным. Однако, несмотря на отсутствие интереса, в ее изящных акварелях чувствовалась рука если и не мастера, то весьма способной ученицы. Несмотря на занятость, обе сестры ощущали некую собственную неприкаянность в этом чужом городе. Привычное времяпрепровождение в курортном Биаррице было на сей раз кардинально нарушено. Сообщать же девочкам все подробности и обстоятельства происходящего Флора попросту не имела права. Ведь миссис Кеппел строго-настрого предупредила ее ничего не говорить дочерям о том, насколько серьезно болен король.

– Почему мы не выбираемся на пикник вместе с мамой и Королевичем? А вместо этого торчим целыми днями на вилле. Мне здесь скучно. И я еще даже не надела ни одной из своих обновок, которые привезла с собой, – пожаловалась как-то раз Соня Флоре.

– Какие же пикники, если все последние дни было сыро и дождливо? – постаралась найти отговорку Флора. – Наверняка Королевич не желает еще раз простудиться.

– Но сегодня же светит солнце, – возразила ей девочка. – А мамы все равно нет с нами. Мы уже столько дней не видели ее. Наверняка она тоже скучает.

– Потерпи еще немного, ладно? – принялась уговаривать ее Флора. – Уверена, вскоре мы увидим и маму, и Королевича. – Она старалась говорить уверенным тоном, хотя в душе сильно сомневалась в том, что так оно и будет.

Вечером, после раннего ужина, няня забрала Соню и повела ее наверх принимать ванну. Вайолет осталась с Флорой. По своему

обыкновенно что-то писала в своей записной книжке, которую всегда носила с собой.

– Флора.

– Да?

– Королевич ведь очень болен. Он умрет, да?

– Господи, с чего ты взяла? Он просто сильно простудился. Но, поскольку он король, принимаются все возможные меры предосторожности.

– Я знаю, ты говоришь неправду. Впрочем, это не имеет большого значения. – Вайолет снова погрузилась в свои записи, сосредоточенно покусывая кончик карандаша.

– Что ты пишешь? – поинтересовалась у нее Флора.

– Вот сочиняю стихотворение. Но пока получается плохо, особенно если сравнивать со стихами Виты. Думаю, когда-нибудь она станет писательницей. Она-то сейчас прекрасно проводит время в Лондоне. Готовится к открытию сезона. Наверняка и думать про меня забыла.

– Уверена, что это не так, – поспешила успокоить девочку Флора. Ее потемневший взгляд однозначно свидетельствовал о скверном расположении духа.

– Так, так! Она ведь красивая. И при этом такая дикая и необузданная... В ней есть что-то первозданное... Конечно, жизнь... и все эти мужчины сделают свое дело... И она станет такой, как все.

– Наверное, жизнь делает свое дело по отношению к каждому из нас. Приводит всех нас в чувства, Вайолет. А иначе и нельзя.

– Почему нельзя? Почему мы, женщины, должны выходить замуж за тех, кого нам выбирают другие? Ведь сегодня совсем другие времена, Флора! Посмотри, как сражаются суфражистки за права женщин. Наверняка все должно быть по-другому. Да и сам брак, – Вайолет даже передернуло от отвращения. – Не могу себе представить, как двое чужих людей, которые едва знают друг друга, обречены на то, чтобы до конца своих дней жить вместе. Да еще при этом заниматься... ну, ты сама понимаешь, чем. Едва зная друг друга... Ужас!

– Думаю, когда ты повзрослеешь, Вайолет, ты все поймешь правильно.

– Ничего я не пойму! – ответила она упрямо. – Все так говорят, но я знаю другое... Я просто не люблю мужчин. Это все равно что заставить кошку спать с собакой и жить вместе. Достаточно взглянуть на маму и отца.

– Вот об этом не надо говорить! У меня тоже есть глаза! И я вижу, что твои родители счастливы вместе. К тому же они очень дружны.

– Тогда объясни мне, пожалуйста, почему папа сейчас торчит у себя в офисе в Лондоне, а мама нянчится здесь с больным королем?

– Наверное, нельзя требовать от своего супруга или супруги слишком многого. Никто не в силах дать другому человеку всего, в чем тот нуждается.

– Не согласна. Вита дает мне все. Мне она никогда не наскучит. Никогда!

– Что ж, повезло тебе. Если ты нашла такую замечательную подругу.

– Она больше чем подруга. Она для меня... все. Не думаю, что ты поймешь меня... Что кто-нибудь вообще сможет понять меня. – Вайолет резко поднялась со своего места. – Все! Я иду спать. Спокойной ночи, Флора.

* * *

Миссис Кеппел появилась на вилле на следующий день, рано утром. Флора столкнулась с ней на лестнице, направляясь к завтраку.

– Как король? – спросила она шепотом.

– Слава богу, кризис, кажется, миновал. Жар спал. Сегодня он впервые спокойно проспал всю ночь.

– Какая прекрасная новость!

– Верно. А утром настоял, чтобы присоединиться к нашим друзьям за ланчем. Мне нужно привести себя в порядок. Последние дни были такими тяжелыми. Сказать по правде, я вымотана до изнеможения. Девочки у себя наверху?

– Да.

– Пойду обрадую их. Наверняка Берти, почувствовав себя лучше, захочет вернуться к прежней нормальной жизни. Необходимо, чтобы и

в мире все знали об этом. Он даже позволил себе сегодня утром выкурить одну из этих своих противных сигар.

И жизнь действительно *вернулась* в свое нормальное русло. Флора помогала наряжать девочек для ежедневных прогулок с матерью и королем.

– Странное дело, Флора, в городе полно таких красивых ресторанов, где можно сесть и поесть как люди, – заметила Соня как-то раз, вернувшись после очередной прогулки и небрежно срывая со своей головки соломенную шляпку. – А Королевич настаивает, чтобы устроили пикник прямо у дороги!

– Наверное, ему просто нравится, чтобы все во Франции видели его, знали, что он жив-здоров, кланялись и расшаркивались перед ним, – сказала Вайолет с изрядной долей цинизма в голосе. – Может, он хочет таким образом досадить французскому королю.

– Я как-то об этом не подумала, – согласилась со старшей сестрой Соня. – Но вообще-то выглядит он очень старым. Наверное, он все же болен.

– Как и его Цезарь. Этот пес явно уже рвется на Небеса. И при этом вон как линяет! – досадливо поморщилась Вайолет, снимая клоки шерсти со своих юбок.

На следующее утро дворецкий вручил Флоре письмо.

*Хай-Уилд
Ашворд, Кент
Англия
14 марта 1910 года*

Дорогая Флора,

Знаю, что ты в настоящее время находишься вместе с миссис Кенпел, но мистер Ролф любезно дал мне твой адрес в Биаррице. Хочу, моя дорогая сестричка, чтобы ты первой узнала новость о том, что еще до конца этого года станешь тетей. Да, я жду ребенка! Я напугана страшно. К тому же плохо себя чувствую. Но врач говорит, что такое состояние характерно для первой стадии беременности.

Если бы ты знала, дорогая Флора, как я хочу тебя увидеть! Может быть, ты по возвращении в Англию сможешь вырваться к нам сюда? Мама пока не может приехать из Шотландии и побыть со

мной. Нельзя оставить отца. Он неудачно упал на свою больную ногу и сломал лодыжку. Вот я и сижу безвылазно целыми днями дома одна. Выходить на улицу не могу, ибо постоянно чувствую себя плохо. Мне сейчас так одиноко, так одиноко... Знаю, у тебя скоро свадьба, много дел... Но я постараюсь не задерживать тебя надолго. Погости хотя бы пару денечков, если сможешь. Пожалуйста, напиши мне ответ поскорее и сообщи, когда мне ждать тебя в Хай-Уилд.

*Твоя любящая сестра
Аурелия*

Флора прочитала письмо за завтраком и тут же почувствовала себя так же плохо, как и ее беременная сестра. Вот оно, доказательство того, думала она, что Арчи и Аурелия уже супружеская пара. Мысль об этом была настолько нестерпима, что она поспешила подняться из-за стола и удалиться к себе.

Но еще более нестерпимой представлялась ей идея отправиться в гости в Хай-Уилд.

– Нельзя быть такой эгоисткой! – ругала она сама себя, взволнованно расхаживая по комнате. – Ты сейчас нужна Аурелии, а потому должна обязательно поехать к ней.

Усевшись за письменный стол, Флора взяла лист почтовой бумаги и перо.

*Вилла «Эжени»
Биарриц
Франция
19 марта 1910 года*

Моя дорогая сестра,

Счастлива узнать, что ты в положении. Приблизительно через неделю я возвращаюсь в Англию. И, несмотря на все предсвадебные хлопоты, я, конечно же, навещу тебя. Приеду сразу же, как только вернусь домой.

*Твоя любящая сестра,
Флора*

* * *

Последний вечер, проведенный Флорой на вилле «Эжени», совпал с первым визитом короля к ним на виллу. Когда она спустилась вниз, то гостиная уже была забита гостями, многие из которых тараторили о чем-то по-французски.

Миссис Кеппел хозяйничала с величием королевы. Сверкающая тиара украшала ее чудесные каштановые кудри. Глянув на нее, Флора подумала: а ведь это и есть *настоящий двор* ее благодетельницы.

О появлении Его Величества известил фокстерьер Цезарь. Он бодро трусил впереди монарха и первым вошел в распахнутые двери, и тут же повеяло запахом дыма от крепких сигар.

Все внимание гостей сразу переключилось от миссис Кеппел на Его Величество. Флора испытала некоторое облегчение, увидев, что король хотя бы может самостоятельно дышать. Но лицо у него было бледным, а глаза все еще слезились.

– Слышал, вы завтра уезжаете? – Рядом с ней появился джентльмен, разительно похожий на монарха. Та же седая борода, пышные усы, внушительная в обхвате фигура. Прямо вылитый двойник короля.

– Да, – вежливо ответила ему Флора.

– А Его Величество, кажется, уже почти оправился от своей хвори. Вы не находите?

– Да, ему гораздо лучше, – сказала Флора, мучительно соображая, кто ее собеседник. Хоть бы представился, что ли. – Слава богу.

– Король говорил мне, что вы стали для него большим утешением в тот момент, когда он болел.

– Не думаю, сэр, что это так. Я...

– Зато Его Величество думает именно так. И мы все крайне признательны вам за это.

– Простите меня, сэр, – наконец сдалась Флора. – Но я не уверена, что нас официально познакомили.

– Меня зовут Эрнест Кассель. Собственно, вы моя гостья, живете под моей крышей, – ответил джентльмен, глядя на нее с улыбкой. А глаза его так и искрились от смеха.

– Прошу простить меня, сэр. Но за последние несколько месяцев перед моими глазами прошло столько незнакомых лиц...

– Вам нет нужды просить у меня прощения. Главное – это то, что я знаю, кто вы. Позвольте вручить вам свою визитку. Вполне

возможно, в будущем вам еще придется контактировать со мной. Я ведь не просто хозяин виллы «Эжени». Я еще и близкий друг короля и миссис Кеппел, а также их советник. А сейчас позвольте сопроводить вас к ужину.

Позднее, когда король и его свита уже собирались уходить, Его Величество все-таки выискал ее взглядом и поманил к себе. Она подошла к нему с улыбкой и присела в глубоком реверансе.

– Рада, Ваше Величество, что вы выглядите сегодня так хорошо.

– Спасибо, мисс Макникол. Думаю, мы еще увидимся в Лондоне, если на то будет Божья воля. Всего вам доброго, моя дорогая. – С этими словами король поцеловал ей руку, улыбнулся на прощание и удалился.

* * *

Через два дня Флора прибыла в Хай-Уилд. Аурелия встречала ее на крыльце и тут же повела в гостиную, чтобы угостить чашечкой чая с дороги.

– Ну, рассказывай же мне про короля! – немедленно надела она на сестру. – Поверить не могу, что ты с ним встречалась!

– Он в добром здравии, энергичен, как всегда, – ответила Флора, не вдаваясь в подробности.

– Но ты же ведь и раньше с ним встречалась, да? С учетом того, что миссис Кеппел... занимает определенное положение в его жизни.

– О, да! Они очень дружны с Его Величеством.

– Понимаю, миссис Кеппел взяла с тебя слово не болтать лишнего, но...

– Никакого слова она с меня не брала.

– По словам Арабеллы, ее влияние простирается даже на правительство! Представляешь? Ты меня, конечно, Флора, прости, но ты у нас такая невинная душа... Видишь только хорошее, и в людях, и в животных... Но не буду более испытывать твою скромность. Лучше расскажу тебе обо всем, что произошло здесь с момента нашей с тобой последней встречи.

Флора молча слушала влюбленную болтовню сестры об Арчи, о том, как он заботлив и внимателен к ней в ее новом положении.

Слушала и ненавидела саму себя за то, какие противоречивые чувства вызывают эти рассказы Аурелии в ее душе.

– Не могу поверить, что у меня скоро появится ребенок. Мне будет чем заняться. Все мечтают о мальчике. А лично я хочу девочку. Впрочем, не важно, кто родится, главное, чтобы был здоровеньким.

– Так Арчи рад, что у вас будет ребенок?

– О, да! Он просто счастлив. От этой новости даже у свекрови улыбка появилась на лице, что бывает с ней крайне редко. Знаешь, я порой удивляюсь, что мама с ней так дружна. – Аурелия слегка понизила голос: – Может, когда-то она была более приятной в общении, кто знает. Наверное, это на нее так подействовала гибель отца Арчи на войне. Но, если честно, она очень угрюмый человек.

– Не могу судить. За все время нашего знакомства она обмолвилась со мной не более чем парой фраз. Но я тебе верю. Бедняжка! Должно быть, не сладко жить с такой особой под одной крышей.

– Но, к счастью, ее сейчас тоже нет дома. Уехала в Лондон. Так что весь дом всецело в нашем распоряжении. У меня для тебя еще одна новость. Приятная! Поскольку мама пока не может приехать ко мне из-за сломанной лодыжки папы, она написала мне, что пару месяцев тому назад умерла мать Сары, и предложила мне написать ей письмо и пригласить к себе на постоянную работу в качестве моей личной камеристки. Чтобы Сара жила со мной постоянно. Она поможет мне и во время беременности, и потом, после рождения ребенка. К великой радости, Сара откликнулась на мое приглашение незамедлительно. Написала, что не желала бы ничего лучшего, чем работать на меня. Так вот, завтра Сара приезжает в Хай-Уилд. С ее появлением в доме я буду чувствовать себя немного увереннее. Как-никак, а хоть один человек точно будет на моей стороне.

– Как замечательно! Но ты же сама только что сказала, что Арчи очень внимателен к тебе. Разве не так?

– О, да! Он очень заботливый. Но только если не уходит с головой в свои книги по ботанике или не торчит в теплице, созерцая какое-нибудь растение. К большому сожалению, он сейчас отсутствует. Тоже отлучился по делам в Лондон. Обещал вернуться на следующей неделе. Боюсь, учитывая, что ты тоже ограничена во времени, ты с ним так и не увидишься. Жаль, конечно.

– Да, жаль, – согласилась с ней Флора, почувствовав одновременно и облегчение, и разочарование от того, что она не увидит Арчи. – Зато ты сейчас принадлежишь только мне и мне одной.

– Знаю, Флора, ты никогда не пылала к нему особыми чувствами. Но, поверь мне, он хороший человек. И так добр ко мне.

– И это главное, моя дорогая.

– Да, ты права. А сейчас, прости меня, Флора. Но мне нужно прилечь.

– Конечно-конечно. Я помогу тебе, доведу до твоей комнаты. Можно? – спросила Флора у сестры, взглянув на ее позеленевшее лицо и решительно беря за локоть, когда та поднялась с дивана.

– Да, пожалуйста. Знаешь, во второй половине дня, ближе к вечеру, мне всегда становится легче.

Флора поднялась наверх вместе с Аурелией. Та позвала служанку и попросила ее принести чай, а Флора между тем принялась расстилать постель. Сняла широченное покрывало с огромной кровати под балдахин, откинула в сторону одеяло, стараясь при этом не думать о том, что она видит перед собой супружеское ложе, на котором спят Аурелия и Арчи.

– Спасибо, – слабым голосом прошептала сестра, когда она помогла ей лечь. – Говорят, эти приступы тошноты скоро должны закончиться. Какое счастье, что ты сейчас рядом со мной.

Флора уселась в кресло рядом с кроватью, наблюдая за тем, как сестра бессильно закрыла глаза и вскоре погрузилась в сон. После чего вышла на цыпочках из комнаты и направилась к себе, чтобы немного освежиться с дороги. Но не выдержала, подошла к окну и невольно залюбовалась садом, раскинувшимся внизу. Он буквально утопал в лучах солнца. В общем-то Флора была в курсе того, что беременные женщины тяжело переносят первые два или три месяца своей беременности, но у Аурелии срок уже гораздо больше, почти четыре месяца. Дай-то бог, чтобы у сестры все было хорошо.

На следующий день обрадовало появление в доме пышнотелой Сары. Сама она, покрасневшая и взволнованная, все еще находилась под впечатлением от своего долгого путешествия из Эствейта сюда, на новое место. К тому же она была безмерно рада увидеть обеих сестер, которых вынянчила с пеленок.

– Мама написала, что постарается к родам приехать ко мне, но Сара – это для меня настоящий подарок судьбы, – сказала Аурелия Флоре, когда они уселись ужинать. – И она так довольна, получив новую униформу камеристки, хотя ее придется изрядно переделывать и расширять по объему. Надеюсь, другие слуги будут обращаться с ней доброжелательно, не станут ее третировать. Они ведь здесь считают всех, кто с Севера, включая и меня, людьми второго сорта. – Аурелия негромко рассмеялась, но смех получился не очень веселым.

– Не говори глупости, Аурелия! Ты себя просто накручиваешь, дорогая моя.

– Уверяю тебя, что нет. Даже мой собственный муж время от времени говорит мне, что я веду себя словно мышка-норушка. Повторяет, что я не должна позволять слугам или свекрови командовать собой. Наверное, я просто не создана для того, чтобы быть хозяйкой такого огромного дома.

– Можно быть милой и обходительной женщиной, но это вовсе не значит, что тобой можно помыкать или не оказывать тебе должных знаков уважения. Просто сейчас, в твоем состоянии, ты, по-моему, излишне драматизируешь все эти мелочи.

– Повторяю же тебе еще раз. Ничего я не драматизирую. Знаешь, странно получается... Ты уж прости меня за откровенность, но у нас в Эстейт-Холл ты была словно тень. Не слышно тебя было и не видно... А в этом доме такой тенью стала *я сама*. Как же все изменилось за минувший год.

– Но ты ведь счастлива с Арчи, да?

– Конечно. Ты же ведь знаешь, я его обожаю. Но сейчас, когда я ношу под сердцем дитя, он больше не спит вместе со мной. И вот... – Аурелия подавила тяжелый вздох. – Трудно все это объяснить словами, но на самом деле именно в эти редкие мгновения нашей близости я чувствую, что он принадлежит мне всецело. Ты сама вскоре поймешь, что это такое... Когда выйдешь замуж за Фредди.

– Надеюсь, что пойму, – ответила Флора, внутренне содрогнувшись от отвращения. – А что же до твоих проблем по части управления домом, то скажу тебе, что ты еще не видела моего будущего дома. Какое счастье, что графиня будет и дальше командовать там всем. А я с превеликой радостью позволю ей делать

это. Если честно, я даже не знаю, с чего начать и как приступить к управлению такой машиной.

– Моя сестра... виконтесса... Надо же! – Аурелия покачала головой. – Кто бы мог подумать!

– Действительно, кто бы мог.

Флора тоже была счастлива тем, что приехала Сара, словно она привезла с собой частичку свежего горного воздуха из Озерного края, который так был нужен ей и в прямом, и в переносном смысле этого слова. А уж умелые заботливые руки их бывшей няни сотворили буквально чудо, и уже на следующий день Аурелия почувствовала себя гораздо лучше и даже повеселела.

– Вот уж не думала и не мечтала, что когда-нибудь снова увижу своих девочек! – радостно восклицала Сара, укладывая Аурелию в постель для послеобеденного отдыха. – И счастье-то какое! Одна уже замужем и ждет ребенка, а вторая... скоро станет. Можно сказать, королевской особой. Мне всегда нравился лорд Воган. Правда! Такой приятный, обходительный джентльмен. Помните, мисс Флора, когда он навещал вас в Эствейт-Холл прошлым летом? Вы еще тогда так промокли под дождем, когда взбирались на Скафелл.

У Флоры моментально кровь застыла в жилах от этих слов старой няни. Ведь сама она никому не обмолвилась, даже Аурелии, о том, где и что она делала в тот день, когда вернулась домой и появилась на кухне, промокая насквозь.

– Вы еще тогда обрядились в отцовские бриджи и его кепку натянули на голову. Такая смешная! Уж мы с миссис Хиллбек так смеялись потом, так смеялись, вспоминая, какой у вас был видок.

– Арчи навещал тебя прошлым летом у нас дома? – Аурелия бросила на сестру озадаченный взгляд.

– Да, – ответила Флора, стараясь ничем не выдать своего замешательства. – Заглянул по пути, когда возвращался с охоты в Шотландии. По-моему, я тебе об этом говорила, дорогая.

– Если и говорила, то я почему-то этого не помню. – Аурелия недовольно поджала губы. – И вы вместе поднимались на Скафелл?

– Вместе-вместе! – с готовностью подтвердила Сара. – И, видно, бедняжка так вымоталась, что в тот день завалилась спать, даже не дождавшись, пока я ей приготовлю ванну. Такая смешная была в этих

мужских одежках... Прямо как мальчишка... И вот вам, пожалуйста! Через каких-то несколько недель будет виконтессой!

– Ты мне *точно ничего* не рассказывала! – снова повторила Аурелия уже с явным нажимом в голосе.

– Наверное. Можешь себе представить мое тогдашнее состояние... Сара права. Я вернулась домой совершенно обессиленная. Но Арчи так просил показать ему горы. И что мне оставалось делать? Пришлось вести его к вершинам. Удобно устроилась? Тогда отдыхай спокойно. – Флора подошла к кровати и поцеловала сестру в щеку. – Постарайся заснуть, а я в это время почитаю у себя в комнате. – Не глядя на Аурелию, чтобы ничем не выдать себя, Флора тихонько удалилась из спальни сестры.

Лишь очутившись в своей комнате и почувствовав себя там в относительной безопасности, Флора, обхватив голову руками, принялась нервно вышагивать по деревянному полу. Пожалуй, на данный момент было бы даже лучше, если бы Арчи тоже *был здесь*. Во всяком случае, тогда она могла хотя бы перекинуться с ним парой слов и предупредить его о том, что случилось. Наверняка Сара знает и того владельца постоянного двора, у которого Арчи позаимствовал одежду, пригодную для скалолазания. Возможно, даже кто-то видел, как она усаживалась в автомобиль Арчи, который поджидал ее у ворот. Деревушка ведь у них небольшая, новости разносятся быстро. Ведь как-то же узнала Сара, что тот день она провела в обществе Арчи. Впрочем, сегодня это уже и не имеет особого значения. А вот что имеет значение, так это *то, почему она сама не рассказала* обо всей этой истории Аурелии?

За ужином Аурелия ни словом не обмолвилась об откровениях Сары. Не поинтересовалась она подробностями и у Флоры, когда та сопровождала ее в спальню и поцеловала на ночь. Однако Флора сразу же почувствовала некоторую холодность сестры в обращении с ней. Наверное, это воображение мое разыгралось, тщетно пыталась успокоить она себя.

Ночь она спала плохо. К счастью, на утро ей пришло письмо от графини. Будущая свекровь просила ее заглянуть к ним в Селборн на пару деньков, чтобы дополнительно обсудить еще какие-то новые детали предстоящих свадебных торжеств.

Когда Флора спросила у сестры, не станет ли она возражать, если она прямо от них сейчас же поедет в Хэмпшир, та пробормотала в ответ что-то невразумительное.

– Конечно, тебе надо ехать, а мне уже гораздо лучше, – констатировала Аурелия уже позднее, бросив влюбленный взгляд на Сару, которая в это время прибиралась в комнате. – Да и Арчи должен скоро вернуться.

– Тогда я уезжаю завтра рано утром. Наверняка даже не получится попрощаться с тобой. Но, обещаю, через три дня я вернусь.

– Спасибо, но в этом нет особой нужды. Сейчас ведь со мной рядом Сара. Так что все будет хорошо. Передавай мои самые горячие приветы графине и Фредди. – Аурелия натянуто улыбнулась сестре и перевернулась на другой бок, намереваясь заснуть.

Флора ушла к себе, уже ни секунды не сомневаясь в том, что Аурелия что-то заподозрила. Войдя в комнату, она тут же направилась к письменному столу, взяла лист бумаги и перо.

Хай-Уилд

Ашворд, Кент

2 апреля 1910 года

Аурелия знает о том, что ты наведывался к нам в Озерном крае. Об этом ей рассказала Сара, наша старая служанка, которая приехала к вам, чтобы позаботиться об Аурелии. Пожалуйста, постарайся и сделай все возможное, чтобы убедить ее в том, что ничего неподобающего между нами не было. Я боюсь за Аурелию, она сильно разволновалась. Как бы все это не сказалось на общем состоянии ее здоровья. Ведь Аурелия всегда была очень хрупким созданием. В скором времени ты станешь отцом, а потому сейчас самое важное – это чтобы роды прошли благополучно и у вас родился здоровый ребенок.

Ф.

– Ну, наконец-то! – приветствовал ее Фредди в холле Селборн-Парк, целуя руку. – А я уже решил, что ты покинула и меня, и берега Альбиона навсегда. Ну, как Биарриц? А король? В Лондоне упорно циркулируют слухи, что его состояние было много хуже, чем о том сообщали его подданным.

– О, на момент моего отъезда он был в полном здравии, – ответила Флора, радуясь тому, что имеет возможность сказать почти правду. – А вообще-то у него была простуда. Только и всего.

– Хорошо, хорошо. Мама надеется, что он посетит наши свадебные мероприятия. Ему уже даже приглашение отправили. Он тебе об этом ничего не говорил при встрече?

Фредди подставил ей локоть, и они вместе направились в просторную гостиную.

– Нет, ничего не говорил. Но ты же знаешь, расписанием всех его дел занимается его личный секретарь. А потому король может быть даже и не в курсе того, что его *пригласили*. Графиня дома?

– В настоящий момент, нет. Отправилась по своим благотворительным делам в Винчестер. А отец в Лондоне. Так что, моя дорогая Флора, сейчас мы с тобой одни в доме. – Фредди крепко обнял ее за талию и притянул к себе. Потом накрыл ее губы своими губами и стал энергично работать языком, пытаясь проникнуть в ее рот.

– Пожалуйста, Фредди! Не надо! – Флора с усилием вырвалась из его объятий. – Слуги ведь могут появиться в любой момент.

– Ну и что? Пусть появляются на здоровье. Они и не такое повидали на своем веку. – Фредди издал короткий смешок и снова попытался поцеловать Флору.

– Нет, я не могу! Мы же еще не женаты.

– Как скажешь. – Фредди ослабил свою хватку, недовольно скривив рот. – Ей-богу, не вижу разницы, есть кольцо на пальце или его нет. И что меняет церковная церемония? Но надеюсь, когда со всеми формальностями будет наконец покончено, ты проявишь ко мне больше страсти.

– Конечно. Ведь тогда перед лицом Господа мы уже будем мужем и женой. – Она целомудренно потупила взор.

– Ах, будь оно все неладно! – воскликнул он. – Жду не дождусь этого момента. А сейчас, поскольку ты и близко не подпускаешь меня к себе, словно я какой-то прокаженный, прикажу-ка я слугам подать нам чай. А ты за чашечкой чая поведаешь мне во всех подробностях о своих приключениях во Франции.

Флора искренне обрадовалась, когда часом позже вернулась графиня. Все то время, пока она отсутствовала, Фредди пытался облапать Флору со всех сторон, а она отбивалась от него, словно от разъяренного тигра. После обеда Фредди удалился к себе. Сказал, что отправляется на верховую прогулку, чтобы дать выход скопившейся в нем энергии. А они с Дафной устроились в гостиной, чтобы обсудить некоторые детали предстоящего бракосочетания.

Нацепив на нос лорнет, Дафна посмотрела на нее с улыбкой.

– Ты, наверное, думаешь, моя дорогая, какой ерундой мы тут с тобой занимаемся. Во всяком случае, меня и саму посещают подобные мысли. Но! Все должно быть по правилам, так, как принято. Кстати, как поживает юная Вайолет Кеппел? – поинтересовалась у Флоры графиня, резко сменив тему разговора.

– По-моему, у нее все хорошо. А вообще-то обе девочки ждут не дождутся свадьбы. Ведь они будут у меня подружками.

– Странная она девочка, эта старшая... Мне всегда так казалось... Леди Сэквилл, моя старинная подруга, только на прошлой неделе поведала мне, что Вайолет испытывает какое-то непонятное влечение к ее дочери Вите. Что скажешь?

– Я только знаю, что они с Витой подруги.

– Как бы то ни было, а Виктория, в бытность свою в Ноле, отказалась ублажать миссис Кеппел. По правде говоря, это меня даже удивило. Особенно если вспомнить, какое скандальное прошлое было у ее собственной матери. Но недаром говорят, что те, кого самих когда-то выдворили вон из дома, в котором стены из стекла, норовят первыми бросить камень в дома других. При всем том Виктория определенно не одобряет, что девочки Кеппел будут у тебя в свите. Кстати, мне и Алджернона пришлось долго убеждать, что все это вполне нормально. Он ведь у нас такой консерватор. Придерживается старомодных взглядов во всем. Категорически не хочет идти в ногу со

временем, благослови его Господь. Что ж, думаю, – графиня слегка похлопала Флору по руке, – мы уже заслужили по бокалу шерри.

Позднее у себя в комнате Флора бездумно уставилась в огромное окно от самого пола и до потолка, созерцая грандиозную панораму раскинувшегося внизу сада. За зеленой изгородью из тисовых деревьев был разбит парк, в котором обитают олени. Из окна ей было видно, как животные неслышно скользят между деревьями, словно тени, в сгущающихся сумерках. Чрезмерные пропорции всего вокруг, включая сам дом, пугали. Флора чувствовала себя в этих необъятных помещениях маленькой куклой, которую кто-то исторг из ее уютного кукольного домика и поместил сюда, в дом, где живут уже не игрушки, а живые люди.

Она вдруг вспомнила Хай-Уилд. Тоже большое имение. Но как же там тепло и уютно. Хоть бы только Арчи получил ее письмо еще до того, как покинет Лондон.

В противном случае, Аурелия, конечно же, насядет на него, и он будет вынужден признаться ей во всем. Получается, что все ее жертвы, которые она принесла во имя того, чтобы Арчи остался с ее сестрой, а она зажила своей жизнью, были напрасны.

* * *

Проведя в обществе Фредди целых три дня, самый долгий отрезок времени, что они были вместе, Флора успела понять, что у ее будущего мужа очень рассеянный ум, неспособный долго концентрироваться ни на чем. К примеру, задает он ей вопрос, но стоит ей начать отвечать на него, а он уже смотрит куда-то в сторону, полностью утратив интерес к тому, о чем спрашивал. Однажды Флора даже решила его проверить специально. Стала рассказывать Фредди о своем детстве, но когда увидела его отсутствующий взгляд, прочитала вслух детский стишок. А он ничего и не заметил.

После чего Флора однозначно решила для себя не тратить больше сил на пустые разговоры с Фредди. Тем более что у него любимым занятием и развлечением была выпивка. А когда он был пьян, то, как она уже успела понять, можно было смело взбираться на стол и стоять там на голове, демонстрируя всем свое исподнее. Фредди даже не

обратил бы на это внимания. На ужин в последний вечер ее пребывания в Селборн-Парк он пригласил своих приятелей-собутельников. Все они явились уже изрядно навеселе и весь вечер, сидя за столом, отпускали всякие двусмысленные, если не сказать сальные, шутки в ее адрес.

Дафна поймала Флору уже на лестнице, когда та поднималась к себе, устав донельзя от всех этих пьяных выходов гостей. Из гостиной по-прежнему доносился громкий хохот и грубые выкрики.

– Дорогая, – обратилась к ней графиня, – понимаю, сегодня мой сын вел себя далеко не так, как нам бы с тобой этого хотелось. Но, поверь мне, это его, так сказать, последние гастроли в качестве холостяка. Он прекрасно понимает всю степень своей ответственности, которая в будущем ляжет на его плечи и как на владельца Селборн-Парк, и как на твоего мужа. И у меня нет сомнений, что он справится со своими новыми обязанностями.

– Конечно, – Флора равнодушно отвела глаза в сторону, стараясь не смотреть на графиню. Та тронула ее за руку.

– И вот еще что, милая. Помни, замужество – это еще не конец в жизни женщины. В каком-то смысле это лишь начало. Главное – произвести на свет наследника и вести себя осмотрительно, и тогда жизнь женщины может быть даже очень интересной и разнообразной. Взгляни на свою покровительницу и поучись у нее тому, как это надо делать. Спокойной ночи, дорогая.

С этими словами графиня ласково пожала руку Флоры и уплыла в собственные апартаменты.

* * *

Флора вернулась в Хай-Уилд со смешанным чувством страха и облегчения.

– Аурелия сейчас спит. Она все время после вашего отъезда чувствовала себя неважно, – объявила Арабелла, уже вернувшаяся из Лондона, Флоре, встретив ее в холле. – Новая служанка кормит ее всякими мерзкими снадобьями, от которых, я уверена, проку мало.

– О, я с детства испытала на себе все домашние лекарства нашей Сары. И лично мне они всегда помогали, – возразила ей Флора

довольно резко.

– Надеюсь. А сейчас наша экономка проводит вас в вашу комнату.

– Спасибо.

– Боюсь, мисс Макникол, повариха для вас ничего не приготовила.

Разве что можно разогреть вчерашний суп, если хотите, – сообщила ей домоправительница, сопровождая ее до спальни.

– Спасибо, я не голодна.

Флора выждала несколько минут, а потом выскользнула в коридор и направилась в комнату Аурелии. Осторожно открыла массивную деревянную дверь и испуганно замерла на пороге, услышав, как она громко заскрипела. В комнате было темно. Но вот глаза ее немного пообвыкли, и она увидела Сару, которая дремала, сидя в кресле возле окна. Флора на цыпочках вышла в коридор. Ей вдруг захотелось вдохнуть глоток свежего воздуха, а потому она круто развернулась и пошла вниз.

Вышла на улицу, и сразу же на нее пахнуло весной. Уже всю цвели нарциссы, высаженные стройными рядами на рабатках вокруг дома. Их сладковатый запах сразу же напомнил ей родной Эствейт-Холл. Флора спустилась по ступенькам крыльца и направилась в сад. Там уже все радовало глаз свежей зеленью и набухшими почками на деревьях. Сад постепенно просыпался и оживал после долгой зимней спячки.

К счастью, в саду не было ни души. Впрочем, Флора по дороге в Хай-Уилд настроила себя самым серьезным образом на предстоящую встречу с Арчи. Ничто не должно поколебать ее спокойствия. Что было, то прошло, и к прошлому возврата больше нет. Ведь сегодня Арчи не просто ее зять, муж ее сестры. Совсем скоро он будет отцом ее племянницы или племянника. Да и сама она через несколько недель станет замужней женщиной. Сейчас они с Арчи уже одна семья и от общения друг с другом им никуда не деться. Итак, на будущее только платонические отношения, потому что ничего другого между ними не может и быть.

Вот это я и скажу ему при встрече, решила Флора, неспешно прогуливаясь по садовым аллеям. От ее зоркого глаза не ускользнуло, какое огромное количество медоносов Арчи высадил в своем саду, явно для привлечения пчел. И сейчас они басовито жужжали, с удовольствием собирая свой взяток с распустившихся розовых

соцветий морозника и белых цветков калины. Воздух вокруг вибрировал и был полон жизни. Такое чувство, что и сад тоже пребывает сейчас в состоянии беременности, как и ее сестра.

– Флора! – окликнули ее со спины, и она даже подпрыгнула от неожиданности.

– Арчи? – она повернулась на звук знакомого голоса. – И почему это ты всегда подкрадываешься ко мне исподтишка?

– Потому что твои мысли постоянно витают где-то далеко. Я получил твоё письмо в Лондоне.

– Слава богу. Я все переживала, чтобы оно не попало в чужие руки. Я хотела предупредить тебя на тот случай, если Аурелия... вдруг заведет с тобой разговор о той нашей встрече в Эствейт-Холл.

– Спасибо. Я вернулся вчера, но пока она ни словом не обмолвилась об этом.

– Будем надеяться, что все уже забыто. Выглядит она не очень здоровой.

– Да, это так. Зато ты, Флора, буквально пышешь здоровьем. Прогуляемся немного?

Флора молча кивнула в знак согласия, и они медленно побрели по дорожке в глубь сада. Попутно Арчи делился с ней своими планами относительно будущего обустройства сада, а Флора слушала его и постоянно напоминала себе о том, что отныне они с Арчи друзья и только.

– Как поживаешь? – Арчи неожиданно остановился под раскидистым тисом, тем самым величественным деревом, под которым они стояли здесь в саду в последний раз. Почки на кроне уже набухли и стали нежно-зелеными, готовыми вот-вот выпустить первые листочки. Усилием воли Флора отогнала от себя воспоминания об их прошлой встрече.

– У меня все нормально. Вот только что была в Селборн-Парк, встречалась там с Фредди.

– То есть все идет согласно плану, да?

Последовала секундная заминка, не ускользнувшая от глаз Арчи, прежде чем она кивнула в ответ.

– Поверь мне, Флора, со мной ты можешь быть предельно откровенна и ничего не бояться. От себя же скажу так: хотя в Лондоне и считают Фредди выгодным женихом, но на самом деле он

форменный болван. Думаю, ты уже успела понять, что он к тому же еще и законченный пьяница. Вот таков наш истинный Фредди. Лично я полагаю, что его в детстве уронили из колыбели, и с тех пор у него не в порядке с головой.

– У него определенно... есть кое-какие проблемы по этой части, ты прав, – вынуждена была согласиться с ним Флора, с трудом подавляя улыбку.

– И вот где мы с тобой очутились оба... Поверь мне, сейчас во мне говорит отнюдь не собственный эгоизм. И однако же я желаю всем сердцем, чтобы ты не выходила замуж за этого кретина... ради собственного же блага.

– Тем не менее это уже дело решенное. К тому же мне очень импонирует его мать.

– Увы, но супружеское ложе тебе придется делить не с ней. Вот мы и подошли к самому главному.

– Как ты смеешь разговаривать со мной в подобном тоне? – Флора почувствовала, как краска ударила ей в лицо. Запылали щеки, даже шея стала красной.

– Прости, прости меня. Не могу сдержать себя, как только представлю тебя с *ним*... Боже мой, Флора, как же ты не понимаешь всего того, что я чувствую? Ведь все последние месяцы я только о тебе и думал.

– *Замолчи!* Замолчи немедленно! Еще одно слово, и я... – Флора резко развернулась и зашагала прочь, но Арчи успел схватить ее за руку и остановить. От его прикосновения дрожь прошла по всему ее телу, но она тотчас же взяла себя в руки. – Отпусти меня, Арчи! – взмолилась она. – Мне действительно нужно поспешить к Аурелии. *Твоей жене*, между прочим.

– Да, да, конечно. – Он сделал глубокий вдох и выпустил ее руку, сопроводив коротким кивком головы, словно признавая правоту ее слов. – Увидимся за ужином.

Вернувшись в дом, Флора напрямик направилась к Аурелии. Но путь ей преградила Сара. Она встретила ее в дверях спальни. Приложив палец к губам, старая няня негромко обронила:

– Она сегодня чем-то очень расстроена. Жалуется на сильную головную боль. Просила передать вам, чтобы вы ее пока не беспокоили. Думаю, попозже она захочет вас увидетьь.

Флора пошла к себе, чтобы переодеться к ужину. На душе у нее было беспокойно от того, что Аурелия отказалась встретиться с ней. Она начала вспоминать, сколько времени в прошлом она проводила у изголовья сестры, когда та хворала. И вдруг почувствовала странную пустоту в желудке. А ведь с сестрой и правда творится что-то неладное. Переодевшись, она спустилась вниз, присоединившись к Арабелле и Арчи, которые уже ожидали ее в гостиной.

– Твоя жена опять не в форме, – негромко бросила Арабелла, обращаясь к сыну и потягивая шерри. – Надеюсь, эти приступы тошноты скоро кончатся. Когда я носила тебя, мой дорогой, у меня все было нормально. Но современные девушки, они все такие неженки... Совсем другие они, чем были мы в их возрасте.

– Пожалуй, мама, сейчас все *люди* другие, – возразил ей Арчи миролюбиво. – Уверен, Аурелии и самой все это уже изрядно надоело.

– Наверняка у нее будет девочка. Всех моих подруг, когда они носили дочерей, тоже тошнило, словно дворняг на сносях.

– А я буду только рад, если у меня родится дочь, – сказал Арчи. – С девочками ведь всегда проще, чем с мальчиками.

– Возможно, но зато они не так полезны, как сыновья. Что ж, пора в столовую.

В столовой, стены которой были отделаны дубовыми панелями, они уселись за самый дальний конец длинного обеденного стола. Какая ирония судьбы, подумала про себя Флора, сидеть за одним столом рядом с Арчи и его матерью, и не просто рядом, а между ними, то есть как бы занять место своей сестры. Служанка уже стала разливать суп, но в эту минуту дверь в столовую отворилась, и на пороге появилась Аурелия.

– Прошу простить меня за опоздание, но отдых явно пошел мне на пользу, и я чувствую себя гораздо лучше.

Аурелия уселась рядом с мужем, а служанка поспешно поставила на стол еще один прибор. Флора заметила, что сестра очень бледна, но вот ее небесно-голубые глаза сверкают с какой-то особой, непонятной интенсивностью.

– Ты уверена, дорогая, что чувствуешь в себе достаточно сил, чтобы сидеть за столом? – спросил у жены Арчи, положив руку ей на плечо.

– Конечно! К тому же я страшно проголодалась. Можно сказать, голодна как волк! – Аурелия визгливо усмехнулась, но смешок показался Флоре каким-то неестественным и даже немного фальшивым. Радовало лишь то, что Арчи был само внимание и предусмотрительность по отношению к жене. Он даже принялся нарезать мясо на ее тарелке на маленькие кусочки, а потом кормить ее, что вызвало явное неодобрение Арабеллы.

– Мы не можем допустить, дорогая, чтобы ты голодала. Ты и так стала такой худенькой, просто кожа и кости.

– О, я напомню тебе твои слова через пару месяцев, когда стану размерами с этот дом.

По мере того как шла трапеза, слабый румянец заиграл на щеках Аурелии, и Флора даже немного расслабилась, заметно успокоившись.

– Так Расскажи же мне, каков он, твой будущий дом. Говорят, там не дом, а самый настоящий величественный дворец. – Аурелия искоса взглянула на сестру.

– Это правда. Дом огромный. Для меня это самый настоящий вызов.

– Ну, супружество, положим, это всегда вызов. Вызов, который мы должны принять.

– Да, ты права.

– К тому же Фредди, судя по всему, тебя просто обожает. Чего еще может пожелать любая жена, не правда ли, милый? – Аурелия повернулась к мужу и бросила на него лучезарный взгляд.

Флора тихонько сидела на своем месте, видя, что никто из присутствующих не подхватил шутку сестры и не оценил ее по достоинству. Арабелла поднялась из-за стола и предложила всем перейти в гостиную, чтобы выпить там по чашечке кофе.

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я вас сейчас покину? – обратилась к ним Аурелия. – Да, мне много лучше, но главное – не переусердствовать, не правда ли? Флора, ты бы не могла проводить меня наверх?

– Конечно, – Флора тут же встала со своего места. Аурелия пожелала спокойной ночи мужу, и они вышли из столовой.

Всю дорогу Аурелия упорно молчала. В коридоре их уже поджидала Сара. Едва завидев Аурелию, она тут же бросилась к ним навстречу и услужливо распахнула дверь спальни.

– Вам помочь переодеться в ночную сорочку, мисс Аурелия? – спросила она у нее.

– Нет, спасибо, Сара. Думаю, мне поможет Флора. А ты ступай, отдыхай.

– Если что понадобится, вы знаете, где я. Спокойной ночи, мисс.

– Ну, не смешно ли? – воскликнула Аурелия, когда за старой няней закрылась дверь. – Она по-прежнему величает меня «мисс», хотя я уже замужняя женщина. Фактически, несколько месяцев как дама. Ко мне сейчас нужно обращаться так: «леди».

– Давай я помогу тебе расстегнуть платье.

– Спасибо.

Аурелия уселась на пуфик перед туалетным столиком.

Флора подошла к ней со спины, мельком глянув на отражение сестры в зеркале.

– Интересно, как все происходит в реальной жизни, – задумчиво бросила Аурелия, разглядывая себя в зеркале. – Совсем не так, как это предполагалось изначально.

– Что ты имеешь в виду? – спросила у нее Флора, принявшись расстегивать пуговички на платье сестры и заметно нервничая.

– Ну, вот, к примеру, я ведь была убеждена, что вы с Арчи на дух не выносите друг друга. А тут вдруг узнаю, что вы провели целых три дня вместе у нас в Эствейт-Холл, пока я торчала в Лондоне.

– Как я уже тебе говорила, Арчи возвращался из Шотландии и считал своим долгом заглянуть к нам, только и всего. – Флора снова попыталась сосредоточиться на пуговичках, расстегивая их одну за другой.

– Все так. – Аурелия поднялась с пуфика, чтобы Флора могла стянуть платье с плеч. – Именно это ты мне и сказала несколько дней тому назад, и я тогда тебе поверила. – Флора принялась расшнуровывать корсет. – А потом я начала размышлять.

– Над чем?

– Так, прикидывать в голове то да се. Подай мне, пожалуйста, ночную сорочку, дорогая сестра. Что-то здесь зябко сегодня.

Флора молча взяла с кровати шелковую ночную сорочку, Аурелия вскинула руки вверх, чтобы сорочка свободно прошла через голову и упала на тело. Флора мельком обратила внимание на крохотный бугорок на животе Аурелии.

– Потом вдруг вспомнила, что говорил мне Фредди в день моей свадьбы, уже вечером, на балу, когда было объявлено о вашей с ним помолвке.

– И что же такого он тебе говорил? – Флора откинула покрывало в сторону, чтобы Аурелия могла поскорее улечься в кровать.

– Он расцеловал меня, поздравил с бракосочетанием. А я, в свою очередь, поздравила его с вашей помолвкой. Тогда он вдруг рассмеялся и сказал, что нам с ним следует быть очень бдительными в отношении наших будущих супругов. Поскольку, добавил он шепотом, они, как ему кажется, влюблены друг в друга до беспамятства. Разумеется, я стала все отрицать, говорила, что он страшно заблуждается. Что меня, напротив, волнует другое... Что моя сестра и мой муж невзлюбили друг друга еще с детских лет, и эта неприязнь длится по сей день. «О, вы глубоко заблуждаетесь», – прошептал он мне на ухо, выводя на паркет для следующего танца. И я действительно заблуждалась. Разве не так, Флора?

Аурелия откинулась на подушки. На ее щеках обозначились два ярких красных пятна, а глаза вспыхнули нехорошим блеском.

– Не думаю, Аурелия, что к словам Фредди стоит относиться серьезно. Ведь он же тогда был пьян, очень пьян.

– Вот и я так подумала... Тогда. Подумала и забыла об этом разговоре. Пока не узнала, что Арчи навещался к нам в Озерный край.

– Прости меня, что я сразу тебе не рассказала о его визите. Большая оплошность с моей стороны. Я...

– Нет, дорогая сестра, никакая это не оплошность. Помнишь, мы с тобой встречались в Лондоне, вскоре после этих событий? Я еще тогда спросила у тебя, как ты считаешь, почему Арчи тянет с предложением. А ты ответила, что и понятия не имеешь. А сама провела в его обществе целых три дня всего лишь несколько недель тому назад. Уж кто-кто, а ты-то уж точно должна была знать ход его мыслей.

– Да мы с ним и не говорили об этом... Беседовали, главным образом, о растениях...

– Ну, конечно! – Аурелия натянуто улыбнулась. – Как же я могла забыть. Вы же оба увлекаетесь ботаникой. Но даже если вы и не касались темы будущих намерений Арчи в отношении меня, то все

равно не перестаю удивляться, что ты никогда, ни единым словом, не обмолвилась о визите моего мужа к тебе.

– Да... В чем-то ты права! Я действительно поступила опрометчиво. Но пойми и ты меня. Я только-только приехала в Лондон, и на меня столько всего навалилось. Закрутилось, завертелось... Прости меня, Аурелия. Но, честное слово, с моей стороны это была всего лишь оплошность.

– Возможно. Я бы и дальше воспринимала это именно так, вопреки всему тому, что сказал мне Фредди в тот вечер. Тем не менее подозрение закралось в мою душу. И вот сегодня, пока Сара думала, что я сплю, а Арчи в это время был в саду, я пошла к нему в комнату. И посмотри, что я там нашла. Это лежало скомканным в кармане его сюртука, в котором он вчера вернулся из Лондона.

Аурелия сунула руку под подушку и извлекла оттуда письмо. И тут же протянула его Флоре:

– По-моему, это твой почерк, дорогая сестра. Я права?

Флора быстро пробежала письмо глазами. Да, это то самое письмо, которое она написала Арчи, предупреждая его о том, что Аурелия знает, что он навещал ее в Эствейт-Холл.

– Ну и что это доказывает? Я лишь беспокоилась, что ты можешь превратно истолковать все эти события. Что, в общем-то, и случилось.

– Пожалуйста, перестань разговаривать со мной в таком покровительственном тоне! – в голосе Аурелии послышалась плохо скрываемая ярость. – Это письмо со всей очевидностью доказывает, что между вами существовала и продолжает существовать близость, о которой я даже не подозревала. Но и этого мало! Пока я читала это письмо, стоя у окна спальни, я вдруг заметила вас обоих в саду. И мой муж держал тебя за руку, Флора.

– Я... – Флора растерянно покачала головой. У нее не было слов для оправдания. – Прости меня, дорогая сестра. Но могу лишь поклясться тебе, несмотря на все кажущиеся доказательства моей вины, что между мной и Арчи... не было ничего неподобающего.

– А я-то доверилась, как последняя дурочка... Искренне верила в то, что вы терпеть друг друга не можете. – Аурелия издала зловещий смешок. – Но ведь недаром мудрые люди говорят, что от любви до ненависти всего ничего... такая тонкая грань. Применительно к вам,

моему мужу и моей сестре, это наблюдение более чем правомерно. Господи! Как же вы, наверное, потешались оба над моей глупостью!

– Никогда! Все, чего я хотела от Арчи, это чтобы он женился на тебе.

– Из жалости, да? – выкрикнула Аурелия ей прямо в лицо. От неожиданности Флора даже отпрянула от кровати. – Наверное, все это время он хотел жениться на тебе, но ты упростила его поступить наоборот. Особенно после того, как увидела, в каком подавленном состоянии я вернулась в Лондон. Ведь так, *дорогая моя* сестра? Наверное, и с ним все обговорила, чтобы хоть как-то загладить свою вину передо мной.

Звуки ее голоса растаяли в воздухе. Флора стояла, окаменев, не в силах вымолвить и слова в ответ. Ее поразило, сколько злобы было в голосе сестры. Но ведь все, что она только что выкрикнула ей в лицо, было правдой.

– Молчишь? Понятно. – Аурелия кивнула головой, и в ее глазах заблестели слезы. – Не могу сказать, что я бесконечно признательна тебе за это. Ведь ты, по сути, обрекла меня на несчастную жизнь. Быть замужем за человеком, которого любишь, и знать, что он никогда не сможет полюбить тебя, что может быть хуже? А сейчас я ношу под сердцем его дитя, и у нас уже нет возможности как-то развязать этот узел. Флора, что же ты со мной сделала? И чем я заслужила такую жестокость от тебя? – Аурелия в отчаянии затрясла головой. – Лучше бы мне умереть.

Голос ее дрогнул, и она залилась слезами. Но когда Флора шагнула к ней, чтобы хоть как-то успокоить ее, Аурелия лишь агрессивно замахала на нее руками.

– Пожалуйста, Аурелия! Выслушай меня еще раз. Повторяю, я вовсе не хотела всего того, что случилось. И меньше всего на свете я хотела бы сделать тебе больно. Я немедленно... уеду, хотя повторяю снова, между мной и Арчи ничего нет и не было...

– Сегодня мой муж держал тебя за ручку в саду! – крикнула ей в ответ Аурелия сквозь слезы. – Не смей мне больше лгать и изворачиваться! Обращаешься со мной как с маленькой девочкой. А я между тем уже замужняя женщина, у которой скоро будет ребенок. И знаешь, что самое ужасное во всей этой истории? Даже не твои отношения с моим мужем, какими бы они там ни были... Самое

страшное, что я всегда доверяла тебе, как никому другому на свете! Я искренне верила в то, что ты любишь меня, что ты печешься о моих интересах, всегда и во всем поддерживаешь меня. Ведь с самого момента своего рождения я всегда видела тебя рядом. А получается, что сейчас я потеряла не только своего мужа, если он вообще когда-то был моим, но потеряла и любимую сестру тоже.

– Пожалуйста, Аурелия, подумай о своем состоянии, – взмолилась Флора, видя, что у сестры уже начинается истерика.

– А ты о моем состоянии думала, когда сегодня в саду держала моего мужа за руку?

– Он сам схватил меня за руку, и я не успела помешать ему и...

– Не смей обвинять его ни в чем! Я наблюдала за тобой. Видела, как ты топталась на месте непозволительно долго, заглядывая ему в глаза с видом влюбленной девчонки.

Флора повернулась и направилась к туалетному столику, безвольно опустилась на пуфик, чувствуя, что еще немного, и она сама лишится чувств. В комнате повисло тягостное молчание.

– Никогда в своей жизни я не хотела причинить тебе боль, Аурелия. Да, я понимаю всю степень своей вины. Да, я повела себя недостойно и никогда не прощу себе эту минутную слабость.

– Да уж, прощать тут нечего! Вопрос в другом. Что сейчас прикажешь делать мне?

– Понимаю, сколько боли и страданий я тебе доставила. Но клянусь тебе, Арчи очень сильно переживает за тебя.

– Переживает! И сходит с ума от страсти к тебе. А может, давай его поделим? Как твоя патронесса делит короля с его многострадальной супругой! Чем не выход? Ты станешь его любовницей, а я буду рожать ему законных наследников. Такой вариант тебя устраивает?

Флора медленно поднялась с пуфика. Ее трясло от обиды и негодования.

– Завтра же утром я уезжаю. Хочешь верь мне, хочешь не верь, но я знаю наверняка, что ваш брак с Арчи будет счастливым. Я скажу ему...

– Ты ничего ему не скажешь! Более того! Сейчас ты мне дашь обещание, что впредь ты никогда не заговоришь с моим мужем. И других контактов у вас тоже не будет. Никогда! Если у нас с ним и есть

хоть малейший шанс на счастливую совместную жизнь в будущем, то лишь при условии, что он никогда не узнает об этом нашем разговоре с тобой. А завтра я скажу ему, что тебя срочно вызвали в Лондон.

– Следовательно, на свадьбу ко мне ты не приедешь?

– Нет. Сошлюсь на свое плохое самочувствие в связи с беременностью. И получу хоть какое-то утешение, зная о том, что ты будешь в своем замужестве так же несчастлива, как и я. Ведь ты же выходишь замуж за человека, которого не любишь. Более того, которого невозможно полюбить.

– То есть ты хочешь сказать, что впредь не желаешь со мной видеться?

– Никогда! У меня больше нет сестры, – ответила Аурелия твердым тоном.

Последовала еще одна долгая пауза. Флора поднялась со своего места.

– И я никак не могу искупить свою вину? Попросить у тебя прощения?

– Нет. А сейчас, пожалуйста, Флора, уходи. Прощай.

– Я буду думать о тебе каждый день до конца своей жизни и никогда не прощу себя за то, что я причинила тебе столько боли и страданий. До свидания, дорогая Аурелия.

Глаза Флоры наполнились слезами, но она чувствовала себя слишком виноватой, слишком раздавленной всем тем, что случилось, и не стала утирать слезы. Последний взгляд на сестру, чтобы навсегда запечатлеть в памяти ее образ. После чего Флора вышла из комнаты и плотно закрыла за собой дверь.

– Вот так да! Никак не думала, что вы вернетесь так скоро, мисс Флора! – воскликнула няня, когда на следующий день Флора зашла к ней в детскую комнату для игр.

– У меня назначены еще примерки свадебного платья и других нарядов из приданого, – соврала Флора в ответ.

– А я решила, что вы уже успели соскучиться по огням Лондона. Раньше-то вы все больше тосковали по сельским пейзажам. Но вот заделались истинной горожанкой, не так ли? – Няня рассмеялась, сама довольная своей шуткой.

– Миссис Кеппел и девочки уже вернулись?

– Нет, они еще во Франции. Должны вернуться на следующей неделе. – Няня окинула Флору внимательным взглядом. – С вами все в порядке, мисс? Какой-то вид у вас расстроенный.

– Да, у меня все хорошо. Спасибо, – ответила Флора и поспешно ретировалась к себе. В душе она понимала, что никогда у нее уже не будет «все хорошо».

К счастью, в последующие дни в доме было тихо и пусто, и она могла зализывать свои раны и упиваться собственными горестями в полнейшем одиночестве. Днем она выбиралась в город и совершала долгие пешие прогулки по паркам Лондона, уже ожившим после зимы и быстро набирающим благоуханную весеннюю красоту с наступлением тепла. Флора надеялась, что общение с природой поможет ей и хоть как-то успокоит расхолодившиеся нервы. Но первые бутоны на клумбах, свежие, еще клейкие листочки на деревьях – все напоминало ей об Арчи. И тут же вызывало в памяти чудовищную размолвку с Аурелией. Она ходила много, долго, до изнеможения. О, как бы ей хотелось свалиться от усталости прямо посреди дороги и забыться тяжелым сном, ничего не помнить и не знать. Мысль о том, что она в один момент потеряла сразу двух самых дорогих и любимых людей, была нестерпима. Она терзалась этой мыслью день и ночь, забыла про сон, не могла есть. Да, она виновата, и вина ее безмерна. Что ж, предстоящий брак с человеком, который был ей отвратителен,

она теперь воспринимала как некое наказание за свои грехи, этакий пожизненный срок, обрекающий ее на несчастный союз с нелюбимым.

* * *

Миссис Кеппел с дочерьми вернулась из Франции за три недели до предстоящей свадьбы.

– Милая, как же ты исхудала! – воскликнула миссис Кеппел, разглядывая Флору, когда они пили чай в ее маленькой гостиной. – Это, должно быть, так на тебя подействовали все эти предсвадебные хлопоты и заботы. Я помню, что у меня самой перед свадьбой с Георгом талия стала на целых два дюйма уже.

– Как король? – поинтересовалась у нее Флора, намеренно изменив тему разговора.

– О, ему много лучше с тех пор, как ты видела его в последний раз. Но сейчас на него страшно давит правительство. Кажется, они преисполнены решимости вынудить его – нет, нет, *не запугать*, но заставить внести какие-то конституционные поправки, с коими Его Величество категорически не согласен. Я рада, что он хоть какое-то время побыл вдали от них, сумел вырваться за границу и немного передохнуть там. Вне всякого сомнения, все эти внутривнутриполитические коллизии самым отрицательным образом сказываются на его здоровье. Да и хорошего настроения они тоже не придают. А король не такой уж и сильный физически, как ты сама могла это увидеть в Биаррице. Мне его очень-очень жаль! Бедняга! Он ведь и как монарх, и как человек много лучше, чем о нем говорят и думают.

Покинув апартаменты миссис Кеппел, Флора направилась к себе, размышляя по дороге, что и сама миссис Кеппел тоже не похожа на себя прежнюю. Интересно, какие такие секреты *она скрывает*.

К счастью, в оставшиеся две недели до наступления рокового дня, так пугавшего Флору, она с головой погрузилась в предсвадебные хлопоты, чему была только рада. Посетила последнюю примерку в ателье на Уорд-стрит в сопровождении всех семи подружек невесты. Пришлось объяснить Дафне, что Аурелия не сможет присутствовать на свадьбе по состоянию своего здоровья, потому что беременность

протекает у нее крайне сложно. Разговор этот происходил в присутствии Вайолет. Дома девочка подошла к ней.

– Флора, мне очень жаль, что *votre soeur*^[7] не сможет быть у тебя на свадьбе старшей подружкой.

Привычка Вайолет пересыпать свою речь всякими французскими словечками изрядно раздражала всех домашних. Вот и Флора лишь натянуто улыбнулась в ответ.

– Спасибо за слова сочувствия.

– Я лишь хочу сказать, что получается, что теперь я самая старшая по возрасту из всех подружек. И если ты захочешь, то с удовольствием подменила бы твою сестру. Для меня это было бы большой честью.

– Спасибо тебе, Вайолет. Уверена, твоя помощь мне обязательно понадобится. Знаешь, я уже примеряла ту тиару, которую надену на церемонию бракосочетания. Одному богу известно, как мне удастся справиться с этой ношей и не рухнуть под ее тяжестью, – призналась девочке Флора, искренне тронутая ее участием.

Вайолет уселась на кровать Флоры и стала наблюдать за тем, как она собирается к ужину.

– Флора.

– Да, Вайолет?

– Можно быть с тобой откровенной?

– Смотря чем ты хочешь поделиться со мной.

– Знаешь, только, пожалуйста, не обижайся и не думай, что я грублю намеренно. Но у тебя сейчас такой несчастный вид. *Miserable*, как говорят французы. Тебя что, не радует предстоящая свадьба?

– Почему? Радует... Просто я немного нервничаю, как любая девушка накануне собственной свадьбы.

– Ты любишь Фредди?

Что-то в голосе Вайолет, ее прямота и непосредственность, побудили Флору дать ей честный ответ.

– Я... я не знаю его достаточно хорошо для того, чтобы полюбить. Но я уверена, что со временем смогу это сделать.

– А я бы на твоём месте просто отказалась выходить за него замуж. Лучше уж остаться в старых девах, чем выходить замуж за человека, которого не любишь. Все меня убеждают, что я с возрастом изменю свои взгляды, но я-то сама твердо знаю, что ничего я менять не

буду. В отличие от Виты... – Вайолет заметно помрачнела. – Вот она у нас – самый настоящий перевертыш.

– Что ты имеешь в виду?

– Летом она дебютирует при дворе. И сейчас у нее только и разговоров что о новых нарядах и о тех молодых людях, которые уже приезжали к ней с визитами в Ноль. Но, в конце концов, она сама сказала мне...

– Люди меняются, Вайолет. Иногда обстоятельства бывают сильнее нас. Окружающий мир не всегда такой, как нам хочется.

– В детстве я верила в сказки. А ты?

– Все дети верят. И я тоже.

– Но у меня-то все было несколько иначе. Я ведь росла рядом с матерью, которая носит на голове тиару и которая отдыхает вместе с королем Великобритании. Со мной тоже всегда обращались как с принцессой. Так почему же, повзрослев, я должна воспринимать окружающий меня мир по-иному? Я ведь просто... – Вайолет тяжело вздохнула и растянулась на кровати. – Я просто хочу быть рядом с человеком, которого люблю. Что в этом дурного?

– Ничего. – Флора нервно сглотнула слюну. – Во всяком случае, нет ничего предосудительного в том, чтобы *хотеть этого*. Другое дело, сбудется ли это в реальной жизни или нет.

– Да, именно так! В реальной жизни, а не в сказке. – Вайолет рывком поднялась с постели и пружинисто спрыгнула на пол.

– Наверное, не у каждого человека случается этот хеппи-энд в жизни. Не все его заслуживают, – задумчиво обронила Флора, имея в виду в первую очередь саму себя.

– А я вот заслуживаю! – воскликнула Вайолет и решительным шагом направилась к дверям.

Вайолет ушла, а Флора вдруг вспомнила, какой она сама была в ее возрасте, еще там, в Эствейт-Холл. Тоже ведь верила в сказки со счастливым концом.

* * *

Первый день мая выдался дождливым. Миссис Кеппел пригласила Флору для разговора в свою маленькую гостиную.

– Пожалуйста, оставь нас одних, – приказала она горничной. – Нам надо поговорить, и чтобы никто нас не беспокоил.

Растерявшаяся от неожиданного приказа Мейбел поспешно ретировалась из гостиной. Флора тоже с некоторым удивлением прикидывала мысленно, что же такого необычного могло случиться. Ибо еще никогда она не видела, чтобы миссис Кеппел срывала свое дурное настроение на слугах. С ними она всегда была предельно вежлива.

– Присаживайся, пожалуйста, – обратилась она к Флоре.

Флора послушно села. Миссис Кеппел подошла к камину, вынула из стойки кочергу и начала энергично шевелить догорающие угли.

– Прохладно здесь, ты не находишь? А ведь уже май. Мне сказали, что король снова простудился. И тем не менее угадай, с кем он сегодня собирается ужинать? Он отправляется к этой женщине кайзера! Представляешь? Едет, чтобы сыграть *с ней* партию в бридж. А ведь только-только вернулся в Лондон. И что он только в ней находит, одному богу известно. Прости меня, Флора. – Миссис Кеппел тоже села. – Наверное, не совсем удобно посвящать тебя в свои проблемы. Но с кем еще я могу поделиться?

Флора и понятия не имела, кто такая эта «женщина кайзера», но интуитивно догадалась, что у короля, помимо миссис Кеппел, имеются еще и другие «компаньонки», если так можно выразиться.

– Налить вам шерри? – предложила она немного невпопад.

– Уж лучше бренди. Судя по всему, я тоже простыла, как и король. Что-то меня сильно знобит. Из Франции Его Величество ведь отправился в круиз по Средиземному морю, что вполне нормально. Но политическая ситуация в стране вынудила его прервать свое морское путешествие и вернуться домой. Чтобы не давать повода всем этим критиканам упрекать его за то, что он так долго отсутствовал в стране. А где же его распрекрасная супруга? Представь себе, она продолжила круиз и теперь плавает вокруг греческих островов! Неужели рядом с ним нет ни одной женщины, которая действительно бы заботилась о нем? Несчастный!

Флора протянула миссис Кеппел бокал с бренди, и та взяла его дрожащими пальцами.

– Спасибо, дорогая. И прости мне мое нынешнее состояние. Что-то я сегодня сама не своя.

– За что вам извиняться? За то, что вы действительно волнуетесь за состояние здоровья Его Величества?

– О, если бы ты знала, сколько у меня недоброжелателей в Лондоне. Точат против меня свои острые секиры. Осуждают за мою дружбу с Берти. Они того не понимают, что я люблю этого человека. И в моей связи с ним нет ни капли собственного расчета или эгоизма. Разве это преступление – любить?

– Нет, конечно.

– Да, он ошибался... делал ошибки, много ошибок, – продолжила свой монолог миссис Кеппел. – Но когда тебе родная мать заявляет прямо в глаза, что ты недостойн ходить по той земле, по которой ступал твой отец... Когда королева-мать говорит, что отказывает ему в праве стать ее законным наследником и королем, то какие такие чувства могут бушевать в душе такого человека? И какие уж особые привилегии он получил по факту своего рождения? Разве что титул: принц Уэльский. И что он должен был делать все эти долгие годы, томясь собственным бездействием, в ожидании своей очереди на трон? И все потому, что мамаша, видите ли, всю жизнь слепо обожала его отца, это «совершенство из совершенств». А ведь я не открою тебе особой тайны, Флора, если скажу, что в природе не существует совершенных людей. Как говорится, кто без греха... Берти много страдал из-за ее постоянного, несправедливого и жестокого отношения к себе, пренебрежения и даже презрения, если хочешь знать.

Откровения миссис Кеппел потрясли Флору. Она родилась в годы правления королевы Виктории, самого могущественного монарха в мире. Королева Виктория – ведь это же само *олицетворение* материнства. Огромная семья, дети, любящий муж... То, о чем ей только что поведала миссис Кеппел, шло вразрез с тем образом мадонны, который сложился в сознании девушки, когда речь заходила о покойной королеве. Неужели такое возможно, искренне удивлялась она про себя.

– И вот когда наконец настал его черед, он отдал всего себя, до последней унции, служению на своем новом поприще. И сумел доказать всему миру, что *может стать* хорошим королем. А в результате подорвал здоровье, которое ухудшается день ото дня. Ах, Флора! – Миссис Кеппел схватила ее за руку и больно сжала своими

холодными как лед пальцами ее пальцы. – Если бы ты только знала, как я опасаюсь за его жизнь. Страшно переживаю!

– Но во дворце же наверняка полно людей, которые могут позаботиться о нем. Разве не так?

– Ты сейчас сильно удивишься моим словам, но правда такова. Бerti окружен слабохарактерными, негодными мужчинами и женщинами, которые безропотно выполняют все, что он им приказывает. Все эти придворные... Их главное занятие – ублажать его или любого другого, кто восседает на троне. Знаешь, когда близко общаешься с монархом, то начинаешь понимать одну непреложную истину. Трон, несмотря на обилие мельтешащих вокруг него людей, это самое одинокое место на земле.

* * *

На следующий день, уже ближе к вечеру, Флора увидела в окно в детской комнате, что миссис Кеппел снова уезжает куда-то. Она быстро спустилась по ступенькам крыльца, огромные перья, украшающие ее бархатную шляпку, колыхались от ее энергичной походки. Вайолет тоже подошла к окну с Пантерой на руках.

– Мама какая-то странная в последнее время. Что, Королевич опять не здоров?

– Уверена, с ним все в полном порядке, – ответила ей Флора как можно более жизнерадостным тоном.

Весь следующий день она тоже не видела миссис Кеппел. Либо ее не было дома, либо она сидела, запершись, в своих апартаментах. Неужели у Его Величества снова разыгрался бронхит, сильнейший приступ которого он пережил недавно в Биаррице, мысленно переживала за короля Флора.

На следующее утро они вместе с Соней, воспользовавшись тем, что на улице ярко светит майское солнышко, решили отправиться на пленэр. Попробовать запечатлеть на холсте распустившиеся дельфиниумы в парке, что напротив их дома. И уже в холле, спустившись вниз, столкнулись с миссис Кеппел.

– Ну, как он? – шепотом поинтересовалась у нее Флора, когда они все вместе направились к выходу.

– По словам доктора Рейда, крайне неважно. Ему прописали кислородные маски. Он попросил, чтобы я к нему приехала. Королева все еще отсутствует.

С этими словами миссис Кеппел уселась в легкую двухместную карету и укатила прочь, а Флора с Соней направились в парк.

В половине шестого карета снова появилась возле дома. Флора увидела в окно, как из нее вышла миссис Кеппел. Но когда чуть позже она спустилась вниз к ужину, то застала в столовой лишь мистера Георга, одиноко сидящего за столом. Он приветствовал ее усталой улыбкой.

– Боюсь, сегодня миссис Кеппел не сможет разделить с нами трапезу. Она ужинает у себя в комнате. Вы уже, наверное, слышали, что король болен?

– Да, слышала.

– Сегодня Букингемский дворец сделал официальное объявление, в котором говорится, что «состояние здоровья Его Величества вызывает серьезную тревогу». Жена видела его сегодня и тоже подтвердила в разговоре со мной, что король болен очень серьезно. К счастью, королева уже вернулась домой и сейчас находится во дворце.

– Все, что мы можем, так это только молиться о его здравии, – немного помолчав, сказала Флора.

– Вы правы. – Мистер Георг печально кивнул в знак согласия. – То же самое мне недавно сказала и жена.

* * *

– Мисс Флора, вы уже не спите?

Флора проснулась, плохо соображая, который сейчас час.

– Что случилось? – спросила она сонным голосом у Барни, замершей в полумраке на пороге ее комнаты.

– Миссис Кеппел... У нее истерика... Пожалуйста, подойдите к ней...

– Уже иду. Где она?

– В своем будуаре. Может, вам удастся успокоить ее.

Флоре не нужно было спрашивать у служанки, где именно сейчас находится миссис Кеппел. Громкие жалобные рыдания, доносящиеся

из-за закрытых дверей, безошибочно указали бы ей путь. Понимая, что в подобной ситуации стучаться бессмысленно, она тем не менее ради приличия негромко стукнула в дверь пару раз, после чего вошла в комнату.

Миссис Кеппел, в пеньюаре и шелковой ночной сорочке, металась по комнате. Густые каштановые кудри рассыпались по плечам в полном беспорядке. Собственно, в таком же беспорядке, судя по всему, пребывали и ее мысли в эту самую минуту.

– Что случилось? Король?

– Нет! – коротко бросила в ответ миссис Кеппел и замолчала, словно пыталась понять, с кем она разговаривает. Но вот она узнала Флору и, когда та закрыла за собой дверь, продолжила: – Не король, а королева! Вчера вечером она наконец соизволила вернуться домой. Ее не было рядом с Берти все эти недели, когда он так тяжело болел. И вот она появилась и тут же изгнала меня вон из дворца! Представляешь? Мне запрещено видеть его, когда он уже на смертном одре! Как это возможно? Как можно допустить такое?

Миссис Кеппел безвольно опустилась на ковер и зарыдала. Со стороны она была похожа на трепещущий холмик из атласа и кружев. Флора подошла к ней и опустилась рядом на колени. Но вот миссис Кеппел немного успокоилась и снова заговорила:

– Флора, я люблю его. И он любит меня! Я ему нужна. Я знаю, что нужна ему сейчас! Он хочет, чтобы я была с ним рядом! – Миссис Кеппел слепо сунула руку в карман своего пеньюара, извлекла оттуда письмо и развернула его. – Взгляни сама! – воскликнула она, водя указательным пальцем по бумаге. – Вот, почитай!

Флора послушно взяла листок бумаги из ее трясущихся рук.

Моя дорогая миссис Кеппел,

Если мое состояние ухудшится, надеюсь, Вы придете ко мне и побудете рядом, чтобы хоть как-то отвлечь меня и немного развлечь. Ну а если болезнь примет угрожающий характер, то и тогда, я надеюсь, Вы тоже будете рядом, чтобы я смог попроситься с Вами и поблагодарить Вас за Вашу доброту и за Вашу многолетнюю дружбу. Думаю, мне очень повезло, что я встретил Вас на своем жизненном пути. Убежден, что те, кто предан мне и любит меня по-

настоящему, донесут до Вас мои пожелания, которые я изложил в этих строках, и поступят соответственно.

– Понятно, – тихо обронила Флора.

– И что мне делать?

Флора немного помолчала, а потом заговорила медленно, тщательно подбирая слова:

– Я так считаю. Он – король, а вы – его подданная. В своем письме... он ясно дает вам понять, что желает, и даже приказывает, поехать к нему.

– Но разве я могу показать это письмо его жене? Королеве? Не сочтут ли те, кто рядом с ним сейчас, что это неподобающий жест – манипулировать его письмом, умолять позволить быть рядом с человеком, которому остались считанные часы жизни? И все для того, чтобы я могла попрощаться с ним. Я ведь хочу... лишь одного. Сказать ему «прощай».

Флора почувствовала, как страшная тяжесть вдруг навалилась на ее плечи. Кажется, она впервые осознала, как жесток этот мир. Но разве имеет она право что-то советовать и предлагать любовнице короля? Что? Бежать к нему? Прорываться к его смертному одру, не обращая внимания на явное неудовольствие королевы? Единственное, что она могла сейчас, так это поставить себя на место женщины, которая любит мужчину и хочет увидеться с ним перед его смертью.

Она глубоко вздохнула.

– Думаю, на вашем месте я бы поехала во дворец. Да, я бы поехала туда. Пусть вас даже не допустят к нему, но зато вы будете знать, что вы сделали все от вас зависящее, чтобы исполнить пожелание монарха. Его последнюю волю... Вот так! – Флора посмотрела прямо в глаза миссис Кеппел. – Да, именно так я бы и поступила.

– Мои недоброжелатели во дворце возненавидят меня еще больше за это.

– Наверное. Но только не он.

– Одному богу известно, что будет со мной, когда его не станет...

Я даже страшусь подумать об этом.

– Но он еще жив.

– Моя дорогая Флора! – Миссис Кеппел протянула к ней трясущиеся руки. – Ты для меня такая радость. И для короля тоже. – Она крепко обняла девушку и прижала ее к себе. – Я передам королю твою любовь к нему.

– Пожалуйста, будьте так добры. Я очень люблю его, это правда.

– А он любит тебя. – Миссис Кеппел вытерла слезы и поднялась с пола. – Решено! Я еду во дворец. А если меня не пустят к нему, не позволят мне увидеть свою любовь, что ж, так тому и быть. По крайней мере я пыталась. Спасибо, Флора. И пришли ко мне, пожалуйста, Барни, чтобы она помогла мне переодеться. Но ничего черного! – Женщина содрогнулась. – Надо что-нибудь яркое, чтобы поднять ему настроение.

– Вы правы, – согласилась с ней Флора. – Удачи вам. – И с этими словами она покинула комнату.

* * *

Остаток дня в доме на Портман-сквер установилось напряженное ожидание. Все, затаив дыхание, ждали возвращения миссис Кеппел. Появилась няня с последними слухами о состоянии Его Величества. Эти слухи принесла домой миссис Стейси. Она ходила за покупками, пообщалась на улице с продавцами и прочим людом и сейчас, явившись на кухню с покупками, охотно делилась со всеми последними новостями.

Соня пригорюнилась, устроившись возле Флоры в комнате для игр.

– Ты думаешь, Королевич собирается отправиться на Небеса, да? Все слуги в доме говорят, что он вот-вот умрет.

– Если это случится, то он действительно отправится напрямиком на Небо, – ответила Флора. – Потому что он очень хороший человек.

– Знаю, хотя его многие боятся. Но со мной он всегда играл в разные игры. Любил бросать кусочки тоста, чтобы я поймала их на лету. И вечно перемазывал свои штанины маслом. Он очень добрый. Вот только собака его мне не очень нравится. Наверное, у Королевича вырастут крылышки, он взлетит на облако и усядется там рядом с Господом. Ведь *он же король*, в конце концов.

– Да, он король, – согласилась с девочкой Флора, а та доверчиво прижалась к ней, сосредоточенно посасывая свой большой палец.

Уже темнело, когда Флора услышала звук автомобиля, остановившегося возле парадного крыльца. Потом из машины с трудом вывели, почти вынесли, кого-то. Флора выбежала в коридор и замерла возле лестницы, ухватившись обеими руками за перила. Напряженно вслушалась, надеясь услышать голос миссис Кеппел. Но внизу было непривычно тихо.

– Мистер и миссис Кеппел сегодня ужинают у себя, мисс Флора. Я тоже принесу вам поднос с ужином прямо в комнату, – объявила появившаяся на пороге миссис Стейси. Флора увидела, что она в черном. *Но, может быть, она всегда ходит в черном, а я просто не замечала этого раньше*, цеплялась она за последнюю надежду.

Часы пробили полночь, но Флора все еще лежала без сна, вслушиваясь в жалобный перезвон колоколов на соседней церкви, словно предвещавших смерть. А уже к часу ночи колокола зазвучали повсюду. Печальный колокольный звон поплыл над Лондоном.

* * *

– Он ушел, Господи, благослови его душу. Господи, благослови нашего короля. – Этими словами няня встретила Флору на следующее утро, когда та поднялась наверх в детскую. – Девочки безутешны. Может, пойдете к ним, постараетесь успокоить их немного?

– Конечно. – Флора поспешила к девочкам.

Сестры сидели в кресле, тесно прижавшись друг к другу, а между ними пристроилась Пантера.

– Ах, Флора! Королевич умер минувшей ночью. Какой ужас! – воскликнула Соня, увидев ее.

– Да, печальная новость.

– И что сейчас будет делать мама? Больше мы никогда не поедем в Биарриц. И мама больше не будет королевой, – задумчиво обронила Вайолет.

– Королевич навсегда останется королем, а ваша мама всегда будет королевой, – ответила ей Флора ласковым тоном и обняла обеих

девочек за плечи, притягивая их к себе, и они с готовностью припали к ней.

– Говорят, возле дворца уже собрались тысячи людей, – сказала няня, подходя к окну. – У нашего дома тоже толпятся, – добавила она, глянув в окно. – Люди хотят услышать от нее хоть что-нибудь, но что она им может сейчас сказать? Да, миссис Кеппел была, как говорится, народной королевой. Все так. Но сейчас ее и нет здесь.

– А где же она? – не удержалась от вопроса Флора.

– Они уехали вместе с мистером Георгом. Остановились у Джеймсов на Графтон-стрит, – ответила няня и тихо добавила: – Нам велено следовать за ними. Побудьте пока с девочками, а я пойду, соберу вещи.

Флора кивком головы выразила свое согласие.

– Хочу к мамочке! – заплакала Соня, уткнувшись в плечо Флоры. – Почему они с папой уехали и бросили нас здесь одних?

– Когда случается большое горе, многие хотят, чтобы в этот момент их оставили в покое и не трогали.

– Так давайте затянем шторы на всех окнах и будем печалиться здесь. Разве так нельзя?

– Едва ли тут удастся побыть наедине со своим горем, милая. Слышишь, какой шум на улице? Там собралась уже целая толпа. – Флора ласково погладила Соню по волосам.

Вайолет оторвалась от Флоры и поднялась с кресла.

– И зачем они только поехали к этим Джеймсам? У них ведь самый ужасный дом в Лондоне, и сами они ужасные люди. – Вайолет плотно поджала губы, разглядывая толпу, собравшуюся у парадного подъезда. – И почему все эти люди так шумят? Неужели нельзя оставить нас в покое?

– Все эти люди тоже скорбят и хотят быть рядом с теми, кто когда-то был близок к Королевичу.

– А я хотела бы сейчас быть среди тех, кто собрался возле Букингемского дворца... Но так, чтобы затеряться в толпе, а еще лучше стать на время невидимкой и там оплакивать его.

– Увы, от себя никому из нас никуда не деться. Ты тоже, Вайолет, такая, какая ты есть, и с этим надо мириться. Пока няня собирает вас в дорогу, постарайтесь, девочки, вести себя как взрослые. Будьте сильными. Наверняка Королевичу это бы понравилось.

– Мы, конечно, постараемся, Флора. Но мы же пока еще не взрослые. Мы просто дети. *Enfants!* – бросила ей в ответ Вайолет надменным тоном и, круто развернувшись, выскочила из комнаты.

Флора отправилась за нею вслед на поиски няни.

– Вам известны какие-то распоряжения, касающиеся меня? Мне ехать вместе с вами?

– Миссис Кеппел ничего про вас не говорила, мисс Флора. Мне приказано привести на Графтон-стрит только девочек и Мойзель.

– Понятно.

– Но у вас же через неделю свадьба. Возможно, миссис Кеппел решила, что вы поедете к своей сестре или к родителям жениха.

– Да, конечно. Все так.

– Конец эпохи, мисс Флора. – Няня обреченно покачала головой и тяжело вздохнула. – После минувшей ночи ни для кого из нас жизнь уже никогда не будет прежней.

Флора со слезами на глазах распрощалась с девочками в холле, а потом молча наблюдала в окно за тем, как сестер буквально проталкивали сквозь толпу к машине вместе с сопровождающими их няней и Мойзель. Полиция с большим трудом оттеснила в сторону репортеров и собравшихся зевак. Мистер Ролф захлопнул дверцу машины и сел за руль. Толпа, сгрудившаяся возле дома, все в траурных черных одеждах, вдруг напомнила Флоре стаю стервятников, слетевшихся на лакомую добычу. Она развернулась и пошла к себе, уныло размышляя по пути, суждено ли ей еще когда-нибудь свидеться с семейством Кеппел.

В доме было непривычно тихо. У себя в комнате Флора написала телеграмму Фредди, в которой спрашивала, удобно ли будет, если завтра она приедет к ним в Селборн-Парк. Текст телеграммы она вручила мистеру Ролфу, чтобы тот отправил ее по почте. Она понимала, искать ей убежище в Хай-Уилд в сложившихся обстоятельствах попросту невозможно.

Она быстро упаковала свои вещи и снова подошла к окну. Толпа уже начала понемногу рассеиваться. А с наступлением темноты на улице и вовсе стало тихо. *Тихо, как в могиле*, почему-то подумалось ей. Она, как могла, старалась заглушить в себе чувство обиды от того, что ее вот так просто взяли и бросили. Отшвырнули от себя, словно ненужную вещь. Но, с другой стороны, няня права. Миссис Кеппел

уверена, что у нее есть, по меньшей мере, два надежных места, где можно укрыться на время и переждать всю эту суматоху. Впрочем, едва ли миссис Кеппел, объятая своим непомерным горем, вообще вспомнила о ней.

Флора открыла окно и уселась на подоконник, держа Пантеру на руках. Она долго смотрела на ясное ночное небо.

– Прощай, мой дорогой король. Упокой Господь душу твою, – прошептала она, обращаясь к звездам, усыпавшим ночной небосвод.

– К вам гостья, мисс Флора, – объявила Пегги, входя к ней в спальню.

– Что за гостья?

– Графиня Винчестер. Я проводила ее в гостиную внизу и подала чай.

– Спасибо.

В первый момент Флора даже обрадовалась, что графиня так быстро отреагировала на ее телеграмму, которую она отправила лишь накануне, вчера вечером. Правда, ее немного удивило, что Дафна соизволила лично навестить ее. Она поспешно спустилась вниз и открыла дверь в гостиную. Дафна восседала на широченном диване, облаченная в роскошное платье из черного бархата. Ее седеющие волосы были перехвачены траурной лентой, в которой посверкивали черные сапфиры.

– Дорогая Флора! Я безмерно сочувствую тебе в твоем горе. Такая потеря! – При виде Флоры Дафна поднялась с дивана и обняла девушку.

– Потеряла не только я одна. Это потеря для всей страны... И для всего мира.

– Да, мы все скорбим, – согласно кивнула головой Дафна и жестом заправской хозяйки дома пригласила Флору присаживаться. – Такая трагедия, не правда ли? И время такое неподходящее. Хуже и не придумаешь.

– Да разве есть подходящее время для ухода из жизни короля Великобритании? Думаю, такого времени нет.

– Все верно. Но в сложившихся обстоятельствах не может быть и речи о том, чтобы справлять свадьбу на следующей неделе. Это может быть истолковано как акт вопиющего неуважения к памяти усопшего короля.

– Понимаю. Свадьбу действительно следует отложить на какое-то время.

– Да, уверена, что ты все понимаешь правильно. Особенно с учетом... сложившихся обстоятельств.

Флора как раз-то не вполне поняла, что именно имела в виду Дафна, но сразу же уловила едкий тон, каким были произнесены последние слова.

– Надеюсь, вы уже получили мою телеграмму? Семейство Кеппел уехало. Чувствую, что и мне не стоит далее оставаться здесь. Я надеялась, что смогу пожить какое-то время в Селборн-Парк до нашей с Фредди свадьбы.

– А почему бы тебе не поехать к своей сестре в Кент?

– Это будет не вполне... удобно.

– Вот как? – Дафна окинула Флору внимательным взглядом. – А я всегда думала, что дорогая Аурелия очень дорожит твоим обществом.

– Все так. И мы действительно были с ней всегда очень близки. – Флора растерянно замолчала, лихорадочно пытаюсь найти веские объяснения своего отказа ехать в Кент, но ничего путного в голову так и не пришло. – Просто мне туда нельзя. Только и всего.

– Понятно.

В комнате повисла тягостная тишина.

– Дорогая моя, – первой заговорила Дафна, подавив тяжелый вздох. – Принимая во внимание все то, что случилось, имея в виду смерть короля, я должна тебе сообщить, что свадьбы вообще не будет. Надеюсь, ты поймешь все правильно.

Флора уставилась на графиню в полном смятении.

– Свадьба отменяется?

– Да.

– Я... могу я узнать, почему?

Какое-то время Дафна собиралась с мыслями, прежде чем начать говорить.

– Налить тебе чаю?

– Нет, не надо. Спасибо. Прошу вас, объясните же мне, почему наша свадьба с Фредди не может состояться. Да, я понимаю, ее действительно следует перенести, отложить, но...

– Все *из-за тебя*, моя дорогая. Ты же сама все видишь. Сейчас все сочувствуют королеве, оплакивают вместе с ней ее утрату. Неужели не понятно, что в подобной ситуации ваш союз с Фредди просто неуместен?

– А... – промолвила Флора. Наконец-то до нее дошло. – Это из-за миссис Кеппел, да?

– И из-за нее тоже.

– Ясно.

– Вполне возможно, не все тебе пока ясно, как мне думается... Но, моя дорогая, со своей стороны могу сказать лишь одно. Я очень переживаю, что все так получилось. Совершенно непредвиденный поворот событий. Я ведь была искренне уверена, что ты, став женой Фредди, придашь ему ту стабильность во всем, которой ему пока так не хватает. И я с нетерпением ждала того момента, когда ты войдешь в нашу семью как полноправный ее член. Но обстоятельства, к несчастью, изменились, и мой муж не может благословить союз своего наследника с тобой. А что в этой ситуации могу я? Ты же прекрасно понимаешь, удел любой женщины – повиноваться мужу и делать то, что он скажет. И, прошу тебя, не надо печалиться, моя дорогая. Да, так все сложилось, но в том нет ни капли твоей вины.

Флора молчала. В эту минуту она вдруг почувствовала себя листком, который ветер сорвал с дерева и помчал прочь. Вот и она, как тот листок, совершенно беспомощна и не может контролировать свою судьбу.

– Наверное, наилучший вариант для тебя – вернуться к своим родителям в Шотландию и оставаться какое-то время там. Коль скоро ты не можешь поехать к сестре, – озвучила свои последние наставления графиня.

– Наверное, вы правы, да.

– Что ж, тогда мне более нечего сказать тебе. Добавлю лишь одно. Фредди тоже в полном отчаянии, впрочем, как и все мы. Но, надеюсь, он скоро оправится. Как и ты, моя милая. – Дафна поднялась с дивана и направилась к дверям. – Прощай, дорогая. И благослови тебя Господь.

После ухода Дафны Флора еще какое-то время неподвижно сидела в кресле. Все внутри у нее окаменело... Она не чувствовала ни радости от своего внезапного освобождения от ненавистного ей союза с Фредди, ни страха перед будущим. А ведь она даже понятия не имеет, куда ей сейчас податься. Какая ирония судьбы! В этом доме, можно сказать, началась ее новая жизнь и здесь же она и завершилась.

– А может, все еще только начинается, – пробормотала она вполголоса, стараясь стряхнуть с себя наваждение последних дней: скорбь по умершему королю, внезапное бегство семейства Кеппел,

бросивших ее на произвол судьбы, и наконец шок от известия о том, что и в ее будущей жизни тоже произошел крутой вираж.

Уже начало смеркаться. Вот и еще один вечер без короля. Улицы словно вымерли, нигде ни души. Такое впечатление, что весь огромный город разбрелся по домам, обитатели которых оплакивают уход своего владыки. Флора устало откинулась на спинку кресла. Слезинка выкатилась из глаза и покатила по щеке, когда она вспомнила встречу с королем в этом доме, его доминирующее присутствие везде, где он появлялся, его жизнелюбие и вкус к жизни. Наверное, она задремала, потому что вдруг пробудилась от того, что кто-то позвонил в дверь. Она открыла глаза. На улице уже было совсем темно.

Она услышала голоса миссис Стейси и Пегги, поднимающихся по лестнице.

– Ступай в комнату к мисс Флоре, взгляни, там ли она. А я пока зажгу свет в гостиной. Не мешало бы узнать у нее, когда она собирается уезжать. Мистер Георг днем прислал мне с посыльным распоряжение: запереть дом на замок на все то время, пока они будут решать, что им делать дальше. Я уже отправила лакея в мансарду, чтобы он принес оттуда чехлы для мебели.

– На ее месте я бы вымелась из Лондона в два счета. Хотя бы из уважения к вдовствующей королеве.

– Я до сих пор не уверена, что она в курсе всего, – ответила миссис Стейси.

– Ну так надо ей рассказать, если она ничего не знает. Весь Лондон знает, а она, видите ли, нет! – фыркнула в ответ Пегги.

– Это не твоего ума дело. Ступай и посмотри, где она. А я пока включу свет.

Флора невольно отпрянула назад, столкнувшись в дверях гостиной с миссис Стейси. Та тоже, видно, испугалась при виде чьей-то фигуры, обозначившейся в темноте.

– Боже мой! Да это вы, мисс Флора! Ну и ну! Напугали меня до полусмерти.

– Прошу прощения, – тут же извинилась Флора, а экономка начала включать лампы.

– К вам посетитель, мисс Флора, – добавила она. – Я провожу его сюда и немедленно пришлю Мейбел, чтобы она растопила камин.

Здесь такая холодина!

– А кто этот человек?

– Сэр Эрнест Кассель, мисс Флора.

Миссис Стейси вышла из комнаты. Флора подошла к большому зеркалу в золоченой раме, висевшему над камином, чтобы привести в порядок свои волосы. Странно, думала она, зачем к ней пожаловал этот мистер Кассель? Неужели все по тому же вопросу, о котором упомянула в разговоре Пегги? Как можно скорее покинуть Лондон в знак уважения к королеве. Получается, что она как бы запятнала свое имя, общаясь с миссис Кеппел...

– Добрый вечер, моя дорогая мисс Макникол!

Сэр Эрнест Кассель вошел в гостиную, приблизился к ней и поцеловал ее руку. Флора увидела, как он бледен и глаза у него красные и запавшие.

– Пожалуйста, присаживайтесь, сэр Эрнест.

– Благодарю вас. Простите, что потревожил вас в вашем горе. Но сегодня поистине ужасный день для всех нас, кто знал и любил Его Величество. Впрочем, как и для всех его подданных. Он был бы страшно удивлен и, само собой, благодарен, если бы увидел своими глазами, как скорбит вся империя, оплакивая его уход. Тысячи людей застыли в молчании вокруг Букингемского дворца. И это тот самый монарх, который вполне искренне полагал, что никогда не сможет пойти по стопам своей матери... или своего отца... Я... – Сэр Кассель нервно сглотнул слюну. – Считаю, что он вполне заслужил такую любовь нации.

– Могу я поинтересоваться, сэр Эрнест, о цели вашего визита сюда? Ведь миссис Кеппел нет. Она уехала.

– Я в курсе. Я заезжал к ней на Графтон-стрит. Выразил ей свои личные соболезнования. И всем членам ее семьи тоже. Она по-прежнему вне себя от горя. Милая Соня так и сказала мне, что мама сошла с ума от горя. Она даже отказывается видеть своих дочерей.

– Она его очень любила.

– Наверное, да. Вы правы. Но если говорить откровенно, мисс Макникол, то она оплакивает не только его смерть, но и себя тоже. Ведь с уходом короля закончилась и ее личная эпоха «правления».

– В любом случае ей сейчас очень трудно.

– И ее дочерям тоже. Но, зная миссис Кеппел так, как знаю ее я, смею утверждать, что она вскоре оправится от своего потрясения и все у нее придет в норму. А то, что сейчас она решила уединиться, что ж, это очень разумный шаг с ее стороны.

– Вы не в курсе, она все же получила аудиенцию у короля незадолго до его кончины?

– Да, я как раз был там. Но вся сцена их последнего свидания была весьма неподобающей, должен признаться. Увидев короля, миссис Кеппел тут же впала в истерику. Королева была вынуждена попросить ее покинуть покои. Словом, она повела себя совсем не так достойно, как мы привыкли это наблюдать в прошлом. – Сэр Эрнест тяжело вздохнул. – Хотя, с другой стороны, *разве у смерти есть достоинство?* Во время визита на Графтон-стрит я поинтересовался у нее, где вы, и с удивлением узнал, что она вас оставила здесь, не взяла с собой. Фактически бросила на произвол судьбы.

– О, наверняка это было сделано не преднамеренно. Вы же сами только что сказали, что миссис Кеппел вне себя от горя. Ей было просто не до меня в тот момент. К тому же, насколько я понимаю, она могла решить, что я найду временное пристанище в доме своей сестры... Или у жениха...

– Восхищаюсь вашей преданностью этой женщине. Но, уверяю вас, миссис Кеппел никогда и ничего не делает, не обдумав предварительно каждый свой шаг. Наверное, вы понимаете, по какой причине она вдруг решила так стремительно дистанцироваться от вас?

– Нет, не понимаю. – Флора грустно улыбнулась. – Хотя вы не первый, кто навестил меня сегодня. Графиня Винчестер, мать моего жениха Фредди Соумса, тоже была у меня сегодня днем. И объявила мне, что наша свадьба с Фредди, которая должна была состояться на следующей неделе, не просто откладывается в связи со смертью Его Величества. Она отменяется. Навсегда.

– Что ж, могу сказать, что король был действительно очень мудрым человеком, ибо он предвидел такой поворот событий.

– Правда? Он так решил из-за моих связей с миссис Кеппел?

– Частично и поэтому, но не только.

– Сэр Эрнест! – Флора подошла к камину и стала греть озябшие руки. Безмерная усталость, оглушительный шок, полученный ею от графини, печаль и скорбь по усопшему королю, все навалилось на нее

как-то сразу и одновременно, истощив все ее жизненные силы. – С тех пор как семь месяцев тому назад меня привезли в Лондон и я поселилась под крышей этого дома, я постоянно чувствовала себя какой-то пешкой в чужой игре. Причем все вокруг знают правила этой игры, знают все, за исключением меня. Простите мне мою настойчивость и даже дерзость, но умоляю вас. Расскажите же мне наконец, зачем меня привезли в Лондон. Я была обычной девятнадцатилетней девушкой из приличной семьи, которую едва ли можно было причислить к аристократии. У моих родителей не нашлось даже денег, чтобы устроить мой дебют при дворе. И вдруг я оказываюсь под покровительством миссис Кеппел и, благодаря ей, принята в высших кругах столичного общества. Даже пью чай с самим королем! Виконт делает мне предложение, это означает, что в один прекрасный день я стану графиней, женой графа, хозяйкой одного из самых богатых и обширных поместий во всей Англии.

От избытка чувств Флора даже стала задыхаться, а потому замолчала на какое-то время и, повернувшись к сэру Эрнесту, посмотрела на него в упор.

– И вот король умер. Миссис Кеппел уехала и бросила меня здесь одну, свадьбы тоже не будет. Честно скажу вам. Я не могу никак взять в толк и понять, чем вызваны столь резкие перемены в моей судьбе. Пытаюсь все осмыслить и ничего не понимаю. И это сводит меня с ума! Потому что я интуитивно чувствую, что все вокруг меня в курсе того, что стало причиной всех этих перемен. Все, кроме меня... Я...

– Мисс Макникол, теперь я и сам со всей очевидностью вижу, почему вы решили, что стали пешкой в чужой игре. Дело в том, что я, как и все остальные, был уверен, что вы все знаете. Позвольте, я налью нам бренди.

– Я не пью бренди.

– А вы отнесите к нему как к лекарству. Думаю, оно вам сейчас понадобится.

Сэр Эрнест поднялся с кресла и подошел к подносу, на котором стояли графины со спиртным. Флора же, устыдившись собственного эмоционального взрыва, изо всех сил пыталась успокоиться и взять себя в руки.

– Вот! Выпейте, дорогая моя. Бренди вас немного согреет.

– Пожалуйста, прошу вас, сэр Эрнест. Не надо бояться сказать мне всю правду, какой бы горькой она ни была. Я ведь никогда не стремилась в Лондон. Более того, если взглянуть на вещи в их перспективе, то скажу, что я счастлива избавиться от уз брака с человеком, которого я бы никогда не смогла полюбить. В принципе, мне не из-за чего расстраиваться. Но тот факт, что вы приехали ко мне сегодня, на следующий день после кончины нашего короля, лишнее подтверждение тому, что, должно быть, именно у вас я и найду ответы на все свои вопросы.

– Простите и вы меня. Минувшая ночь стала для меня самой тяжелой ночью из всех, что я пережил за свою жизнь. Да и вы сейчас тоже разбредили мне душу. В прошлом году король как-то обронил в разговоре со мной, что он не вполне уверен в том, что затея миссис Кеппел перетащить вас в Лондон и поселить у себя кажется ему такой уж разумной. Но вы ему понравились. Собственно, именно на это и рассчитывала миссис Кеппел. Ведь ей грело душу, что это *именно она* поспособствовала вашему появлению в его жизни, причем в тот момент, когда дни его, можно сказать, были уже сочтены. И он все это прекрасно видел и понимал. Ох, как он понимал все! Когда вы приехали к нему в Биарриц, он послал за мной и распорядился, чтобы я предпринял определенные меры по вашему обеспечению в случае его смерти. Так, в частности, он велел мне передать вам вот это.

Сэр Эрнест открыл свой портфель и извлек оттуда тонкий конверт, который тут же вручил Флоре.

Она взглянула на конверт. Письмо было адресовано ей, слова, написанные неровным угловатым почерком.

– А минувшей ночью, когда я навестил умирающего короля, он велел мне присовокупить к письму еще и определенную сумму денег, большую сумму, в банкнотах. Я принес деньги, показал ему, он одобрительно кивнул головой и поблагодарил меня, сказав, что надеется на то, что деньги попадут именно в те руки, как это нужно. К несчастью, вскоре после нашего разговора он потерял сознание и впал в кому. Тогда один из его советников взял конверт с деньгами и вернул его мне, сказав, что считает не совсем удобным, чтобы такая большая сумма денег находилась сейчас рядом с умирающим королем. Здесь ведь почти десять тысяч фунтов стерлингов. Я прекрасно знал, кому предназначаются эти деньги. И вот я здесь. – Он снова полез в свой

портфель и извлек оттуда толстую пачку, упакованную в плотную коричневую бумагу, а потом вложил эту пачку в трясущиеся руки Флоры.

– Неужели эти деньги предназначены мне? Не может быть! Мы ведь были едва знакомы с Его Величеством... Я видела его всего лишь два раза...

– Моя дорогая юная леди, остается лишь удивляться тому, что миссис Кеппел не посчитала нужным ввести вас в курс дела. Буду искренен. Мне жаль, что эта невеселая миссия выпала мне. – Сэр Эрнест залпом осушил свой бокал с бренди до дна. Флора оцепенело уставилась на него.

– Мисс Макникол! Флора...

– Да?

– Вы его дочь.

Эту короткую фразу Флора будет помнить до конца своих дней. Она посмотрела в темное окно, ошарашенно раздумывая над тем, почему ей самой никогда не приходила в голову подобная мысль. Впрочем, пожалуй, если бы такая догадка и *закралась в ее сознание*, то она тут же отмела бы ее прочь, как самую абсурдную и нелепую. Она взглянула на конверт, лежавший у нее на коленях, потом перевела взгляд на человека, который долгие годы был ближайшим советником короля. И вот этот человек сейчас сидит напротив нее и, кажется, впервые за долгое время все начинает обретать свой смысл.

Наверное, где-то в самых дальних, самых глубинных уголках своего сознания она все же *знала* это, но сама мысль казалась ей столь невероятной, столь неправдоподобной и абсурдной, что она и позволить себе не могла, чтобы мысль эта пробилась наружу.

Итак, любовница и незаконнорожденная дочь...

Кажется, без бренди ей действительно сейчас не обойтись. Она сделала большой глоток из своего бокала, к которому пока еще не прикасалась.

– Простите меня, сэр. Но это действительно самый настоящий шок. Разумеется, никаких доказательств в подтверждение ваших слов нет?

– Все заинтересованные, как говорят в таких случаях, лица знают правду. Но, главное, и это самое важное, правду знал ваш отец. Ваш *настоящий* отец, – поправил сам себя сэр Эрнест. – Вы же понимаете

сами, связь короля с вашей матерью, увенчавшаяся к тому же такими последствиями... Не могло быть и речи о том, чтобы обнаружить ситуацию, в которой она оказалась. Ваша мать согласилась немедленно выйти замуж и тотчас же покинуть Лондон.

– Вот почему ее родители, мои дедушка и бабушка, никогда не видели меня и даже отказались приехать на мою свадьбу...

– По этой же причине у вас не было дебюта при дворе. Как можно было представлять вас Его Величеству и его жене? Ведь королева сразу бы догадалась, кто вы и откуда.

– Конечно, сэр. Я полностью с вами согласна. А мой отец... то есть я хочу сказать, муж моей матери... Сейчас я понимаю, почему все эти годы он был так холоден со мной. Даже не смотрел в мою сторону. Он ведь тоже наверняка все знал.

– Вы абсолютно правы на сей счет. А если бы вам показали брачное свидетельство ваших родителей и вы бы сопоставили его со своей метрикой, то увидели бы, что расхождение в датах... составляет приблизительно месяца три.

Флора вдруг вспомнила то письмо, которое ей случайно попало на глаза, когда она рылась в отцовском комодке.

– Да. Я также догадываюсь о том, что деньги перешли, как говорится, из рук в руки. Полагаю, моему... *приемному* отцу заплатили за то, чтобы он женился на моей матери. А он... король, он любил мою мать?

– Простите, но я не вправе комментировать те давние события. Скажу лишь одно. И это не вызывает никакого сомнения. Он любил вас.

– Миссис Кеппел знала о связи короля с моей матерью?

– Они вместе дебютировали при дворе. И к тому же были подругами.

– Получается, что весь Лондон знал, кто я такая, – прошептала Флора. – Одна я ничего не знала.

– Однако под покровительством миссис Кеппел вы, по крайней мере, узнали, что такое успех в обществе.

– Ну, да... Я ведь была частью альтернативного двора Его Величества...

– Надо сказать, что король был счастлив иметь такой двор.

– И все же, почему миссис Кеппел затребовала меня в Лондон?

– Не могу сказать со всей уверенностью, что она старалась познакомить вас с вашим отцом *ради вашего же блага или ради короля*. Фактически от того, что вы появились в ее доме, она только выиграла, приобрела еще большее влияние на короля. На это она, видно, и рассчитывала. Хотя все начало складываться несколько иначе, чем она планировала. Вы действительно понравились королю, и он сам не раз говорил мне, как ему было приятно общаться с вами... И как много у вас схожего... Ваше появление в его жизни стало для него большой радостью, мисс Макникол. Проживи он подольше, уверен, вы бы стали с ним еще ближе.

– Наверное, поэтому я и превратилась для многих в такой лакомый кусочек добычи. Они ведь знали, что я дочь короля, пусть и незаконная... Однако же он принял меня недавно, – задумчиво обронила Флора. – Поэтому-то и Фредди вознамерился жениться на мне. И графиня подчеркивала в разговоре со мной мое «хорошее происхождение». Она даже не исключала возможности присутствия Его Величества на нашей свадьбе...

– Пожалуй, так бы все и было, если бы не эти печальные события. А теперь получается, что короля больше нет, но его жена, вдовствующая королева, все еще жива...

– И от волшебного замка, сотворенного чарами миссис Кеппел, ничего не осталось. Все растаяло как сон. Что ж, – Флора выдавила из себя слабое подобие улыбки. – Что бы ни было и что бы ни ждало меня впереди, а я рада, что хоть какое-то короткое время была рядом с ним.

– Он очень гордился вами, мисс Макникол. Но, надеюсь, вы же прекрасно понимаете, был вынужден не афишировать свои истинные чувства к вам.

– Понимаю.

– Вы правильно заметили. Всех нас ждут впереди большие перемены. С восшествием на трон нового короля начинается новая эра. У нового короля будет новый двор. А всех нас, служивших при старом дворе, попросят на выход. И каждый из нас должен быть готов к тому, чтобы бороться за собственное выживание в будущем. Надеюсь, после того, как я выполнил поручение короля, содержимого пакета хватит на то, чтобы обеспечить вам достойное будущее. И, пожалуйста, не упрямитесь. Не надо ложной гордости. Смело пользуйтесь этими

деньгами. Он разглядел в вас свободолюбивую и чистую натуру, так непохожую на всех тех, с кем ему пришлось общаться с самого своего рождения. Как бы ни сложилось ваше будущее, постарайтесь разумно распорядиться его деньгами. Полагаю, вы сейчас отправитесь к своей сестре?

– Я не могу.

– Что, и эти двери уже закрыты для вас?

– Да, – коротко ответила Флора, решив не вдаваться во все подробности.

– И, пожалуйста, помните о том, что в той ситуации, в которой вы сейчас оказались, нет вашей вины. Все эти хитроумные сети, которые были свиты вокруг вас, – это не ваших рук дело. Вся причина кроется в факте вашего рождения. Волей случая вы оказались дочерью короля. Это ваш рок, увы! Но смею надеяться, и радость тоже, хотя бы от недавнего общения с ним.

– Да, знакомство с королем действительно стало для меня великой радостью и счастьем.

– А сейчас, мисс Макникол, позвольте откланяться. Как вы, наверное, догадываетесь, у меня много дел. Еще раз хочу напомнить вам, в последние часы своей жизни король думал о вас, и вы были в его мыслях на первом месте.

– Спасибо, что навестили меня и уделили мне свое время, – Флора поднялась со своего места, а сэр Эрнест Кассель направился к выходу.

– Не надо благодарить меня. На самом деле я чувствую себя просто ужасно при мысли о том, что вынужден оставить вас здесь, одну в пустом доме.

– Нет, сэр Эрнест. Мне есть за что вас *благодарить*. Хорошо ли это или плохо, но я наконец получила ответы на все свои вопросы. А ведь я искала их с тех самых пор, как оказалась в Лондоне. А сейчас, благодаря вам, я все знаю и могу двигаться дальше.

– Я всегда буду к вашим услугам, мисс Макникол. Если вы захотите куда-то выгодно вложить свои деньги, пожалуйста, незамедлительно обращайтесь ко мне за консультацией. Должен сказать, что вы приняли все, что я только что сообщил вам, с достоинством истинной принцессы. Вы, безусловно, дочь своего отца. Доброй вам ночи, мисс Макникол.

Эрнест Кассель отвесил неглубокий поклон и поспешно удалился из комнаты. Наверное, чтобы скрыть переполнявшие его эмоции, интуитивно догадалась Флора. В сопровождении Пантеры, следовавшей за ней по пятам, она медленно поднялась к себе в комнату, стараясь делать вид, что все идет так, как обычно, как в любой другой день. Кто-то уже зажег газовые лампы в ее комнате, и она тут же легла на постель, бросив изучающий взгляд на толстенную пачку. Ее вдруг охватило странное спокойствие. Все, о чем ей только что поведал сэр Кассель, казалось ей таким же нереальным, чем-то сюрреалистическим, как и все события последних семи месяцев. Однако же все наконец сложилось воедино. Головоломка разгадана.

Как ни удивительно, но она быстро уснула. Видно, сама природа сжалилась над ней и дала короткий отдых ее измученной душе и потрясенному сознанию. Проснулась рано, еще до восхода солнца. Пантера мирно дремала у нее под боком. Вначале Флора открыла конверт с письмом.

16 апреля 1909 года

Моя дорогая Флора,

(Отдельная благодарность твоей матери за то имя, которым она тебя нарекла. Как ты знаешь, я всегда был предан всем сердцем и душой Шотландии.)

Когда ты станешь читать это письмо, то уже будешь знать, что я являюсь твоим родным отцом. И у меня нет ни тени сомнения в этом, хотя, как я тебе уже говорил, когда у миссис Кеппел возникла идея познакомить меня с тобой, я, не скрою, поначалу даже колебался. Однако стоило мне тебя увидеть, и все мои сомнения тут же развеялись прочь. Моя дорогая девочка, у тебя даже мой нос! По этому поводу позволь мне выразить тебе свое сочувствие. Впрочем, хотя мой нос и некрасивый, но тебя он совсем не портит, а на твоем личике смотрится даже благородно. В тебе я увидел многое от самого себя. А ведь буду честным с тобой, Флора. Я отнюдь не был счастлив, узнав о твоём грядущем появлении на свет. Впрочем, факт твоего зачатия мною однозначен. Готов подтвердить тебе со всей ответственностью, что на момент начала нашей краткосрочной связи с твоей матерью она была девственницей.

Но для начала хочу попросить у тебя прощения за мое недостойное поведение по отношению к ней и, соответственно, к тебе. Надеюсь, ты правильно оценишь всю ситуацию, в которой я тогда оказался. И, само собой, я был искренне рад, когда узнал, что твоя мать благополучно вышла замуж.

Эрнест Кассель навестит тебя и вручит тебе это письмо и все остальное. Надеюсь, этой суммы хватит, чтобы обеспечить тебе будущее. Хочу, чтобы ты понимала в полной мере, насколько ты счастливее всех своих сводных братьев и сестер. Всю свою жизнь я хотел, чтобы хоть кому-то из моих детей не пришлось жить под тяжестью протокола и всех тех требований, которые налагает на человека его королевское происхождение. Живи свободной жизнью незаметного для окружающих человека. Ах, как же я и сам мечтал пожить именно такой жизнью! Но, главное, оставайся всегда самой собой.

А сейчас, дорогая моя Флора, желаю тебе счастья, исполнения всех твоих желаний и любви. Мне очень грустно, что мне не хватило времени узнать тебя получше.

Помни о тех коротких мгновениях, что мы провели вместе.

И прошу тебя. Пожалуйста, мое письмо предай огню. Так будет лучше для нас обоих.

Внизу стояла подпись короля Эдуарда, заверенная его личной печатью.

Флора раскрыла пакет, уже заранее зная, что в нем. Оттуда посыпались сотенные банкноты, много банкнот. Позднее она пересчитает их.

Она сложила деньги обратно в пакет, а письмо короля спрятала за шелковую обложку своего дневника. Потом поднялась с постели и позвонила в колокольчик, чтобы пришла Пегги. Ее она попросила сказать Фредди, что ей нужна машина, чтобы подвезти ее в ближайшее же время до железнодорожного вокзала Юстон.

* * *

Зайдя в вагон и устроившись в своем купе, она посмотрела в окно, наблюдая за тем, как поезд отходит от платформы. В купе больше никого не было. Пантера вдруг стала жалобно мяукать в своей корзинке. Она извлекла кошку оттуда и положила ее себе на колени.

– Не плачь, милая, – тихо оборонила она, обращаясь к своей любимице. – Мы возвращаемся домой.

Стар

Хай-Уилд, Кент

Октябрь 2007 года

Rubus fruticosus (Ежевика – семейство Розовые)

– Ну, вот и все. Как вам эта история?

Голос Мыши убаюкивал, успокаивал, негромко резонируя в ушах. Я даже закрыла глаза, забыв на мгновение, кто я и где я, мысленно переваривала события столетней давности. Но вопрос тут же вернул меня в день сегодняшний. Какой у Флоры богатый язык, как она живо и красочно все описывает, продолжала я размышлять над услышанным. Именно такой речью всегда восхищался Орландо, да и сам он предпочитает вести разговоры на таком изысканном языке.

Родной отец Флоры... король. Собственно, не это потрясло меня более всего. Скорее поразило то, с каким внутренним достоинством она сама отреагировала на эту новость, о чем подробно рассказала в своем дневнике. От ее слов буквально комок в горле. Наверное, я и сама испытала бы схожие чувства, свались на меня такое грандиозное известие.

– Стар, очнитесь!

Усилием воли я постаралась сконцентрировать свое внимание на фигуре человека, сидящего напротив меня.

– Да уж... История... хоть куда. Вы полагаете, это правда? Я имею в виду, король Англии и...

– Очень похоже на правду. Эдуард ведь прославился своими многочисленными любовными похождениями. У него была тьма любовниц, причем он их менял как перчатки. Я проверил некоторые исторические факты и сопоставил их. Эдуарду VII приписывали отцовство и не раз. А с учетом того, что контрацепция тогда была еще только на начальной стадии своего развития, да и попросту не хватало в те годы противозачаточных средств, я бы совсем не удивился, если бы внебрачных детей у короля оказалось гораздо больше, чем о том известно из официальных источников.

– Как, должно быть, ужасно все было для королевы. Меня поражает, что миссис Кеппел в те времена была, можно сказать, столпом высшего общества.

– Видите ли, моногамные браки лишь сравнительно недавно укоренились в высших кругах Англии как некое обязательное условие.

Во времена Флоры договорные браки между знатнейшими семействами Великобритании рассматривались, прежде всего, как обоюдовыгодная деловая сделка. С появлением же на свет законного наследника супруги были вольны обзаводиться любовниками и любовницами, естественно, при соблюдении определенных правил приличия.

– А вы историк по образованию?

– Нет, в университете я изучал архитектуру. Но вот что интересно! Человеческие потребности и желания имеют много общего со средой обитания, с теми зданиями, в которых эти люди живут. Например, всякие тайные ходы, ведущие из будуара куда-то в другое место... – Мышь взглянул на мое смущенное лицо. – У вас такой огорошенный вид, Стар. Вам неловко обсуждать эту тему?

– У меня действительно есть свои моральные принципы, – ответила я, стараясь говорить как можно более спокойным тоном. Впрочем, и сам вопрос, заданный Мышью, был отнюдь не таким провокационным, как те, которыми совсем недавно меня засыпала Шанти.

– Что ж, предельно честный ответ. Но, признайтесь, неужели вас совсем не взволновала перспектива оказаться в родстве с монаршей семьей английских королей? В конце концов, коль скоро ваш отец оставил вам в качестве подсказки безделушку самого Фаберже, а Флора в своем дневнике четко указала, что пантеру ей подарил Эдуард VII, то все, знаете ли, может быть...

– По правде говоря, это меня совсем даже не волнует.

– Ну, да, наверное... Вот будь вы англичанкой, вы бы восприняли все совсем иначе. Я знаю многих людей, которые готовы были бы на все, только бы доказать свое родство с королевской фамилией. На самом деле, мы, англичане, в своем подавляющем большинстве такие снобы... И все стремимся вскарабкаться на самую верхнюю ступеньку социальной лестницы. Уверен, в Швейцарии в общественных отношениях больше равенства.

– Так оно и есть. Но меня интересует, что случилось с Флорой потом, после того, как она вернулась к себе домой, в Озерный край.

– Все, что мне известно, на сей счет...

Я услышала, как щелкнул замок входной двери, и немедленно вскочила со своего места.

– Ваша сестра?

– Да.

– Тогда мне пора.

Мышь тоже поднялся с кресла, и в эту минуту в комнату вошла Сиси.

– Привет, Стар! Ну и денек у меня сегодня выдался! Одна мерзость и...

Она умолкла на полуслове, увидев Мышь, стоявшего возле дивана.

– Добрый вечер. Я – Мышь, – поспешил представиться он.

– А я – Сиси, сестра Стар.

– Рад познакомиться, – вежливо ответил Мышь, но Сиси быстро прошмыгнула мимо него на кухню. – Что ж, мне действительно пора.

Я проводила Мышь до дверей.

– Вот. Пусть будут у вас. – Он сунул мне в руки дневники Флоры. – Возможно, у вас возникнет желание перечитать их. А еще... – Он слегка наклонился и приблизился к моему уху: – Загляните за шелковую обложку сзади.

– Спасибо, – поблагодарила я его, польщенная тем, что он доверил мне на хранение то, что, в сущности, являлось бесценным документом английской истории.

– Стар, что у нас на ужин? Я просто умираю с голода, – послышался голос Сиси из кухни.

– Идите к сестре, – обронил Мышь. – Всего вам доброго, Стар. – Он еще раз наклонился ко мне и запечатлел легкий поцелуй на моей щеке.

– До свидания, – ответила я и тут же захлопнула за ним входную дверь, чувствуя, как горит щека, в которую он меня только что поцеловал.

* * *

На следующее утро я проснулась первой и, пока сестра еще спала, приготовила ей целую тарелку тостов с медом, которые она особенно любит. Своеобразный ненавязчивый шаг к перемирию...

– Мне надо бежать, – объявила Сиси, разделавшись с моим угощением. – Увидимся позже.

Я поднялась к себе наверх и достала дневники Флоры. С той самой минуты, как Мышь вручил их мне, я просто сгорала от нетерпения поскорее усестыся за чтение. Решила даже не заикливаться на том, как грубо вчера вечером обошлась Сиси с Мышью. И потом, она даже не поинтересовалась у меня, кто он такой.

По очереди открывая заднюю обложку всех дневников, я быстро нашла то, что искала. Осторожно вынула ставший хрупким от времени листок бумаги, который лежал в кармане шелковой подкладки. Бережно развернула его и прочитала письмо короля Великобритании, написанное им Флоре, его незаконнорожденной дочери. И невольно поразились тому, что почти целых сто лет письмо хранилось в тайне от всех. С теми же мерами предосторожности вернула письмо на прежнее место и принялась перечитывать последние страницы дневника. Надо сказать, чтение давалось мне с большим трудом, уж больно неразборчив был почерк. Потом мысли мои сами собой переключались на собственные изыскания. Ведь совсем не исключена возможность того, что я тоже могу каким-то образом быть связана с самой знатной семьей Англии. Впрочем, я хорошо знала Па Солта. Наверняка он задумал еще много самых неожиданных поворотов, сулящих великое множество таких же неожиданных открытий на пути моих поисков. К тому же внутренний голос подсказывал мне, что впереди у меня еще очень долгая и извилистая дорога, и ставить точку в этом путешествии пока еще слишком рано.

Беда лишь в том, что одной мне не под силу разгадать все эти загадки и ребусы. Есть только двое на всем белом свете, кто мог бы помочь мне в этом деле. Один – это тот, кто теперь для меня недоступен. А второй... Что ж, пора признаться, что я совсем не знаю Мышь. И о нем самом тоже ничего не знаю.

Тут я спохватилась, что могла бы вчера вечером отдать ему ключи от магазина, которые случайно унесла с собой. В любом случае ключи нужно обязательно вернуть хозяину и тем самым порвать последнюю ниточку, связующую меня с Орландо и волшебным миром букинистического магазина «Артур Морстон Букс». К тому же мне нужно рекомендательное письмо. Думаю, я его вполне заслужила. Я быстро набросала короткую записку Орландо на тот случай, если

магазин окажется закрытым. Тогда брошу записку вместе с ключами в почтовый ящик. К тому же я вдруг почувствовала острую потребность выйти из четырех стен на улицу. Иначе так и проторчу весь день взаперти, размышляя над нашим вчерашним разговором с Шанти.

Зайдя в автобус, я снова вернулась мыслями к Шанти. Неужели это ее расспросы о моей сексуальной ориентации так вывели меня из себя? Едва ли. В конце концов, когда мы с Сиси странствовали по миру, то многие люди вокруг принимали нас за пару. Мы ведь совсем не похожи на сестер: она – темноволосая, смуглая, миниатюрная, и я – бледнолицая, высокая. И к тому же мы всегда открыто демонстрировали свою приязнь друг к другу. Нет, то, что Шанти нашла меня привлекательной, вовсе не смутило меня. Смутило... *другое*. Ее пронизательность вкупе с ее прямолинейностью говорить все прямо в глаза и называть вещи своими именами, вот именно это задело за живое, ибо обнажило корень моих собственных, глубоко запрятанных, проблем.

Я вышла из автобуса и направилась к магазину. Хоть бы Орlando все еще продолжал держать осаду, подумала я по пути. Пусть бы сидел себе, забаррикадировавшись, наверху, а я бы быстро опустила письмо и ключи в почтовый ящик и тут же убежала бы прочь.

Я толкнула входную дверь. Она оказалась открытой. У меня немедленно свело живот при мысли о том, что вот сейчас я лицом к лицу столкнусь с Орlando.

К счастью, в торговом зале было пусто. Я положила ключи и письмо на стол и направилась к выходу. Уже приготовилась выйти на улицу, но тут меня осенило. Как-то безответственно получается. Я оставляю ключи посреди торгового зала на самом видном месте, а ведь магазин под завязку набит всякими редкими книгами. Вернулась, снова взяла ключи и пошла в дальний конец торгового зала, туда, где имелась скрытая от посторонних глаз ниша. Ключи спрятала в ящик стола, а об их местонахождении решила известить Орlando эсэмэской.

И снова заторопилась к выходу. Но тут заметила, что дверь, ведущая на второй этаж, полуоткрыта. Нога в начищенном до блеска черном ботинке с декоративной перфорацией слегка выступала оттуда под каким-то странным углом. Я негромко вскрикнула и, сделав глубокий вдох, распахнула дверь настежь.

Орландо лежал на крохотном пространстве лестничной площадки, голова покоилась на самой нижней ступеньке. В руке он сжимал коробочку с пирожными к трехчасовому чаю.

– О, боже! – воскликнула я в ужасе и опустилась перед ним на колени.

Дыхание неровное, едва слышное. Кровоточащая ссадина посреди лба.

– Орландо, это я, Стар! Вы слышите меня?

Ответа не последовало. Я присела рядом и извлекла из кармана свой телефон. Набрала номер 999. На другом конце линии услышала женский голос. Стараясь говорить как можно более связно, я описала ей, что произошло. Она тут же поинтересовалась у меня, нет ли у пострадавшего каких-то других проблем по части здоровья. И я вспомнила.

– Да, у него иногда случаются приступы эпилепсии.

– Ждите. «Скорая помощь» прибудет незамедлительно.

Потом женщина принялась объяснять мне, как именно следует положить Орландо, чтобы ему было легче дышать. Я постаралась сделать все так, как она сказала. Правда, Орландо, несмотря на свою кажущуюся худобу, был высок и довольно тяжел. Рост почти под два метра. А места мало, пришлось повозиться. К счастью, буквально через пару минут я услышала звуки сирены кареты «скорой помощи». За витриной магазина замелькали голубые огоньки.

– Он здесь! – замахала я руками врачам из бригады «скорой помощи», как только они вошли в магазин. – Я никак не могу привести его в чувство...

Доктора тут же принялись осматривать Орландо, присоединив датчик к его пальцу, стали замерять пульс. А я в это время набрала номер мобильного Мыши. Телефон был отключен. Мне ответил автоответчик. Стараясь говорить спокойно, я быстро описала всю ситуацию.

– Он очнулся, мисс. Но у него на голове здоровенная шишка. Мы забираем его в больницу. Хотите сопровождать больного?

Орландо уложили на носилки. Я схватила ключи, которые недавно положила в ящик стола, заперла входную дверь магазина и заторопилась вслед за врачами в карету «скорой помощи».

Через пару часов Орландо уже сидел на постели. Он был бледен, глаза мутные, но, слава богу! – хотя бы пришел в сознание. Врач пояснил мне, что у него, скорее всего, случился эпилептический припадок и что он наверняка свалился с лестницы и сильно ударился при этом головой.

– Скорее всего, произошло небольшое сотрясение мозга, но мы обследовали головной мозг: все уже пришло в норму. Сегодня мы оставим его на ночь в больнице, понаблюдаем, как и что, а завтра, если все будет нормально, выпишем домой.

– Простите меня, – послышалось с кровати. Голос звучал хрипло.

– Орландо, вам не за что извиняться.

– Вы были так добры ко мне. А сегодня еще и спасли мне жизнь. – Слезинка упала из его глаза и медленно покатилась по щеке. – Я буду вечно вам признателен за это, мисс Стар. До конца дней своих.

Потом Орландо уснул, а я вышла из палаты на улицу, чтобы немного подышать свежим воздухом. Заодно написала сообщение Сиси, сообщила ей, что с моим работодателем произошел несчастный случай и что я задержусь, поскольку в данный момент нахожусь вместе с ним в больнице. Я уже приготовилась вернуться обратно в палату, но в это время зазвонил мой телефон.

– Стар, тысячу извинений. Я весь день работал на этом треклятом тракторе. А туда, на поле, никакой сигнал не доходит, – услышала я взволнованный голос Мыши в трубке. – Сейчас я уже в Ашфорде. Где-то через час буду на месте. Ну как он там?

– Чувствует себя страшно виноватым в том, что случилось, но в целом, более или менее, неплохо.

– Наверняка все эти дни он не принимал свое лекарство. Может, решил таким образом выразить мне свой протест против продажи книжного магазина. Обязательно скажу ему об этом при случае.

– Не думаю, что Орландо сознательно подверг свою жизнь такому риску, Мышь.

– О, вы его еще просто плохо знаете. Но в любом случае слава богу, что вы его нашли. И хорошо, что это были именно вы.

– Мне уже пора назад в палату. Увидимся позже. – Я отключила телефон и заторопилась к входным дверям в больницу.

Орландо уже перевели в отдельную палату с сиделкой. Как только он обустроился на новом месте, а медсестры взяли у него все необходимые анализы, мне разрешили пройти к нему.

– Вот сейчас он всецело в вашем распоряжении. Можете забирать его себе, – негромко буркнула одна из сестричек, проходя мимо меня и направляясь к выходу.

– Что за бурную деятельность вы уже тут развили, Орландо? – поинтересовалась я у него, присаживаясь на стул.

– Кто? Я? Никакой деятельности я не развивал. Просто попросил их принести мне чашечку приличного чая типа «Эрл Грей». А то подали какие-то помои и еще осмеливаются называть это чаем. Само собой, никаких пирожных.

– Время трехчасового чая уже давно миновало.

– Догадываюсь, – ответил мне Орландо и уставился отрешенным взглядом на темень за окном. – Из-за этого... несчастного случая страдает мой желудок. Наверняка он сбился с ритма... уже два часа не получает пищи по сравнению с привычным распорядком. Это непозволительно много...

– Наверное.

– А я уже было решил, что вы меня бросили и поехали домой.

– Мне нужно было сделать кое-какие звонки. Мышь уже на пути сюда. Собирается навестить вас.

– Тогда я буду вынужден распорядиться, чтобы медсестры не пускали его сюда. Видеть его не хочу!

– Орландо, он же ваш брат!

– Ну и что из того? Можете не беспокоиться на мой счет. Понимаю, вы сами-то будете рады увидеться с ним.

Я промолчала. Орландо вел себя сейчас как избалованный, капризный ребенок. Но в глубине души я была только рада, что он снова стал похож на себя прежнего.

– Я приношу вам свои глубочайшие извинения, мисс Стар, – заговорил он после некоторой паузы. – Понимаю, отлично понимаю, что случившаяся ситуация не имеет никакого отношения лично к вам. А я позволил себе в последнем разговоре с вами всякие грубости. Это было несправедливо. Хотя, если честно, мне очень вас не хватало все эти дни. Вот и сегодня, когда я поднимался к себе наверх, был полон решимости позвонить вам, попросить у вас прощения и даже

попытаться уговорить вас вернуться обратно в магазин. Если вы, конечно, не приняли то предложение поработать в Хай-Уилд.

– Нет, не приняла.

– Нашли какое-нибудь другое место?

– Нет. Я по-прежнему хочу работать у вас.

– Да, я тогда был в полном отчаянии. Но все равно увольнять вас, выставляя за дверь без всякой на то причины... Это очень плохо. Неужели вы не держите на меня зла за мою в высшей степени недостойную выходку?

– Не держу.

– Вот это да! – Орландо выдавил из себя слабую улыбку. – И когда же вы намереваетесь снова приступить к работе в магазине? Хотя бы на то короткое время, пока наш книжный корабль не сел окончательно на мель и не затонул?

– Готова хоть завтра. На самом деле я соскучилась и по магазину, и по вам.

– Правда? Боже мой, мисс Стар! Как же вы добры. Вы воистину самый настоящий ангел. Сам Господь послал вас всем нам. И конечно...

Орландо замолчал и закрыл глаза. Он молчал так долго, что я даже испугалась, уж не потерял ли он снова сознание.

– Что вы хотели сказать, Орландо? – спросила я у него.

Он тут же открыл глаза.

– Понимаю, я повел себя как черствый эгоист и себялюбец, решив удержать вас только возле себя самого. А ведь вы нужны и другим... Особенно Рори. Вот я и решил, что благо ребенка должно стоять на первом месте, а потом уже можно говорить и обо мне. Будем с Рори делить вас между собой. – Он снова закрыл глаза и слабо махнул рукой. – Благословляю вас отправляться в Хай-Уилд в любой момент, когда это будет необходимо.

В дверь негромко постучали, и на пороге появилась медсестра.

– К вам ваш брат, мистер Форбс.

– Позвольте ему войти. Он просто хочет убедиться в том, что с вами все в порядке, – поспешила я заговорить первой, не дав Орландо раскрыть рот, чтобы тот озвучил свой отказ принять брата. Он безмолвно уставился на меня, а потом кивнул в знак согласия, как

послушный пай-мальчик. Пожалуй, он не единственный, кого удивила проявленная мною непреклонность.

– Привет, старина. Ну как чувствуешь себя?

В комнату вошел Мышь и направился к нам. Вид у него был усталый, и выглядел он гораздо хуже, чем его брат на больничной койке.

– Твой приход не прибавляет мне здоровья, – ответил Орlando кислым тоном и отвернул голову к окну.

– Вижу, дела идут на поправку. – Мышь бросил на меня косой взгляд.

– Так оно и есть, – ответила я и поднялась со стула, предлагая ему сесть.

– О, если вы из-за брата, то не уходите, пожалуйста, – обратился ко мне Орlando недовольным тоном.

– Мне действительно пора домой.

– Конечно, конечно, – согласно закивал головой Мышь.

– Ведите себя как следует. Или, по крайней мере, постарайтесь, – улыбнулась я Орlando, целуя его в лоб, но стараясь не задеть повязку на его ране. Затем подхватила свой рюкзачок и направилась к дверям. – Перезвоните мне позднее, как там будет наш пациент, – обратилась я к Мыши.

– Обязательно. И еще раз большое вам спасибо, Стар. Вы – настоящая героиня.

* * *

Вечером, когда мы с Сиси ужинали, снова зазвонил мой мобильник.

– Прости меня, но мне нужно ответить на этот звонок, – сказала я сестре, поднимаясь из-за стола и буквально спиной чувствуя, как Сиси недовольно буравит меня своим колючим взглядом. Я вышла на террасу.

– Привет, Стар! – услышала я в трубке голос Мыши. – Докладываю. Если все пойдет нормально, то завтра Орlando выпишут домой. Но врач сказал, что следующие несколько дней его нельзя оставлять одного. Все-таки рана на голове, и потом его эпилепсия... За

ним нужен присмотр. Особенно после того, как он сам признался мне, что я, собственно, и подозревал с самого начала. В последнее время он, видите ли, «забывал» регулярно принимать свое лекарство. А потому выход у нас с ним один. Нравится ему или не нравится, но я намерен забрать его с собой в Кент.

– Может, вы хотите, чтобы я приехала и помогла вам? Орландо не будет возражать. Мы уже говорили с ним на эту тему.

– Стар, если бы вы смогли, это была бы фантастика. В воскресенье вечером Маргарет снова улетает во Францию. Орландо уже дал мне недвусмысленно понять, что он ни за что на свете не поселится у меня на ферме. А если бы вы приехали, то приглядывали бы за ними обоими, Рори и Орландо, в Хай-Уилд. Сообщите мне эсэмэской, когда именно вы приедете в воскресенье, чтобы я смог встретить вас на вокзале и отвезти домой.

– Хорошо, договорились. До свидания. – Я отключила телефон и снова вернулась на кухню.

– И чего эта семейка добивается от тебя на сей раз? – требовательно спросила меня Сиси.

– Мне надо в воскресенье ехать в Хай-Уилд. Мой шеф будет после больницы оправляться от травмы там, и ему потребуется моя помощь.

– То есть ты хочешь сказать, что ему нужна бесплатная сиделка, да? – коротко фыркнула Сиси. – Боже мой, Стар! Они ведь и так платят тебе такие гроши. С чего тебе рваться туда? В конце концов, ты ведь оформлена у него просто как продавщица.

– Но я же говорила тебе и не раз. Мне нравится их дом. И сама семья тоже. Мне нетрудно лишний раз съездить туда. – Я собрала со стола посуду и отнесла ее в раковину. – Давай не будем больше препираться на эту тему, ладно? Я еду туда, и на этом точка.

– Знаешь, что я тебе скажу, Стар? – Сиси немного помолчала. – Ты очень сильно изменилась с тех пор, как познакомилась с ними. Очень!

Наверное, Сиси права. Я действительно *сильно изменилась*. К тому же, как всякий человек, попавший в зависимость, не важно, от наркотика ли или от другого человека, я уже готова была нестись в Хай-Уилд на всех парах. Благо мне зажгли зеленый свет. А потому все аргументы против поездки туда отскакивали от моего сознания и тут же развеивались в воздухе, как легкий дымок на ветру. Мобильник зазвонил, когда я убиралась на кухне после завтрака. Звонил Орландо.

– Доброе утро, как вы себя чувствуете? – поинтересовалась я у него.

– Во всяком случае, меня уже вызволили из заточения. Но потом довольно бесцеремонно препроводили в Хай-Уилд с его арктическим холодом во всем доме. Заметьте, против моего желания. А в целом я чувствую себя превосходно и вполне могу сам о себе позаботиться. Меня страшно напрягает, когда со мной обращаются словно с трехлетним ребенком.

– Думаю, Мышь лишь неукоснительно соблюдает все предписания врачей.

– Единственное светлое пятно в этом мраке – так это то, что вы, как я слышал, вскоре присоединитесь к нам. Хоть порадуете меня приличной едой в этой юдоли скорби.

– Обязательно порадую.

– Слава богу! Честно, не понимаю, как только бедняга Рори тут выживает. Совсем не удивился бы, если бы врачи обнаружили у него хроническое недоедание и даже признаки цинги. Кент называют главным английским садом, а мы тут вынуждены жить на одних тостах и жареной фасоли. Позвоню сейчас же в наш деревенский магазин и закажу у них продукты к вашему приезду. Вот тогда мы станем питаться как настоящие короли. Да, и хотел бы попросить вас об одном одолжении.

– Что именно?

– Вы бы не могли заглянуть к нам в книжный магазин и забрать там мой ноутбук? Он, скорее всего, наверху, возле моей кровати. У меня есть парочка клиентов. Они ищут книги Троллопа и

Фицджеральда. Хотят преподнести их в качестве подарков своим близким на Рождество. Думаю, интернет в деревне есть. Куда же сегодня без интернета?

– На ферме у Мыши тоже есть интернет, – напомнила я ему.

– Я в курсе, мисс Стар. Не забывайте, что его дом – это и мой дом тоже. Но в сложившихся обстоятельствах я и под страхом смерти не переступлю порог этого дома. Не говоря уже о том, чтобы ставить его в известность о том, что я по-прежнему занимаюсь продажей книг.

– Хорошо, я съезжу в магазин, – пообещала я, проигнорировав его комментарии.

– Большое спасибо. С нетерпением буду ждать завтра вашего приезда.

– До свидания, Орландо.

Я снова отправилась автобусом на Кенсингтон-Черч-стрит. По пути в книжный магазин заглянула еще в соседние лавки, купила три толстых шерстяных свитера, несколько пар теплых носков на ночь и бутылку для горячей воды, помимо еще одной бутылки с обычной водой.

Зашла в магазин и сразу же направилась по лестнице вверх. Широко распахнула дверь в спальню Орландо. Все свободное пространство комнаты было завалено стопками книг. Огромная пачка книг примостилась возле кровати, выполняя функцию прикроватной тумбочки. На самой верхней книжке – это оказался «Робинзон Крузо» – стояла настольная лампа, угрожающе накренившись набок. Ноутбук валялся на кровати, лежал поверх изрядно выцветшего покрывала, а рядом тоже громоздились книги. Оставалось лишь удивляться, как на оставшемся узеньком пространстве мог укладываться на ночь Орландо.

Я взяла ноутбук и спустилась вниз, размышляя о том, что увиденное лишний раз подтверждает, что именно является истинной любовью в жизни Орландо. И любовь эта, кстати, стала для него большим подспорьем. Перевернул страницу в очередной книге и перенесся своими мыслями куда угодно, прочь от унылой и мрачной действительности.

Я еще раз прошла по торговому залу. Тут мне пришла в голову одна мысль, и я направилась к полке с английской беллетристикой времен 1930–1950 годов. Подошла и даже вздрогнула от

неожиданности. Часть книг, ранее стоявших на ней, исчезла. Только легкий слой пыли по краям свидетельствовал о том, что когда-то на этом месте стояли дневники Флоры Макникол.

Интересно, куда Орландо снова перепрятал эти дневники, размышляла я по пути домой. И какие такие у него планы на них?

Поездка в Хай-Уилд уже стала для меня привычным делом, а потому я не стала паниковать, когда, по прибытии в Ашфорд, не нашла машину Мыши на привычном месте. Он появился буквально через пару минут, громко просигналив мне, извещая о своем прибытии. С вокзала мы помчались на бешеной скорости домой.

– Очень рад, что вы приехали. Не так-то просто, доложу я вам, ухаживать за моим больным братцем. Знаю, вы его любите, но бог мой! – каким же зловредным он может быть, если захочет. Ведь он же все еще не разговаривает со мной.

– Думаю, это у него пройдет... Со временем...

– Хотелось бы, чтобы эти игры в молчанку прошли у него побыстрее. Мне сегодня позвонили из магазина, расположенного рядом с «Артур Морстон Букс». Они торгуют всяким антиквариатом с Дальнего Востока. Судя по всему, бизнес у них процветает. А как иначе? Ведь сейчас в Лондоне полно богатых русских, приобретающих здесь себе недвижимость. Так вот, владельцы антикварной лавки сделали мне предложение. Они бы хотели купить наш магазин. Предложение неплохое, но мой агент уверен, что он может еще более взвинтить цену, если скажет им, что выставляет магазин на торги.

– А что же будет с книгами? Куда вы их денете? Я уже не говорю про самого Орландо.

– Да сам еще ничего не знаю, – мрачно ответил мне Мышь. – Просто пока еще не задумывался над всем этим. Все как-то получилось так стремительно. Но, учитывая, какие сейчас проблемы на рынке, мы не можем проигнорировать столь выгодное предложение.

– Но достанутся ли после всех расчетов и вычетов какие-то деньги Орландо, чтобы он мог на них купить дом для себя и для своих книг?

– После продажи магазина и выплаты всех долгов оставшиеся средства будут поделены поровну между нами двумя. А с учетом того, что общая стоимость книг, находящихся сейчас в магазине Орландо, превышает несколько сотен тысяч фунтов стерлингов, мы не выйдем

из этой сделки совсем нищими. У него должно хватить средств на аренду другого помещения для своей библиотеки, если он согласится на такой вариант.

– Тогда хорошо.

– Если говорить начистоту, то мы оба угодили в эту долговую яму не только по вине Орландо. Я тоже оказался никудышным фермером и запустил в своем хозяйстве все, что мог. Но, с другой стороны, а кто не спотыкается? – Мышь тяжело вздохнул. – А сейчас нам остается лишь запастись терпением и подождать, чтобы выяснить, насколько серьезны намерения нашего потенциального покупателя. Вот так! – Он круто свернул на подъездную дорогу к Хай-Уилд. – Не будете возражать, если я вас сейчас высажу и помчусь дальше по своим делам? У меня еще куча дел, которые надо переделать за сегодняшний вечер.

– Никаких проблем, – согласилась я миролюбивым тоном, выбираясь из «лендровера», а Мышь тем временем извлек мой рюкзак из багажника.

– Пожалуйста, завтра утром Рори должен быть готов к школе ровно в восемь тридцать. Школа здесь недалеко, всего в полумиле от дома, в деревушке, которая, кстати, тоже называется Хай-Уилд. Немного помпезное название для деревни, да? А вы водите машину, Стар?

– Да. Я получила права еще восемь лет тому назад в Швейцарии.

– Отлично! Это сильно упростит ваше пребывание здесь. Вы ведь можете пользоваться стареньким «фиатом» Маргарет. Я немедленно внесу вашу фамилию в страховой полис.

– О'кей, – согласилась я, а про себя подумала о том, каким неуклюжим водителем я буду. Столько лет не сидела за рулем. Не говоря уже о том, что в Англии ведь движение левостороннее. Тоже проблема для неопытного водителя.

Мышь сорвался с места и уехал прочь, а я поволокла свой рюкзак к парадным дверям, которые тут же широко распахнулись, и на пороге показались встречающие меня Рори и Орландо.

– Стар! – завопил Рори и бросился мне на грудь, едва не сбив с ног.

– Вот оно, наше спасение! Хвала небесам! – воскликнул Орландо, стоя за спиной у мальчика. Он взял мой рюкзак и поставил его на

нижнюю ступеньку лестницы. И тут же повел нас напрямиком на кухню. Кухонный стол был завален продуктами, которые он заказал в сельском магазине. Взглянув на это изобилие, я невольно поймала себя на мысли, что, несмотря на жесточайший экономический кризис, в котором сейчас оказались оба брата, Орландо по-прежнему транжирит деньги налево и направо. Судя по всему, в семействе Форбсов никто не приучен вести экономный образ жизни.

– Я вообще-то не знал, что именно вам может понадобиться, а потому заказал все, что мог. Более того, мы с Рори очень надеемся, что вот эту ножку ягненка сможем отведать уже сегодня на ужин. Мы уже даже насобирали с ним в саду немного листьев розмарина. Вы же, наверное, знаете, что если в саду посадили куст розмарина, то потом от него очень трудно избавиться, срезай не срезай. – Орландо взял две веточки розмарина и приложил к своим губам в качестве смешных усов. Рори тут же расхохотался. – Лично я помню этот куст розмарина еще с тех далеких пор, когда сам был вот такой же малявкой, как ты сегодня, Рори. Мисс Стар, чем конкретно мы можем помочь вам?

Через два часа ужин уже был на столе. Потом мы еще поиграли все вместе в скрэббл. В этой игре в слова Орландо разбил нас с Рори в пух и прах.

– Дядя Ландо такой умный, – печально вздохнул Рори, когда я повела его наверх готовиться ко сну. – Он говорит, что Мышь заставляет его продавать книжный магазин.

– Возможно. Но ты пока укладывайся в постель, а я позову Орландо, чтобы он почитал тебе сказку на ночь.

– Спокойной ночи, Стар. Я так рад, что ты вернулась.

– Я тоже очень рада. Спокойной ночи, Рори.

* * *

– Доброе утро, – приветствовал нас на следующий день Мышь, когда мы с Рори уселись в его «лендровер». Я посмотрела на него мельком, когда мы отъезжали от дома, и снова подумала, какой у него изможденный и усталый вид.

– Внимательно следите за дорогой, ладно, Стар? Немного попрактикуетесь на «фиате» и, думаю, сможете самостоятельно

отвозить Рори в школу.

Я постаралась сконцентрироваться на дороге, которая заняла не более семи минут, но зато изобиловала многочисленными правыми и левыми поворотами. Мы затормозили перед симпатичным старым зданием деревенской школы, расположенной в самом центре деревни, рядом с большим зеленым лугом.

– Стар, пойдем со мной, – вздохнул Рори и потянул меня за рукав.

Мы миновали ворота и влились в толпу мамаш, сопровождающих своих детей в здание через школьный двор. Но вот малыши разделись и повесили свои пальтишки на крючки. Рори повернулся ко мне, чтобы обняться на прощание.

– Приедешь за мной, да? – спросил он у меня. В эту минуту к нему подбежала маленькая девочка и протянула ему свою руку.

– Идем, Рори, – сказала она ему. – Иначе мы с тобой опоздаем.

Прощальный взмах рукой, и Рори вприпрыжку устремляется по коридору.

– Все в порядке? – интересуется у меня Мышь, когда я снова сажусь в машину.

– Да. Кажется, Рори нравится в этой школе.

– Пока, да. В школе проявляют феноменальное терпение по отношению к нему. Вопрос в другом. Сможет ли он и далее, когда станет постарше, продолжить учебу в обычной школе, такой, как эта, – ответил мне Мышь, пока мы выезжали из деревни на проселочную дорогу. – Просил бы вас забрать его сегодня после занятий. У меня в половине четвертого назначена встреча.

– Хорошо. Днем попрактикуюсь в вождении около дома.

– Ключи от машины в вазочке рядом с телефоном. Если возникнут какие-то проблемы, немедленно звоните мне.

На подъезде к дому я снова выбралась из машины, а Мышь газанул на полную мощь, не обронив более ни слова. На кухне меня уже поджидал Орландо, сидя за столом.

– В холодильнике лежит чудесный кусочек бекона. Есть и грибы, собранные в этих местах. Я обожаю грибы. – Он бросил на меня многозначительный взгляд.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я у него, извлекая из холодильника и кладовки те продукты, которые он только что перечислил.

– Как хорошо настроенная скрипка... или флейта. Хотя, убей меня! – так до сих пор и не понимаю, что это означает «настроить скрипку». Подогнать ее под исполнителя, что ли... Что вы сегодня делаете днем?

– Буду давать сама себе уроки вождения на «фиате». Мне нужно забрать Рори из школы в половине четвертого.

– Отлично! Тогда можете внести и меня в свои планы. Потому что мне надо съездить в Тентерден, тихий маленький городок неподалеку от нас. Там есть замечательный книжный магазин. Мама меня туда часто возила, когда я был ребенком... – Орландо замолчал, видно, переключившись от воспоминаний о далеком прошлом на день сегодняшней со всеми проблемами, которые навалились на него со всех сторон. – В любом случае интернет там где-нибудь да есть. А еще, там такой деликатес подают... Мусс из копченого лосося. Ничего вкуснее не едал.

Вдохнув жизнь в отчаянно сопротивляющийся мотор «фиата», я сделала пару пробных кругов по двору, то и дело тормозя с помощью ручного тормоза, похожего на большой черный леденец на палочке. После чего, заметно нервничая, как и мой пассажир, покатила в сторону Тентердена. Указания Орландо относительно маршрута, которые он давал мне по дороге, были такими же сомнительными, как и сам старенький «фиат», на котором я рулила. Нас то и дело заносило в сторону, мы спотыкались, тормозили и даже на какое-то время глохли, пробираясь вперед по узким проселочным дорогам. Когда в конце концов мы все же добрались до городка, нервы мои были уже на пределе. Кое-как я припарковала машину рядом с зеленой лужайкой. Ровные ряды уже почти голых деревьев, протянувшихся вдоль улицы, защищали фасады ухоженных домиков, обитых снаружи дранкой.

– Уверяю вас, все муки от этой поездки, только что пережитые нами, стоят того, чтобы побывать здесь, – объявил мне Орландо, устремляясь напрямик через лужайку. Я поплелась за ним, чувствуя немалое внутреннее облегчение от того, что весь этот кошмар уже действительно остался в прошлом.

Над старыми домиками возвышалась церковная звонница, возле разноцветных витрин небольших магазинчиков толпился народ, оживленно переговариваясь друг с другом. Другие сидели на скамейках, разбросанных по всей лужайке.

Вдруг Орландо остановился возле небольшого кафе-магазина с многостворчатыми окнами-витринами, заставленными ирисками и прочими глазированными лакомствами, потом решительным движением распахнул дверь, пропуская меня вперед. Женщина, обслуживающая покупателя, слегка высунулась из-за прилавка и тотчас же широко заулыбалась:

– Мастер Орландо! Как же я рада снова видеть вас.

– И я тоже рад, дражайшая миссис Мидоуз. Как поживаете? Как обстоят дела?

– Времена нынче трудные, особенно для таких маленьких лавчонок, как наша. Наверняка сами уже увидели, что у нас по соседству делается. – Она выразительно показала большим пальцем налево.

– Нет, мы шли с противоположной стороны. А что случилось?

– Мистер Мидоуз вынужден закрыть наш книжный магазин. Платить сразу две ренты нам сегодня не под силу. Мы и так на грани разорения. Вот только за счет одного кафе и держимся пока.

Орландо буквально на глазах сдулся, словно шарик, из которого выпустили весь воздух.

– Книжный магазин закрыт?

– Да, уже скоро как два месяца. Но за все это время мы так никого и не нашли, кто бы согласился взять само помещение в аренду. Обедать будете?

– Обязательно, – живо отреагировал Орландо. – А что у вас сегодня?

– Пирог с курицей, картофельное пюре.

– Тогда нам, пожалуйста, на двоих, миссис Мидоуз. И два бокала...

– Сансер... Помню, помню, – закончила за него хозяйка кафе. – А вы, как я посмотрю, все такой же худенький, мастер Орландо. Кожа да кости... Или вас ваша молодая спутница совсем не кормит? – Женщина кивком указала на меня и снова расплылась в доброжелательной улыбке.

– Уверяю вас, миссис Мидоуз, кормит, причем так же хорошо, как и вы. Проходите сюда, мисс Стар.

Мы устроились за суковатым столом из сосны. Орландо безвольно опустился на стул и затряс головой.

– Я в отчаянии, иначе и не скажешь. Вот и еще какая-то часть моей прошлой жизни исчезла, причем бесследно. Книжный магазин «Мидоуз Букшоп» был для меня всегда, с самого раннего детства, своеобразным маяком, излучавшим свет покоя и умиротворения. И вот маяк погас. Его больше нет. Как это ужасно!

Мы с удовольствием полакомились пирогом с курицей, который и правда был отменно хорош, а потом Орландо поинтересовался у миссис Мидоуз, есть ли в кафе интернет. И та с готовностью повела его в служебное помещение в самом дальнем конце здания.

А я отправилась знакомиться с городом. Тентерден, типичный провинциальный городок, буквально излучал всем своим обликом неповторимую «английскость» во всем. Живописные домики, множество крохотных магазинчиков, торгующих всем и вся, узенькие мощеные улочки. Я заглянула в витрину магазина игрушек. Над прилавком свисала искусственная паутина, рядом болтались пластмассовые пауки, выстроились в ряд метловища. Послезавтра ведь Хэллоуин. А что, если взять и устроить праздник для Рори? Помнится, мы с сестрами всегда очень шумно отмечали Хэллоуин у себя в Атлантисе. Па Солт говорил нам, что именно на праздник Хэллоуин созвездие Плеяд или Семь Сестер занимает самую высокую позицию на своей траектории движения по звездному небу. Наверное, еще и поэтому все мы, девочки, чувствовали, что Хэллоуин – это наш особый праздник. Если отец в этот день бывал дома, то он брал всех нас по очереди к себе в обсерваторию, чтобы каждая из нас могла полюбоваться в телескоп созвездием Плеяд и увидеть собственную звезду. Труднее всего всегда было со *мною*. Моя звезда, Астеропа, была едва заметна на фоне остальных звезд.

– Не расстраивайся, милая, – успокаивал меня отец. – Твоему имени ведь соответствуют *целых две* звезды. Но они расположены так близко друг от друга, что издали кажутся одной большой звездой. Взгляни сама!

Отец приподнимал меня с пола, и я снова припадала к телескопу. И все *видела*.

– Наверное, вторая звезда – это ее близнец. Вот как я. Мы со Стар – близнецы, – помнится, пропищала снизу Сиси.

– Нет, Сиси, нет, родная, – ласково отвечал ей Па Солт. – У тебя есть собственная звезда, и она тоже совсем рядом.

Я зашла в магазин и купила костюм Гарри Поттера для Рори, балдахин ведьмы для себя и костюм волшебника для Орландо. Думаю, у нас не будет проблем с тем, чтобы уговорить *его* нарядиться в костюм мага. Уже направившись к выходу, я невольно замедлила шаг возле пары мышинных ушей в комплекте с усами и длинным хвостом. Невольно улыбнулась про себя и присовокупила комплект к остальным своим покупкам. Вышла на улицу и двинулась вдоль тротуара с мешком, набитым товаром, потом остановилась, чтобы купить еще и тыкву.

– Боже мой! Отпусти женщину ходить одну по магазинам, и не успеешь глазом моргнуть, как она тут же разорит всю семью! – воскликнул Орландо с деланным возмущением. Он уже стоял на тротуаре, поджидая меня.

– Вот купила кое-что для Хэллоуина, – пояснила я ему.

– В нашем доме и без того хватает всяких привидений. Впрочем, к старым призракам вполне можно добавить и пару-тройку новых. Вы только взгляните сюда! – Он махнул рукой на магазинчик, расположенный рядом с кафе. Окно-фонарь было украшено объявлением, на котором большими буквами значилось: «Сдается внаем». – Как все это грустно! – тяжело вздохнул Орландо. – Как же это все грустно!

* * *

К празднику Хэллоуина я уже вполне освоилась со всеми капризами старенького «фиата». Утром, когда я отвозила Рори в школу, я заранее предупредила его, что сегодня после школы в Хай-Уилд его ждет сюрприз. На обратном пути я заехала на ферму к Мыши. *Скорее всего, он скажет «нет»*, думала я, направляясь к черному входу. Постучала в дверь.

– Открыто. Заходите, – услышала я голос изнутри.

Мышь сидел за столом, уткнувшись носом в бухгалтерские книги.

– Привет, Стар, – поздоровался он со мной, и слабая улыбка осветила его лицо. Впервые за все последние дни. – Как поживаете?

– Все хорошо, спасибо.

– Представьте себе, и у меня тоже. Есть кое-какие новости. Сейчас поставлю чайник. – Мышь поднялся из-за стола, налил воду в старый жестяной чайник и поставил его на плиту. – Наши лондонские соседи увеличили цену, которую они готовы были заплатить за книжный магазин изначально. Они хотят как можно быстрее приступить к оформлению сделки. Может случиться, что деньги поступят на наш счет уже к Рождеству.

– О! – неопределенно промычала я в ответ.

– Судя по всему, вы не очень рады.

– Я просто подумала об Орландо. Только и всего.

– В любом случае этот вариант гораздо предпочтительнее другого, когда мы оба с ним окажемся на улице без гроша за душой и без крыши над головой. А так у него хотя бы появятся средства, чтобы снять себе в аренду небольшой книжный магазинчик, где-нибудь здесь рядом, и даже купить собственный домик, тоже небольшой, если он захочет.

– Я заглянула к вам, чтобы пригласить сегодня на ужин в Хай-Уилд. Мы празднуем Хэллоуин и даже собираемся устроить по этому поводу маскарад.

– Хорошая идея, – одобрил Мышь. Вот уж никак не ожидала от него такой позитивной реакции. – Боже мой, Стар! Если бы вы только знали, какая тяжесть свалилась с моей души. Вы даже и представить себе не можете, в каком отчаянном финансовом положении оказались мы с братом.

– Только не говорите сегодня ничего об этом Орландо, ладно? Мне хочется, чтобы у Рори получился по-настоящему веселый Хэллоуин.

– Ладно. А как он там?

– Все нормально.

– А как вы сами? Судя по вашему внешнему виду, хорошо. Этот свитер вам очень к лицу. Подходит к вашим глазам. Кстати, вам там еще не попадались на глаза остальные дневники Флоры? – внезапно спросил он у меня.

– К сожалению, нет, – сказала я, немного покривив душой. Впрочем, дневников все равно нет. Куда-то снова исчезли. И пропали они отнюдь не из Хай-Уилд.

– И где их теперь искать? Одному богу известно... Жаль, что не смогу документально подтвердить все то, о чем поведал мне отец незадолго до своей смерти. Впрочем, пусть прошлое останется в прошлом. Не будем больше ворошить былое, не так ли? Что слышно от Маргарет?

– Она звонила вчера вечером. Говорит, работа продвигается успешно.

– Думаю, ее потянуло туда не только из-за возможности заработать или проявить себя творчески. Конечно, все эти настенные росписи, деньги, молодое вино прямо из погребов, опять же, Франция – все это очень хорошо. Однако догадываюсь, что это далеко не все. Она явно там с кем-то познакомилась.

– Вы так считаете?

– Я давно уже не видел ее такой воодушевленной. Она буквально вся светится. Вот какие чудеса может сотворить с человеком любовь. Согласны? – Он грустно усмехнулся. – А вы были когда-нибудь влюблены, Стар?

– Нет, – честно призналась я в ответ.

– Жаль.

– Да, – согласилась я и быстро вскочила со своего места. Разговор как-то неожиданно для меня самой принял уж слишком личный характер, и я тут же почувствовала себя не в своей тарелке. Как обычно. – Итак, ждем вас к ужину ровно в семь. Кстати, – добавила я, направляясь к дверям, – мы запасли маскарадный костюм и для вас тоже.

* * *

Как только Рори вернулся из школы, мы тут же зажгли свечи в тыкве и повесили ее над входом в дом. А потом пошли переодеваться в свои маскарадные костюмы.

– Я ни разу в жизни еще не играл в Хэллоуин, – возбужденно поведал мне Рори, натягивая на себя свой костюм. – Маргарет говорит, что его отмечают только в Америке. Там этот праздник и возник. А мы его можем и не праздновать.

– Какая разница, в какой стране появился тот или иной праздник? Главное, что это хороший и веселый праздник. А какая потеха – все эти маски и переодевания!

Мы с Рори спустились вниз, чтобы продемонстрировать Орландо костюм Гарри Поттера. Орландо мы застали на кухне. Он уже был в плаще звездочета, в шляпе и с длинной белой бородой. Ни дать ни взять просто вылитый Дамблдор Альбус, директор школы чародейства и волшебства и любимый наставник Гарри Поттера, подумала я, глядя на него.

– А у вас вполне зловещий вид, – прокомментировал мой облик Орландо, осмотрев, в свою очередь, мой наряд ведьмы.

– Она белая ведьма, не черная. Она добрая, – бросился защищать меня Рори и тут же обнял в порыве чувств.

И в эту минуту дверь отворилась, и на пороге появился Мышь. Орландо тут же нахмурился и бросил на меня неодобрительный взгляд.

– Вы ничего не говорили мне о том, что *он тоже* будет с нами, – произнес он театральным шепотом, достаточно громко, чтобы брат услышал его слова.

– А для Мыши у нас есть костюм? – тут же заволновался Рори.

– Конечно. Вот он! – Я сняла с буфета пакет и отдала его Мыши. Тот заглянул вовнутрь и тут же насупился.

– Если честно, Стар, то это не для меня.

– Ради Рори, прошу вас, – прошептала я ему в ответ. – Хотя бы одни уши. – Я достала из пакета уши и вручила их ему.

– Вот сейчас ты прямо настоящая мышь! – воскликнул Рори, в полном восторге от костюма дяди. – Давай я помогу тебе.

Я повернулась к плите и стала помешивать тыквенный суп, боясь наблюдать за тем, что будет дальше. Но, кажется, Мышь все же сдался и уступил бурным домогательствам Рори.

– Как дела, Орландо? – поинтересовался Мышь у брата, направляясь в кладовку. Ответа не последовало.

Через какое-то время Мышь вернулся на кухню с бутылкой пива и вином. Налил немного вина в бокал и протянул его мне. Я глянула на него и с трудом удержалась от смеха. Рори прикрепил уши к его голове как попало. Одно уже успело согнуться пополам. Я подошла к нему, чтобы подправить ухо.

– А вам идет, – улыбнулась я, возвращая ухо в нормальное положение.

– Спасибо, – коротко поблагодарил он в ответ и направился к столу.

Несмотря на размолвку между братьями и напряжение, витавшее в воздухе, Рори был на седьмом небе от счастья. Наш Хэллоуин явно удался. Мы поели суп, потом я подала «бургеры-привидения» и «картошку-паучки». Пауков я вылепила из картофельного пюре, а потом обжарила до золотистой корочки. После того как мы завершили ужин пудингом, я подошла к шкафчику и извлекла из него DVD с фильмом про Гарри Поттера, который тоже купила в городе.

– А сейчас предлагаю посмотреть кино, – обратилась я к трем мужчинам.

– Значит, «Супермена» сегодня не будет? – поинтересовался у меня Рори со вздохом.

– Не будет. Но, думаю, фильм про Гарри Поттера тебе тоже понравится, – приободрила я его. – Дамблдор, помогите ему справиться с аппаратурой, – обратилась я уже к Орландо.

– Само собой. Весь минувший год я тщетно уговаривал Рори позволить мне почитать ему на сон грядущий книгу про Гарри Поттера. – Орландо поднялся из-за стола и взмахнул своей волшебной палочкой. – За мной, Гарри. Сейчас я поведу тебя в замок Хогвартс, и ты своими глазами увидишь все его многочисленные чудеса.

– Мне пора, – Мышь стянул со своей головы мышьиные уши и положил их на стол. – Спасибо за приятный вечер, Стар. Рори, моему, в полном восторге.

– Я рада.

– Вы с ним отлично поладили, правда.

Он подошел ко мне и неожиданно крепко обнял. Я посмотрела на него и увидела какое-то странное выражение на его лице. Он наклонился к моим губам, но в самый последний момент, видно, передумав, запечатлел проникновенный поцелуй у меня на лбу. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – пробормотала я, немного ошарашенная случившимся. Мышь разжал свои объятия, направился к дверям и уже в следующее мгновение исчез за ними.

Несмотря на то что первая серия фильма про Гарри Поттера всегда числилась среди моих самых любимых, сегодня я смотрела кино вполглаза. Мысли мои снова и снова возвращались к тому мгновению, когда Мышь явно хотел поцеловать меня в губы.

– Ну, все, молодой человек, пора спать, – объявила я, как только на экране замелькали титры, и с трудом стащила упирающегося Гарри Поттера с дивана.

– Сегодня никакого чтения сказок на ночь, старина, – подал голос Орландо. – Уже слишком поздно. – Сладкого тебе сна, и пусть никакие жучки-паучки не нарушат твой сон.

Поцеловав Рори и пожелав ему спокойной ночи, я пошла вниз на кухню, чтобы прибраться там после ужина.

– Ну и куда сейчас? – Орландо ткнул в меня своей волшебной палочкой, пока я собирала со стола в гостиной грязные кружки от горячего шоколада. – Ни минуты не можете посидеть без дела, не так ли? Пожалуйста, присядьте, мисс Стар. У меня такое чувство, что последние несколько дней мы с вами вообще не разговаривали.

– Хорошо. – Я послушно уселась в кресло возле камина. Совсем как в нашем лондонском книжном магазине. – О чем вы хотите поговорить со мной?

– О вас.

– Ах, вот что! – Я приготовилась выслушать очередную порцию жалоб в связи с предстоящей продажей магазина.

– Да, мисс Стар, я хотел бы поговорить с вами *о вас*, – снова повторил он. – Не устаю поражаться тому, как много вы сделали для нашей семьи. Особенно для нас с Рори. Должен же я хоть как-то отблагодарить вас за это.

– Зачем? Честное слово, Орландо, в этом нет никакой нужды. Я...

– О, нет! Речь не идет о какой-то финансовой компенсации. У меня для вас есть и кое-что поважнее, как мне кажется.

– Правда?

– Да, правда. Видите ли, мисс Стар, я совсем не забыл о том, по какой причине вы разыскивали магазин «Артур Морстон Букс», когда впервые появились у меня. Ведь это ваш покойный отец оставил вам такую подсказку для того, чтобы вы смогли начать поиски своей настоящей семьи.

– Да, это так.

– Не скрою, сначала я отнесся к вам весьма настороженно. Но ведь и любой другой на моем месте повел бы себя точно так же. Является какая-то незнакомая особа и с порога объявляет о том, что она каким-то образом связана с нашей семьей. Особенно с такой семьей, как наша, у которой очень запутанная и сложная история. Помнится, вы еще тогда спросили у меня, кто такая эта Флора Макникол, и я ответил вам, что она сестра нашей прабабушки. Иными словами, мы с братом ее внучатые племянники, что есть истинная правда. Но это далеко *не вся правда*.

– Понятно.

– Очень сильно сомневаюсь в том, что вам действительно все понятно. Пожалуй, никому не понятно. За исключением меня самого. Потому что, мисс Стар, когда я был ребенком, чтение стало для меня самой настоящей отдушиной и единственным спасением от моей страшной болезни.

– Да, Мышь рассказывал мне об этом.

– Не сомневаюсь, что он рассказывал. Но даже он едва ли знает, что во время моих бесконечных странствий по книжным полкам в нашем доме я прочитал буквально все, что там было. Включая дневники Флоры Макникол. – Орландо сделал театральную паузу. – Я прочитал *их все*.

– Хорошо, – ответила я, решив сыграть с ним сейчас в поддавки. – Но тогда вы, должно быть, в курсе, что некоторые дневники утеряны? Мышь искал их везде. Они были нужны ему для продолжения своих исследований вашей семейной истории. Получается, что вы знали об их местонахождении?

– Конечно, знал.

– Тогда почему вы ничего не сказали ему?

– По правде говоря, я не был до конца уверен в том, что он занялся своими исследованиями из самых лучших побуждений. Вы же понимаете, мисс Стар, мой брат очень сложный человек. А уж после смерти жены, а потом и нашего отца, он вообще стал неуправляемым. Вот я и решил, что, получив дополнительную информацию о некоторых наших семейных тайнах, он еще более ожесточится на весь белый свет. От него же тогда невозможно было услышать доброе слово, настолько он озлобился в своем горе. Порой мне вообще казалось, что он сошел с ума.

– А с чего вы решили, что дневники усугубили бы его отчаянное положение?

– Уверен, Мышь уже успел рассказать вам о том, что перед смертью отец поведал ему... кое о чем. И Мышь буквально помешался после этого на идее докопаться до правды, касающейся его прошлого. Нашего с ним прошлого, если уж быть совсем точным. Уцепился за это прошлое руками и ногами... А все потому, что не видел перед собой никакого будущего. Понимаете, о чем я?

– Понимаю. Но какое отношение все это имеет ко мне?

– Сейчас, сейчас... – Орландо наклонился к полу. Рядом с его стулом стоял полотняный мешок. Он сунул в него руку и извлек стопку уже знакомых мне дневников в шелковых обложках. – Вы знаете, что это?

– Да, это дневники Флоры Макникол.

– Верно. Все верно. – Орландо удовлетворенно кивнул в знак согласия. – В свое время я увез их с фермы и спрятал среди тысяч других книг в своем книжном магазине. Догадываетесь, что на поиски этих сокровищ ушли бы годы и годы, – добавил он торжествующим тоном.

Я решила не омрачать Орландо минуту его триумфа. Не стала говорить, что именно в магазине я их и обнаружила.

– Итак, мисс Стар, вот эти дневники. Они перед вами. Здесь запечатлена жизнь Флоры Макникол, начиная с 1910-го и по 1944 год включительно. И в них действительно содержится письменное подтверждение того, что в нашей семье случился грандиозный обман, все последствия которого мы ощущаем до сих пор. Скажу даже более. Эти последствия самым негативным образом сказались на судьбах всех нас троих.

Я промолчала, решив, что он имеет в виду себя, Маргарет и Мышь.

– Итак, с учетом того, что вы повели себя в высшей степени благородно по отношению к нашей ничтожной семейке, имея в виду Форбсов, думаю, что с моей стороны будет честно и порядочно, если я направлю вас по правильному пути на дальнейшие ваши поиски. Ибо брат мой уже сбился с этого пути.

– Спасибо вам большое.

– Где конкретно вы остановились, читая дневники Флоры?

– На том месте, когда Флора узнает, кто ее настоящий отец. После чего покидает Лондон и уезжает к себе домой.

– Что ж, тогда предлагаю продолжить ее историю именно с этого места. Простите, если я буду торопиться и кое-что пропускать. Ведь нам надо успеть пробежаться по событиям ее жизни на протяжении целых тридцати лет с хвостиком. – Орландо указал на пачку тоненьких тетрадок. – Некоторые дневниковые записи откровенно скучны и неинтересны, но все вместе и воедино они приводят нас к совершенно неожиданной развязке. Я бы сказал, к величественной кульминации истории всей жизни. Итак, я начинаю. Вы абсолютно правы. Флора действительно, можно сказать, сорвалась с места и убежала домой, в свой любимый Озерный край. Вернулась в Ближний Суррей и бросилась в поисках пристанища к Беатрикс Поттер, которая и приютила ее на первых порах у себя в доме. Спустя несколько месяцев Флора разумно распорядилась теми средствами, которые оставил ей отец, и купила себе небольшую ферму в окрестностях Суррея. Следующие девять лет она вела поистине отшельнический образ жизни: обрабатывала землю, ухаживала за своими животными.

– Она была еще так молода. Только-только исполнилось двадцать лет, – прошептала я.

– Терпение, мисс Стар. Всему свой черед. Я уже говорил вам и снова повторяю: судьба благоволила к Флоре. – Орландо взял в руки первую тетрадь, лежавшую сверху, и быстро пробежал глазами несколько страниц. Потом стал рыться в стопке в поисках нужной ему тетради. – А вот что нам надо. Итак, мы с вами, мисс Стар, мысленно переносимся в Озерный край. Февраль 1919 года. Зимнее утро, на улице ужасный мороз и много снега...

Флора

Ближний Суррей, Озерный край

Февраль 1919 года

Флора расчистила от снега узенькую дорожку, ведущую к дому. Пустая работа, особенно если взглянуть на небо, сплошь затянутое низкими тяжелыми тучами. Скоро все здесь будет снова завалено снегом. Но надо же ей хоть как-то выбраться из дома, добрести до большой дороги, чтобы навеститься к Беатрикс, которая страдает в последнее время от сильнейшего бронхита. Попытаться воспользоваться услугами Жизель, ее пони нортумберлендской породы, едва ли получится. Вообще-то к морозным зимам лошадка ее привычна, но если снег глубокий, чуть выше голени, она тут же начинает жалобно ржать, а потом и вовсе замирает на месте как вкопанная, категорически отказываясь двигаться вперед.

Натянув на себя бриджи из толстого твида, которые она сама себе смастерила, поскольку они намного удобнее и практичнее, чем все эти юбки, обув на ноги тяжелые ботсы, Флора быстро собрала корзинку с провизией и направилась вниз по снежным сугробам к дороге, тоже сплошь заваленной снегом.

При виде своего родного дома Эствейт-Холл на противоположном берегу озера остановилась, она всегда так делает, чтобы полюбоваться искрящимися на солнце окнами. Озеро сковано толстым слоем льда. Пожалуй, будь у нее коньки, она бы переправилась на другой берег за считанные минуты. Зима в этом году выдалась как никогда суровой. За все те девять лет, что Флора прожила здесь, она и не припомнит таких холодов. К великому огорчению, она, как, впрочем, и все остальные фермеры в их краях, потеряла много овец.

Но вот вдали показался Касл-Коттедж, дом, в который перебралась Беатрикс после того, как вышла замуж за милейшего Уильяма Хилиса, который одновременно состоял при ней и в качестве ее поверенного. В свое время именно Беатрикс посоветовала Флоре купить ферму Уинбриг, узнав о том, что она выставляется на продажу. Став владелицей фермы, Флора капитально отремонтировала дом и существенно обновила свое фермерское хозяйство.

Беатрикс сильно сдала за минувшие годы, хотя упорно отказывается признаваться в этом даже себе самой. Ее по-прежнему

можно видеть карабкающуюся по скалам либо в поисках пропавших овец, либо каких-то необычных экземпляров полевых цветов, которых пока еще нет в ее саду. Потом многие из этих находок перебирались и во владения Флоры. Беатрикс всегда охотно делилась со своей подругой и давала ей отростки и семена.

В тот судьбоносный вечер 1910 года, когда Флора очертя голову бежала из Лондона, зная лишь одно: ей надо во что бы то ни стало вернуться в свой любимый Озерный край, именно Беатрикс спасла ее. Многие деревенские воспринимали известную писательницу как довольно эксцентричную и даже в чем-то вредную старуху, но Флора знала и всегда чувствовала, какое доброе у этой женщины сердце.

В сущности, Беатрикс стала ее единственным другом. Она ее не просто любила, она ее обожала.

Что же до собственного одиночества, то, пробираясь через высоченные сугробы, Флора размышляла о том, что это не такая уж и большая плата за независимость. Во всяком случае, ей некого было терять в сравнении с другими в этой страшной войне. Ведь о перемирии было объявлено только в ноябре. Впрочем, это вовсе не значит, что она не переживала за человека, которого до сих пор любила. Мысли об Арчи Вогане преследовали ее и днем и ночью, хотя, просыпаясь каждое утро, она давала себе слово больше не думать о нем.

Спасало лишь то, что фермерское хозяйство постоянно держало ее в рабочем тонусе. Днями напролет она была занята. Годы военного лихолетья научили Флору искусству выживания и умению приспособливаться к любым обстоятельствам. Вот к примеру: все молоко, которое давали на ферме ее немногочисленные коровы, отправлялось на фронт, тем мальчишкам, которые воюют где-то далеко во Франции. Тогда для собственных нужд она завела себе козу. Все тягловые лошади были реквизированы для нужд фронта. Что ж, на помощь пришла пони Жизель. Овощи тоже стали редкостью, и Флоре пришлось разбить собственный огород, а потом заняться разведением кур, чтобы иметь свои яйца. Но как бы она ни голодала, сворачивать шеи своим курочкам она всегда отказывалась. Запахи куриного бульона ее совсем не соблазняли. После возвращения к себе на родину Флора не съела ни единого кусочка мяса.

Иногда она вспоминала те роскошные застолья, которые устраивались когда-то на Портман-сквер. Какое изобилие царило на столах, сколько продуктов изводилось на приготовление всех этих блюд. И сколько мяса невинно убиенных животных съедалось за столом. Слава богу, сейчас у нее есть собственные средства, чтобы самостоятельно вести свое хозяйство, пусть скромное, но свое. И меню тоже простое, безо всяких изысков.

– Жив ли ты? – Флора вперила взор в чистое холодное небо, мысленно представляя себе Арчи. Неизвестность о том, как сложилась его судьба, терзала ее все эти годы. Когда-то, еще по приезде в Озерный край, Флора излила душу Беатрикс, рассказала ей все без утайки. Та буквально умоляла свою молодую подругу написать сестре, сообщить ей о своем местонахождении, расспросить о том, как складывается их жизнь с Арчи.

– Война меняет все, – говорила она ей не раз.

Но Флора-то прекрасно понимала: ничто не может изменить и отменить ее ужасное предательство. А еще, она хорошо помнила слова Аурелии, заявившей ей в лицо, что впредь она не желает ее видеть. Никогда!

Время от времени до нее доходили от деревенских кое-какие скудные новости о родителях. Она с глубокой скорбью узнала, что два года тому назад умер ее приемный отец. Она даже написала матери письмо в Шотландию, но так и не отправила его. Флора затаила глубокую обиду на Розу, по сути, бросившую ее на произвол судьбы после смерти короля, и заставить себя снова начать общаться с матерью она так и не смогла. Недавно ей сказали, что Роза покинула Высокогорье и уехала куда-то за границу, куда конкретно, толком никто не знает.

Зима всегда была для Флоры самым трудным временем года. Никакой тяжкий физический труд не мог истощить ее настолько, чтобы забыться и ни о чем не думать длинными холодными ночами. И тогда мысли, такие же темные, как и ночь за окном, обступали ее со всех сторон. С наступлением весны работы только прибавлялось, но это ее радовало. Главное – работать и не думать. Тяжело дыша от своего марш-броска по заснеженной целине, она наконец-то пришла в Касл-Коттедж и постучала в дверь дома. Как всегда, первыми ее приветствовали две собачки-пекинесы, любимицы хозяйки.

– Флора, дорогая моя, проходи же скорее в дом, – пригласила ее Беатрикс, и на нее тут же пахнуло живительным теплом. – Я сегодня надумала испечь пирог из последнего яйца. А вот угощаться пирогом тебе придется одной. Уильям, несмотря на обилие снега, отправился в свою контору в Хокшид. Не бойся пробовать. Мне помогала миссис Роджерсон.

– Как вы добры, дорогая Беатрикс. А я принесла вам немного свежих яиц. – Флора сняла рукавицы и осторожно выложила на стол три яйца. – Вам уже лучше?

– Гораздо лучше, спасибо. Я сильно простудилась на сей раз. А уж что творилось в груди... словно свора собак грызла меня.

– Я принесла вам также немного камфары, – Флора достала ее из корзинки. – И баночку прошлогоднего меда со своей пасеки.

Она уселась за кухонный стол, а Беатрикс принялась нарезать слоеный пирог на порции. Тоненькие верхний и нижний слои с лихвой компенсировались начинкой из варенья. Флора взяла кусок пирога и поднесла ко рту, с наслаждением вдыхая в себя аромат сдобы. Внезапно ее озарило.

– А какое сегодня число? – спросила она у Беатрикс.

– Шестнадцатое февраля, а что?

– Боже мой! – Флора откинулась на спинку стула и негромко рассмеялась. – Вы не поверите! Но сегодня же мой день рождения. И вы угощаете меня своим пирогом! Чудеса, да и только...

– Дорогая моя! Да лучшего повода, чтобы испечь пирог, и нарочно не придумаешь. – Беатрикс тоже присела к столу и взяла именинницу за руку. – С днем рожденья, Флора. Желаю долгих и счастливых лет.

– Спасибо.

– Кстати, напомните мне, а сколько вам сегодня исполнилось?

– Мне уже... – Флора на секунду задумалась, вычисляя свой возраст. – Мне уже двадцать девять.

– Совсем еще молодая. Вдвое младше меня, – негромко обронила Беатрикс. – Я почему-то считала всегда, что вы старше. Пожалуйста, примите мои слова как комплимент.

– Хорошо, так я и сделаю. Хотя порой мне кажется, что я живу уже целую вечность.

– Послушайте меня, Флора. Вот я, как говорится, дитя полей и лесов. Но даже у меня порой возникает потребность вернуться обратно

в цивилизацию, в Лондон. Почему бы и вам не последовать моему примеру? Особенно сейчас, когда закончилась эта ужасная война.

– Мне и здесь хорошо, – ответила Флора, почувствовав легкий укол раздражения.

– Знаю, что вам здесь хорошо, очень даже знаю, но... Мы с Вильямом только вчера вечером говорили о вас. Ваше будущее беспокоит нас обоих. Вы еще так молоды... и красивы...

– Пожалуйста, Беатрикс, не надо мне льстить.

– А я и не льщу. Вы на самом деле красавица, Флора. Я лишь называю все своими именами. Неужели вы не хотите восстановить прежние связи со своей семьей? Возможно, стоит наконец отважиться и навестить их... Похоронить прошлое раз и навсегда. Такие мысли вам в голову не приходили?

– Вы же знаете, и мы с вами много раз беседовали на эту тему. Нет, никуда я не поеду. Аурелия ясно дала мне понять: она не желает видеть меня. Что я могу ей сказать? Разве что напомнить ей своим появлением обо всем том, что случилось когда-то в прошлом. Уверена, эти воспоминания до сих пор причиняют ей боль.

– А что же любовь, Флора? Или вы больше не верите в любовь?

Флора в замешательстве уставилась на Беатрикс. Вообще-то ее подруга не отличалась сентиментальностью и вдруг ни с того ни с сего заговорила о любви. Она положила на тарелку недоеденный кусок пирога и поднялась со стула.

– Мне пора. Спасибо вам за ваши добрые пожелания, Беатрикс, но уверяю вас, у меня все хорошо и я счастлива. До свидания.

Беатрикс проследила взглядом, как Флора вышла из кухни, а потом долго наблюдала в окно, как она пробирается по заваленной сугробами дороге назад, к себе, в свой одинокий и пустынный дом. Отшельнический образ жизни Флоры и в самом деле очень тревожил ее.

* * *

В солнечный июньский день, спустя почти четыре месяца после того разговора с Беатрикс, заплаканная Флора снова появилась на пороге ее дома и принялась отчаянно барабанить в дверь.

– Боже, что стряслось? – перепугалась Беатрикс, увидев выражение ее лица.

– Пантера! Вчера вечером, как обычно, улеглась ко мне в кровать, а сегодня утром... она не проснулась.

– Ах, моя дорогая! – воскликнула Беатрикс, впуская Флору в дом и закрывая за ней дверь. – Сочувствую вам всем сердцем.

– Я так ее любила! Ведь Пантера была единственной ниточкой, связующей меня с моим прошлым. По сути, она была для меня *всем*...

– Ну же, милая. Успокойтесь, прошу вас, – принялась ласково увещевать безутешную Флору хозяйка. Проводила ее на кухню, усадила за стол, поставила чайник на плиту. – Вспомните, какую хорошую и долгую жизнь она прожила.

– Но ей ведь было только десять лет. Я знаю, многие коты живут гораздо дольше. – Флора опустила голову, тело ее сотрясилось от беззвучных рыданий.

– Зато она прожила эти десять лет здоровенькой и счастливой. А мы-то с вами хорошо знаем, как тягостно наблюдать за тем, как умирают старые и больные животные, в каких муках и страданиях...

– Но так внезапно! Просто не проснулась. Ничего не понимаю.

– А кому дано постигнуть таинство смерти? Разве что один Господь все видит и понимает. – Беатрикс залила кипятком в заварочный чайник. – Где она сейчас?

– Все еще лежит у меня на кровати. Так уютно устроилась, я не захотела тревожить ее.

– Флора, дорогая моя, вы должны поступить так, как должно. Пантеру надо похоронить, как положено. Давайте, я вам помогу.

– Да, пожалуйста, – жалобно прошептала Флора, и ее глаза снова наполнились слезами. – Простите мне, что так расклеилась. Вы же знаете, я потеряла многих животных, но Пантера... она всегда занимала особое место в моей жизни.

– Конечно, я все понимаю. Есть животные, к которым привязываешься всем сердцем.

– Может, вам покажется странным, если я скажу, что с уходом Пантеры я очень остро почувствовала собственное одиночество.

– Не вижу в этом ничего странного. – Беатрикс поставила перед Флорой чашку с чаем. – Наверняка у вас дома отыщется какая-нибудь подходящая коробка. Впрочем, у меня тоже есть такая. Сейчас схожу

наверх и принесу ее сюда. Мы положим Пантеру в коробку, вы попроситесь с ней, а потом мы закроем коробку и похороним ее в саду. Нужно только заранее решить, в каком именно месте мы выкопаем для нее могилку.

– Спасибо вам, Беатрикс, за все. – Флора выдавила из себя слабую улыбку и вышла из кухни.

* * *

Упокоив Пантеру с миром и постаравшись по возможности успокоить безутешную Флору, Беатрикс направилась к себе домой, в Касл-Коттедж. Дома она открыла ящик письменного стола, извлекла оттуда письмо, которое получила несколько дней тому назад, и снова перечитала его. Читать письмо без слез было невозможно, хотя, казалось, что все слезы уже давно выплаканы в ходе недавно закончившейся войны, которая обернулась огромным количеством страшных трагедий для многих и многих людей. За ужином она обсудила ситуацию со своим мужем Уильямом.

– Утром я была у Флоры, но посчитала, что пока еще не время заводить с ней разговор на эту тему. Она сейчас убита горем, умерла ее любимая кошка.

Уильям стал неторопливо вытряхивать пепел из своей трубки, обдумывая слова жены.

– В целом, твое предложение кажется мне очень разумным. Но, знаешь, я бы на твоём месте просто взял бы и поставил ее перед фактом. В конце концов, она ведь всегда может отказаться.

– Наверное, ты прав. Так я и поступлю. Спасибо тебе за совет, дорогой.

* * *

Неделей позже все еще пребывающая в трауре Флора снова увидела Беатрикс, спешащую по тропинке к ее дому. В руках она держала большой сверток.

– Доброе утро, Флора, – поздоровалась женщина, входя в дом. – Ваши рабатки возле дома выглядят просто восхитительно. Особенно радует глаз «Звезда Персии», отличное дополнение к остальным цветам.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила ее Флора. Честно говоря, после смерти Пантеры она совсем забросила свои цветы. Да и все остальное тоже. – А что это... у вас?

Беатрикс слегка приподняла край одеяльца.

– У меня тут младенец.

– Боже мой! – воскликнула Флора, подошла ближе и пристально уставилась в крохотное личико. Глазки у младенца были закрыты. Он безмятежно спал. – А как она оказалась у вас?

– Это он, мальчик. И ему всего лишь две недели от роду. Вы же в курсе, я патронирую местную больницу. Так вот, эту крошку принесли туда спустя всего лишь несколько часов после его появления на свет. Соседка услышала детский плач неподалеку от своего дома. Побежала на крики. К сожалению, мать мальчика умерла при родах, а этот маленький сорванец верещал во весь голос, лежа между ее ног. Еще и пуповина была не разорвана. Какая-то женщина разрезала ее кухонным ножом, потом отправила мужа в похоронное бюро, а младенца потащила напрямик в больницу. Можно, я присяду? Он, оказывается, тяжеленький. Во всяком случае, гораздо тяжелее, чем кажется. Ах ты, мой маленький крепыш! – пропела Беатрикс влюбленным тоном, разглядывая личико спящего ребенка.

Флора проводила подругу на кухню и придвинула ей стул, невольно удивляясь тому, с какой неожиданной стороны вдруг открылась ей сегодня Беатрикс, никогда ранее не демонстрировавшая своих материнских инстинктов.

– А где же отец младенца? – поинтересовалась она.

– О, это печальная история, я бы даже сказала, трагическая. Его отец был пастухом. С началом войны его мобилизовали и отправили во Францию. Это случилось три года тому назад. Последний раз он приезжал на побывку домой в августе минувшего года. А потом снова отправился на фронт. Погиб на поле боя в сражении за французскую деревушку Эпеи 18 сентября 1918 года. Всего лишь за несколько недель до заключения перемирия. Тело его так и не нашли и не отправили домой. – Беатрикс сокрушенно покачала головой, лицо ее

исказила страдальческая маска. – И вот ни мать, ни отец так никогда и не увидят своего сынишку. Остается лишь молиться о том, чтобы эти двое встретились там, на Небесах, упокой Господь их души.

– И у малыша больше нет никаких родственников?

– Никто из местных о таких не знает. Соседка, которая нашла малыша, тоже не может сказать ничего конкретного. Единственное, что она сообщила персоналу больницы, так это то, что мать мальчика родом из Кесвика и что зовут ее Джейн. А когда я наведальась в больницу, где в обязательном порядке бываю раз в месяц, то мне рассказали о трагической судьбе этого найденныша. Я пошла взглянуть на него своими глазами. Он тогда был еще совсем слабеньким. Видно, все его силенки ушли на то, чтобы выжить.

– Но сейчас он кажется вполне здоровым, – заметила Флора.

Обе женщины безмолвно уставились на мальчика, наблюдая за тем, как он зашевелился. Вот его крохотные розовые губки недовольно скривились, а потом он издал негромкий чмокающий писк.

– Все! Он просыпается. И его надо покормить. Подайте мне, Флора, бутылочку с молоком. Она в корзинке. Но сначала, пожалуйста, немного подогрейте его. Меня проинструктировали, что деткам нельзя давать ничего холодного.

– Это материнское молоко? – спросила Флора, вытаскивая из корзинки бутылочку, после чего направилась к плите, чтобы подогреть ее в кастрюльке с водой, которую тут же поставила на плиту.

– Если младенца отнимают от груди, то его, как правило, вскармливают потом разведенным животным молоком. Правда, мне сказали, что коровье молоко слишком жирное, и от него у деток случаются колики. Лучше всего для них подходит козье молоко.

– Понятно, – ответствовала Флора с некоторым сомнением в голосе. – Но зачем вы взяли младенца к себе? Или вы с Уильямом хотите его усыновить?

– Конечно же, нет! Боже упаси! Как мне ни грустно при мысли о том, что я никогда уже не стану матерью, но брать на воспитание ребенка сейчас было бы в высшей степени безответственно с моей стороны. Или вы забыли, моя дорогая Флора, что мне уже пятьдесят два года? В моем возрасте женщины уже должны быть бабушками. Сами подумайте! – Беатрикс коротко усмехнулась. – Когда мальчонка достигнет совершеннолетия, нас с Уильямом уже не будет в живых.

– То есть вы его взяли к себе просто на денек-другой?

– Да, именно так. – Между тем младенец уже начал активно ворочаться. Из одеяла показались его крохотные ручонки, потом он сладко потянулся. – Посещая больницу, – продолжила Беатрикс, – я насмотрелась на многих деток, и больных, и слабеньких, но этот кроха – настоящий боец. Несмотря на то что он появился на свет в таких неблагоприятных условиях, малыш, по словам медсестер, уже полностью оправился и сейчас абсолютно здоров. Флора, окажите любезность. Подержите его немного, а то у меня совсем руки онемели.

– Я... Но я никогда не держала раньше младенцев на руках, – растерялась Флора. – Вдруг я его уроню нечаянно? Или как-то причину ему боль...

– Ничего вы не причините. Мы с вами тоже когда-то были младенцами и ведь выжили же как-то, хотя, уверена, наши с вами молодые мамы тоже не всегда были на высоте положения. Вот, держите. А я возьму бутылочку. – Беатрикс положила мальчика на руки Флоры.

Какой крепенький, поразила про себя Флора. Такое крохотное существо на первый взгляд, но каждая часть его тела уже живет своей самостоятельной жизнью. Ручки и ножки пришли в движение и зашевелились в разные стороны. Но вот малыш издал громкий писк. Так обычно пищала Пантера, когда была голодна. Явно ребенок был преисполнен решимости выжить любой ценой, и такая жажда жизни невольно вызвала у нее слезы.

– Я пощупала бутылочку. Надо, чтобы она была и не горячая, не обожгла малыша, но и не холодная, иначе он испугается. – Беатрикс протянула Флоре бутылочку.

– И что мне с ней делать? – снова испугалась Флора. Между тем младенец, уловив знакомый запах молока, такой близкий и одновременно такой недоступный, тут же зашелся плачем уже по-настоящему.

– Как что? Суньте ему соску в рот, только аккуратно!

Флора попыталась, но безуспешно. Малыш крепко-накрепко сжал свои губки.

– Он не берет, – пожаловалась она Беатрикс.

– А вы капните каплю-другую молока ему на ротик. Я же помню, как умело вы обращались с маленькими ягнятами, когда учили их

пить. В принципе, здесь все то же самое.

Флора послушно повиновалась. Прошло несколько напряженных секунд, но вот ротик сам собой слегка приоткрылся и соска благополучно была вставлена в нужное место. Младенец принялся энергично сосать молочко. Обе женщины одновременно издали облегченный вздох. На кухне снова воцарились мир и покой.

– Что с ним станет, с бедняжкой? – обронила Флора через какое-то время.

– Кто знает. Сейчас-то ему хорошо, все о нем заботятся. Но малыш не может находиться в больнице до бесконечности. Сотрудники обратились ко мне с письмом, просили поспрашивать у местных. Может, какая семья согласится взять мальчика себе. В противном случае его отправят в сиротский приют в Ливерпуле. – Беатрикс зябко повела плечами. – Наслышана, что это самое ужасное место из всех. А когда он подрастет, его обучат какой-нибудь профессии. Если повезет, будет работать на ткацкой фабрике. Но, скорее всего, определят на угольную шахту.

– Неужели это лучшее, на что может рассчитывать это невинное дитя? – ужаснулась Флора, взглянув на мальчика, на лице которого застыло выражение полнейшего удовольствия.

– К сожалению, это так. Может, для крохи было бы даже лучше умереть вместе со своей матерью. А так надежды для него практически нет. Сейчас такое время... Сотни сирот по всей стране. Что ни месяц, то все новые и новые подкидыши и найденыши... Многие женщины в борьбе за собственное выживание избавляются от своих новорожденных, чьи отцы полегли на полях сражений во Франции.

– Разве мало мы видели загубленных жизнью и без того?

– Знаете, моя дорогая девочка, одна загубленная жизнь тянет за собой и другую. Но сегодня весь мир как-то приспособляется к новым условиям. Люди пытаются оправиться от пережитого. Ведь, в сущности, человечество было на грани самоуничтожения. Простите мне, Флора, но я вот что скажу. Мы здесь живем в тепле и уюте, и нам так легко абстрагироваться от всего того ужасного и страшного, что творится за пределами нашего маленького мирка. Но когда я бываю в Лондоне, когда вижу, как просят подаяние на улицах десятки

искалеченных солдат-инвалидов, то понимаю, что любая война влечет за собой обнищание людей. Это, так сказать, ее неизбежный эпилог.

– Он высосал всю бутылочку и снова заснул. – Флора поставила пустую бутылочку на стол. – Беатрикс, зачем вы принесли этого малыша ко мне?

– Просто захотела, чтобы вы на него взглянули.

– И только?

– В общем, да. А также...

– Что?

– Иногда меня тревожит, что вы замкнулись здесь, у себя на ферме, отгородились от всего мира.

– Но, наверное, я так поступаю, потому что мне того хочется. Я, как и вы, предпочитаю обществу людей общество животных.

– Вы ошибаетесь, Флора, в том, что касается меня. Мой источник счастья – это человек, который находится рядом со мной. Если бы не мой муж, то жизнь моя и в самом деле была бы пуста и никчемна.

– Ну вот! – Флора положила на руки Беатрикс сверток со спящим младенцем. – Сыт и спокоен.

– Какое-то время да. – Беатрикс прижала ребенка к груди и поднялась со стула. – Подайте мне, пожалуйста, мою корзинку.

Флора подала корзинку, наблюдая за тем, как Беатрикс поплотнее укутывает мальчика в одеяльце, прежде чем выйти на улицу.

– Спасибо, что показали мне малыша, – обронила она, провожая гостью к дверям, а потом вместе с ней вышла на улицу. – А как его называли, кстати? – поинтересовалась она, открывая калитку.

– Все зовут его Тедди, потому что все медсестры в больнице так и норовят побаловать его, приласкать, как того плюшевого медвежонка. – Беатрикс грустно улыбнулась. – До свидания, Флора.

Вечером Флора уселась, по своему обыкновению, за дневник. Но мысли рассеивались, и она не могла ни на чем сконцентрироваться. Она видела перед собой огромные глаза младенца, его чистый, незамутненный взгляд преследовал ее. В конце концов она отложила дневник в сторону и, поднявшись из-за стола, принялась расхаживать по своей образцово чистой гостиной. В этой комнате каждая вещь лежала строго на своем месте, там, куда она ее положила или поставила. Никто не ворвется сюда ненароком, чтобы нарушить

идеальный порядок, царящий во всем, порядок, который она сама сотворила для себя.

Потом заварила себе чашечку солодового напитка «Овалтин». Когда-то няня дочерей миссис Кеппел, большая поклонница этого напитка, всегда давала его на ночь Вайолет и Соне.

Вайолет... Милая Вайолет... Такая страстная натура и по-прежнему безоглядно влюбленная в свою подругу Виту Сэквилл-Уэст. Флора была в курсе того, что несколько лет тому назад Вита вышла замуж, но недавно Беатрикс привезла из Лондона очередную порцию сплетен, согласно которым между молодыми женщинами снова возобновилась их давняя связь. Флора, как всегда, оставалась глуха ко всем этим разговорам, касавшимся ее прошлой жизни. Но тем не менее даже из тех разрозненных фактов, которые сейчас становились ей известными, она понимала, что детская привязанность и дружба между двумя девочками переросла в более сильное и глубокое чувство.

Флора тяжело вздохнула при мысли о том, что Вайолет выросла истинной дочерью своей матери. Уж если кому и продолжать эпатировать высшее общество английской столицы своей вопиющей связью с другой женщиной, так это только ей. Вайолет ведь с детства привыкла к скандалам, она выросла в их атмосфере, а потому воспринимает скандальную известность как нечто нормальное и само собой разумеющееся.

А вот *она сама* бежала прочь от подобной известности.

У себя наверху Флора улеглась в постель, прислушиваясь к тому, как глухо ухает сова где-то неподалеку. Единственное живое существо, которое не спит в этот поздний час, бодрствуя в ожидании рассвета. Собственное одиночество вдруг стало особенно нестерпимым, накрыло ее с головой, словно черным плащом. Флора снова спустилась вниз и подошла к своему бюро, отомкнула ключом небольшой тайник в одном из ящичков стола, где она хранила свои особо ценные бумаги. Достала оттуда дневник и прошлась пальцами по шелковому кармашку на задней обложке. Нащупала там письмо от своего отца, письмо от короля Эдуарда, которое передал ей в свое время сэр Эрнест Кассель.

Живи свободной жизнью незаметного для окружающих человека. Ах, как же я и сам мечтал когда-то пожить именно такой жизнью. Но главное, оставайся всегда самой собой...

Какое-то время она молча изучала королевскую подпись.

– Эдуард... Тедди, – внезапно выдохнула она.

И впервые за долгие-долгие годы рассмеялась вслух.

– Конечно, – сказала Флора Макникол. – Конечно, а как же иначе?

Через два дня Тедди переехал на постоянное местожительство в дом Флоры. И оба они стали стараться изо всех сил, чтобы поскорее привыкнуть друг к другу, что у них получалось то лучше, то хуже. Подход Флоры к младенцу был прост и незамысловат. Она относилась к нему как к осиротевшему ягненку, которому нужны тепло, забота, а главное – молоко. Побольше молока. Но если убирать отходы за животным давалось ей проще простого, то всякий раз, когда она меняла испачканные пеленки у Тедди, она чувствовала явные приступы тошноты.

Нельзя сказать, что малыш был спокойным ребенком. Он постоянно скулил, словно щенок, оставшийся без матери. Только она его покормит, и он с готовностью высосет целую бутылочку молока, уложит в самодельную колыбельку, под которую приспособила ящик, расстелив там побольше одеял, придвинет колыбельку поближе к печке, а сама, крадучись, проберется по лестнице к себе наверх, только уляжется, положит голову на подушку, с наслаждением вытянется и закроет глаза, как снизу раздается громкий плач. Поначалу она старалась игнорировать эти крики. Ведь Беатрикс предупредила ее, что с маленькими детьми нужно обращаться как с животными и так же методично приучать к порядку. Однако, судя по всему, Тедди категорически не желал быть животным и жить по правилам, установленным Флорой. Крики становились все громче и пронзительнее, а когда от них начинал уже сотрясаться весь дом, Флора не выдерживала и сдавалась. В этой войне нервов, по принципу «кто кого», Тедди всегда одерживал верх.

Но стоило ей уложить его на кровать рядом с собой, как он моментально успокаивался и тут же засыпал. И хотя она понимала, что от такого неудобного соседства у нее скоро заболит спина, но усталость брала свое. Она была настолько вымотана и физически, и эмоционально, что в конце концов уступила и позволила малышу спать с ней рядом всю ночь.

После чего в их домике снова воцарились относительный мир и покой. Правда, на самую ферму времени уже не хватало. Пришлось

нанимать молодого парня из деревни, который помогал ей с теми работами, до которых у нее самой руки не доходили. Весь размеренный, выверенный до мельчайших подробностей, привычный ритм жизни Флоры был разрушен и уничтожен безвозвратно, но все равно, когда ночью она прижимала к себе крохотное тельце и чувствовала, как бьется сердечко малыша, она одновременно чувствовала, как оттаивает и ее собственное замерзшее сердце, оттаивает и начинает оживать.

Как только летнее солнце начинало светить на полную мощь, Флора отправлялась с Тедди на прогулку. Смастерила из куска холстины повязку наподобие пращи, которой накрепко привязывала к себе младенца. С детской коляской по их холмистой и каменистой почве сильно не разгуляешься, а потому приходилось носить ребенка вот так. Флора старалась не обращать внимания на любопытные взгляды деревенских. Она хорошо представляла себе, какие сплетни гуляют по деревни на ее счет, и только мысленно усмехалась всем этим домыслам деревенских кумушек. Шло время, и постепенно она начала ощущать удовлетворение от той тихой и спокойной жизни, какой жила сейчас. Совершенно забытое чувство, она-то уже и не надеялась испытать его снова. И так продолжалось до того момента, когда в один жаркий июльский день к ней не пожаловал гость.

Уложив Тедди на послеобеденный сон, Флора наконец занялась садом. За последний месяц ее всегда аккуратные рабатки и клумбы пришли в такое запустение, что буквально вопили о помощи, причем не менее громко, чем Тедди, тоже требуя к себе внимания и заботы. И вот она принялась под горячим полуденным солнцем распутывать длинные плети полевого вьюнка, обвившего соцветия люпина, размышляя о том, как быстро дикая природа восстанавливает свой контроль над теми пространствами, которые когда-то были отвоеваны у нее. Стоит лишь отвлечься на короткое время, запустить цветы на месяц-другой, и все возвращается на круги своя.

– Здравствуй, Флора.

Руки ее, измазанные землей, замерли в воздухе.

– Меня зовут Арчи Воган. Ты меня помнишь?

Наверное, я все же перегрелась на солнце, и у меня начались галлюцинации, мелькнуло у нее. Помнит ли она его? Помнит ли она того мужчину, мысли о котором истерзали всю ее душу за последние

девять лет? Более глупого вопроса она за всю свою жизнь не слышала. Явно ее воспаленное сознание дало сбой.

– Можно мне войти в дом?

Она отвернулась, пытаясь стряхнуть с себя это странное наваждение, но, подняв глаза, увидела, что за калиткой кто-то стоит. Она тряхнула головой, потом немного поморгала глазами, но фигура не исчезала.

– Чудеса! – воскликнула она вслух.

– Какие чудеса? – поинтересовалась у нее собственная галлюцинация.

– Ты – чудеса, – промолвила она, поднимаясь с земли и направляясь шаткой походкой к калитке. Сколько раз она читала в книгах, что если у человека наступает обезвоживание, то перед ним тут же появляются миражи, всякие цветущие оазисы и прочее. Но стоит начать двигаться по направлению к ним, и миражи тут же исчезают.

– Я похож на чудо?

Она приблизилась к калитке вплотную, и на нее тотчас же пахнуло знакомым запахом... Его запахом. Его дыхание обожгло ей щеку.

– Уходи, пожалуйста! Прочь! – крикнула она с отчаянием в голосе.

– Флора, прошу тебя... Это я, Арчи. Или ты совсем забыла меня?

И вот мираж коснулся ее руки, потом осторожно прошелся пальцем по ее щеке. Все такое живое, такое осязаемое... Нет, это не сон, не галлюцинация...

Казалось, от его прикосновений в жилах Флоры застыла кровь. Флору повело в сторону, и она судорожно схватилась рукой за край калитки, пытаясь обрести равновесие, но голова кружилась все сильнее и сильнее.

– Боже мой, Флора!

И внезапно все вокруг померкло, и она рухнула на тропинку как подкошенная.

– Прости меня! Прости! – долетел до нее чей-то слабый вскрик. Вдруг лицо обдало прохладой, словно ветерок повеял. – Мне нужно было послать тебе телеграмму... Предупредить заранее о своем

приезде... Но я боялся, что, получив мою телеграмму, ты точно сорвешься с места и куда-нибудь уедешь.

Звуки знакомого мягкого голоса заставили Флору открыть глаза. Кто-то махал перед ее лицом чем-то похожим на веер из светло-бежевого миткаля. Он напряглась и сфокусировала взгляд. Да это же ее солнцезащитная шляпа, а над ней лицо, похудевшее, в сравнении с тем, каким она его помнила когда-то, почти изможденное, и седина на висках. И глаза больше не сверкают живым блеском. На нее смотрел постаревший и смертельно уставший мужчина.

– Ты можешь встать? Я помогу тебе спрятаться от солнца.

– Сейчас. – Тяжело опираясь на руку Арчи, она поднялась с земли, а потом он кое-как дотащил ее до дома, и они вошли внутрь. Она жестом показала ему, где у нее кухня.

– Но тебе сейчас лучше прилечь.

– Господи, никаких «прилечь»! – воскликнула она, чувствуя всю нелепость ситуации. Просто все точь-в-точь как в каком-нибудь бульварном романчике. – Подай мне, пожалуйста, воды. Кувшин стоит в кладовке.

Он принес воды, и она выпила ее с жадностью, а он все это время не сводил с нее своих печальных глаз. Она вдруг представила себе, что он сейчас видит: женщину с лицом, испещренным морщинами. Свой след на этом лице оставили все ее горести и печали, годы одиночества, суровый климат Озерного края. Волосы, как всегда, растрепаны, выбились из узла на затылке, какая-то безобразная самодельная блузка, перепачканная землей. Весь наряд довершают хлопчатобумажные бриджи в пятнах от зелени и травы и деревянные башмаки на ногах. Короче говоря, настоящее пугало.

– Ты такая красивая, – прошептал Арчи. – Годы не властны над твоей красотой, Флора.

Она слабо улыбнулась. Да он, наверное, тоже перегрелся на солнце. Или яркий солнечный свет *ослепил его и притупил зрение?* К счастью, к Флоре постепенно возвращались здравый смысл, умение трезво оценивать ситуацию и воля. Собрав в кулак остатки своей разгромленной армии, она приготовилась дать последний бой.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросила она. – И как ты нашел меня?

– Сначала я отвечу на твой последний вопрос. Твоя семья, Флора, всегда, все эти годы, знала, где ты обитаешь. Не удивляйся, но Стэнли, работавший когда-то у вас на конюшне в Эствейт-Холл, регулярно сообщал твоей матушке, как ты здесь существуешь. А Роза, не ведая о том, какая драма разыгралась между двумя ее дочерьми, так же регулярно сообщала обо всем Аурелии.

– Понятно.

– Однако мы с Аурелией благоразумно воздерживались от контактов с тобой, понимая, что иначе не сумеем сохранить свой брак. Как говорится, не буди лиха, пока оно тихо. Тем не менее Аурелия пристально наблюдала за твоей жизнью все эти годы, хоть и на расстоянии.

– Вот это для меня сюрприз. Настоящий сюрприз.

– Все просто, Флора. Старая истина: время лечит. К тому же каждый из нас за минувшие несколько лет в полной мере ощутил на себе и понял, как мало времени у нас осталось в запасе. – Взгляд Арчи потемнел.

– Ты прав.

Они оба замолчали, отрешенно уставившись куда-то в даль, захваченные собственными воспоминаниями о былом.

– Я приехал к тебе, потому что Аурелия хотела помириться с тобой. Загладить свою вину, – обронил наконец Арчи.

– Но это *нам с тобой* надо заглаживать свою вину.

– Согласен. Но, так или иначе, именно Аурелия вычеркнула тебя из своей жизни. А когда месяц тому назад у нас родился ребенок, первая ее мысль была написать тебе. Видно, она почувствовала, что пришло время.

– Еще один ребенок? И сколько же их у вас?

– Один. Я...

У Арчи сорвался голос. Флора взглянула на его лицо и все поняла.

– Нет! – прошептала она потрясенным голосом.

– Аурелия умерла три недели тому назад, спустя десять дней после родов. Я глубоко скорблю о ее уходе, Флора. Она всегда была слабенькой, ты же сама знаешь. Видно, беременность фатально отразилась на ее здоровье.

Флора закрыла глаза, стараясь скрыть навернувшиеся слезы. Ее красавицы сестры, такой милой, такой нежной, такой доброй и

сердечной, больше нет в живых. И уже никогда больше не заглянуть в ее прекрасные, чистые голубые глаза, в которых всегда искрился смех и которые всегда были так полны надежды на счастливое будущее. Даже в своей добровольной ссылке Флора постоянно ощущала присутствие Аурелии рядом с собой. И вот сестры больше нет. И это ужасало своей неизбежностью и непоправимостью. Оставалось лишь укорять себя за то, что она так бесцельно и впустую потратила столько лет.

– Боже мой, боже, – пробормотала Флора в отчаянии. – Я не вынесу этого. Мы с тобой тоже... способствовали ее уходу, да? О, с какой радостью я бы отдала свою жизнь, всю, до последнего вздоха, только за то, чтобы она оставалась живой.

– Я знаю это, Флора... И понимаю, как никто другой... Ведь ради сестры ты пожертвовала собственным счастьем. Признаюсь честно, на первых порах нашего брака... нам с Аурелией было трудно... Очень трудно. Мы, как могли, пытались скрепить наш союз. А для этого нам отчаянно нужен был ребенок. Первого младенца Аурелия потеряла при родах. Потом последовало несколько выкидышей. Началась война. Я вступил в Королевский летный корпус и последние три с половиной года нес службу вдали от Хай-Уилд. Мы тем не менее пытались завести ребенка, но тщетно. Лечащий врач Аурелии предупредил нас, что ей вообще лучше воздержаться от беременности, но она и слушать об этом не хотела. И вот минувшей осенью она объявила, что снова в положении. Мы... Я... У меня, – поправил он сам себя, – дочь.

– Ах, Арчи! Я... – Флора извлекла из кармана грязный носовой платок и громко высморкалась в него.

– Мне очень жаль, Флора, что я привез тебе такие дурные новости, но Аурелия настаивала...

– На чем?

– На том, чтобы я приехал к тебе лично и вручил вот это. Это была ее предсмертная просьба ко мне. – Арчи достал из кармана пиджака конверт и протянул его Флоре. От одного только вида знакомого почерка у нее снова закружилась голова.

– Ты знаешь, что в этом письме?

– Я... я догадываюсь... приблизительно...

Дрожащими пальцами Флора взяла протянутый ей конверт. Все в душе у нее заиндевело при мысли о том, какими горькими и обидными

словами захотела попрощаться с ней сестра, перед тем как уйти навсегда. Но вот она почувствовала прикосновение теплой руки.

– Не бойся, Флора. Письмо не содержит ничего ужасного. Я же говорил тебе, Аурелия захотела повиниться перед тобой. Откроешь его прямо сейчас?

– Прости! – Флора поднялась со стула и торопливо вышла из кухни в прихожую и направилась напрямиком в гостиную. Там она села в кресло и сорвала сургучную печать.

*Хай-Уилд
Ашфорд, Кент
16 июня 1919 года*

Моя дорогая сестра.

Столько бы хотелось сказать тебе, но ты же знаешь, я не обладаю таким красноречием, как ты. К тому же силы мои на исходе, и я слабею с каждым днем. А потому заранее прошу простить меня за то, что мое письмо не оказалось таким длинным, каким могло бы быть.

Как же я по тебе истосковалась, моя дорогая сестричка. Не было дня, чтобы я не вспомнила о тебе. Да, поначалу, не скрою, я тебя ненавидела, но потом начала упрекать уже саму себя за свою ревность и за то, как я повела себя с тобой девять лет тому назад. Столько времени потеряно зря, и его – увы! – уже не вернешь.

Вот сейчас я смотрю на свою дорогую дочурку, которая безмятежно покоится в своей колыбельке рядом со мной, не ведая о том, что скоро ее матери уже не станет и она никогда не узнает меня, когда начнет взрослеть. И вот я смотрю и думаю о том, что должна успеть привести все в своей жизни в надлежащий порядок. Флора, я не хочу, чтобы моя дочь росла без матери. Как сильно Арчи ни любит Луизу, он никогда не сможет окружить ее тем теплом и лаской, что под силу лишь женскому сердцу. Он не станет ей наставником и советчицей, как это делает мать по мере взросления дочери.

Да, наша дорогая Сара будет и впредь заботиться о Луизе, помогать растить ее. Но она уже тоже сильно постарела. К тому же мы с тобой прекрасно понимаем, какой ограниченный у нее

кругозор, и в силу воспитания, и в силу полученного образования, в чем, конечно, нет ее вины.

И вот поэтому тоже я прошу тебя об одном одолжении. От своих осведомителей в Эствейт-Хаус я узнала самые последние новости о тебе. Мне сообщили, что ты жива-здоровая, но по-прежнему живешь одна. Если так продолжается и сегодня, то не согласилась ли бы ты нарушить свою самоизоляцию и переехать в Хай-Уилд? Умоляю, не откажи мне в моей последней просьбе. Я знаю, ты сможешь вырастить мою дочь, как свое собственное дитя.

Не сомневаюсь, ты полюбишь ее всем сердцем, всей своей благородной душой. К тому же ты сможешь хоть немного утешить моего бедного мужа, облегчить его горе. Флора, ты не можешь себе даже представить, через что ему пришлось пройти в годы войны. А сейчас новая беда. Жена умрет, и ему придется поднимать дочь одному. Не много ли страданий для одного человека? Не могу допустить этого.

Пожалуйста, не руби сплеча. Подумай над возможностью такого варианта. Дай моей измученной душе шанс искупить свой грех, исправить ту ошибку, которую я совершила исключительно в силу собственного эгоизма и себялюбия. Да и ты уже достаточно настрадалась за минувшие годы. Наверное, мое письмо сильно удивит тебя. Но, знаешь, со временем я поняла одну простую истину. Мы не в силах помочь тем, кого мы любим. Арчи, кстати, признался мне, что большая часть вины за то, что тогда случилось, лежит на нем. Он рассказал мне, что сам преследовал тебя и даже ввел в некоторое заблуждение относительно тех договоренностей, которые у него были с нашим отцом, когда они вместе охотились в Шотландии.

Моя дорогая Флора, я уже страшно устала и больше писать не могу. Но верь мне, если я говорю, что в нашем мире в последние годы было столько страдания и горя, то лишь потому, что мое самое заветное и последнее желание – облегчить участь тех, кого я люблю, не причинять им дополнительной боли и страданий в будущем. А еще я надеюсь, что все, кого я люблю, обретут наконец свое счастье.

Молюсь, чтобы ты поняла меня и простила всем сердцем. А если мое предложение тебя устроит, прошу еще раз: вырасти мою дочь в ее родительском доме, в атмосфере любви и сострадания.

Со всей любовью к тебе, дорогая сестра.

Молись и ты за меня.
Аурелия

Флора уставилась невидящим взглядом в окно. Она была оглушена, ошеломлена, раздавлена и убита тем, что написала ей сестра в своем столь необычном предсмертном послании. Великодушие Аурелии потрясло ее своей искренностью и благородством. *Уж лучше бы она упрекала меня*, думала Флора. Ей было бы легче снести обвинения сестры, которые она вполне заслужила.

– Флора, с тобой все в порядке? – спросил у нее Арчи, появившись в дверях.

– Она попросила у *меня* прощения, представляешь? – прошептала Флора в ответ. – О боже! Арчи! Она не должна была просить у меня прощения! Ведь это же мы причинили *ей столько страданий*.

– Да, ты права. Хотя больше всего виноват я. Я был тогда ослеплен своей любовью к тебе.

– Как же она смогла найти в себе силы, чтобы простить меня всем сердцем? Боюсь, что, окажись я на ее месте, я бы не смогла поступить так благородно. И вот... – Флора замолчала, пытаясь немного успокоиться. – Я уже никогда не смогу сказать ей, что не только ваша свадьба толкнула меня бежать прочь из Лондона и обречь себя на жизнь в одиночестве.

– Правда?

Какое-то мгновение Флора колебалась, потом рассудила, что отныне между ней и Арчи не должно быть никаких секретов. Она поднялась со своего места и направилась к бюро. Извлекла из кармашка дневника заветное письмо, датированное 1910 годом, и вручила его Арчи.

– Вот и еще одна причина.

Она наблюдала за тем, как он читает письмо, время от времени удивленно вскидывая брови.

– Ну и ну! – только и нашелся он, протягивая ей письмо обратно. – Вот так дела!

– А ты разве не знал? По-моему, весь Лондон был в курсе того, кто я такая.

– Если честно, то кое-какие сплетни о твоей... связи с одним семейством до меня тоже долетали, но я им не придавал особого

значения, относился именно как к сплетням. А потом король умер, на трон взошел Георг V, и все слухи про старый двор моментально исчезли, ушли в небытие вместе со старым королем. Новый двор, новые придворные вступили в борьбу за место под солнцем... Так что же получается? – Слабая улыбка озарила лицо Арчи, впервые за все время с момента их встречи. – Должен ли я теперь обращаться к тебе как «принцесса Флора»? Боже мой, даже и не знаю, что сказать! Хотя это многое объясняет... Очень многое.

– Не надо ничего *говорить*. Просто сейчас ты понимаешь, почему я так стремительно покинула Лондон. Все вокруг сочувствовали королеве, оплакивали вместе с ней уход ее супруга. А такие, как я или миссис Кеппел, были крайне нежелательными элементами на тот момент. Ведь вольно или невольно мы служили напоминанием вдовствующей королеве о том, что покойный супруг не всегда вел себя, скажем так, достаточно безупречно.

– Да, но *в отличие от* миссис Кеппел ты-то ни в чем не виновата, – возразил ей Арчи. – Если ты покинула свет с высоко поднятой головой, то она снова через какое-то время вернулась в Лондон и процветает, как и раньше. А уж про ее дочь и говорить не приходится. Всегда в центре скандалов. Вскоре после заключения перемирия Вайолет и Вита убежали вместе во Францию. Вита бросила здесь мужа и двоих детей. В Лондоне циркулируют упорные слухи, что на такой отчаянный шаг ее подтолкнула именно Вайолет. У семейства Кеппел нет ни капли стыда и никогда его не было. А вот ты повела себя безупречно и с достоинством, как истинная принцесса, коей ты и являешься на самом деле.

– Едва ли я похожа на принцессу, – ответила Флора, с иронией осмотрев свой наряд.

– Я имею в виду прежде всего твои душевные качества, Флора. А сейчас позволь спросить тебя: как ты отнеслась к предсмертной просьбе Аурелии?

– Арчи, я не могу прямо сейчас начинать все обдумывать. К тому же...

И, словно по подсказке, сверху донесся громкий детский плач.

– Что за шум? – слегка нахмурился Арчи.

– Прости меня, – обронила она, поднимаясь с места. – Тедди пора кормить.

Флора поспешила наверх, где ее поджидал разомлевший от сна, наверняка обмочившийся и, как всегда, крикливый донельзя сверток с малышом. Она невольно усмехнулась, представив себе, как она сейчас удивит Арчи Вогана. Да, все последние девять лет она жила уныло и одиноко, но сейчас ее черед удивлять. *То-то будет ему сюрприз*, подумала она, спускаясь вниз с Тедди на руках. И напрямик направилась на кухню за бутылочкой с молоком.

Арчи тут же последовал за ней, по всей видимости, сгорая от любопытства.

– Так у тебя, оказывается, ребенок, – обронил он, наблюдая за тем, как она прилаживает бутылочку ко рту младенца.

– Да.

– Понятно.

До Флоры долетел протяжный вздох, сорвавшийся с его уст.

– Его отец живет вместе с тобой? – задал он наконец свой следующий вопрос.

– Нет, он погиб.

– Он был твоим мужем?

– Нет.

– Тогда...

Флора намеренно не стала торопиться с ответом, давая время Арчи на то, чтобы его воображение заработало на полную мощь. Впрочем, пока она не сказала еще ни слова неправды. А вот сейчас сообщит ему все как есть.

– Он найденыш. Живет у меня уже около месяца. Надеюсь усыновить малыша... со временем.

Флора подняла глаза на Арчи, с трудом сдерживая улыбку. На его лице отразилось явное облегчение.

– Его зовут Тедди, – добавила она так, на всякий случай.

– Конечно... в честь Эдуарда, – понимающе кивнул головой Арчи, мгновенно уловив связь между именем малыша и именем настоящего отца Флоры. – Ты меня здорово ошарашила, Флора.

– Я и сама сначала была ошарашена не меньше, все раздумывала, брать мне его или нет. Зато сейчас... – Она взглянула влюбленным взглядом на пресыщенное личико малыша. Тот даже глазки закатил от удовольствия, что так вкусно поел. Не удержалась и нежно поцеловала его в лобик. – Зато сейчас я не мыслю жизни своей без него.

– А сколько ему?

– Почти шесть недель. Он родился в конце мая.

– Значит, всего лишь за несколько дней до появления на свет Луизы. Она родилась в начале июня. Вполне могли бы быть близнецами.

– Они из разных слоев общества, Арчи. Отец Тедди был простым пастухом и погиб на войне.

– Знаешь, Флора, перед лицом смерти не имеет значения, лорд ты или нищий. Она не принимает во внимание все эти социальные барьеры и предрассудки. К тому же, к какому бы сословию ни4 принадлежал отец Тедди, он сражался за родину и погиб на фронте. Значит, уже был героем. Об этом ты должна будешь обязательно сказать его сыну, когда тот вырастет, – страстно произнес Арчи.

– Я еще и сама пока не решила, что скажу ему потом.

– Итак, ты сейчас с головой ушла в материнские заботы и...

Арчи оборвал себя на полуслове, но Флора поняла, что осталось недосказанным.

– А где сейчас Луиза? – спросила она у него.

– В Хай-Уилд. О ней заботится Сара. Но если ты чувствуешь, что в связи с... изменившимися обстоятельствами не можешь переехать к нам и взять на себя заботы по уходу за Луизой, что ж, тогда мне придется вывернуться наизнанку самому. Постараюсь, с помощью Сары, стать ей и матерью, и отцом.

– Но, предположим, я приму это предложение? А что будет с Тедди? Ты разрешишь поселить его в детской вместе со своей дочуркой? Потому что, в противном случае, то есть если ты откажешься принять мальчика в свой дом, то я должна сразу же и однозначно заявить, что в этом случае я ни при каких обстоятельствах не соглашусь на переезд в Хай-Уилд.

– Флора, что ты говоришь? Сама подумай! Что может быть лучше, чем появление еще одного малыша в нашем доме? У Луизы будет товарищ для игр, вполне возможно, брат... Ну, или хотя бы друг детства. Ведь они будут расти вместе...

Флора увидела, что глаза Арчи полны отчаянной надежды. За кого он так переживает, мелькнуло у нее. За свою дочурку? За покойную жену? Или за самого себя? Однозначного ответа у нее не было.

– Можно мне его поддержать? – неожиданно попросил он у нее.

– Конечно. – Флора слегка приподняла Тедди и осторожно положила его на вытянутые руки Арчи.

– Какой красивый малыш! Такие огромные голубые глаза и волосы светлые. По иронии судьбы, Луиза пошла не в мать. Такая же темноволосая, как и я. А вот Тедди – просто вылитая Аурелия. Привет, старина! – ласково проворковал он, протягивая малышу палец, и Тедди тотчас же схватил его и крепко сжал своим крохотным кулачком. – Думаю, мы с тобой хорошо поладим, ты и я.

Флора поднялась со своего места, чувствуя, что ее почти силком заставляют принять решение, которое она еще даже не успела обдумать.

– К сожалению, я вынуждена попросить тебя пока оставить нас, – сказала она, снова забирая Тедди к себе на руки. – Я не могу дать тебе ответ прямо сейчас. Каким бы пустым тебе ни казалось мое нынешнее существование, однако же мне придется многим пожертвовать, если я решусь уехать отсюда. У меня ферма. На моих руках много животных. Как их бросить? К тому же, несмотря на свое одиночество, я люблю этот дом. Да и сама жизнь, которую я сейчас веду, тоже мне нравится. Особенно теперь, когда у меня завелся такой замечательный компаньон. А ты просишь меня бросить все это и уехать, даже не оглянувшись назад.

– Прости меня, Флора. Прости мне мой эгоизм. Но ты же знаешь, я никогда не умел скрывать своих чувств. Как говорят, что на уме, то и на языке. Понимаю, то, что кажется для меня идеальным решением, может быть неприемлемым для тебя.

– Спасибо, что навестил меня. Я напишу тебе попозже и сообщу о своем решении.

– Буду ждать с нетерпением, однако понимаю, что тебе нужно время, и потому не тороплю.

Они направились к выходу. Флора открыла дверь.

– До свидания, Арчи.

– Прежде чем уйти, хочу повторить еще раз. Я приму любые твои условия относительно проживания в Хай-Уилд. И, разумеется, я и думать не смею о возобновлении... каких-то отношений между нами. Хотя признаюсь, что по-прежнему люблю тебя. Понимаю всю степень своей вины перед усопшей Аурелией, но ничего не могу с собой поделать. Эта любовь уже давно стала частью меня самого. Хотя на

данный момент самым важным для меня существом на свете является моя осиротевшая дочь. А сейчас я ухожу и оставляю тебя с миром.

Арчи медленно пошел по тропинке в сторону калитки, и Флора заметила, что он заметно припадает на одну ногу.

* * *

Следующие два дня Флора читала и снова перечитывала письмо сестры. Она взяла Тедди на прогулку в горы. Улеглась вместе с малышом на траве под раскидистым деревом и стала вопрошать траву, щекотавшую ей нос, жаворонков, парящих высоко в небе, сами небеса, что ей делать и как поступить.

Но небеса безмолвствовали, как безмолвствовала и ее собственная душа, растерянная, мятущаяся, сомневающаяся. Отчаявшись найти решение сама, она ухватилась за последнюю возможность. Привязала к себе Тедди пращой и направилась напрямиком к своей лучшей подруге и советчице.

– Так-так-так, – задумчиво обронила Беатрикс, когда они сидели в саду за чашечкой чая. Она молча выслушала взволнованный монолог Флоры, ни разу не перебив ее. – Должна сказать вам, дорогая Флора, что у вас просто дар какой-то притягивать к себе всяческие неприятности и постоянно оказываться в центре самых разных драматических событий. Впрочем, сам факт вашего появления на свет – это уже драма. Но первым делом я хочу выразить вам свои глубочайшие соболезнования в связи со смертью вашей сестры. Бедняжка! Такая молодая. И, судя по всему, такая великодушная и добрая. К тому же умна, что хочу подчеркнуть особо.

– Что вы имеете в виду?

– То и имею. Разве не понятно, что это прощальный дар Аурелии своему мужу и вам? Вы оба ей дороги, она любила вас обоих и хотела, чтобы вы снова были вместе. Из того, что вы рассказывали мне ранее, у меня сложилось впечатление, что Аурелия всегда понимала, сколь глубоки ваши взаимные чувства. Но одновременно она понимала и другое: о лучшей матери для своей осиротевшей дочурки и мечтать не приходится. Ведь это же совсем иное дело, чем расти под опекой престарелой няни. Неужели вы не понимаете, что таким образом она

хотела объединить вас троих в одну семью и дать вам то счастье, которого вы заслуживаете?

– Предположим, понимаю. Но что скажут люди, если я решусь поехать туда?

– Как будто нас с вами когда-то сильно заботило то, что скажут люди! – рассмеялась в ответ Беатрикс. – А по-моему, нет ничего более естественного, чем такое развитие событий. Сестра покойной, одинокая старая дева, приезжает в дом, чтобы взвалить на себя заботы о своей племяннице. Уверяю вас, никто и бровью не поведет при вашем появлении в Хай-Уилд.

– А что, если...

– Вы с Арчи возобновите свои отношения? – закончила за Флору Беатрикс. – И опять же, думаю, что по прошествии определенного времени все будут только рады и за сиротку-девочку, и за ее вдового отца, геройски сражавшегося на фронте, а по возвращении домой пережившего такую личную трагедию.

– Но что же сам Арчи? Всякий раз, когда он будет смотреть на меня, его начнет мучить чувство собственной вины перед усопшей женой.

– Флора, я уже давно живу на этом свете и за эти годы успела усвоить одну простую истину. Нужно идти вперед и никогда не оглядываться назад. Думаю, и лорд Воган, увидевший на войне столько смертей и разрушений, тоже понял великую правду этих слов. Правильно написала в своем письме ваша сестра: мы не вольны в своих чувствах и не выбираем, кого нам полюбить. А сейчас у него есть, по крайней мере, благословение покойной жены на то, чтобы жить дальше и строить по-новому собственное будущее. Никаких тайн между вами больше нет, и у вас нет основания чувствовать себя виноватыми за что-то. Вы ведь знаете, что в жизни я прагматик, а потому говорю вам и снова повторяю: пусть мертвые покоятся с миром. Как это ни прискорбно, но их больше нет с нами и бессмысленно сейчас решать, что было бы хорошо, а что плохо, или тяготиться и впредь чувством своей вины перед ними.

– То есть вы считаете, что нам с Тедди нужно ехать в Хай-Уилд?

– Флора, дорогая моя! Но это же ясно как божий день. Человек без любви – это все равно что бутон розы без воды. Какое-то время он будет сражаться, чахнуть на корню, но все равно никогда не

распустится в полную мощь. А ведь вы не станете отрицать, что любите Арчи.

– Не стану. Я действительно люблю его. – Впервые в жизни Флора призналась в своих чувствах открыто.

– А по вашим словам, он тоже продолжает любить вас. У меня такое чувство, что все это словно предопределено свыше. Луизе нужна мать, а Тедди нужен отец. Единственная вещь, которая меня удручает, так это то, что я лишусь такой замечательной соседки.

– Я тоже буду ужасно скучать без вас, Беатрикс. И по своим животным, и по всему Озерному краю, который я так люблю.

– Что ж, нам всегда приходится чем-то жертвовать, чтобы идти вперед. Пока же скажу, что я с радостью куплю у вас вашу ферму, если вы захотите продать ее. И таким образом, увеличу общий размер своих земельных угодий. Недавно я составила завещание. Так вот, согласно моей последней воле, после моей смерти все эти земли должны будут отойти в Национальный трастовый фонд и стать доступными для всех жителей Озерного края в качестве бессрочного владения. Однако вернемся к вашим проблемам. Повторюсь еще раз: не стоит долго раздумывать над своим решением. Ведь это же так просто – убедить себя изменить собственную жизнь к лучшему. А если долго раздумывать, то всегда можно и передумать, особенно, как в вашем случае, когда вас что-то пугает и останавливает. Ну так подумайте хотя бы над тем, что дни летят и каждый ушедший день – это еще один день, потерянный для вашего будущего. А сейчас, боюсь, мне пора заняться своими делами. Я получила от своих юных читателей из Америки целую грудку писем. И все они интересуются судьбой маленького Джонни Городского Мышонка. Хочу ответить каждому маленькому читателю персонально.

– Конечно, какие разговоры! – Флора вскочила с места и пошла забирать Тедди, который мирно лежал под деревом и что-то лепетал на своем языке, слушая пение птиц над своей головой. – Спасибо вам за все, Беатрикс. Не знаю, что бы я делала без вас. И что стану делать.

Флора почувствовала комок в горле при мысли о том, что совсем скоро эта страница в ее жизни будет перевернута и у нее начнется новая жизнь, но уже без своей дорогой подруги.

Потому что именно в этот момент она поняла, что приняла окончательное решение.

Флора не была на юге Англии с того самого дня, как умер ее отец, король Эдуард. Вступив под своды холла дворца Хай-Уилд, Флора почувствовала, как ее накрыла с головой волна воспоминаний. А еще она испытала самый настоящий шок, увидев, как обветшал сам дом и в каком запустении пребывают прилегающие к нему территории, все великолепие которых еще было так живо в ее памяти. Когда Арчи повел ее показывать свои знаменитые когда-то сады, тщательно блюдя положенную дистанцию между ними во время прогулки и еще сильнее, чем обычно, прихрамывая на раненую ногу, Флора могла своими глазами увидеть, как одичал и зарос сад в сравнении с тем, что она видела тут в последний раз.

– Ты же знаешь, у нашей семьи всегда были проблемы с финансами, – уныло обронил Арчи. – А Аурелии справляться со всем хозяйством здесь, пока я был на фронте, тоже оказалось не по силам. К тому же большинство молодых людей призывного возраста из близлежащих деревень были мобилизованы, все они воевали во Франции. В довершение всех бед и мама моя тоже умерла вскоре после того, как началась война.

В детской Флору уже поджидала Сара. Она встретила ее со слезами радости и горя.

– Такая беда, такая беда! – восклицала она, громко шмыгая носом и подводя Флору к колыбельке с девочкой. – Одна радость! Что Аурелия все же родила столь долгожданного ребеночка. Вот только видеть, как ее доченька растет, ей уже не суждено. А уж какая она красавица у нас! И характер ангельский, как у ее покойницы матери.

Флора взяла малышку на руки и тотчас же почувствовала, как ее переполняет любовь к этому крохотному существу.

– Здравствуй, моя маленькая, – проворковала она с нежностью, глядя на малышку, которая безмятежно покоилась на ее руках. Но в эту минуту Тедди, будто почувствовав, что внимание Флоры переключилось на кого-то еще, тут же зашелся рыданиями в своей переносной корзинке. Сара немедленно подхватила его на руки.

– Силач, да и только! – воскликнула она восхищенно. – Лорд Воган рассказал мне о том, как погибли его родители. Вы поступили так благородно, мисс Флора, что взяли его к себе. Честное слово! Уверена, и ваша сестра одобрила бы этот ваш поступок.

Первые две недели Флора целиком посвятила малышам, причем Тедди, как всегда, требовал львиную долю внимания себе. С помощью Сары она тем не менее перевела мальчика в детскую и оставляла его там на ночь вместе с Луизой, пытаясь отучить его спать вместе с ней в одной постели. Мальчишка заходился ревом, видно, кипя от негодования за то, что его отлучили от Флоры, а она в это время терпеливо расхаживала по коридору, прислушиваясь к его плачу, доносившемуся из-за закрытых дверей. Но вот однажды вечером Сара предложила ей, что сегодняшнюю ночь она подежурит в детской сама. Флора согласилась сразу же и с великой благодарностью. Тут же улеглась в постель и мгновенно заснула. Проснулась только утром, впервые за несколько недель выспавшись наконец по-настоящему. И тут же в страхе помчалась в детскую. А вдруг ее ненаглядный Тедди не вынес разлуки с нею и умер ночью? Забежав в комнату, она увидела, что Сара преспокойно сидит в кресле возле окна и что-то вяжет.

– Доброе утро, мисс Флора, – поздоровалась она с ней, глядя, как Флора опрометью бросилась к колыбельке Тедди и увидела, что она пуста.

– Где Тедди? – испуганно спросила у нее Флора.

– А вы взгляните вон туда! – Няня жестом указала на колыбельку Луизы.

И действительно, мальчонка лежал в колыбельке рядом с Луизой, прижавшись головкой к ее голове, и оба малыша спали безмятежным сном.

– Думаю, он просто скучает без компании, – пояснила Сара. – Вот я и решила, как он только начал плакать, положить его рядом с Луизой. И представьте себе, за всю ночь ни один из них даже не пискнул.

– Сара, да ты просто волшебница! – воскликнула Флора.

– Да точно так же я поступала и с маленькой Аурелией, когда она начинала капризничать. Клала ее рядом с вами. А эти двое вообще смотрятся как близняшки. Они же и возраста-то одного.

– Именно так, – согласилась с ней Флора.

В эту минуту в детскую вошел Арчи, чтобы пожелать доброго утра своей дочурке. Молча обзрел двух младенцев, спящих в одной колыбели.

– Какая умиротворяющая картина, – бросил он негромко. – Наверное, все это предопределено свыше.

И, слегка коснувшись плеча Флоры, вышел из комнаты.

* * *

По мере того как Сара все активнее брала бразды правления по уходу за малышами в свои руки, у Флоры стало появляться все больше и больше свободного времени. Привыкнув у себя дома целыми днями возиться на улице, она для начала решила возобновить утренние прогулки по полям и садам Хай-Уилд, в полной мере наслаждаясь теплым летним воздухом. Но как бы ей хотелось покопаться в земле, запустить руки в многочисленные клумбы и рабатки, в своей массе неухоженные и обильно поросшие бурьяном.

Однако сады – это, по взаимному умолчанию, территория влияния Арчи, и она не имеет права вмешиваться в его планы. Между ними установилось негласное распределение дел, согласно которому у каждого имелся свой круг обязанностей, обеспечивающий им возможность максимально дистанцироваться друг от друга, в том числе и в память об умершей Аурелии. Впрочем, избегать друг друга в таком огромном доме было совсем даже не трудно. Правда, ужинали они вместе за одним столом. Еду, весьма скверную и невкусную, им готовила пожилая повариха из местных, единственная, кто согласилась на столь мизерную оплату своего труда, которую смог предложить ей Арчи.

Сидя в столовой, они пространно и во всех подробностях обсуждали все, что касается малышей. Разговоры о детях – это была нейтральная тема, помогавшая заполнять паузы, то и дело возникающие за столом, хотя у каждого из них оставалось так много невысказанного. Обычно сразу же после пудинга Флора поднималась из-за стола, извиняясь за ранний уход и ссылаясь на усталость, и отправлялась к себе наверх укладываться спать.

Конечно, дело тут было вовсе не *в ее усталости*. Но даже несколько минут, проведенных наедине с Арчи, будоражили ее настолько, что она потом долго не могла уснуть. Душными августовскими ночами она беспокойно ворочалась в кровати с боку на бок. Окна в ее спальне были распахнуты настежь, но в воздухе не чувствовалось даже малейшего дуновения ветерка. Хоть бы Тедди проснулся и начал плакать, думала она в такие минуты. Все отвлек бы ее от всяких греховных мыслей, неотступно преследовавших ее почти до самого рассвета.

Но вот наступил сентябрь, время, когда все живое, особенно, если речь идет о культурных растениях, требует особого внимания и заботы для того, чтобы все они могли пережить грядущую зиму. Флора решила, что тянуть и дальше больше нельзя. Надо немедленно поговорить с Арчи. Она нашла его в саду: он собирал в тележку опавшие с деревьев груши.

– Добрый день, Флора, – поздоровался он с ней, немного смутившись.

– Здравствуй.

– С детьми все в порядке?

– У них все отлично. Сейчас у них дневной сон.

– Хорошо. Здорово, что их двое. Прекрасная компания подобралась.

– Ты прав. Арчи, послушай. Я хочу с тобой поговорить.

– Конечно. Что-то не так?

– Нет-нет, все в порядке. Просто я... Видишь ли, коль скоро я стала жить здесь и Хай-Уилд – это сейчас и мой дом тоже, то мне хотелось бы внести свой посильный вклад.

– Флора, ты вносишь его ежедневно.

– Я имею в виду, финансово. Имение нуждается в средствах по его уходу. А, как ты знаешь, мой... отец оставил мне определенную сумму денег. К тому же я продала свою ферму. Словом, у меня есть свободные деньги.

– Спасибо тебе за столь великодушное предложение, но позволь напомнить, что твоя семья уже сделала свой вклад в эту бездонную бочку под названием Хай-Уилд. Ведь твои же родители ради этого продали Эствейт-Холл. Ты, скорее всего, и не представляешь себе, какие колоссальные деньги требуются на содержание этого имения. Я

уже не говорю о том, чтобы что-то здесь отремонтировать или улучшить.

– Хорошо. Тогда позволь мне хотя бы возиться в саду. На бесплатных основаниях, так сказать. А еще, если не возражаешь, я найму пару молодых парней из деревенских нам в помощь.

– Если ты таковых отыщешь, – грустно пробормотал в ответ Арчи. – Большинство молодых полегло на войне. Да и я сам... понимаю, сейчас от меня проку мало. – Он жестом указал на свою израненную ногу.

– И все же я попытаюсь включиться. Потому что если мы не управимся до зимы, то все твои труды здесь пойдут насмарку. К тому же у меня появится занятие, чтобы не скучать без дела. Сара и так довольно болезненно реагирует, когда я днем часто заглядываю в детскую.

– Тогда я принимаю твою помощь и выражаю тебе свою признательность за желание подставить мне плечо, – улыбнулся в ответ Арчи. – Спасибо.

Оставшиеся дни сентября они оба трудились в саду от темна и до темна. Все же Флоре удалось найти двух демобилизованных солдат, проживавших в деревне, которые с радостью согласились помочь им в наведении порядка вокруг дома.

А сама Флора снова почувствовала себя в своей родной стихии и даже немного успокоилась. Сара специально сшила для нее рабочую одежду, более подходящую леди. Сейчас за ужином у них с Арчи появились новые темы для разговоров. Вместо того чтобы обмениваться пустяшными репликами, они с жаром обсуждали обрезку садовых деревьев, борьбу с сорняками и прополку. Вместе рылись в каталогах семян. Поразительно, но факт: в стенах Хай-Уилд снова послышался уже давно забытый смех.

Иногда в послеобеденное время Флора выкатывала коляску с малышами на улицу и оставляла ее под развесистыми ветвями тиса, а сами они продолжали работать в то время, как Тедди и Луиза мирно почивали, прижавшись друг к другу.

– Смотрятся как самые настоящие близнецы, – констатировал как-то раз Арчи, заглянув в коляску погожим сентябрьским деньком. – Кто бы такому поверил!

В самом деле, кто бы! – подумала Флора вечером, укладываясь в кровать и валясь с ног от усталости после тяжелой физической работы в саду днями напролет. Однако усталость помогала ей почти сразу же забываться беспробудным сном. Хотя порой она и спрашивала сама себя, как долго ей удастся подавлять собственные чувства и впредь. Сейчас, когда она проводила с Арчи больше времени, работая с ним бок о бок изо дня в день, она особенно отчетливо видела, как война изменила его. Об этом было даже больно думать. Вместо красивого жизнерадостного молодого человека, в которого она когда-то влюбилась, перед ней сейчас предстал умудренный жизнью мужчина, успевший хватить лиха за прошедшие годы. Часто она замечала, как он уносится своими мыслями далеко-далеко отсюда, какой печалью и грустью наполняются в такие моменты его глаза. Видно, воспоминания, к которым он мысленно обращался, были связаны с теми страданиями, которые ему довелось пережить самому или стать свидетелем того, как страдают другие.

Во всем его облике появилась некая уязвимость, душевная ранимость, что ли, которая пришла на смену юношеской самоуверенности и тщеславию. Но таким Арчи был дорог ей еще больше. Впрочем, все последние недели, когда они тесно общались друг с другом, Арчи вел себя по отношению к ней безупречно. Уж не приснилось ли ей, спрашивала себя Флора с некоторым недоумением, как он разглагольствовал, говоря о том, что по-прежнему любит ее?

Однако над ними обоими продолжала тяжелой тенью витать смерть Аурелии. Собственно, ее уход остро чувствовался везде, во всем имении. И что бы Аурелия ни писала в своем прощальном письме к Флоре, этим мрачным воспоминаниям не суждено развеяться так скоро, если это вообще возможно...

* * *

Дни становились все короче. Не справляясь с намеченными объемами работ, Арчи и Флора стали задерживаться в саду дотемна, работая при свете фонарей.

– Все! На сегодня я уже выложился полностью, – объявил как-то Арчи в один из холодных октябрьских вечеров, распрямляя спину. И

это простейшее движение, как успела заметить Флора, далось ему с большим усилием. Она молча наблюдала за тем, как он закурил – еще одна привычка, приобретенная за годы войны, а потом поковылял в сторону тиса.

– Ты иди в дом. Я тут одна управлюсь, – предложила ему Флора.

– Знаешь, этот мятущийся огонек фонаря и сам воздух, сыровато-влажный и холодный, вдруг напомнил мне о той ночи, когда я поцеловал тебя здесь, – обронил Арчи.

– Пожалуйста, не напоминай мне об этом больше, – взмолилась в ответ Флора.

– О том поцелуе? Или о тех обстоятельствах, с которыми он был связан?

– Ты сам не хуже меня все понимаешь, – сердито ответила Флора, повернувшись к нему спиной, чтобы снова начать копать в клумбе.

– Понимаю, – последовал тихий ответ.

А потом короткая пауза.

– Но, честное слово, я хотел бы снова поцеловать тебя, Флора.

– Я...

Внезапно она почувствовала легкое касание его руки к своему плечу. А она и не заметила, как он приблизился к ней и стал рядом. Вот он взял ее за руку и поднял с земли, а потом развернул лицом к себе.

– Так могу я тебе поцеловать? В любви ведь никогда нет ничего плохого, дорогая моя Флора. Главное, нужно только время выбрать удобное. А сейчас, по-моему, самое подходящее время для поцелуев, – проговорил он негромко.

Она посмотрела на него, собираясь с мыслями, чтобы ответить, но уже в следующую минуту он накрыл губами ее губы. Потом прижал к себе теснее, и в то же мгновение были отброшены прочь все ее аргументы. В самом деле, почему ей нельзя поцеловаться с Арчи?

* * *

После этого вечера между ними установилась довольно странная близость, почти что семейная жизнь, которую они, впрочем, тщательно

скрывали от остальных обитателей дома. Хотя сам Арчи готов был жениться на Флоре хоть сегодня.

– И так столько времени растрачено впустую, – упрасивал он Флору, но та стояла на своем.

– Нам следует подождать хотя бы год, а уже потом объявлять о помолвке, – объявила она категоричным тоном. – Не хочу, чтобы нас осуждали или сплетничали.

– Господи, боже мой, Флора! – воскликнул Арчи, беря ее за руки. В последнее время они приноровились устраивать свои свидания в оранжерее. И сама обстановка там способствовала, по мнению Флоры, еще большей пылкости их встреч. – Не понимаю, почему ты так противишься? В конце концов, я же здесь хозяин. И, будь моя воля, ты бы стала моей женой уже в течение ближайшего года. И потом, разве ты не понимаешь, что как бы мы с тобой ни поступили, сплетен нам все равно не избежать?

– Вот потому мы и не должны торопиться... Хотя бы ради памяти Аурелии, – возразила в ответ Флора.

Постепенно Флоре все же удалось убедить Арчи позволить ей потратить какую-то часть собственных денег на обустройство дома и прилегающих к нему территорий, приобрести хотя бы самое необходимое. Была нанята прислуга, а в дом пришли строители: начали латать крышу, бороться с сыростью во всех помещениях, потом принялись менять обои в комнатах, освежая интерьер. Работы было невпроворот, но наконец-то Флора поняла, что имела в виду Беатрикс, говоря ей о том, что она видит, чего именно не хватает ее подруге. Несмотря на тот хаос, который царил сейчас в Хай-Уилд и в котором они вынуждены были временно существовать, еще никогда в своей жизни Флора не была так счастлива. Хотя истинный характер ее отношений с Арчи по-прежнему оставался тайной для всех.

* * *

– Дорогая, должен тебе кое в чем признаться. У меня для тебе небольшой сюрприз, если хочешь знать, – заявил однажды за ужином Арчи. – Помнишь, я недавно говорил тебе, что все еще не зарегистрировал Луизу? Но в местной нотариальной конторе, зная о

том, с какими драматическими событиями было сопряжено появление моей дочери на свет, имея в виду смерть Аурелии, были столь любезны, что пошли мне навстречу, отсрочив акт регистрации на сорок два дня. *И вот*, – Арчи вобрал в себя побольше воздуха, – когда я снова там появился, чтобы выполнить все положенные процедуры, то решил одновременно зарегистрировать и Тедди, поставив ему ту же дату рождения, что и у Луизы. Сейчас ты можешь быть абсолютно спокойна, дорогая. Никто и никогда не отнимет у нас Тедди. Отныне он мой сын и родной брат-близнец Луизы.

– Но... – начала ошарашенная Флора, заглядывая в глаза Арчи. – Но это значит, что отныне я никогда не смогу стать его законной матерью! К тому же, вольно или невольно, но ты совершил подлог с официальными документами!

– Ради всех святых, дорогая, прошу тебя, успокойся. Что бесчестного может быть, когда речь идет о любви? А я-то думал, ты обрадуешься. Ведь ты и представить себе не можешь, сколько бумажной волокиты сопряжено с официальным усыновлением ребенка. Все эти суды, чтобы доказать происхождение Тедди, и прочее, и прочее... А сейчас наши дети могут расти спокойно, в полной уверенности, что они брат и сестра.

– Но ведь Сара все знает! А что скажет доктор? – Наверное, Арчи просто спятил, решившись на столь необдуманный, в высшей степени опрометчивый, поступок, подумала про себя Флора. – Ему ведь тоже известна вся правда.

– Я предварительно поговорил с Сарой и все ей объяснил. Спросил, что она думает о моем намерении. Представь себе, она тоже согласилась с тем, что это наиболее простой и удобный способ обезопасить будущее Тедди. А что касается доктора, который принимал роды у Аурелии, так он переехал отсюда... Перебрался в Уэлс, сейчас практикует там.

– Боже мой, Арчи! Но почему, почему, решаясь на такой грандиозный шаг, ты не спросил *моего мнения*?

– Я подумал, что будет лучше, если я поставлю тебя уже перед свершившимся фактом. Я же знаю, какой ты благородный человек, к тому же законопослушный. Вот и побоялся, что ты сможешь попросту отговорить меня. И, пожалуйста, запомни, *я сам*, по своей доброй воле, преподношу Тедди на блюдечке с голубой каемочкой и свой титул, и

свое имение Хай-Уилд. В один прекрасный день сын простого пастуха из Озерного края станет следующим лордом Воганом. – Арчи грустно улыбнулся. – Думаю, это самый лучший способ увековечить память героя, павшего на поле боя, – сделать из его сына лорда.

Флора молчала. Она прекрасно понимала, что именно толкнуло Арчи на принятие такого решения. Ведь он до сих пор чувствовал свою личную вину за то, что выжил в той страшной войне, в которой полегло столько людей. И этот его дар был как бы во искупление, в память обо всех погибших и не вернувшихся с фронта. Дар, который он преподнес Тедди.

Что Флора могла сказать в этой ситуации? Да к тому же дело уже было сделано. К лучшему или к худшему, время покажет. Но одно она понимала и знала точно. Она сама тоже стала невольной соучастницей обмана.

* * *

На следующий год, осенью 1920, Арчи и Флора наконец объявили о своей помолвке. Само бракосочетание должно было состояться через три месяца, перед Рождеством.

После долгих и мучительных раздумий, а также после пространных, хотя и ласковых, убеждений со стороны Арчи, Флора все же решила пригласить мать на свою свадьбу. Роза недавно вернулась из Индии, где какое-то время после смерти мужа гостила у своей кузины. Вернувшись на родину, она продала дом в Шотландии и переехала в Лондон. Сняла себе элегантную квартиру на Албемарл-стрит и поселилась там. Получив приглашение на свадьбу, она тут же написала дочери, умоляя Флору навестить ее в Лондоне. А при личной встрече она разрыдалась, просила у нее прощения за свой обман, за трудное детство старшей дочери. *И, конечно*, за то, что после смерти короля Эдуарда она не подставила Флоре плечо, не помогла ей пережить то трудное время.

– Ты же все прекрасно понимаешь, правда ведь? – вопрошала она Флору жалостливым тоном. – Мне нужно было держаться в тени, ретироваться, как и миссис Кеппел. А потому любые контакты с тобой, учитывая, что ты уже оказалась как бы под подозрением... Не говоря

уже о вечном недовольстве со стороны Алистера и его предвзятом отношении ко всей этой истории... Словом, я посчитала, что так будет лучше. А потом, я откровенно боялась встречаться с тобой, боялась, что ты наговоришь мне кучу ужасных слов. Прошу тебя, прости меня, если можешь.

И Флора действительно *простила* свою мать. Впрочем, в том состоянии блаженства, в котором она пребывала все последние месяцы, она могла бы простить кого угодно и за что угодно. А так они с матерью могли наконец хотя бы вместе погоревать о безвременном уходе из жизни Аурелии.

– Я узнала о ее смерти лишь спустя два месяца. В Индии такая ненадежная почтовая связь, – пожаловалась дочери Роза. – Вот так и получилось, что я даже не смогла приехать на похороны Аурелии.

Несмотря на то что Роза в самом начале их разговора сказала ей, что Арчи в своем письме, извещавшем о смерти жены, упомянул только о девочке, но тут же сама нашла оправдание такой его забывчивости. Неудивительно, ведь он на тот момент был безутешен в своем горе. Когда же она прибыла в Хай-Уилд на свадебные торжества и своими глазами увидела «близнецов», которые уже потихоньку учились ходить и весело играли вместе, то все ее сомнения, если у нее таковые и возникли, тут же рассеялись.

– Крошка Тедди просто вылитая мать! – восклицала Роза, утирая слезы, пока малыш сидел у нее на коленях. Его невинные голубые глаза постоянно напоминали и самой Флоре об усопшей сестре.

– Кто бы мог подумать! – шептала Роза, помогая дочери надевать свадебное платье нежного кремового цвета. – Кто бы мог подумать... Ведь мы все считали, что ты терпеть не можешь Арчи Вогана. Аурелия была бы счастлива, если бы знала, как повернулись события после ее смерти. И ее детки растут под твоей неусыпной заботой.

Церемония венчания прошла в старинной церкви, где когда-то, много лет тому назад, Флора наблюдала за бракосочетанием Арчи и сестры. Сама служба была непродолжительной, в знак памяти об усопшей, но очень душевной. А уж тот взгляд, с которым Арчи надел на ее палец обручальное кольцо, она сохранит в своей памяти до самых последних дней.

– Я буду любить тебя всегда, – выдохнул он, нежно целуя ее.

– Я тоже люблю тебя.

Только в их брачную ночь Флора впервые увидела, как искалечила война тело ее мужа. Обе его ноги были сплошь покрыты шрамами, следы от взрыва при крушении самолета Бристоль 22, легкого истребителя, который в тот день, когда его подбили, выполнял функцию самолета-разведчика. Но Арчи как-то удалось выбраться из объятаго пламенем самолета, а вот его напарник погиб через пару минут от последовавшего взрыва.

Сердце Флоры преисполнилось еще большей любовью к мужу за его мужество и храбрость. А потом они впервые занялись любовью, и Арчи был сама нежность и предусмотрительность.

* * *

Весь первый год своей замужней жизни Флора постоянно спрашивала себя, откуда в ее организме берется столько радости, которая буквально изливалась из нее. Присутствие Арчи рядом, взрослеющие малыши Тедди и Луиза, сам Хай-Уилд – все это наполняло ее душу любовью и только позитивными эмоциями.

Луиза росла нежной и ласковой девочкой, вся в покойницу-мать. От отца же она унаследовала острый ум и естественное умение повелевать и властвовать. Хотя все выходки Тедди, у которого был очень беспокойный характер, она сносила стоически. Девочка его обожала и защищала Тедди всеми доступными способами. Ведь Луиза, как и все остальные вокруг, считала мальчика своим родным братиком-близнецом.

Однажды за ужином Арчи рассказал Флоре, как взял двухгодовалого малыша с собой на конюшню и посадил его к себе на лошадь.

– Представляешь, он даже не заплакал. Не испугался даже тогда, когда лошадь перешла на аллюр. Напротив! В этот момент он стал командовать мне: «Быстрее, папа! Еще быстрее!» – закончил Арчи свой рассказ, не скрывая гордости за маленького сына.

Флора была счастлива наблюдать за тем, как растет и крепнет любовь и приязнь между отцом и сыном. Порой она даже начинала думать, что, вполне возможно, Арчи поступил правильно, выдав Тедди за своего родного сына.

Два поистине золотых десятилетия между двумя мировыми войнами семейство Воганов прожило в своем прекрасном доме Хай-Уилд как в раю. Близнецы выросли на радость всем окружающим. Брат и сестра были не разлей вода. Это замечали не только домашние, но и все, кто приезжал к ним в гости.

Однако, когда детям исполнилось по десять лет, Флора посчитала, что притворяться и дальше, что она их родная мать, больше нельзя. Этот обман стал для нее уже истинной пыткой.

– Я чувствую себя самой настоящей мошенницей, – пожаловалась она как-то раз в отчаянии мужу. – Хотя бы Луиза должна знать, что ее родная мама – это Аурелия. Ведь кто-нибудь из деревенских обязательно со временем откроет ей глаза на эту правду. Что означает, что нам придется солгать и Тедди относительно уже *его матери*.

– Мы уже с тобой много раз говорили на эту тему, и я снова повторяю, что наша маленькая ложь – это действительно мизерная цена за счастливое детство Тедди в нашем доме, – ответил ей Арчи. – Но в одном я с тобой согласен. Нам и правда следует рассказать детям об Аурелии.

И вот спустя пару дней Тедди и Луиза вошли в гостиную, чинно держась за руки. Два херувимчика, чистенькие, раздумывавшиеся, только что после ванны. Флора и Арчи усадили детей на диван и рассказали им о том, кто на самом деле приходится им родной матерью. У Флоры больно сжалось сердце при виде того, как доверчиво слушал Тедди отца. Впрочем, дети были явно в замешательстве от такого сообщения.

– А можно, мы и дальше будем называть тебя «мамой»? – робко поинтересовалась у Флоры Луиза, устремив на нее внимательный взгляд своих темно-карих глаз.

– Конечно, можно, родная моя.

– Потому что ты всегда была нашей мамой, – сказал Тедди, глаза его были полны слез.

– Да, была и буду впредь. – Флора привлекла детишек к себе и ласково обняла их. – Обещаю, я всегда буду любить вас и заботиться о вас.

По мере взросления Тедди Арчи начал приобщать его ко всякого рода деревенским занятиям и развлечениям. Тедди, истинный уроженец Озерного края, чувствовал себя на природе словно утка в воде. Однако когда мальчику исполнилось тринадцать лет, отец настоял на том, чтобы он пошел по его стопам. Вопреки страстным протестам Луизы и нежеланию Флоры, Тедди отправили на учебу в закрытую школу в Чартер-Хаус, неподалеку от их имения. Очень скоро мальчишка взбунтовался против строгих распорядков, царивших в этом учебном заведении. Да и сама учеба не сильно его вдохновляла. Флора не раз деликатно говорила мужу о том, что Тедди гораздо лучше чувствует себя на природе, где он, можно сказать, находится в своей среде. Любовь к странствиям по полям и долам, она ведь в его крови, и с этим ничего не поделаешь. Однако Арчи не прислушался к ее увещаниям.

– Он должен вести себя так, как положено юноше его круга. Пусть учится тому, как быть джентльменом, настоящим джентльменом, – говорил он в ответ.

Непрекращающиеся протесты Тедди и его бунтарские выходки разрывали сердце Флоры. Она понимала, что Арчи, как и все остальные обитатели Хай-Уилд, начисто забыл об истинном происхождении их сына.

БЕАТРИКС УМЕРЛА!

Глаза леди Флоры Воган наполнились слезами. Строчки в дневнике расплылись, она отложила перо в сторону и расплакалась. Телеграмма с известием о смерти Беатрикс пришла всего лишь несколько часов тому назад, и она все еще не могла свыкнуться с этой горькой новостью. В годы военного лихолетья подобного рода телеграммы регулярно приходили всем жителям окружающих их деревень. В мире снова воцарились смерть и разрушение. Но вот и она сама получила известие о смерти близкого человека.

– Моя дорогая, дорогая подруга, – прошептала Флора убитым голосом.

Невозможно осознать умом, что такой сгусток энергии, такая волевая и решительная женщина, прославленная писательница, а помимо всего прочего, и просто добрейшей души человек, умнейшее создание из всех, кого встречала на своем жизненном пути Флора, что ее дорогая Беатрикс больше никогда не отправится на очередную прогулку в горы.

– Что случилось, дорогая?

Арчи склонился над женой и молча прочитал телеграмму.

– Сочувствую! Всем сердцем соболезную тебе. Я ведь знаю, как много значила для тебя эта женщина.

– *Для нас с тобой*, Арчи. Ведь именно Беатрикс убедила меня в том, что я должна поехать к тебе и к Луизе. Не говоря уже о том, что и Тедди она принесла в мой дом.

– Да, это горькая и невозполнимая утрата. Хочешь, я останусь сегодня с тобой? Вообще-то мне надо в министерство военно-воздушных сил. Там у них сегодня совещание. Но я всегда могу отменить свое участие.

– Спасибо, не надо. – Флора поцеловала руку мужа, лежавшую у нее на плече. – Как любила повторять Беатрикс, жизнь продолжается,

даже если кто-то умирает. Так что еще раз спасибо за участие. К ужину успеешь вернуться?

– Надеюсь. Хотя ты же знаешь, как нынче ходят поезда. С расписанием полнейшая неразбериха. – Арчи наклонился к жене и запечатлел нежный поцелуй на ее щеке. – Но если я тебе вдруг понадобится, ты знаешь, где меня искать.

– На станцию тебя Тедди подвезет?

– Сам сяду за руль, – отрывисто бросил ей в ответ Арчи. – До встречи, дорогая.

Он вышел из кабинета, а Флора уставилась в окно. За окнами виднелся сад, который они вместе с мужем все же довели до ума, вернув ему прежнюю красоту. Сегодня сад смотрелся особенно красиво: толстый слой инея, искрящийся на солнце, покрыл все вокруг. Флора вдруг вспомнила такой же морозный и ясный декабрьский день тридцать четыре года тому назад, когда Арчи поцеловал ее, стоя под тисом в их саду. Как же быстро промчались эти годы. Сегодня Луиза и Тедди старше их с мужем, какими они были в ту пору. И вот приближается очередное Рождество.

Понимая, что в эти предпраздничные дни у нее полно дел и на то, чтобы погоревать об уходе Беатрикс, как положено, просто нет времени, Флора быстро прочитала про себя молитву в память о новопреставленной и тут же переключилась на свой ежедневник. Что у нее назначено на сегодня? На пять часов запланирована предпраздничная встреча с представительницами организации «Земледельческая армия», с теми женщинами и молодыми девушками, которые на время войны заменили своих мужей и парней, работавших в сельском хозяйстве. Значит, надо помочь миссис Тенит с приготовлением закусок: выставить на столы сидр, испечь пироги с мясным фаршем. Надо, чтобы вечер для всех этих молодых женщин получился по-настоящему веселым и праздничным. Многие из девушек прибыли в их места приблизительно год тому назад, после того, как большинство мужчин, занятых на сельскохозяйственных работах на землях Хай-Уилд, были мобилизованы в армию. А на завтра для них уже заказан специальный автобус, на котором рано утром их отвезут в город, чтобы они успели разъехаться по своим домам и встретить Рождество в кругу семьи, со своими близкими.

На сочельник должна приехать из Лондона мать. Роза будет гостить у них в Хай-Уилд все рождественские дни. Флора невольно удивилась тому, как разительно поменялись ее отношения с матерью за минувшие годы. Сегодня Роза – самый желанный гость в Хай-Уилд, и она регулярно навещается к ним, особенно сейчас, когда в Лондоне все чаще случаются перебои с продуктами. Мысленно Флора еще раз вознесла молитву Господу. На сей раз, благодаря Его за своих курочек, которые исправно несутся, снабжая их яйцами. Хотя сегодня придется проститься с самой жирной из них: пойдет на начинку для пирогов. Со временем Флора, под давлением своих близких, все же отказалась от своей строго вегетарианской диеты и тоже стала изредка прикасаться к мясу. Вот и курочка Дотти станет ее своеобразным жертвоприношением на рождественский алтарь этого года.

Чтобы еще больше поднять себе настроение, Флора снова поблагодарила Всевышнего за те милости, которыми Он удостоил ее семью в годы военного лихолетья. Ведь двое самых дорогих ее сердцу мужчин не ушли на фронт, остались дома. Арчи, в силу возраста и как инвалид Первой мировой войны, а у Тедди – о, чудо! – обнаружили плоскостопие и признали негодным для прохождения воинской службы. Флора смутно представляла себе, как именно плоскостопие могло бы отразиться на выполнении сыном своего воинского долга. К тому же ничто не указывало на серьезность проблемы. На своих ногах Тедди выделявал такое... Впрочем, не это главное. А главное то, что недуг сына спас его от практически неминуемой гибели на фронте.

Впрочем, Арчи встретил новость о том, что его сын признан негодным к военной службе, весьма озабоченно. Молодой сквайр, достигший своего совершеннолетия, просто обязан быть примером для всех остальных деревенских, то есть должен был отправиться на фронт в первых рядах. Однако трудно винить Тедди за то, что он туда не попал. К тому же он поклялся отцу, что будет всемерно работать на оборону страны дома и сделает все от себя зависящее, чтобы достойно проявить себя в тылу.

К великому сожалению, пока все его попытки не увенчались особым успехом. Муж упрекал Тедди в отсутствии дисциплины, в его разболтанности. Флора же связывала такое поведение сына с его чересчур жизнерадостным и энергичным характером. Да и время возмужания Тедди пришлось как раз на первые годы войны.

Большинство его приятелей по Оксфорду отправились на фронт. У самого же Тедди рвение к учебе изрядно ослабло, если не угасло совсем. Очередной семестр он попросту прогулял. Декан колледжа назвал подобное отношение к учебе «поведением, не достойным для студента выпускного курса Оксфорда». После чего Тедди и вовсе отчислили из университета.

Он попытался поступить на службу в Силы самообороны, но и там пошло все наперекосяк. Оказалось, что Тедди не любит подчиняться чужим приказам, а руководство местных сил самообороны он охарактеризовал как «сборище замшелых старперов». И изъявил желание управлять фермой. Флора пошла сыну навстречу после того, как прежний управляющий, Альберт, был тоже призван в армию. Однако неумение Тедди подниматься на заре, чтобы вместе с остальными начинать трудиться по хозяйству, его неприкрытая лень откровенно раздражали тех, кто уже давно работал на ферме и кто вовсе не пришел в восторг от нового управляющего.

После чего Арчи пристроил сына на административную работу в министерство ВВС на Кингсвэй, где трудился и сам. Но и там у Тедди служба не заладилась. Всех подробностей Флора не знала, Арчи лишь сообщил ей с угрюмым выражением лица, что руководство посчитало нецелесообразным держать Тедди на службе и дальше. Ему предложили уйти по доброй воле и заняться поисками другой работы. Судя по недомолвкам мужа, Флора догадалась, что на сей раз в деле была замешена девушка.

Не приходилось удивляться тому, что Тедди пользовался бешеной популярностью у женщин. Высокий, атлетически сложенный, светловолосый и голубоглазый, не говоря уже о его личном обаянии, Тедди всегда привлекал к себе представительниц слабого пола. Совсем скоро ему исполнится двадцать пять лет, но едва ли он намеревался остепениться к этой дате. Хотя в глубине души Флора свято верила в то, что как только он женится, то сразу же избавится от всех своих дурных привычек. И тогда ее дорогой сыночек станет вполне достоин того титула, который перейдет к нему по наследству в один прекрасный день вместе с именем Хай-Уилд.

Флора миновала холодный неоттапливаемый коридор и вошла в теплую кухню. Весело полыхал огонь на плите, вокруг витали ароматные пары и запахи. Судя по этим ароматам, можно было

предположить, что миссис Тенет уже колдует над пирогами с фаршем, умело обходясь альтернативными ингредиентами.

– Как тут у нас дела? – поинтересовалась у нее Флора.

– Спасибо, все отлично, мэм. Что прикажете приготовить к ужину? У меня еще осталось немного теста. Могу испечь вкусный пирог для вас. А в качестве начинки пойдет шпинат, картофельное пюре и яйца. Очень вкусно получается, – добавила она с легким деревенским говором.

– Боже мой, пирог! Вот это будет угощение. А я все ломала себе голову, из чего нам сделать начинку.

– Мистер Тенет отыскал в деревне заваливающую говяжью рульку. Думаю, ее мы тоже пустим в дело.

Флора благоразумно не стала интересоваться, где именно отыскалась эта заваливающая голень. Не секрет ведь, что на местном черном рынке мяса хоть отбавляй. Но коль скоро рулька сама приплыла к ним в дом, грех отказываться.

– Очень разумно, – согласилась она с миссис Тенет, снова возблагодарив Всевышнего за то, что Он послал к ним в дом эту супружескую чету. Оба они были еще молоды и не боялись никакой работы, даже самой трудной. Мистер Тенет не только исполнял обязанности водителя, но и всемерно помогал Флоре в ее садово-огородных делах, которым, казалось, не было ни конца ни края. Он собирал опавшие яблоки, ухаживал за ее зверинцем, за всеми теми животными, которых Флора приютила в своем доме за столько лет в Хай-Уилд.

– И, пожалуйста, подготовьте комнату для мамы, ту, в которой она обычно останавливается, – попросила Флора миссис Тенет. – Да, еще не забыть приготовить глинтвейн на завтра, чтобы угостить деревенских к обеду. Красное вино возьмите в погребе. Вот только на сей раз придется обойтись без цитрусовых, – добавила она и подумала, что даже сама *мысль* о цитрусовых тут же вызывает у нее непреодолимое желание откусить кусочек апельсина.

– Хорошо, мэм.

– Сегодня ровно в пять Луиза приведет к нам девушек из Земледельческой армии, – уточнила она, уже выходя из кухни. После чего вернулась к себе в кабинет, чтобы написать письмо с соблезнованиями мужу Беатрикс Уильяму. Флора как раз успела

поставить заключительную точку в своем послании и отложить перо в сторону, как в дверь постучали.

– Входите, – обронила она негромко.

– Здравствуй, мамочка. Я тебя не побеспокоила? – Луиза просунула головку в полуоткрытую дверь. Каштановые волосы длиной до плеч были аккуратно сколоты на затылке двумя гребнями. Карие глаза у дочери так похожи на глаза Арчи.

– Разумеется, нет, – ответила ей Флора. – Хотя я только что получила очень печальное известие. Вчера умерла моя дорогая подруга Беатрикс.

– Ах, мамочка! Как жаль! Очень тебе сочувствую. Я ведь знаю, как ты ее любила. Да и для всех нас утрата такого таланта – большая потеря. Помню, как ты нам с Тедди в детстве читала ее сказки про животных.

– Ты права, доченька. С уходом Беатрикс мир изрядно опустеет.

– Как жаль, что она не дожила до победы. Я уверена, война скоро закончится. Во всяком случае, я на это очень надеюсь, – поправила себя Луиза.

– Что ты хотела у меня спросить, дорогая?

– А... так... ничего существенного. Как-нибудь в другой раз. Все наши девочки с большим нетерпением ждут сегодняшнего вечера, – добавила она более жизнерадостным тоном.

– И мы должны постараться изо всех сил, чтобы вечер действительно получился веселым.

– Я сшила саше для лаванды в качестве подарков для каждой из них, – сообщила матери Луиза. – А еще мы намереваемся устроить маскарад с переодеваниями.

– Замечательно! И, пожалуйста, не удивляйся, если сегодня вечером я не буду ходить с грустным лицом. Беатрикс не очень бы понравилось, если бы все мы тут погрузились в глубокий траур.

– Но как бы то ни было, а уход любого человека – это всегда трудно и больно. Просто ты у нас, мамочка, очень сильная и мужественная женщина. – Луиза подошла к Флоре и поцеловала ее в щеку. – Увидимся ровно в пять, да?

– А Тедди будет на вечере, ты не знаешь? Я его тоже приглашала.

– Он сказал, что постарается вырваться, хотя сегодня он очень занят.

Интересно, чем? – задалась мысленным вопросом Флора, когда Луиза вышла из комнаты. И тут же отмела этот невеселый вопрос в сторону. В конце концов, Тедди – ее сын, и она обязана доверять ему.

Вечером в гостиной собрались девушки из Земледельческой армии. Угощались вкуснейшими пирогами миссис Тенет с начинкой из сушеных груш и яблок, заготовленных впрок еще с осени, воздавая должное ее кулинарным способностям, пили домашний сидр. Потом все попросили Луизу сесть за фортепьяно, и девушки хором и с большим чувством исполнили несколько рождественских гимнов. А закончили свой импровизированный концерт исполнением песни Веры Линн «Мы встретимся вновь».

Когда Луиза пошла провожать девушек в холл, где они оставили свои пальто, с тем чтобы одеться и направиться к себе домой – девушки квартировали в двух небольших домиках рядом с конюшней, – Флора заметила озабоченное выражение лица дочери.

– Все в порядке, Луиза?

– Куда-то запропастилась одна из наших девушек – Тэсси. Впрочем, пока нет повода для беспокойства. Надеюсь, скоро объявится. – Луиза чмокнула мать в щеку. – Мамочка, если ты не против, я сегодня ужинать с вами не буду. Хочу на вечер остаться у девочек.

– Конечно, какие могут быть возражения? Тедди не видела?

– Нет. Доброй ночи, мамочка. – Луиза вывела девушек во двор. Флора, стоя у окна, наблюдала, как они дружной ватагой пошагали по дорожке, освещая себе путь фонариком. Какая все же молодец Луиза, лишней раз восхитилась она дочерью. И помощница замечательная, и местным отделением Земледельческой армии, можно сказать, руководит самостоятельно, но справляется прекрасно. Всегда спокойна, ведет себя дружелюбно, ни тени снобизма в общении. Флора знала не понаслышке: все девушки просто обожают Луизу.

Она направилась на кухню. Заглянула в духовку: пирог с мясной начинкой еще теплый. И картофельное пюре, капусту, которую натушила миссис Тенет им к ужину перед тем, как уйти к себе домой, тоже подогреть не надо.

Флора подумала, что те девять лет, что она прожила в Озерном крае одна, без слуг, закалили ее и хорошо подготовили ко всем тяготам и лишениям военного времени. Вот и сейчас она без лишней

проволочки вернулась в гостиную, составила на поднос пустые стаканы из-под сидра и снова поспешила на кухню, чтобы успеть перемыть всю посуду до возвращения Арчи, а может, и Тедди соизволит появиться к ужину. В последнее время они приноровились ужинать на кухне за обеденным столом. Потому что кухня – это сейчас самое теплое помещение в доме. Конечно, деревьев, пригодных на то, чтобы пустить их на дрова, вокруг хватает, но Флора вместе с Арчи решили, что не годится им выделяться и наслаждаться комфортом, когда все вокруг переживают такие лишения.

Минут через двадцать на кухне появился Арчи, вошел с черного входа. Лицо уставшее, но глаза светятся.

– Дорогая, как ты тут? – поинтересовался он у жены, целуя ее. – И как, кстати, прошла ваша вечеринка? Прости, что не смог присутствовать. Совещание затянулось допоздна. Но у меня хорошие новости.

– Все было очень весело. – Флора надела фартук и начала накрывать на стол, решив, что ждать Тедди и дальше не имеет смысла. И пирог совсем остынет. – А какие у тебя новости?

– Для начала скажу лишь, что больше мне не придется совершать эти долгие и утомительные поездки в Лондон. Мне дали должность на авиабазе в Ашфорде, всего лишь в нескольких милях от нашего дома. Ты уже, наверное, читала наши местные газеты и знаешь, что здесь у нас расквартированы эскадрильи Королевских ВВС, а также ВВС Канады. Ну и янки, разумеется.

– Да, слышана, – улыбнулась Флора, вспомнив, какой ажиотаж творился среди девушек Земледельческой армии, когда они узнали о прибытии военных и о том, что неподалеку разместят эскадрильи британских летчиков, а также экипажи из Канады и Америки. Потом несколько раз в гарнизоне устраивались танцевальные вечера, и девушки всегда возвращались оттуда с подарками – шоколадками и нейлоновыми чулками.

– Действительно, новость очень хорошая, дорогой. И что там у тебя будет за работа?

– Пока я могу сказать лишь одно. Намечается нечто поистине грандиозное. Моя должность – что-то вроде офицера связи: буду координировать деятельность отдельных эскадрилий, формировать экипажи и организовывать полеты и прочее в этом же роде. И еще

общие стратегические вопросы. Знаешь, дорогая, кажется, сегодня я впервые за долгое время почувствовал приближение развязки. Увидел свет в конце тоннеля...

– Будем только счастливы, если все так и случится. – Флора поставила перед мужем тарелку с едой и посмотрела на него влюбленными глазами.

– Боже правый, смотрится просто шикарно. Спасибо, – сказал Арчи, беря в руки нож и вилку. – А что, дети сегодня ужинают не с нами?

– Да. Луиза осталась у девочек на весь вечер, а Тедди... его нет дома.

– Как всегда, – раздраженно бросил Арчи.

В два часа ночи Флора, не сомкнувшая глаз с самого вечера, услышала скрип половиц в коридоре. Следом хлопнула дверь в комнате Тедди. Наконец-то ее сын вернулся домой.

* * *

– Где ты был минувшей ночью? – поинтересовалась Флора у Тедди, когда на следующее утро он соизволил спуститься вниз на кухню. Там уже всю кипела работа. Флора и миссис Тенет в четыре руки стряпали, пекли, крошили и месили, приготавливая праздничное угощение к Рождеству. По радио передавали рождественские гимны и хоралы.

– Меня не было дома. Какие-то проблемы, мама? Кажется, я уже вышел из того возраста, когда надо спрашивать разрешения. – Тедди на ходу умял два пирожка с повидлом, которые остывали на подставке на столе. – А как вы себя чувствуете, миссис Тенет? Сегодня такой славный денек.

– У меня все хорошо. Спасибо, сэр, – коротко ответила женщина.

Флора уже давно поняла, что их экономка – одна из тех немногих женщин, которая сумела устоять перед очарованием ее сына и не купилась на его стандартные любезности.

– Рад за вас, – лучезарно улыбнулся он ей в ответ. – Какие планы на сегодня, мама?

– На обед мы приглашаем деревенских выпить по стаканчику глинтвейна. А в пять вечера приезжает бабушка. Нужно съездить в Ашфорд и забрать ее с вокзала. Окажи такую любезность.

– Право, не знаю, – ответил Тедди рассеянным тоном, потом прошелся по кухне и завис над плитой совсем рядом с миссис Тенет, помешивающей в кастрюле глинтвейн. – Парни из деревни пригласили меня в паб перед ужином. Сегодня же сочельник, можно и погулять.

– Ты нас всех очень выручишь, Тедди, если съездишь за бабушкой.

– А ваш муж не может подменить меня? – спросил он у миссис Тенет и как бы невзначай погладил ее по спине. Женщина тут же дернулась от него в сторону.

– У мистера и миссис Тенет сегодня выходной вечер. Они будут встречать Рождество у себя дома. А завтра миссис Тенет поможет мне управиться с праздничным обедом. Думаю, бабушка по достоинству оценит твои усилия.

– А хлеб у нас в доме есть? – Тедди обвел глазами кухню. – Умираю с голоду. Готов съесть хоть вола.

Флора махнула рукой в сторону кладовки.

– Там лежат три буханки. Только что испекли. Но, пожалуйста, отрежь себе только один ломоть. Хлеб нам нужен на сэндвичи для закуски.

Когда Тедди отправился на поиски хлеба, Флора лишь раздраженно вздохнула.

На сей раз даже *ее терпение* лопнуло.

– Замечательное Рождество должно быть, – проговорил Тедди с набитым ртом, вернувшись на кухню и держа в руке толстый ломоть хлеба.

– Надеюсь, – коротко бросила в ответ Флора.

– Конечно же, я заберу бабушку, что за разговоры! – Тедди неожиданно улыбнулся, подошел к матери и обнял ее. – Это я просто подшучивал над тобой.

И Рождество действительно *получилось* по-настоящему счастливым. Давно уже Флора не видела Арчи в таком приподнятом настроении. Наверняка и новая должность тоже способствовала его хорошему расположению духа. Луиза, как и положено послушной дочери, ублажала всех домашних и гостей, только бы им было хорошо в этот вечер. И даже Тедди обуздал себя и не пошел кутить с друзьями в местном пабе, а провел весь вечер с семьей в ожидании наступления Дня подарков, следующего после сочельника дня.

Поздно ночью Флора и Арчи улеглись в кровать, смертельно уставшие от шумного праздничного застолья.

– Кажется, на нынешнее Рождество мы с тобой угостили за наш счет всю округу, и богатых, и бедных, – пошутил Арчи.

– Получается, что так, – рассмеялась в ответ Флора, вспомнив, какое несметное количество людей прошло через Хай-Уилд за последние несколько дней. Но ведь так и должно быть в рождественские дни, разве нет? Ведь Рождество – это всегда дары.

– Да. А больше всего даров сделала ты, дорогая. Спасибо тебе за это. – Арчи нежно поцеловал жену. – Будем надеяться, что в новом году наступит наконец мир, который все мы заслужили.

Зима 1944 года показалась Флоре бесконечно долгой. Наверное, не в последнюю очередь еще и потому, что она тоже, как и все в мире, устала от войны, устала от плохих новостей и бодрых реляций по радио, устала от дикторов, поучающих, что ни день, всех радиослушателей не падать духом и держаться.

К тому же в последнее время ее не покидало странное чувство, что вот-вот должно произойти что-то нехорошее, что-то очень-очень нехорошее. Это предчувствие накрывало ее тяжелой пеленой, как тот снег, который толстым слоем укутал весь их сад. Единственным светлым пятном в этой атмосфере уныния и тревожного ожидания стало письмо, которое ей прислал в феврале Уильям Хилис, муж покойной Беатрикс.

*Касл-Коттедж
Ближний Суррей
15 февраля 1944 года*

Дорогая леди Воган, или я могу обращаться к Вам, как и ранее, просто – «дорогая Флора»?

Очень надеюсь, что мое письмо застанет Вас в добром здравии. У нас здесь все вокруг утопает в снегу. Я тоже сижу, засыпанный со всех сторон снегом. Пишу письмо, а в доме царит полная тишина. Нет больше рядом со мной моей дорогой Беатрикс, которая бы устроила мне очередную взбучку за какую-то очередную провинность. Пишу, чтобы сообщить Вам, Флора, что недавно я огласил завещание Беатрикс, огласил его сам себе в присутствии единственного свидетеля – нашей кошки (которая тоже получила, согласно завещанию, свою долю в виде банки сардин). Словом, формальная процедура, как того требуют нотариус (в данном случае, я сам) и исполнитель или душеприказчик (тоже я), была соблюдена. Через какое-то время, в положенные сроки, состоится официальная встреча попечителей и всех заинтересованных лиц, или бенефициариев. Но, учитывая экстремальные погодные условия, я решил отложить проведение такой встречи до более благоприятных

времен (хотя бы когда растает снег) и провести ее не здесь, а в Лондоне, где проживают и находятся большинство бенефициариев, включая Национальный трастовый фонд. Как Вы, наверное, догадываетесь, список получателей очень длинный. Предполагаю, что мне придется арендовать по крайней мере банкетный зал, чтобы собрать всех этих людей вместе. Я пытаюсь шутить, но на самом деле мне очень тяжело, и не только потому, что я душеприказчик воли усопшей, но и потому, что речь ведь идет о Беатрикс.

А сейчас я перехожу к главному и сообщаю Вам, что в завещании Беатрикс фигурируете и Вы тоже. Я прилагаю к своему письму ее коротенькое послание Вам, в котором она объясняет свои мотивы. Думаю, Вы их одобрите.

А пока же, моя дорогая Флора, давайте будем молиться, чтобы эта долгая, затянувшаяся до бесконечности зима, наконец уступила место весне. Ведь с приходом весны появятся и новые надежды на будущее. Впрочем, пока я изо всех сил пытаюсь привыкнуть к мысли, что грядущая весна станет первой в череде тех весен, которые мне предстоит встретить уже без моей дорогой жены.

Прошу Вас оставаться со мной на связи, моя дорогая Флора.

Уильям Хилис

Флора взяла в руки второй конверт, открыла его и сосредоточилась на чтении письма Беатрикс.

Касл-Коттедж

Ближний Суррей

20 июня 1942 года

Моя дорогая Флора.

Буду краткой, ибо прекрасно понимаю, что письма с того света – это не самое веселое чтение на свете.

А потому перехожу непосредственно к делу: я завещаю Вам книжный магазин в Лондоне, который я приобрела несколько лет тому назад, когда у владельцев этого магазина возникли серьезные финансовые проблемы. Артур Морстон (праправнук и тезка первого владельца) умер несколько лет тому назад. Сам магазин, расположенный в Кенсингтоне, я помню с детства. Там я всегда

покупала все свои детские книги. Относилась к владельцу магазина с большим почтением и любовью, а потому с готовностью пришла на помощь его близким и сняла с их плеч эту обузу. К великому сожалению, с началом войны я была вынуждена закрыть магазин, в том числе и из-за нехватки работников. Магазин закрыт и по сей день.

Дорогая Флора, распорядитесь его дальнейшей судьбой по собственному усмотрению. Думаю, что само здание, в котором размещается магазин, чего-то да стоит. Вы живете гораздо ближе к Лондону, чем я, а потому, если Вы вдруг надумаете снова открыть магазин, то, уверена, из Вас получится гораздо более эффективный собственник и руководитель, чем получился из меня. Если же Вы все же решите продать магазин, то, зная Вашу любовь к книгам, не сомневаюсь, Вы найдете наилучшее применение тому книжному фонду, который хранится на его полках. Но разве это не чудо, что само здание, в котором размещается магазин, пережило все бомбежки и уцелело, когда все другие здания по соседству были разрушены полностью? А вообще, само это тихое место просто замечательное. А потому очень прошу Вас все же побывать там, а уже потом принимать окончательное решение.

А сейчас, дорогая Флора, время прощаться. Я всегда буду помнить те годы, что мы прожили рядом в любви и взаимной симпатии. Пожалуйста, прошу Вас, поддерживайте связь с моим дорогим Уильямом. Думаю, после моего ухода ему будет очень одиноко.

Беатрикс

* * *

– Какой щедрый дар со стороны Беатрикс. И как все разумно продумано, – восхитился Арчи, узнав новость за ужином. – Когда ты вступишь официально в права наследования и получишь на руки ключи от магазина, обязательно съездим в Лондон и наведаемся в Кенсингтон. Увидим все своими глазами.

– Надеюсь, что магазин все еще стоит на своем месте. Не хотелось бы застать там развалины, груды щебня и камня.

– Вдруг Тедди проявит интерес к этому делу и захочет руководить магазином? Такое впечатление, что он пока не занят ничем путным. И это в такое-то время... Валяется в постели до обеда... А от деревенских я наслышан, что он регулярно, каждый вечер, отмечается в местном постоялом дворе.

– Ты же знаешь, он сильно простужен.

– Все мы, Флора, за минувшую зиму переболели простудой. Что не помешало всем нам заниматься чем-то стоящим... Приносить пользу стране в такое тяжелое для нее время.

– Он переживает... Все его сверстники воюют на фронте.

– Зато у него, в отличие от многих других наследников и пэров, впереди маячит не смерть, а жизнь, – отрезал Арчи, с трудом сдерживая свой гнев. – Я недавно подумал, что надо бы нам поразмыслить над некоторыми изменениями, которые я хочу внести в свое завещание. Ведь я не менял его с того самого дня, как мы поженились. Согласно этому завещанию, Хай-Уилд переходит к Тедди как к нашему единственному сыну, а по праву первородства, и как к наследнику титула, но в последнее время я все чаще задумываюсь над тем, а подходит ли он для этой роли? Только сегодня мне пришла в голову мысль, что если с титулом у меня уже ничего не получится, то с именем еще можно кое-что изменить. Например, завещать его в бессрочное владение тебе, дорогая. А дальше, в зависимости от того, как станет вести себя Тедди в будущем и не появятся ли у Луизы наследники мужского пола, ты сама решишь, как распорядиться Хай-Уилд с наилучшей пользой для всех. Во всяком случае, то, как он ведет себя сегодня, заставляет меня усомниться в том, что он когда-нибудь...

– Давай отложим этот разговор на другой раз, ладно? Скажем, когда закончится война и все вокруг более или менее образуется. Еще Беатрикс не успела остыть в своей могиле, а ты предлагаешь мне заняться обдумыванием новых завещаний.

– Как скажешь, дорогая! Подождем окончания войны. – Арчи протянул через стол свою руку и ласково пожал руку жены. – Зато когда война наконец закончится, то мы уж отпразднуем победу с размахом. Как-никак, а выстоять и пережить такое...

Настроение у Флоры немного улучшилось, когда зима все же подошла к концу, и весна наконец вступила-таки в свои права на всей территории Англии, повсеместно явив первые признаки своего прихода. Флора сама пришла в радостное возбуждение, увидев первые ростки проклюнувшихся растений, которые они с мистером Тенетом высаживали в открытый грунт минувшей осенью. Словом, война войной, а сад, как малое дитя, требует постоянного внимания и заботы. Даже само ощущение земли на руках вселяло в нее привычное ей чувство уверенности и стабильности.

Несмотря на то что Флора всегда скептически относилась к чрезмерно бравурной пропаганде, распространяемой военными ведомствами, даже она понимала, что у союзников намечается что-то очень значительное. По скупым словам Арчи, который, естественно, многого недоговаривал, союзники концентрируют силы для скоординированного наступления на материк. Арчи теперь пропадал на авиабазе днями и ночами, но всякий раз, когда он возвращался домой, Флора читала в его глазах предчувствие каких-то невероятно важных событий.

Радовали и хорошие новости, связанные с Луизой. Она вместе с Тедди побывала на новогоднем балу в Лондоне, согласившись поехать туда только после долгих уговоров Флоры.

– Поезжай, немного развейся в столице, отдохни от этой бесконечной работы здесь в Хай-Уилд, – убеждала ее Флора. Она даже отдала дочери свое вечернее платье, которое Луиза тут же переделала под себя. Ее искусные пальчики порхали над тканью с той же легкостью и изяществом, как когда-то и у ее родной матери Аурелии. Вместе с Тедди они поехали в Лондон поездом, а когда через день Луиза вернулась домой, то в ее глазах Флора увидела особый блеск.

Короче, на горизонте замаячил некий молодой человек по имени Руперт Форбс, типичный интеллеktуал и книголюб. Одно слово, «очкарик», который из-за своей близорукости не был призван в действующую армию. Тедди смутно помнил его по Оксфорду, а Луиза сообщила, что сейчас молодой человек работает на какой-то должности в службе разведки.

– Конечно, где именно, он сказать не может, но я уверена, это что-то очень важное. Он ужасно умный, мама. Представляешь, он в свое

время выиграл стипендию для учебы в Оксфорде. В университете Руперт изучал классическую литературу и философию.

– А по-моему, типичный сухарь, – возразил ей Тедди. – К тому же весь такой правильный. На балу даже отказался выпить со мной второй бокал шампанского.

– Знаешь, вовсе не обязательно осушать все бутылки подряд в баре, чтобы найти свое счастье на дне одной из них, – непривычно резко возразила ему Луиза.

Для Луизы такая резкость в разговоре с другими была совершенно нетипичным явлением. Тем более если речь шла о ее обожаемом брате. Интересно, чем вызвана столь неприязненная реакция, невольно задалась мысленным вопросом Флора. Только ли желанием защитить Руперта? Или все же волной нарастающего раздражения по отношению к Тедди, которое уже невозможно было не заметить?

Между тем роман между Рупертом и Луизой развивался стремительно и очень скоро перерос в нечто более глубокое и значительное. При первой личной встрече Руперт произвел самое благоприятное впечатление и на Флору, и на Арчи. Они радовались всем сердцем, наблюдая за тем, как крепнут взаимные чувства между молодыми людьми. И вот, буквально пару недель тому назад они объявили о своей помолвке. Руперт специально приехал в Хай-Уилд на выходные, чтобы отпраздновать это событие. Он пришел в полный восторг, узнав о необычном наследстве, которое завещала Флоре Беатрикс. Стал упрашивать, чтобы Флора позволила ему сопровождать ее, когда она надумает приехать в Лондон и навеститься в книжный магазин. Решили не тянуть и побывать там в ближайшие же недели. Навели справки и удостоверились в том, что здание действительно уцелело в ходе бомбежек Лондона. Оставалось лишь ждать официального вступления в права наследования.

Руперт, хотя и происходил из хорошей семьи, но собственного дохода не имел. А потому Арчи и Флора решили, что самое разумное, если молодые после свадьбы переедут к ним и поселятся на Домашней ферме, расположенной буквально через дорогу от самого имения. С тех пор как прежний управляющий фермой ушел на фронт, дом там стоял пустой. Флора знала, что немного краски, свежие занавески на окнах, еще какие-то мелочи – и дом преобразится и станет настоящим гнездышком для новобрачных. А уж умелые ручки Луизы могут

сотворить чудо из ничего. К тому же у самой Флоры был уже наготове замечательный подарок для молодых.

– Мамочка, можно с тобой поговорить?

Солнечным майским утром Луиза отыскала Флору в саду.

– Можно. – Флора поднялась с земли и взглянула на озабоченное лицо дочери. – Что случилось?

– Давай присядем. – Луиза жестом указала на скамейку, стоявшую в тени, рядом с беседкой, увитой розами, которую недавно соорудил мистер Тенет.

– Так все же что случилось?

Флора увидела, как Луиза нервно сжимает и разжимает длинные тонкие пальцы обеих рук.

– Видишь ли, тема... очень деликатная. Речь пойдет об одной из наших девушек, работающих в Земледельческой армии. И о Тедди.

– Вот как? Тогда рассказывай мне все по порядку.

– Я уже с самого Рождества заметила, что между ними что-то есть. Помнишь, на ту вечеринку, которую мы устраивали для девушек у себя дома накануне Рождества, Тедди даже не явился?

– Отлично помню.

– Ну, так вот... Когда позже я возвращалась от девочек домой, то увидела на дороге, ведущей от Домашней фермы, Тедди и Тэсси. А время уже было далеко за полночь. Словом, я своими глазами увидела то, о чем некоторые девочки говорили мне и раньше.

– То есть ты хочешь сказать, что они знали, где бывает их подружка?

– Да. И с кем она там бывает.

– Понятно.

– Я надеялась, что эта связь быстро закончится. Уверена, ты и сама знаешь, как легко Тедди меняет свои привязанности, особенно если дело касается женщин. Собственно, так оно и произошло в итоге.

– Тогда почему ты решила посвятить меня в эту историю?

Луиза тяжело вздохнула и уставилась куда-то в глубь сада.

– Потому и решила, что вчера Тэсси пришла ко мне вся в слезах и объявила, что она, по ее словам, в положении. Мама, она беременна и клянется всем на свете, что это ребенок Тедди.

– О господи! – Теперь уже Флора в волнении сцепила пальцы рук. – По-твоему, это правда?

– Говорит, что у нее срок четыре месяца или около того. А ее жених воюет сейчас во Франции. Его отправили на фронт приблизительно шесть месяцев тому назад, и за все это время на побывку домой он не приезжал. Все другие девушки знали, что она встречается с Тедди. И приблизительно в то время, когда все это случилось, она тоже всю ночь провела с ним и вернулась домой только под утро. То есть по срокам все как бы совпадает. Так что, боюсь, это правда. Ребенок действительно от Тедди.

– А что сам Тедди? Что он говорит?

– Она ему еще ничего не сказала. Он, кстати, уже успел порвать с ней всяческие отношения. Тэсси сама сказала мне, что они больше не встречаются.

– Что ж, в сложившихся обстоятельствах, полагаю, он должен жениться на ней.

– Но он не сделает этого, мама. Во-первых, он ее не любит. Она ему даже больше не нравится! Потом... Да, Тэсси красивая и заметная девушка, но она же родилась в лондонском Ист-Энде. То есть между ней и Тедди нет ничего общего. А вдруг родится мальчик? И что, он станет наследником Хай-Уилд? Представляю, что скажет папа.

Флора сокрушенно вздохнула, подумав о беспутном поведении сына. А потом представила себе реакцию Арчи, когда он узнает эту новость. Как говорят, вишенка на торте. Особенно если учесть, какими и без того напряженными стали отношения между отцом и сыном в последнее время.

– Так ты говоришь, у этой девушки есть жених?

– По ее словам, да, есть. Они были влюблены друг в друга с детских лет и уже давно встречаются.

– А тебе не кажется, что если он любит ее так сильно, то может простить ей измену? И даже признает ребенка, которого она родит. В конце концов, в военное время она не первая девушка, которая попадает в столь щекотливое положение. Разве не так?

– Не уверена, мама, совсем даже не уверена в таком благополучном исходе. Неужели ты сама веришь в то, что такое возможно? – Луиза отвечала, тщательно выбирая каждое слово, но ее интонации однозначно свидетельствовали о том, что она считает Флору очень наивной. Или это следствие того, что она сильно расстроилась из-за сына. – Знаешь, если бы подобное произошло у

меня с Рупертом, то он бы однозначно повернулся ко мне спиной и ушел прочь. Но дело даже не в том, что сделал бы или чего не сделал бы жених Тэсси. Дело в другом... Она до сих пор считает, что влюблена в Тедди.

– Хотя сам Тедди, по твоим словам, ответными чувствами к ней не пылает.

– Может, поговоришь с ним, мама? Ведь ты же единственный человек, которого он пока слушает. И еще хочу тебе сказать, мама, что он совсем съехал с катушек. Особенно в последние несколько месяцев. Эти его бесконечные попойки... Папа пришел бы в шок, если бы услышал, что о нем говорят в деревне. Прости мне мою откровенность. Понимаю, что добавляю тебе лишние проблемы, но надо же что-то делать, причем срочно.

– Спасибо, Луиза, что рассказала мне. А сейчас оставь меня, пожалуйста, одну. Постараюсь что-нибудь придумать, как выйти из этой ситуации наилучшим образом.

– Тогда я скажу Тэсси, что поговорила с тобой и что ты, в свою очередь, обсудишь все с Тедди.

Остаток дня Флора провела в саду. И почему это Тедди такой необузданный, размышляла она. Вот бы был таким спокойным и уравновешенным, как мистер Тенет. Тот говорит мало, зато работает не покладая рук. И так умело ухаживает и за растениями, и за животными.

Потому что у него есть сострадание, подумала она. А знакомо ли ее сыну само это слово, не говоря уже о понимании его значения?

Всю ночь Флора провела без сна, лежа рядом с мирно спящим мужем. И под самое утро наконец решила, что надо делать. Вне всякого сомнения, если Арчи узнает о столь недостойном поведении сына, его реакция будет однозначной. Вопросы чести для него всегда были первостепенными. Флора совсем бы не удивилась, если бы он тут же вышвырнул Тедди вон из дома без гроша за душой.

Днем она попросила Луизу прислать к ней Тэсси для разговора. Девушка незамедлительно явилась к ней в кабинет. Ее милое личико было бледнее обычного, в глазах застыл страх. При виде ее слегка округлившегося животика у Флоры заныло сердце. Несмотря на все их усилия, у них с Арчи так и не получилось завести своего ребенка. С другой стороны, к алтарю она пошла, когда ей минуло уже тридцать

лет, а потом еще несколько лет безуспешных попыток, – стало понятно, что ее время уже ушло.

Разглядывая девушку, Флора вдруг поймала себя на почти безумной мысли. А что, если взять этого ребеночка и воспитать его как своего собственного? В конце концов, ведь это же ребенок Тедди... И та же судьба, сиротка, который появится на свет без отца. Но она тут же отринула от себя все эти фантазии и постаралась сосредоточиться на предстоящем разговоре.

– Добрый день, Тэсси. Проходи и присаживайся, пожалуйста.

– Спасибо, мэм. Простите, что втянула вас в свои неприятности. Ведь вы всегда были так добры ко мне. Да и к остальным девушкам тоже. Так вы уже разговаривали с Тедди? И что он сказал?

Флора приготовилась солгать.

– Да, разговаривала. К большому сожалению, он категорически отказывается от того, что у него с тобой что-то было. И от всего остального тоже.

– Как же он может?! Все ведь вокруг знают, что мы с ним встречались всю осень до самого Рождества и даже потом. Спросите у других девушек... У кого угодно... Они вам подтвердят. Я... – Тэсси громко разрыдалась.

Флора поднялась, подошла к девушке, достала из рукава кружевной носовой платок и протянула его ей. Ей было искренне жаль бедняжку, но все же в сложившейся ситуации интересы семьи стояли для нее на первом месте.

– Ну же, успокойся, милая. Все не так уж и плохо, как кажется на первый взгляд.

– Еще как плохо, мэм! И куда уж хуже... Ребеночек вот-вот появится на свет, а его отец и знать его не желает и даже отрицает, что причастен к его появлению. А мой жених, когда он вернется, то-то сильно обрадуется, когда увидит, какой подарочек я ему приготовила. А мои мама... отец... Да они же вышвырнут меня из дома в ту же самую минуту, как все узнают. Я стану нищенкой, буду просить подаяние на улицах. Так уж лучше мне сейчас пойти и броситься в реку. Покончить со всем одним махом!

– Тэсси, послушай меня. Я все понимаю. Понимаю, как ты сильно расстроена. Но, честное слово, выход есть всегда. И мы его найдем, обещаю тебе.

– И что же это за выход такой, позвольте поинтересоваться у вас, мэм?

– На сегодняшний момент считаю, что самое главное для тебя – это крыша над головой. Своя собственная крыша, хочу я подчеркнуть особо.

– Это уж само собой. А за какие шиши прикажите мне найти эту крышу? У меня таких денег нет.

– Конечно, нет. А потому я готова дать тебе некоторую сумму, достаточную для того, чтобы ты смогла купить себе небольшой домик. Этих денег тебе хватит и на житье. Во всяком случае, до тех пор, пока ребенок не пойдет в школу. И тогда ты сможешь заняться поисками работы.

– Простите меня, мэм, если я спрошу: а зачем вы это делаете? – Тэсси бросила на Флору недоверчивый взгляд. – Я хочу сказать... Ваш сын отказался, заявил вам, что это не его ребенок... Что он меня не знает и никогда не имел со мной никаких дел... Тогда чего ради вы стараетесь? Почему не вышвырнули меня сразу же?

– Да, мой сын однозначно заявил, что это не его ребенок. Что вовсе не означает, что я не могу помочь молодой женщине, оказавшейся в столь трудном положении. Разве не так? Я тоже была когда-то молода, Тэсси, и тоже переживала тяжелые времена. И получила в трудный для себя час и участие, и помощь от других людей. Вот я и пытаюсь отплатить им благодарностью сейчас, сделав доброе дело по отношению к другим. Как говорится, долг платежом красен, – возразила ей Флора спокойным тоном.

– Но ведь дома, даже самые крохотные, стоят кучу денег. – Тэсси громко высморкалась в носовой платок.

– Постарайся найти что-нибудь приемлемое, и неподалеку от родителей, если захочешь. Кстати, где они живут?

– В Хакни.

– Уверена, как только ты родишь, они сразу же прибегут к тебе. Вполне возможно, и жених твой тоже к тебе вернется. Во всяком случае, если он тебя любит.

– О, да! Он меня очень любит. Называет меня солнышком. И вот как я поступила с ним! Нет! – Тэсси в отчаянии затрясла головой. – Он никогда не простит мне этого. Никогда! Хорошо, предположим, я соглашусь... А что вы ожидаете взамен?

– Ничего. Разве что изредка будешь присылать мне фотографии малыша. А еще, обещаю не втягивать мою семью ни в какие скандалы, не порочить репутацию моего сына всякой лживой грязью.

– Я клянусь вам, как перед Богом, мэм, что Тедди – отец моего ребенка. Думаю, и вы это знаете. Вот потому и проявляете такую щедрость по отношению к нам с малышом. Вот здесь, – девушка положила руку на свой живот, – ваш внук... или внучка. Если это мальчик, то он бы смог когда-нибудь стать наследником всего этого.

– Но ты же прекрасно понимаешь, что это невозможно доказать. Никким образом. Поэтому я и сделала тебе такое предложение. Так ты согласна принять его?

– Вы его покрываете, защищаете изо всех сил... Ваш ненаглядный сынок. Все же вокруг знают, что он для вас свет в окне. Вы и слова против него не скажете. А где он сейчас, интересно бы знать? – Тэсси поднялась со стула. Ее всю трясло от негодования и обиды. – Не удивлюсь, если вы с ним и не говорили вовсе. Я хочу сама поговорить с Тедди. Прямо сейчас!

– Ради бога, поступай как знаешь. – Флора с деланным равнодушием пожала плечами, после чего повернулась к девушке спиной и направилась к своему письменному столу. – Но имей в виду, как только ты закроешь за собой дверь этой комнаты, мое предложение тут же утрачивает свою силу. Заверяю тебя, от Тедди ты тоже не услышишь ничего иного. Можешь спросить и у Луизы. В разговоре с ней он тоже все отрицал, – на всякий случай подкрепила свои угрозы Флора отсылкой на авторитет дочери. Она уселась за письменный стол и извлекла из ящика чековую книжку. – Так что будем делать? Можешь уйти отсюда с чеком на твое имя на тысячу фунтов. После чего отправишься к себе, соберешь вещи, а я попрошу мистера Тенета отвезти тебя на станцию в Ашфорд в течение ближайшего часа. Но можешь уйти и с пустыми руками и надеяться на какие-то милости от моего сына. Но мы-то ведь с тобой хорошо знаем, прочувствовали, так сказать, на собственном опыте, что он не обладает такими качествами, как великодушие и милосердие.

В комнате повисла тягостная тишина. В глубине души Флора надеялась, что все же сумела убедить девушку. Гордая, незаурядная натура. Нельзя не восхищаться силой ее духа.

– Вы меня откровенно шантажируете. Это же...

Флора молчала, но взяла авторучку и стала медленно снимать с нее колпачок. Послышался протяжный вздох побежденной стороны.

– Сами понимаете, выбора у меня нет. Я забираю ваши деньги и ухожу.

– Так тому и быть, – согласилась с ней Флора миролюбивым тоном, выписывая чек. – Ты приняла правильное решение, Тэсси.

– Что я могла решать, мэм? Не было никакого решения, вот и все. И потом... я любила его, это правда, – добавила девушка грустно. – Я всегда была порядочной девушкой... А он задурил мне голову... Наговорил кучу всего... Даже жениться обещал.

– Вот тебе чек, а вот тебе имя моего нотариуса. Он займется всеми дальнейшими манипуляциями с деньгами. Если потребуется, он же может помочь тебе с приобретением дома в собственность.

– Спасибо, мэм, – с трудом выдавила из себя Тэсси слова благодарности. – Вы очень добрая женщина. Все это знают. Тедди даже представить себе не может, как ему повезло иметь такую мать, как вы. Которая делает за него всю грязную работу. А он, скажу вам открыто, негодный сын... Плохой он сын, любой это подтвердит.

– Прощай, Тэсси. Береги себя и своего будущего ребеночка.

– Постараюсь, мэм. Обещаю вам.

Тэсси ушла. Флора устало откинулась на спинку стула, испытывая одновременно и облегчение, и отвращение...

Но ведь *в любви нет ничего недостойного*, вспомнила она слова Арчи, которые он сказал ей когда-то, много лет тому назад.

И вот ее, можно сказать, слепая любовь к Тедди, ее стремление всегда и во всем защищать сына, превратили ее саму в недостойного человека. Она сама себя не узнавала и одновременно ненавидела себя за те перемены, которые произошли в ней.

* * *

– Что случилось, мама? Я тороплюсь. Мне нужно успеть к пяти часам на собрание, – недовольно буркнул Тедди, входя в кабинет Флоры.

– Ты и так уже опоздал минут на десять. А потому перейдем прямо к делу.

– *И в чем* я провинился на сей раз? Какие такие сплетни дошли до тебя?

– По-моему, ты прекрасно знаешь, о чем у нас с тобой пойдет речь.

– Ах, это! – Тедди издал короткий смешок. – То есть тебе уже донесли о моей якобы связи с этой девчонкой по фамилии Смит, так?

– Донесли, причем сразу из нескольких источников. Об этом мне рассказали и другие девушки из Земледельческой армии, и твоя сестра тоже. Кстати, она сказала, что видела вас обоих своими глазами в ночь накануне Рождества. Да и сама Тэсси, которая побывала у меня сегодня, тоже подтвердила все эти слухи.

– Она приходила к тебе?

– Да, я ее сама пригласила.

– Боже мой, мама! Кажется, ты совсем забыла, что мне уже двадцать четыре года и я вполне способен самостоятельно разобраться со всеми своими проблемами.

– Так все же, «проблемы», как ты изволил выразиться, есть?

– Нет, но я... – растерялся немного Тедди. – Просто я не желаю, чтобы моя мать вмешивалась в мою личную жизнь. Тем более что, как ты понимаешь, эта девчонка откровенно лжет.

– После сегодняшнего разговора с Тэсси я сильно в этом сомневаюсь. Однако по существу. Ты прекрасно знаешь, что Тэсси беременна, и есть все основания полагать, что от тебя. Однако ты наотрез отказался нести хоть какую-то ответственность за свой поступок. Впрочем, безответственность – это твоя характерная черта, не так ли? Ты не привык отвечать ни за что на свете. Вместо этого спасаешь свою шкуру тем, что лжешь открыто, нагло и прямо в глаза.

– Мама... Я...

– Пожалуйста, *не перебивай* меня. Ты – ленивый, вздорный и ни на что не годный пропойца. Можно сказать, позор для всей нашей семьи. Только на прошлой неделе твой отец сказал мне, что серьезно раздумывает над тем, чтобы изменить свое завещание.

– Лишить меня наследства?

– Да. – По тому, как вытянулось лицо Тедди после этих ее слов, Флора поняла, что удар попал в цель. – Откровенно говоря, я вполне понимаю, почему он хочет сделать это. А уж если бы до него дошли

все те слухи, которые сейчас гуляют вокруг имени Тэсси, то это стало бы последней каплей, переполнившей чашу его терпения.

– Понимаю. – Тедди безвольно осел в кресле.

– Предлагаю, отныне между нами не должно быть никакой лжи и никаких недомолвок, если мы только хотим спасти положение.

Тедди угрюмо уставился в окно поверх головы матери.

– Хорошо, мама.

– Я отправила Тэсси восвояси, снабдив ее достаточной суммой денег. Достаточной для того, чтобы она смогла позаботиться о себе и о своем ребенке.

– Мама, тебе не нужно было этого делать, честное слово. Я...

– Думаю, мне нужно было это сделать. Ведь почти наверняка это твой ребенок, а следовательно, внук твоего отца и мой внук. Имей же наконец в себе мужество признать это, Тедди!

– Да, – выдавил он из себя с большой неохотой после некоторой паузы. – Может, и так, хотя...

– Меня совершенно не интересуют все эти твои «хотя». Скажу лишь одно. Больше так продолжаться не может. Я понимаю, ты изнываешь от скуки, пытаешься чего-то там добиться в своей жизни, но в итоге у тебя сегодня весьма незавидная репутация бабника и пьяницы.

– Я действительно изнываю от скуки. И не удивительно, что я веду себя так, как веду. Если бы не это мое проклятое плоскостопие... Я бы уже несколько лет воевал на фронте, защищал родину.

– Каковы бы ни были твои аргументы, направленные на то, чтобы хоть немного обелить себя, наступил момент, когда ты должен сделать свой выбор. Либо ты остаешься здесь, в Хай-Уилд, берешься за ум и становишься сыном, достойным своего отца, таким сыном, которым мы бы с отцом могли гордиться, либо я предложу отцу отправить тебя на Цейлон к тете Элизабет и дяде Сиднею. Будешь помогать им там на чайных плантациях. Словом, одно из двух: либо то, либо другое. Но в любом случае ты должен доказать своему отцу, что достоин быть его наследником.

Тедди подавленно молчал. Как молчала и Тэсси, сидя в этом же кресле некоторое время тому назад.

– То есть ты гонишь меня прочь из дома? Но ведь идет война, мама. – Голос Тедди предательски дрогнул. – Немцы бомбят наши

суда, и они регулярно тонут.

Флора глубоко вздохнула, прежде чем продолжить.

– Да, Тедди, я готова отослать тебя прочь, потому что впредь не собираюсь покрывать тебя или терпеть все твои мерзкие выходки. Думаю, что если бы я не спасала тебя постоянно от нападков отца, то кризис в ваших с ним отношениях случился бы уже давно. Однако и моему терпению пришел конец. Как бы сильно я ни любила тебя, но, взглянув на лицо этой молодой женщины сегодня, которая, кстати, сидела в том же кресле, в котором сейчас сидишь ты... Так вот, взглянув на нее после того, как я сообщила ей, что ты категорически отказываешься признать наличие каких бы то ни было отношений между вами, я поняла, что не могу и далее оправдывать тебя и твое бессовестное поведение. Ты понимаешь меня, Тедди?

Тедди уныло понурил голову.

– Да, мама. Я все понимаю.

– Я все еще продолжаю верить в то, что в тебе есть и что-то хорошее. Ты ведь еще молод, а потому у тебя есть возможность искупить все свои провинности и доказать отцу, что ты сможешь в один прекрасный день стать его достойным наследником.

– Хорошо, мама. Я остаюсь дома, – проронил Тедди после некоторого молчания. – И обещаю тебе, что впредь не доставлю больше огорчений ни тебе, ни папе.

С этими словами Тедди вышел из комнаты, даже не взглянув на мать.

Следующие пару недель Тедди действительно вел себя так, будто начал свою жизнь с чистого листа. Старательно помогал и по дому, и в саду. А работы было очень много. Потому что буквально на следующий день после судьбоносного разговора с сыном у Флоры состоялся еще один важный разговор. Мистер Тенет объявил ей, что они с женой незамедлительно покидают Хай-Уилд. Каких-то внятных объяснений своего столь неожиданного решения мистер Тенет давать не стал, а когда Флора спросила у него, может ли она хоть как-то переубедить его остаться, он лишь молча поджал губы в ответ.

– Поверьте мне, мэм, так будет лучше для нас с миссис Тенет. Она более не чувствует себя комфортно в Хай-Уилд.

Тем же вечером супружеская чета уехала от них. Всю ночь Флора промучилась без сна, теряясь в догадках, чем именно она могла обидеть такую славную женщину, свою экономку и незаменимую помощницу.

На следующее утро Луиза лишь подавленно пожала плечами, узнав новость.

– Но ты же, наверное, и сама, мама, догадалась, почему они уехали, не так ли? – прошептала она. – Тедди же лип к ней все последние месяцы. Буквально проходу ей не давал. Знаешь, будь я на ее месте, мое терпение тоже бы лопнуло.

Флора лишь молча закрыла глаза, вспомнив тот давний эпизод, как ее сын вальяжно положил руку на спину миссис Тенет, когда они оба стояли возле плиты на кухне.

Вечером Флора ужинала в одиночестве. Арчи позвонил ей чуть раньше и сказал, что задерживается на авиабазе. В последнее время такие задержки стали для него делом привычным. Ночью, уже лежа в кровати, она услышала гул немецких бомбардировщиков. Они летели где-то совсем близко, но поначалу она не придавала этому никакого значения. Эти звуки уже тоже успели стать привычными и такими же знакомыми, как веселое щебетание птиц на заре. Однако сегодня звуки были особенно резкими и громкими, как будто самолеты летели рядом с их домом. Флора раздраженно вздохнула. Как бы им не пришлось,

чего доброго, перебираться в погреб, подумала она, чтобы переждать там авианалет, если бомбардировщики приблизятся уже вплотную к Хай-Уилд.

И действительно, ближе к полуночи, когда взвыли сирены противовоздушной обороны, Флора вместе с Луизой и Тедди спустились вниз и укрылись в погребе. Через два часа был дан отбой, и они снова разошлись по своим спальням. Флора была уверена, что Арчи наверняка переждал авианалет где-нибудь в бункере у себя на базе, там и провел остаток ночи.

* * *

– Мама! Мама, проснись! – разбудил Флору крик Луизы. – Тебе звонят. Кто-то... представился как командир авиаотряда Кинг. Он хочет срочно поговорить с тобой.

Не чувствуя под собой ног, Флора ринулась вниз, перепрыгивая через ступени, чтобы побыстрее добежать до телефона. Однако в глубине души она уже знала, что означает этот ранний звонок.

Командир авиаотряда сообщил ей, что в ходе ночной бомбардировки погиб Арчи, а вместе с ним еще четырнадцать летчиков. Прямое попадание бомбы в палатку, в которой на тот момент находились летчики истребителей, не задействованные в полетах, а также другие сотрудники базы.

Все поплыло у нее перед глазами. Несмотря на то что она умела стойко встречать дурные новости, на сей раз силы ей изменили. Какая ирония судьбы, мелькнуло у нее. Арчи остался жив, воюя на фронте, так далеко от дома, а погиб, можно сказать, совсем рядом. А как они, помнится, радовались, когда он получил назначение в Ашфорд. Дескать, больше не будет этих утомительных поездок в Лондон. Но как оказалось, для немецких бомбардировщиков именно авиабаза в Ашфорде и стала главной целью нанесения удара. Нет, ее сознание отказывалось воспринимать данность. Флора была близка к помешательству.

Луиза вызвала врача. Тот прописал успокоительные. Несколько дней подряд Флора пролежала в постели, не вставая. У нее не было ни сил, ни желания, чтобы заставить себя подняться с кровати. Зачем ей

жить, думала она, коль ее ненаглядного Арчи больше нет. Даже встревоженное лицо перепуганной дочери не придавало ей импульса или желания хотя бы выйти из спальни. Она лежала в кровати, мысленно перебирая в памяти каждое мгновение из тех, что они прожили вместе с Арчи. И не могла смириться с утратой. Она возроптала даже на Бога, осыпала упреками Всевышнего, отказываясь более верить в него. Ведь Он так внезапно и так жестоко отнял у нее мужа и навсегда.

Но самое страшное было то, что она даже не смогла проститься с ним по-человечески.

* * *

На шестой день после того злополучного звонка Флора, одурманенная лекарствами, пробудилась рано утром от странного *постукивания* в окно. Она приподняла голову с подушки и увидела маленького птенца дрозда. Он, наверное, выпал из гнезда, которое семейство дроздов устроило себе на раскидистом старом каштане, стоявшем неподалеку от окна спальни. Оконный карниз смягчил его падение, но сейчас птенец пребывал в полной истерике: он жалобно верещал, взывая о помощи, все время подпрыгивал на одной лапке, бился головкой о стекло.

– Иду-иду, мой маленький, – прошептала Флора, сползая с кровати. Подошла к окну, осторожно открыла створку и схватила крохотную пичугу обеими руками. – Ну, вот! Теперь все в порядке, – с чувством произнесла она, обращаясь к птенцу. – Ты спасен. Сейчас приставим к дереву лестницу, и ты в два счета снова окажешься в своем гнездышке рядом с мамой.

С птенцом в руках она спустилась вниз и направилась на кухню. Тедди и Луиза сидели за столом.

При виде Флоры Луиза тотчас же вскочила со своего места.

– Мамочка, ты встала! А я только хотела нести тебе чай.

– Оставим чай на потом. Этот несчастный кроха выпал из гнезда что на каштане. Тедди, принеси лестницу и поставь ее возле дерева. Я сама поднимусь и верну птенца на место. Пока он не умер от пережитого шока и страха.

– Сию минуту, мама.

Луиза глянула на брата. Тот подмигнул ей, поднимаясь с табурета.

– Сейчас с ней будет все в порядке, – пробормотал он ей вполголоса и поспешил вслед за матерью на улицу.

* * *

Траурная церемония прощания с Арчи прошла в семейной церкви Хай-Уилд. Собралось огромное число людей: жители деревни, друзья и сослуживцы, родственники. Арчи был известным человеком в округе. Все его любили и уважали. Флора, сидя между сыном и дочерью, улыбалась сквозь слезы, слушая прочувствованные речи его сослуживцев из Королевских ВВС, с которыми он вместе сражался, защищая родину на обеих войнах. Во время поминальной службы она постаралась собрать в кулак всю свою волю и немногие остатки сил. Прогоревав почти целую неделю в одиночестве и выплакав море слез по погибшему мужу, она сейчас даже пыталась хоть как-то утешать и поддерживать собственных детей уже в их горе. Ее жизнь, во всяком случае самая счастливая пора этой жизни, закончилась навсегда. Но детям еще предстоит жить. Ведь у каждого из них впереди будущее, уже своя собственная жизнь. И она не имеет права распускаться, хотя бы ради них.

На следующий день после похорон Флору навестил их семейный нотариус мистер Сандерс. Выразив в положенной форме ей свои соболезнования, нотариус сразу же перешел к делу:

– Вы наверняка в курсе, леди Воган, что лорд Воган не менял своего завещания и не вносил в него никаких дополнений, начиная с 1921 года, – проговорил он неторопливо, извлекая из старого кожаного портфеля аккуратную стопку бумаг. – То есть я имею все основания заявить, что, согласно его завещанию, имение переходит к его сыну Тедди. Так?

– Я... Думаю, у вас есть такие основания, – проронила Флора, почувствовав, как больно сжалось сердце в ее груди. Неужели это так давит запоздалое чувство вины?

– Тогда я запускаю процедуру передачи наследства на имя Тедди в установленном порядке. К сожалению, нет никаких юридических

документов, подтверждающих ваши права на владение домом в Хай-Уилд, а потому считаю своим долгом предупредить вас, что по закону ваш сын может выселить вас отсюда в любое время... Не хочу думать, что дело может принять именно такой оборот... Нет! Хотя мне известны случаи, когда именно так все и происходило.

– Я переговорю с Тедди относительно его дальнейших намерений, – несколько натянуто произнесла Флора. – Думаю, мы все решим с ним полюбовно. У меня к вам только один вопрос, мистер Сандерс. Что было бы, если бы, скажем, моя сестра Аурелия родила только Луизу? То есть одну дочь... Или если бы Тедди погиб на войне? Что тогда?

– О, тогда бы все намного усложнилось. Во-первых, мы бы занялись поисками наследника именно по мужской линии. Но в случае, если такового бы не нашлось, тогда бы Луиза почти наверняка получила имение Хай-Уилд в собственность, но лишь до тех пор, пока у нее не родился бы сын. А когда ее сын достиг бы совершеннолетия, то он бы унаследовал и имущество, и титул пэра. Точно так же, если бы у нее родилась дочь, то уже на нее бы распространились те же права вплоть до того момента, пока у нее самой не родится сын. Если, конечно, кто-то из дочерей сестры лорда Вогана не родит наследника по мужской линии первой. Ну, и так далее, и так далее...

– Понятно.

– В нашем с вами случае, как вы понимаете, мы можем быть только благодарны Небесам за то, что у нас есть прямой наследник по мужской линии. – Он устало усмехнулся. – Увы-увы! Я знаю множество семей, лишенных сегодня такого, с позволения сказать, счастья. Две войны изрядно выкосили и отцов, и их сыновей. Вам повезло, леди Воган. В Хай-Уилд сохраняется истинная преемственность поколений, и именно по крови. Не многие могут сегодня похвастаться, что и у них складывается все так просто.

– Я вот о чем подумала, мистер Сандерс. А нельзя ли дать Луизе хотя бы какую-то часть имения? Она в скором времени собирается замуж. Ее будущий муж небогатый человек. Я сама женщина, – продолжила Флора, тщательно контролируя каждое свое слово, – а потому понимаю, что не вполне справедливо, что Луиза, всего лишь на том основании, что она дама, лишается всяких прав на имущество своей семьи. Тем более что они с Тедди – близнецы.

– Полностью согласен с вами, леди Воган. Но, к великому сожалению, наши законы по этой части весьма архаичны и сильно отстали от времени. Остается лишь надеяться на то, что когда-нибудь, в перспективе, женщины получат равные права с мужчинами и на владение имуществом, и на титул. Однако боюсь, сегодня решение этого вопроса всецело зависит только от вашего сына. Еще раз вынужден с большим огорчением повторить: ни вы, ни ваша дочь не имеют никаких юридических оснований претендовать на Хай-Уилд и все остальное. Очень жаль, что ваш муж не успел еще при жизни внести необходимые изменения в свое завещание. А сейчас вы целиком зависите от того, что решит ваш сын. Как и его сестра тоже.

– Спасибо за все разъяснения, мистер Сандерс. Думаю, вы останетесь на связи и со мной, и с Тедди.

– Отныне, леди Воган, все мои дальнейшие контакты относительно имущественных дел будут исключительно с Тедди. Вас они более касаться не будут, – ответил мистер Сандерс, складывая бумаги обратно в свой портфель. – Еще раз примите мои самые искренние соболезнования, леди Воган. Ваш покойный муж был замечательным человеком. Будем надеяться, что его сын станет достойным продолжателем своего отца. Всего вам доброго, леди Воган. – Нотариус издал тяжелый вздох, свидетельствующий о том, что слухи о беспутном поведении Тедди наверняка достигли и его ушей. Не проронив более ни слова, он покинул кабинет Флоры.

Флора осталась сидеть на своем месте, тупо уставившись в окно и разглядывая сад, который больше ей уже не принадлежал. И еще раз с большим сожалением она подумала о том, что, несмотря на все благие мотивы, которые двигали Арчи в свое время, он тем не менее, сам того не подозревая, исключил Луизу из своего завещания и тем самым прервал кровную связь поколений Воганов. Сейчас Флора осознавала это особенно остро. Да, в последнее время и сам Арчи понимал, что Тедди вовсе не годится на роль наследника Хай-Уилд и на титул пэра. Но ничего уже сейчас не поделаешь. Поздно! Не станешь же вскрывать тот подлог, на который пошел Арчи много лет тому назад, записав Тедди на свое имя.

Слава богу, что у нее хватило ума львиную долю наследства, которое она получила от своего родного отца, вложить в ценные бумаги. Поначалу ее главным советчиком и помощником был сэр

Эрнест Кассель. Но со временем она и сама научилась разбираться во всех хитросплетениях рынка ценных бумаг. У нее даже появился интерес ко всем этим акциям и дивидендам. За минувшие годы ее состояние пережило те же взлеты и падения, что случались и на финансовых рынках с их неустойчивостью и непредсказуемостью, но в целом она была весьма состоятельной женщиной.

Что касается Домашней фермы, то уже запущен процесс ее переоформления на имя Руперта и Луизы. Арчи подписал авторизованную доверенность для передачи фермы в их собственность, с тем чтобы молодая пара смогла переехать туда сразу после свадьбы, намеченной на август месяц. Неужели Тедди посмеет обжаловать решение покойного отца?

Флора понимала, что коль скоро подобная мысль *могла закрасься* ей в голову, то ситуация действительно очень и очень сложная.

Вечером того же дня она усадила рядом с собой Тедди, Луизу и подробно пересказала им весь свой разговор с нотариусом. И при этом внимательно наблюдала за выражением лица Тедди. Немного утешило, что на его лице отразились не только облегчение от того, что он услышал, но скорбь по погибшему отцу.

– Уверена, мы с Рупертом будем счастливы поселиться на Домашней ферме, – заверила ее Луиза жизнерадостным тоном. – Там такое красивое место. Надеюсь, мы сумеем превратить этот уголок в наш семейный очаг.

– Даже не сомневаюсь в этом, – откликнулась Флора, снова мысленно восхитившись благородной и щедрой натурой дочери, умеющей быть благодарной за самую малость. Скорее всего, ее племянница и не рассчитывала на нечто большее. – Следовательно, отныне, Тедди, все остальное переходит тебе. – Флора непринужденно взмахнула рукой и обвела ею кухню. – И каковы твои чувства в этой связи?

– Но разве я не получил, мама, все то, что принадлежит мне по праву? Разве не так? – спросил он мать почти хозяйским тоном.

– Конечно, так. Но ты же не хуже меня знаешь, что само имение Хай-Уилд требует много работы. Мистер Сандерс введет тебя в курс дела и объяснит, что средств на поддержания имения на должном уровне очень немного. Особенно деньги нужны на ферму. Тебе

необходимо нанять нового управляющего фермой. Да и по дому тебе будет нужна помощница, – добавила Флора. – Особенно после того, как Луиза переедет летом в свой собственный дом.

– Но ведь ты же побудешь со мной какое-то время, мама. Поможешь мне разобраться со всем этим. То есть я хочу сказать, пока я не женюсь. – Тедди сухо улыбнулся. – У меня на этот счет есть кое-какие планы.

– Вот как? – совершенно искренне обрадовалась Луиза, и ее лицо даже порозовело от столь приятной новости. – Как замечательно, что у нас с тобой появятся дети приблизительно одного возраста. Они смогут расти вместе, как когда-то мы с тобой. Правда, здорово, Тедди, дорогой мой?

– Не уверен, что моя потенциальная невеста мечтает стать матерью. Но пока она мне очень нравится.

– Однако какой же ты скрытный, Тедди. Как ее зовут?

– Потерпи немного. Все узнаешь в свое время. Она не из наших мест.

– Разумеется, как только ты приведешь в дом молодую жену, я немедленно покину Хай-Уилд, – сказала Флора. – Я всегда могу переехать в наш лондонский дом, пожить там временно. Возможно, там придется сделать ремонт. Ведь в доме столько лет никто не жил.

– Мама, лондонский дом отныне поступает всецело в мое распоряжение. А ты, когда переедешь в Лондон, можешь поселиться у своей матери на Албемарл-стрит. Почему бы и нет? – Тедди бросил нетерпеливый взгляд на часы. – А сейчас мне пора. Поезд на Лондон уходит через полчаса. Я поеду сам до Ашфорда на папином «роллс-ройсе».

– Отец не пользовался машиной уже много лет, Тедди, – подала голос Луиза, бросив напряженный взгляд на мать. – К тому же она жрет слишком много бензина. А нам нужно экономить талоны на горючее, чтобы заправить технику на ферме.

– Думаю, такая трата топлива вполне позволительна для моего имения, хотя бы однократно. Вернусь домой через пару дней. – Тедди пружинисто поднялся со своего места, небрежно чмокнул обеих женщин, мать и дочь, в макушки и поспешил прочь.

В кухне повисло тягостное молчание.

– Не переживай, мама, – Луиза повернулась к матери. – На Домашней ферме всегда найдется местечко и для тебя. Будешь жить вместе с нами.

* * *

Весь следующий месяц Флора настраивала себя на то, что наступает время, когда придется распрощаться с Хай-Уилд. Тедди практически не показывался в имении, пропадая большую часть времени в Лондоне. А Флора с Луизой, пытаясь заглушить свое горе, днями напролет работали в четыре руки по дому и в саду. Мистер Сандерс прислал Флоре письмо, скорее это была некая дипломатическая дань вежливости, чем необходимость. В нем он извещал Флору, что процедура переоформления имения, лондонского дома и титула на Тедди идет полным ходом. Все пока протекает гладко, без каких-либо осложнений, и самое позднее к концу ноября все формальности должны быть завершены.

Если у Флоры и Луизы и были какие-то сомнения относительно этих формальностей, связанных с вступлением Тедди в права наследования, то никто из них не осмелился высказывать их вслух. А тут наступило лето. Июнь принес радостную весть о высадке союзников в Нормандии. Повеяло новыми надеждами на скорое окончание войны. Флора старалась сконцентрироваться на предстоящей свадьбе Луиза и Руперта. Она решила, что свой свадебный подарок молодым она вручит в ближайшие же выходные, когда к ним приедет Руперт, чтобы обсудить планы на предстоящее торжество. И не ошиблась в своем решении. Так приятно было видеть, как обрадовались жених и невеста, когда узнали, что она дарит им магазин «Артур Морстон Букс».

– Какое счастье! – расчувствовался Руперт и полез в карман за носовым платком, чтобы смахнуть слезы с глаз. – А я все переживал, смогу ли я содержать вашу дочь на том уровне, к которому она привыкла. И вот, вы же и подсказали мне ответ на мой вопрос. У меня просто нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность за такую щедрость. Я... я вне себя от счастья, честное слово.

Флора невольно прослезилась, глядя, как молодые люди обнялись. Они так счастливы и они так любят друг друга. Нет, все же она поступила абсолютно правильно, подарив им этот книжный магазин.

– Там на втором этаже есть небольшая квартирка. Ее можно будет обустроить на более современный лад и останавливаться там, когда вы будете приезжать в Лондон, – пояснила она. – Впрочем, я уверена, что в этих случаях брат позволит тебе останавливаться в его лондонском доме.

– Сильно сомневаюсь, мама, что он это позволит, – возразила ей Луиза. – Но даже если такое и случится, то, думаю, помещение, которое есть в магазине, вполне нам подойдет, в каком бы оно сейчас ни было состоянии. Там нам будет гораздо лучше и удобнее.

* * *

Спустя несколько дней Флора получила от Тедди телеграмму следующего содержания:

Женился на Дикси
Регистрация прошла сегодня в мэрии Челси
Точка Безмерно счастлив Точка
Отбываем в Италию на медовый месяц
Точка Передай Луизе что я ее переиграл и пришел к алтарю первым
Точка Тедди Точка

Луиза молча прочитала телеграмму, но на ее лице красноречиво отразилось все то, что она в этот миг почувствовала.

– О боже! – тихо прошептала она.

– Тебе знакома эта девушка? – спросила у нее Флора.

– Не то чтобы знакома... Но я о ней много слышана. Впрочем, о ней слышан весь Лондон. На новогоднем балу Тедди коротко представил нас друг другу.

– И кто же она?

– Леди Сесиллия О'Рейли. Родом из Ирландии. Семья хорошая, но такого... богемного толка. Эта девушка может, вне всякого сомнения, вскружить голову кому угодно. Стоило ей только войти в зал на новогоднем балу в отеле «Савой», и все мужчины словно с ума сошли. Ярко-рыжие волосы до талии, темперамент, судя по всему, огненный. В тот вечер Тедди от нее не отходил ни на шаг. Полагаю,

именно из-за нее он и торчал все последнее время в Лондоне. – Немного помолчав, Луиза добавила: – Та еще парочка... из них получится.

– Понятно, – негромко обронила Флора, вполне поняв все то, что Луиза намеренно оставила за скобками своего комментария. Однако настроение у нее после этого разговора с дочерью окончательно упало.

– Прости, мама. Может, я и не права в своих домыслах. Ты же сама любишь повторять, что нельзя судить о книге по ее обложке. Наверное, то же самое можно сказать и о репутации человека. Да, судя по ее внешнему виду, Дикси та еще штучка. Но, вполне возможно, она окажется на самом деле хорошим и добрым человеком. И уж совершенно точно она внесет живую струю в нынешнюю атмосферу Хай-Уилд. А уж Тедди будет у нее ходить по струнке как пить дать! – Девушка грустно улыбнулась.

Ночью Флора, лежа без сна в своей кровати, уже в который раз подумала, как ей не хватает сейчас мужа, его родного тела, его теплого дыхания. От этих мыслей снова больно заныло сердце. Откинувшись на подушки, она постаралась взять себя в руки и даже попыталась начать строить планы на будущее. На уже *свое собственное* будущее. Лишь одна неотвязная мысль грызла ее. Как ей искупить свою вину перед Луизой? Ибо в том, что она виновата перед племянницей, Флора не сомневалась ни сотой доли секунды.

* * *

Через месяц в Хай-Уилд прибыл новый владелец имения вместе с молодой женой. Вопреки всем своим страхам, Флора была вынуждена признать, что Дикси понравилась ей с первого же взгляда. Гортанный, слегка хриловатый смех: явно хрипотца, по мнению Флоры, возникла от беспрестанного курения сильных французских сигарет – великолепная молочно-белая кожа, гибкая стройная фигура. Да, молодая хозяйка Хай-Уилд из числа тех женщин, с которыми нужно считаться. В ее яркой внешности, в ее темпераменте было что-то дикое, необузданное, первозданное. Во всяком случае, с Тедди она снимала стружку за каждое его неискреннее слово или какую-либо увертку.

После довольно обильного возлияния за ужином по случаю их бракосочетания, Дикси пустилась в пространные разговоры, громко и безапелляционно высказывая свое мнение по любой теме, начиная от ситуации вокруг Ирландии и кончая положением на фронте. Бедняжка Луиза только молча тарасилась на стену, не смея подать голос. Так, к примеру, новая хозяйка Хай-Уилд поделилась «достоверной» информацией, полученной, по ее словам, из самых надежных источников, о неуравновешенном характере Черчилля и его склонности к депрессии. Послушав какое-то время разглагольствования невестки, Флора, пожелав всем доброй ночи, удалилась к себе наверх. Уже лежа в постели, она продолжала размышлять над увиденным. Утешало, по крайней мере, одно. Судя по всему, сыну явно по душе бравурный стиль общения его молодой жены.

На следующий день она пригласила сына к себе в кабинет. Тепло расцеловала его и предложила присесть.

Решив взять инициативу в свои руки, заговорила первой:

– Еще раз мои самые сердечные поздравления, Тедди. Дикси просто обворожительна. Полностью одобряю твой выбор. Думаю, уже в ближайшее время мы подружимся с твоей молодой женой. Хочу также сообщить тебе, что буду рада помочь вам деньгами и оплатить все необходимые ремонтные работы в лондонском доме. А еще меня интересует вот какой вопрос. Готов ли ты продать мне двести акров земли, которые расположены вокруг Домашней фермы? В сущности, эти земли по другую сторону дороги, они не только примыкают к ферме, но и являются как бы ее составной частью. Я готова приобрести ее, ибо эти земли формально числятся как твоя собственность. Я уже проконсультировалась с нашим местным агентом, занимающимся продажей земельных участков. И могу предложить тебе вполне достойную цену за эту землю. А у тебя появятся свободные средства для содержания дома в Хай-Уилд и жилища в Лондоне.

– Понятно, – озадаченным тоном произнес Тедди, явно не ожидавший такого известия от матери. – Но ты не возражаешь, если я сначала посоветуюсь с Дикси и со своим нотариусом?

– Окажи любезность. Хочу также уведомить тебя, что сразу же после свадьбы Луизы я покидаю Хай-Уилд.

– Конечно.

– Вот, собственно, все, что я хотела сообщить тебе.

– Хорошо. – Тедди поднялся со своего места. – Пожалуйста, забирай из дома все, что ты считаешь нужным.

– О, мои потребности весьма скромны. К тому же у меня есть достаточно средств, чтобы начать все сначала. Хочу лишь подчеркнуть еще раз. Ты получил в наследство красивый дом, прекрасное имение. Хай-Уилд – это особое место, я бы даже сказала, уникальное... Надеюсь, вы с Дикси сумеете сберечь его и будете обихаживать с той же любовью, с какой мы делали это с твоим отцом.

Боясь расплакаться, Флора поспешила выйти первой.

* * *

Погожим августовским днем Флора, сидя в церкви, наблюдала за церемонией бракосочетания Луизы и Руперта Форбс. Еще совсем недавно в этой же самой церкви все они прощались с ее мужем. Она горячо молилась за молодую пару, прося небеса лишь об одном. Чтобы поскорее наступил столь долгожданный мир. Чтобы все наконец успокоилось и в ее собственной жизни, и в жизни всех людей на земле.

* * *

Поздней осенью Флора отправилась на прощальную прогулку по Хай-Уилд. Странное это чувство – прощаться с домом, в котором прожито столько счастливых лет. Конечно, она и впредь будет бывать здесь, часто навещать молодую семью, но это будет уже совсем другое. Ведь дом отныне не принадлежит ей.

Впрочем, подумала она с грустью, этот дом никогда не принадлежал никому конкретно. Разве что самому себе, как это всегда бывает с домами, насчитывающими не одну сотню лет. И нынешних владельцев он тоже благополучно переживет и устремится в то далекое будущее, которого они уже не застанут.

Она подошла к кухонному окну и посмотрела в сад. Сколько счастливых часов они провели там вместе с Арчи, облагораживая и

возвращая к жизни каждый уголок сада.

Мгновения счастья... – мысленно процитировала Флора. Увы-увы! Ничто не вечно под луной, ничто не длится бесконечно, как бы того ни желали люди. А потому надо уметь ловить эти счастливые мгновенья и наслаждаться ими в полной мере.

На улице ее уже поджидал пони с впряженной повозкой, куда погрузили самые дорогие и памятные ее сердцу вещи. Она вышла через парадный вход и взобралась на козлы.

– Прощай! – послала она воздушный поцелуй дому, Арчи и всем тем сладостным воспоминаниям, которые связывают ее с Хай-Уилд. Потом отвернулась от дома и мысленно попросила прощения у всех и вся за те ошибки, которые совершила в своей жизни. После чего легонько тронула лошадь за бок. Та сдвинулась с места и направилась по дорожке прочь от Хай-Уилд, увозя ее в новое будущее.

Стар

Ноябрь 2007 года

Роза (Столистная роза – семейство Розовые)

Бой курантов старинных часов вывел меня из оцепенения, и я мгновенно вернулась из прошлого в день сегодняшней. Я машинально взглянула на свои часы. Четыре утра. Глаза у сидевшего напротив меня Орландо были закрыты. Лицо посерело от усталости. Я попыталась сконцентрироваться на всем том, о чем он только что поведал мне, но поняла, что не могу. Сначала надо хоть немного поспать, а потом начинать разбираться.

– Орландо, – прошептала я тихо, стараясь не испугать его. – Пора спать.

Он тотчас же распахнул глаза и посмотрел на меня затуманенным взором.

– Пожалуй, – безропотно согласился он и добавил: – Обсудим все, что я рассказал вам, позднее, уже утром. – Он поднялся со своего места и заплетающейся походкой, какой обычно передвигаются те, кто навеселе, направился к дверям. Уже в дверях обернулся и посмотрел на меня. – Надеюсь, сейчас вы хорошо понимаете меня. Понимаете, почему я почел за лучшее спрятать все это подальше от брата. Он и так был обозлен тогда до крайности, зол на весь белый свет. А если бы узнал наверняка, что наша часть семьи была несправедливо обделена и лишена всяких прав на Хай-Уилд, то я вообще не знаю, что бы он натворил.

– Понимаю, – согласилась я с Орландо и, указывая на дневники, добавила: – Хотите, чтобы я спрятала их где-нибудь в подходящем месте?

– Оставьте их у себя. Едва ли у меня получилось в полной мере пересказать вам всю столь сложную и запутанную историю. Скажем так: я лишь обрисовал маршрут, по которому вам следует двигаться дальше. Ступайте и облагораживайте мою схему новыми деталями и подробностями. Словом, вдохните в нее жизнь. Спокойной ночи, мисс Стар.

– И все же я пока никак не могу взять в толк, каким образом эта история касается уже непосредственно меня?

– Боже правый! Вот это жаль! – он бросил на меня изучающий взгляд. – Признаюсь, я крайне удивлен. Я ведь был уверен, что ваш быстрый и гибкий ум мгновенно схватит суть всего того, что вы услышали, и вы сами, без подсказок, догадаетесь, что и как. До завтра. – Он махнул мне рукой на прощание и вышел из комнаты.

* * *

На следующий день Орландо возник на кухне лишь в половине двенадцатого дня.

– Сегодня я каждой клеточкой своего тела чувствую все тридцать шесть прожитых мною лет плюс еще ровно столько же, – произнес он, тяжело опускаясь на сиденье стула.

Сказать по правде, я тоже чувствовала себя преотвратно, промучившись остаток ночи без сна, ворочаясь на кровати с бока на бок. Вздремнула, наверное, на каких-то полчаса, а потом просигналил будильник. Ровно в семь встала с постели, чтобы приготовить Рори завтрак и отвезти его в школу.

– Как смотрите, если мы сегодня объединим завтрак с обедом? Яйца-пашот под голландским соусом и копченый лосось, – предложила я Орландо.

– Великолепно! Лучшего меню и не придумаешь. Притворимся, что обедаем в ресторане отеля «Алгонкин» в Нью-Йорке во времена сухого закона. А при этом ресторане, как известно, был бар, в котором нелегально торговали спиртным. Вот мы и выползаем из этого бара, а потом идем на танцпол и танцуем до рассвета. А как вы себя сегодня чувствуете, мисс Стар?

– Погружена в раздумья, – призналась я честно, занявшись приготовлением яиц-пашот.

– Думаю, отличная еда не только поспособствует хорошему пищеварению, но и позволит вам быстрее переварить полученную информацию. Так сказать, обработать все известные вам факты.

– Одного не понимаю. Почему Мышь хотел создать у меня впечатление, что Флора Макникол была хитрой и неискренней особой. На мой взгляд, так она просто замечательный человек.

– Полностью с вами согласен. Если бы не ее постоянные вливания средств на содержание дома и сада после смерти прабабушки Аурелии, не говоря уже о том, сколько собственного труда она туда вложила, сохранив имение от разорения и обветшания во времена Второй мировой войны, то еще не известно, где бы все эти Воганы и Форбсы обитали сегодня. Она также оставила после своей смерти Луизе и Руперту землю, которую выкупила у Тедди. Собственно, именно эта земля и является сегодня основным источником доходов для Домашней фермы.

– Словом, она как-то постаралась искупить свою вину перед Луизой, – задумчиво бросила я.

– Еще как постаралась! В трудные послевоенные годы она, по словам моего отца, снова собрала всю семью воедино и взяла под свое крыло. Она не только оплачивала все счета книжного магазина «Артур Морстон Букс», но еще и помогала Дикси растить ее сына Майкла и вести хозяйство в Хай-Уилд. Как вы, наверное, догадываетесь, Тедди оказался малопригодным и для роли отца, и для роли хозяина имения. Флора прожила долгую и непростую жизнь, до отказа заполненную трудами.

– В каком возрасте она умерла?

– Около восьмидесяти. Отец рассказывал мне, что ее нашли ближе к вечеру в беседке, увитой розами, где она сидела и грелась на солнышке.

– Рада, что хотя бы последние годы своей жизни она была счастлива. Флора вполне заслужила такую старость. И как только Мышь может обвинять эту женщину в том, что она во всем виновата? Ведь это же было решение Арчи: зарегистрировать Тедди как брата-близнеца Луизы.

– Да, причем он сделал это из самых лучших и благородных побуждений, – негромко отозвался Орландо. – Собственно, таким несколько необычным образом Арчи увековечил память всех тех, кто воевал вместе с ним и погиб на фронте. Но попрошу учесть вот что. Мышь ведь знает только голые факты, да и то далеко не все. Отец перед смертью, когда он полетел к нему в Грецию, поведал брату лишь малую часть этой семейной истории. Домой Мышь вернулся в полном опустошении. Если вы помните, я говорил вам, что отец умер всего лишь спустя два года после смерти жены Мыши Анни. Именно в тот

момент я и перевез часть дневников в Лондон, в свой книжный магазин. Потому что понимал: надо спрятать от греха подальше. Нельзя было допустить, чтобы Мышь с головой погрузился в этот тягостный омут прошлых событий.

– Он, наверное, тогда чувствовал себя человеком, которого все вокруг обманули и предали, – с сочувствием пробормотала я. – Ведь его все оставили: и жена, и отец... И даже своего законного наследства он тоже был лишен.

– Согласен. Депрессия, мисс Стар, тяжелая штука. – Орlando вздохнул. – К счастью, хоть *эта напасть* меня миновала.

– Но может, было бы лучше, если бы он все же *прочитал*, как все было на самом деле. У меня такое впечатление, что больше всего во всей этой истории пострадала сама Флора.

– Пожалуй. Но все равно, это вопиющая несправедливость, стыд и позор, что имение не перешло к прабабушке Луизе, которая могла бы распоряжаться им по трастовой доверенности до тех пор, пока у нее не появились бы собственные дети, могущие претендовать на наследство. Таковым, кстати, был наш отец Лоренс. А Руперт, тот вообще был потрясающим человеком.

– Наверное, любовь к детям ослепляет нас всех.

– Во многих случаях так оно и есть, – согласился со мной Орlando. – Хотя при всем том Флора была разумной и весьма прагматичной женщиной. К тому же она отлично понимала, что не только Арчи, но и она сама невольно оказалась втянутой в ту ложь и обман, что были связаны с наследственными правами Тедди. Он вырос в полной уверенности, что является законным наследником всего. И в этом, по большому счету, нет его вины. Но если бы она попыталась оспорить его права уже после гибели мужа, то, скорее всего, потеряла бы его навсегда, и он бы закончил свою жизнь в каком-нибудь притоне Лондона. Женщины, вино, музыка... Это его и сгубило в конце концов, но только в самом Хай-Уилд. Но там положение спасала Дикси. Она родила отца Маргарет Майкла и как-то, худо-бедно, вела хозяйство, пока Тедди не спился окончательно и не умер. Каждый раз, когда я размышляю над историей Хай-Уилд, меня поражает одна вещь. В наиболее трудные минуты имение всегда спасали женщины, женщины сильной воли и характера.

– Значит, со временем имение перейдет уже к Рори, сыну Маргарет, – уточнила я, выставляя на стол готовую еду, после чего уселась за стол и сама.

Орландо схватил в руки вилку и нож и приступил к трапезе.

– Восхитительно! Лучше, чем в любом ресторане. Что касается меня лично, то я просто счастлив, что леди Флора подарила книжный магазин Руперту и Луизе. Руперт очень умело управлял им в тяжелые послевоенные годы, а я со временем получил замечательное наследство. Мышь как-то сказал мне, что наш букинистический магазин стоит гораздо больше, чем все то, что осталось сегодня от Хай-Уилд.

– Итак, родных детей у Флоры не было, я права? – озвучила я вслух одну из самых навязчивых мыслей, которая сверлила мне мозг с самого утра.

– Вы правы. – Орландо окинул меня внимательным взглядом. – То есть вы уже нащупали связь?

– Думаю, да.

– Увы, моя дорогая мисс Стар. Я был уверен, почти уверен в том, что из вас получилась бы стопроцентная английская аристократка. Но! Вынужден огорчить вас... В ваших жилах нет ни капли королевской крови.

– Тогда зачем же мой отец оставил мне эту статуэтку Фаберже в качестве подсказки?

– Вот-вот! И я о том же! Как только вы рассказали мне про свой квест, именно эта пантера и озадачивала меня более всего. Из ваших рассказов про вашего отца, а я, должен вам сообщить, выслушал внимательно каждое ваше слово, все, что вы мне сказали и даже чего *не сказали*, я заключил, что должна же быть какая-то разгадка с этой вещицей.

– И какова же ваша версия? – спросила я, уже догадываясь, что именно сейчас мне скажет Орландо. Но мне хотелось услышать все это из его уст.

– Ему нужно было что-то такое, что наверняка привяжет вас в ходе ваших поисков к семейству Воганов, а не Форбсов. Как мы знаем, Тедди был приемным сыном Флоры. Вот нам и нужно проследить *эту цепочку* и далее...

– Вы намекаете на того незаконнорожденного младенца, которого произвела на свет эта девушка из Земледельческой армии?

– Точно! Я знал, что вы меня не подведете. И все угадаете правильно. – Орландо подпер подбородок кулаками обеих рук и снова принялся внимательно разглядывать меня. – В тот судьбоносный день, когда вы снова вернулись в книжный магазин, вы сказали, что пришли, чтобы забрать свою драгоценную папку, в которой в том числе были и координаты, списанные с армиллярной сферы. И они, эти координаты, однозначно указывали на то, что вы появились на свет именно в Лондоне. Вы помните?

– Да.

– И где же жила наша девушка?

– В Ист-Энде.

– Правильно. А какой адрес выдал вам интернет, когда вы ввели в поисковую строку свои координаты?

– Мар-стрит, Е8.

– И где же это?

– В Хакни.

– Именно так! Лондонский Ист-Энд! – Орландо самодовольно откинул голову назад и со всего размаха стукнул кулаком по столу, явно в полном восхищении от собственной проницательности и ума. Почему-то это вызвало во мне раздражение. В конце концов, моя родословная – это вовсе не повод для смеха или каких-либо неуместных шуточек. – Прошу, мисс Стар, простить меня великодушно, но на самом деле получается все очень забавно. Такая вот ирония судьбы. Вы приходите ко мне с кошечкой от Фаберже, что указывает на вашу прямую связь с королем Англии. А потом мы с вами совместными усилиями обнаруживаем, что вы не имеете никакого касательства не только к монаршей семье, но и к семье Воганов. По всему выходит, что вы незаконнорожденная праправнучка того зловредного кукушонка, которого в свое время подкинули в наше родовое гнездо.

Внезапно я почувствовала, как на мои глаза навернулись слезы. Конечно, я понимала, Орландо по натуре аналитик. То есть ничего личного, никаких эмоций, только голые факты. Но все равно, его откровения больно ранили. Можно сказать, они вонзились мне прямо в сердце.

– Мне все равно, *где и как* я появилась на свет! – воскликнула я, кипя от негодования. – Я... – У меня наготове уже были сотни достойных ответов, которые подсказал мне мой уставший мозг. Но вместо этого я вдруг вскочила со стула. – Простите, но мне нужно немного прогуляться.

Схватив в прихожей какую-то старую куртку и такие же допотопные резиновые сапожки, я напялила все это на себя и выскочила на улицу. Утренний морозец приятно бодрил. Пошла по дорожке, миновала ворота и все время мысленно упрекала Па Солта. Сидит там себе где-то на Небесах. Ему и дела нет до моих мучений. Но почему, почему, в сотый раз спрашивала я себя. Какими такими аргументами руководствовался отец, снабжая меня своими подсказками? Получается, что в лучшем случае я – незаконнорожденная праправнучка того человека, который, сам того не ведая, увел чужую собственность прямо из-под носа у законного наследника. В худшем случае я вообще никто и звать меня никак, то есть я не имею ровным счетом никакого отношения ко всей этой истории.

Я вышла на дорогу и свернула вправо. Ноги сами собой понесли меня по тропинке, которую мы с Рори прозвали между собой Ежевичной тропой. Слезы туманили глаза, в ушах продолжал звенеть залиvistый смех Орландо. Неужели он специально хотел унижить меня? То есть ему доставляло удовольствие, что он наглядно продемонстрировал мне, что я происхожу из грязи? Что его так называемое *аристократическое* происхождение ставит его гораздо выше меня? И почему все эти англичане буквально заиклены на своих классовых предрассудках?

– Тот факт, что они завоевали полмира и создали империю, что у них есть королевская семья, еще ничего не значит, – сказала я сама себе. – Все люди равны, независимо от их происхождения. – Я громко шикнула на сороку, которая, вывернув свою голову, уставилась на меня в некотором недоумении. Птица немного поморгала с ошарашенным видом и улетела прочь. – Во всяком случае, у нас, в Швейцарии, это так. И для Па Солта происхождение никогда не имело никакого значения. Я знаю это наверняка. Тогда почему?..

Спотыкаясь, я двинулась дальше. В эту минуту я ненавидела саму себя. Ненавидела за свое отчаянное желание принадлежать к какой-то

настоящей семье, помимо Сиси и той поистине сюрреалистической семейки, которую Па Солт собрал у себя в Атлантиде. И сотворил для своих голубок, собранных со всего света, такой же неправдоподобный сказочный мир, не имеющий ничего общего с реальной жизнью. А я хочу иметь *свой собственный* мир, который принадлежит только мне одной.

Я вышла на поле и плюхнулась на первый же подвернувшийся на пути пенек, обхватила голову руками и залилась слезами. Выплакавшись вдоволь, я кое-как вытерла глаза. *Успокойся, Стар. Возьми себя в руки. Слезами горю не поможешь.*

– Привет, Стар. С вами все в порядке?

Я повернулась и увидела Мышь. Он стоял в двух шагах от меня.

– Да, все нормально.

– Но вид у вас отнюдь не бодрый. Хотите чашечку чая?

Я лишь молча пожала плечами в ответ, словно несговорчивый и упрямый подросток.

– Я только что вскипятил чайник. – Он махнул рукой куда-то назад, и до меня вдруг дошло, что, сама того не ведая, я очутилась на поле, которое вплотную примыкало к Домашней ферме.

– Простите, – пробормотала я виновато.

– За что?

– Я шла куда глаза глядят, даже не обращая внимания, куда иду.

– Ну, и какие проблемы? Так вы все же будете пить чай или нет?

– Мне надо домой. У меня еще посуда не помыта.

– Не говорите ерунды. – Мышь подошел ко мне, твердой рукой подхватил под локоть и довольно бесцеремонно потащил меня к дому. Когда мы вошли в кухню, он столь же решительно буквально пригвоздил меня к стулу. – Сидите! Сейчас я подам вам чай. С молоком и три кусочка сахара, если я не ошибаюсь?

– Да. Спасибо.

– Вот!

Передо мной появилась чашка с горячим чаем. Я сидела, не поднимая глаз и тупо разглядывая древесные узоры на старой столешнице из сосны. Мне было слышно, что Мышь уселся за стол напротив меня.

– Вас всю трясет.

– На улице холодно.

– Да, похолодало.

В комнате повисло затяжное молчание. Я отхлебнула из своей чашки.

– Вы даже не хотите спросить у меня, что случилось? – воскликнула я с некоторым вызовом в голосе, снова напомнив самой себе капризного и неуправляемого подростка.

– Вам самой решать.

Обхватив кружку обеими руками, я вдруг ощутила, как тепло стало проникать по замерзшим жилам в кровь. Да и на самой кухне было неожиданно тепло. По всей вероятности, с того раза, как я побывала здесь в последний раз, хозяин сумел восполнить запасы топлива.

– Теперь я точно знаю, почему мой отец отправил меня в книжный магазин «Артур Морстон Букс», – сказала я, немного помолчав.

– Хорошо. Вы довольны?

– Сама не знаю, – я вытерла тыльной стороной ладони нос, на кончике которого повисла капля, готовая вот-вот сорваться и упасть прямо в чашку с чаем.

– Когда вы впервые появились у Орландо в его магазине и рассказали ему свою историю, он немедленно перезвонил мне.

– Вот как? Великолепно! – воскликнула я немного натянутым тоном. В этот момент я в равной степени ненавидела обоих братьев, которые, оказывается, перемывали мне косточки у меня за спиной.

– Стар, прекратите, пожалуйста, ерничать. Мы ведь на тот момент не знали, кто вы и откуда. Поэтому вполне естественно, что Орландо рассказал мне о вас. Разве вы не делитесь со своей сестрой?

– Да, но это же...

– Но *это же что?* Уверяю вас, вопреки всему тому, что вы тут слышали и видели в последнее время, мы с Орландо всегда были очень близки. Мы же братья, в конце концов. И какие бы размолвки между нами ни происходили, остаемся братьями, всегда готовыми прийти на помощь друг другу.

– Конечно, родная кровь, что ни говори. Это вам не водица какая-нибудь, так ведь? – уныло обронила я, снова с отчаянием подумав о том, что на сегодняшний день я не знаю ни одного человека, в жилах которого текла бы та же кровь, *что и у меня.*

– Я понимаю ваш сарказм. И ваши растрепанные на данный момент чувства мне тоже вполне понятны. Кстати, я всегда знал, что это именно Орландо забрал из дома дневники Флоры.

– Я тоже знаю это.

Наши взгляды встретились, и мы даже обменялись неким подобием понимающих улыбок.

– У меня такое чувство, что все мы немного заигрались друг с другом. Вот я, к примеру, надеялся, что вы поможете мне отыскать утраченные дневники, которые он прячет где-то у себя. Я даже знаю, зачем он это сделал.

– А я вот узнала об этом только вчера вечером. Раньше я думала, что он поступил так, потому что вы его страшно разозлили с этой вашей идеей продать магазин. Но оказалось, он просто хотел защитить вас.

– Ну, и кем же он вас считает?

– Пусть он вам сам все скажет. Он же ваш брат.

– Как вы, наверное, заметили, он со мной сейчас не разговаривает.

– Ничего страшного. Заговорит. Он уже вас простил. – Я поднялась из-за стола, почувствовав вдруг страшную усталость от всех этих разговоров. – Мне надо идти.

– Стар, пожалуйста!

Я решительным шагом направилась к дверям, но едва взялась за ручку, как он тоже схватил меня за руку.

– Подождите! Мне действительно искренне жаль.

Я яростно затрясла головой. Говорить я не могла.

– Я понимаю, что вы сейчас чувствуете.

– Нет, вы ничего не понимаете! – процедила я сквозь зубы.

– Понимаю и еще как понимаю. Вы думаете, что все мы воспользовались вами. Что вы, как и Флора, стали пешкой в чужой игре. В игре, правила которой вам не известны.

А ведь, пожалуй, лучше мою нынешнюю ситуацию и не опишешь. Смахнув слезы, опять навернувшиеся на глаза, я откашлялась.

– Мне нужно вернуться в Лондон. Передайте, пожалуйста, Орландо, что я уехала. Вы сможете забрать Рори в половине четвертого?

– Смогу, конечно, но, Стар...

Он снова схватил меня за руку, но я яростно ее вырвала.

– О'кей, – бросил он устало. – Вас подвезти до станции?

– Спасибо, не надо. Я закажу такси.

– Как хотите. Мне очень жаль. Воистину, вы не заслуживаете... чтобы все мы...

Я вышла на крыльцо, аккуратно прикрыв за собой дверь, хотя на самом деле мне хотелось громко хлопнуть ею, да так, чтобы разбить в щепки. Но надо контролировать свои эмоции. Потом я медленно побрела назад в Хай-Уилд. К счастью, Орландо на кухне не было. Я увидела, что со стола все прибрано, посуда перемыта. Я тут же позвонила в таксопарк и попросила их как можно быстрее забрать меня. После чего побежала наверх, чтобы сложить в рюкзак свои скудные пожитки.

Через пятнадцать минут я уже ехала на станцию, оставляя позади себя Хай-Уилд, и всю дорогу не переставала твердить себе, что главное для меня сейчас – это собственное будущее, а не прошлое, каким бы оно ни было. Я даже готова была возненавидеть Па Солта, человека, которого я любила, которому доверяла больше всех на свете. Ну, зачем он причинил мне столько боли? И вот урок, который я извлекла из всех своих изысканий: нельзя доверять никому.

Выйдя на платформу вокзала Чаринг-Кросс, я машинально направилась к автобусной остановке, откуда отходили автобусы на Баттерси. Но уже на самой остановке я поняла, что сама мысль о возвращении домой, к Сиси, мне ненавистна. Вот и еще одна моя попытка выстроить самостоятельную жизнь провалилась, так и не успев начаться. *Уж наверняка это обрадует Сиси*, подумала я не без зловредности.

Я готова была возненавидеть сама себя за столь подлую мыслишку, хотя и понимала умом, что да, Сиси будет рада снова заполучить меня всецело в свое распоряжение. Но одновременно я понимала и другое: Сиси – единственный человек на свете, кто любит меня всем сердцем, любит, как никто другой. И, само собой, она захочет утешить меня, облегчить хоть как-то мою боль. Но тогда мне придется рассказать ей все-все-все. Все, что я открыла для себя за последние месяцы, а я пока еще не была готова делиться этой информацией ни с кем. Даже с ней.

И вот вместо того, чтобы возвращаться в Баттерси, я села на автобус, который повез меня в Кенсингтон. Вышла на остановке прямо

напротив книжного магазина «Артур Морстон Букс». Собственно, на этом самом месте и началась когда-то вся моя история. Порывшись в рюкзаке, я извлекла оттуда ключи от магазина, открыла входную дверь и вошла в помещение. В торговом зале царил зверский холод, было холоднее, чем на улице. Быстро темнело. Я нащупала в темноте выключатель и включила свет, опустила на окна жалюзи и разожгла камин, чувствуя, что руки мои совсем ооченели. Потом села в свое уже привычное кресло и протянула пальцы к огню, наслаждаясь первыми признаками тепла и одновременно пытаюсь заставить себя начать мыслить рационально и взглянуть на свою беду отстраненным взглядом. Но обида моя была столь велика, что я поняла: боль внутри меня, она пока *нерациональна*, она не поддается никаким логическим объяснениям и уговорам. Наверняка ведь Орландо не хотел обидеть меня. Напротив, он искренне пытался мне помочь, вот и рассказал всю историю, как она есть, без прикрас. Но я на тот момент устала настолько, была вымотана и просто сбита с толку, что отреагировала на его откровения, пожалуй, слишком бурно.

Я извлекла из рюкзака свои теплые свитеры, накрылась ими и, свернувшись калачиком на ковре возле камина, уснула.

* * *

Утром я проснулась точно в том же положении, в каком накануне заснула. Взглянула на часы и поразились. Почти девять утра. Я проспала как убитая всю ночь. Быстро вскочила с ковра и побежала сварить себе чашечку кофе, чтобы немного взбодриться. Выпила горячий, крепкий, сладкий напиток и почувствовала себя намного лучше и заметно спокойнее. Пожалуй, я смогу перекачтоваться здесь еще пару дней, мелькнуло у меня. Главное – никаких посторонних лиц. Мир, покой и тишина – вот все, что мне нужно сейчас.

Достала из рюкзака свой ноутбук и включила его. На первом этаже сигнал был очень слабый, но после некоторой заминки интернет все же оживился. Я набрала в поисковике программу *Google Earth* и повторно ввела свои координаты, чтобы окончательно удостовериться, что все правильно.

Так оно и есть! Мар-стрит, Е8.

Что же получается? Простое совпадение, что Тэсси Смит жила в Хакни?

Вовсе нет.

Я взяла тетрадь, в которой начала писать свой роман, и перевернула последнюю страницу. А ведь моя собственная история на сегодняшний день гораздо более интересна, чем любой вымышленный мною сюжет.

Я принялась выписывать в два столбика все имена: один столбик – родственные связи по линии Луизы, второй – по линии Тедди. И тут до меня дошло, что ныне живущие братья Форбс все равно, пусть и весьма отдаленно, но все же связаны с Флорой через ее сестру Аурелию. И Мышь, и Орландо приходятся ей внучатыми прапраплемянниками.

Но... если я сама прихожусь Тэсси правнучкой, то тогда я напрямую связана уже с Маргарет через Тедди. И, соответственно, с Рори. Последнее открытие даже вызвало у меня улыбку. Но вот вопрос, который я должна решить для себя сама: а стоит ли мне копаться в собственной родословной и дальше? Ведь велика вероятность того, что мои родители еще живы.

Я поднялась с места и принялась расхаживать по комнате, пытаюсь понять, хочу ли я на самом деле узнать, кто они такие, эти мои родители. С учетом того, что я знаю фамилию Тэсси и ее адрес, все остальное узнать будет проще простого. Для начала найти того ребенка, которого она произвела на свет в 1944 году, а дальше просто проследить судьбу остальных детей, уже его потомков.

Но... почему мои родители отдали меня? Вот вопрос вопросов.

Внезапно я замерла на месте, прервав нить своих размышлений, ибо услышала голоса на крыльце, а следом щелкнул замок входной двери.

– Черт! – негромко выругалась я и опрометью бросилась к камину, чтобы успеть спрятать следы своего ночного пребывания здесь. Дверь широко распахнулась, и в торговый зал вошел Мышь в сопровождении тщедушного человечка. Судя по внешности, китаец. Приглядевшись к нему повнимательнее, я узнала в нем торговца из антикварного магазина по соседству.

– Доброе утро, Стар. – На лице Мыши отразилось явное удивление.

– Доброе утро, – поздоровалась я, прижимая подушку с кресла к груди.

– Мистер Хо, это – Стар, наша помощница по торговому залу. Не знал, что вы сегодня тоже будете здесь.

– Да я и не собиралась, но потом подумала, что надо подъехать и проверить, все ли тут в порядке, – поспешила я с ответом и ринулась к окнам, чтобы поднять жалюзи.

– Спасибо, – коротко поблагодарил меня Мышь и бросил выразительный взгляд на камин и на свернутые свитера, которыми я укрывалась ночью, но не успела снова затолкать их в рюкзак.

– Может, зажечь камин? – предложила я. – Здесь довольно холодно.

– Для нас не стоит. Пожалуй, нет. Мистер Хо просто хочет взглянуть на ту квартирку, которая расположена на втором этаже.

– Хорошо. Ну, раз вы уже здесь, тогда я пойду, – сказала я и наклонилась к полу, чтобы собрать вещи и упрятать их в рюкзак.

– Вообще-то я хотел подбросить вас до дома. Орландо мне кое-что передал для вас. Задержитесь буквально на минуту. Мы быстро закончим наш осмотр, – сказал мне Мышь и с этими словами повел мистера Хо к служебному входу. Вскоре я услышала, как они поднимаются по лестнице.

Я все же разожгла камин, хотя меня бросило в жар. Даже щеки стали пунцовыми от смущения. Когда они снова вернулись в торговый зал, я намеренно удалилась в глубь помещения, чтобы не мешать их беседе, пока они разговаривали, уже стоя на выходе из магазина. Еще чего доброго подумают, что мне интересны подробности их деловых переговоров.

Вот открылась входная дверь и снова закрылась уже за мистером Хо. Мышь направился в мою сторону.

– Вы ведь здесь ночевали, правда?

Что-то непонятное плескалось во взгляде его зеленых глаз. То ли озабоченность и участие, то ли злость.

– Да, так получилось. Простите.

– Нет проблем. Мне просто интересно знать, почему вы не поехали к себе домой?

– Я... мне просто захотелось побыть немного одной, в тишине.

– Понятно.

– Как там Рори?

– Скучает без вас. Вчера я забрал его из школы, а после того как он лег в постель, мы с Орландо сели и побеседовали как следует. По душам... Разговор получился долгим. Я рассказал ему о предложении мистера Хо. И он, как ни странно, встретил эту новость гораздо лучше, чем я предполагал. Думаю, на тот момент его больше волновало все, что связано с вами. Он переживает, что сильно обидел вас.

– Вот и отлично! Рада за вас обоих, – бросила я в ответ раздраженным тоном.

– Перестаньте себя накручивать, Стар. Кажется, вы уже заиклились на собственных проблемах и готовы потакать себе во всем. Мне это состояние хорошо знакомо, а потому говорю вам: так нельзя, – мягко сказал Мышь. – Орландо, кстати, тоже очень обеспокоен вашим нынешним настроением. Впрочем, как и я сам. Мы оба засыпали вас эсэмэсками, но вы не отреагировали на них.

– Вы же не хуже меня знаете, в магазине запрещено пользоваться мобильными телефонами. Вот я и отключила свой.

Легкая улыбка тронула губы Мыши.

– Что ж, раз так... – Он полез в карман своей куртки. – Это вам. – Он протянул мне большой конверт из плотной упаковочной бумаги. – Орландо рассказал мне, что провел для вас кое-какие изыскания.

– Хорошо. – Я затолкала конверт сверху в свой рюкзак, потом подняла с пола вещевой мешок. – Передайте ему мою благодарность.

– Стар, пожалуйста... Берегите себя. Ведь у вас тоже есть сестра.

Я промолчала.

– Или вы с ней поссорились? – спросил он после некоторой паузы. – Судя по тому, что вы не пошли домой...

– Мы не настолько зависимы друг от друга, – резко перебила я его.

– При нашей с ней встрече она показалась мне особой с весьма собственническими претензиями на вас.

– Так оно и есть. Но она меня любит.

– Мы тоже с Орландо любим друг друга, хотя, бывает, и расходимся в чем-то. Если бы его не было со мной рядом все эти последние годы, не знаю, как бы я вообще выжил. Он же добрейшей души человек. Мухи не обидит. Да вы и сами это хорошо знаете.

– Да, знаю.

– Стар, так вы не вскрыете конверт, который он вам передал?
– Обязательно вскрыю.
– Я хочу сказать, здесь и сейчас. Хотелось бы, чтобы в этот момент кто-то был рядом с вами.
– А с чего это вы вдруг решили проявить такую заботу обо мне? – поинтересовалась я угрожающе тихим голосом.
– С того и решил, что вижу, как вам больно. Вот и захотел вам помочь. Вы же тоже сильно помогли мне в последние несколько недель.
– Ничем я вам не помогла.
– Ну, это мне виднее. Вы проявили по отношению ко всем нам доброту, терпение, снисходительность. А я, в частности, совсем даже не заслуживаю такого участия. Вы хороший человек, Стар.
– Спасибо, – ответила я, переминаясь с ноги на ногу и все еще стоя возле своего рюкзака.
– Послушайте! Подождите меня буквально пару минут, посидите возле камина, пока я сбегаяю наверх и заберу кое-какие мелочи, которые просил привезти Орландо, пока он будет находиться в Хай-Уилд.
– Ладно, – уступила я, чувствуя, что ноги мои уже совсем меня не держат.
Мышь снова исчез за дверями подсобки, а я достала из своего рюкзака конверт и вскрыла его.

*Хай-Уилд
Ашфорд, Кент
1 ноября 2007 года*

Моя дражайшая Стар!

Пишу, чтобы вымолить у Вас прощение за то, как я повел себя вчера во время разговора с Вами. Поверьте, у меня и в мыслях не было насмехаться над Вами. Никогда! Просто на тот момент мне показалось забавной сама мысль о том, какие фортели может порой выкидывать судьба, да еще в компании с генетикой.

Должен признаться Вам, что с того самого момента, как Вы впервые переступили порог моего магазина и показали мне котенка Фаберже и свои координаты, я принялся за свои изыскания, пытаюсь

проследить Вашу родословную. Потому что предполагал, что она наверняка каким-то непонятным и самым запутанным образом связана с нашей семьей. Во втором конверте, который я прилагаю к своему письму, Вы обнаружите все факты, необходимые для того, чтобы узнать, какова Ваша реальная семья.

Больше говорить ничего не стану (согласитесь, такое немногословие совсем нетипично для меня). Но лишний раз готов заверить Вас снова, что я всегда к Вашим услугам, если Вам вдруг понадобятся какие-то дополнительные пояснения.

Еще раз прошу простить меня. Рори шлет Вам свои приветы с любовью.

Ваш верный друг и неизменный поклонник,

Орландо

Я тронула пальцами конверт из дорогой тисненой бумаги, запечатанный восковой печатью. Итак, в этом конверте содержится вся правда о моем происхождении. Пальцы мои непроизвольно задрожали. Мне вдруг стало страшно, даже в глазах потемнело.

– С вами все в порядке? – Мышь обнаружил меня сидящей в кресле, я обхватила голову руками.

– Да... то есть нет, – призналась я честно.

Он подошел ближе и положил руку мне на плечо. Голова моя продолжала отчаянно вращаться.

– Бедняжка Стар! Доктор Мышь диагностирует у вас шок, эмоциональное потрясение и самый обычный голод. А поскольку время уже близится к обеду, позвольте, я быстренько сбегаю через дорогу и принесу что-нибудь поесть. Накормлю вас для разнообразия, если не возражаете. Сию же минуту вернусь.

Я посмотрела ему вслед и невольно улыбнулась, вспомнив, как поначалу мысленно обзывала его помойной крысой. Но сегодня ничего похожего! Весь белый и пушистый, ушки на макушке, носик розовый.

– Сидите, где сидели, и не смейте шелохнуться, – скомандовал он, вернувшись в магазин с какими-то лотками, обмотанными фольгой. – Сегодня я буду обслуживать вас.

Совсем не похоже на Мышь, снова подумала я, оглядываясь в недавнее прошлое. С другой стороны, так приятно, когда за тобой ухаживают. Во время трапезы я даже выпила бокал сансера. Вино тут же ударило мне в голову. Я попыталась отыскать в поступках Мыши

какие-то скрытые мотивы, но ничего путного в голову мне так и не пришло. И тут меня вдруг словно током пронзило:

– А кто сегодня заберет Рори из школы?

– Маргарет. Она вчера поздно вечером вернулась домой из Франции. Никогда еще не видел ее такой счастливой. Невероятно, как порой случается в жизни. Годами ведешь однообразное, бесцельное существование, когда изо дня в день все одно и то же. И вдруг тебя словно мощной волной подхватывает и уносит в открытое море. Или же, напротив, волна ласково прибывает тебя назад к берегу. Нечто подобное случилось и со всеми нами. Волна событий накрыла с головой и семейство Воганов, и Форбсов. А катализатором всех этих перемен явились именно вы.

– Думаю, это простое совпадение.

– Или судьба. Вы верите в судьбу, Стар?

– Скорее всего, нет. Человек сам творит свою жизнь.

– Согласен. А я вот последние семь лет вполне искренне полагал, что мой удел – страдать. Уверовал в это на все сто процентов и буквально упивался собственными страданиями. Отгородился ими от всего остального мира. И при этом не подумал о том, какой вред нанесло такое мое поведение остальным членам семьи. Я даже не попытался ничего исправить. А сейчас уже слишком поздно.

Я увидела, как потемнел его взгляд, а лицо снова стало напряженным.

– Не поздно сделать это и сейчас, я думаю.

– Правда? Вы так считаете? Однако хватит обо мне. Так вы все же собираетесь вскрывать второй конверт? С тем, чтобы мы с вами все смогли обсудить хорошенько.

– Сама не знаю. А зачем? Только лишь затем, чтобы узнать, что мои родители в свое время отдали меня в чужие руки. Разве не так?

– Понятия не имею.

– А второй вариант: они умерли. Но если они сами, добровольно, отдали меня, как я могу простить их? Как может нормальная мать или отец отказаться от своего ребенка? Тем более крохотного младенца, каким, я знаю, меня привезли в Атлантис.

– Думаю, – Мышь подавил тяжелый вздох, – вам все же следует узнать причины такого их поступка, а уже потом судить. Иногда,

знаете ли, люди, решающиеся на подобный шаг, не вполне в своем уме.

– Вы намекаете на послеродовую депрессию?

– Возможно, и это тоже.

– Да, послеродовой синдром – это нечто другое, чем нехватка средств на пропитание или отсутствие крыши над головой.

– Вы правы. Но в любом случае мне пора. Дела, знаете ли... полно дел.

– Конечно.

– Если вам понадобится какая-то помощь, звоните, – проговорил он, вставая с кресла. – Весь к вашим услугам.

– Спасибо. – Я тоже поднялась с места, мгновенно уловив внезапную смену в его настроении. – Спасибо за обед.

– Не за что. И вообще, не благодарите меня, Стар. Я не заслуживаю благодарности. Пока.

И он ушел.

А я осталась сидеть, теряясь в догадках и ругая себя за собственное легкоеверие. Что это с ним творится? В мгновение ока снова превратился в ледышку. В чем причина? Одно я знала точно. Что-то... *что-то* его грызет, что-то, что преследует его и мешает ему жить нормальной жизнью.

Вечером мы с Сиси ужинали вместе, хотя атмосфера в комнате была очень напряженной. Обычно Сиси всегда высказывала мне откровенно все, что у нее накопело, не стесняясь в выражениях, но этим вечером взгляд ее холодных глаз был колюч и неприступен, как осажденная крепость.

– Я иду спать. Сегодня был очень трудный день, – объявила она, покончив с едой, и направилась к лестнице. – Спасибо за ужин.

Я перемыла посуду и вышла на террасу. Холодная ночь обьяла меня со всех сторон. Я уставилась на реку, неспешно несущую свои воды вниз. И почему-то вдруг вспомнила слова Мыши о том, как всех нас уносит волна событий. Лично я так точно переживаю некий грандиозный тектонический сдвиг. Вот даже мои отношения с Сиси, всегда казавшиеся мне незыблемо прочными, стали стремительно меняться. Потом я снова мысленно вернулась к тому конверту, который так и остался лежать нераспечатанным в моем рюкзаке, медленно прожигая в нем дыру. Но я знала: прежде чем решиться вскрыть этот конверт, мне надо с кем-то поговорить. С таким человеком, которому я абсолютно доверяю. Кто не стал бы давить на меня своим авторитетом, а просто спокойным тоном дал бы разумный совет.

Ма. Конечно, Ма!

Я тут же извлекла из заднего кармана джинсов телефон и набрала домашний номер. Номер *своего настоящего родного* дома. Замерла в ожидании, когда Ма снимет трубку. Она всегда отвечала на наши звонки, как бы поздно мы, сестры, ни звонили ей. Но сегодня почему-то сразу же включился автоответчик и механическим голосом сообщил мне, что дома никого нет. У меня упало сердце. Ну, и кому еще мне позвонить? Майе? Алли? Тигги? Уж точно, не Электре! Да, я люблю ее, восхищаюсь ее успехами, всем тем, чего она добилась в жизни, однако такие качества, как сочувствие или умение сопереживать другим, явно не в ее натуре. Помнится, Па Солт всегда называл Электру легковозбудимой девочкой. А мы с Сиси обзывали ее между собой капризой.

В конце концов я остановила свой выбор на Алли. Во всяком случае, она хоть обитает почти что рядом, в Северной полушарии, в отличие от Майи, укатившей на другой конец света, в Бразилию.

Она сняла трубку лишь на третий звонок.

– Стар, это ты?

– Привет. Надеюсь, я тебя не разбудила?

– Конечно, нет. У тебя все в порядке?

– Да. А у тебя?

– У меня все хорошо.

– Рада слышать.

– При личной встрече расскажу все в подробностях. Ну, выкладывай. Чем я могу помочь тебе?

Я невольно улыбнулась, услышав из уст Алли эту ее дежурную фразу. Она ведь все прекрасно понимала. Коль скоро ей звонит кто-то из младших сестер, то вовсе не за тем, чтобы справиться о ее здоровье. И она уже давно смирилась с таким положением вещей, потому что знала, что за ней с самого детства закрепились роль лидера в нашей семье.

– У меня письмо. Но я боюсь вскрывать конверт, – призналась я с ходу.

– Вот как? Но почему?

Постаралась вкратце объяснить ей.

– Понимаю.

– Что ты мне посоветуешь?

– Вскрыть конверт, и немедленно!

– Ты так считаешь?

– Да, я так считаю, Стар. Как бы это ни было больно, но тянуть нельзя. Вспомни, папа ведь хотел просто помочь каждой из нас жить дальше, двигаться вперед. А ты намеренно затягиваешь все это, откладываешь на потом, на будущее... Но все равно же ведь в какой-то момент ты вскрыешь конверт. Обязательно вскрыешь.

– Спасибо, Алли, за совет. Ну, как тебе Норвегия?

– О, замечательная страна... просто замечательная... Я... У меня, кстати, есть очень хорошие новости.

– Что за новости?

– Я беременна. От Тео, – тут же поспешила добавить сестра. – Ма уже в курсе. А вот сестры пока еще ничего не знают. Ты – первая.

– Алли! – я почувствовала комок в горле. – Но это же действительно замечательная новость! Боже! Как здорово!

– Правда? А еще я отыскала в Бергене свою родную семью. И хотя совсем недавно я потеряла двух самых дорогих моему сердцу людей, у меня появилась поддержка. Словом, жизнь продолжается.

– Я так рада за тебя, Алли. Ты заслуживаешь счастья, как никто. Ты у нас такая мужественная, такая сильная.

– Спасибо, Стар. Между прочим, седьмого декабря я буду играть на флейте. Выступить на концерте, который пройдет в Зале Грига в Бергене. Приглашаю всех сестер приехать и присутствовать на концерте. Буду счастлива видеть тебя. Разумеется, и Сиси, если она сможет вырваться.

– Я точно приеду. Обещаю.

– Ма тоже пообещала быть. Может, свяжешься с ней, договоритесь, чтобы лететь вместе. Я так счастлива, Стар... Хотя еще совсем недавно и подумать не могла о том, что снова смогу ощутить вкус к жизни. После всего того, что случилось... Однако вернемся к тебе. Послушай меня, Стар. Если ты хочешь на самом деле изменить свою жизнь, нужно проявить мужество. Будь сильной, Стар.

– Буду.

– Заранее предупреждаю. В конверте может находиться совсем не то, что бы тебе хотелось узнать. Но все эти сказочные истории со счастливыми концами, они остались *там, в Атлантике*. Сегодня все мы живем совсем другой жизнью. И помни, твоя судьба в твоих же руках. Только ты одна можешь изменить ее. Понимаешь меня?

– Да, понимаю. Спасибо тебе, Алли. И до встречи в начале декабря.

– Люблю тебя, Стар. Ты же знаешь, всегда к твоим услугам.

– Знаю. Благослови тебя Господь, – растроганно произнесла я в ответ.

– И тебя тоже.

Я отключила телефон и вернулась в комнату, почувствовав, что пальцы мои посинели и окоченели от холода. Быстро просмотрела поступившие эсэмэски и звуковые сообщения. Главным образом, от Орландо и Мыши. Быстро сполоснувшись под душем, я тихонько пробралась в спальню. Сиси уже спала крепким сном.

– Тектонический сдвиг, – пробормотала я, блаженно укладывая голову на мягкую подушку.

Завтра я обязательно воспользуюсь советом своей старшей сестры.

И буду сильной.

* * *

Около четырех часов утра у Сиси случился очередной кошмар. Я быстро перебралась в ее кровать и стала успокаивать. Но сама уже больше так и не заснула. Поднялась с постели и пошла вниз заварить себе чашечку чая. За окном еще было совсем темно. На чернильно-бархатном небе Лондона ярко светили Семь Сестер, созвездие Плеяд, самое яркое созвездие Северного полушария, которое особенно хорошо видно в зимнее время. Взглянула на реку внизу и подумала: интересно, что в эту минуту делают мои *настоящие* родственники? Тоже спят? Или размышляют над тем, где я сейчас. И кем стала?

Стиснув зубы, достала из рюкзака конверт и, стараясь не думать о том, что делаю, вскрыла его, призвав в качестве единственного свидетеля своего действия еще погруженный в сон город.

Внутри лежали два листка бумаги. Я вынула их и положила на журнальный столик. На одном рукой Орландо было изображено пышное генеалогическое древо с многочисленными стрелками, отсылающими к его подробным комментариям. Второй листок – копия метрики.

Дата и место рождения: 21 апреля 1980 года

Родильное отделение Больницы Армии спасения, Хакни

Имя и фамилия: Люси Шарлотта Браун

Отец: Прочерк

Мать: Петула Браун

– Люси Шарлотта, – выдохнула я. – Родилась в один день со мной. Или это я и есть?

Я взяла в руки генеалогическое древо, тщательно прорисованное Орландо, и принялась внимательно изучать его. Тэсси Элеонор Смит в

октябре 1944 года родила дочь по имени Патриция, которая была зарегистрирована на ту же фамилию – Смит. Никаких упоминаний об отце, хотя на полях рукой Орландо сделана приписка: *Дочь Тедди?* Из чего следует, что Тэсси так и не наладила отношений со своим бывшим женихом и растила свою дочь Патрицию одна...

В августе 1962 года Патриция тоже родила дочь по имени Петула. Указано имя отца: некто по имени Альфред Браун. И вот 21 апреля 1980 года Петула производит на свет Люси Шарлотту.

Я дважды просмотрела каждую веточку дерева. Обратила внимание на дату смерти Тэсси, которую указал Орландо: 1975 год. Патриция же и вовсе умерла в сентябре этого года. Из чего следует, что моя мать – от одного этого слова я *мысленно* содрогнулась, ужаснувшись своей догадке, все еще жива.

Наверху хлопнула дверь ванной комнаты. Я поднялась со стула и занялась приготовлением завтрака. А не посоветоваться ли мне с Сиси, что делать дальше, мелькнуло у меня.

– Доброе утро, – поздоровалась со мной сестра, спустившись на кухню с еще влажными после душа волосами. – Как спалось?

– Хорошо, – бодро солгала я. Я знала, что Сиси никогда не помнит своих ночных кошмаров, а потому не стала ничего рассказывать ей. Зачем ставить человека в неловкое положение? Тем более что она и так сегодня бледнее, чем обычно. И вид у нее какой-то подавленный.

– С тобой все в порядке? – осторожно поинтересовалась я.

– Все в порядке, – кивнула она в ответ, но я поняла, что Сиси лжет. – Как ты сейчас? Насовсем приехала?

– Пока не знаю. Возможно, придется еще вернуться, если понадобится моя помощь.

– Без тебя здесь так одиноко, Сия. Мне совсем не нравится жить одной в пустой квартире.

– Так пригласи кого-нибудь из своих подруг по колледжу, пока я буду в отъезде.

– Никаких подруг у меня нет, и тебе это прекрасно известно, – уныло буркнула она.

– Неправда, Сиси. Надо просто хорошенько подумать.

– Мне пора. – Она поднялась из-за стола.

– Ой, совсем забыла! Я вчера разговаривала с Алли. Она нас с тобой приглашает на свой концерт в начале декабря в Бергене. У тебя

получится поехать?

– А ты собираешься?

– Обязательно! Но, я думаю, мы сможем полететь туда вместе.

– О'кей! Ничего не имею против. До вечера. – Она быстро накинула на себя кожаный пиджак, взяла папку с рисунками и, буркнув на ходу «пока», вышла из квартиры.

Да уж! Дуб и кипарис не растут в тени друг друга...

Правда, моя попытка вырваться из тени *Сиси* окончилась на сей раз неудачей, но я хотя бы попыталась. И по-прежнему уверена, что так будет правильно для нас обеих, даже несмотря на то, что *Сиси* пока не понимает этого.

Я приняла душ и проверила речевые сообщения, поступившие на мой телефон. Орландо известил, что собирается сегодня приехать в Лондон и будет какое-то время у себя в книжном магазине. Спрашивает, не собираюсь ли и я тоже подъехать на Кенсингтон-стрит.

– Моя дорогая девочка. Пожалуйста, приезжайте. Мне так надо переговорить с вами. Заранее благодарен. Еще раз напоминаю: это вас побеспокоил Орландо Форбс, – добавил он в самом конце немного смущенным тоном, что невольно вызвало у меня улыбку.

Что ж, официально я все еще числюсь работником Орландо, а потому, решила я, почему бы мне и не поехать в магазин? Но уже когда я села в автобус, который повез меня в Кенсингтон, то поняла, что просто нашла удобный предлог. Потому что на самом деле мне очень хотелось поговорить с Орландо о моей настоящей семье, которую он для меня отыскал.

– Доброе утро, мисс Стар. Как замечательно, что вы снова здесь. И день сегодня прекрасный, хотя и туман. Как чувствуете себя? – приветствовал меня несколько бравурным тоном Орландо прямо с порога. Судя по всему, он был в приподнятом настроении.

– Спасибо, все о'кей.

– О, просто «о'кей» для такого случая явно маловато. Ненавижу само это слово: о'кей. Постараюсь найти ему подходящую замену. Присаживайтесь, пожалуйста. Нам надо о многом поговорить.

Я села. Попутно заметила, что камин уже горит, а воздухе витает аромат свежесваренного кофе. Наверняка Орландо хочет обсудить со мной какие-то вопросы по работе. Но вот он принес нам по чашке кофе и положил перед собой на столе пухлую пластиковую папку.

– Прежде всего, позвольте еще раз попросить у вас прощения за то, что я невольно обидел вас, отнесясь довольно бесчувственно к вашей нынешней семейной ситуации. Прощаете ли вы меня?

– Да.

– Воистину лучше всего у меня получается разговаривать с самим собой. Или кричать на героев из книг, если они делают что-то не так. А вот с живыми людьми я постоянно попадаю впросак.

– Но вы же прекрасно ладите с Рори.

– Ну, Рори – это совсем другое. Как говорится, другая история. К счастью, не моя. Так вы все же вскрыли конверт?

– Да. Сегодня утром.

– Я счастлив! – Орlando радостно всплеснул руками, словно ребенок, услышавший что-то очень приятное. – Позвольте выразить вам свое восхищение, мисс Стар. Вы повели себя гораздо мужественнее, чем я сам, окажись я на вашем месте. В самом деле! Всю свою жизнь я привык воспринимать себя как Орlando. Не знаю, как бы я отреагировал, узнав, что при рождении получил, скажем, имя Дейв... Или Найджел... А то и просто Гарри.

– А мне имя Люси нравится. У меня когда-то в детстве была замечательная подружка, которую тоже звали Люси, – возразила я, не намереваясь и далее терпеть его обычный снобизм.

– Да, но вы же Астеропа... Вам самой судьбой предназначено взлететь к звездам. Повторить путь своей матушки, – добавил он немного таинственным голосом.

– Что вы имеете в виду? – спросила я его непонимающим тоном.

– А то и имею, что, несмотря на все мои долгие и упорные поиски и самые скрупулезные изыскания, единственное, что я отыскал, так это вот ту метрику. И больше никаких упоминаний и нигде о Петуле Браун. Даже в интернете не нашлось ничего, и это притом, что у нее такое необычное, можно сказать, редкое имя. В конце концов я не выдержал и обратился с письменным запросом в Национальный архив. Дескать, пусть помогут проследить ее дальнейшую судьбу. И вот вчера наконец я получил от них ответ. И что вы думаете, они мне сообщили?

– Понятия не имею, Орlando.

– Она изменила свое имя. Представляете? Имеется Одностороннее обязательство, то есть документ, скрепленный подписью и печатью, что она в одностороннем порядке и добровольно

отказывается от фамилии и имени Петула Браун и берет новое имя: Сильвия Грей. Таким образом, спешу сообщить вам, мисс Стар, что женщина, которая наверняка является вашей матерью, на данный момент профессор Йельского университета в США. Специализируется на русской литературе! Каково, а?

– Я...

– На вебсайте Йельского университета выложена ее биография. – Орландо принялся рыться в своей папке. – Вот! «Профессор Сильвия Грей родилась в Лондоне. Выиграла стипендию для поступления в Кембриджский университет». В высшей степени нетипичный поворот в судьбе бедной девушки из Ист-Энда, доложу я вам, мисс Стар. В положенный срок она защитила магистерскую диссертацию, позднее докторскую и около пяти лет проработала в Кембридже. А потом ей предложили должность в Йельском университете. Там она познакомилась со своим будущим мужем Робертом Стейном, профессором астрофизики, который тоже преподает в Йельском университете. В настоящее время они проживают в штате Коннектикут, в городке Нью-Хэйвен, вместе с тремя своими детьми и четырьмя лошадьми. А сама Сильвия трудится сейчас над новой книгой, – закончил Орландо, внимательно пробежав листок глазами до конца.

– Так она что, писатель?

– Скорее, критик. В университетском издательстве опубликовано несколько ее критических статей и книг. Вы только подумайте, как работают эти гены! Уму непостижимо!

– Да, но я терпеть не могу лошадей. Я всегда их боялась, – уцепилась я за свой последний аргумент.

– Не будьте занудой, мисс Стар. Уверен, что на самом деле вас переполняют самые радостные чувства. Разве не так?

– Не совсем так. Не забывайте, она ведь от меня отказалась.

– Но, я надеюсь, вы внимательно изучили свое генеалогическое древо. И наверняка обратили внимание на тот факт, что на момент вашего появления на свет Петуле, которая позднее стала Сильвией, было всего лишь восемнадцать лет. Она ведь сама родилась только в 1962 году.

– Да, я это помню.

– Наверняка все случилось на первом курсе Кембриджа. А забеременела она, скорее всего, летом, и потом...

– Орландо, пожалуйста, сбавьте обороты. Я не успеваю угнаться за ходом ваших рассуждений.

– Простите, меня, как всегда, заносит. Но, как я уже говорил вам, я больше тяготею к литературе, к вымыслу, чем к реальной жизни.

Орландо погрузился в молчание с видом немного обиженного ребенка. А я принялась мысленно обдумывать всю ту информацию, которую он только что сообщил мне.

– Можно мне сказать? – спросил он жалобным тоном.

– Можно, – вздохнула я в ответ.

– Есть кое-что, что вы обязательно должны увидеть, мисс Стар.

– Что именно?

Орландо протянул мне листок с распечаткой.

– На следующей неделе она будет в Англии. Выступит с циклом лекций в Кембридже, в альма-матер.

– Вот как? – я бегло пробежала листок глазами и отложила его в сторону.

– Ну, разве это не поразительно? Добиться таких высот, самой, без всяких привилегий или поддержки извне... Лишнее доказательство того, как сильно изменился наш мир.

– Но вы же терпеть не можете современную жизнь.

– В общем и целом да, я действительно выступал против столь стремительного прогресса во всем. Но как я заметил в разговоре с братом минувшим вечером, вы помогли мне изменить многое, в том числе и мое отношение к прогрессу. Что, наверное, только к лучшему. Занимаясь вашей родословной... копаясь во всех этих документах... я кое-чему научился и сам. Спасибо вам, мисс Стар. И за это тоже. Воистину я очень многим обязан вам. Так вы поедете?

– Куда?

– На встречу с ней в Кембридж, конечно.

– Не знаю. Я как-то об этом и не подумала... И потом...

– Конечно, не подумали. Потому что еще не успели подумать. – Орландо сплел свои длинные пальцы и, видимо, уловив мою нерешительность, переключился на себя. – А хотите, я расскажу вам, что надумал уже касательно *собственного* будущего?

– Конечно, хочу.

– Итак, повторяюсь, вчера у нас с Мышью был долгий разговор, затянувшийся далеко за полночь. Наверное, вы обрадуетесь, если я сообщу вам, что мы с ним помирились.

– Да, Мышь говорил мне об этом. И я действительно очень рада.

– Тогда скажу вам, что дражайший мистер Хо предложил нам за магазин впечатляющую сумму денег. Их с лихвой хватит на то, чтобы мы с братом полностью рассчитались по всем своим долгам. И еще останется на то, чтобы я смог подыскать что-нибудь подходящее для своих книг и для самого себя. И у меня хорошая новость! Потому что я уже нашел то, что мне нужно, – объявил Орландо ликующим голосом.

– Неужели?

– Да, именно так.

После чего он рассказал мне о книжном магазине мистера Мидоуза в городке Тентерден неподалеку от Хай-Уилд и о том, что он уже поговорил с ним о том, чтобы взять его магазин в долгосрочную аренду. На что мистер Мидоуз тут же согласился, причем с превеликой радостью.

– Там есть небольшая квартирка на втором этаже, в которой я смогу поселиться сам, – добавил Орландо в самом конце. – И знаете что? Думаю, занимаясь столько лет книжной торговлей, я таки заслужил право назвать свой будущий книжный магазин так: «О. Форбс, эсквайр – РАРИТЕТНЫЕ КНИГИ». Что скажете?

– Непосредственно о самом названии? Или о том, что вы упоминаете свою фамилию?

– И о том, и о другом.

– Думаю, лучшего варианта и не придумаешь.

– Вы на самом деле так думаете? – Лицо Орландо просияло. – Вот и мне кажется, что звучит хорошо. И потом, наверное, пришло время для всех членов нашей семьи начать все сначала. Заметьте, сюда я включаю и вас. Вы ведь тоже связаны родственными узами с нашей дорогой Маргарет.

– И с Рори, – тут же поспешила уточнить я.

– Мы с Мышью долго дискутировали на предмет того, стоит ли нам посвящать Маргарет в семейное прошлое. Лично я против. Ничего ведь от этого не изменится. Да и вся эта история произошла бог знает когда, много лет тому назад. Но знаете, в чем ирония? Она никогда не хотела владеть именем Хай-Уилд. Ведь Тедди со всеми его

беспутствами практически привел имение на грань разорения. Двоюродный брат моего отца, Майкл, сын Дикси и Тедди, был вынужден продать большую часть земель, принадлежавших Воганам, квартиру в Лондоне, фермерские коттеджи, и все для того, чтобы хоть как-то свести концы с концами и выжить. А на то, чтобы отремонтировать дом, привести в божеский вид усадьбу и прочее, денег попросту не было. Мы с Мышью решили, что после продажи магазина дадим Маргарет немного денег, чтобы она хотя бы отремонтировала водопровод в доме и провела отопление. Кто бы мог подумать!

– Подумать о чем? – переспросила я у Орландо, увидев по его лицу, что он уже снова унесся своими мыслями совсем в другой мир.

– О том, что спустя каких-то шестьдесят с лишним лет мы с братом, можно сказать, бедные родственники, простые книготорговцы и фермеры, будем оказывать благотворительную помощь самой хозяйке дворца Хай-Уилд. Но в этой жизни может случиться что угодно. Взять хотя бы вашу мать. Она сумела подняться из самых низов. Вот как круто изменилась наша жизнь всего лишь за два поколения.

– Вы правы, – коротко обронила я.

– Так вы все же поедете в Кембридж, чтобы присутствовать на ее лекции?

– Орландо! – Оставалось только удивляться той стремительности, с которой он снова вернулся к прежней теме. – Что вы мне предлагаете? Я не могу просто так, ни с того ни с сего, взять и объявиться перед ней. Что я ей скажу? Что я та самая дочь ее, которую она потеряла много лет тому назад?

– А вот вам и еще одно доказательство того, что вы ее дочь. Можно сказать, итог всей моей кропотливой поисковой работы. Так где же она? Куда я ее задевал? – Он снова перерыл всю свою папку с бумагами. – Ага! Вот она! – Эффектным жестом он протянул мне листок бумаги.

Я глянула на него. На меня тоже уставился женский взгляд. Лицо как две капли воды похожее на мое собственное, только постарше и более ухоженное. Голубые глаза умело подведены легкими тенями, алебастрово-белая кожа, по-мальчишески короткая стрижка блестящих

белокурых волос. Орландо пожирал меня глазами. Его буквально распирало от нетерпения.

– Где вы это нашли?

– В интернете, где же еще! На одном из сайтов. И посмейте мне после этого заявить, мисс Стар, что Сильвия Грей не ваша родная мать!

Я снова глянула на лицо женщины. Наверное, и я буду так выглядеть в возрасте за сорок. Из всех письменных доказательств, добытых Орландо, именно эта фотография убедила меня в том, что да, он прав и Сильвия Грей действительно приходится мне матерью.

– Красавица, правда? – продолжил он. – Впрочем, как и вы, мисс Стар. И надо же быть такому подарку судьбы! Само провидение распорядилось так, чтобы через каких-то пару дней она оказалась здесь, в Англии! Неужели же вы упустите такой счастливый случай? Лично я очень бы хотел потолковать с ней. Ведь Сильвию Грей считают признанным авторитетом в области русской литературы, одним из самых известных специалистов. А я, как вы знаете, большой поклонник русской классики. Из ее биографии я узнал, что она почти год прожила в Санкт-Петербурге, когда работала над своей докторской.

– Подождите, Орландо! Не гоните лошадей... Все так внезапно и так скоро... Мне надо подумать...

– Само собой, думайте себе на здоровье. И прошу простить меня... Я действительно слишком тороплю события, но мне самому так хочется...

– Но я же не могу просто так вот взять и явиться в Кембриджский университет на ее лекцию. В конце концов, я даже не студентка Кембриджа.

– Это так, – тотчас же согласился со мной Орландо. – Но, к счастью, нам снова повезло. Ибо в нашем окружении такой человек есть. Когда-то он учился в Кембридже.

– И кто же это?

– Мышь. Он изучал там архитектуру. Мышь знает в Кембридже все ходы и выходы. Он согласился помочь вам попасть на эту лекцию.

– То есть он тоже в курсе всего?

– Моя дорогая девочка! А как же иначе? Конечно, он в курсе.

Я резко поднялась с места.

– Все, Орландо. С меня хватит.

– Хорошо. Тем более что время у нас еще есть. Можно и потерпеть до следующего вторника. Не возражаю! – Орландо лукаво улыбнулся. – А сейчас за работу. Мистер Мидоуз желает, чтобы мы перебрались в его апартаменты как можно скорее. Я предложил осуществить переезд в двухнедельный срок, с тем чтобы успеть произвести полный расчет еще до Рождества. В настоящий момент он занят составлением документов на долгосрочную аренду. А потому вот это все, – Орландо махнул рукой в сторону стеллажей с книгами, – должно быть тщательно упаковано в пронумерованные ящики и коробки. Тару я уже заказал. Завтра коробки привезут. А еще я предупредил и Маргарет, и Мышь, чтобы в ближайшие две недели они на вас не рассчитывали. Пока мы не управимся здесь, я вас никуда не отпущу. Работы много, придется трудиться день и ночь. Именно так, мисс Стар! День и ночь.

– Хорошо, – согласилась я.

– Все действительно случилось очень быстро. Я имею в виду продажу этого магазина. Мистер Хо тоже горит желанием успеть оформить по всем правилам сделку на покупку до наступления Рождества. Вам нужно будет обязательно съездить и своими глазами увидеть, что собой представляет книжный магазин «Мидоуз Букшоп». По-моему, он еще более необычен и привлекателен, чем наш магазин. А главное – там тоже есть камин. Когда мы займемся упаковкой, то нам надо будет одновременно еще и просмотреть свой книжный фонд. К сожалению, в моем будущем магазине книжных стеллажей меньше, чем здесь у нас. Правда, Маргарет любезно разрешила мне временно разместить все остальные книги у нее в Хай-Уилд. Но остаются ведь еще те книги, которые и по сей день находятся в магазине мистера Мидоуза. Я уже дал свое согласие на приобретение его книжного фонда. То есть мы с вами буквально захлебнемся в море печатных слов!

Я постаралась переключить свои мысли на все то, о чем рассказывал мне Орландо. Хотелось порадоваться за него. Ведь он, судя по всему, был безмерно счастлив от всех этих грядущих перемен. Воистину сейчас за него можно быть спокойной и не волноваться впредь. Однако глаза мои снова и снова устремлялись к фотографии, лежавшей на столе. Профессор Сильвия Грей, моя мать...

Я перевернула листок с ее изображением и постаралась изобразить на своем лице самую жизнерадостную улыбку из всех, на какие только была способна.

– Итак, с чего начнем?

* * *

Во всяком случае, упаковка книг и подготовка их к транспортировке отвлекали меня от всяких посторонних мыслей. Я была занята целыми днями, и физически, и умственно. Летели дни, уже и обещанный вторник был не за горами, а я и думать перестала о поездке в Кембридж и всем том, что связано с этой поездкой. Наступил понедельник. К вечеру мы с Орландо совершенно умаялись. Целый день паковали книги, все в пыли и грязи.

– Все, мисс Стар! Пора сделать перерыв, – объявил мне Орландо, появившись из полуподвального помещения, в котором он с превеликой осторожностью упаковывал наиболее редкие и ценные книги из своей коллекции, которые обычно хранил в допотопном сейфе. – Какая жалость, но я совершенно не гожусь для столь интенсивной физической работы. Да она мне и не подходит. А потому я полагаю, что мы с вами уже заслужили по бокалу хорошего красного вина. За наш доблестный труд, так сказать.

Орландо побежал наверх за вином, а я устало плюхнулась в кресло возле камина, где еще оставался небольшой кусочек свободного пространства. Многочисленные коробки с книгами сгрудились вокруг, поднимаясь почти до самого потолка.

– Я открыл бутылку пару часов тому назад, чтобы вино немного подышало, – пояснил мне Орландо, с трудом протискиваясь по узенькому проходу между ящиками. В руках он нес бутылку и два бокала. Но вот он уселся напротив меня и разлил вино по бокалам.

– Чин-чин! – провозгласил он, и мы чокнулись. – У меня не хватает слов, чтобы отблагодарить вас, мисс Стар, за вашу помощь. Без вас я бы здесь один ни за что не управился. Разумеется, я смею надеяться, что вы тоже переберетесь вместе со мной на новое место работы.

– Вот как?

– Что значит «вот как»? Разве вам самой не приходила в голову такая мысль? К тому же я намерен соблазнить вас, предложив должность заведующей магазином с соответствующим ростом вашей заработной платы, соответствующей новой должности.

– Спасибо. Но можно мне подумать?

– Только не слишком долго. Вы же знаете, как высоко я ценю ваши таланты. А вместе мы составим непобедимую команду чемпионов. К тому же должны же вы понимать, что это означает на практике.

– *А что это означает?*

– А то и означает, что две многострадальные ветви Воганов – Форбсов наконец-то воссоединяются. И более того, спустя каких-то шестьдесят лет они создают некое подобие совместного предприятия.

– Пожалуй, вы правы.

– Не забывайте, за всей этой историей с букинистическим магазином на Кенсингтон-стрит стоит Флора Макникол. Изначально магазин принадлежал ей. А чисто технически, Флора является вашей прапрабабушкой, пусть и не по крови. Но какая разница? Так что у вас столько же прав находиться здесь, как и у меня. Согласны? Вот и еще одно подтверждение старой истины: все в конце концов образуется.

– Все ли и всегда?

– Ну же, мисс Стар. Столь негативный подход к вещам для вас не типичен. А сейчас я должен попросить вас...

– Нет! – крикнула я, уже заранее зная, о чем именно он собирается просить меня. – Завтра я туда не поеду. Я... я не могу.

– Позвольте спросить, почему?

– Потому что... – Я больно прикусила губу. – Потому что я боюсь.

– Ясное дело, боитесь.

– Может, в будущем я и свяжусь с ней. Но не сейчас... Слишком все это быстро для меня.

– Понимаю. – Орландо издал сокрушенный вздох побежденного.

Я допила свой бокал и поднялась с кресла.

– Мне пора. Уже девятый час.

– Тогда завтра с самого утра жду вас здесь, да? И еще раз прошу вас, обдумайте мое предложение относительно работы. Я уже переговорил с Маргарет. Попросил ее позволить вам пожить какое-то

время в Хай-Уилд, пока вы не подыщете себе что-то свое. Она в полном восторге от такой перспективы. Само собой, и Рори тоже.

– Но вы же... вы ничего не рассказали ей о том, как мы связаны друг с другом, надеюсь?

– Лично я ничего ей не рассказывал. Но, возможно, это сделал вместо меня Мышь. Впрочем, это не имеет особого значения. Маргарет из тех людей, кто всегда живет настоящим, а не прошлым. Тем более сейчас. Тогда до свидания, мисс Стар. Доброй вам ночи.

– И вам доброй ночи.

* * *

Наверное, я бы покривила душой, если бы сказала, что постаралась выбросить из головы всяческие мысли о профессоре Сильвии Грей. Напротив! Я думала о ней всю ночь и весь следующий день. Корила себя за трусость и малодушие. Ровно в половине восьмого вечера я представила себе, как она поднимается на трибуну в сопровождении громовых аплодисментов.

К своему стыду, я знала, что есть и еще одна очень веская причина, по которой я не рискнула отправиться в Кембридж сегодня вечером. Ведь ровно десять лет тому назад я сама упустила свой шанс, отказавшись от предложенного мне места в Кембриджском университете. Я еще долго сидела на кухне уже после того, как сестра отправилась спать. И чем больше я размышляла, тем отчетливее понимала: я просто *завидую этой женщине*, своей матери, которой я никогда не видела. Ведь она, в отличие от меня, не остановилась ни перед чем, только бы учиться в Кембридже. Именно университет дал ей путевку в жизнь, помог достичь таких высот в научном мире, где она занималась изучением классической литературы. Ее стремление, точнее, ее целеустремленность, желание вырваться из низов, где она обитала, лишней раз со всей очевидностью продемонстрировали мне, как же ничтожно мало сумела я добиться в своей жизни, особенно в сравнении со своей матерью. Мало того, что она сделала блестящую научную карьеру, можно сказать, взлетев на самую вершину профессионального успеха, мало того, что она разводит лошадей и любит их, так она еще и образцовая мать и жена, родила троих детей.

Наверняка все ее дети такие же незаурядные и мотивированные, как и она сама.

Да ей будет просто стыдно за меня. А разве мне самой не стыдно?

Я подошла к окну и глянула на чистое морозное небо, усыпанное звездами.

– Помоги мне, папа, – взмолилась я шепотом, обращаясь к небесам. – Помоги мне.

– Итак, на выходные вы понадобитесь мне уже в Кенте. Начнем распаковывать книги и расставлять их по полкам в нашем новом магазине, – объявил мне Орландо на следующий день, ближе к вечеру. – Лично я отправляюсь туда с самого утра. Хочу проследить за тем, как продвигаются работы. Надеюсь, к вашему приезду успеют перекрасить фасад магазина. Художник уже работает над оформлением вывески. Хочу приветствовать вас в своем магазине уже под новой вывеской: «О. Форбс, эсквайр – РАРИТЕТНЫЕ КНИГИ».

Орландо буквально светился от счастья. Он был весь в предвкушении начала новой жизни. Зато у меня настроение было хуже некуда. Кажется, моя звезда совсем померкла и окончательно затерялась в туманных просторах вселенной.

– К работе будут привлечены все, без исключения, – продолжил Орландо. – Свою помощь предложил мне Мышь. И Маргарет тоже согласилась поучаствовать. Между прочим, в воскресенье она снова отбывает во Францию. Так что ваше присутствие в Хай-Уилд будет как нельзя кстати. Станете помогать мне и одновременно приглядывать за Рори. Можете рассматривать все это как своеобразный испытательный срок. Надеюсь, он поможет вам определиться с окончательным решением относительно моего предложения о дальнейшей работе.

– Хорошо, я приеду, – пообещала я.

Действительно, чего ради мне торчать в Лондоне, если здесь наш книжный магазин уже закрылся навсегда?

– Отлично! Значит, мы обо всем договорились.

Потом мы обсудили, как именно я должна наблюдать за отгрузкой книг здесь, в Лондоне. Сам Орландо в это время повезет часть не востребовавшего фонда в Хай-Уилд, а потом будет уже встречать остальной груз на новом месте.

Вечером я сообщила Сиси, что снова собираюсь отлучиться на пару деньков в Кент.

– Но ты же вернешься, да? – спросила она, стараясь держаться из последних сил. Но выражение ее лица мгновенно стало удрученным.

– Конечно, вернусь.

– То есть я хочу сказать, ты же не планируешь переехать туда насовсем, да? Ради бога, Стар, ты всего лишь обычная рядовая продавщица. Уверена, ты сможешь и здесь, в Лондоне, в два счета найти себе гораздо более высокооплачиваемую работу. Я на днях проходила мимо книжного магазина «Фойлис». Висит объявление, что им требуется персонал. Говорю же тебе, ты легко найдешь себе новую работу.

– Ты права, с этим проблем быть не должно.

– И ты же прекрасно знаешь, как мне тяжело без тебя. Так ты обещаешь, что вернешься?

– Постараюсь, – ответила я обтекаемо. А про себя подумала, что пора уже начинать думать *о себе самой*. Не стоит давать Сиси ложных надежд. В конце концов, она не беспомощный младенец, каким была я, когда моя мать отказалась от меня, поставив на первое место свою собственную жизнь со всеми ее приоритетами...

Сиси, естественно, надулась, но мне уже было не до нее. Весь следующий день, от темна и до темна, я проторчала в магазине. Зато в пятницу утром, когда к магазину подъехал грузовой трейлер, я встретила его уже полностью готовой.

Орландо названивал мне буквально каждые пять минут, давая все новые и новые указания. В конце концов мне надоело бегать все время на улицу и я нарушила наше с ним золотое правило: стала отвечать на его звонки, поступающие на мой мобильник, прямо из магазина.

За погрузкой книг с грустью наблюдали несколько наших постоянных посетителей. Мы с Орландо предвидели такой момент и заранее приготовили для каждого из них книгу в качестве такого прощального подарка. Но вот грузовая машина отъехала от магазина, увозя не только книги, но и скромные пожитки из квартирki Орландо наверху. Я неспешно прошлась по опустевшему торговому залу, испытывая при этом странное чувство, как это бывает, когда завершается какой-то очень важный этап в твоей жизни. Этап, который в свое время вывел меня через семейные связи на самую Беатрикс Поттер.

Оставалось выполнить последнее поручение Орландо: снять со стены рамочку с письмом Беатрикс Поттер, которое она написала когда-то Флоре, когда та еще была девочкой-подростком, тщательно завернуть все в бумагу и самой доставить этот ценный экспонат в

Кент. Я занялась упаковкой письма, а про себя подумала, что когда-нибудь обязательно побываю в Озерном крае и своими глазами увижу то место, где росла Флора. И пусть между нами нет кровной связи, все равно я чувствую особую близость с этой женщиной. Ведь у нее тоже была такая необычная судьба. По сути, она столько лет прожила изгоем, не принадлежа никому и ничему. И все же ей удалось достойно вынести все испытания, выпавшие на ее долю, и даже обрести в конце концов семейное счастье с человеком, которого она любила всю свою жизнь.

– Прощай, – прошептала я, обращаясь к пустому торговому залу. В последний раз обвела взглядом унылые голые стены комнаты, в которой так круто и навсегда изменилась моя жизнь.

* * *

Вечером того же дня такси доставило меня напрямик в Тентерден и остановилось у входа в наш новый книжный магазин. Несмотря на то что на дворе было уже темно и вокруг стелился густой туман, окна магазина приветливо сияли огнями. Я взглянула на свежеекрашенный фасад здания – Орландо выбрал бутылочно-зеленый цвет, такой же, как и в его прежнем магазине на Кенсингтон-стрит. Над одной из витрин просматривалась новая вывеска магазина. Что ж, оставалось только порадоваться за Орландо. Хотя бы один член клана Воганов-Форбсов сегодня вечером будет безусловно счастлив.

Орландо уже спешил мне навстречу, пробираясь между ящиками и коробками с книгами.

– Добро пожаловать, мисс Стар, в мой новый дом. С минуты на минуту должны подъехать Маргарет и Мышь. Я уже заказал нам шампанского в кафе по-соседству. Супруги Мидоуз тоже присоединятся к нашей компании. Знаете, а мне здесь нравится даже больше, чем в Лондоне. Вы только взгляните на этот вид вокруг!

Я оглянулась по сторонам: ряды деревьев, узкая тропинка между ними, старомодные уличные фонари, просвечивающие сквозь голые кроны.

– Да, красиво.

– Между прочим, у нас тут есть прямой вход в кафе через подсобку. Так что больше никаких контейнеров и упаковки из фольги. Обед будет нам доставляться на тарелках, прямо с плиты. Как говорится, с пылу с жару. А! Вот наконец и они! – Орландо посмотрел поверх моего плеча и помахал рукой. – Приехали!

Я увидела старенький «лендровер» Мыши, который остановился прямо у входа в магазин. А уже в следующую минуту все трое, он, Маргарет и Рори, вошли в помещение.

– Как раз вовремя! – радостно оповестил их Орландо. У дверей из подсобки появилась женщина, в которой я узнала миссис Мидоуз. Она несла поднос с фужерами и бутылкой шампанского. Следом за ней семенил приземистый мужчина постарше ее с пестрым галстуком-бабочкой на шее.

– Мистер и миссис Мидоуз! – представил их нам Орландо. – Надеюсь, вы уже знакомы с моим братом и моей дорогой кузиной Маргарет. Ну и с Рори, конечно. Миссис Мидоуз, вы уже встречались как-то раз и с моей помощницей, – продолжил он, подводя меня к ней поближе. – Прошу любить и жаловать! Несравненная Астеропа Деплеси, которую все мы зовем просто Стар. И она действительно у нас самая настоящая звезда, – добавил он, глядя на меня влюбленными глазами.

Орландо оставил меня в компании четы Мидоуз, а сам подошел к своим родственникам. Я неторопливо потягивала шампанское, перебрасываясь репликами с пожилыми супругами. Те, судя по всему, были на седьмом небе от счастья, что их магазин перешел в собственность Орландо.

– Привет, Стар.

– Привет, – откликнулась я, заметив рядом с собой Мышь. И тут же чьи-то цепкие маленькие ручки обхватили меня за талию сзади.

– Здравствуй, Рори! – приветствовала я его с самой радостной улыбкой на лице.

– А где ты была?

– В Лондоне. Помогала Орландо упаковывать книги.

– Я по тебе сильно скучал.

– Я тоже соскучилась по тебе.

– Завтра испечем брауни?

– Само собой.

– Мышь тут пытался испечь их вместе со мной, но у нас ничего не получилось. Какие-то клейкие вышли. Словом, ерунда на постном масле. – Рори пренебрежительно фыркнул.

– Согласен. Получилось не совсем то, что хотелось бы, – самокритично подтвердил Мышь. – Но, во всяком случае, я хоть попытался что-то сварганить.

– Стар! – Маргарет сжала меня в объятиях, а потом расцеловала в обе щеки целых три раза. – Так обычно здороваются жители Прованса. Прикольнo, да? – рассмеялась она.

Я взглянула на Маргарет. Красивые, широко распахнутые глаза необычного фиалкового цвета, гибкое тело, высокая стать. И что между нами может быть общего? На первый взгляд ничего. Разве что цвет лица у нас обеих одинаковый. Но такой же цвет лица у сотен тысяч других людей, не связанных со мной напрямую родственными узами.

– Мышь рассказал мне, что у вас тут случилось много чего интересного. – Она наклонилась ко мне поближе и прошептала на ухо, сопроводив свою реплику коротким смешком: – Добро пожаловать в нашу безумную семейку. Неудивительно, что мы с самого начала приняли вас как родную. Ведь вы же наша до мозга костей! Ясно как божий день.

Пожалуй, в этот вечер, стоя посреди нового книжного магазина Орландо в окружении так называемой «семейки», я и правда почувствовала себя своей среди своих.

* * *

На следующее утро я проснулась позже обычного. Сказалась усталость последних нескольких дней, как физическая, так и душевная. Я спустилась вниз. На кухне было пусто. В ней снова воцарился прежний живописный хаос, который я когда-то застала здесь, впервые переступив порог этого дома. И вот за время моего короткого отсутствия все вернулось на круги своя. На столе лежала записка:

Мы уехали помогать Орландо в его магазине. Мышь заедет за вами в одиннадцать часов дня. Будьте готовы. М. и Р.

Посмотрев на часы, я увидела, что время уже близится к десяти утра. Бросилась наверх, наспех обмылась в ванне с ледяной водой. Интересно, *смогу ли* я приспособиться к такой жизни в Кенте? Потом стала энергично растираться полотенцем, чтобы окончательно не окоченеть. Встряхнула влажные волосы и расправила их пальцами. Натянула на себя джинсы и голубой свитер.

Тот самый, который, по словам Мыши, очень мне к лицу...

Но не для него же я стараюсь.

Тогда почему пытаешься понравиться ему?

Но не время сейчас заниматься психоанализом. Отложим до более подходящего момента. Потому что до меня донесся звук остановившейся возле дома машины. Послышалась знакомая тяжелая поступь в направлении кухни. А я уже возилась у плиты, выкладывая на поднос порцию свежих, только что испеченных брауни.

– Привет, Стар, – поздоровался со мной Мышь, открывая дверь на кухню.

– Привет. Прямо сейчас едем? Я испекла брауни и кофе свежий есть.

– Звучит заманчиво, – сказал чей-то женский голос, знакомый и одновременно чужой. *Будто это я* разговариваю, но только с легким американским акцентом.

– Вот хочу познакомить вас кое с кем, Стар, – обратился ко мне Мышь с виноватым выражением лица.

И в ту же минуту из-за его спины вынырнула женщина, будто сошедшая с той фотографии, которую показывал мне Орландо. Немного потоптавшись в коридоре, она тоже переступила порог кухни.

– Добрый день, Стар, – приветствовала меня женщина.

Я молча уставилась на нее, пожирала глазами ее лицо, ее фигуру... И вдруг почувствовала, что слезы застилают мне глаза и я ничего не вижу. Что это были за слезы? Слезы страха? Обиды? Или любви? Не знаю.

– Стар, – негромко промолвил Мышь, – позвольте представить вам Сильвию Грей, вашу мать.

Следующие несколько минут – полный провал в моей памяти. Я пришла в себя в крепких объятиях Мыши, горько рыдая на его плече.

– Мне очень жаль, что все так получилось, – прошептал мне Мышь на ухо. – Я специально поехал в Кембридж, чтобы послушать ее. После лекции представился. Она буквально вцепилась в меня руками, так ей хотелось встретиться с вами. Скажите, что мне делать.

– Не знаю, – едва слышно прошептала я, уткнувшись в рукав его куртки, отчего голос мой звучал глухо, словно из-под земли.

А потом я почувствовала, как она обняла меня.

– Мне тоже очень жаль, очень. Прости меня, Стар. Прости! Клянусь тебе, всю жизнь я думала о тебе. Не было дня, чтобы я тебя не вспомнила.

– НЕТ! – крикнула я и, что есть силы, оттолкнула ее прочь.

Выскочила в коридор, а оттуда на улицу. Холодный ноябрьский воздух обжег лицо. Я побежала в сад, не разбирая дороги, прямо через заросли бурьяна и кустарников. Я не хочу ничего знать о своем прошлом. Оно мне не нужно. И мать мне тоже не нужна... Я хочу жить будущим. И чтобы оно было надежным, чистым, настоящим. А эта женщина, там, в доме, какое отношение она имеет к моей будущей жизни? Кто она мне? И зачем она мне?

Я добрела до оранжереи. Когда-то здесь Арчи культивировал новые сорта семян, выращивал рассаду, которую потом Флора бережно высаживала в грунт. Все это делалось с великой любовью, а потому цветы вырастали сильными и крепкими.

Как она смеет навязываться мне! И как посмел Мышь притащить ее в Хай-Уилд? Или эта семейка действительно возомнила себе, что они могут контролировать мою жизнь и управлять ею?

– Стар, вы здесь?

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем до меня донесся голос Мыши.

– Мне очень жаль, Стар, что все так получилось. Я совсем не подумал о последствиях. Конечно же, следовало предупредить вас, попросить вашего разрешения... Но все получилось так спонтанно. Когда после лекции я представился Сильвии, рассказал ей об Орландо и о том, кем, по нашему с братом убеждению, являетесь вы, она тут же

стала умолять меня привезти ее в Хай-Уилд и организовать с вами встречу.

– Может, ей вовсе не меня хотелось увидеть. Просто решила поглазеть на дом, который когда-то принадлежал ее деду, – огрызнулась я в ответ.

– Вполне возможно, вы правы, и ей действительно захотелось взглянуть на Хай-Уилд. Но готов поклясться, вас она хотела увидеть в первую очередь.

– С чего бы это вдруг? Двадцать семь лет не хотела и тут неожиданно захотела? Почему сейчас?

– Дело в том, что в свое время мать обманула ее, сказала, что вы умерли в младенческом возрасте. У нее даже есть поддельная справка о вашей смерти, которую дала ей мать.

– Что?! – я уставилась на Мышь в немом изумлении.

– Все так и есть. Но... – Мышь устало вздохнул. – Думаю, лучше, чтобы все объяснила вам сама Сильвия, а не я. Простите меня, Стар. Я поступил неправильно, да... Получилась ерунда какая-то. Мы обязаны были считаться с вашими желаниями. Но, знаете, она так отчаянно хотела встретиться с вами, что я невольно поддался ее уговорам.

Я промолчала в ответ. Мне необходимо было все обдумать.

– Что ж, тогда я, пожалуй, пойду. И еще раз приношу вам свои извинения.

– Все в порядке. – Я вытерла нос рукавом и поднялась со скамейки. – Я пойду вместе с вами.

Меня шатало из стороны в сторону, но усилием воли, напрягая каждый мускул своего тела, я заставила себя стоять ровно. Кое-как я подошла к Мыши. Он обхватил меня своей сильной рукой за плечи и повел через сад обратно в дом.

Войдя на кухню, я застала Сильвию плачущей. От искусного макияжа не осталось и следа. Под глазами расплылись тени, лицо залито слезами. В этот момент она показалась мне такой беззащитной и хрупкой, совсем не такой, какой она вошла в этот дом.

– Не возражаете, если я поставлю чайник? – предложил нам Мышь.

– Хорошая мысль, – согласилась с ним эта женщина, которая, скорее всего, все же приходится мне матерью.

Мышь тут же налил в чайник воды и поставил на огонь. Я стояла возле плиты, повернувшись к ней спиной. Меня сотрясал озноб.

– Иди сюда. Присядь, – предложила мне мать.

– Почему ты отказалась от меня? – выпалила я не задумываясь.

Лицо Сильвии сморщилось. Последовала долгая пауза. Видно, она собиралась с мыслями.

– Я от тебя не отказывалась, Стар. Ты появилась на свет во время пасхальных каникул, но мама настояла, чтобы я по их завершении вернулась в Кембридж. Предстояли экзамены за первый курс. Я была способной, умной девочкой... Мама связывала со мной большие надежды. Хотела, чтобы я добилась всего того, чего не удалось ей самой. У нее была трудная жизнь. Отец мой умер совсем еще молодым. Она растила меня одна... И ожесточилась со временем, и сердцем, и душой. Стала злой, очень злой.

– То есть во всем виновата твоя мать, да? Сейчас ты ее винишь во всем? – воскликнула я возмущенным голосом, в котором звучала откровенная злость. И сама ужаснулась тому, какая я, оказывается, тоже *злая*.

– Ты имеешь полное право сердиться на меня, негодовать, но, клянусь, я говорю тебе правду. Когда я оставила тебя в мае на попечение матери, ты была здоровенькой девочкой. Очень красивой к тому же. Мы с матерью договорились, что она будет присматривать за тобой до тех пор, пока я не окончу университет, не получу степень. У меня *и в мыслях не было* отказываться от тебя или отдавать в чужие руки. Клянусь тебе, это так. Но при этом – да, мне, конечно же, хотелось, чтобы *наша с тобой* жизнь была более обеспеченной и достойной. И вот, спустя всего лишь пару дней после экзаменов я получаю письмо, в котором мама извещает меня, что ты умерла. Предположительно, от СВДС, синдрома внезапной детской смерти. – Сильвия опустила руку в свою элегантную кожаную сумочку и извлекла оттуда конверт. – Вот, взгляни сама. Это справка о твоей смерти.

– Но как можно подделать такой серьезный документ? – возмутилась я, однако саму справку брать не стала.

– Легко, особенно если у тебя хорошие отношения с местным доктором. После смерти отца моя мать была приходящей прислугой в его доме. По всей вероятности, они сговорились обо всем заранее, и он

охотно помог матери обмануть меня. Вообще-то он был ужасным человеком, этот доктор, такой правоверный католик и ревностный член нашей местной католической общины. Вполне возможно, он полагал, что я достойна сурового наказания за свой грех.

– И потому сообщил о смерти твоего ребенка, да? – я с сомнением покачала головой. – Право же, в это трудно поверить. И потом... как же ты узнала, что я жива, если долгие годы считала, что я умерла?

– Несколько недель тому назад умерла моя мать. Я не присутствовала на ее похоронах. Фактически я с ней не общалась более двадцати лет. Но после ее кончины я получила письмо от ее нотариуса, которое надлежало вскрыть только после ее смерти. В нем она призналась, какой чудовищный обман совершила много лет тому назад. Именно чудовищный, – снова повторила Сильвия, обращаясь скорее к себе самой, чем ко мне. – Наверное, ее мучил страх, что за столь ужасный поступок ей уготована прямая дорога в ад.

– А в письме что-нибудь говорилось о том человеке, который меня удочерил?

– Она лишь написала, что доктор передал тебя местному священнику, а тот отвез младенца в сиротский приют где-то в Ист-Энде. Я отыскала этот приют и пару дней тому назад побывала там. Еще до встречи с Мышью. Но они заверили меня, что в их регистрационных книгах не числится младенец с именем Люси Шарлотта Браун.

– Мой приемный отец никогда бы не взял меня из приюта, знай он все обстоятельства того, как я там оказалась, – яростно возразила я ей.

– Согласна, не взял бы! Но моя мать всегда была очень умелой и изворотливой вундлей. К счастью, я пошла не в нее, а в свою бабушку Тэсси. Вот та была действительно замечательной женщиной. Работала всю жизнь как каторжная, но никогда ни на что не жаловалась.

Я почувствовала странную слабость в ногах и безвольно осела возле плиты прямо на пол.

– Не понимаю, как же Па Солт все же нашел меня, – бросила я, скрестив руки на груди.

– Па Солт – это твой приемный отец?

Я проигнорировала ее вопрос и задала свой:

– Почему же тебе все-таки не удалось отыскать мое имя в приютских документах?

– Вполне возможно, священник зарегистрировал тебя под другим именем. Но вот что интересно. В приютских регистрационных книгах не значится ни одного вновь поступившего к ним младенца в течение более чем двух недель после того, как мать сообщила мне о твоей смерти. Я сама вместе с секретарем проверила все записи того времени. Ничего! Сама не могу понять, Стар. Честное слово... Прости меня.

– А сейчас, когда папы уже тоже нет в живых, кто еще может рассказать мне всю правду о том, как все было на самом деле?

У меня снова стала кружиться голова. Я обхватила колени руками и положила на них голову.

– Между прочим, ваши координаты, – подал вдруг голос Мышь, – указывают на Мар-стрит, то есть на ту самую улицу, где до самой своей смерти проживала ваша бабушка Патриция Браун. Обратите внимание. Они направляют вас не в приют, а именно в дом вашей бабушки. Вполне возможно, было организовано некое приватное удочерение, минуя все официальные инстанции. Но вы только подумайте! – воскликнул он после короткой паузы. – Вы обе стали искать друг друга практически в одно и то же время. Удивительное совпадение!

– Ну да! Если она говорит правду, – пробормотала я.

– Она говорит правду. Поверьте мне, Стар. Такую историю не сочинишь просто так, из воздуха. А она мне рассказала все это сразу же после того, как я познакомился с ней на лекции, – негромко проговорил Мышь и поставил на пол рядом со мной кружку с горячим чаем, над которой еще клубился пар.

– Да и Мышь ни за что не подпустил бы меня к тебе, если бы не поверил мне, – подала голос Сильвия. – Он даже сверился с данными, хранящимися в Национальном архиве. Имеются ли там документы, официально подтверждающие твою смерть. Ах, Стар! Какое счастье! Но там таких бумаг не оказалось. А я ведь столько тебя искала... Специально сейчас приехала в Англию за несколько дней до лекции, чтобы снова попытаться отыскать твой след. Но все мои попытки оказались безуспешными. Я уже оставила всякую надежду найти тебя... А тут появляется твой молодой человек.

– Он не мой молодой человек.

– Прости, твой друг, – тут же поправилась Сильвия.

– А почему ты изменила свое имя?

– После того как мама сообщила мне о твоей смерти, я тут же решила взять себе новое имя и фамилию. Чтобы больше ничто не напоминало мне о женщине, которая, можно сказать, убила тебя своими руками. Ведь она написала мне, что даже сама похоронила младенца, не ставя меня в известность. Дескать, чтобы не причинять мне лишней боли. Разумеется, получив ее письмо, я тотчас же помчалась домой. Хотела убедиться, что она не лжет. Вот тогда-то она и предъявила мне это удостоверение о твоей смерти. Я стала упрекать ее, говорила, что она попросту недосмотрела за тобой... Мать лишь молча кусала губы, я видела по ее глазам, что она тоже сильно переживает. А потом она меня просто выставила из дома. И тогда я поклялась, что никогда больше не переступлю ее порог. И я исполнила свою клятву. На каникулах я осталась в Кембридже, работала, чтобы хоть как-то содержать себя. Мне захотелось полностью порвать со своей матерью, чтобы ничто более не напоминало мне о ней. Тогда мне и пришла в голову идея взять себе другие имя и фамилию, чтобы она не смогла меня отыскать.

– А кто был мой отец?

– Перед поступлением в Кембридж я проработала все лето на швейной фабрике, хотела заработать себе немного денег, чтобы было мне чуть легче жить во время учебы в университете. Там мы и познакомились. Он был моим начальником. Разумеется, на тот момент он уже был женат... Боже мой! Мне так стыдно рассказывать тебе все это.

Я увидела, как моя мать обхватила голову руками и заплакала навзрыд. Но я не стала утешать ее. Я не могла. У меня попросту не было подходящих слов. Наконец она немного успокоилась и продолжила свой рассказ:

– Что сейчас толку плакать? Ведь, честно говоря, мне нет оправданий. Но в тот момент он казался мне ослепительным, водил меня по ресторанам, говорил, что я красавица... Боже мой, боже! А я была такой наивной дурочкой. Всему верила. И потом, надо было знать мою мать. Она ведь меня не просто опекала. Шагу мне не давала ступить без ее позволения. В детстве заставляла ходить в церковь и исполнять все, что там предписывалось. А в реальной жизни я и понятия не имела, как предохраняться, чтобы не забеременеть. Вот

таковы были последствия моего строгого католического воспитания. Твое появление на свет стало неизбежным результатом всего остального.

– А ты бы согласилась на аборт, если бы могла это сделать?

– Я... я не знаю. Буду с тобой предельно честной, Стар. Все произошло само собой. Осенью я отправилась в Кембридж, ничего не подозревая о своей беременности. И лишь только в ноябре до меня дошло, что со мной творится что-то не то. Я рассказала о своих страхах подруге, та немедленно купила мне тест на беременность. А доктор подтвердил, что я уже на четвертом месяце.

Сильвия взяла чашку, чтобы отхлебнуть немного чая, и я увидела, как сильно у нее дрожат руки. И впервые почувствовала нечто отдаленно похожее на жалость к этой женщине. *Ведь ей вовсе не нужно было подвергать себя всем этим испытаниям*, подумала я. Она вполне могла заявить в разговоре с Мышью, что понятия не имеет, кто я такая.

– Прошу простить меня за то, что была груба с тобой.

– Грубость не в натуре Стар, это точно, – с готовностью подтвердил Мышь. – Ваша дочь очень благотворно подействовала на всех членов нашей семьи с тех самых пор, как появилась в нашей жизни.

Я взглянула на Мышь и с удивлением обнаружила, что он смотрит на меня почти влюбленным взглядом.

– Что ж, оставляю вас пока наедине друг с другом, – сказал он, направляясь к выходу. И у меня тотчас же возникло острое желание остановить его, попросить вернуться.

– Знаешь, – Сильвия поднялась со стула, подошла ко мне и тоже уселась на пол. – Я привезла с собой одну вещицу. Я ее специально заказала для тебя, когда ты только родилась, а мне пришлось вернуться обратно в Кембридж. Собиралась надеть тебе на запястье в свой следующий приезд домой. Это маленький талисман-оберег на то время, пока меня не будет рядом.

Она протянула мне небольшую кожаную коробочку для ювелирных украшений. Я открыла ее, на оборотной стороне крышки золотыми буквами написано название ювелирной мастерской Кембриджа. На синем бархате лежал крохотный браслетик. Я взяла его

в руки. С него свисал миниатюрный брелок в форме сердечка. На нем было выгравировано:

Люси Шарлотта
21/04/1980

– Я собиралась каждый год на твой день рождения добавлять новый брелок, но, как видишь, у меня даже не получилось надеть браслет тебе на ручку. И только сейчас я могу предъявить его тебе. Вот, взгляни. – Она взяла из моих рук коробочку, вытащила из нее бархотку, и я увидела, что на дне коробочки лежит пожелтевший листок бумаги. Она достала его и протянула мне. Я прочитала. Это был чек за браслет, датированный 20 мая 1980 года на сумму 30 фунтов стерлингов. – В те дни это была большая сумма, – пояснила мне Сильвия со слабой улыбкой на устах.

Я заметила на ее пальце обручальное кольцо, в котором переливался огромный бриллиант в оправе. От нее приятно пахло дорогими духами. Какое-то время я сидела молча, бездумно вертя в руке миниатюрный браслет. А про себя подумала, что даже если все это и розыгрыш, то все равно красивая мистификация получилась.

– Люси... *Стар!* Взгляни на меня. – Сильвия коснулась пальцами моего подбородка и развернула лицом к себе. – Я тебя любила и тогда, когда ты только-только появилась на свет. Я люблю тебя и сейчас. Пожалуйста, прошу тебя! Поверь мне.

Она улыбнулась мне сквозь слезы, которыми снова наполнились ее огромные голубые глаза.

И в этот момент, неожиданно для себя самой, я поверила.

– Можно я... Можно мне обнять тебя? – робко спросила она у меня. – Я так долго ждала этой минуты.

Я промолчала. Сильвия придвинулась ко мне ближе и обхватила меня обеими руками за плечи. Какое-то время я колебалась, но потом мои руки сами собой потянулись к ней, и я тоже обняла ее.

– Это просто чудо, – прошептала она растроганно, ласково глядя меня по волосам. – Мое дитя... Мое красивое дитя... девочка...

– С вами все в порядке, дамы? – поинтересовался Мышь, появившись на кухне через час с небольшим и застав нас по-прежнему сидящими на полу и прижавшимися спинами к теплой плите.

– Все в порядке, – улыбнулась я ему в ответ. – Мы в полном порядке.

– Тогда, – он обозрел нас внимательным взглядом, – зовите, если я вам вдруг понадоблюсь. – И снова направился к дверям, но на пороге остановился и оглянулся назад. – Ну, словно две горошины из одного стручка.

И с этими словами Мышь снова удалился прочь.

– Этот Мышь, он, судя по всему, очень хороший человек, – сказала моя мать, продолжая гладить мою руку, словно стараясь навечно запечатлеть в своей памяти форму каждого моего пальца. Она весь минувший час гладила меня, то по лицу, то по руке, то касалась моего тела. Извинилась, сказав, что просто хочет лишний раз удостовериться, что я живая, а не плод ее фантазии. – Он тоже связан с нами родственными узами?

– Он – нет.

Я постаралась коротко, как могла, рассказать ей, как и где я росла и воспитывалась, про наш дом в Атлантиде, в котором обитали еще пять моих сестер. Потом наш разговор плавно переключился на Хай-Уилд и на все те сложные и запутанные взаимоотношения, которые сложились между Воганами и Форбсами.

– Мышь рассказывал мне, что у него довольно необычный брат. Кажется, его зовут Орландо, да?

– Да. Он замечательный человек.

– Полагаю, Мышь тоже занимает далеко не последнее место в твоей жизни, Стар. Кстати, я безмерно счастлива, что твой приемный отец дал тебе такое красивое имя: Астеропа. Оно тебе удивительно подходит. Ты действительно похожа на звезду. А знаешь, ведь имя Люси означает «свет»?

– Знаю.

– А потому можно сказать, что ты у нас звезда, которая ярко светит всем, – улыбнулась мне Сильвия.

Наш разговор продолжался бесконечно. Мы то и дело сбивались, переключались с одной темы на другую, если у нас спонтанно появлялись какие-то вопросы друг к другу. Сильвия рассказала мне о

своих троих детях, моих сводных братьях и сестре, все они были гораздо младше меня. Старшего назвали Джеймс в честь Джойса, второго брата зовут Скотт в честь Фицджеральда, а сестру назвали Анной в честь трагической героини Льва Толстого. Сильвия также поведала, что очень счастлива в браке со своим мужем Робертом, отцом ее детей. По ее рассказам, воистину у них не жизнь, а сплошная идиллия.

– Роберт тоже знает о тебе, разумеется. Он очень за меня переживал, когда я после смерти матери получила письмо от ее нотариуса. Это случилось всего лишь несколько недель тому назад. Представляю, как он обрадуется, когда я позвоню ему и сообщу, что все же отыскала тебя. Мой муж очень хороший человек, добрый и сердечный. Тебе он обязательно понравится, – добавила Сильвия.

– А ведь мне в свое время предлагали место в Кембридже, – внезапно призналась я.

– Правда? Вот здорово! Сегодня это можно считать очень большим достижением. В мое время поступить в Кембридж было намного проще, особенно для таких, как я, выходцев из самых низов. В те годы английское правительство было очень сильно озабочено тем, чтобы обеспечить равные права на получение высшего образования для представителей самых разных классов и слоев общества. Так что ты преуспела больше моего. Но почему отказалась?

– В этом случае мне пришлось бы расстаться с сестрой. А мы были очень нужны друг другу.

– Это Сиси? Та сестра, с которой ты сейчас живешь в Лондоне?

– Да.

– Однако при желании ты и сегодня можешь вернуться в Кембридж. Ты же знаешь, никогда не поздно изменить свою судьбу.

– Ты повторяешь слова Па Солта. Он всегда говорил так.

– По твоим рассказам мне очень нравится твой приемный отец. Как жаль, что я уже не смогу с ним познакомиться.

– Да, он был замечательным отцом для всех нас, его шести дочерей.

Я почувствовала, как Сильвия слегка вздрогнула при этих моих словах, но тут же взяла себя в руки.

– Так пока ты еще не определилась с тем, чем заняться в будущем, если решишь остаться здесь, в Англии?

– Пока еще нет. Думала, начну работать над книгой, но оказалось, все не так просто, как мне казалось. У меня вообще возникли сомнения, может ли из меня получиться писатель.

– Наверное, сейчас просто не самый подходящий момент в твоей жизни, только и всего. А потом, со временем, желание писать появится снова. Так часто бывает со многими, кто занимается писательским трудом. Например, со мной.

– Если честно, то мне больше нравятся простые повседневные хлопоты: убираться по дому, готовить, возиться в саду... – Я повернулась к Сильвии лицом. – Знаешь, я не принадлежу к амбициозным людям. Это плохо, по-твоему?

– Конечно, нет! С чего ты взяла? Конечно, я рада наблюдать за тем, как эмансипированы сегодня женщины. Мы, поколение восьмидесятых, стали, по сути, первым поколением по-настоящему образованных женщин, вступивших в жизнь, уже имея за плечами диплом о высшем образовании. Мы буквально ворвались на рынок труда в те сферы, где раньше доминировали главным образом представители сильного пола. Но я думаю, что тем самым мы дали последующим поколениям молодых женщин право выбора. Иными словами, вам самим решать, чего вы хотите от этой жизни.

– То есть для тебя звучит нормально, если я скажу, что на данный момент я не мечтаю ни о какой карьере?

– Звучит великолепно, душа моя. – Сильвия сжала мою руку и нежно поцеловала меня в макушку. – Вот она, та свобода выбора, которую обеспечили вам представительницы моего поколения. Что плохого, если женщина хочет сидеть дома и воспитывать своих детей? Хотя по себе знаю, всегда хорошо, когда есть рядом кто-то, кто готов помочь тебе и подставить плечо. Потому что дети – это всегда много хлопот.

– Мне это еще пока не известно, – коротко усмехнулась я.

– Все узнаешь в свое время, дитя мое, все узнаешь.

– Прошу прощения за вторжение, – раздался голос Мыши, возникшего на пороге кухни. – Только что мне позвонил Орландо. Сообщил, что они все трое, он, Маргарет и Рори, уже на пути домой.

– Тогда мне пора уходить, – засуетилась Сильвия.

Она торопливо подскочила с пола, но я потянула ее за рукав.

– Мышь, вы не против, если Сильвия останется?

– Еще как не против, Стар, – улыбнулся он в ответ. – Отличная идея, просто супер.

Уже поздно вечером, укладываясь в постель, я вдруг подумала, что минувший день был одним из самых лучших в моей жизни. Воганы и Форбсы явились в Хай-Уилд все вместе. Судя по всему, Орландо и Мышь уже успели ввести Маргарет в курс дела, а потому все приветствовали Сильвию с распростертыми объятиями.

– В конце концов, она ведь тоже член нашей семьи, – рассмеялась Маргарет, затягиваясь очередной французской сигаретой «Житан» и осушив до дна еще один из бесчисленных бокалов с красным вином, в то время как я возилась с говяжьей лопаткой, которую Орландо купил по пути домой в сельском магазине. Уже сидя за столом, мы все принялись наперебой объяснять Сильвии, с какого боку и как именно мы с ней примыкаем к семейству Воганов-Форбсов. Настоящая головоломка! По мере того как лилось вино, я вдруг почувствовала, как в самой атмосфере дома, среди этих старых, отсыревших стен вдруг воцарились некое умиротворение и покой. Будто все секреты и тайны, связанные с Хай-Уилд, слетели с его крыши, словно горсть снежинок. Закружились в воздухе и плавно опустились на землю.

Уже позднее, когда я отчаянно пыталась согреть ноги под холодными простынями и одеялами, я вдруг подумала, что сейчас, когда рядом со мной мать, я действительно наконец прибилась к какому-то берегу и стала членом семьи.

* * *

– Боже мой! – простонала моя мать, входя в кухню на следующее утро, где я уже всюю хлопотала возле плиты, занимаясь приготовлением завтрака. – У меня голова разваливается на части с похмелья. Совсем забыла, как эти англичане умеют пить, – пожаловалась она, подходя ко мне, и тут же обняла меня за плечи. – Пахнет вкусно! – воскликнула она, глянув на плиту, на которой я обжаривала колбаски для Рори. Сам Рори уже успел улизнуть в гостиную смотреть на DVD очередную серию про Гарри Поттера,

ставшего в последнее время его новым кумиром. И это вопреки тому, что все домашние не верили, что он сможет когда-нибудь переключиться с Супермена на что-то другое.

– Ты отменный повар, Стар! Честное слово. Унаследовала талант от своей бабушки Тэсси. Та тоже потрясающе готовила. До сих пор вспоминаю ее домашние чипсы.

– Я тоже их готовлю.

– С удовольствием угощусь, когда представится возможность. – Сильвия скользнула взглядом по кофеварочной машине. – Можно мне чашечку кофе?

– Пожалуйста.

– Спасибо. Знаешь, мы с Маргарет засиделись до полуночи уже после того, как все отправились спать. Все пытались понять, как и каким образом мы связаны друг с другом. Получилось, что мы приходимся друг другу какими-то очень дальними, троюродными сестрами, что ли, и то только наполовину. Впрочем, какая разница? Ну и ну! Меня сегодня, как того пьяного матроса из песни, шатает из стороны в сторону. – Сильвия уселась за стол. Несмотря на свое якобы плохое самочувствие по причине похмелья, выглядела она очень элегантно в своих джинсах и кашемировом свитере. – Маргарет призналась мне, что ей очень нравится владелец того замка во Франции, в котором она сейчас делает росписи. А попутно сообщила, что устала до смерти тащить на своем горбу этот дом в Хай-Уилд. У меня такое чувство, что ей хотелось бы бросить все и уехать отсюда.

– Куда?

– Во Францию, куда же еще?

– А что будет с Рори? Ему придется заново изучать язык жестов, уже на французский манер. А французская версия сильно отличается от английской...

– Понятия не имею, Стар. Вполне возможно, она сама расскажет тебе о своих планах на будущее. Знаешь, только очутившись у вас, я поняла, какую нормальную, заурядную жизнь веду я сама. У меня все просто, все понятно, в отличие от моих вновь обретенных английских родственников.

– А когда ты возвращаешься в Штаты?

– Сегодня, ночным рейсом. Так что, если у тебя нет никаких планов, мы могли бы провести остаток дня вместе. Как думаешь?

– Отличная мысль, – согласилась я.

После завтрака я перемыла посуду, а потом мы с матерью отправились на прогулку в сад, доверив Рори право быть нашим гидом. Он бодро катил впереди нас на своем велосипеде по уже замерзшим дорожкам сада, распевая во весь голос песенку про медлительно-неповоротливого тренера, намекая на то, как мы изрядно отстали от него и тащились где-то далеко позади.

– Какой славный мальчонка. И умненький такой, – обронила Сильвия. – И, по-моему, очень тебя любит.

– Я его тоже очень люблю. Он очень добрый. Просто сгусток положительной энергии.

– Так оно и есть, благослови его Господь. Остается лишь надеяться, что в будущем жизнь не обойдется с ним слишком сурово.

– Рядом с Рори близкие люди. Они всегда придут ему на помощь, защитят, если понадобится.

– Все так. По крайней мере, сейчас, – грустно улыбнулась моя мать в ответ.

После обеда я попросила Маргарет дать мне свой старенький «фиат», чтобы свозить Сильвию в Тентерден к Орландо. Орландо, тоже явно переживающий синдром похмелья, встретил нас в своем магазине. Он расставлял книги по полкам.

– А! Две праздные дамы соблаговолили наконец снизойти и навестить меня в моем убогом приюте. Добро пожаловать, профессор Грей. Можно ли мне впредь говорить, что первым моим покупателем на новом месте стала профессор Йельского университета? А для начала я покажу вам сейчас свой раритет: замечательно сохранившееся первое издание романа «Анна Каренина».

– Орландо, прошу вас! Ведь мы же вчера договорились, что вы будете называть меня просто Сильвией.

Как только Орландо с матерью погрузились в разговор о русской литературе, я отправилась разглядывать книги на полках, чувствуя себя при этом почти как Рори. Ибо с трудом понимала, о чем они так увлеченно толкуют.

– Что касается английской литературы начала двадцатого века, то тут у нас Стар – признанный эксперт, – глянул в мою сторону Орландо, видно, почувствовав, что я каким-то образом оказалась не охваченной общей беседой. – Вы сами можете расспросить ее про кружок

Блумсбери, в частности. Они, между прочим, были когда-то нашими ближайшими соседями в Хай-Уилд. Я имею в виду Виту Сэквилл-Уэст и всех ее любовников и любовниц. По иронии судьбы, некоторые из них тоже связаны по своей прошлой жизни с леди Флорой Воган.

– Кое о чем Стар мне вчера уже рассказала, – отозвалась моя мать.

– Когда вы причалите к нашим берегам в следующий раз, мисс Сильвия, то вам обязательно будет нужно прочитать все дневники Флоры. В них так ярко и образно запечатлена Эдвардианская эпоха в Англии.

– А что, если Стар попробует издать их отдельной книгой? Уверена, удивительная история жизни Флоры никого не оставит равнодушным. Думаю, этой книге будет обеспечен мировой успех.

– Вы правы, мисс Сильвия! Отличная мысль! И кто лучше Стар справится с этой задачей? Ведь она не только досконально знает английскую литературу того периода, но еще и связана с леди Флорой родственными узами. Так что о лучшей кандидатуре и говорить не приходится, – с радостью подхватил идею матери Орландо. Я почувствовала, как они оба уставились на меня в четыре глаза.

– Может, со временем я и займусь этим, – ответила я, неопределенно пожав плечами.

– Заранее обещаю тебе, что Йельский университет проявит большую заинтересованность в твоей работе и с готовностью возьмется за ее публикацию, – сказала Сильвия.

– Да и в Англии наверняка отыщется не одно коммерческое издательство, которое обеими руками ухватится за такой перспективный проект, – поспешил возразить ей Орландо. – Ведь в этой истории полно того, что очень смахивает на любовный роман. Этакая костюмная романтическая мелодрама из прошлой жизни... А ведь на самом деле все чистейшая правда от первого и до последнего слова.

Мама глянула на свои часы.

– Боюсь, мне уже пора. Надо спешно возвращаться домой. Совсем скоро мой поезд до Лондона.

Мы вернулись в Хай-Уилд. Сильвия поднялась к себе в комнату за вещами и тотчас же спустилась вниз уже с чемоданом.

– Мышь подбросит тебя до станции, – сказала я ей.

– Ах, Стар! – Сильвия крепко обняла меня и прижала обеими руками к себе. – Пожалуйста, звони мне. Постоянно будь на связи... В любую минуту дня и ночи. Иначе я начну думать, что все это мне приснилось. Ты записала все мои номера телефонов? Мой электронный адрес?

– Все записала.

– Что ж, пришло время попрощаться. Но как только я вернусь домой, то сразу же начну планировать новую поездку в Европу. А может, и ты сама прилетишь к нам, в наш штат Коннектикут, познакомишься со своими сводными братьями и сестрой? Или я сама приеду за тобой, ладно?

– Хорошо.

Сильвия еще раз крепко обняла меня и, уже стоя в дверях, послала мне воздушный поцелуй. Стоя у окна, я наблюдала за тем, как она уселась в «лендровер» рядом с Мышью. Но вот машина тронулась с места, и в ту же самую минуту я почувствовала, что мне уже не хватает этой женщины. Кажется, она знает обо мне все-все-все, чего не знает больше никто другой на целом свете. А я сама еще только начинаю узнавать ее.

* * *

Ужинали уже после того, как уложили Рори в постель. Я приготовила на ужин жаркое с овощами, используя для этой цели остатки всего, что у меня осталось из продуктов. За столом царилла благодатная тишина. Ели молча. Все изрядно вымотались за последние пару дней. Сразу же после ужина Орландо засобирался на покой. Мышь тоже пошел наверх взглянуть на протекающий потолок в спальне Маргарет.

– Сейчас я в том месте подставила кастрюлю, – со вздохом сказала Маргарет, помогая мне убирать со стола. – Кстати, завтра с самого утра я снова отправляюсь во Францию. Мышь даст тебе, Стар, деньги на продукты, пока я буду отсутствовать.

– А когда ты вернешься обратно?

– Будь моя воля, то никогда бы не возвращалась. Но куда же от всего этого убежишь? Боже, как я ненавижу этот Хай-Уилд! Это все

равно что ухаживать за престарелым и больным родственником, которому уже практически невозможно помочь ничем. – Маргарет насухо вытерла блюдо и извлекла из пачки сигарету. Закурила и уселась на стул. – Я уже говорила Мыши, что мне надо серьезно подумать о том, чтобы продать дом. Знаю, все это должно перейти в свое время Рори. Но когда это еще будет? А сейчас на горизонте замаячил какой-то нувориш из Сити. Этот молодой человек и его весьма амбициозная женушка просто жаждут вложить свои миллионы в такую загородную развалюху, как наш дом. Правда, Мышь сказал мне, что они с Орландо отстегнут мне какую-то сумму денег на содержание Хай-Уилд после того, как сделка по продаже их книжного магазина окончательно вступит в силу. По правде говоря, я и не заслуживаю такой милости... С учетом всех сложившихся обстоятельств, – добавила она несколько туманно.

– А Рори тут счастлив.

– Да, это правда. Потому что этот дом стал ему родным. Такое вот стечение обстоятельств, ирония судьбы...

Маргарет отрешенно глянула в окно и тяжело вздохнула, выпустив струйку дыма.

– Как бы то ни было, а завтра я отсюда уматываю на какое-то время. И все благодаря тебе, Стар. Честное слово, но ты привела в норму не только сам дом, но и всех его обитателей. Особенно Мышь.

– Ты явно преувеличиваешь, – промямлила я в ответ.

– Ты его просто раньше не видела. А сейчас он изменился, сильно изменился. Что вселяет в меня некоторую надежду на то, что в будущем может измениться и многое другое. Он даже предпринимает попытки наладить нормальные отношения с Рори, что уже само по себе чудо. Во всяком случае, для меня. Даже Орландо переменялся с твоим появлением в его жизни, Стар. Стал менее отрешенным от наших земных дел. Почти что развернулся лицом к реальной жизни. Я уже было задумывалась, а не гей ли он случайно. Впрочем, никогда не видела его в компании с кем-то другим, будь то мужчина или женщина. Думаю, он вообще равнодушен к сексу. А ты как считаешь?

– Считаю, что главная любовь всей его жизни – это книги. Книги – это все, что ему нужно, – ответила я, чувствуя при этом некоторую неловкость. Как-никак, а обсуждать сексуальную ориентацию своего шефа не совсем удобно.

– Да, наверное, ты права. Попала, как говорится, в самую точку, – улыбнулась Маргарет.

– Рори будет скучать по тебе. Он всегда скучает, когда ты уезжаешь, – перевела я разговор на менее щекотливую тему.

– Я тоже скучаю. Но есть и положительный момент в этих моих отлучках. Он легко привыкает ко всем новым людям, которые заботятся о нем. Вокруг него было столько всяких нянь. Потом я решила, что с нянями уже пора завязывать, и сама взяла на себя все заботы. А сейчас, если ты не возражаешь, с радостью вверяю его уже твоим заботам. – Она поднялась с места и загасила окурок сигареты в горшке со злополучным кактусом. – Между прочим, один намек тебе, Стар: замечательно находиться в состоянии влюбленности. Нет ничего лучше. Ведь любовь всех нас освещает особым светом изнутри. Спокойной ночи, Стар. – С этими словами Маргарет послала мне воздушный поцелуй и выпорхнула из кухни, оставив меня у раковины с руками в мыльной пене и легким головокружением.

Закончив прибираться на кухне, я побрела по коридору в сторону гостиной с чашкой горячего шоколада в руке, чувствуя, что мне позарез нужно пару минут, чтобы передохнуть и хотя бы восстановить ровное дыхание.

– Привет, – услышала я голос Мыши, едва усевшись в кресло.

– Привет.

– Завтра вызову водопроводчика. Пусть на месте посмотрит, в чем там дело. Но, боюсь, и он нам едва ли поможет. Скорее всего, крыша где-то протекает.

– Неприятная история, – ответила я, сосредоточенно разглядывая языки пламени в камине.

– Не возражаете, если я тоже присяду?

– Конечно, нет. Чашечку горячего шоколада?

– Нет, спасибо. Стар, я... я хочу поговорить с вами.

– О чем?

– О многом. Об очень многом. – Мышь уселся в кресло напротив меня. Судя по его лицу, чувствовал он себя неловко. Впрочем, как и я сама. – Кажется, прошла уже целая вечность с тех пор, как вы переступили порог книжного магазина Орландо, правда ведь?

– Да, и мне кажется, что все это было уже очень давно.

– Как у вас настроение после того, как отыскалась ваша мать?

– Отличное настроение. Спасибо, что взяли на себя хлопоты и съездили ради меня в Кембридж.

– Никаких хлопот, поверьте мне. Если честно, то я был даже рад снова вернуться туда, где когда-то был счастлив. Ведь именно в Кембридже я познакомился с Анни.

– Вот как?

– Да. А на сей раз я специально приехал в Кембридж за пару часов до начала лекции. Пошел в тот паб, где когда-то впервые заговорил с нею, пропустил кружечку пива.

– Наверное, от таких воспоминаний на душе становится легче, – робко высказала я свое предположение.

– Отнюдь! На самом деле все было ужасно. Я сидел за столом и все это время мысленно слушал голос своей покойной жены. А она выговаривала мне за мое гнусное поведение, за то, как недостойно я вел себя после ее смерти. Верх эгоизма и человеческой черствости! Я оказался очень жестоким человеком. Правда, Стар! Я плохой человек. Еще какой плохой!

– У вас было горе. Вот вы и очерствели немного душой. Но ничего плохого в вас я не нахожу.

– Зато я вижу. И вижу, как моя собственная черствость повлияла на тех, кто находится рядом со мной. Ведь я практически разрушил всю нашу семью. Без преувеличений! – воскликнул Мышь с яростью. – И вот в тот вечер, когда я повстречался с вашей матушкой, увидел своими глазами, как она сумела пронести любовь к вам, можно сказать, через всю свою жизнь, даже несмотря на то, что все эти годы считала вас умершей, а вся страшная правда открылась ей буквально несколько недель тому назад, я вдруг представил себе свою Анни. Сидит где-нибудь там, на Небесах, и смотрит сверху вниз на все те безобразия, что я творю здесь. Ей все видно оттуда: и что я сделал, и чего так и не смог сделать, – уточнил он на всякий случай. – И вот я стоял на мосту возле Кингз-Колледж и уже почти был готов сигануть оттуда прямо в реку. Ведь я и сам понимал, давно уже понимал, в какой хаос погрузил наш дом своим безответственным поведением. Но это, знаете ли, все равно что пьяница. Тот тоже понимает, что он горький пропойца, но продолжает пить, потому что, дескать, от выпивки ему становится легче. Вот и я вел себя аналогичным образом.

– Понимаю, – тихо обронила я. И я действительно все поняла.

– Тот вечер в Кембридже стал для меня поистине судьбоносным, – продолжил свой монолог Мышь. – Что-то внутри меня щелкнуло, и я вдруг понял, что пришло время похоронить прошлое и наконец навсегда попрощаться с Анни. И перестать упиваться жалостью к самому себе. Что проку лелеять память о ней и одновременно изводить тех, кто еще жив и кто рядом с тобой? Домой я вернулся с твердым намерением навести наконец порядок в собственной жизни.

– Отличное намерение! – воскликнула я одобрительно.

– И первая остановка на этом пути – это *вы, Стар*. Ведь стоя на мосту в Кембридже, я впервые признался сам себе, что у меня... что у меня есть к вам чувства. И это, не скрою, привело меня в полное замешательство. Ведь я был уверен, что уже никогда не смогу полюбить снова. Меня терзало чувство вины. Ведь последние семь лет моей жизни ушли на то, что я стал почти обожествлять свою покойную жену. И вдруг появляется женщина, рядом с которой мне хорошо, я чувствую себя счастливым. Как тут было не испугаться? А я смертельно всего боялся... Да и продолжаю бояться, чего там скрывать? Но при этом человек я безрассудный. И уж если люблю, если полюбил, то отдаюсь этому чувству целиком, без остатка. – Слабая улыбка тронула его губы. – Словом, Стар, как бы вы к этому ни относились, а я сейчас вынужден вам признаться: я люблю *вас*, люблю, и на этом точка. Вы красивая, причем вы красивы не только внешне, но и душой. Можно сказать, полная гармония души и тела.

– Вы заблуждаетесь, Мышь, уверяю вас, – перебила я его.

– Может быть, но я вас вижу такой, какой вижу. Хотя и понимаю умом, что у вас наверняка есть недостатки. Были они и у моей покойной жены. А как же иначе? Послушайте! – Он подался чуть вперед, чтобы взять меня за руки, и я неохотно уступила. Чувствовала, как бешено колотится сердце в моей груди. Кажется, вот-вот оно вырвется наружу. – Послушайте меня, Стар. Я и понятия не имею, какие чувства вы испытываете ко мне. Ваша всегда спокойная наружность... Поистине, вы непроницаемы. Вчера вечером я даже спросил о вас Орландо. Ведь он же лучше всех нас знает вас. Он сказал, что я вел себя по отношению к вам столь сумбурно и непоследовательно, метался между любовью, чувством вины за то, что полюбил вас, и прочее, и прочее, что вы, по его мнению, страшно

напуганы стилем моего общения. А потому едва ли вы станете думать о каких-то там чувствах ко мне, если они у вас вообще есть.

Обычно неразговорчивый и скупой на слова Мышь сегодня словно с цепи сорвался. Его несло вперед, без остановки.

– И вот я решил. Первое, что я сделаю на пути к собственному возрождению и очищению, – это поведу себя по-мужски и все скажу вам напрямую. Сам! Итак, я спрашиваю вас. Смею ли я надеяться, что в вас может вспыхнуть какое-то ответное чувство ко мне? Возможно ли такое в принципе?

А ведь у Мыши сейчас есть преимущество в сравнении со мной, подумала я. Ему хорошо. Он-то ведь уже прозрел, стоя на мосту в Кембридже. Успел разобраться в своих чувствах, реальных или мнимых, но это уже другой вопрос. Меня же он своим признанием застал врасплох.

– Я... я не знаю, – ответила я, запинаясь.

– Да уж. Едва ли ваш ответ тянет на строчку из «Ромео и Джульетты». Хорошо хоть, что не сказали мне сразу «нет». Что ж, – он отпустил мои руки, поднялся с кресла и принялся нервно прохаживаться по комнате, – тогда, прежде чем вы окончательно определитесь со своим отношением ко мне, у меня есть еще кое-что сказать вам. Кое-что ужасное, добавлю я. Потому что, если вы вдруг обнаружите в себе *какой-то проблеск чувств* ко мне, то, думаю, они тут же завянут, буквально на корню, после моего признания. Но я решил, что буду с вами честен, Стар, честен до конца. А потому, если у нас с вами есть хоть один шанс на миллион быть в будущем вместе, вы должны все знать.

– Что именно?

Мышь резко остановился и повернулся ко мне:

– Дело в том, что Анни была глуха.

Я взглянула на него с озадаченным видом. Ясное дело, он хотел, чтобы я уловила какую-то непонятную мне связь между его словами и еще чем-то. Но до меня никак не доходило, чего именно он хотел от меня.

– Иными словами, Рори – наш... То есть *он мой* сын.

– О боже! – прошептала я ошеломленно. И одновременно все, что оставалось мне непонятным в этом странном семействе, все вдруг мгновенно прояснилось и стало на свои места. Я молча уставилась на

камин. За моей спиной тяжело дышал Мышь. Вот он подошел к креслу и так же тяжело опустился на него.

– Когда Анни забеременела, мы, конечно, оба были очень счастливы. А потом первое УЗИ, и оно тут же выявило, что у нее раковая опухоль в яичниках. Само собой, ни о каком предметном лечении онкологии не могло быть и речи. Ведь это могло бы отрицательно сказаться на развитии плода. Словом, мы оба оказались перед ужасным выбором. Либо сохранить беременность и тем самым принять на себя все последствия того, что жена не смогла своевременно пройти курс химиотерапии, или же сделать аборт и приступить к лечению незамедлительно. Но Анни была оптимисткой. Разумеется, она выбрала первый вариант. Она знала, что независимо от того, останется ли она жить или умрет, это ее единственный шанс родить ребенка. Врачи сказали ей, что сразу же после появления на свет младенца ей будет необходима срочная операция по удалению яичников. Следите за ходом моей мысли, Стар?

– Да, внимательно слушаю вас.

– И вот Рори появился на свет, и почти сразу жене сделали операцию. Но время было упущено: раковые клетки уже распространились на печень и лимфоузлы. Анни умерла спустя два месяца.

У Мыши сорвался от волнения голос. На какое-то время он замолчал, потом, справившись с собой, продолжил:

– Когда у жены диагностировали рак, я с самого начала просил ее, умолял сделать аборт и немедленно приступить к лечению, чтобы воспользоваться наилучшим образом всеми шансами на выздоровление. Вы же знаете, как я обожал Анни. И вот, когда ее не стало, всякий раз при виде Рори я видел перед собой не невинного ребенка, а убийцу своей матери. Такова моя горькая правда, Стар. Я его возненавидел. Возненавидел за то, что он убил свою мать... любовь всей моей жизни. Ведь Анни была для меня всем.

Он снова запнулся и замолчал, не в силах продолжать. Я тоже сидела в кресле молча, затаив дыхание и боясь пошевелиться. То, что он рассказывал мне, было ужасно.

– Честно, – заговорил он снова, – я плохо помню, что было потом. У меня случился нервный срыв. Какое-то время я провалялся в больнице. На помощь пришла Маргарет, благослови ее Господь. У нее

не оставалось иного выбора, как забрать ребенка к себе в Хай-Уилд. Потом я кое-как выкарабкался, выпив тонны всяких лекарств. И Рори вернулся ко мне вместе с няней, которая за ним присматривала. Мой психотерапевт всячески поощрял меня к тому, чтобы я сблизился с малышом, полюбил его, установил с ним, так сказать, родственную связь. Но я не мог. Не мог, и все тут! Я не мог заставить себя даже взглянуть на него. А вскоре умер мой отец, и вся ситуация только усугубилась. В доме сменилась целая вереница нянь, которых откровенно пугало мое агрессивное поведение. И снова в дело вмешалась Маргарет. Она предложила забрать Рори к себе насовсем. К тому времени все мои близкие, видно, уже махнули на меня рукой. Для них я был совсем пропащим. Впрочем, таким я и был на самом деле. Я забросил свою архитектурную практику, довел до ручки ферму. Можно сказать, разорил и уничтожил ее полностью. А главное – доставил кучу проблем уже самой Маргарет. Ведь все последние пять лет у нее практически не было возможности заниматься своей работой или устраивать личную жизнь. А Рори... Представляете, он ведь до сих пор уверен, что я его дядя! Но самое страшное, он ничегошеньки не знает о своей матери. Я категорически запретил всем упоминать имя Анни в разговоре с ним. Но он так похож на нее... Анни ведь тоже была очень талантливым художником... Как мне смириться со всем этим? Смогу ли я когда-нибудь преодолеть себя?

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Мышь сел в кресло, обхватив голову руками. Он прерывисто и натужно дышал.

– Но вы уже попытались это сделать, – осторожно начала я. – Помните? Вы даже недавно приготовили ему брауни.

Мышь посмотрел на меня затравленным взглядом человека, не знающего, что ему делать. Потом вскинул обе руки вверх и ответил мне на языке жестов.

– Приготовил. И все благодаря вам.

Надо сказать, его язык жестов был безупречен.

Я сказала Мыши, что мне пора спать. События последних нескольких дней истощили меня сверх всякой меры. А тут еще присовокупились и его беды тоже. Я лежала в постели, закутавшись в одеяло и покрывала, словно в кокон, размышляя обо всем том, о чем только что поведал мне Мышь. Я понимала: прежде чем мое сердце решит, как ему реагировать на признание Мыши, мне следует проанализировать все факты.

Да, мое сочувствие к нему было огромным. Я искренне сопереживала его горю. Но мне также искренне было жаль Орландо, Маргарет и особенно Рори. Который, как говорится, попал под раздачу ни за что. Оказался без вины виноватым. Пострадал лишь за то, что появился на свет.

Но при всем том... мальчик счастлив. Невинная душа! Он не только любим, он и сам с радостью делится своей любовью со всеми окружающими. А свое собственное увечье воспринимает с той легкостью и непосредственностью, какая свойственна детям. *Как и я* когда-то восприняла все необычные обстоятельства своего детства. Да, отец относится к мальчику предвзято. Можно сказать, он не любит своего сына. Но рядом с Рори всегда есть люди, готовые восполнить и компенсировать ему эту нехватку родительской любви. Они, да и я сама, всегда подхватят мальчика на руки, если он вдруг оступится или упадет.

Что же касается любовного признания Мыши, то я решила пока не воспринимать его слова всерьез. Вполне возможно, очутившись снова в Кембридже, он и испытал нечто похожее на прозрение. Но нельзя сбрасывать со счетов годы одиночества, прожитые в горе. А тут чисто случайно рядом оказалась женщина. Так сказать, в шаговой доступности от него. И эта женщина – я. Вот он и вообразил себе невесть что. А у меня ведь были совсем другие функции: работать вместе с его братом, кормить его самого. И главное – заботиться о его сыне...

Впрочем, в подобной ситуации легко и ошибиться...

Да, именно так, размышляла я. *В этом вся причина.* А потому я не собираюсь открывать шлюзы в собственной душе и изливать ему свои чувства. Мышь и так переживает сейчас самый настоящий эмоциональный шторм. А потому не следует усиливать турбулентность его переживаний.

К тому же я ведь остаюсь здесь, рядом с ним, подумала я, закрывая глаза, чтобы погрузиться наконец в сон. *Но только ради Рори.*

* * *

На следующее утро Мышь появился в Хай-Уилд сразу же по моем возвращении домой после того, как я отвезла Рори в школу. Я обратила внимание на то, что на нем была та же одежда, что и вчера. Такое впечатление, что он не ложился спать.

– Привет, – коротко поздоровался он.

– Привет, – откликнулась я и пошла в кладовку за яйцами и беконом, чтобы приготовить завтрак Орландо. Мельком взглянула на него, уже направляясь к плите, и подумала, что сегодня у него еще более убитый вид, чем накануне. Не скрою, где-то в самой глубине души я не без злорадства подумала, что так ему и надо.

– Так вы подумали над тем, о чем я вчера сказал вам? – спросил он у меня.

– Подумала.

– И?..

– Мышь, прошу вас, не торопите события, ладно? В моей жизни и так за последние несколько дней произошло много чего. Мне нужно время.

– Конечно.

– И потом, речь ведь не обо мне... или о вас. В первую очередь меня волнует судьба Рори. Вашего сына.

– Понимаю. Я тоже много думал после вчерашнего. Вы правы. Как вы можете доверять мне, не говоря уже о любви и прочих чувствах, после того как я обращался с вами обоими самым чудовищным образом? Но... но вы хотя бы останетесь здесь?

– Да. Ведь Рори нуждается в постоянном уходе. К тому же не забывайте, у меня работа в книжном магазине.

– Хорошо. Тогда... – Мышь замолчал, конфузливо переминаясь с ноги на ногу. – Тогда я хотел бы попробовать, с вашей помощью конечно, наладить или хотя бы *попытаться наладить* отношения с сыном. Сейчас, пока деньги от продажи лондонского магазина не поступили на счет, мне и заняться-то особенно нечем. Вот я и подумал, что можно будет воспользоваться свободным временем для общения с Рори. Не думаю, что у меня получится все быстро, но хотя бы попробую для начала. Знаю, я тоже смогу стать лучше. Уверен в этом...

– Что ж, если так, то флаг вам в руки.

– Поверьте мне, Стар, я действительно хочу этого.

– Чему я только буду рада. Ибо это позволит решить некоторые мои проблемы. Если вы будете забирать Рори из школы, то я смогу более существенно помогать Орландо в его магазине. Буду задерживаться у него подольше, а потом привозить его домой к ужину. Там еще непочатый край работы. А все нужно успеть переделать прежде, чем открываться.

– Отлично! – моментально согласился Мышь. – Вот только, боюсь, повар из меня никудышный. Не уверен, что обеспечу вам достойный ужин.

– Я сама приготовлю ужин, когда вернусь. За вами купание...

– Да, помню. И еще сказка на ночь, – он улыбнулся немного смущенно.

– Доброе утро всем, – поздоровался с нами Орландо, входя на кухню. Посмотрел на нас с Мышью и сразу же уловил напряжение, витающее в воздухе. – Я вам не помешал?

– Вовсе нет, – поспешила я его успокоить. – Завтрак уже почти готов. Так вы забираете Рори ровно в половине четвертого. Договорились? – повернулась я к Мыши. А вот приглашения к завтраку он от меня сегодня точно не дождется. Пусть даже и не надеется, подумала я злобно.

– Хорошо. Тогда я пошел, – заторопился Мышь к выходу.

Орландо с озадаченным видом склонил голову набок и глянул на меня, явно не понимая, что происходит.

– Мышь мне вчера вечером все рассказал. О том, что Рори – его сын.

– Ах, вот как? Что ж, это большой шаг вперед. Тем более что до недавнего времени он и сам отказывался признавать это. Вы сотворили с ним чудо, мисс Стар. Самое настоящее чудо.

– Ничего я с ним не сотворяла, Орландо, – огрызнулась я, поставив перед ним тарелку с яичницей и беконом.

– Тогда я должен сказать, что *любовь* поистине творит чудеса. Впрочем, я это предвидел с самого начала, с того самого момента, как он увидел вас впервые и тут же заинтересовался вами. А потом...

– Хватит, Орландо! – перебила я его.

– Прошу прощения. Но, мисс Стар, дайте ему хотя бы шанс искупить свою вину за неподобающее обращение с вами. Кто знает, может, со временем он вам и понравится.

– Меня гораздо более волнует, чтобы он в максимально короткие сроки понравился Рори, – всплыла я в ответ и с громким стуком опустила сковородку в раковину, чтобы вымыть ее.

– Могу ли я расценивать вашу реакцию на мои слова как доказательство того, что и в вашей душе затеплился наконец огонек любви? А почему бы и нет? Получается, что дела сердечные заставили измениться не только Мышь.

– Орландо!

– Все! Молчу-молчу... Разве что скажу лишь еще одну вещь. Если грешник в чем-то кается и просит простить его, то, по-моему, мы должны это сделать, если считаем себя настоящими христианами. В конце концов, прощать – это наш долг. Вот я, скажем, так и поступил. Мой брат в целом очень приличный человек. Если бы не смерть Анни...

– *С меня хватит!* – рявкнула я, отворачиваясь от раковины с мокрой сковородкой в руке.

Орландо тут же шутливо прикрыл голову руками.

– Больше ни слова... Обещаю... И на устах моих печать... Пусть Мышь сам разбирается со своими проблемами.

– Именно так! – согласилась я с ним язвительным тоном. – Его проблемы, ему их и решать.

В последующие несколько дней Мышь исправно выполнял все наши договоренности.

Утром отвозил Рори в школу, во второй половине дня забирал его. Они приезжали домой на пару часов раньше меня. По пути покупали те продукты, которые значились в составленном мною списке. Списки я составляла каждое утро.

А вечером я привозила Орландо из Тентердена и начинала готовить ужин на нас четверых, попутно наблюдая за тем, как Мышь пытается наверстать упущенные годы, погружаясь в прошлую жизнь сына. После ужина он обычно купал Рори, а потом читал ему сказку на ночь. При этом сам Рори был в полном изумлении от того, как внезапно в Мыши открылся вдруг новый талант и он поразительно быстро научился разговаривать на языке жестов.

– У него получается лучше, чем даже у тебя, Стар. Он очень способный ученик, правда? Так быстро всему научился.

– Просто ему этого очень захотелось, потому что он тебя любит, – ответила я, целуя мальчика на прощание.

– И я его люблю. Спокойной ночи, Стар. И пусть тебя не покусает никакие блохи.

Я направилась к дверям, чтобы выключить свет. Получается, что все эти годы Мышь отлично владел языком жестов, подумала я, но тщательно скрывал свои умения. Ведь в свое время он выучил язык специально для того, чтобы лучше общаться с Анни. Остается лишь надеяться на то, что когда-нибудь, со временем, Рори тоже узнает про свою мать, которая любила его так сильно, что пожертвовала своей жизнью ради него.

* * *

В четверг Мышь сообщил мне, что звонила Маргарет, пока я отсутствовала дома, помогая Орландо в его магазине.

– Она сказала, что задержится во Франции, скорее всего, до начала декабря и постарается вернуться к тому моменту, как мы будем открывать магазин. Я сказал ей, что на выходных сам присмотрю за Рори. Вам ведь нужно съездить в Лондон, как я понимаю?

– О да, очень нужно, – согласно кивнула я головой.

Очень важно, подумала я про себя, чтобы Мышь проводил как можно больше времени с сыном без участия посторонних.

– Хорошо. Тогда завтра вечером я подброшу вас до станции, когда вы вернетесь из книжного магазина.

– Спасибо. Кстати, вы с Рори тоже могли бы помочь Орландо на выходных. Он хочет в это воскресенье перебраться уже в свою квартиру, которая на втором этаже магазина.

– Обязательно поможем. А пока спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

* * *

Вечером, сойдя с поезда и усевшись в автобус до Баттерси, я увидела, что лондонские улицы уже утопают в рождественской иллюминации. И впервые задумалась над тем, а где же *лично я* буду встречать нынешнее Рождество. Сама мысль о том, что это может быть стерильно чистая, но совершенно безликая квартира Сиси, приводила в ужас. Я сразу же вспомнила все те великолепные рождественские праздники, которые обычно устраивались в Атлантисе. Или потом, уже странствуя по всему свету, как мы с сестрой отмечали Рождество где-нибудь на другом конце света, на берегу залива, при луне...

А как было бы здорово встретить Рождество в Хай-Уилд...

Но я тут же постаралась загнать эту внезапно появившуюся крамольную идею как можно глубже, в самые дальние закоулки своей души. В равной степени даже самой себе я боялась признаться в том, что когда смотрела на Мышь, держащего на коленях Рори и что-то терпеливо ему втолковывающего или читающего сыну книгу, то да... в эту минуту я невольно *чувствовала* к нему нечто похожее на приязнь. Или даже больше! Однако слишком рано... Слишком уж быстро все происходит. В любом случае еще не время открывать ему свою душу. Да я и сама боюсь всего того, что там откроется.

Мое возвращение Сиси встретила с восторгом. Мы тут же договорились провести вместе выходные.

– Мне нужно обязательно сходить подстричься, – тут же объявила она. – А то уже совсем обросла.

Я взглянула на Сиси и вспомнила ее маленькой девочкой с водопадом темно-каштановых кудрей, рассыпавшихся по плечам. Это было так красиво. А потом, когда ей исполнилось шестнадцать, она в один прекрасный день явилась домой с мальчишеской стрижкой, безжалостно уничтожив все свое богатство. Слишком много возни с этими кудрями, равнодушно пояснила она нам.

– А может, не надо стричься, Си? – осторожно предложила я, подумав, какая она сейчас хорошенькая в ореоле этих пушистых кудряшек, обрамляющих ее милое кареглазое личико. – Длинные волосы тебе к лицу.

– О'кей, – неожиданно легко согласилась со мной сестра. – Но мне еще нужно купить пару теплых вещей. А ты же знаешь, как я ненавижу ходить по магазинам.

– Я охотно прогуляюсь с тобой. Немного развлекусь.

На следующее утро мы направились напрямик на Оксфорд-стрит, главную торговую улицу в Лондоне, чтобы потолкаться в магазинах наравне с другими покупателями, ринувшимися к прилавкам за рождественскими подарками для своих близких. Я тоже раскошелилась и купила себе вечернее платье для предстоящего присутствия на концерте Алли. И даже уговорила Сиси купить себе красивую шелковую блузку в комплекте с облегающими брючками стального цвета, а к ним ботильоны на высоких каблуках.

– Нет, это точно не мой стиль, – сокрушенно вздыхала Сиси, разглядывая себя в зеркале примерочной.

– Однако выглядишь ты на все сто! Потрясающе! – воскликнула я, ни капельки не покривив душой, с восхищением разглядывая ее хрупкую фигурку. За последние несколько недель Сиси изрядно похудела, но раньше мне это как-то не бросалось в глаза. Возможно, потому, что она обычно ходит в просторных свитерах и мешковатых джинсах. К тому же в последнее время я так редко бываю дома.

В воскресенье я приготовила на обед традиционный ростбиф и, набравшись духу, наконец рассказала сестре о своей встрече с матерью.

– Боже мой, Сия! – воскликнула изумленная Сиси. – Но почему же ты раньше ни словом не обмолвилась о своих поисках?

Она бросила на меня немного обиженный взгляд.

– Сама не знаю, почему, – призналась я. – Возможно, потому, что хотела сначала привыкнуть к мысли о том, что у меня есть мать, прежде чем посвящать в эту новость других.

– Но я же тебе не какая-то «другая»! – тут же возразила мне сестра. – Мы ведь с тобой всю жизнь делились друг с другом самым сокровенным. Разве не так?

– Все так. Но поначалу, Си, это казалось мне таким необычным, таким странным, – попыталась я как-то объяснить свое поведение. – Впрочем, Сильвия оказалась очень милым человеком. Она приглашает меня погостить у них в Штатах. Кстати, только сегодня утром я получила от нее письмо по электронной почте с приглашением на Рождество и на Новый год.

– Но ты же не собираешься туда ехать прямо сейчас? – воскликнула Сиси в ужасе от такой перспективы. – Ты и так отсутствовала дома целую неделю. А тут Рождество! Мы еще ни разу не встречали его врозь. Что я здесь стану делать одна, без тебя?

– Конечно, Рождество мы будем встречать вместе, – поспешила я заверить сестру.

– Вот и хорошо, – сразу же успокоилась Сиси. – Кстати, у меня тоже есть кое-какие новости. Я собираюсь бросить учебу в Академии искусств.

– Си! Но почему?

– Потому что мне там не нравится. Видно, я не принадлежу к тем людям, которые могут учиться в коллективе и подчиняться определенным требованиям. Ведь столько лет я была свободна в своем творчестве. Никто и ничто не сковывало меня.

– И что же ты собираешься делать потом?

– Наверное, попытаю свои силы на стезе профессионального живописца, – бросила она в ответ неопределенным тоном. – Ладно, хватит обо мне. Я так рада за тебя, честно! Надо же... Ты отыскала свою мать. А сейчас я могу рассказать тебе о...

Я мельком взглянула на часы. Четвертый час.

– Прости, Сиси, – оборвала я ее на полуслове. – Но мне надо торопиться. Иначе опоздаю на поезд. Поговорим обо всем, когда я приеду в следующий раз, ладно?

– Хорошо.

Сиси мрачно проследила за тем, как я побежала наверх за вещами. Наспех побросав все необходимое в дорожную сумку, я спустилась вниз. Сиси что-то рисовала у себя в студии.

– Все, до свидания, – попрощалась я, запыхавшись, и устремилась к выходу. – Я сообщу тебе потом, смогу ли вырваться в Лондон на следующие выходные. Хорошей тебе недели, Сиси.

– И тебе тоже, – услышала я ее приглушенный голос.

* * *

В Кенте я с головой ушла в работу. Через две недели Орlando планировал открыть магазин и устроить по этому поводу «грандиозное представление». В преддверии этого судьбоносного события он собрал некое подобие пресс-конференции. Стоя на крыльце в своем самом лучшем бархатном костюме в окружении репортеров местных газет, которые непрестанно щелкали его фотообъективами и наперебой договаривались об интервью, Орlando был неотразим. Я стояла в сторонке и с гордостью наблюдала за всем происходящим. Я была страшно рада за Орlando.

Между тем жизнь в Хай-Уилд текла своим чередом. Я видела, как Мышь и Рори стали постепенно раскрепощаться, общаясь друг с другом. Старалась не мешать и не лезть в их отношения, если порой Мышь выходил из себя и даже начинал распекать сына за какие-то провинности. Что вполне естественно для любого отца. Хотя ему еще только предстояло узнать, что естественно во взаимоотношениях с собственным ребенком.

Поскольку наше «грандиозное представление» Орlando приурочил к субботе, то я самым трусливым образом решила вместо пространных телефонных разговоров с сестрой отделаться эсэмэской, которую отправила Сиси прямо из Тентердена, объяснив, почему не смогу приехать в Лондон на эти выходные. В ответ тоже получила кратенькую эсэмэску.

Отлично. Позвони мне! Надо поговорить.

Я постаралась сделать вид, что ничего страшного не случилось, решив, что не дам Сиси разжалобить себя или почувствовать виноватой. В каком-то смысле наши с ней отношения были похожи на любовный роман, который, рано или поздно, должен закончиться. Начиналось все легко и просто, а вот расставание, судя по всему, будет болезненным. Но даже если бы я и навсегда уехала из Хай-Уилд, все равно пришла пора ставить точку в наших с ней отношениях. Я уже просто физически не могла вернуться туда, откуда фактически сбежала. Да и Сиси тоже пора привыкать к самостоятельной жизни и двигаться вперед уже одной. Надеюсь, со временем мы найдем какой-то иной способ общения друг с другом, более естественный, что ли.

Мышь с пониманием отнесся к моей просьбе не гнать лошадей и дать мне время обдумать его предложение. Каждый вечер, уложив Рори в кровать, он спускался вниз, на кухню, для того чтобы помахать мне рукой и бросить короткое «до завтра». После того как Орландо перебрался в Тентерден, в свою крохотную квартирку над торговым залом магазина, длинные вечера стали казаться мне особенно бесконечными и одинокими. Я даже подумала, что начинаю понимать, как никто, свою сестру, тоже страдающую от одиночества.

Однако ничего не поделаешь. Надо привыкать. Иногда у меня вертелось на кончике языка предложить Мыши задержаться у нас подольше, посидеть за кружечкой пива, но я ни разу не рискнула высказать свое приглашение вслух. Мышь уходил к себе на ферму, а я устраивалась возле камина в гостиной и заново перечитывала дневники Флоры, прикидывая мысленно, *получится ли у меня* преобразовать подробнейшие описания повседневной жизни, все события которой она скрупулезно фиксировала на протяжении многих лет, в книгу, которую люди захотели бы прочитать. Однако сама я читала рассеянно, потому что все время уносила мыслями на Домашнюю ферму. Интересно, что сейчас делает Мышь? О чем он думает? Чем занимается?

Мужчина с искалеченной душой, на долю которого выпало столько горя и страданий, тот самый, кто признался мне в любви.

Вопрос, люблю ли я его?

Возможно.

Но у *меня* есть один секрет, о котором он даже не подозревает. Сама мысль о том, что мне придется признаться ему в этом, или кому-

то еще, пугала. Я пока еще не была готова к такому признанию.

* * *

– Все готово? – спросил у меня Орландо. Он снова был неотразим. Облачился в недавно приобретенный винтажный сюртук по моде Эдвардианской эпохи, туго накрахмаленный воротничок рубашки, старинный галстук темно-бордового цвета.

– Да, – ответила я.

– Тогда начинаем, – сказал он.

И мы оба одновременно осмотрели безукоризненно-чистый торговый зал. Везде царил идеальный порядок. Я пошла следом за ним к дверям. Хоть бы народ какой-то собрался, взмолилась я мысленно. Нужно же, чтобы Орландо перерезал красную ленточку на входе, которую он заставил меня нацепить сегодня с самого утра в присутствии пусть малочисленной, но все же публики.

Он распахнул входную дверь, и я тут же увидела Мышь, Рори, Маргарет, рядом с ней стояла какая-то миниатюрная блондинка, новое лицо, мне пока незнакомое. За ними толпились зеваки из числа прохожих. Тех настолько впечатлил наряд Орландо, что они на время даже отставили в сторону свои сумки с купленными продуктами.

– Леди и джентльмены! Рад объявить об открытии книжного магазина «Орландо Форбс, эсквайр – Раритетные книги». А сейчас передаю ножницы директору моего магазина, без чьей неоценимой помощи я бы не стоял здесь перед вами. Берите же ножницы! – цыкнул он на меня вполголоса и буквально ткнул ими мне в живот.

– Нет, Орландо. Это должны сделать вы.

– Прошу вас, мисс Стар, не упрямытесь. Вы же для меня тот человек, на котором все держится. А потому я хочу, чтобы именно вы перерезали эту ленточку.

– О'кей! – согласилась я со вздохом.

Под радостные крики и аплодисменты всех членов нашей семьи, к которым присоединились и остальные зрители, я перерезала ленточку. А потом народ шумной гурьбой повалил в магазин. Тут же мгновенно возник фотограф, запечатлевший нас с бокалами шампанского.

– Здравствуй, Стар! – расцеловала меня в обе щеки Маргарет. – Хочу познакомить тебя с Элен. Она хозяйка того замка, в котором я сейчас тружусь. И вообще, она для меня – все. – Маргарет бросила влюбленный взгляд на Элен, сжимая ее руку в своей.

– Рада быть вместе с вами сегодня, – не очень уверенно проговорила Элен на английском, немного запинаясь.

– Стар отлично владеет французским, – тут же пришла ей на помощь Маргарет. – Еще одно из ее достоинств, каких у нее тьма.

Мы с Элен мило поболтали какое-то время о ее замке, расположенном в самом центре благословенного края – долине реки Рона, возле деревушки Жигондас. Попутно Элен сообщила мне о том, какие великолепные росписи создала Маргарет и вообще какая она сама замечательная и необыкновенная.

– Маргарет сказала мне, что именно благодаря вам мы с ней можем проводить больше времени вместе, – добавила она попутно. – Спасибо вам, Стар.

– Привет, – послышался знакомый голос за спиной.

– Привет. – Я повернулась к Мыши, и он запечатлел дежурные поцелуи на обеих моих щеках. Рядом с ним стоял Рори.

– Ну, как тебе новый магазин Орландо? – спросила я у мальчика.

– Я уже нарисовал его на своей картине в подарок Орландо.

– А я изготавил для картины рамочку. Правда, красиво получилось? – сказал Мышь, наблюдая за тем, как Рори передает картину мне в ожидании уже моей порции восхищений.

Акварельный рисунок фасада книжного магазина действительно был очень неплох.

– Молодец, Рори! – изобразила я жестами свой восторг. – Просто фантастически! Он такой талантливый, – обратилась я уже к Мыши.

– Правда?

Я почувствовала нескрываемую гордость в его голосе. И почему-то у меня перехватило горло и захотелось плакать.

– Послушайте, Стар, – Мышь наклонился и прошептал мне на ухо: – Можно мне увести вас из дома сегодня вечером? Думаю, остальные обитатели Хай-Уилд сумеют обойтись без вас хоть какое-то время.

– Можно, – согласилась я не задумываясь.

Наверное, это мне просто шампанское ударило в голову, вот я и ответила согласием, даже не подумав, корила я сама себя некоторое время спустя, роясь в своем скромном гардеробе и прикидывая, во что мне облачиться к ужину. Выбор действительно был негуст: пара свитеров и две пары джинсов. Влезла в свой голубой свитер и поспешила на кухню, где обитатели дома продолжали бурно праздновать открытие книжного магазина.

– Только что звонил Мышь. Сказал, что через пару минут подъедет за вами, – тотчас же сообщил мне Орландо.

– Спасибо, – ответила я. В нос ударил запах подгоревших колбасок. Я тут же бросилась к плите, чтобы снять сковороду с огня. В эту минуту на улице просигналила машина.

– Желаю хорошо провести вечер! – хитровато улыбнулась мне Маргарет, сидя в обнимку с Элен. Рори удобно устроился у нее на коленях и с удовольствием уплетал за обе щеки смартис, то и дело извлекая из банки разноцветные глазированные шоколадные конфетки. – И чтобы до утра и носа сюда не казалась! – добавила она под веселый смех всех остальных.

Краска ударила мне в лицо, я поспешила в холл. Открыла входную дверь, чувствуя себя жертвенным ягненком, которого ведут на заклание.

– Привет, – снова поздоровался со мной Мышь и снова расцеловал меня в обе щеки, помогая сесть в машину. Он побрился, и на какое-то короткое мгновение его гладкая щека соприкоснулась с моей.

– Ну что, в путь?

– Да. Куда едем?

– В наш местный паб. Устраивает? У них отличная кухня, кстати.

Паб под названием «Белый лев» был забит народом до отказа. Как говорится, яблоку было негде упасть. Отовсюду слышался веселый смех. В камине жарко полыхал огонь. Языки пламени освещали низкие балки потолка. Мышь заказал себе пиво, а мне бокал белого вина, потом взял со стойки бара два комплекта меню и повел меня к столику в тихом уголке, несколько в стороне от главной стойки бара.

– Спасибо, что согласились поужинать в моей компании. Ценю ваш жест, – сказал мне Мышь. – Но думаю, нам пора обсудить и все

остальное тоже.

– Что именно?

– Начнем с того, что Маргарет намеревается перебраться во Францию и поселиться там вместе с Элен. Хочет жить там постоянно.

А... так впереди у нас деловой разговор, а не любовное свидание, подумала я разочарованно.

– И что вы ей сказали?

– Ответил, что лично я не возражаю. В конце концов, Рори – мой сын. Так что пора мне взваливать на себя всю ответственность за его дальнейшее воспитание. Ведь со временем он унаследует титул, который перешел ко мне после смерти дяди. Маргарет была у них единственным ребенком. По иронии судьбы, и Хай-Уилд я тоже должен буду унаследовать, если, к примеру, Маргарет умрет раньше меня. Ей ведь уже сорок три года, и вряд ли она обзаведется своим потомством. То есть в итоге все это тоже достанется Рори.

– Так получается, что к вам надо обращаться: лорд Воган? – невольно улыбнулась я.

– Официально, да. Хотя, конечно же, в повседневной жизни я предпочитаю обходиться без титулов. Впрочем, в здешних местах забыть об этом не просто. Слишком много напоминаний вокруг. – Слабая улыбка тронула его губы, он взглянул на народ, столпившийся возле стойки бара. – Словом, если в двух словах, то Маргарет предложила мне махнутья нашими домами. С учетом того, что она собирается проводить здесь минимальное количество времени, а также в свете того, что Хай-Уилд как бы изначально стал родным домом Рори и таковым он останется и в будущем, она считает, что так будет только справедливо. Сама она с удовольствием переберется на Домашнюю ферму, а располагая теми деньгами, что мы выручили за продажу магазина в Кенсингтоне, да если мы еще и продадим сельскохозяйственные угодья вокруг самой фермы, то средств должно хватить на то, чтобы привести в относительно божеский вид оба наши дома. Да и я уже порядком устал «кататься на тракторе», как Рори называет это мое занятие. Скажу еще также, что мы с Орландо договорились, что отныне он является единоличным владельцем нового магазина и всего книжного фонда. Ну, и что скажете на мои новости?

– Скажу, что Рори любит Хай-Уилд, а потому о лучшем варианте для него и говорить не приходится.

– Но как представляю, что мне предстоит, если я займусь ремонтом дома... Там же пропасть работы. А может, лучше продать имение и купить себе что-нибудь более подходящее?

– Нет! – поспешила возразить я. – То есть вы, конечно, можете продать Хай-Уилд, но, как мне кажется, делать этого не стоит. Ведь это же ваш фамильный дом. Вся ваша семья так или иначе связана с ним.

– Вопрос, Стар, в другом. А вы сами... как на все это смотрите?

– Но вы же не хуже меня знаете, как я люблю этот дом...

– Нет, я совсем не это имел в виду. Не сочтите меня чересчур навязчивым, но последние три недели стали для меня самой настоящей пыткой. Видеть вас изо дня в день в Хай-Уилд, совсем рядом, так близко, и одновременно так далеко... Это сводит меня с ума. Вот я и привел вас сегодня сюда, в этот паб, чтобы спросить напрямую. Так что же вы решили... относительно *нас обоих*? Я готов принять любой ваш ответ. Если вы не захотите связать свою жизнь со мной, воля ваша. Но только в *этом случае* прошу вас перебраться куда-нибудь в Тентерден и жить там. Нет, я вам не угрожаю, что вы! – добавил он торопливо. – Хотя в каком-то смысле мои слова, да! – они звучат как ультиматум. – Мышь нервно взъерошил волосы. – Поймите меня правильно, Стар. Видеть вас изо дня в день в доме... Я лишь сильнее погружаюсь в пучину своих чувств к вам. Да и Рори тоже привязывается к вам все больше и больше. Так что, и ради его блага такое решение будет вполне справедливым, как мне кажется. Еще одной потери я просто не перенесу.

– Понимаю.

– И? – Мышь в упор посмотрел на меня.

Ну же, будь храброй, Стар! Скажи ДА...

– Не знаю, – услышала я собственный голос.

– Что ж, тогда... – Мышь уставился куда-то в пространство. – Тогда на этом можно ставить точку. Все уже сказано.

Ничего не сказано! Ничегошеньки... Разве что ясно одно – я боюсь открыто говорить о своих чувствах. Я не доверяю тебе... и себе тоже.

– Мне очень жаль, что все так вышло, – заговорила я почти мелодраматическим тоном.

– Все нормально, – коротко бросил он и осушил до дна свою кружку пива. – Ну раз больше нам говорить не о чем, тогда, быть может, я отвезу вас домой?

Я молча проследовала за Мышью к выходу. Мы оба совершенно забыли о том, что собирались сделать заказ и поужинать здесь. Собственно, и в самом пабе мы пробыли не более двадцати минут. И вот я снова сижу в «лендровере» и чувствую себя совершенно убитой. Всю обратную дорогу мы молчали. Мышь лихо свернул на подъездную дорогу к дому и резко затормозил перед парадной дверью.

– Спасибо за угощение, – промямлила я и уже открыла дверцу, чтобы выйти, но в эту минуту он крепко схватил меня за руку.

– Стар, чего вы так боитесь? Прошу вас, не уходите... Поговорите со мной, ради всех святых! Скажите же мне наконец, что вы чувствуете на самом деле.

Сейчас меня разорвет надвое, подумала я, причем и в прямом, и в переносном смысле этого слова, потому что внутри меня бушевали абсолютно противоположные страсти. Я уже открыла рот, чтобы ответить, но из него не вырвалось ни единого слова. Все они оказались запечатанными где-то в самых дальних глубинах моего естества. Впрочем, как всегда.

Мышь издал протяжный вздох, похожий на стон.

– Вот! Возьмите. Думал, вам это должно понравиться. – Он сунул мне в руку конверт. – Если передумаете... Если же нет... тогда спасибо за все. До свидания.

– До свидания.

Я громко хлопнула дверцей и торопливо зашагала к крыльцу, намеренно не оглядываясь.

Мне было слышно, как Мышь развернул машину и стремительно покатил прочь. Я тихонько открыла парадную дверь, стараясь не шуметь. Из кухни доносился громкий смех. Я прямиком пошла наверх, чувствуя некоторую неловкость от перспективы снова оказаться в веселой компании домочадцев. И как им объяснить мое столь скорое возвращение домой? Направилась в детскую, чтобы удостовериться, что с Рори все в порядке и он уже в постели. Нежно поцеловала его в щеку. Ребенок тотчас же пошевелился и открыл глаза.

– Ты уже вернулась. Ну как? Хорошо провела время с Мышью?

– Да, все было хорошо. Спасибо.

– Стар.
– Да, милый?
– Вы с ним поженитесь, да? – Рори мимикой изобразил, как взрослые целуются, и тут же улыбнулся во весь рот. – Пожалуйста!
– Мы тебя оба любим, Рори.
– Стар.
– Что?
– Маг на меня рассердилась за то, что я разбил телефон. Сказала, раз Мышь мой отец, он и должен платить за него. Он и правда мой отец?
– Я... Знаешь, тебе лучше спросить у него самого, Рори. А пока постарайся заснуть, ладно? – Я снова поцеловала мальчика.
– Хорошо бы, если бы он был моим папой, – прошептал малыш полусонным голосом. – А ты тогда могла бы быть моей мамой.
Я на цыпочках вышла из детской, поражаясь великому дару всепрощения, которым обладают маленькие дети. Они так легко прощают все обиды, и все для них так просто и понятно. Я пошла к себе и сразу же залезла под одеяло, даже не потрудившись снять с себя джинсы и свитер. Потому что в комнате стоял зверский холод. Но я все же вскрыла конверт, который дал мне Мышь.

Дорогая Стар.

Хочу увезти Вас на следующие выходные подальше от Хай-Уилд. У меня появилась одна дельная мысль. Думаю, нам надо провести какое-то время наедине друг с другом и чтобы никого вокруг и никаких дел, которых полно здесь. Чтобы никто нас не дергал и не отвлекал. Как Вам мой план? Дайте мне знать? Э.

P. S. Прошу прощения, что обращаюсь к Вам в письменной форме. Написал на тот случай, если у меня не хватит смелости спросить у Вас об этом напрямую в пабе.

* * *

Утром я проснулась и тут же невольно вздрогнула, вспомнив все события вчерашнего вечера. Наверное, подумала я, натягивая на себя сверху еще и второй свитер в тщетной попытке хоть немного

согреться, мне надо прямо сейчас же сбегать к нему на ферму и сказать: «Да».

Смелее, Стар! Так и сделай...

Я кое-как оделась и поспешила вниз. На кухне было пусто. В раковине громоздились горы грязной посуды. На столе стояли бокалы и несметное количество бутылок из-под вина. Но пока не до уборки! Я решительно направилась к черному входу, зная, что нужно действовать без промедления, иначе я снова струшу и ничего не скажу Мыши. И в эту минуту взгляд мой упал на записку, валявшуюся посреди стола.

Стар! Вчера вечером тебе звонила твоя сестра. Пожалуйста, перезвони ей. Она сказала, что это срочно!!! Р. S. Надеюсь, ты хорошо провела время. М.

Черт!

Все мысли о возможной поездке куда-то в обществе Мыши тут же вылетели из моей головы.

Я ринулась к стационарному телефону, сняла трубку и дрожащей рукой набрала наш домашний номер. На другом конце провода слышались бесконечные гудки, но никто так и не снял трубку. Тогда я перезвонила на мобильник Сиси. Включился речевой ящик.

Я положила трубку на рычаг. Наверное, она просто отключила мобильник, стала я успокаивать себя. Или не услышала, как звонит городской телефон. Слабое утешение! Особенно если вспомнить, какой у Сиси острый слух. Она ведь с легкостью улавливает малейший шорох на расстоянии в целую милю. Я снова попыталась дозвониться ей и по стационарному телефону, и по мобильному. И опять безрезультатно.

Бросилась к себе наверх и стала искать в вещах свой мобильник. Вдруг повезет и он поймает сигнал связи? Тогда я хотя бы смогу прочитать эсэмэски, если сестра отправляла их мне. Но, конечно, телефон мой и не подумал включиться. Побросав вещи в дорожную сумку, я побежала вниз и вызвала такси с просьбой немедленно доставить меня на вокзал.

И лишь только когда я села в поезд, мобильник заработал и я смогла прочитать целую кучу эсэмэсок, которые пришли на мой телефон накануне. При каждом новом включении он громко

позвякивал, явно нервируя других пассажиров, бросавших на меня откровенно раздраженные взгляды.

«Стар, это Сиси. Пожалуйста, перезвони мне».

«Стар, ты у себя?»

«Мне сказали, что тебя сейчас нет дома. Мне нужно срочно поговорить с тобой... Пожалуйста, перезвони мне».

«В худшем случае...»

«ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗВОНИ!»

Черт! Черт! Черт!

А тут еще этот поезд плетется как черепаха. Хоть бы скорее он приехал в Лондон. Слезы навернулись мне на глаза при мысли о том, какой черствой эгоисткой я оказалась. Ведь все последние недели я думала исключительно о себе и только о себе. По сути, бросила сестру на произвол судьбы. По-другому и не скажешь. И это в тот самый момент, когда она так отчаянно нуждалась во мне. А меня рядом не было. *Ну и что я за человек после этого?* – вопрошала я сама себя с отчаянием.

Открывая входную дверь в квартиру, я услышала, как глухо барабанит сердце в моей груди. В гостиной пусто. На кухне тоже никого нет. В квартире царит довольно необычный порядок. Все чисто и на своих местах. Я побежала в спальню. Но и там не нашла Сиси. И снова нетипичная мелочь бросилась в глаза. Ее кровать стоит прибранной. Такое впечатление, что на ней уже несколько дней никто не спал.

Потом я проверила ванную комнату, вторую спальню, залезла в гардеробную, прошерстила немногочисленные наряды Сиси. Кажется, чего-то не хватает. Но чего конкретно, затрудняюсь сказать. Снова побежала вниз, на всякий случай проверила и террасу тоже.

И только потом заметила записку, лежавшую на журнальном столике.

– Боже! пожалуйста, пожалуйста, *пожалуйста!* – взмолилась я, беря записку трясущимися от страха руками. Безвольно опустилась на диван и быстро пробежала глазами. Слава богу! Речь не идет о самоубийстве. Перевела облегченный вздох и стала читать записку заново, уже более медленно.

Сия!

Я звонила тебе туда, где ты сейчас обитаешь, но мне сказали, что ты отсутствуешь. Наверное, ты не получила ни одной из моих эсэмэсок. Мне хотелось поговорить с тобой, потому что я решила бросить Академию. Хотела узнать твое мнение. Но в любом случае все уже свершилось, и я бросила учебу. Как-то все бестолково получается у нас после смерти папы. Ты не находишь? Понимаю, тебе уже нужно начинать жить своей жизнью. Да, наверное, и мне тоже пора. Но мне так одиноко в этой квартире без тебя. Я очень по тебе скучаю. Вот я и решила, что мне нужно уехать на какое-то время, побыть одной и все обдумать как следует. А тебе я желаю всего самого наилучшего. Честное слово! Будь счастлива, Сия. Очень надеюсь, что мы обе сможем быть счастливы.

Не волнуйся за меня. Со мной все будет в полном порядке.

Люблю тебя.

Си.

Р. С. Пожалуйста, передай Алли, что, к большому сожалению, я не смогу поехать в Норвегию, чтобы присутствовать на ее концерте. Я внесла твою камелию обратно в дом. По-моему, на террасе ей уже холодно.

Я читала записку, и слезы капали из моих глаз прямо на бумагу. Текст изобиловал кучей грамматических и лексических ошибок. Но я-то знала, с каким трудом Сиси, с ее врожденной дислексией, дается каждая фраза. Да что там фраза! Каждое слово и буква в нем. В сущности, это было первое развернутое письмо, которое она написала мне за всю свою жизнь. Впрочем, ранее у нее просто *не было необходимости* обращаться ко мне с письмами. Я ведь всегда была рядом с ней. Я заглянула в студию. Моя камелия стояла на одном из окон. Один цветок уже увял и упал на пол. Его нежные белые лепестки пожелтели по краям, знаменуя начало распада. Вот и вазон, он ведь тоже стал жертвой моего невнимания к нему. Представляю себе, как же страдала и переживала его спасительница, перетаскивая горшок в дом. И какие чувства ее обуревали, когда она писала мне свое письмо. В эту минуту я готова была возненавидеть себя еще больше.

Я немедленно отправила очередную эсэмэску, присовокупив ее к тем бесчисленным паническим обращениям, которые уже отослала Сиси чуть ранее. Ответа не последовало. И вот я сижу одна в пустой

квартире и молча глазею на реку. Можно только представить себе, каково было Сиси одной коротать ночи в этом безмолвном пространстве. А я в это время с головой ушла в свои собственные проблемы, обживаясь в своей новой, немного чужаковатой семье, в которой, впрочем, меня тоже все любят.

Стало уже смеркаться, но я продолжала ждать хоть какого-то сообщения от сестры. Однако мой мобильник упорно хранил молчание. Безмолвствовал точно так же, как он это делал и в Хай-Уилд. Но от этого мне было только хуже. Ведь сейчас я точно знала: *связь есть*, но сообщений и звонков нет. Впрочем, вполне возможно, это не телефон виноват. Просто моя сестра предпочла остаться вне связи. Решила на время замолчать. Было уже совсем поздно, когда я наконец залезла в кровать Сиси, свернулась калачиком, надеясь уснуть. Меня сотрясал озноб, хотя в квартире было тепло, даже жарко.

Нет, размышляла я уныло. Беда не с Сиси. Беда со мной. Сестра сделала для меня столько хорошего. Она постоянно защищала меня, оберегала, она любила меня, как никто, она всегда *разговаривала со мной*. А я? Уехала прочь, бросила ее одну наедине со ее проблемами, не соизволив оглянуться назад. Даже о том, что я отыскала свою родную мать, я сообщила ей мимоходом, как бы между прочим. Еще бы! Ведь в тот момент я всеми фибрами своей души рвалась обратно в Хай-Уилд. У меня даже не нашлось времени для того, чтобы *выслушать ее*. А ведь ей так хотелось поделиться со мной своими переживаниями. Только сейчас до меня дошло, как я, должно быть, обидела Сиси, проявив столь вопиющее равнодушие к ней.

Наступило утро, но напряжение мое не спадало. Я отбила эсэмэску Орландо. Поставила его в известность, что не смогу какое-то время появляться на работе из-за возникших семейных проблем. Ответ пришел почти мгновенно.

Понимаю.

Столь нетипичная для Орландо краткость расстроила меня еще больше. Наверняка он видел Мышь, а тот рассказал ему о том, что попросил меня уехать из Хай-Уилд, коль скоро я отказываюсь быть с ним вместе. Я уныло поплелась в ближайший супермаркет через дорогу. Надо же хоть чем-то подпитать свои мозги, не говоря уже и о

желудке. Предпраздничное убранство торгового зала, все эти сверкающие огоньки и разноцветные гирлянды повергли меня в еще большую меланхолию. Через громкоговорители весело трезвонили рождественские колокольчики и транслировались прочие мелодии в том же бравурном стиле, что тоже не добавляло хорошего настроения. Вернувшись домой, я приготовила на скорую руку омлет. Есть совершенно не хотелось. Немного позже позвонила Ма. Она хотела договориться с нами о встрече уже непосредственно в гостинице Бергена, в которой она зарезервировала всем нам номера. Я сообщила ей, что Сиси не сможет поехать, но воздержалась от остальных подробностей. Не сказала, что сейчас теряюсь в догадках и схожу с ума от неизвестности, куда пропала Сиси. Объяснить все это Ма было бы очень трудно. К тому же мне было просто стыдно.

После обеда мой мобильник снова ожил. Я ринулась к нему, чтобы ответить на звонок, и тут же подавила разочарованный вздох, услышав в трубке медоточивый голос Шанти:

– Стар, звоню узнать, где ты пропадала все это время. Давно уже не выходила с тобой на связь. Знаешь, у меня такое чувство... Будто у тебя что-то случилось.

– Я... Все в порядке.

– Судя по твоему голосу, не в порядке. Что произошло? Не хочешь сказать?

– Я... Моя сестра уехала.

Подстегиваемая ненавязчивыми репликами Шанти, я рассказала ей все. Излила, как говорится, душу, чувствуя, как с каждым моим словом все острее становится боль утраты. Сиси больше нет рядом.

– Я просто... Ты же тоже не думаешь, что она способна выкинуть какую-нибудь глупость, нет? – спросила я у подруги, замирая от страха.

– Судя по тому письму, которое она оставила тебе, маловероятно, Стар. Мне жаль, что все так получилось. Но, как мне кажется, твоя сестра сейчас делает точно то же самое, что уже сделала ты. Она занимается поисками самой себя. Возможно, надо дать ей какое-то время, чтобы побыть одной. Послушай, не хочешь встретиться? Пропустить по стаканчику вина? Тебе нужно немного развеяться.

– Нет, спасибо. Не могу, – отказалась я наотрез. – Сиси может появиться в любой момент. Я должна быть дома.

* * *

Прошло три томительно долгих дня, но Сиси так и не появилась. Я писала и снова переписывала то письмо, которое собиралась оставить в квартире на тот случай, если сестра вдруг вернется, а я в это время буду в Норвегии. Но Сиси продолжала хранить упорное молчание, несмотря на шквал моих отчаянных звонков и эсэмэсок, которые я обрушила на ее мобильник. Я изводила себя страхами, один хуже другого. Вдруг Сиси, словно раненое животное, которое загнали в угол, оставшись одна, наедине с собой и со своими мрачными мыслями, надумает совершить что-нибудь ужасное? Я уже даже приготовилась к тому, что придется обратиться в полицию с заявлением о том, что пропал человек. Но всякий раз, когда мне приходила в голову такая мысль, я включала последние крохи своего здравого смысла. В конце концов, Сиси все ясно объяснила мне в том письме, которое оставила. А с учетом того, что ей уже двадцать семь лет, вряд ли полиция проявит большой интерес к моему заявлению. Не тот случай...

Я также сильно скучала по Хай-Уилд. Постоянно думала о Рори... И о Мыши тоже. Как-то, неожиданно для себя самой, до меня вдруг дошло, что все последние несколько недель, наполненные самыми разными драматичными, по большей части, событиями, Мышь всегда оказывался рядом со мной, и именно в тот момент, когда он был мне нужен.

А сейчас его нет рядом. И подозрительно молчит все это время. Наверное, он все же решил поставить жирную точку в наших отношениях. А ведь в минувшие выходные я была почти готова принять его предложение, сказать ему «да».

* * *

Из последних сил я кое-как собрала свою дорожную сумку. Надо же было хоть чем-то занять себя. И вот наступил конец недели. Я взяла свои вещи, намереваясь покинуть квартиру и ехать в аэропорт. И в этот момент наверху зазвонил мой мобильник. Я опрометью бросилась в спальню.

– Алло!

– Стар, это Мышь. Простите, что беспокою вас. Но я сегодня утром наведалься в Хай-Уилд. Не был там с минувших выходных. Маргарет захотела провести какое-то время с Рори перед своим отъездом во Францию. А я тоже был занят оформлением всех бумаг, окончательными расчетами с нотариусами и прочими делами по завершению сделки о купле-продаже магазина. Где-то среди недели я им, правда, звонил, хотел узнать, как дела у Рори. И тогда они мне сказали, что вы уехали в Лондон в минувшее воскресенье.

– Да.

– А сегодня утром я наведалься в Хай-Уилд и обнаружил там на кухне записку для вас. Она все еще валяется на кухонном столе. У вас все в порядке? Я имею в виду, с вашей сестрой?

– Да... то есть нет. Она уехала, и я не знаю, где она сейчас.

– Понятно. Представляю себе, как вы переживаете.

– Да, есть такое... немного...

– По этой причине вы и умчались в Лондон в воскресенье?

– Да.

– А мне ведь никто ничего не сказал! Честно, я для себя решил, что вы уехали *совсем по другой причине*. Можете себе представить мое настроение. Вот и полюби своих близких после такого их наплевательского отношения к себе! Согласны со мной?

– Да, – ответила я, чувствуя, как у меня немного отлегло от сердца.

– Послушайте! Хотите, я сейчас приеду в Лондон? Маргарет пробудет у нас до следующего вторника. То есть я пока свободен. Есть кому присмотреть за Рори.

– Я прямо сейчас улетаю в Норвегию. Моя сестра в предстоящие выходные выступает там с концертом.

– Какая сестра?

– Алли. Та самая, у которой летом погиб жених. Сейчас она в положении, – добавила я, делаясь сокровенным.

– Вот как? – Мышь на какое-то время замолчал. – Но ведь это хорошая новость, не правда ли?

– Очень хорошая, – согласилась я с ним. – Алли безмерно счастлива.

– Стар...

– Да?

– Я очень скучаю без вас. А вы? Неужели совсем не скучаете?

Я коротко кивнула головой, потом сообразила, что Мышь ведь не видит меня. Сделала глубокий вдох и промолвила:

– Я тоже скучаю.

Последовала еще одна долгая пауза. Наконец Мышь снова заговорил:

– Совсем другое дело! Так вы прочитали мое письмо?

– Да.

– И согласны отправиться вместе со мной в короткое путешествие по возвращении из Норвегии?

– Можно... можно я еще немного подумаю?

На другом конце линии послышался нетерпеливый вздох.

– О'кей! Но хоть завтра к обеду сообщите мне, пожалуйста, свое окончательное решение. Маргарет уезжает во вторник. Мне нужно будет вернуться в Кент, чтобы забрать Рори. Если вы согласны, тогда я могу забрать и вас в воскресенье на обратном пути в Кент.

– Хорошо, я согласна.

– А сейчас желаю вам счастливого пути. И добрых новостей о вашей пропавшей сестре.

– Спасибо. До свидания.

– Всего доброго.

Я ринулась по ступенькам вниз к входной двери в надежде, что такси, которое я заказала, все еще ждет меня. Уже сидя в машине, которая тут же рванула с места, я услышала характерный щелчок. На мой мобильник поступила очередная эсэмэска.

Прости меня, Сия. Я только что смогла прочитать твои эсэмэски. Была в дороге. Со мной все в порядке. Расскажу, когда вернусь домой. Люблю тебя. Си.

Я тут же отправила ответ.

Си! Слава богу, ты нашлась! Я чуть с ума не сошла от неизвестности. Прости меня. Я так виновата перед тобой, так виновата! Я тебя тоже люблю. БУДЬ НА СВЯЗИ. Сия.

После чего откинулась на спинку сиденья, переживая состояние радостной эйфории. Сестра нашлась.

Свет в зале померк. Сидя в кресле, я наблюдала за появлением сестры на сцене. Под черным концертным платьем уже четко обозначились контуры новой жизни, которая зреет в ней. На какой-то миг Алли закрыла глаза, словно творила молитву. Но вот она поднесла флейту к своим губам, и в то же мгновение рука Ма ласково пожала мою руку. Я знала, Ма переживает те же чувства, что и я.

И вот уже по залу поплыла прекрасная мелодия, знакомая мне и всем моим сестрам с детских лет, ибо она постоянно звучала в Атлантиде, и я тут же почувствовала, как с меня постепенно начинает спадать то напряжение, в котором я прожила все последние недели. Будто его уносят куда-то прочь звуки музыки. Я слушала и понимала, что Алли играет для всех тех, кого она любила и потеряла. Но мне вдруг открылось и другое. Как после долгой и тяжелой ночи неизбежно наступает день и снова восходит солнце, так и в ее жизни сейчас забрезжил новый свет. И вот уже к ней присоединился весь оркестр, мелодия набирала силу, крепла, звук становился все громче и громче, пока не достиг крещендо, словно знаменуя своим ликованием наступление нового дня. И в эту минуту я тоже почувствовала, что грядет новый день. И что в моей жизни он уже наступил.

Однако, *родившись заново*, я, вольно или невольно, заставила страдать тех, кто был рядом со мной. И это мне еще предстоит осмыслить и сделать соответствующие выводы. Ведь только недавно до меня дошло, как многолика любовь и как по-разному может она проявляться.

В антракте мы с Ма отправились в бар. Там нас уже поджидали Питер и Селия Фейлис-Кингс, родители Тео. Все мы пригубили по бокалу шампанского. Я невольно обратила внимание на то, как нежно Питер придерживал Селию одной рукой за талию. Прямо как молодые: ни дать ни взять самая настоящая любовная парочка.

– *Santé*, — чокнулась своим бокалом со мной Ма. – Твое здоровье. Какой сегодня прекрасный вечер, не правда ли?

– О, да, — охотно согласилась я с ней.

– Алли играла превосходно. Как жаль, что больше никто из твоих сестер не смог присутствовать на ее концерте. И, конечно, что рядом с нами не было вашего отца.

Я увидела, как Ма внезапно нахмурилась и задумалась о чем-то своем. И уже в который раз подумала, интересно, сколько тайн хранит в себе наша Ма? И сильно ли они давят на нее? Неужели так же сильно, как мои собственные тайны?

– Значит, Сиси не смогла вырваться? – поинтересовалась она у меня как бы вскользь.

– Да, у нее не получилось.

– Ты с ней давно виделась?

– Я в последнее время редко бываю в Лондоне, Ма.

– Так вы та самая мама, которая растила нашу Алли с самого раннего детства? – спросил у нее Питер.

– Да, – коротко ответила ему Ма.

– Надо сказать, вы превосходно справились со своими обязанностями, – похвалил он. – Отличная работа!

– В том нет моей заслуги. Всецело заслуга Алли, – не преминула поскромничать Ма и добавила: – Я горжусь всеми своими девочками, всеми без исключения.

– А вы, значит, одна из знаменитых сестер Алли? – обратился ко мне Питер и принялся буравить меня своим цепким строгим взглядом.

– Да.

– И как же вас зовут?

– Стар.

– А позвольте спросить, какой у вас порядковый номер?

– Третий.

– Любопытно-любопытно! – Он снова глянул на меня заинтригованно. – Я, кстати, тоже был третьим ребенком в семье. Таких, как мы, никогда не слушают и никогда не слышат. Не правда ли?

Я промолчала в ответ.

– Но уверен, в головке у вас полно самых разных мыслей. Я прав? – продолжал атаковать он меня. – Во всяком случае, у меня это было так.

Пусть он и прав, подумала я, но отвечать я ему все равно не стану. И лишь неопределенно пожала плечами в ответ.

– Алли – совершенно уникальное создание. Она многому научила нас с Питером, – подала голос Селия, одарив меня доброжелательной улыбкой. Видно, она расценила мое упорное молчание как негласное противление Питеру и решила дипломатично сменить тему.

– О, да, – тут же согласился с ней муж. – А скоро мы станем дедушкой и бабушкой. Замечательный подарок приготовила нам ваша сестра, Стар. На сей раз постараюсь как можно больше времени проводить рядом с маленьким. Жизнь ведь так коротка, если задуматься. Надо все успеть.

Прозвенел предупредительный звонок. Публика в баре поспешила допить шампанское. Мы потянулись вереницей вслед за остальными в зал к своим местам. Алли уже успела поделиться со мной по электронной почте всеми подробностями своих поисков родовых корней в Норвегии. А потому я принялась пристально изучать Феликса Халворсена, вышедшего на сцену. Внешне Алли на него совсем не похожа, несмотря на столь близкое родство. Я проследила, как он довольно шаткой походкой направился к роялю. Неужели уже успел заложить за воротник, тут же испугалась я и мысленно вознесла молитву, чтобы это было не так. Алли в разговоре со мной сказала, как много значит сегодняшний вечер и для нее, и для ее брата-близнеца Тома. Кстати, сам Том понравился мне с первой минуты нашего знакомства.

Но вот Феликс вскинул пальцы над клавишами и на какое-то мгновение застыл в этой позе. Я почувствовала, как все в зале затаили дыхание. Я и сама замерла в предвкушении чего-то грандиозного. Но стоило его пальцам коснуться клавиш, и напряжение мгновенно спало. Дивные вступительные аккорды «Героического концерта» заполнили пространство вокруг. Первое исполнение концерта на публике. В программке было указано, что концерт написан более шестидесяти восьми лет тому назад. Следующие полчаса все мы, слушатели, внимали совершеннейшему по красоте и глубине интерпретации исполнению пианиста. Воистину буквально на наших глазах творилось самое настоящее волшебство: полное слияние композитора и исполнителя, отца и сына.

Под звуки прекрасной музыки душа моя тоже воспарила к небесам. Я явственно увидела впереди проблески собственного будущего. «Музыка – это любовь, которая стремится обрести свой

голос», – мысленно процитировала я Льва Толстого. Вот и мне тоже нужно обрести *свой собственный* голос. А потом еще найти в себе мужество и начать говорить вслух.

Раздался шквал аплодисментов. Публика стоя приветствовала Феликса нескончаемыми криками «браво» и «бис». Он чинно раскланивался, отвешивая поклон за поклоном, потом поманил к себе из оркестра сына и дочь. Дал знак собравшимся замолчать и обратился к публике с коротким словом. Сказал, что посвящает свое выступление памяти покойного отца и своим детям.

Красивый жест, подумала я. И лишнее доказательство того, что никогда не поздно начать менять свою жизнь к лучшему и двигаться дальше. А главное – это чтобы те, кто рядом с тобой, приняли произошедшие в тебе перемены, хотя порой это бывает очень трудно сделать.

Но вот зрители начали подниматься со своих мест. Ма осторожно тронула меня за плечо и что-то сказала.

Я молча кивнула ей в ответ, даже не вникнув в смысл того, что она говорила. Потом пробормотала, что догоню ее уже в фойе. А сама осталась сидеть на месте. Одна в пустом зале. Я сидела, погруженная в свои мысли, боковым зрением наблюдая за тем, как мимо меня проходят уже последние зрители, торопясь к выходу. И вдруг в этой уже изрядно поредевшей толпе я различила знакомую фигуру.

Сердце мое заколотилось как бешеное, тело буквально выбросило из кресла, и я побежала по пустому залу, устремившись к тем, кто уже толпился на выходе.

Лихорадочно оглядывала публику в надежде еще раз увидеть в толпе знакомые очертания и профиль, который я безошибочно узнала бы среди сотен тысяч других лиц.

Наконец я выскочила в фойе, и ноги сами собой понесли меня дальше, на улицу. Морозный декабрьский воздух обжег лицо. Какое-то время я бестолково суежилась на крыльце, словно желая удостовериться, что не обозналась. Нет, я не могла ошибиться! Однако знакомая фигура исчезла бесследно, растворилась в ночи.

– Вот ты где! – услышала я голос Ма у себя за спиной. – А мы уже испугались, что потеряли тебя, Стар. С тобой все в порядке?

– Я... я только что видела его. Он был в концертном зале.

– Кто «он»?

– Папа. Уверена, это был он.

– Ах, милая моя! – Ма обхватила меня за плечи, а я продолжала оцепенело пялиться вокруг, парализованная только что пережитым шоком. – Как же я сочувствую тебе, девочка моя. Так бывает, когда умирает кто-то, кого мы очень сильно любим. Вот мне, к примеру, твой отец постоянно мерещится в Атлантиде... То он в саду, то гоняет на своем «Лазере» по Женевскому озеру... то мне кажется, что вот он сию минуту должен выйти из своего кабинета.

– Но это *был он!* Я точно знаю, – прошептала я, уткнувшись в плечо Ма.

– Что ж, тогда будем считать, что его дух присутствовал сегодня на концерте. И он тоже слушал нашу Алли. Ах, как божественно она сегодня играла! Правда ведь? – сказала Ма и твердой рукой повела меня обратно в фойе.

– Да, – согласилась я. – Прекрасный был вечер... до тех пор, пока...

– Постарайся больше не думать об этом. Иначе расстроишься еще больше. Бедняжке Алли в свое время послышался его голос в телефонной трубке, когда она была в Атлантиде. Разумеется, это был всего лишь автоответчик. Идем же! Нас уже ждет машина, чтобы отвезти в ресторан. И родители Тео заждались нас.

Всю дорогу в ресторан я молчала, позволив Ма говорить за нас обеих. Конечно, она была права и я обозначилась. Увидела пожилого мужчину, внешне чем-то похожего на Па Солта. Та же фигура... Та же стать... Да и видела я его издали, толком и разглядеть не успела. А сердце мое сокрушенное сразу же возликовало от одной только мысли, что папа не умер, что он жив.

В ресторане было уютно и тепло. Нарядно горели свечи, освещая зал. Когда наконец появилась Алли в сопровождении своего брата Тома, мы все поднялись из-за стола и стоя приветствовали их аплодисментами.

– Кого-то нет? – посмотрела Ма на пустой стул во главе стола.

– Это место для отца, – пояснил ей Том на безукоризненном английском, присаживаясь за стол рядом со мной. – Но мы очень сомневаемся, что сегодня вечером он присоединится к нам. Как думаешь, Алли?

– Думаю, ты прав. Но сегодня мы с радостью простим ему такое небрежение, – улыбнулась она в ответ. – Когда мы покидали концертный зал, отец все еще стоял в плотном кольце репортеров и восторженных зрителей, продолжавших изливать ему свои восторги. Но он ведь так долго дожидался этого признания. Так что сегодняшней вечер – это его личный триумф.

– Это Алли уговорила меня дать отцу второй шанс, – сказал Том, обращаясь ко мне. – И она оказалась права. Сегодня я гордился им. *Ваше здоровье*, – добавил он на норвежском, чокаясь со мной своим бокалом с шампанским.

– Мне кажется, каждый человек заслуживает такого шанса, – прошептала я, скорее размышляя вслух, чем отвечая на реплику Тома.

Остаток вечера я с интересом слушала, как Том рассказывал мне всю историю появления Алли на пороге его дома. И как они потом уже совместными усилиями определили, что являются близнецами.

– А все благодаря вот этой безделушке, – завершил он свой рассказ и полез в карман. Достал оттуда крохотную лягушку и положил ее на стол. – Сегодня все наши оркестранты получили в дар такую фигурку в память о великом композиторе Эдварде Григе.

Мы вышли из ресторана уже далеко за полночь. Потом еще долго прощались на улице.

– Когда вы завтра улетаете? – спросила Алли у меня и у Ма, обнимая нас на прощание.

– Мой рейс до Женевы в десять утра, – ответила Ма. – А вот Стар будет здесь еще до трех часов дня.

– Тогда приезжай к нам с самого утра, – предложила мне сестра. – Посмотришь наш дом, пообщаемся как следует. закажем тебе такси, и оно отвезет тебя напрямиком от нас в аэропорт.

– Да и я могу отвезти, – немедленно предложил свои услуги Том.

– Словом, все завтра организуем. Доброй тебе ночи, дорогая моя Стар. Сладких снов. – Алли помахала мне рукой на прощание, усаживаясь в машину, припаркованную на стоянке. Том тут же последовал за ней.

– До завтра, – улыбнулся он мне, и машина тронулась с места.

Я с интересом разглядывала панораму города, когда на следующее утро такси повезло меня к Алли и Тому. Вчера, когда я прилетела в Берген, было уже темно. Невозможно было даже разглядеть белоснежные вершины гор, окружающие город со всех сторон. Зато сегодня они предстали передо мной во всем своем великолепии, будто только что сошли с нарядной рождественской открытки. Машина поднималась все выше и выше в гору, потом покатила по узкой дороге и наконец остановилась возле дома, облицованного дранкой в традиционном скандинавском стиле. Дом недавно покрасили в кремовый цвет с нежно-голубыми ставнями на окнах.

– Стар, проходи же! – радушно встретила меня Алли на крыльце. Мы вошли в просторный холл, который тотчас же обдал меня ласкающим теплом.

– Как у вас красиво, Алли! – восхитилась я, проходя вслед за ней в гостиную. Уютный просторный диван, светлая мебель из сосны, тоже типичный скандинавский стиль. Возле огромного окна-фонаря примостился концертный рояль. Из окна открывался чудесный вид на озеро и заснеженные вершины гор.

– Какой потрясающий вид! – невольно воскликнула я. – Прямо как в Атлантиде.

– Согласна. Мне здешняя природа тоже в чем-то напоминает Атлантиду, только здесь она помягче, понежнее, что ли... Впрочем, как и сами жители Бергена. Что будем пить? Чай? Кофе?

Я попросила чашечку кофе и устроилась возле современного, отделанного стеклом камина. Поленья весело полыхали в огне.

– Вот тебе твой кофе. – Алли поставила передо мной чашечку кофе, а сама уселась на диван напротив меня. – Господи, Стар, даже не знаю, с чего начать. Надо же успеть столько всего обсудить. Правда, Том сказал мне, что уже посвятил тебя во все то, что случилось здесь у нас. Тогда начнем с тебя. Кстати, как Сиси? А главное – *где наша Сиси?* Ведь я привыкла к тому, что вы у нас неразлучная парочка.

– Не знаю, где она сейчас. Куда-то уехала. В Лондоне ее нет. Боюсь, – призналась я виновато, – в том есть и моя вина.

– То есть тебя рядом с ней не было? Ты как бы выпала из ее жизни, да?

– Да. Видишь ли... Все последнее время я пыталась найти свою собственную жизнь.

– А Сиси пока еще таких попыток не предпринимала?

– Нет. Я чувствую себя страшно виноватой перед ней, Алли.

– Что ж, вполне возможно, ей тоже пора заняться поисками самой себя. И при этом что-то отдать и чем-то пожертвовать. По правде говоря, все мы, остальные ваши сестры, были немного обеспокоены вашими, скажем так, не совсем обычными отношениями.

– Неужели?

– Да. А лично я вообще считаю: то, что в какой-то момент ваши дороги с ней стали расходиться в разные стороны – это очень важно и нужно для вас обеих. К тому же все это временное явление.

– Надеюсь. Но пока я просто хочу знать, где она и что с ней. Сиси сильно обиделась на меня. Я ведь не рассказывала ей о своих поисках и о том, что нашла мать.

– Ты отыскивала свою родную мать?! Вот это да! Какая ты молодец, Стар! Так расскажи же мне о ней.

Я рассказала. Немного спотыкалась, путалась в поисках нужных слов, но Алли тут же приходила мне на помощь. В результате я в сжатой, но довольно полной форме изложила ей всю суть своей истории.

– Вот это приключение! А я еще самонадеянно полагала, что именно мое путешествие в прошлое получилось самым сложным и таким болезненно драматичным, – перевела дыхание Алли, выслушав мой рассказ. – А что же Мышь? Ты собираешься дать ему второй шанс?

– Я... Думаю, да.

– И правильно! Попытайся, пока можешь! – воскликнула она с жаром. – Уж я-то по себе прекрасно знаю, ничто в этом мире не длится вечно.

– Да, согласна. – Я инстинктивно взяла Алли за руку. – К тому же я нужна им. И отцу, и сыну.

– А ведь это так важно – быть кому-то нужной, не правда ли? – Алли осторожно провела рукой по своему слегка выступающему животу. – Сейчас закажу тебе такси. Том был страшно расстроен тем, что сегодня ему пришлось выйти на работу. Окунуться, так сказать, в серые будни после вчерашнего триумфа, – добавила она с улыбкой, поднимаясь с дивана и направляясь к телефону. – По-моему, ты ему понравилась. Должна ли я сообщить ему, что твое сердце уже занято?

– Да, – ответила я. – Думаю, так будет правильнее всего.

Уже сидя в зале ожидания аэропорта Бергена, я вытащила из кармана свой телефон. И прежде чем нас, пассажиров, пригласили на посадку, отбила коротенькую эсэмэску Мыши.

Да. Пожалуйста.

* * *

На следующее утро я проснулась в нашей лондонской квартире в половине десятого. Мышь должен заехать за мной ровно в одиннадцать. У меня тут же свело живот от предчувствия встречи. Нервы, все нервы... Не отпустило и тогда, когда я уже стояла под душем, продолжая размышлять о том, что вот уже совсем скоро Мышь появится на пороге моей квартиры. И мы проведем вместе с ним целый день, *а потом* еще и вечер. Я снова стала собирать вещи в дорогу. На всякий случай положила в дорожную сумку и то черное платье, в котором была на концерте у Алли. Добавила к вещам еще и толстый шерстяной свитер, который купила себе в Бергене. Присовокупила удобные ботинки для прогулок. А сверху положила две пары чистого белья. Меня невольно передернуло, когда я взяла в руки белье.

Как только он узнает, то, может, я дальше машины и не продвинусь, подумала я, чувствуя, как мною снова начинает овладевать паника.

Ровно в одиннадцать в дверь позвонили. Я нажала на кнопку домофона, впуская гостя в подъезд. Сердце мое забило, когда я услышала, как поднимается лифт, а следом послышались звуки его шагов по узенькому коридорчику.

– Открыто! – крикнула я, чувствуя, что голосовые связки отказываются мне подчиняться. Словно удав вдруг сдавил мое горло.

– Привет, – поздоровался Мышь, переступая порог, и улыбнулся мне. Направился в мою сторону, но в паре метров вдруг остановился. – Стар, что не так? Случилось что? У тебя такой испуганный вид.

– Так оно и есть.

– И чего же ты боишься? Или кого? Меня?

– Нет... То есть да. – Я сделала порывистый вдох, собрав в кулак всю свою силу воли. – Пожалуйста, присаживайся.

– О'кей. – Мышь подошел к дивану. – Ты передумала, да? В этом все дело?

– Нет. Просто... просто мне нужно кое-что сказать тебе.

– Я тебя внимательно слушаю.

– Дело в том, что... – Пришел мой черед делать признание. – Дело в том, что...

– Стар, умоляю тебя, не тяни! Что бы ты ни собиралась там сообщить мне сейчас, наверняка это не так страшно, как то, что я рассказал тебе о себе. Говори и ничего не бойся.

Я отвернулась от него, закрыла глаза и произнесла наконец:

– Я... я девственница.

Повисла пауза, которая показалась мне вечностью. Затаив дыхание, я ждала его реакцию на мои слова.

– Хорошо. И что дальше? Что еще тебе нужно сообщить мне? Только это?

– Да! – Я почувствовала легкое прикосновение его руки к своему плечу и даже подпрыгнула от неожиданности.

– То есть у тебя ни с кем не было связи, да?

– Да. Мы с Сиси... мы всегда были вместе. Просто не было подходящего случая.

– Понимаю.

– Правда?

– Да, правда.

Лицо мое пылало от смущения. Он развернул меня к себе лицом и обнял.

– Я чувствую себя такой дурочкой, – пробормотала я. – Ведь мне уже двадцать восемь и...

Какое-то время мы стояли молча. Мышь ласково гладил мои волосы.

– Стар, можно, я скажу тебе одну вещь?

– Да.

– Может, это прозвучит немного странным, но получить тебя, как бы это получше выразиться, еще никем не тронутой, это же ведь самый настоящий подарок судьбы для меня. И что в этом плохого? А уж коль скоро мы с тобой коснулись столь щекотливой темы, то и я

тебе должен признаться, что вот уже много лет... Словом, скажу так, не одна ты изводила себя бессонными ночами, размышляя обо всем этом.

Странно, но смущение Мыши в момент своего признания подействовало на меня благотворно. Я почувствовала себя значительно лучше. Он отстранился от меня и взял за руки.

– Взгляни на меня, Стар.

Я подняла на него глаза.

– Прежде чем мы с тобой двинемся дальше, хочу, чтобы ты знала. Я никогда... Слышишь, *никогда!* – не буду принуждать тебя силой к близости со мной. Только если ты сама захочешь этого. Мы должны бережно относиться друг к другу, не так ли?

– Да.

– Итак... – Он бросил на меня сверху вниз внимательный взгляд. – Давай попытаемся. Два одиночества, два не очень счастливых человека пытаются помочь друг другу. Разве это не прекрасно?

Я молча взглянула в окно. Внизу плавно несла свои воды Темза. Никто ее не контролировал, никто не запрещал ей, не выбирал направления, куда течь. И в этот момент я вдруг почувствовала, как защитная дамба, которую я столько лет сооружала вокруг своего сердца, дала трещину и стала разваливаться на части. Я снова повернулась к нему, понимая, каким неудержимым потоком польется моя любовь к этому человеку через все образовавшиеся щели и трещины. И дай бог, чтобы ее ничто не смогло остановить.

– Да, согласна. Это прекрасно.

* * *

– А что это такое? – поинтересовалась я у Мыши, пока он доставал наши дорожные сумки из багажника машины. На крыльце перед центральным входом тотчас же появился портье и забрал их у нас.

– А ты сама не догадываешься? Вспомни описания Флоры в ее дневниках.

Я оглядела большой серый дом. Все окна были ярко освещены, и из них приветливо лился свет в ночную темень. И тут до меня дошло:

я его узнала, этот дом.

– Так это же Эствейт-Холл! Тот самый дом, в котором прошло детство Флоры Макникол.

– Точно. Когда я подыскивал нам с тобой местечко, где можно было бы остановиться, путешествуя по Озерному краю, то совсем случайно обнаружил, что сравнительно недавно дом переделали в отель. – Мышь нежно поцеловал меня в макушку. – То есть когда-то именно здесь и начиналась твоя история... Ну и моя частично тоже. Идем?

На ресепшн Мышь куртуазно предложил мне поселиться в разных номерах, но потом мы согласились на общий номер-люкс. Правда, Мышь тут же попросил поставить в гостиной раскладушку.

– Не хочу тебя пугать, – сказал он мне.

Наверху я переделалась в свое новое черное платье, подготовившись отправиться в ресторан на ужин. Когда я вышла из ванной комнаты, Мышь даже присвистнул от удивления.

– Потрясающе выглядишь, Стар. Между прочим, я еще ни разу не имел возможности лицезреть твои ноги. Вечно ты щеголяла в джинсах. А они, надо сказать, у тебя потрясающе красивые... Длинные и стройные... Прости! – тут же извинился он. – Просто я хотел лишний раз подчеркнуть, что ты очень красивая. Это нормально?

– Нормально, – улыбнулась я в ответ.

За ужином Мышь принялся пространно объяснять мне, что поскольку он по своей изначальной профессии является архитектором, то мы сможем сэкономить кучу денег. Не надо будет платить за проект реновации нашего дома в Хай-Уилд, потому что все проектные работы он выполнит сам.

Его ярко-зеленые глаза зажглись неподдельным энтузиазмом, пока он рассуждал о будущем дома, и я внезапно поняла, что Мышь, как и я, тоже любит Хай-Уилд. И, видя эту его радость, его заново обретенный интерес к жизни и всему тому, что в ней есть, я и сама почувствовала, как мое сердце тоже переполнилось радостью и она полилась через край, как вода из крана, включенного на полную мощность.

– А, чуть не забыл! – Мышь сунул руку в карман смокинга и достал оттуда знакомую коробочку из-под ювелирного украшения. – Буквально на днях забрал в Сотбис. Они подтвердили, что это

действительно вещица Фаберже. В свое время ее лично заказал король Эдуард VII. Эта пантера стоит кучу денег, Стар.

Он вручил коробочку мне. Я извлекла из нее хрупкую фигурку пантеры и снова подумала о Флоре Макникол, о том, как она дорожила этим подарком своего отца и какое долгое путешествие ей пришлось совершить в те годы.

– Я не уверена, что эта вещица принадлежит мне по праву.

– Конечно же, она принадлежит тебе. Кому же еще? Если честно, то я подозреваю, что Тедди в свое время заложил безделушку за долги. Во всяком случае, так он обошелся со многими другими фамильными драгоценностями. В этой связи позволь тебе напомнить, что ты все же приходишься ему праправнучкой. А потому это *твое законное* наследство, Стар... Знаешь, в последнее время я много размышлял о прошлом. – Мышь задумчиво уставился на пантеру, лежавшую на моей ладони. – И кажется, кое-что я понял. Во всяком случае, я понял, почему Арчи решил выдать Тедди за своего собственного сына... Все ужасы войны, которые он видел собственными глазами, нанесли ему, судя по всему, глубокую душевную травму. – Он сокрушенно покачал головой. – А потому, не задумываясь о последствиях, Арчи захотел воздать должное неизвестному солдату, а в его лице всем погибшим на полях сражений, и увековечить его память тем, чтобы вручить в качестве дара его отпрыску свое имение Хай-Уилд. Собственно, я тоже сейчас надеюсь искупить свою вину перед Рори тем, что займусь восстановлением дома и приведением его в надлежащий вид.

– Да. Это будет очень красивый и благородный жест, – согласилась я с ним.

После ужина мы вернулись к себе в номер.

– Итак, – обронил Мышь, входя в гостиную, – я желаю тебе доброй ночи.

Он снял смокинг и повесил его на стул.

Я подошла к нему, слегка привстала на цыпочках и поцеловала в щеку.

– Доброй ночи.

– Можно мне обнять тебя? – его горячее дыхание обожгло мою щеку.

– Обними, пожалуйста.

Он обнял, и я почувствовала, как все внутри меня вдруг встрепенулось и ожило.

– Мышь.

– Да, родная?

– Пожалуйста, поцелуй меня. Можно?

Он приподнял мой подбородок двумя пальцами и улыбнулся.

– Думаю, с таким заданием я смогу справиться.

* * *

Проснувшись утром, мы увидели за окнами своего номера великолепные ландшафты Озерного края, представшие перед нами во всей своей красе. Целый день мы потратили, посещая всякие достопримечательные места. Побывали на ферме Хилл-Топ, в старинном доме, где когда-то жила Беатрикс Поттер, а сейчас там находится ее мемориальный музей. Съездили на ферму Винбриг, где столько лет провела в полном одиночестве Флора. При мысли о Флоре я невольно сжала руку Мыши с большим усилием, чем того требовал момент, искренне радуясь в глубине души, что сама счастливо избежала сей невеселой участи, хотя и была очень близка к ней.

Потом мы вернулись в отель, прогулялись вдоль озера Эствейт-Уотер, полюбовались стремительным полетом ласточки, скользнувшей сквозь туман, который уже начал стелиться над водой по мере того, как садилось солнце. Носы наши порозовели от холода, но мы, взявшись за руки, еще долго стояли на берегу, не в силах оторвать взгляд от необыкновенной чистоты и прозрачности окружающего пейзажа. Столь абсолютная красота повергла нас в немой восторг, и мы просто стояли и молчали.

Вечером мы отправились в местный паб «Тоуэр-Бэнк-Армз», на постоялом дворе которого когда-то останавливался Арчи, когда приехал навестить Флору.

– Может, и мне тоже стоило остановиться здесь, как когда-то поступил Арчи? – немного натянуто улыбнулся Мышь.

– Нет, я рада, что ты этого не сделал, – ответила я, ничуть не покривив душой.

И хотя после того, как Мышь поцеловал меня накануне, я все равно оставила его ночевать в гостиной одного, а сама еще долго лежала без сна, прислушиваясь к сладостной истоме, которая разлилась по всему моему телу. Сейчас я уже точно знала, что рано или поздно тоже совершу свое путешествие в страну любви и мне там очень понравится.

На следующее утро мы рассчитались в гостинице, и Мышь повез нас в Лэнгдейл-Вэлли, где мы с удовольствием прогулялись по горным тропам.

Внезапно меня осенило:

– Мышь!

– Да?

– А как твое настоящее имя? Знаю, оно начинается с буквы «Э».

Его губы тронула легкая улыбка.

– А я уже было забеспокоился, что ты никогда не спросишь меня об этом.

– Так как же?

– Эномай.

– О боже!

– Вот и я о том же! Нелепо, да? Хотя и довольно любопытно.

– Что? Имя?

– И имя тоже, конечно. Во всем виноват отец с его неумной страстью к греческой мифологии. Но я имею в виду другое: любопытное совпадение. Ведь согласно одному из мифов, Эномай был женат на Астеропе. Хотя в других мифах утверждается, что он был ее сыном.

– Да, я тоже слышала о тех легендах, которые связаны с моим именем. Но почему ты мне раньше ничего не сказал об этом?

– Помнишь, я однажды спросил тебя, веришь ли ты в судьбу? И ты ответила, что нет, не веришь. А я вот, напротив, с самого первого момента, когда увидел тебя в Хай-Уилд и услышал, как тебя зовут, знал, что нам самой судьбой предначертано быть вместе.

– Правда?

– Да. Ведь так распорядились звезды на небе. И вот тебе, пожалуйста, подтверждение! У твоих ног сразу же оказались *и отец, и сын*, – закончил он шутливым тоном.

– Пожалуй, я и впредь буду называть тебя «Мышь». Ты не против?

Веселый взрыв смеха огласил окрестности Лэнгдейл-Вэлли, а потом Эномай Форбс, лорд Воган из Хай-Уилд, крепко обнял меня и прижал к себе.

– Ну? – спросил он.

– Что «ну»?

– Так ты сегодня едешь вместе со мной в Хай-Уилд, Астеропа?

– Да, – ответила я без колебаний. – Разве ты забыл, что завтра утром мне на работу?

– Как я мог? Работа в книжном магазине ждет тебя, романтическая ты душа. Что ж, – Мышь разжал объятия и взял меня за руку. – Тогда поспешим. Пора возвращаться домой.

Сиси

Декабрь 2007 года

Камелия (семейство Чайные)

Я сидела в аэропорту Хитроу в ожидании своего рейса. Молча разглядывала пассажиров, снующих мимо и весело болтающих о чем-то со своими детьми или родителями. У всех счастливые лица, все полны радостных ожиданий. Даже те, кто путешествует в одиночестве, даже у них наверняка есть близкие, которые уже с нетерпением ждут их в пункте прибытия.

И только меня никто не ждет, ни здесь, ни там. Внезапно я вдруг почувствовала острое сострадание ко всем старикам, днями напролет просиживающими на скамеечках в лондонских парках. Как часто я наблюдала их, возвращаясь домой после учебы. Но тогда мне казалось, что они вполне довольны жизнью, что они наслаждаются тем, что видят вокруг, что их развлекает эта бесконечная вереница прохожих, торопливо шагающих мимо в неярких лучах зимнего солнца... И вот наконец до меня дошло, что нет ничего хуже, чем одиночество в толпе людей. Как жаль, что я тогда ни разу не остановилась, не поздоровалась ни с одним из стариков. И как было бы здорово, если бы сейчас кто-то замедлил шаг, проходя мимо, и тоже поприветствовал меня.

Сия, где ты сейчас?

Как бы я хотела написать тебе письмо, излить на бумаге все то, что теснится сейчас в моей голове, чтобы ты смогла прочитать и понять, что я чувствую на самом деле. Но ты же знаешь, как только дело доходит до писанины, из-под моего пера выходят одни каракули, да еще с ошибками. Сколько я потратила сил, пока написала то письмо, которое оставила для тебя в нашей квартире. А все равно оно получилось ужасным. Лучше бы просто сесть и поговорить, но тебя нет рядом. И вот я сижу в полном одиночестве в терминале № 3 и мысленно разговариваю сама с собой.

Я думала, ты услышишь мой крик о помощи, но ты не услышала. Все последние недели я наблюдала за тем, как ты стремительно удаляешься от меня все дальше и дальше, а я изо всех сил старалась не держать тебя, отпустить. Не злиться, когда ты все время рвалась на встречу с той семьей, не обращать внимания на то, как я

постоянно раздражаю тебя. Впрочем, разве только тебя? По-моему, я раздражаю всех.

Но с тобой я всегда могла быть сама собой. И мне казалось, что именно за это ты меня и любишь. И принимаешь такой, какая я есть. Благодарна мне за все то, что я старалась для тебя сделать.

Я знаю, что думают обо мне другие, хотя и не уверена в том, что до конца понимаю, в чем именно я не права. Наверное, потому, что все хорошее, в том числе и любовь, все это спрятано где-то очень глубоко во мне. Я тоже хочу заботиться о других, проявлять внимание к людям, дружить... Но тут во мне словно срабатывает какой-то невидимый выключатель и размыкается цепь между тем, какая я внутри, и тем, как я выгляжу снаружи. Кстати, предложение получилось довольно корявым: дважды повторила слово «тем». А я помню, как ты боролась с тавтологией, когда проверяла мои эссе, прежде чем они попадали в руки учителя. Ты всегда вычеркивала те слова, которые я повторяла по несколько раз.

Мы были добры и терпеливы по отношению друг к другу. Ты не любила говорить, но я всегда была наготове и могла озвучить твои слова вместо тебя. Зато ты писала гораздо лучше меня. Словом, мы были хорошей командой.

Я думала, что сделаю тебя счастливой, когда покупала эту квартиру для нас с тобой. Что наконец-то мы заживем спокойной оседлой жизнью. Никаких больше путешествий, ибо я понимала, что ты уже устала ездить по миру. Пора начинать жить нормально, как живут другие люди, быть самими собою, но при этом быть вместе. Однако, как оказалось, дела у нас пошли только хуже.

Но задумалась я об этом совсем недавно, в самые последние дни, когда торчала в полном одиночестве в нашей квартире, ожидая, что ты позвонишь мне. Тогда наконец до меня дошло, что я загнала тебя, словно тигра, в клетку, из которой ты никак не можешь вырваться на волю. Я вела себя грубо с твоими друзьями, и с мужчинами, и с женщинами, потому что панически боялась потерять тебя. Тебя, единственного человека на свете, не считая папы и Ма, кто любит меня, как я думала...

Но вот, Сия, я уезжаю. Оставляю тебя на какое-то время одну. Потому что знаю, что ты этого хочешь. А я ведь люблю тебя больше

всех на свете. Хотя, как мне кажется, уже нашелся кто-то другой, кто тоже любит тебя. И, значит, больше я тебе не нужна...

Я подняла глаза и увидела, что уже началась посадка. И тут же неприятно свело живот. Ведь я еще никогда, *ни единого разу*, не летала самолетами без Сии. Она обычно садилась возле окна иллюминатора, а меня всегда сажала посередине, но обязательно рядом с собой. Мечтательница! Она привыкла витать в облаках. А вот я всегда предпочитала обеими ногами прочно стоять на земле. Обычно за двадцать минут до взлета она давала мне таблетку, и я благополучно погружалась в сон, едва усевшись в свое кресло, и больше ничего не боялась.

Я нащупала пальцами наружный кармашек на своем рюкзаке, чтобы достать оттуда кошелек. Я была уверена, что перед тем, как покинуть квартиру, я положила в него таблетки. Но никаких таблеток не оказалось.

Что ж, значит, на сей раз полечу как есть, без таблеток, решила я про себя, продолжая шарить рукой в рюкзаке в поисках паспорта и посадочного талона. Впредь мне придется обходиться без многого, что было в моей жизни раньше. Надо привыкать. Я тронула конверт, в котором лежало письмо Па Солта ко мне, и вытащила его. Конверт заляпан пятнами, крупинками сахара. Видны следы от засохшего варенья, вытекшего из пончика. Как это похоже на меня, подумала я, не скрывая собственного раздражения. Не сумела сберечь чистым даже самое важное, самое главное письмо, которое получила за всю свою жизнь. Стряхнув крупинки сахара с конверта, я достала из него небольшую черно-белую фотографию и уже, наверное, в тысячный раз впиалась в нее пристальным взглядом. Я знала, одного человека, который запечатлен на этой фотографии, уже нет в живых. Зато другой...

Что ж, во всяком случае, в мире есть хоть *кто-то*, кому я принадлежу по праву, по всем, так сказать, правилам. А еще есть мое искусство, моя живопись, тут же поспешила успокоить я себя. Единственное, что никто не сможет у меня отнять.

Я засунула конверт обратно в рюкзак и, поднявшись с места, повесила его себе на плечо. Влилась в вереницу пассажиров, медленно продвигающихся к посадочной полосе. И снова поймала себя на мысли: какого черта я здесь делаю? Почему в одночасье перекроила

все свои планы? Почему бегу прочь? Но ведь признайся же себе самой наконец! Не только Сия боится перемен и не только в ней одной все дело. Уже после нескольких недель в Лондоне я почувствовала прежний непреодолимый зуд в ногах. Мне снова захотелось отправиться странствовать по свету. Я всегда испытывала душевный дискомфорт, если подолгу засиживалась на одном месте. Еще несколько недель могла вытерпеть, а потом... А потом во мне постепенно, но неумолимо нарастал ужас от того, что меня пытаются заарканить, посадить на цепь или, что еще страшнее, запрятать в специальное лечебное учреждение.

Но почему же ты, дура набитая, не подумала об этом раньше? До того, как сунулась в эту свою Академию искусств...

На самом же деле больше всего на свете я люблю тащить свой дом у себя на горбу, все время быть в дороге, чувствовать радостное волнение от того, что не знаешь, где заночуешь на сей раз. Люблю чувствовать себя свободной. Получается, что есть и хорошая сторона во всем том, что случилось со мной за последнее время. Отныне я буду жить именно так: свободной.

И тут же подумала: надо же! Какое роковое стечение обстоятельств... Есть только два места на земле, которых я всячески избегала всю свою жизнь. И вот в одно из них я направляюсь прямо сейчас...

Я миновала вестибюль аэровокзала и, уже вступив на эскалатор, мельком взглянула на постер, рекламирующий какой-то банк. Мысленно попеняла арт-директору, отвечающему за рекламу. У парня явно не хватает воображения. И в это самое мгновение боковым зрением заметила, как мимо меня промелькнуло до боли знакомое лицо. Сердце мое востепенулось, еще немного, и оно готово было вырваться из груди. Я повернулась назад, выгнула шею, стараясь отыскать это лицо в толпе. Но человек уже ушел, а лента эскалатора упрямо тащила меня в противоположную сторону.

Тогда я побежала назад, спотыкаясь, задевая своим рюкзаком других пассажиров, ехавших следом за мной. Но я не обращала внимания ни на кого из них, стараясь побыстрее выбраться из этой толчеи. Вот и конец ленты. Я спрыгнула с эскалатора, развернулась и побежала напрямик через вестибюль, задыхаясь от волнения и под

тяжестью рюкзака. Расталкивая людей, идущих мне навстречу, я как-то добралась до входа в зал ожидания.

Напрягла что есть сил глаза, все еще не теряя надежды увидеть в толпе его. Хотя бы еще один только взгляд! Из громкоговорителя раздалось последнее приглашение пассажирам проследовать на посадку на мой рейс. Поздно! Увы, слишком поздно... Я поняла, что опоздала.

Благодарность

Реализация этого проекта была бы не возможна без доброй помощи многих и многих людей. Я глубоко признательна всем этим людям за то, что они поддержали меня и помогли в столь долгом марафоне, растянувшемся на целых семь романов.

В Озерном крае: моя особая благодарность Энтони Хаттону, владельцу паба «Тоуэр-Бэнк-Армз», в котором часто бывала Беатрикс Поттер, когда жила вблизи деревни Ближний Суррей. Спасибо ему за гостеприимство и за множество увлекательных историй про свою родную деревню. Я также благодарю Алана Брокбэнка, который, несмотря на свои семьдесят пять лет, выкроил свободную минуту, чтобы поговорить со мной о том времени, когда жива еще была сама Беатрикс. Мы буквально животики надорвали от смеха, слушая его забавные и веселые рассказы. Спасибо Кэтрин Притчард, директору Мемориального музея на территории фермы Хилл-Топ, находящегося в ведении Трастового фонда, за ее доскональные сведения о жизни мисс Поттер, которыми она охотно поделилась с нами. Как бы мне хотелось включить в канву своего романа все эти в высшей степени любопытные подробности из жизни Беатрикс, трудившейся до самых последних дней своей жизни. Она была не только заботливой женой, но и рачительным фермером. А еще и писателем, иллюстратором своих книг, исследователем, защитником дикой природы. Она любила животных и была дружна со многими людьми.

Спасибо вам, Маркус Тайерс, владелец книжного магазина «Сент-Мэрис Букс» в Стэмфорде за то, что вы тоже охотно поделились со мной своими доскональными знаниями о том, как именно организована торговля раритетными и старинными книгами. Более того, мистер Тайерс даже назвал мне приблизительную сумму, которую потратил Орландо, выкупая прижизненное издание «Анны Карениной». (Надо сказать, непомерная сумма!)

Я также хотела бы выразить свою благодарность фантастически работоспособной Оливии, моему секретарю и персональному ассистенту. Она одна, под дождем, исходила все горы и болота в Озерном крае в поисках памятника королю Эдуарду VII. Я настаивала,

что такой памятник есть, но, как оказалось, его не было и нет! Я благодарю моих трудолюбивых редакторов Сьюзан Мосс и Эллу Мичеллет, которые помогали мне не только в редактировании текста, но и в проведении всяких разных изысканий. В частности, именно они отыскивали для меня рецепты тех блюд, которые готовила Стар, а также снабдили материалом по культуре общения глухонемых и об английской версии языка жестов.

Я горжусь тем, что числю в своих друзьях издателей, тридцать человек с самых разных уголков света. И среди них, в частности, Кэтрин Ричардс и Джереми Треватен из издательства «Пан Макмиллан», Великобритания, Клавдия Негеле и Георг Рехлейн, издательство «Рэндом-Хаус», Германия. Благодарю всю команду издательства «Каппелен Дэм», Норвегия, в лице Кнута Горвелла, Йорид Матиассен, Пипа Холлена и Марианны Нельсен, а также Аннализу Лоттини и Донателлу Минуто из издательства «Гунчи Эдиторе», Италия. А еще моя благодарность Саре Кантин и Джудит Кэрр из издательства «Атрия» в США.

Процесс написания романа про Стар обернулся для меня сплошным удовольствием. В немалой степени потому, что я впервые смогла работать над романом у себя дома, пользуясь поддержкой всей своей семьи. Они очень скоро научились не обращать на меня внимания, пока я, словно привидение, бродила по дому в любое время дня и ночи, начитывая что-то в диктофон и пытаюсь сплести воедино все сюжетные линии романов про семь сестер. Гарри, Белла, Леонора и Кит, все вы прекрасно знаете, что вы значите для меня. Благодарю и тебя, Стефан, мой муж и бессменный литературный агент. Сколько раз ты приходил мне на помощь, разруливая самые сложные проблемы, возникающие на моем пути. Что бы я делала без тебя? Моя особая благодарность и признательность Жаклин Хеслоп. Именно благодаря ее неустанным усилиям и заботам о всех нас, членах семьи, наш дом Райли-Форт выглядит так достойно. Благодарю свою сестру Джорджию и свою мать Джанет. И конечно, Фло, кому я и посвящаю этот роман. Я скучаю по тебе, моя дорогая Фло.

И наконец, самая искренняя благодарность адресована моим читателям. В 2012 году, когда у меня возникла безумная идея написать серию из семи романов, это казалось практически неподъемным мероприятием. И, конечно, я и подумать не могла о том, что истории

про семь сестер придется по душе такому огромному количеству людей в самых разных уголках мира. Для меня огромное счастье и честь получать от вас письма, как по почте, так и в электронном виде, со словами поддержки и благодарности. Еще большую радость мне доставляют личные встречи с вами, дорогие мои читатели, во время моих многочисленных турне по всему свету. Спасибо вам.

Библиография

Серия романов «Семь сестер» – это беллетристика в чистом виде, но опирающаяся на конкретный исторический материал. Ниже приводится список литературы, проливающей свет на эпоху, в которой разворачивается действие романа, и на характеры персонажей, которую я прочитала и изучила, работая над романом «Семь сестер. Сестра тени».

Munya Andrews, *The Seven Sisters of the Pleiades* (North Melbourne, Victoria: Spinifex Press, 2004)

Susan Denyer, *Beatrix Potter at Home in the Lake District* (London: Frances Lincoln, 2000)

Roy Hattersley, *The Edwardians* (London: Abacus, 2014)

Philippe Jullian and John Phillips, *Violet Trefusis: Life and Letters* (Bristol: Hamish Hamilton, 1976)

Sonia Keppel, *Edwardian Daughter* (London: Hamish Hamilton, 1958)

Raymond Lamont-Brown, *Edward VII's Last Loves: Alice Keppel and Agnes Keyser* (London: Sutton Publishing, 2005)

Linda Lear, *Beatrix Potter: The extraordinary life of a Victorian genius* (London: Penguin, 2008)

Leslie Linder, *A History of the Writings of Beatrix Potter* (London: Frederick Warne, 1971)

Tim Longville, *Gardens of the Lake District* (London: Frances Lincoln, 2007)

Peter Marren, *Britain's Rare Flowers* (London: Academic Press, 1999)

Marta McDowell, *Beatrix Potter's Gardening Life* (London: Timber Press, 2013)

George Plumpton, *The English Country House Garden* (London: Frances Lincoln, 2014)

J. B. Priestley, *The Edwardians* (London: Penguin, 2000)

Jane Ridley, *Bertie: A Life of Edward VII* (London: Chatto & Windus, 2012)

Vita Sackville-West, *The Edwardians* (London: Virago, 2004)

Diana Souhami, *Mrs Keppel and her Daughter* (London: HarperCollins, 1996)

Judy Taylor, *Beatrix Potter: Artist, Storyteller and Countrywoman* (London: Frederick Warne, 1986)

Violet Trefusis, *Don't Look Round* (London: Hamish Hamilton, 1989)

От автора

Когда у меня впервые возникла мысль написать серию романов, посвященных Семи сестрам из созвездия Плеяды, я и понятия не имела, куда может привести меня мой замысел. Просто меня воодушевляло то, что каждая из этих семи мифологических героинь, если опираться на древние легенды, была сильной и по-своему уникальной личностью. В некоторых легендах утверждается, что Семь сестер – это Семь матерей, заселивших нашу землю своими потомками. И действительно, все они, если опять же верить легендам, были удивительно плодовиты! Они родили от многих богов множество детей, а богов, в свою очередь, привлекали в сестрах их сила, красота и некий ореол таинственности, витавший над каждой из них.

И вот мне тоже захотелось воздать должное достижениям и победам женщин, особенно женщин прошлых эпох, которые своими успехами и победами способствовали преобразованию нашего мира в лучшую сторону, хотя сегодня многие их достижения находятся как бы в тени более подробно описанных и документированных побед, одержанных мужчинами.

Однако по своему определению феминизм – это отнюдь не доминирование над сильным полом. Это прежде всего равенство. А потому я описывала и своих современниц, и героинь прошлых лет как женщин, в жизни которых обязательно присутствовали мужчины. Они сами хотели этого присутствия и нуждались в нем. Наверное, мужское и женское – это и есть истинное проявление двуликости природы, стремящейся к равновесию во всем. Ее, так сказать, инь и ян, когда слабости и сила отдельных индивидов примиряются друг с другом.

И конечно же, всем нам нужна любовь, и не обязательно в ее традиционной форме брака и наличия детей. Но любовь, по моему убеждению, – это та сила, тот жизненный источник, без которого все мы, люди, мгновенно завянем и умрем.

В серии моих романов про Семь сестер отражены бесконечные поиски любви всех моих героинь. Они остаются верны своей любви в самых драматичных обстоятельствах, даже тогда, когда любовь сопряжена с потерями и утратами.

Путешествуя по миру в попытке проследить за жизненными перипетиями судеб моих героинь, как вымышленных, так и реальных, я постоянно испытывала чувство восхищения и преклонения перед несгибаемым мужеством, целеустремленностью и настойчивостью тех женщин, которые жили до нас. Они храбро боролись против расовых и сексуальных предрассудков своего времени, они теряли своих возлюбленных на полях сражений, те умирали от тяжелых болезней или отправлялись на другой конец света, чтобы начинать строить там новую жизнь. Именно эти женщины проложили путь мне и моим современницам к истинной свободе мысли и поступков, которой мы располагаем сегодня. И в общем-то, зачастую воспринимаем эти дары как нечто должное и само собой разумеющееся.

Да, к глубокому сожалению, наш мир далек от совершенства. И я сильно сомневаюсь, что когда-нибудь он обретет это совершенство. Ведь впереди всех нас ждут новые вызовы и новые проблемы. Однако я верю всем сердцем, что человечеству и, в частности, его женской составляющей по силам справиться со всеми грядущими вызовами. Ведь все мы, женщины, похожи на многоруких богинь! Вот и я каждый день, когда одной рукой держу ребенка, а второй продолжаю работать над своей рукописью, не забываю, что своей свободой, позволившей мне стать такой, какая я есть, я обязана в первую очередь тем бесчисленным поколениям замечательных женщин, которые завоевали для меня эту свободу. Все они, возможно, и являются сами главными прототипами моих Семи сестер. По сути, они и есть самые настоящие звезды созвездия Плеяды...

Надеюсь, история Стар не оставит вас равнодушными. Зачастую повседневные проявления негромкой, спокойной стойкости духа, доброта, внутренняя сила того или иного человека как бы остаются незамеченными теми, кто находится рядом с таким человеком. Да, Стар не из тех, кто изменяет мир, но она благотворно влияет на жизнь тех людей, которые окружают ее, и делает всех их лучше и добрее. А в процессе творения добра для других в конце концов находит и саму себя.

Люсинда Райли родилась в Ирландии. Она прославилась как актриса театра, но ее жизнь резко изменилась после публикации дебютного романа. Это стало настоящим событием в Великобритании. На сегодняшний день книги Люсинды Райли переведены более чем на **30 языков** и изданы в 40 странах. Совокупный тираж превысил **20 млн экземпляров**.

Люсинда Райли живет с мужем и детьми у моря на юге Англии и во Франции. Она вдохновляется окружающим миром – зелеными лугами, звездным небом и морскими просторами. Это мы видим в ее романах, где герои черпают силы из **повседневного волшебства**, что происходит вокруг нас.

www.Lucindariley.com

www.facebook.com/Lucindarileyauthor

Instagram @lucindariley

notes

1

Перевод Юрия Сапожкова.

2

В Англии, США и некоторых других странах: мера объема жидкостей и сыпучих веществ.

Роман американской писательницы Эдит Уортон (1862–1937).

Речь идет о Второй англо-бурской войне 1899–1902 гг. – превентивной войне бурских республик – Южно-Африканской республики (Республики Трансвааль) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики) против Британской империи, закончившейся победой последней.

5

Моя звездочка (*фр.*).

6

Отмечается 26 декабря.

7

Ваша сестра (*фр.*).